

ВЕСТНИК
Томского государственного университета
2015. № 392. Март

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ
- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY, SOCIAL
AND POLITICAL SCIENCES
- CULTURAL STUDIES
- HISTORY
- LAW
- ECONOMICS
- PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
- EARTH SCIENCES

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
2015. № 392. March

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцуи, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.;
А.А. Глазунов, д-р техн. наук, проф.; **В.И. Голиков**, канд.
ист. наук, доц.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р
пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук,
проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**,
д-р физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **О.М. Краснорядцева**,
д-р психол. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал.
наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома
Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потекаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**,
д-р юрид. наук, проф.; **Г.Н. Прозументова**, д-р пед. наук,
проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слизов**,
канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства
ТГУ; **С.П. Сушенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**,
канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татянин**, канд. геол.-
минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.;
О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**,
д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.;
Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in
Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor;
Ye. Borisov, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in
Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology,
Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor;
V. Golikov, PhD in History, Associate Professor; **A. Gortsev**,
Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of
Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor;
T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr.
of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**,
Dr. of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and
Mathematics, Senior Researcher; **O. Krasnoriadtseva**, Dr. of
Psychology, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and
Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State
University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and
Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of
Law, Professor; **G. Prozumentova**, Dr. of Education, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor;
Yu. Slizhov, PhD in Chemistry, Associate Professor;
V. Sumarokova, Director of TSU Publishing House;
S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor;
G. Tatianin, PhD in Geology and Mineralogy, Associate
Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of
History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor;
E. Shragr, Dr. of Engineering, Professor

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.;
О.М. Краснорядцева, д-р психол. наук, проф.;
Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.; **В.П. Парначев**,
д-р геол.-минер. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**,
д-р юрид. наук, проф.; **Г.Н. Прозументова**, д-р пед. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **V. Zinoviev**, Dr. of
History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor;
S. Kulizhskiy, Dr. of Biology, Professor; **O. Krasnoriadtseva**,
Dr. of Psychology, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology,
Associate Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and
Mineralogy, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
G. Prozumentova, Dr. of Education, Professor; **E. Chernyak**,
Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor

Журнал «Вестник Томского государственного университета»
включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
(http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

- Антошина Е.В.** Роман В.В. Набокова «Подвиг» в контексте проблемы вымысла в критике русской эмиграции 5
- Василенко А.Г.** Функции графически выделенного фрагмента в составе разных повествовательных партитур (на материале повести Ю. Трифонова «Дом на набережной») 15
- Некрасова Е.Д.** Влияние межмодального конфликта на восприятие вербальных стимулов 21
- Понамарева Н.В.** Субъектно-адресатные отношения в раннем немецком прозаическом романе (на материале предисловий) 27
- Рыбушкина С.В.** Ассимиляция иноязычных неологизмов в современном русском языке под влиянием экстралингвистических факторов (на примере компьютерно-опосредованного образовательного дискурса) 34
- Титова Н.С.** Структурные и семантические особенности сочетания НА САМОМ ДЕЛЕ в текстах научных работ М.М. Бахтина 39
- Шастина Т.П.** Шаман в литературном образе советской национальной окраины. Ойротия, 1920–1930-е гг. 43

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

- Гаськова М.И.** Некоторые соображения относительно методологических аспектов в исследовании ценностей в социологии 54
- Копцева Н.П.** Отношение религии и философии как предпосылка обнаружения символов абсолютной истины в священных религиозных текстах 59
- Махаев М.Р.** К вопросу о структуризации проблемного поля аналитической философии метафоры 66
- Мордовина Д.А., Невелева В.С.** Документирование жизненного пути человека: документы о человеке 69
- Помелов В.А., Бредихин С.С.** Компьютерная игра и труд в информационном обществе 73
- Стаховская Ю.М.** Формирование корпоративной культуры сотрудничества – ответ исследовательского университета на вызов сетевого информационно-коммуникативного общества 78
- Яркеев А.В.** Бытие социального в структурах «зловещего»: герменевтический аспект 83

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Мальцева Е.С.** Особенности трактовки цикла «Готическая триада» Р. Макаренко 88
- Рало А.А.** Механические компоненты исполнительского процесса при игре на вибратоне 93

ИСТОРИЯ

- Абсеметов М.О.** К истории создания легендарного автомата Калашникова 98
- Григорьева А.А.** Русско-польские отношения (панславистский контекст) 103

CONTENTS

PHILOLOGY

- Antoshina E.V.** V.V. Nabokov's novel *Glory* in the context of the problem of fantasy in the criticism of Russian emigration 5
- Vasilenko A.G.** Functions of highlighted words in different narrative songs in the narrative *The House on the Embankment* by Yu. Trifonov 15
- Nekrasova E.D.** The influence of intermodal conflict on perception of verbal stimuli 21
- Ponamareva N.V.** Sender-receiver relationship in the Early German prose novel (based on novel introductions) 27
- Rybushkina S.V.** Assimilation of foreign neologisms in the modern Russian language under extra-linguistic influence (on the example of computer-mediated educational discourse) 34
- Titova N.S.** Structural and semantic features of the construction *na samom dele* in the scientific papers of M.M. Bakhtin 39
- Shastina T.P.** A shaman in the literary image of the Soviet national periphery. Oirotia, 1920s–1930s 43

PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

- Gaskova M.I.** Some ideas on methodological aspects of the research of values in sociology 54
- Koptseva N.P.** The relation between philosophy and religion as a premise for discovering symbols of the absolute truth in holy religious texts 59
- Makhaev M.R.** On structuring the problem field of the analytic philosophy of metaphor 66
- Mordovina D.A., Neveleva V.S.** Documentation of human life course: documents about a person 69
- Pomelov V.A., Bredikhin S.S.** Computer game and labor in the information society 73
- Stakhovskaya Yu.M.** Formation of collaborative corporate culture: the response of the research university to the challenge of the network information-communication society 78
- Yarkeev A.V.** The being of the social in the structures of the uncanny: hermeneutical aspect 83

CULTURAL STUDIES

- Maltseva E.S.** Features of R. Makarenko's *Gothic Triad* series interpretation 88
- Ralo A.A.** Mechanical components of the performing process when playing the vibraphone 93

HISTORY

- Absemetov M.O.** On the history of creation of the legendary Kalashnikov 98
- Griroryeva A.A.** Russian-Polish relations (the Pan-Slavist context) 103

Котляр Н.В. Общественные силы для развития региона: исторический опыт Дальнего Востока	107
Кудряшев В.Н. Национальный вопрос в программных установках революционных народников (вторая половина 1880-х – начало 1900-х гг.)	115

Kotlyar N.V. Public forces for the development of the region: the historical experience of the Far East	107
Kudriashev V.N. The national question in the program orientations of revolutionary populists (late 1880s – early 1900s)	115

ПРАВО

Деревянко К.И. Криминологическая характеристика лиц, совершивших преступления на железнодорожном транспорте	120
Колотков М.Б. Концептуальные основы идеологии терроризма в России (вторая половина XIX – начало XX в.)	123

LAW

Derevyanko K.I. Criminological characteristics of persons who committed crimes on railway transport	120
Kolotkov M.B. The conceptual bases of the terrorist ideology in Russia (second part of the 19th – early 20th centuries)	123

ЭКОНОМИКА

Ивасенко А.Г. Земельно-ипотечное кредитование в России: схемы взаимодействия, рефинансирования и секьюритизации	129
Казakov В.В. Европейский опыт разработки и реализации инновационной политики развития экономических систем	138
Никонова Я.И. Компаративный анализ подходов к организации финансирования стратегии инновационного развития национальных экономик за рубежом	145

ECONOMICS

Ivasenko A.G. Land and mortgage lending in Russia: interaction, securitization and refinancing schemes	129
Kazakov V.V. The European experience in the development and implementation of innovative policy of economic system development	138
Nikonova Ya.I. Comparative analysis of approaches to funding the strategy of national economy innovative development abroad	145

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Бочаров А.В., Мещерякова Э.И., Ларионова А.В. Региональные аспекты отношения студенческой молодежи к экстремизму	152
Веденева Е.В., Честюнина Ю.В., Циринг Д.А. Эмоциональный компонент самостоятельности молодых научно-педагогических работников, успешных в научно-педагогической деятельности на разных этапах профессионального становления	161
Зинченко А.В., Леонтьева Е.Г. Инновационные методы обучения в условиях интернационализации образования	167
Кабачкова А.В., Фомченко В.В., Фролова Ю.С. Двигательная активность студенческой молодежи	175
Петрова В.Н., Блинов В.Н. Партнерство в бизнесе: мировой опыт и российский парадокс	179
Пьянзина И.В. Модель управления учебной деятельностью студентов в процессе обучения иностранному языку	183
Соболева А.В., Обдалова О.А. Организация процесса формирования межкультурной компетенции студентов с учетом когнитивных стилей обучающихся	191
Сосуновский В.С. Влияние олимпийского образования на самооценку детей в условиях детского образовательно-оздоровительного лагеря	199

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Bocharov A.V., Meshcheryakova E.I., Larionova A.V. Regional dimensions of young students' attitude to extremism	152
Vedeneva E.V., Chestyunina Yu.V., Tsiring D.A. The emotional component of independence of young academic staff successful in research and education activities at different stages of professional growth	161
Zinchenko A.V., Leontyeva E.G. Innovative teaching methods in the context of internationalization of education	167
Kabachkova A.V., Fomchenko V.V., Frolova Yu.S. Students' physical activity	175
Petrova V.N., Blinov V.N. Partnership in business: world experience and Russian paradox	179
Pyanzina I.V. The model of managing educational activity of students in the process of learning a foreign language	183
Soboleva A.V., Obdalova O.A. Organization of students' intercultural competence formation in view of their cognitive styles	191
Sosunovsky V.S. Effects of the Olympic education on the self-esteem of children in children's educational and health camps	199

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Подобина В.М. Биостратиграфия коньякского яруса Западной Сибири (по данным фораминифер и палеозоогеографии)	202
Радомский С.М., Радомская В.И. Механизм образования сростков минералов самородного золота	209
Харченко С.В. Эффект ориентирования городской застройки в соответствии с экспозицией рельефа и его экологическая роль (на примере крупных городов Черноземья)	215

EARTH SCIENCES

Podobina V.M. The biostratigraphy of the Coniacian stage of Western Siberia (based on foraminifera and paleozoogeography)	202
Radomskiy S.M., Radomskaya V.I. The mechanism of native gold mineral aggregate formation	209
Kharchenko S.V. The effect of topographic orientation in city building and its environmental impact (a case study of Chernozemye cities)	215

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	221
--	-----

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	221
--	-----

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1.09

Е.В. Антошина

РОМАН В.В. НАБОКОВА «ПОДВИГ» В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫМЫСЛА В КРИТИКЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Русские читатели, писатели и критики, оказавшись в эмиграции в начале 1920-х гг., были поставлены перед необходимостью переосмысления многих явлений отечественной словесности. За приятием или отторжением тех или иных произведений литературы стояло предпочтение традиционных для русской культуры XIX в. типов мимесиса и связанных с ними принципов построения сюжета большой прозаической формы. В.В. Набоков был одним из писателей, предпочитавших открытие новых миметических принципов и сюжетных форм.

Ключевые слова: В.В. Набоков; литература русской эмиграции; сюжет; мимесис; русская литература XX в.

Как отмечал в одной из своих статей Д.С. Лихачев, развитие русской литературы можно обозначить как «постепенную борьбу за право на художественную “неправду”» [1. С. 156], или вымысел. В древнерусской литературе, согласно Д.С. Лихачеву, фантастическое и воображаемое трактовалось как ложь. В XVI в., когда вымысел в литературе постепенно становится «легальным», «фантастика долго маскируется изображением бывшего, действительно существовавшего или существующего» [Там же]. В XVI в. в Европе активно подвергается критике античная теория мимесиса. Так, например, в трактате «О поэтике» (1586–1588) Франческо Патрици подвергает критике аристотелевскую теорию мимесиса и отказывается от подражания в пользу «поэтического вдохновения» (*figore poetico*). Патрици, как и другие теоретики этого времени, использует термин «изумление» (*meraviglia*). Источником изумления является «неполное знание о предмете; выход за пределы привычного горизонта познаний» [2. С. 22]. История как нечто описанное и, таким образом, познанное здесь уже не является источником сюжета. *Figore poetico* позволяет поэту выйти в пространство непознанного и потому изумляющего. В то же время *figore poetico* становится инструментом познания. Сюжет, изумляющий читателя, призван создать новое качество восприятия окружающего мира. Это небольшое сопоставление показывает различия в представлениях о природе и статусе художественного вымысла в русской и европейской словесности. Эти различия неизбежно обнаружились, когда литература Зарубежной России через 400 лет, в первой четверти XX в., оказалась «вброшенной» в европейский культурный и литературный контекст, что породило волну рефлексии как со стороны теоретиков литературы и искусства, так и со стороны читателей и авторов.

Критики и литературоведы эмиграции внесли свой вклад в переосмысление истории русской литературы. К середине 1920-х гг. появилась написанная в Лондоне монография Д.П. Святополк-Мирского «История русской литературы с древнейших времен по 1925 год». Эта книга представляет собой интерес как опыт рефлексии по поводу судеб русской литературы от ее истоков до тех времен, очевидцем которых яв-

лялся автор. Многие из его суждений и оценок вошли в культурное сознание эмиграции, определили собой отношение к тем или иным фактам истории русской литературы. К интересующим нас понятиям Святополк-Мирский обращается, говоря о русской литературе середины XIX в., когда начинается, с точки зрения автора, глубокий кризис русской словесности. В своих рассуждениях о литературе 1850-х гг. Д.П. Святополк-Мирский использует понятие «форма», отмечая его принадлежность дискуссии «чистого искусства»: «Великие русские романисты (имеются в виду Толстой и Достоевский. – Е.А.) были величайшими мастерами своего дела, даже те из них, кто, как Толстой, всячески скрывал это и делал вид, что презирает “форму”. Но они действительно скрывали и делали вид, что презирают “форму”. Как бы то ни было, читателю внушалось, что важно то, что они хотят сказать, а никак не их искусство. Критики пошли еще дальше и попросту отождествили ценность литературного произведения с моральной или социальной полезностью его идеи. Они “объявили войну эстетизму” и заклеили всякий интерес к “чистому искусству”» [3]. Возвращение к «форме» как определяющему принципу искусства произошло только в 90-е гг. XX в.: «У интеллигенции не было живого чувства формы, не было художественной культуры. Существовало, конечно, небольшое число эстетически развитых людей, но они были безнадежными консерваторами. Их нельзя было пронять новыми впечатлениями, они только пережевывали старую жвачку идеалистической эстетики. Эстетические пионеры девяностых годов были, напротив, и подлинно культурными, и открыто революционными. Им предстояло исполнить две задачи: восстановить связь со старым искусством и проложить дорогу искусству современному» [3].

Термин, который использует Д.П. Святополк-Мирский («форма»), в 1910–1920-е гг. был очень популярен в литературоведении и употреблялся в нескольких значениях. Д.П. Святополк-Мирский в своих статьях и «Истории русской литературы...» использует его таким образом, что он соотносится с несколькими контекстами. В некоторых случаях употребление им термина «форма» по своему значению

приближается к теоретическим понятиям формальной школы критики. Теоретики формальной школы критики опирались, как отмечает в своей монографии О.А. Ханзен-Лёве [4], на труды Аристотеля, однако понятие мимесиса интересовало их в меньшей степени: «Так, русских формалистов интересовала не столько теория мимесиса, сколько... признание конструктивной автономии поэзии и следующей за этим необходимости имманентного анализа, который бы разбирал, подобно логике и риторике, поэтические произведения, в их целостности и цельности, на предмет соответствующих технических приемов» [4. С. 17]. Аристотель анализирует воздействие художественного произведения на сознание зрителей, а также и структуру самого произведения с точки зрения его целостности и внутренне обоснованной логики применения технических приемов. О.А. Ханзен-Лёве отмечает, что такой подход заставляет Аристотеля, а за ним и формалистов, игнорировать вымысел. Наличие вымысла на уровне сюжета воспринималось как нечто нежелательное, ведь, с точки зрения формалистов, литература эволюционирует от вымысла к факту.

Однако полностью отождествить употребление термина «форма» у формалистов и Святополк-Мирского невозможно, так как Святополк-Мирский рассматривает литературу не только как формальный эксперимент и эволюцию стилей. Например, рассуждая о Дельвиге, он приходит к выводу о том, что его поэзия, несмотря на мастерство, «не имеет того общечеловеческого значения, которое в конце концов только одно и делает поэзию великой» [3]. Формальный эксперимент для Святополк-Мирского обретает ценность в том случае, когда произведение словесного искусства производит впечатление как сплав стилистических достоинств и метафизики, а также сострадания, которые соединяются в поэтическом пророчестве.

Святополк-Мирский начинал свою деятельность критика в 1910-е гг. в Петербурге, посещая такие литературные кружки, как «Общество свободной эстетики», где он встречал В. Жирмунского и О. Мандельштама, «Ателье поэтов» Н. Гумилева, «Академия поэтов» Вяч. Иванова [5. С. 209]. Апология «чистого искусства» в контексте символистской критики позволяет говорить о свободном вымысле и его значении в произведении словесности, но только в случае, когда вымысел способствует выражению метафизических прозрений.

Как и его современник В. Вейдле, Святополк-Мирский, говоря о «форме», отчасти подразумевал под этим термином также и «вымысел», однако стремился «оправдать» необходимость вымысла в искусстве его метафизической природой (В. Вейдле говорил о религиозном начале искусства). Таким образом, позиция Святополк-Мирского как критика представляет собой сочетание идей символистской критики и идей формальной школы. Ни тот ни другой подход не позволял ему говорить о творчестве В.В. Набокова, так как формальные эксперименты в духе футуристов писателя не привлекали в той же степени, что и «метафизика». Тем не менее суждения Святополк-

Мирского, как и В. Ходасевича, о Набокове строятся на эксплуатации идей формальной школы: «Любимый его писатель Стерн, и на примере Тристрама Шенди он продемонстрировал два своих любимых явления: “игру с сюжетом” и “обнажение приема” [3]. Вымысел и «прием» имеют по сути мало общего, так как для представителей формальной школы «обнажение приема» и «игра с сюжетом» были принципами обработки фактов реальности, как им казалось, в факты литературы. Вымысел принципиально не обусловлен реальностью, так как само понятие «реальность» (и «факт») для писателя, работающего в логике вымысла, глубоко проблематично: «Для воображения действительность это еще не все, а для действительности воображение это почти ничто» [6. С. 171].

Вымысел как таковой оказался достаточно проблематичным для осмысления понятия для историков и теоретиков литературы и культуры русской эмиграции. Осторожную рефлексию на данную тему можно обнаружить в книге В. Вейдле «Безымянная страна», где автор вспоминает о России, о Петербурге и polemизирует с Ф.М. Достоевским, который отказывал городу в «подлинности», сравнивая его с Москвой. Защищая Петербург, Вейдле противопоставляет «правде» миметически ориентированную природу города: «Правда, а не выдумка. И все же нет Петербурга, не тот он Петербург, если не двоятся он, если не в тот же он миг и действительность, и мечта; и твердо на сваях стоит, и рассеивается миражем» [7. С. 15]. Способность Петербурга исчезать и появляться вновь, «мерцать» в неопределенности постоянно обновляющихся смыслов воспринимается В. Вейдле как черта европейская. Петербург соотносится с Россией, «чья родина Европа», и Вейдле мечтает о возрождении именно этой России. В этой книге, на наш взгляд, в большей степени, чем в собственно теоретических работах, В. Вейдле удалось подойти к определению понятия «вымысел», выйдя за рамки влияния символистской критики и собственных идей о религиозной природе искусства. Пугавшая Гоголя, Достоевского, Белого способность Петербурга «рассеиваться миражем» у Вейдле понята по-новому, как свойство реальности представлять в виде набора вариаций, ни одна из которых не является доминирующей, но все представляют «потенциальные версии». К сожалению, эти идеи В. Вейдле не получили дальнейшего развития. Тем не менее вымысел был одной из тем его теоретической рефлексии.

Об угасании вымысла в литературе В. Вейдле писал в работе 1937 г. «Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества». Он рассматривал процесс исчезновения вымысла в литературе в широком контексте новейшей европейской культуры. Фактором, повлиявшим в большой степени на угасание вымысла в литературе, является психоанализ. «Художественное произведение, – писал Вейдле, – согласно психоанализу, существует для того, чтобы в скрытой форме дать выход тайным желаниям автора, отождествляющего себя со своим героем; исследователю остается героя и автора разоблачить, показать истинную пружину, пускающую в ход обоих и в конеч-

ном счете общую для всех. Но в том-то и дело, что на составные части такого рода разлагается без остатка лишь мнимое художественное произведение» [8. С. 26]. В данном случае психоанализ противопоставляется религиозному началу творчества, которое предполагает контакт с Богом. Психоанализ превращает сакральный процесс в шаблонно-механистическое извлечение «содержания» бессознательного.

В. Вейдле высказывался о природе вымысла и в более поздних работах. Это статьи «О смысле мимесиса» и «О двух искусствах: вымысла и слова». В более ранней статье «О смысле мимесиса» (1962) Вейдле, ссылаясь на исследование Г. Коллера, пытается вывести понятие «мимесис» за рамки традиционного использования его в значении «подражание». Для Вейдле наиболее значимой является мысль о том, что «Первоначально мимесис был языком *dromenon*, священного действия, и как таковой был всем одновременно: представлением и выражением, танцем и жестом, ритмом, словом и мелодией» [9. С. 333]. Вейдле склонен рассматривать мимесис как основу всех искусств и в целом как процесс объективации внутреннего содержания во внешних формах. Тот факт, что этот процесс носил изначально сакральный характер и был связан с культом, возвращает Вейдле к его любимой мысли о религиозной природе искусства. Статья 1970 г. «О двух искусствах: вымысла и слова» носит отчетливо полемический характер, замечательно при этом, что Вейдле полемизирует с критикой 1860-х гг. и советским литературоведением в лице Л.И. Тимофеева как автора «Основ теории литературы».

Понятие вымысла со времен «Поэтики» Аристотеля традиционно трактуется как подражание в слове и действии природе или истории с целью изображения того, чего не было, но могло бы быть. Однако, сопоставляя представления Аристотеля, Платона и других мыслителей Античности и раннего христианства, можно обнаружить расхождения в оценке вымысла и его роли в процессе мимесиса.

Рассматривая проблему мимесиса в трактате Платона «Государство», Е.А. Маковецкий [10] выделяет представления Платона о мнимости и справедливости. С одной стороны, подражание, удвоение в платоновском космосе – «это открытие, это путь к истине, это разворачивание мира поэзисом мастера» [Там же. С. 59]. С другой стороны, мимесис у Платона показан иронически, так как «бессмысленное удвоение», в котором не нуждаются философы и жители идеального государства, необходимо детям и «не очень умным людям», которые только с помощью подражаний способны открыть для себя космический поэзис. Мимесис в данном случае является основой воспитания как уподобления идее справедливости. Существование мимесиса оправдано, несмотря на иронию: «В открытом мире поэзиса ирония подражания, стало быть, неизбежна. И это не насмешка над нелепыми художниками мудреца-философа, это именно ирония, знак общей судьбы того и другого, еще радость знания бытия блага, где никакого несовершенства нет, и нет, стало быть, никакой разницы между идеями, вещами и призраками» [10. С. 61]. Это «высокий мимесис»,

ведущий к постижению космической гармонии, но существует и «низкий мимесис».

В случае, когда справедливость не является законом мимесиса, миметические образы отвергаются как порождения ложного мимесиса. Так в «Государстве» Платона отвергается трагедия, поскольку в ней несправедливо изображены боги, гении, герои, мертвые и живые, а в музыке отвергаются два из четырех ладов, ионийский и лидийский [Там же. С. 66]. Таким образом, мимесис порождает множество миров, как истинных, так и ложных, и поэтому нуждается в контроле со стороны «идеального государства».

Если для Платона справедливость и уподобление ей в процессе «высокого мимесиса» – это способ избежать растождествления, к которому приводит «низкий мимесис», порождающий ложные подобию, не отражающие истину, то для Аристотеля подражание создает событие: «Представ законченным, т.е. достигшим цели, и единым, событие или действие может быть рассмотрено с точки зрения его природы, а значит, с точки зрения его действительности» [11. С. 14]. Придавая форму нерасчлененному потоку реальности, искусство постигает природу события и осуществляет само себя, формируя сюжет, к такому выводу приходит Е. Алымова в процитированной статье.

Еще одним источником представлений о мимесисе является христианство, которое создало современные представления о творчестве. Подражание, уподобление запредельному, т.е. Богу, отсутствующему в мире, рассматривалось ранними богословами как «фундаментальный принцип и основание возможности сущего» [12. С. 117].

Вымысел можно рассматривать так же, как производную миметической функции, заложенной в языке и мышлении и наиболее полно раскрывающейся в поэзии. По мнению Д.У. Орлова, наличие миметической функции языка, связанной с необходимостью повествования о невоспроизводимом, «задает тот характерный параметр поэтической речи, который освобождает ее от необходимости жестко соответствовать последовательности вещей и линейным связям между ними» [6. С. 173]. Таким образом, поэтическая речь, порожденная вымыслом поэта, теряет свою конкретность и предстает как описание ускользающего смыслового поля, лишённого центра, некоего набора возможностей для понимания. Для более полного понимания сути мимесиса необходимо ответить на вопрос, который задает в своей статье Д.Ю. Орлов: «... миметическое событие руководствуется предварительно нанесенной на заданную карту значений разметкой мест, то есть оно получает образец для подражания из наличного круга сущего, или оно само дает себе предмет, творит его буквально на глазах и является частью поэзиса?» [Там же. С. 178]. Как отмечает Д.Ю. Орлов, «если для Аристотеля обратная сторона вещей первично присутствует в их явленной сущности, но присутствует через реализацию могуществом поэзиса в том числе того, что “могло бы быть”, то для Платона она остается целиком присвоенной полем деятельности божественного демиурга» [Там же].

В задачи данной работы не входит рассмотрение исторических путей формирования представлений о сущности мимесиса в поле русской культуры и литературы. Однако, на наш взгляд, не будет преувеличением сказать, что в период расцвета русской литературы во второй половине XIX в. доминирует христианское представление о вымысле и, соответственно, мимесисе. Также можно говорить о наличии «платоновского» следа в различении «высокого» и «низкого» мимесиса. Эти представления оказались чрезвычайно стойкими. Соответствующие суждения об искусстве воспроизводились в неизменном виде и в первой трети XX в. В своей книге воспоминаний «Багаж» композитор Н. Набоков, двоюродный брат писателя, рассказывая о вечерах в берлинском доме старших Набоковых, Владимира Дмитриевича и Елены Ивановны, упоминает эпизод, когда гостями дома оказались К.С. Станиславский и О.Л. Книппер-Чехова. Интересна приведенная им реплика О.Л. Книппер-Чеховой: «“Знаете, что ответил Толстой, когда иностранный гость осведомился у него, в чем основное отличие русской литературы от всех прочих?” – как-то спросила она. – Толстой без промедления заявил “Мы здесь прежде всего печемся о правде, тогда как вы часто о ней забываете”». Именно в этом и заключается сила чеховских драм, – продолжала Ольга Леонардовна. – Чехов избегает преувеличений, нарочитых подчеркиваний, он изображает жизнь такой, какова она есть, со всей доступной правдой» [13. С. 132]. В приведенном суждении Книппер-Чеховой имена Толстого и Чехова непосредственно соединены с понятием «правда». Оно обретает свой смысл либо в контексте христианского мимесиса, построенного на подражании Творцу, либо в контексте рассуждений Платона о «высоком мимесисе», который дает образы космической гармонии в соответствии с принципом справедливости. И в том и в другом случае вымысел обретает статус утвержденной истины, т.е. факта.

Многие «кумиры» довоенной России были разрушены и переосмыслены только в эмиграции. В частности, такому переосмыслению подверглась и русская литература, особенно та ее часть, которая претендовала на обладание истиной факта. В этом отношении показательны, например, пражские сборники 1929, 1933 и 1936 гг. «О Достоевском», выходявшие под редакцией А.Л. Бема. Так, в сборнике 1929 г. помещена статья Н.Е. Осипова «Двойник. Петербургская поэма Ф.М. Достоевского» с подзаголовком «заметки психиатра». Начало статьи чрезвычайно характерно для периода переоценки ценностей: «Ф.М. Достоевский называет свое произведение “Двойник” “совершенно правдивой историей”. Как понимать правду этой поэмы Достоевского? Прежде всего это правда психиатрическая» [14. С. 174].

Однако далеко не всегда теоретики русской культуры и литературы в эмиграции проявляли готовность к переосмыслению понятия «вымысел». Так, например, П.М. Бицилли в статье «Пушкин и проблема чистой поэзии», написанной в начале 1940-х гг., вступает в полемику с современными ему западными лите-

ратуроведами, настаивая на том, что «чистая поэзия» бессодержательна. В частности, Бицилли отвергает идеи Флобера, изложенные одним из его исследователей, о возможности написания книги без сюжета, способной, благодаря совершенству стиля, доставить удовольствие вне зависимости от того, о чем в ней говорится: «В чем же, однако, это совершенство, эта притягательная мощь, это обаяние стиля, если произведение художественного слова не говорит ни о чем? Я уже оставляю в стороне это бьющее в глаза смешение бессюжетности и бессодержательности» [15. С. 141]. Образцом простоты и художественной правды для Бицилли выступает поэзия А.С. Пушкина: «Обратимся еще раз к некоторым из тех произведений пушкинской лирики, о которых шла речь выше, “На холмах Грузии...”, “Я вас любил...” и др. произведений, на поверхностный только взгляд “бессодержательных”. Можно ли утверждать, что они не говорят ни о чем? Напротив, в них сказано более, чем это кажется читателю, ищущему в лирических стихотворениях выражения “глубоких мыслей” или “сильных страстей”» [Там же]. Говоря в данном случае о «чистой поэзии», Бицилли затрагивает, на наш взгляд, проблему восприятия вымысла, который мог быть оправдан, в логике платоновского мимесиса, только своей причастностью к истине.

Различение «литературы вымысла» и «литературы факта» было присуще не только критикам эмиграции, но и читателям произведений новой литературы. Если проанализировать некоторые суждения в адрес произведений В.В. Набокова, собранные в книге Н. Мельникова «Портрет без сходства. Владимир Набоков в письмах и дневниках современников», то можно сделать вывод о решительном предпочтении «литературы факта». Камнем преткновения достаточно часто являлось наличие в произведениях Набокова запоминающегося, простроенного сюжета. Осмелимся предположить, что если бы Набоков писал бессюжетную «орнаментальную прозу», негативных откликов в его адрес было бы меньше. Наличие отчетливого сюжета однозначно предполагало для читателя опору на «факты» (чем бы они ни являлись, от реальных воспоминаний до социально одобряемых идеологических построений и данных психоанализа). Поэтому попытки Набокова-Сирина представить литературу вымысла воспринимались в широком диапазоне от «жонглерских ухищрений жеманного иностранца» [16. С. 35] до суждений более весомых; так, например, в 1953 г. Владимир Марков писал Глебу Струве: «Он тонкий рационалист, а хочет быть мистиком, лезет в бездны, хочет осуществить трансцендент, а ломится не в ту дверь, даже и не замечая этого. Отсюда фальшь» [Там же. С. 67]. Можно согласиться с Владимиром Марковым в том, что природа вымысла у Набокова рациональна, однако желание «осуществить трансцендент» приписать ему невозможно в силу того, что вымысел, в отличие от факта, является самодостаточным явлением, если понимать его в логике «миметического события», как процесс порождения множественных смысловых возможностей.

Одним из романов, в которых ярко проявилось стремление Набокова снова и снова создавать миры в

логике «литературы вымысла», к которой его современники относились с большим недоверием, является роман «Подвиг» (1931). Как и большинство ранних романов Набокова, «Подвиг» отличается несколько насильственно нагнетаемой атмосферой мерцающего в своей чудесной неопределенности мира. Сюжет, в логике «миметического события», выявляется в сменяющихся друг друга картинах, чей очевидный смысл снова и снова разрушается. Критики восприняли роман Набокова достаточно стереотипно. Георгий Адамович писал: «...этот роман, бесспорно, талантливый, представляет собой апофеоз и предел “описательства”, за которым зияет пустота. Ни страстей, ни мыслей...» [17. С. 92]. Особое раздражение критика вызвал эпизод отъезда главного героя в Советскую Россию, так как, по мнению Адамовича, в романе В.В. Набокова отсутствует должная оценка этого события. Не только Адамович, но и другие критики считали бесспорным фактом, что Мартын Эдельвейс перешел именно советскую границу. В атмосфере эмиграции начала 1930-х гг. сюжет о переходе границы не мог восприниматься иначе, как переход границы с Советской Россией. Этот сюжет воспринимался очень остро, с одной стороны, и сочувственно – с другой.

В своей книге «Незамеченное поколение» В.С. Варшавский писал о трагических судьбах молодых эмигрантов, которые вступали в профашистские организации солидаристов и младороссов: «Настоящие герои повести эмигрантских сыновей... безвестные юноши, которых посылали в Россию боевая организация солидаристов, и те младороссы и “беспартийные” молодые эмигранты, которые шли в движение Сопrotивления и в “Войска свободной Франции”». Их подвиг и смерть свидетельствуют о том, что в эмиграции не иссякли глубинные источники русской духовной жизни» [18. С. 81]. Задачей тех, кто переходил границу, была агитационная работа, солидаристы предполагали, что спасением для России станет христианский тоталитаризм. Идеи солидаристов и младороссов подвергались критике, однако для молодых эмигрантов участие в деятельности этих организаций означало приобщение к христианству, что, в свою очередь, оценивалось очень положительно.

В этом контексте и название романа Набокова, и в целом сюжет выглядели провокативно. Не случайно критиков раздражало отсутствие у Мартына отчетливой цели, ведь они неизбежно «подставляли» на место героя самоотверженного наследника «русских мальчиков». Мартын объясняет Дарвину свое намерение следующим образом: «Дело в том, что я собираюсь нелегально перейти из Латвии в Россию, да, на двадцать четыре часа, и затем обратно» [19. С. 292], чем приводит Дарвина в недоумение. Набоков как автор сделал все, чтобы все предположения, касающиеся истинных целей Мартына, оказались ложными. «Подвигом» поступок Мартына называет отец Сони Зилановой, это определение звучит всего один раз. Зиланов, как и его друг, Грузинов, связаны таинственными перемещениями в сторону Советской России, что может свидетельствовать об их причастности названным организациям. Однако ни Зиланов, ни Грузинов

никогда не рассказывают о своих походах, попытка Мартына поговорить с Грузиновым оканчивается разочарованием, возможно, это происходит потому, что путь Мартына лежит в какие-то иные пространства, о которых Грузинов ничего сообщить не может. И несмотря на то, что Дарвин предполагает, что Мартын собирается заняться шпионажем на территории Советской России, его предположения ни на чем не основаны.

Среди других героев романа, с которыми Мартын встречается перед отъездом, только безумная Ирина чувствует, что он больше не вернется, и плачет. Ирина пострадала во время бегства семьи из революционной России, поэтому естественной кажется мысль о том, что она чувствует, куда отправляется Мартын. Но в мире романов В.В. Набокова безумие не дает способности предвидения, оно воспринимается как болезненное состояние ума. Человек с поврежденным рассудком лишен также и воображения, поэтому предчувствие Ирины можно воспринимать как ложное.

Весь сюжет романа строится из эпизодов, вызывающих яркие впечатления, с одной стороны, и лишенных «привязки» к какой бы то ни было единственной «правде», с другой стороны. Сюжетные ходы, которые, казалось бы, ведут к разгадке истинных намерений героя, разрешаются переходом к следующему эпизоду, сохраняя недосказанность предыдущего. Такое построение сюжета действительно не было типичным для классической русской литературы. Нельзя сказать, что здесь автор использовал христианский или платоновский типы мимесиса с их стремлением к оправданию вымысла утверждением высшей истины. Тем не менее Набоков строил свой роман во внешнем соответствии с классическими образцами. На наш взгляд, он не стремился нарочито опровергнуть канон русского романа с присущим ему миметическим типом, но пытался «вырастить» на его почве новый роман, используя иные миметические принципы и решая другие сюжетные задачи.

«Подвиг» начинается, в соответствии с канонами русского классического романа, с описания происхождения героя. Его дедушка Эдельвейс оказывается швейцарцем, и это обстоятельство разрушает привычную схему истории героя, так как иностранец, приехавший в Россию как учитель детей помещика Индрикова, не имеет своей истории, которую мог бы передать «в наследство» внуку. Поэтому дедушка ассоциируется у Мартына с альпийским цветком, который он видел в гербариях. Засушенный безвестный цветок дополняет образ дедушки (чье имя не называется), так же как и его фотографии, которые воспроизводят сцены давно исчезнувшей жизни. Это «остановленное» прошлое, в котором обитает «пациент» фотографа. Оно является миром, близким смерти, и исчезает в огне, когда альбом с фотографиями сгорает. Усадьба вместе с альбомом, где хранились фотографии дедушки, сгорает во время революции. Однако еще при жизни дедушка Эдельвейс сидит неподвижно в тени липы, глядя на часы, таким его вспоминает внук. Дедушка Эдельвейс принадлежит одному из вариантов реальности, в котором время практи-

чески остановилось, нарастающая неподвижность прошлого зафиксирована снимками. Дедушка еще при жизни практически становится призраком. «Прозрачный» вариант существования поглощается огнем. В данном случае огонь не воспринимается как знак возмездия, однако в поздних романах В.В. Набокова, таких как «Лолита» (1953) и «Прозрачные вещи» (1972), в огне исчезают наиболее ущербные варианты реальности.

Еще одним из «остановленных» вариантов реальности является картина. В сюжетах рассказов и романов В.В. Набокова опасным источником «посетителей», которыми одержимы герои, являются не картины, а кинематограф (роман «Камера обскура», 1931). Картины представляют опасность другого рода, они соблазнительны своей красотой и гармонией. Однако если герой пытается войти в картину, то оказывается в пространстве небытия (рассказ «Венецианка», 1924). В романе «Подвиг» картинка неназванным способом выходит за границы своей рамы.

Картинка является частью «наследства», оставленного герою предками, несмотря на то что, по причине англофобии его матери, знакомство Мартына с русской культурой, в частности русской сказкой, не состоялось. Однако герою удалось «уберечь» от матери собственный вход в сказочную реальность – акварельную картинку, написанную бабушкой Индриковой. Картинка, написанная бабушкой Мартына («густой лес и уходящая вглубь витая тропинка»), висит в его детской комнате, и, засыпая, он мечтает войти в нее. Пространство, изображенное на картинке, обнаруживается только в конце романа. Лес и тропинка располагаются рядом с домом отца Мартына в Швейцарии. Дарвин, друг Мартына, приезжает туда, чтобы известить его мать об исчезновении сына, и, идя по лесу, совершенно не подозревает о том, где находится: «Дарвин прислушался и почему-то покачал головой. ...Воздух был тусклый, через тропу местами пролегли корни, черная хвоя иногда задевала за плечо, темная тропа вилась между стволов, живописно и таинственно» [19. С. 296]. Происходит смешение пространства картинке с пространством, которое герои считают реальным. Помимо этого происходит разрушение возможного сюжетного хода, традиционного в большей степени для литературы романтизма, когда герой совершает переход в параллельный мир. В логике романтического мотива в картину должен был войти Мартын, но в романе Набокова мотив вхождения в картину разрушается. «Внутри» оказывается другой персонаж, которого можно было бы в какой-то степени считать заместителем Мартына, так как он на какой-то промежуток времени «замещает» Мартына рядом с Соней Зилановой. Однако Соня предпочитает Дарвина писателя Бубнова, которого также затем оставляет.

Наложение в одном пространстве нескольких вариантов реальности характерно для романов В.В. Набокова. Эти реальности этически и эстетически ориентированы по противоположным векторам. Количество таких вариантов велико, присутствуют как полярно различные формы, так и гибридные, и

пародийные. Несмотря на то что наиболее ущербные варианты в большей степени подвержены самоуничтожению (например, с помощью огня), все варианты исчезают и возобновляются вновь. Источником подобного типа вымысла может являться волшебная сказка, однако не в том варианте, в каком русские сказки были представлены, например, в собрании А.Н. Афанасьева. В.В. Набоков был современником Русских сезонов, Русского балета. Русская сказка занимала достаточно значимое место в спектаклях, поставленных в балетной компании С.П. Дягилева. Отметим спектакль 1910 г. «Жар-птица» на музыку И. Стравинского с хореографией М. Фокина и декорациями Л. Бакста. Наиболее близким по времени к написанию романа «Подвиг» было представление в Парижской опере в 1926 г. Балет «Жар-птица» оказал достаточно сильное влияние на эмиграцию, став даже в каком-то смысле ее символом. Название «Жар-птица» носил один из наиболее выдающихся журналов эмиграции, который выходил в Берлине, затем в Париже в 1921–1926 гг. В журнале «Жар-птица» размещались статьи по искусству, а также рассказы и стихотворения.

В.В. Набоков неоднократно печатался в этом журнале. В рождественском № 4/5 журнала за 1921 г. было помещено его стихотворение «Перо», навеянное мотивами волшебной сказки. Среди сказочных образов стихотворения присутствуют перо Жар-птицы и Кошей, в чьем царстве птица обитает. В балете И. Стравинского Иван-царевич проникает в Кошеево царство и ловит там Жар-птицу. Балет «Жар-птица» интересен тем, что реальность Кошеева царства в нем сосуществует с реальностью Жар-птицы, которая в конце помогает это царство разрушить. Однако до появления Ивана-царевича Жар-птица и Кошеево царство существуют в одном пространстве как равноправные варианты реальности.

Уже в следующем балете И. Стравинского, «Петрушка» (1911), где также сильны русские мотивы, герой представлен в традициях прозы Э.Т.А. Гофмана и Н.В. Гоголя, он одержим чужой злой волей, которой не в силах сопротивляться, оставаясь куклой. Мотивы одержимости присутствуют и в других близких по времени балетах, таких как «Видение розы» и «Послеполуденный отдых фавна». Поэтому «Жар-птица» стоит несколько особняком и представляет собой интересный вариант сюжетного решения. Мотив одержимости присутствует также и в романе «Подвиг». Герои попадают в зависимость от Сони. Мартын зависим от нее скорее в отрицательном смысле, так как она его не любит. Однако именно вместе с Соней он придумывает Зоорландию, ее законы и обычаи. Позже рассказ о Зоорландии пишет увлеченный Соней писатель Бубнов, что вызывает досаду Мартына. Очарованный Соней, Мартын решает проникнуть в Зоорландию, чтобы рассказать ей о своей «экспедиции»: «Войдя к ней в комнату, он сказал, торопясь это выговорить, покамест еще не попал под знакомое опустошительное влияние ее тусклых глаз: “Так-так, я когда-нибудь вернусь и тогда, вот тогда...” “Ничего никогда не будет”, – воскликнула она тоном пушкинской Наины» [19. С. 258]. Одержим

мость Соне, тем не менее, не становится для Мартына определяющим событием в жизни, так как ему удается отправиться в свое путешествие.

Одной из примечательных черт героя «Подвига» является способность распознавать условность и относительность любых «чар», исходят ли они от человека, места или произведения искусства. Так, будучи еще очень юным, во время отъезда из России в эмиграцию, он увлекается петербургской поэтессой Аллой Черношвитовой. Алла является для Мартына живым «фоном» для романтических мечтаний ввиду афинских пейзажей, поэтому ее вульгарность не оставляет неприятного следа. В самом начале их знакомства он отмечает, что эпитет, выбранный Аллой для описания Константинополя, «аметистовый», не соответствует реальности. Алла не чувствует истинной многомерности мира. Ее поэзия – это скорее стилизация «чудес», в то время как Мартын видит множество потенциальных вариантов мира, каждый из которых вполне реален и наделен неповторимыми чертами. В результате ее поэзия и стиль «роковой женщины» оставляют Мартына равнодушным, несмотря на то что их роман развивается. Образ Аллы Черношвитовой отражает в миниатюре ту реальность, с которой взаимодействует герой. Вульгарная и бездарная как поэт жена деловитого мужа, с которым она находит полное взаимопонимание, она, тем не менее, несет в себе некие проблески прекрасного и чудесного. «Кошечье царство» и реальность Жар-птицы наслаиваются друг на друга, отчего возникает впечатление их тесной взаимосвязи.

Сосуществование реальностей порочных, ущербных, преступных, а также прекрасных и чудесных вызывает отталкивающее впечатление. Такое, например, какое возникает у Мартына при встрече с Бубновым, к которому его приводит ревность и любопытство, так как именно Бубнов является автором рассказа о Зоорландии, который Мартын считает неудачным и фальшивым. Бубнов показан как тщеславный литератор, его анонимный отзыв о любви к Соне Зилановой наполнен фальшивой риторикой, в то же время Бубнов своеобразно воспользовался посещением Мартына: «Через несколько дней (уже в Латвии) Мартын нашел в русской газете новую бубновскую “новеллу”, на сей раз превосходную, и там у героя немца был Мартынов галстук, бледно-серый в розовую полоску, который Бубнов, казавшийся столь поглощенным горем, украл, как очень ловкий вор, одной рукой вынимающий у человека часы, пока другою вытирает слезы» [19. С. 289]. Жизнь Мартына наполнена подобными впечатлениями, иногда они выстраиваются в каскады, подобно гэгам раннего кинематографа. Реакция Мартына, пребывающего в пестром потоке разнородных событий, простирается в диапазоне от внутренней отстраненности до любопытства. Иногда он достраивает элементы реальности, например, отплывая из России, он думает о Лиде так, как если бы любил ее.

Еще одной реакцией героя на смешение и смешение реальностей является изумление. Так, например, однажды ночью в Крыму Мартын встречает человека

с револьвером, который пытается поставить его «к стенке». Через некоторое время Мартын узнает его в Аркадии Петровиче Зарянском, актере-любителе и пьянице. Упомянутый револьвер оказывается с пустым барабаном. Таким образом, весь эпизод предстает в трагикомических тонах. В данном случае представлен пародийный вариант реальности, что герою не сразу удается распознать.

Однако в большей степени Мартын близок к образу Жар-птицы, отстраненной и одинаково принимающей разные варианты реальности. Разумеется, эта ассоциация не является единственной. Так, американский исследователь Irene Masing-Delic в статье «Martin Edelweiss's quest for glory, guided by Prospero and other wizards» [20], упоминая о традиции толкования «Подвига» как классического романа (более ранней), а также о традиции толкования романа в рамках поэтики литературы Серебряного века (более поздней), предлагает рассматривать сюжет и главных героев с опорой на пьесы У. Шекспира. Свообразным «прототипом» Мартына исследователь считает фигуру Ариэля. Этот персонаж пьесы У. Шекспира «Буря» участвует в процессе «смены» картин, относящихся к нескольким наслоившимся вариантам реальности.

Среди различных вариантов наличной реальности в романе существует еще одна, наиболее ценная и трудноуловимая разновидность. Ее природа также связана с образами огня. Впервые Мартын обнаруживает эти огни будучи ребенком, во время поездки на поезде по югу Франции. Возвращаясь в Россию, Мартын снова видит огни из окна идущего поезда: «А ночью было нечто особенное: мимо черного зеркального стекла пролетали тысячи искр огненным стрельчатым росчерком» [19. С. 171]. В этот ряд входят также и «алмазные огни» Ялты, звездное небо и лунная дорожка в море, которая «заманивает» Мартына, подобно картинке в его детской. Герой ощущает «подъем всех чувств, что-то очаровательное и требовательное, присутствие такого, ради чего только и стоит жить» [Там же. С. 168].

Огни появляются снова, когда Мартын уезжает из Германии во Францию: «И вдруг Мартын увидел в окне то, что видел и в детстве, огни, далеко, среди темных холмов; вот кто-то их пересыпал из ладони в ладонь и положил в карман» [Там же. С. 262]. Огни принадлежат реальности, в которой Мартын тщетно стремится оказаться. Его реакция оказывается наивной: он выходит из поезда на ближайшей станции в поисках того места, которому огни принадлежат. Так он оказывается в деревне Молиньяк, где работает на ферме. Однако в день, когда он решает продолжить свой путь, узнает, что со станции огни Молиньяка не видны. Ночные огни остаются неуловимыми, но именно они оказываются реальностью, в наибольшей степени противоположной Зоорландии. Однако и в финале романа все еще остается неясным, в какой из реальностей окажется герой. Невозможность разгадки и ответа сохраняет целостность сюжета, который выходит за рамки классического романа с платоновским или христианским типом мимесиса и потому остается непрозрачным.

Сюжет «Подвига» можно также рассматривать в контексте суждений Аристотеля о воздействии искусства, о его суггестивной функции и природе. Так, говоря в «Поэтике» о способах создания лучшей фабулы, Аристотель писал: «Именно: надо и вне всяких представлений на сцене слагать фабулу так, чтобы всякий, слушающий о происходящих событиях, содрогался и чувствовал сострадание по мере того, как разворачиваются события: это почувствовал бы каждый, слушая фабулу “Эдипа”» [21. С. 32]. События, описанные в романе «Подвиг», значимы именно с точки зрения воздействия на воображение Мартына. Это могут быть трагические события, как, например, гибель отца Ирины, выброшенного из идущего поезда во время бегства из революционной России. Это могут быть события, возбуждающие воображение Мартына и в то же время содержащие грубый комизм. Так Мартын, пытаясь забыть Соню, увлекается балетной танцовщицей. В этих отношениях есть оттенок романтики: «Она вылетела на балкончик, и на миг замирала у перил, и затем исчезала, и, вылетев опять, бросала ему завернутый в бумагу ключ» [19. С. 258]. Однако заканчивается роман в духе грубой комедии, когда однажды на балконе появляется «пожилой господин в подтяжках». Наибольшей силой воздействия обладают огни, пролетающие во тьме, поэтому этот образ является для Мартына самым значимым. Не менее притягательна и Зоорландия, вымышленная страна, обладающая странной реальностью. В момент, когда Соня и Мартын изобретают имя для новой страны, появляется белка: «Белка, играя в прятки, толчками поднялась вверх по стволу и куда-то исчезла» [Там же. С. 255]. Передвижение белки вверх по стволу можно истолковать как символ процесса рождения вымысла, играющего «в прятки». Несмотря на то, что Зоорландия мрачная страна, она привлека-

тельна для Мартына именно тем, что вымысел здесь «играет в прятки» с не менее условной реальностью. Однако Зоорландия, подобно Соне, склонна вызывать одержимость. Поэтому Мартыну приходится выбирать свой маршрут между Зоорландией и ночными огнями.

Представление о вымысле в романе Набокова можно сопоставить с понятием «аттракцион». Понятие «аттракцион» в данном случае происходит из статьи С. Эйзенштейна «Монтаж аттракционов», написанной в 1923 г. Эйзенштейн считал, что «аттракционы» являются инструментом воздействия на публику и в то же время способом избежать «иллюзорной изобразительности», пересказать классический сюжет языком «реальных деланностей». «Школой монтажера, – писал Эйзенштейн, – является кино и главным образом мюзик-холл и цирк, так как, в сущности говоря, сделать хороший (с формальной точки зрения) спектакль – это построить крепкую мюзик-холльную цирковую программу, исходя от положений взятой в основу пьесы» [22. С. 275]. В своем романе В.В. Набоков, конечно, далек от того, чтобы вводить в сюжет «музыкально-эксцентрические антре». Однако он сосредоточен на том, чтобы воображение читателя оторвалось от привычной картины «фактической реальности». Все описанные «факты» оказываются условными. «Реальность» расслаивается на множество вариантов, среди которых есть и грубо-комические, и вызывающие одержимость, и ущербные, но в то же время несущие черты подлинного чуда. С наибольшей определенностью В.В. Набоков высказал мнение по поводу вымысла и фактического подхода к реальности через двадцать лет после написания «Подвига», в лекциях по роману Сервантеса «Дон Киот», прочитанных в Гарварде в весеннем семестре 1951/52 учебного года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачев Д.С. Своеобразие исторического пути русской литературы X–XVII вв. // Лихачев Д.С. О филологии. М. : Высш. шк., 1989.
2. Чекалов К.А. Маньеризм во французской и итальянской литературах. М. : Наследие, 2001.
3. Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск : Свиньин и сыновья, 2006. Т. 2. URL: <http://www.twirpx.com/file/133783/>
4. Ханзен-Лёве О.А. Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения : пер. с нем. М. : Языки русской культуры, 2001.
5. Перхин В.В. Русская литературная критика 1930-х гг.: Критика и общественное сознание эпохи. СПб. : Изд-во СПб ГУ, 1997.
6. Орлов Д.У. Природа миметического события // Античный мимесис. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2008.
7. Вейдле В. Безымянная страна. Paris : YMCA-PRESS, 1968.
8. Вейдле В. Умирание искусства. М. : Республика, 2001.
9. Вейдле В.В. О смысле мимесиса // Вейдле В.В. Эмбриология поэзии. Статьи по поэтике и теории искусства. М. : Языки славянской культуры, 2002.
10. Маковецкий Е.А. Мимесис в платоновском «Государстве» // Античный мимесис. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2008.
11. Алымова Е. Миметическое начало поэтического искусства // Античный мимесис. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2008.
12. Буторина М.И. Концепция уподобления у александрийцев (Филон Александрийский, Климент Александрийский, Ориген, Плотин) // Античный мимесис. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2008.
13. Набоков Н. Багаж : пер. с англ. СПб. : Издательство журнала «Звезда», 2003.
14. Осипов Н.Е. Двойник. Петербургская поэма Ф.М. Достоевского // Вокруг Достоевского : в 2 т. Т. 1 : О Достоевском : сб. ст. / под ред. А.Л. Бема. М. : Русский путь, 2007.
15. Бицилли П.М. Пушкин и проблема чистой поэзии // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии. М. : Русский путь, 2000.
16. Мельников Н. Портрет без сходства. Владимир Набоков в письмах и дневниках современников (1910–1980-е годы). М. : Новое литературное обозрение, 2013.
17. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии. М. : Новое литературное обозрение, 2000.
18. Варшавский В.С. Незамеченное поколение. М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына ; Русский путь, 2010.
19. Набоков В.В. Подвиг // Набоков В.В. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Правда, 1990. Т. 2.
20. Masing-Delic I. Martin Edelweiss's quest for glory, guided by Prospero and other wizards // Scando-Slavica. 2 January 2014. Vol. 60, is. 1. P. 28–53.

21. *Аристотель*. Поэтика. Риторика. О душе / пер. с древнегреч. В. Аппельрота, Н. Платоновой и П. Попова ; вступ. ст. и ком. С. Трохачева. М. : Мир книги ; Литература, 2008.
22. *Эйзенштейн С.* Монтаж аттракционов // Эйзенштейн С. Избранные произведения в шести томах. М. : Искусство, 1964. Т. 2.
- Статья представлена научной редакцией «Филология» 08 декабря 2014 г.

V.V. NABOKOV'S NOVEL *GLORY* IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF FANTASY IN THE CRITICISM OF RUSSIAN EMIGRATION

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 5–14. DOI 10.17223/15617793/392/1

Antoshina Elena V. Tomsk Economics and Law Institute (Tomsk, Russian Federation). E-mail: arancia@mail.ru

Keywords: V.V. Nabokov; plot; Russian literature of 20th century; theory of literature; literature of Russian emigration; mimesis.

The first third of the 20th century for the culture of Russian emigration was the time of reflection, when the deep differences between European and Russian cultures and literatures became evident. Writers, critics, readers of the emigration literature not only felt nostalgia, but also compared the two cultural traditions, rejected foreign experience, mastered new ideas. Fantasy was one of the ideas which provoked discussions. As is well known, fiction is based on fantasy. But the understanding of fantasy in Russian and European cultures is different. The tradition of Christian literature of Ancient Russia interprets fantasy as a way to express the absolute truth. In the middle of the 19th century fantasy was interpreted as a way to show the facts of objective reality. Literature played the role of the moral judge for society. Free fantasy, play of imagination, pleasure of reading was on the background. European literature interpreted fantasy as a way to have an effect on the imagination of reading. The free play of imagination creates a new picture of the world, and the horizon of reading comprehension became more extensive. Literature depicts the world as unknown, unfinished, with relative senses. Russian readers and critics comprehended the absence of clear evaluation of reality, the relativity of facts and the truth in the fiction as something suspicious. It was the reason why early novels by V.V. Nabokov had negative criticism. In critics' opinion the novels by V.V. Nabokov were the imitation of modern European novels. They were not comprehended as a continuation of the Russian literature tradition. One of these novels was *Glory* (Podvig), 1931. Critics (e.g., G. Adamovich) searched for the reflection of the real facts of emigration life in the plot of the novel. They thought that V.V. Nabokov wrote a novel about a young emigrant man who crossed the Soviet Russia border in order to become a spy or a campaigner. V.V. Nabokov used the plan of the plot of a classic Russian novel of the 19th century, but filled it with new content. In his understanding of fantasy Nabokov was close to the European literature of the 20th century. As the author of *Glory* Nabokov depicted the fate of the novel's hero in such a way that the reader was not able to comprehend completely the facts of Martin Edelweiss's biography. Any element of the plot can be interpreted in many ways. Martin sees many variants of reality. These variants may be cruel, parody or miraculous. Some of reality variants try to capture the hero's consciousness (the picture from Martin's nursery room, the fictitious country of Zoorlandya). Martin perceives other variants as a gag sequence (his life in the university). Miraculous variants of reality are more attractive for Martin. In the novel these variants are connected with the images of fire and, possibly, with the image of the Zhar-Ptitsa (the Firebird, a Russian folklore image of shining fiery bird) from Nabokov's early poem "The Feather", 1921.

REFERENCES

- Likhachev D.S. *O filologii* [On philology]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1989.
- Chekalov K.A. *Man'erizm vo frantsuzskoy i ital'yanskoj literaturakh* [Mannerism in the French and Italian literature]. Moscow: Nasledie Publ., 2001. 208 p.
- Svyatopolk-Mirskiy D.P. *Istoriya russkoj literatury s drevnejshikh vremen po 1925 god* [The history of Russian literature from ancient times to 1925]. Translated from English by R. Zernova. Novosibirsk: Svin'in i synov'ya Publ., 2006. Vol. 2. Available from: <http://www.twirpx.com/file/133783/>.
- Hansen-Lowe O.A. *Russkij formalizm: Metodologicheskaya rekonstruktsiya razvitiya na osnove printsipa ostraneniya* [Russian Formalism: Methodological reconstruction development based on the principle of estrangement]. Translated from German. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2001. 772 p.
- Perkhin V.V. *Russkaja literaturnaya kritika 1930-kh gg.: Kritika i obshchestvennoe soznanie epokhi* [Russian literary criticism of 1930s: Criticism and social consciousness era]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 1997. 304 p.
- Orlov D.U. *Priroda mimeticheskogo sobytiya* [Nature of a mimetic event]. In: Makovetskij E.A. (ed.) *Antichnyj mimesis* [Nature mimetic events]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2008.
- Veydle V. *Bezimyannaya strana* [Unnamed country]. Paris: YMCA-PRESS Publ., 1968. 164 p.
- Veydle V. *Umiranie iskusstva* [Dying art]. Moscow: Respublika Publ., 2001. 143 p.
- Veydle V.V. *Embriologiya poezii. Stat'i po poetike i teorii iskusstva* [Embryology of poetry. Articles on poetics and art theory]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002.
- Makovetskij E.A. *Mimesis v platonovskom "Gosudarstve"* [Mimesis in Plato's State]. In: Makovetskij E.A. (ed.) *Antichnyj mimesis* [Nature mimetic events]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2008.
- Alymova E. *Mimeticheskoe nachalo poeticheskogo iskusstva* [Mimetic element of poetic art]. In: Makovetskij E.A. (ed.) *Antichnyj mimesis* [Nature mimetic events]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2008.
- Butorina M.I. *Kontseptsija upodobleniya u aleksandriysev (Filon Aleksandrijskij, Kliment Aleksandrijskij, Origen, Plotin)* [The concept of assimilation among the Alexandrians (Philo, Clement of Alexandria, Origen, Plotinus)]. In: Makovetskij E.A. (ed.) *Antichnyj mimesis* [Nature mimetic events]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2008.
- Nabokov N. *Bagazh* [Baggage]. Translated from English. St. Petersburg: Izdatel'stvo zhurnala "Zvezda" Publ., 2003. 367 p.
- Osipov N.E. *Dvoynik. Peterburgskaya poema F.M. Dostoevskogo* [A Double. Petersburg Poem of F.M. Dostoevsky]. In: Bem A.L. (ed.) *Vokrug Dostoevskogo: v 2 t.* [Around Dostoevsky: in 2 volumes]. Moscow: Russkij put' Publ., 2007. Vol. 1.
- Bitsilli P.M. *Tragediya russkoj kul'tury: Issledovaniya, stat'i, rensenzii* [The tragedy of Russian culture: Research, articles and reviews]. Moscow: Russkij put' Publ., 2000.

- 16 Mel'nikov N. *Portret bez skhodstva. Vladimir Nabokov v pis'makh i dnevnikakh sovremennikov (1910–1980-e gody)* [Portrait without similarities. Vladimir Nabokov in the letters and diaries of the contemporaries (1910–1980s)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 264 p.
- 17 Mel'nikov N.G. (ed.) *Klassik bez retushi. Literaturnyy mir o tvorchestve Vladimira Nabokova: Kriticheskie otzvyvy, esse, parodii* [Classic without retouching. The literary world of the works of Vladimir Nabokov: Critical reviews, essays and parody]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 912 p.
- 18 Varshavskiy V.S. *Nezamechennoe pokolenie* [Unnoticed generation]. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna; Russkiy put' Publ., 2010. 544 p.
- 19 Nabokov V.V. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Works: in 4 vols.]. Moscow: Pravda Publ., 1990. Vol. 2.
- 20 Masing-Delic I. Martin Edelweiss's quest for glory, guided by Prospero and other wizards. *Scando-Slavica*, 2 January 2014, Vol. 60, is. 1, pp. 28–53. DOI: 10.1080/00806765.2014
- 21 Aristotle. *Poetika. Ritorika. O dushe* [Poetics. Rhetoric. On the soul]. Translated from Old Greek by V. Appel'rot, N. Platonova, P. Popov. Moscow: Mir knigi Publ., Literatura Publ., 2008. 400 p.
- 22 Eyzenshteyn S. *Izbrannye proizvedeniya v shesti tomakh* [Selected Works in six volumes]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1964. Vol. 2.

Received: 08 December 2014

ФУНКЦИИ ГРАФИЧЕСКИ ВЫДЕЛЕННОГО ФРАГМЕНТА В СОСТАВЕ РАЗНЫХ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ПАРТИТУР (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Ю. ТРИФОНОВА «ДОМ НА НАБЕРЕЖНОЙ»)

Материалом исследования выступают графически выделенные фрагменты (ГВФ), характерный прием в идиостиле Ю.В. Трифонова. Подтверждается тезис о закреплённости отдельных функций ГВФ за повествовательными партиями. Особое внимание уделено рассмотрению ситуаций наложения повествовательных пластов, а именно анализу изменений в функционировании ГВФ, принадлежащих нескольким повествовательным партитурам.

Ключевые слова: графически выделенный фрагмент; идиостиль; ключевое слово; прагматика; функциональный аспект; Ю.В. Трифонов.

Графически выделенное слово – характерный художественный прием в идиостиле Ю.В. Трифонова. Оно может выполнять не только типичные функции, характерные для художественного текста в целом (экспрессивная функция, функция интонирования, функция ключевого слова в лексической организации текста и др.), но и собственно-авторские (функция маркирования лжи, организация диалога / полилога между читателем / героем / повествователем и др. [1–3]).

Графически выделенное слово в текстах Ю.В. Трифонова появляется в речевых партиях повествователей (нарраторов) и / или персонажей. Нами было выдвинуто предположение о закреплённости функций графически выделенного фрагмента (далее ГВФ) за отдельными повествовательными партитурами¹. В то же время ГВФ может соединять разные повествовательные пласты, формируя сложные повествовательные структуры в художественном тексте. Особый интерес представляют случаи наложения голосов, а именно ситуации изменения в функционировании ГВФ, принадлежащего нескольким повествовательным партиям². Анализу ситуаций данного типа и посвящена настоящая статья.

В работе представлен анализ ГВФ с точки зрения коммуникативного подхода. Исследование языковых единиц проводится в аспекте идиостиля с учетом их функциональной нагрузки. Мы акцентируем внимание на том, как и с помощью каких средств организуется диалог с читателем.

Этапом, предшествующим анализу функциональной нагрузки ГВФ, является демаркация границ повествовательных категорий.

Теоретической основой послужили исследования таких авторов, как Р. Барт, Л. Долежел, Ж. Женнет, М. Баль, В. Шмид, Дж. Принс, С. Чэтман, Ю. Мюзара-Шредер, Я. Линтвельт и др. [5–14]. Анализ нарратива предполагает выявление повествовательных партитур, установление взаимоотношений между категориями «автор» – «читатель» – «нарратор» – «наррататор».

Нарратологический подход продуктивен вследствие того, что включает в себя переработку идей и методов, предшествовавших ему в отечественной и зарубежной филологии. Вслед за нарратологами мы учитываем: принцип диалогичности и концепцию полифонического романа М.М. Бахтина [15, 16]; про-

блематику «точки зрения» (категория, на русской почве разрабатывавшаяся Б.А. Успенским [17]); немецкоязычную комбинаторную типологию (работы В. Фрюгера, Ф. Штанцеля, В. Кайзера и др. [18–21]), в частности разработанную Ф. Штанцелем систему «типичных повествовательных ситуаций» (аукториальный / персональный / нейтральный / повествование от первого лица³).

Для разграничения речевых партий повествователя, персонажа и персонажной маски мы используем алгоритм, разработанный М.В. Шпильман [25. С. 14–15], предполагающий: анализ языковой конструкции текстового фрагмента; определение точки зрения, повествовательной формы и соответствующей ей языковой структуры; выявление признаков (маркеров) текста нарратора и текста персонажа.

Завершая обзор теоретической и методологической базы работы, акцентируем внимание на следующих концептуально значимых моментах: во-первых, нельзя забывать о том, что «ни одна функция повествования практически не выступает в чистом виде, она, как правило, “осложнена” совмещением в любой повествовательной единице одновременным действием нескольких функций» [4. С. 16]; во-вторых, изучение специфики повествовательных структур связано непосредственно с обозначением авторской позиции, с присутствием авторской модальности в тексте (в терминологии В.В. Виноградова – «образа автора»)⁴.

С точки зрения коммуникативных регистров повесть Ю.В. Трифонова «Дом на набережной» – предваренные прологом воспоминания Глебова (ночь после разговора с Шулепниковым), представленные от третьего лица (в которых голос героя-повествователя в отдельных фрагментах сливается с голосом автора), перемежаемые вставками-воспоминаниями повествователя от первого лица, где Глебов фигурирует в качестве одного из действующих персонажей. ГВФ встречаются в дискурсе следующих повествовательных партитур: в прямой / несобственно-прямой / косвенной речи и диалогах героев (главных и второстепенных); в дискурсе повествователя от первого лица, непосредственного участника событий, одноклассника Глебова, и в воспоминаниях самого Глебова, где ГВФ нередко оказывается звеном, соединяющим голоса нескольких повествовательных партий. Таким образом, оказываются возможными следующие вари-

анты вхождения ГВФ в дискурс двух повествовательных категорий: 1) вхождение речи одного из героев в воспоминание повествователя от третьего лица и 2) наложение голосов автора и повествователя от третьего лица.

Для речи персонажей типичными функциями ГВФ являются функции акцентной / смысловой актуализации и характеристики⁵. Но при включении речи одного из героев в воспоминание повествователя происходят изменения в функционировании ГВФ. Теперь слово соотносится не только с героем произведения, но и с дискурсом повествователя, который нередко это слово комментирует – происходит расширение функционального диапазона выделенного слова:

Он сказал, что это Агнесса. Учит его тетку французскому языку и ябедничает матери. “Я ее когда-нибудь отправлю мышьяком. Или изнасилую”. Все прыснули со смеху, одновременно изумившись. Уж он скажет так скажет! Ни у кого не повернулся бы язык произнести это слово, значение которого все понимали – хотя самые неприличные слова произносили без зазрения совести, – а Левка выговорил его в применении к себе и к старухе с папироской так свободно, легко. <...> А Шулепников так привык с тех дурацких лет произносить это слово безо всякого смысла, а просто как пустую угрозу или немудрящую шутку, что повторял ее и позже, уже взрослым балбесом, в институте. Разобидится на какую-нибудь преподавательницу и: “Если она мне тройку не поставит, я ее изнасилую” [28. С. 380–381].

Фраза, привязавшаяся к Шулепникову, «пустая угроза или немудрящая шутка», служит для характеристики героя. ГВФ появляется в прямой речи, входящей в воспоминание Глебова, где текст пронизан оценкой: их детство – «дурацкие времена», сама фраза – «дурацкая угроза или немудрящая шутка», Шулепников – «взрослый балбес». Повествователь анализирует эмоциональный отклик (*Все прыгнули со смеху, одновременно изумившись*), оценивает появление языковой единицы (*Уж он скажет так скажет!*), «примеряет» слово на себя и на других (*Ни у кого не повернулся бы язык произнести это слово*). Это «чужое» слово, «шулепниковское», привязавшееся к нему и появляющееся в его речи уже и в институте. Именно эту фразу вспоминает Глебов как одну из специфических черт языковой личности Левки. Другой важной функцией ГВФ в этом примере является функция организации хронотопа художественного текста: слово сближает школьника и студента Шулепникова, а также Глебова из настоящего и прошлого. Слово, принадлежащее герою, внутри дискурса повествователя обогащается, выполняя функции двух повествовательных категорий.

Приведем еще пример, с тем чтобы подробнее разоблачить, какого рода информация может наслаиваться и как это сказывается на функциональной нагрузке ГВФ:

Раз в неделю баба Нила, взяв кошелку, ехала трамваями на Даниловский рынок за зеленью, сухими грибами, щавелем, шиповником. А уж сколько чая из шиповника было пито! Сейчас этого пошла ни за какие деньги в рот не взять. А тогда баба Нила и на

опохмелку норовила холоденького полезного чайку всучить: “Выпей, Димочка, ш и п о в о г о , полегчает...” Какая там польза! Да, наверное, была, как и от всей той жизни в дерюжинской глушине, в потемках, в длинной комнате, похожей на склеп. Потому что одолели, выжили [28. С. 406].

Как и в предыдущем примере, ГВФ находится в прямой речи персонажа, но вместе с тем принадлежит воспоминанию Глебова. Для бабы Нилы это обычное слово, помимо номинативной функции, не несущее какой-либо дополнительной информационной нагрузки, в то время как для повествователя *шиповый* – символ, ассоциативно связанный не только с дискурсом бабушки, но и через нее с отдельным жизненным периодом.

Большая часть текста – воспоминания Глебова – представлена как повествование от третьего лица. Как отмечал Б.А. Успенский, «внутренний монолог отражает мысли и раздумья героя, и автор, соответственно, должен сосредоточиться на их сущности, а не на их форме <...> само слово персонажа может быть в достаточной форме обработано автором, окрашено авторской интонацией; в этом случае точка зрения автора и точка зрения персонажа неразрывно сливаются в тексте, в результате чего мы, воспринимая переживания героя с его точки зрения, все время слышим вместе с тем и интонацию автора» [17. С. 62]. Об этом писал и сам Ю.В. Трифонов: «А ныне один из излюбленных мною приемов, – он даже стал, пожалуй, слишком часто повторяться – это голос автора, который как бы вплетается во внутренний монолог героя» [29. С. 191]. Таким образом, при анализе текста, принадлежащего повествователю от третьего лица, необходимо учитывать одновременно две повествовательные линии.

Глебов – один из персонажей произведения, и для ГВФ в его партитуре характерны те же функции, что и для других героев – функция акцентной / смысловой актуализации, характеристики и пр., но, помимо этого, появляются функции, обусловленные особенностями этой повествовательной партии. Так, одной из таких особенностей является «отсутствие» у Глебова собственного голоса: его речь насыщена чужими словами, предстает суммой чужих слов и оценок, не отражающих личность самого человека (Глебов – «никакой»). Как отмечает Т.А. Трипольская, «...во множестве чужих голосов прошлого и настоящего теряется голос самого Глебова. Главный герой остается, таким образом, без “своего” слова. <...> в ситуации, требующей собственной оценки, поступка, “своего” слова, герой предстает “гениальнейшим образом никаким”: нет своего особого, его выделяющего слова, нет поступка <...> отсутствие же личностных элементов лексикона (вместо них – чужое слово, служащее прикрытием, как бы взятое напрокат) является одним из языковых средств создания данного художественного образа» [1. С. 44].

В связи с этим в дискурсе повествователя от третьего лица среди ГВФ частотны чужие слова, а одна из ведущих функций – функция разграничения своего / чужого слова:

(1) Было сказано: «В четверг прийти и выступить!». Когда он, мгновенно сообразив, дернулся было что-то врать насчет того, что кто-то у него дома болен, его прервали тремя словами: *б о л е е ч е м о б я з а т е л ь н о*. Тогда понял, что совершил ошибку, не надо было заранее отказываться, ссылаясь на чью-то болезнь, потому что – *если б о л е е ч е м о б я з а т е л ь н о* – принимают меры, вызывают родственников, сиделку, а вот если хворь, будь она неладна, грянет внезапно, допустим, в среду... [28. С. 455].

(2) Этот натиск, это сверканье глаз и грозное тыканье пальцем напомнили Глебову друзьяевское: *б о л е е ч е м о б я з а т е л ь н о*. По сути, это было одно и то же, тот же террор [Там же. С. 469].

ГВФ неоднократно повторяется в размышлениях Глебова как одно из условий: *если более чем обязательно – принимают меры*, как отсылка к ситуации – *напомнили Глебову*. Чужое слово на равных условиях присутствует в речи Глебова, но в то же время за ним сохраняется «знак авторства» – *друзьяевское: более чем обязательно*. Его «цитатная» специфика может как маркироваться (см. контекст (2)), так и не маркироваться (см. контекст (1)). Важно, как оценивается / комментируется чужое слово: согласие / несогласие, которое может выражаться открыто, принимает ли герой слово и стоящую за ним позицию безоговорочно или вступает с ним в конфликт / диалог. Как было отмечено, слово на равных встраивается в дискурс Глебова, отношение к слову, стоящей за ним ситуацией передается с помощью ближайшего контекста – *одно и то же, тот же террор*. Таким образом, для ГВФ характерны функции акцентной / смысловой актуализации и функция разграничения своего / чужого слова, характеристики. Кроме того, мы можем говорить также и о реализации «авторской функции». Во-первых, повтор создает эффект восходящей градации. Этот художественный прием помогает передать атмосферу безвыходности ситуации, в которой оказался Глебов, фраза повторяется в разные дни и соотносится с разными героями, подчеркивая то, что давление идет с двух сторон: это и Друзяев, принуждающий Глебова выступить против своего руководителя, и Марина Красникова, активистка НСО (научного студенческого общества), сообщающая Глебову, что ему «придется высказаться» в защиту Ганчука. Во-вторых, повтор связывает смысловым мостиком отдаленные текстовые фрагменты, выполняя, таким образом, текстостроительную функцию. Именно автор в качестве создателя текста закладывает этот функциональный потенциал в ГВФ. Слово, характеризующее языковую личность повествователя, несет смысловую нагрузку в рамках композиции произведения в целом, по замыслу его создателя.

В следующем контексте за выделенным фрагментом оказывается спрятана целая ситуация [1]:

Потом другие ночи, несмотря на январь, экзамены, сильнейший мороз, который вдруг грянул и затруднял передвижения. Они ездили в Брусково, потому что там никто не мешал и было удобней

з о т о в и т ь с я к э к з а м е н а м. <...> Глебов все думал: неужели ее родители не догадываются о том, что происходит? <...> По существу, абсурд: мчатся за город, тратят два часа на дорогу и сидеть там по комнатам, зубрить разное. Родителям говорилось, что едут несколько человек. Но было невероятно не видеть, как изменилась Соня! Однако не видели, не замечали. Соня говорила твердо: ни о чем не догадываются [28. С. 428].

Ранее мы отмечали, что «слово одновременно выполняет функцию сокрытия информации от других персонажей (родители считают, что Глебов и Соня ездят на дачу, чтобы готовиться к экзаменам) и функцию разоблачения обмана всеведущим автором для читателя, который понимает истинную мотивацию поступков. Выделенный текстовый фрагмент привлекает внимание, заставляет задуматься над тем, с какой целью выделено слово, и, соответственно, происходит обнаружение истинного, замалчиваемого значения» [3. С. 136]. Но если на уровне персонажей и повествователя оказывается актуальной функция разграничения своего-чужого слова, то на уровне автора произведения на первый план выходит функция маркирования «сокрытой ситуации», дешифровка, и в этом случае графическое выделение – прием, направленный на читателя – именно его внимание привлекает автор, выделяя данный эвфемизм.

Автор как бы «надстраивает» функции ГВФ, направленные на структурирование-организацию текста, на привлечение внимания читателя. Для фиктивного нарратора как повествовательной категории оказываются характерны следующие функции ГВФ: функция выделения ключевых слов, текстостроительная, мотивная, функция «маркирования» лжи. Они могут реализоваться одновременно, образуя многомерный смысловой узел в текстовом пространстве.

Увидеть имплицитный образ отправителя мы можем в прологе, предваряющем текст повести, задающем тональность и ключевые мотивы произведения в целом:

Никого из этих мальчиков нет теперь на белом свете. Кто погиб на войне, кто умер от болезни, иные пропали безвестно. А некоторые, хотя и живут, превратились в других людей. И если бы эти другие люди встретили бы каким-нибудь колдовским образом тех, исчезнувших, в бумазейных рубашонках, в полотняных туфлях на резиновом ходу, они не знали бы, о чем с ними говорить. Боюсь, не догадались бы даже, что встретили самих себя. Ну и бог с ними, с недогадливыми! Им некогда, они летят, плывут, несутся в потоке, загребают руками, все дальше и дальше, все скорей и скорей, день за днем, год за годом, меняются берега, отступают горы, редуют и облетают леса, темнеет небо, надвигается холод, надо спешить, спешить – и нет сил оглянуться назад, на то, что остановилось: и замерло, как облако на краю небосклона [28. С. 363].

Б.А. Успенский в «Поэтике композиции» выделил следующие планы рассмотрения точки зрения: «план идеологии», «план фразеологии», «план пространственно-временной характеристики» и «план психо-

логии» [17]. Опираясь на данный подход, мы можем говорить о таких особенностях «авторского присутствия», как над-временность (способность обращаться к разным временным пластам, рефлексия), всезнание (он оперирует информацией, недоступной «героям произведения»), делает выводы психологического характера, опираясь на им же введенные предпосылки). Для него характерны эмоциональная окрашенность, выход на диалог с читателем.

Обратимся к следующему примеру, где ГВФ оказывается фокусом, в котором голос автора накладывается на голос повествователя:

Все было, может, не совсем так, потому что он старался не помнить. То, что не помнилось, переставало существовать. Этого не было никогда. Никогда не было второго собрания, многолюдного, в марте, когда уже не имело смысла самоугрызаться, все равно надо было прийти и если не выступить самому, то хотя бы послушать других. Кажется, он там что-то сказал. Что-то очень короткое, малозначительное. Совершенно из памяти вон: что же? Не имело значения. С Ганчуком все было решено и подписано. В областной педвуз, на укрепление периферийных кадров. Были какие-то возражения, кто-то кликушествовал, неинтересно, забыто – не было ли когда. В самом деле, а было ли?» [28. С. 483].

Но тогда после собрания, до потопа, когда петляли и кружили Москвой, ни о чем еще не догадывались: Левка не знал, что скоро полетит, кувыркаясь, как пустые салазки с ледяной горы, а Глебов не знал, что настанет время, когда он будет стараться не помнить всего, происходившего с ним в те минуты, и стало быть, не знал, что живет ж и з - н ь ю , к о т о р о й н е б ы л о [Там же. С. 484].

Первый контекст насыщен эгоцентрическими элементами, предполагающими говорящего в роли субъекта речи и сознания. Это предикаты внутреннего состояния (*кажется, может*), которые, как отмечает Е.В. Падучева, подразумевают повествователя: «...если ...внутреннее состояние или восприятие выражено с помощью вводного оборота, то его подразумеваемым субъектом должен быть повествователь. Это в особенности очевидно для предикатов менталь-

ного состояния» [24. С. 277]. Неопределенные местоимения (*что-то, какие-то, кто-то*) также, по мнению исследователя, «имеют семантическую потребность в субъекте сознания» [Там же. С. 282]. Повествование ведется «изнутри». ГВФ на уровне повествователя выполняет функцию акцентной / смысловой актуализации. В то же время мы можем говорить и о частном случае проявления полифонии – наложении авторских функций, таких как функция ключевого слова, мотивная функция (мотив времени, памяти – один из ведущих в тексте повести).

Во втором фрагменте происходит смена повествовательного регистра, если предыдущий отрывок принадлежал повествователю от третьего лица, то в данном текстовом фрагменте на первый план выходит «голос автора». Помимо смысловых маркеров (осведомленность о судьбах всех персонажей; способность соотносить как судьбы разных персонажей, так и фрагменты жизни одного героя в разные периоды времени, ведение повествования извне; данный фрагмент созвучен по тональности с прологом, предваряющим повесть), происходит смена грамматических показателей категории лица, отсутствуют эгоцентрические элементы. Автор выделяет слово, являющееся ключевым в рамках не только отдельно взятого отрывка, но и всего произведения в целом. Оно одновременно и является над-характеристикой Глебова, выполняет текстостроительную и мотивную функции. ГВФ неоднократно повторяется сначала в дискурсе повествователя – события, которых не было никогда, а после – в тексте автора, где происходит трансформация – жизнь героя, которой не было.

Подведем итоги. Мы можем говорить о закреплённости функций ГВФ за отдельными повествовательными партитурами. ГВФ, оказываясь включённым в дискурс нескольких повествовательных категорий, совмещает функции, характерные для каждой из них. На материале повести «Дом на набережной» были проиллюстрированы случаи включения голосов персонажей в воспоминание повествователя и наложение голоса автора на дискурс повествователя. ГВФ может функционировать на нескольких уровнях, выполняя разные задачи, такие как характеристика героя на уровне персонажа и организация текста в целом на уровне автора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данная предпосылка подтвердилась в ходе анализа эмпирического материала.

² Мы опираемся на определение повествовательных категорий (повествовательных инстанций), приводимое в [4. С. 91–94].

³ Позднее данная типология была использована К.Н. Атаровой и Г.А. Лесскис [22, 23], ориентировавшимися на классификацию повествовательных категорий, основанную на грамматической категории лица. В лингвистике концепция Ф. Штанцеля получила продолжение среди прочих и в работе Е.В. Падучевой [24], рассматривавшей связь повествовательной формы и языковой структуры.

⁴ Опираясь на тезис Ю.Н. Караулова «за каждым текстом стоит языковая личность», мы полагаем возможным допущение в тексте статьи формулировок типа «авторская функция ГВФ».

⁵ Так, например, в прямой речи: «Кто вчера к Тарасу з а л у п а л с я ? Кто его на лестнице ц а п а л ? Ты, гад?» ГВФ выполняет функцию акцентной актуализации и характеристики героя – Миньки Бычка, некоронованного мальчишечьего царя Дерюгинского переулка [26, 27].

ЛИТЕРАТУРА

1. Трипольская Т.А. Комментарий как элемент художественного текста: типы и функции // Комментарий и интерпретация текста. Новосибирск : Издание НГПУ, 2008. С. 34–35.

2. Десяткина А.Г. Полифункциональность выделенного слова в произведениях Ю.В. Трифонова // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : материалы конф. молодых ученых / под ред. А.А. Казакова. Вып. 12. Т. 1 : Лингвистика. Томск : Том. гос. ун-т, 2011. С. 96–99.
3. Десяткина А.Г. Графически выделенное слово как маркер обмана (на материале произведений Ю.В. Трифонова) // Дискурс лжи и ложь как дискурс : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Т.А. Трипольской. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2012. С. 129–137.
4. Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. М. : Интрада – ИНИОН, 1999. 319 с.
5. Barthes R. Introduction à l'analyse structural des récits // Communications. 1966. № 8. P. 1–27.
6. Dolezel L. The Typology of the narrator: Point of View in Function // To Honor Roman Jakobson. Vol. 1 : The Hague. Paris, 1967. P. 541–552.
7. Dolezel Lubomir. Narrative Modes in Czech literature. Toronto : Univ. of Toronto press, 1973. 152 p.
8. Genette G. Figures. Paris, 1966–1972. Vol. 1–3.
9. Bal M. Narratologie: Les Instances du récit: Essais sur la signification narrative dans quatre romans modernes. Paris, 1977. 199 p.
10. Шмид В. Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2003. 312 с. (Studia philologica)
11. Prince G. Introduction à l'étude du narrataire // Poétique. P., 1973. № 14. P. 178–196.
12. Prince G. Narratology: The form and Functioning of Narrative. The Hague, 1982. 184 p.
13. Chatman S. Story and discourse: Narrative structure in Fiction and Film. Ithaca; L., 1978. 277 p.
14. Lintvelt J. Essai de typologie narrative: Le «point de vue»: Théorie et analyse. P., 1981. 315 p.
15. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Сов. писатель, 1963. 363 с.
16. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров ; прим. С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова. М. : Искусство, 1979. 423 с.
17. Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб. : Азбука, 2000. 348 с. (Academia).
18. Füger W. Zur Tiefenstruktur des Narrativen: Prolegomena zu einer generativen «Grammatik» des Erzählens // Poetica. Zeitschrift für Sprach- und Literaturwissenschaft. 1972. Bd. 5. S. 268–292.
19. Stanzel F. Die Typischen Erzählsituationen in Roman: Dargestellt an «Tom Jones», «Moby Dick», «The Ambassadors», «Ulysses» u.a. Wien; Stuttgart, 1955. Bd. 63. 76 s.
20. Stanzel F. Theorie des Erzählens, Göttingen, 1979. 333 s.
21. Kayser W. Wer erzählt den Roman? // Zur Poetik des Romans / ed. V. Klotz. Darmstadt, 1958. S. 197–217.
22. Амарова К.Н., Лесский Г.А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. 1976. Т. 35, № 4. С. 343–356.
23. Амарова К.Н., Лесский Г.А. Семантика и структура повествования от третьего лица в художественной прозе // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. 1980. Т. 39, № 1. С. 33–46.
24. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
25. Шильман М.В. Коммуникативная стратегия «речевая маска» (на материале произведений А. и Б. Стругацких) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 23 с.
26. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М. : Высш. шк., 1971. 240 с.
27. Виноградов В.В. О языке художественной прозы: избр. тр. / В.В. Виноградов. М. : Наука, 1980. 360 с.
28. Трифонова Ю.В. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Худож. лит., 1986. Т. 2. 495 с.
29. Трифонова Ю.В. В кратком – бесконечное. Беседа вел А. Бочаров // Вопросы литературы. 1974. № 8. С. 171–194.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 декабря 2014 г.

FUNCTIONS OF HIGHLIGHTED WORDS IN DIFFERENT NARRATIVE SONGS IN THE NARRATIVE *THE HOUSE ON THE EMBANKMENT* BY YU. TRIFONOV

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 15–20. DOI 10.17223/15617793/392/2

Vasilenko Anastasiya G. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: devyatkina.anastasiya@yandex.ru

Keywords: functional aspect; graphically marked word; idiostyle; Yu. V. Trifonov; interspace; pragmatic function.

The article deals with an analysis of highlighted words as a characteristic feature of Yu.V. Trifonov's idiostyle. Such words are identified by some typical functions (expressive, intoning, keyword functions in the lexical organisation of texts, etc.) as well as distinct author's functions (lie marking function; organisation of a dialogue or polylogue between the reader, the character and the narrator; etc.). Highlighted words in Trifonov's texts are presented in speech lines of narrators and/or characters. We proposed a thesis that some highlighted word functions are typical of certain narrative songs. Special attention was given to cases of overlapping of narrative layers, particularly, to the analysis of the changing functions of highlighted words that belong to several narrative lines. With the mentioned above narrative instances, the narrative base consists in some research carried out by R. Barthes, L. Dolezel, G. Genette, M. Bal, W. Schmid, G. Prince, S. Chatman, J. Lintvelt and others. This article makes an emphasis on the functional aspect of the graphically marked words research. According to the types of registers of communication, Yu.V. Trifonov's narrative *The House on the Embankment* represents Glebov's recollections in a prologue written in the third person (where the narrator's and author's speech merges) with some inserts in the first person (when Glebov is represented as a main character). Highlighted words can be seen in the discourse of the following narrative songs: in direct and indirect speech, in inner monologue; in dialogues of major and minor characters; in the discourse of the first-person narration (represented by Glebov's classmate and Glebov himself) where highlighted words become a link connecting the voices of several narrative songs. Thus, highlighted words can function in the discourse in the following two ways: the narrator's recollections through a character's speech in the third person, and overlapping of the author's and narrator's speech in the third person. The characters' speech is defined by the following functions of highlighted words: accentual/semantic actualisation and characterisation. A word is enriched when the narrator's third-person discourse involves highlighted words that have two narrative categories. As a narrative category, a fictitious narrator is characterised by the following functions of highlighted words: keywords highlighting, textbuilding, motive and lie marking. The functions can be meaningfully interwoven in texts.

REFERENCES

1. Tripol'skaya T.A. *Kommentariy kak element khudozhestvennogo teksta: tipy i funktsii* [Commentary as an element of a literary text: types and functions]. In: Tripol'skaya T.A. (ed.) *Kommentariy i interpretatsiya teksta* [Commentary and interpretation of the text]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2008, pp. 34–35.

2. Devyatkina A.G. [Multifunctionality of the highlighted word in the works of Yu. Trifonov]. *Aktual'nye problemy literaturovedeniya i lingvistiki: materialy konf. molodykh uchenykh* [Topical problems of literary criticism and linguistics: Materials of the conference of young researchers]. Tomsk, 2011, is. 12, vol. 1, pp. 96–99. (In Russian).
3. Devyatkina A.G. *Graficheski vydelennoe slovo kak marker obmana (na materiale proizvedeniy Yu.V. Trifonova)* [Graphically highlighted word as a marker of deception (based on the works of Yu. Trifonov)]. In: Tripol'skaya T.A. (ed.) *Diskurs lzhi i lozh' kak diskurs* [Discourse lies and lies as a discourse]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2012, pp. 129–137.
4. Il'in I.P., Tsurganova E.A. (eds.) *Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie (strany Zapadnoy Evropy i SShA): kontseptsii, shkoly, terminy. Entsiklopedicheskiy spravochnik* [Modern foreign literary criticism (Western Europe and the United States): Concepts, schools, terms. Encyclopedic reference book]. Moscow: Intrada – INION Publ., 1999. 319 p.
5. Barthes R. Introduction à l'analyse structural des récits. *Communications*, 1966, no. 8, pp. 1–27.
6. Dolezel L. *The Typology of the narrator: Point of View in Function*. In: *To Honor Roman Jakobson*. The Hague, Paris, 1967. Vol. 1, pp. 541–552.
7. Dolezel L. *Narrative Modes in Czech literature*. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1973. 152 p.
8. Genette G. *Figures*. 1966–1972. Vol. 1–3.
9. Bal M. *Narratologie: Les Instances du récit: Essais sur la signification narrative dans quatre romans modernes*. Paris, 1977. 199 p.
10. Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003. 312 p.
11. Prince G. Introduction à l'étude du narrataire. *Poétique*. 1973, no. 14, pp. 178–196.
12. Prince G. *Narratology: The form and Functioning of Narrative*. The Hague, 1982. 184 p.
13. Chatman S. *Story and discourse: Narrative structure in Fiction and Film*. Ithaca; London, 1978. 277 p.
14. Lintvelt J. *Essai de typologie narrative: Le "point de vue": Théorie et analyse*. Paris, 1981. 315 p.
15. Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1963. 363 p.
16. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979. 423 p.
17. Uspenskiy B.A. *Poetika kompozitsii* [Poetics of composition]. St. Petersburg: Azbuka Publ., 2000. 348 p. (Academia).
18. Fügen W. Zur Tiefenstruktur des Narrativen: Prolegomena zu einer generativen "Grammatik" des Erzählens. *Poetica. Zeitschrift für Sprach- und Literaturwissenschaft*, 1972, Bd. 5, pp. 268–292.
19. Stanzel F. *Die Typischen Erzählsituationen in Roman: Dargestellt an "Tom Jones", "Moby Dick", "The Ambassadors", "Ulysses" u.a.* Wien; Stuttgart, 1955. Bd. 63, 76 p.
20. Stanzel F. *Theorie des Erzählens*. Göttingen, 1979. 333 p.
21. Kayser W. *Wer erzählt den Roman?* In: Klotz V. (ed.) *Zur Poetik des Romans*. Darmstadt, 1958, pp. 197–217.
22. Atarova K.N., Lesskis G.A. Semantika i struktura povestvovaniya ot pervogo litsa v khudozhestvennoy proze [Semantics and structure of first-person narrative in prose]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. Literaturny i yazyka*, 1976., vol. 35, no. 4, pp. 343–356.
23. Atarova K.N., Lesskis G.A. Semantika i struktura povestvovaniya ot tret'ego litsa v khudozhestvennoy proze [Semantics and structure of third-person narrative in prose]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. Literaturny i yazyka*, 1980, vol. 39, no. 1, pp. 33–46.
24. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [Semantic research (Semantics of tense and aspect in the Russian language; semantics of the narrative)]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 464 p.
25. Shpil'man M.V. *Kommunikativnaya strategiya "rechevaya maska" (na materiale proizvedeniy A. i B. Strugatskiykh)*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Communication strategy "speech mask" (based on the works of A. and B. Strugatsky). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Novosibirsk, 2006. 23 p.
26. Vinogradov V.V. *O teorii khudozhestvennoy rechi* [On the theory of artistic speech]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1971. 240 p.
27. Vinogradov V.V. *O yazyke khudozhestvennoy prozy: izbr. tr.* [On the language of fiction: selected works]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 360 p.
28. Trifonov Yu.V. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Works: in 4 vols.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986. Vol. 2, 495 p.
29. Trifonov Yu.V. V kratkom – beskonechnoe. Besedu vel A. Bocharov [The infinite in the short. Interviewed by A. Bocharov]. *Voprosy literatury*, 1974, no. 8, pp. 171–194.

Received: 23 December 2014

ВЛИЯНИЕ МЕЖМОДАЛЬНОГО КОНФЛИКТА НА ВОСПРИЯТИЕ ВЕРБАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ

Статья посвящена решению одного из аспектов проблемы восприятия адресатом монокодового вербального текста, находящегося в условиях полимодального существования, – выявлению особенностей полимодального восприятия вербальных стимулов. Подробно описываются ход и результаты двух экспериментальных исследований, направленных на выявление доминирующей модальности при восприятии вербальных стимулов, существующих в условиях конфликта модальностей, определяется влияние конфликтной «фоновой» информации на восприятие информации из поля произвольного внимания, выделяется ведущая модальность при бимодальном (аудиально-визуальном) восприятии.

Ключевые слова: полимодальность; полимодальные тексты; полимодальное восприятие; эксперимент; восприятие текста; межмодальный конфликт.

В настоящее время не вызывает сомнений психологическая реальность полимодального характера человеческого восприятия. Неоднократно в работах отечественных и зарубежных исследователей-психологов [1–7] говорилось о полимодальном поле перцепции (Б.Г. Ананьев, А. Вежбицкая, А.В. Запорожец, Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн, С.В. Кравков, Л.М. Веккер, Е.Ю. Артемьева и др.), изучению отдельных полимодальных структур посвящены работы В.А. Лабунской, О.В. Абдуллиной, Н.А. Бaeвой, М.В. Анисимовой и др.

В лингвокогнитивных исследованиях термин *модальность*, в отличие от омонимичного в собственно лингвистической традиции¹, апеллирует прежде всего к психологическому термину модальности как *принадлежности к определенной сенсорной системе*. Таким образом, *полимодальность* традиционно определяется как *совокупность ощущений, поступающих путем разных модальностей при чувственном восприятии объекта действительности* [9. С. 89–112].

Нужно отметить, что в более ранних трудах (Г.В. Ейгер, В.Л. Юхт, А.Г. Сонин, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов) полимодальность (при определенном терминологическом смещении) зачастую трактуется как типологическая характеристика текста, заключающаяся в его семиотической гетерогенности: соединении информации разного кода (чаще всего иконической и вербальной природы) в рамках моно- либо полимодального восприятия. В нашей интерпретации соединение разных кодов получает терминологическое обозначение *поликодовость*, соединение разных модальностей – *полимодальность*. Мы не будем останавливаться на явлении первого типа (более подробно см. [10]) и перейдем к рассмотрению явления полимодальности.

В отличие от собственно когнитивной проблемы изучения полимодальности восприятия, в лингвокогнитивных исследованиях данный феномен приобретает некоторое своеобразие, обусловленное неоднородностью объекта изучения. В частности, речь идет о разграничении двух объектов изучения:

1) *языковые единицы*, семантически репрезентирующие уже сформированный на многоканальной перцептивной основе «чувственный образ объекта»;

2) «*полимодальные тексты*», под которыми мы понимаем *тексты, задействующие различные сен-*

сорные каналы восприятия адресата для собственной репрезентации (например, *кинотексты*).

Интерпретация языковых единиц. Широта научной интерпретации терминов «модальность» и «полимодальность» детерминирует разнообразие объектов изучения в рамках лингвокогнитивных исследований.

Повторим, что восприятие одного и того же объекта действительности возможно в рамках одновременно нескольких сенсорных каналов: предмет можно увидеть, можно ощутить тактильно, попробовать на вкус и т.д. Все полученные на физиологическом уровне ощущения ложатся в основу формирования психологического образа объекта.

Полимодальный перенос. Наиболее наглядно подобные чувственные образы выражаются в языковых единицах, имплицитно соединяющие в себе информацию разной перцептивной природы (слова типа *сухой [на вид] – сухой [на ощупь]*; *шершавый [на вид] – шершавый [на ощупь]*). В данном случае речь идет о наслоении информации из тактильного и визуального секторов. Другим примером может служить соединение информации обонятельного и вкусового характера: *пряный [запах] – пряный [вкус]* [11].

Таким образом, в случаях с полимодальным переносом мы имеем дело с комплексным чувственным образом, сформированным на основе информации из нескольких смежных каналов восприятия. При этом речь идет о реально воспринимаемых характеристиках предмета.

Интермодальный перенос. Наряду с моно- и полимодальным восприятием некоторые ученые дополнительно выделяют *интермодальное* [12], предполагающее бимодальный характер сочетания сенсорных каналов (например, визуальный и аудиальный) [13. С. 9].

В отличие от рассмотренного выше полимодального переноса, интермодальный опирается на такую характеристику объекта, которая в действительности не соответствует реальному перцептивному ощущению. Примером может служить словосочетание *яркий звук*, соединяющее в себе информацию из визуального и аудиального секторов. Именно интермодальный перенос лежит в основе метафорического явления *синестезии и соощущения* [14, 15].

Нужно добавить, что подобные комплексные чувственные образы могут быть сформированы на основе интрамодального (одноименного) и интермодального

(разноименного – не следует путать с вышеописанным интермодальным переносом) сочетания информации.

Одноименные, или интрамодальные, взаимодействия предполагают сочетания ощущений из одного перцептивного канала (форма, цвет, размеры – визуальный канал восприятия).

Разноименные, или интермодальные, взаимодействия сочетают ощущения из разных перцептивных каналов.

Восприятие полимодальных текстов. Вторым объектом лингвокогнитивных полимодальных исследований становятся так называемые *полимодальные тексты*, особенность которых заключается в актуализации сразу нескольких перцептивных каналов восприятия адресата для собственной *репрезентации*.

Текст, как и единичные вербальные стимулы, выступает не только в качестве субстрата существования полимодального чувственного образа объекта, посредством которого этот образ может изучаться, но и сам становится самостоятельным объектом полимодального исследования (существует в разных модальностях).

Таким образом, мы имеем два лингвокогнитивных объекта изучения в рамках полимодальных исследований и, соответственно, две проблемы:

– полимодальная природа образа, обозначенного языковой единицей / текстом;

– полимодальная природа восприятия собственно языковой единицы / текста, т.е. восприятие через разные сенсорные каналы.

Каждая из этих проблем существует на уровне единичного вербального стимула или на уровне текста (рис. 1).

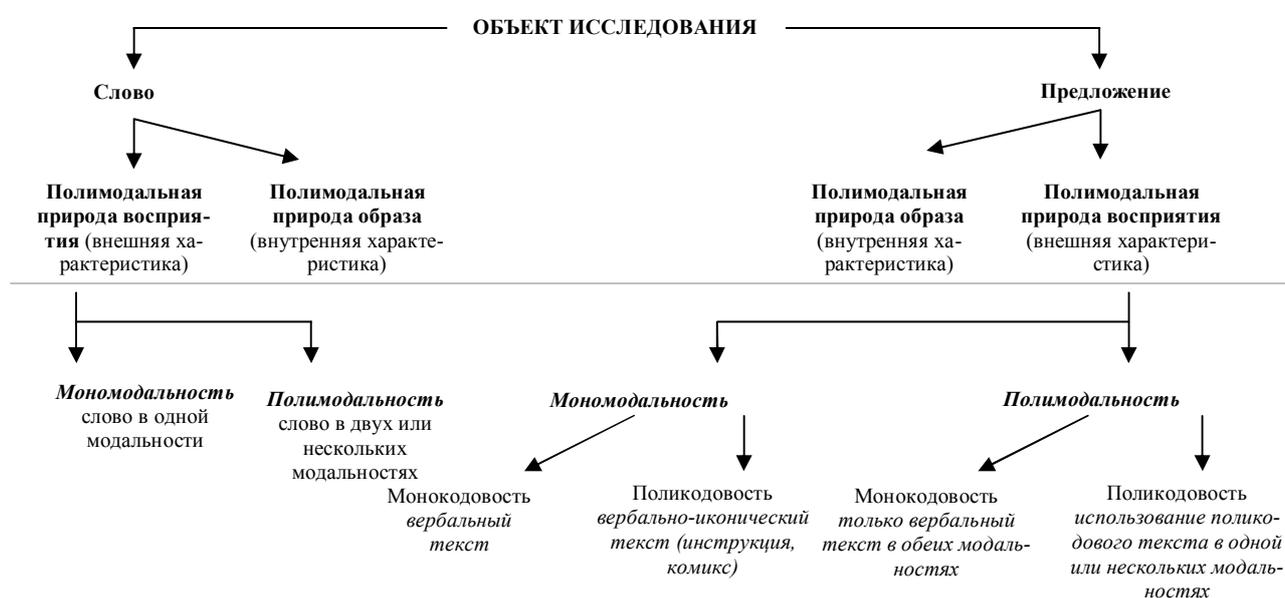

Рис. 1. Характеристика объекта исследования. Границы поликодировости и полимодальности

В данной смехе полимодальная природа восприятия слова обладает меньшими характеристиками в сравнении с текстом, поскольку слово может существовать только в рамках вербального кода (не может быть достроено в поликодировость). При этом слова (равно как и тексты), содержащие либо не содержащие *полимодальную природу образа*, могут быть двумя самостоятельными объектами исследования в рамках изучения *полимодальной природы восприятия* (могут восприниматься посредством нескольких сенсорных каналов одновременно).

Нельзя говорить о преимуществе одного объекта исследования перед другим, каждый в данном случае позволяет решить свои конкретно-исследовательские задачи, а потому изучение текстов и слова должно находиться в ситуации взаимодополнения.

Ранее мы обращались к изучению особенностей полимодального восприятия [19] монокодировых и поликодировых текстов, в данной статье речь пойдет о

восприятии вербальных стимулов, существующих в условиях конфликта модальностей.

Таким образом, мы ограничиваем условия существования вербального кода полимодальным (аудиально-визуальным) восприятием, исключая влияние иных факторов (контролируя все характеристики слова и добиваясь «чистоты» экспериментального стимульного материала). Все это позволит нам с высокой степенью определенности говорить о доминирующей модальности при восприятии вербального текста, а также проследить особенности восприятия слов в условиях модального конфликта.

Экспериментальное установление закономерностей сенсорного межмодального взаимодействия вербальных стимулов становится важным шагом при изучении текстов полимодального характера.

Постановка проблемы. Нами была проведена серия экспериментов, направленных на изучение конкуренции аудиального и визуального каналов при

предъявлении однородной вербальной информации в условиях конфликта модальностей.

Мы преследовали следующие исследовательские цели:

- изучить особенности бимодального восприятия вербальных стимулов в условиях конфликта модальностей;

- выявить влияние конфликтной «фоновой» информации на восприятие информации из поля произвольного внимания;

- выделить ведущую модальность при бимодальном (аудиально-визуальном) восприятии.

Гипотеза. Мы предположили, что при наличии произвольного внимания, установленного на восприятие вербальной информации одной из модальностей (визуальной), автоматически усваивающаяся подобная информация второй модальности (аудиальной) будет влиять на восприятие исходной модальности и на решение связанной с ней задачи.

Эксперимент 1. Серия экспериментов была написана и проведена при помощи программы E-Prime 2.0 (Copyright 1996-2012 Psychology Software Tools).

Основной эксперимент предполагал параллельное бимодальное предъявление слов, содержащих идентичную или конфликтную информацию по категории одушевленности, и состоял из подготовительного и основного этапов.

На подготовительном этапе (претест) нами было отобрано 120 существительных с различной частотностью употребления, проверявшейся по «Новому частотному словарю» [15], созданному на основе Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Учитывался параметр *ipm* для каждого слова (число употреблений на миллион слов корпуса).

В качестве задания к основному эксперименту использовался базовый когнитивный процесс категоризации (G. Lakoff, F.A. Bleasdale, Н.П. Радчикова) с категорией одушевленности в основе [16]. Данная категория была выбрана нами как одна из наиболее семантически сильных для создания *идентичных* и *конфликтных* случаев в обеих модальностях, однако изучение восприятия собственно одушевленности не представляло для нас исследовательского интереса.

Для ранжирования всех отобранных стимулов по обозначенной категории (для последующей категоризации в ходе проведения экспериментальной сессии) в сознании носителей языка на этапе претеста респондентам были предложены шкалы Лайкерта (общее число участников $N = 63$, все – студенты вузов от 18 до 23 лет) для шкалирования субъективной одушевленности по семибальной системе (от 1 до 7, где 1 – очень / самое неодушевленное, 2 – неодушевленное, 3 – скорее неодушевленное, 4 – столько же неодушевленное, сколько и одушевленное, 5 – скорее одушевленное, 6 – одушевленное, 7 – очень / самое одушевленное).

Из них для формирования экспериментального стимульного материала было отобрано 80 слов: по 40 слов *максимальной* и *минимальной* субъективной одушевленности. Двусторонняя значимость между группами стимулов по фактору категории одушев-

ленности (t-критерий для независимых выборок) составила $p < 0,0001$.

Одновременно мы исключили влияние фактора *частотности* на возникновение функциональной асимметрии модальностей: двусторонняя значимость (t-критерий для независимых выборок) групп стимулов в каждой из модальностей (аудиальной и визуальной) составила $p = 0,755$.

В дальнейшем стимулы были сформированы в пары (один для аудиальной, другой для визуальной модальности) с учетом обоих критериев (таблица). Формирование происходило на основании категории одушевленности (О-одушевленный, N-неодушевленный): всего *четыре* случая, из которых два *совпадения* (О-О, N-N) и два *конфликта* (О-N, N-O).

Типы стимульного материала в эксперименте 1

Пары стимулов	Визуальная модальность (экран)	Аудиальная модальность (наушники)
	Одушевленное	Одушевленное
	Одушевленное	Неодушевленное
	Неодушевленное	Одушевленное
	Неодушевленное	Неодушевленное

При формировании пар также учитывался фактор *длины слогов* (количество слогов стимула аудиальной модальности попарно совпадает с количеством слогов стимула визуальной).

Дизайн эксперимента, таким образом, выглядел следующим образом: 2×2 , где в качестве независимых переменных выступили *соотношение модальностей* (аудиальная \times визуальная) и категория *одушевленности* (одушевленное \times неодушевленное). В качестве зависимых переменных собирались данные *времени реакции* (RT) и *точность выполнения задания* на категоризацию (ACC).

Испытуемые. В качестве испытуемых выступили студенты различных факультетов, не участвовавшие в претесте, в возрасте от 19 до 23 лет, с нормальным или скорректированным до «нормального» зрением и нормальным слухом общим числом 26 человек, из которых 10 – мужчины.

Процедура. После фиксационного креста (500 мс) шли псевдорандомизированные пары стимулов (контрбалансировка² ответов соблюдена), один из которых появлялся на экране в течение максимум 3 000 мс до нажатия клавиш 1 (одушевленное) или 2 (неодушевленное). Другой вербальный стимул одновременно с появлением слова на экране звучал в наушниках, имеющих перекрывающую поверхность. Перед началом новой пробы появлялся пустой экран (500 мс). Эксперимент предполагал наличие тренировки (10 пар стимулов), данные которой не учитывались при анализе.

Произвольное внимание респондентов, таким образом, было установлено на визуальную модальность (особенности инструкции: следовало категоризовать слово, которое будет выводиться на экране).

Анализ результатов. Для анализа выбора ответа использовались все данные, за исключением несколь-

ких случаев технических ошибок респондентов (нажатие «пробела» вместо верной клавиши и т.п.).

Чтобы избежать появления паттернов, детерминированных невалифицированными ответами (респондент не следовал инструкции, нажимал одну клавишу, не понял условия и т.д.), перед анализом данные обрезались более чем на ± 2 стандартных отклонения для каждого из условий. Всего 4,7% данных было исключено из анализа.

Анализ (Repeated Measures ANOVA) данных по показателю RT выявил наличие статистически значимого эффекта ($F(1, 24) = 7,5; p = 0,01$) по фактору соотношения модальностей: несмотря на наличие установленного на визуальной модальности произвольного внимания, в случаях конфликта стимулов в аудиальной и визуальной модальностях время реакции увеличивается (рис. 2).

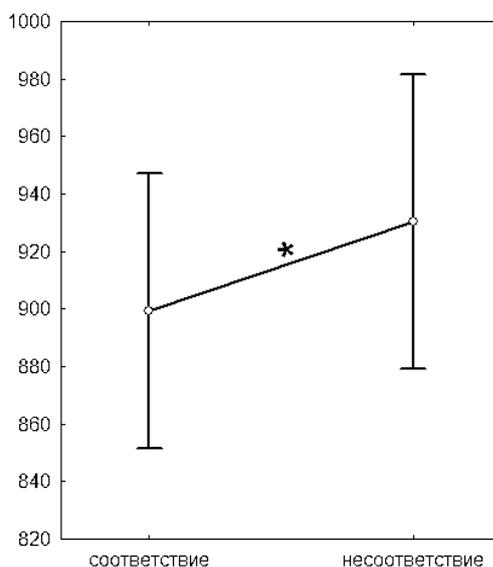

Рис. 2. Межмодальное соотношение типа стимулов по фактору времени реакции

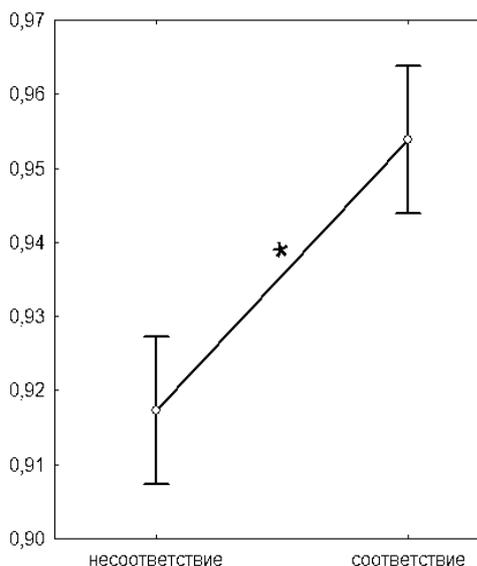

Рис. 3. Межмодальное соотношение типа стимулов по фактору процента ошибок

Схожие результаты были получены и в ходе анализа (ANOVA) процента ошибок при выполнении задания ($F(1, 36) = 7; p = 0,01$): вероятность выбрать ошибочный вариант в случаях конфликта модальностей значительно повышается в сравнении со случаями совпадения (рис. 3).

Эксперимент 2. Нами также был проведен дополнительный эксперимент, направленный на выявление доминирующей модальности с одновременным исключением фактора установленного произвольного внимания.

В качестве *стимулов* выступили исходные стимулы первого эксперимента, перегруппированные в соответствии с новым заданием: выявлением ведущей перцептивной модальности при восприятии вербальных стимулов.

Испытуемые. В качестве испытуемых выступили студенты различных факультетов, не участвовавшие в претесте, в возрасте от 19 до 23 лет, с нормальным или скорректированным до «нормального» зрением и нормальным слухом общим числом 40 человек, из которых 20 – мужчины.

Процедура. После фиксационного креста (500 мс) шли псевдорандомизированные пары стимулов (контрбалансировка ответов соблюдена), один из которых появлялся на экране в течение максимум 3 000 мс до нажатия клавиши 1 (одушевленное) или 2 (неодушевленное). Другой вербальный стимул одновременно с появлением слова на экране звучал в наушниках, имеющих перекрывающую поверхность. Перед началом новой пробы появлялся пустой экран (500 мс). Эксперимент предполагал наличие тренировки (10 пар стимулов), данные которой не учитывались при анализе.

В отличие от первого эксперимента, от респондентов требовалось определить, в какой из модальностей будет предъявлен *одушевленный* стимул, и нажать клавиши 1 либо 2 для визуальной и аудиальной модальностей соответственно.

Следовательно, мы снимали фактор наличия произвольности внимания в визуальной модальности, распределяя его одновременно по обоим сенсорным каналам: визуальному и аудиальному.

Таким образом, мы имеем один независимый фактор – фактор модальности (визуальной \times аудиальной). В качестве зависимых переменных выступили фактор времени реакции (RT), а также фактор правильности выполнения задания на категоризацию (ACC).

Анализ результатов. Для анализа выбора ответа использовались все данные, за исключением нескольких случаев технических ошибок респондентов (нажатие «пробела» вместо верной клавиши и т.п.).

Перед анализом данные обрезались более чем на ± 2 стандартных отклонения для каждого из условий (всего 4% от общего числа данных).

Анализ (One-way ANOVA) данных эксперимента по фактору времени реакции позволил сделать вывод о том, что ведущей для восприятия является визуальная модальность ($F(1, 38) = 8,1244, p = ,007$) (рис. 4).

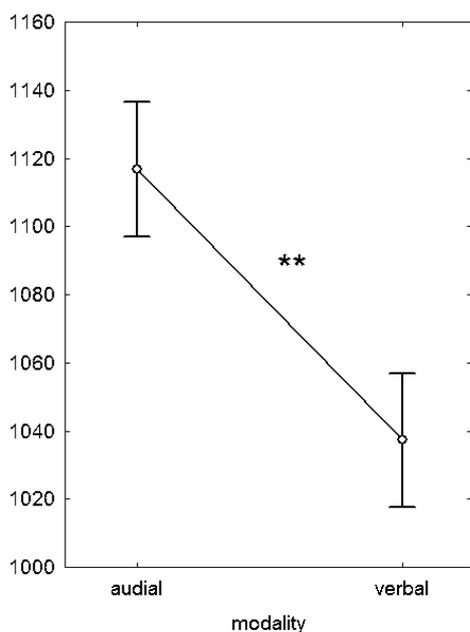

Рис. 4. Соотношение модальностей по фактору времени реакции

Выводы. Исследуя полимодальное восприятие вербальных стимулов в условиях конфликта модальностей, мы пришли к следующим выводам:

Ведущей для восприятия вербальной информации является *визуальная модальность*, что также подтвер-

ждается данными проведенного нами ранее психолингвистического эксперимента [8].

Иными словами, в оппозиции модальность – тип информации в рамках полимодального восприятия ведущая роль принадлежит модальности.

Полученные экспериментальные данные позволяют говорить об отсутствии зависимости существующей функциональной асимметрии межмодального вербального восприятия (выделение визуальной модальности в качестве ведущей) от типа заложенной категории (отсутствие интеракции между факторами). Следовательно, данный результат должен быть воспроизводим и в условиях иных семантических оснований.

Однако выявленная значимая разница в скорости восприятия аудиально-визуальных пар с *конфликтной* и *идентичной* информацией (последние воспринимаются значительно быстрее) позволяет говорить о существенном влиянии типа информации на восприятие: фоновая (звучащая вне установленного произвольного внимания респондентов) информация ускоряет либо замедляет восприятие информации из области произвольного внимания. Таким образом, можно говорить о некоторых собственно когнитивных процессах при восприятии информации, недетерминированных фактором ведущей модальности. Вопрос полимодального восприятия и восприятия полимодальных текстов достаточно обширный, и наше исследование – лишь шаг на пути к его дальнейшему изучению.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Собственно лингвистическая традиция трактует данный термин как текстовую категорию, подразумевающую субъективно-оценочную характеристику предмета речи (см., например: [8]).

² Речь идет о соблюдении симметрии в расположении «правильных» ответов для каждой из модальностей и каждой из рук, чтобы избежать выработки ложного автоматизма для одного из условий в ходе проведения эксперимента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 4-е изд., стереотип. М. : КомКнига, 2006. 144 с. (Лингвистическое наследие XX века.)
2. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие. М. : Академия, 2003. 128 с.
3. Hayes D., Birnbaum D. Preschoolers' retention of televised events: Is a picture worth a thousand words? // *Developmental Psychology*. 1980. № 16. P. 410–416.
4. Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика // *Когнитивные исследования – IV*. М. : ИП РАН, 2010. С. 134–152.
5. Шариффулин С.Б. Вербально-иконические тексты в современной музыкальной коммуникации (на материале видеоклипов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013. 20 с.
6. Рогожникова Т.М., Навалихина А.И. Доминантные модальности восприятия и их динамика // *Вестник Башкирского университета*. 2011. Т. 16, № 2. С. 469–473.
7. Никитина Э.Г. Экспериментальное исследование восприятия телевизионных спортивных репортажей // *Вестник Череповецкого государственного университета*. № 4. С. 72–76.
8. Lakoff G., Johnson M. *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Chicago : Chicago University Press, 1987.
9. Ананьев Б.Г. Теория ощущений. Л. : ЛГУ, 1961. С. 89–112.
10. Некрасова Е.Д. К вопросу о восприятии полимодальных текстов // *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 378. С. 45–48.
11. Елисеева О.А. Метонимические и метафорические способы описания характера концептуализации чувственного восприятия // *Филологические науки. Вопросы теории и практики* № 5 (23) : в 2 ч. Тамбов : Грамота, 2013. Ч. 1. С. 62–65.
12. Ertel S., Kemmler L., Stadler M. Gestalttheorie in der Modernen Psychologie: Wolfgang Metzger zum 75 // *Geburtstag*. Darmstadt : Steinkopff, 1975. 332 p.
13. Камынина О.Е. Развитие полимодального восприятия у младших школьников в процессе музыкальной деятельности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2009. 23 с.
14. Елина Е.А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства. Номинативно-коммуникативный аспект / под ред. В.И. Карасика. Саратов : Саратов. гос. соц.-эконом. ун-т, 2002. 256 с.
15. Степанян Л.Л. Синестезия и эмоциональность речи // *Вестник Московского университета*. 2004. № 4. С. 115–120.
16. Большакова Л.С. О содержании поликодовый текст // *Вестник Новгородского государственного университета*. 2011. № 49. С. 48–51.
17. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М. : Азбуковник, 2009.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 02 декабря 2014 г.

THE INFLUENCE OF INTERMODAL CONFLICT ON PERCEPTION OF VERBAL STIMULI

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 21–26. DOI 10.17223/15617793/392/3

Nekrasova Elena D. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: NekrasovaED@yandex.ru

Keywords: multimodal perception; multimodal text; multimodalit; percetion of the text; multimodal conflict.

This paper deals with the problem of multimodal perception of verbal signs. Human perception is multimodal. The study of multimodal texts and multimodal perception of words is a step towards the study of multimodal perception in general. The author conducted a series of experiments aimed at the study of the competition of the audial and visual channels while homogeneous verbal information is being presented in the condition of modality conflict. The author pursued the following research objectives: to study characteristics of bimodal perception of verbal stimuli in conflict modalities; to identify the impact of conflict "background" information on the perception of information extracted from the field of voluntary attention; to select a leading modality in bimodal (audial-visual) perception. The research hypothesis is that when the voluntary attention is focused on verbal information of one of the modalities (visual), information acquired automatically via the second modality (audial) will affect the perception of the former original modality as well as the solution of the tasks related to this original modality. The experiment method was selected as the leading research method. The experimental series consisted of two independent experiments. The *main experiment* presupposed parallel bimodal presentation of words that contain identical or conflicting information in animateness category, and consisted of preparatory (pretest) and primary stages. The *second experiment* aimed at identifying the dominant modality in the multimodal perception of verbal stimuli. Visual modality proves to be a leading modality for the perception of verbal information. In other words, modality has a leading role in the modality – type of the information opposition in case of multimodal perception. The experimental data show that the existing functional asymmetry of intermodal verbal perception (visual modality playing a leading role) does not depend on the type of category (no interaction between factors). Therefore, this result should be replicable in terms of other semantic factors. However, the difference in speed during the perception of audio-visual pairs with conflict and identical information (mismatch pairs are perceived significantly faster) shows significant effects of type of information on perception: the background information (which sounds outside voluntary attention of respondents) accelerates or slows down the perception of information from the field of voluntary attention. Thus, it is possible to speak about some cognitive processes, accompanying the perception of information which are not determined by a leading modality.

REFERENCES

1. Gal'perin I.R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. 4th edition. Moscow: KomKniga Publ., 2006. 144 p.
2. Anan'ev B.G. *Teoriya oshchushcheniy* [The theory of sensations]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1961, pp. 89–112.
3. Nekrasova E.D. On multimodal perception of the text (a psycholinguistic experiment). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 378, pp. 45–48. (In Russian).
4. Eliseeva O.A. Metonymic and metaphorical ways of describing sensory perception conceptualization nature. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2013, 5 (23), pt. 1, pp. 62–65. (In Russian).
5. Ertel S., Kemmler L., Stadler M. *Gestalttheorie in der Modernen Psychologie: Wolfgang Metzger zum 75*. Darmstadt: Steinkopff, 1975. 332 p.
6. Kamynina O.E. *Razvitie polimodal'nogo vospriyatiya u mladshikh shkol'nikov v protsesse muzykal'noy deyatel'nosti*: avtoref. dis. kand. psikhol. nauk [Development of multimodal perception in primary school children in the musical activity. Abstract of Psychology Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2009. 23 p.
7. Elina E.A. *Verbal'nye interpretatsii proizvedeniy izobrazitel'nogo iskusstva. Nominativno-kommunikativnyy aspekt* [Verbal interpretation of works of art. The nominative-communicative aspect]. Saratov: Saratov State Social-Economic University Publ., 2002. 256 p.
8. Stepanyan L.L. Sinesteziya i emotsional'nost' rechi [Synesthesia and emotionality of speech]. *Vestnik Moskovskogo universiteta – Moscow University Bulletin*, 2004, no. 4, pp. 115–120.
9. Anisimova E.E. *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov)* [Text linguistics and intercultural communication (based on creolized texts)]. Moscow: Akademiya Publ., 2003. 128 p.
10. Hayes D., Birnbaum D. Preschoolers' retention of televised events: Is a picture worth a thousand words? *Developmental Psychology*, 1980, no. 16, pp. 410–416.
11. Kibrik A.A. *Mul'timodal'naya lingvistika* [Multimodal linguistics]. In: *Kognitivnye issledovaniya – IV* [Cognitive studies – IV]. Moscow: IP RAS Publ., 2010, pp. 134–152.
12. Shariffulin S.B. *Verbal'no-ikonicheskie teksty v soveremnoy muzykal'noy kommunikatsii (na materiale videoklipov)*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Verbal and iconic texts of modern musical communication (based on video clips). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Kemerovo, 2013. 20 p.
13. Rogozhnikova T.M., Navalikhina A.I. Dominantnye modal'nosti vospriyatiya i ikh dinamika [Dominant modalities of perception and their dynamics]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*, 2011, vol. 16, no. 2, pp. 469–473.
14. Nikitina E.G. An experimental research of perception of the sport television reportage. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 4, vol. 2, pp. 72–76. (In Russian).
15. Bol'shakova L.S. O soderzhanii ponyatiya "polikodovyy tekst" [The content of the concept "polycode text"]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*, 2008, no. 49, pp. 48–51.
16. Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency dictionary of modern Russian language (on materials of the Russian National Corpus)]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2009.
17. Lakoff G., Johnson M. *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: Chicago University Press, 1987.

Received: 02 December 2014

СУБЪЕКТНО-АДРЕСАТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РАННЕМ НЕМЕЦКОМ ПРОЗАИЧЕСКОМ РОМАНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДИСЛОВИЙ)

Изучаются средства и способы текстового воплощения субъекта речи и изображения адресата в предисловиях к немецким прозаическим романам XVI в. В результате выявляются многообразные формы субъектно-адресатных отношений. Данные формы представляются в виде бинарных оппозиций по параметрам: самореференция субъекта речи; противопоставление внешнего и внутреннего субъектов речи; прямые / дистантные отношения субъекта речи и адресата; степень имплицитного представления субъекта речи и адресата.

Ключевые слова: субъектно-адресатные отношения; субъект речи; адресат; ранний немецкий прозаический роман; пара-текст.

Коммуникативно-прагматический подход к тексту выдвигает в центр лингвистического исследования проблему взаимодействия субъекта речи и адресата¹; принципов и постулатов, этикетных норм, организуемых их отношения, форм данных отношений и присущих этим формам функций. В связи с таким подходом наиболее отчетливо ощущается необходимость учитывать принадлежность текста к конкретному историческому периоду, дискурсу или жанру, что объясняется детерминированностью речевого взаимодействия социокультурным контекстом (см. концепцию историчности речевых актов: [2, 3]). Среди отечественных исследований с такой постановкой проблемы должны быть названы работы по исторической прагматике, выполненные на кафедре немецкой филологии СПбГУ (см.: [4–7]). Данные исследования посвящены изучению коммуникативно-прагматических особенностей ранней письменной традиции.

Среди работ, затрагивающих прагмалингвистический аспект дискурсных и / или жанровых признаков текста, следует отметить докторскую диссертацию Н.Н. Пелевиной [8]. В работе изучаются формы речевой реализации автора и средства текстовой фиксации как его когнитивных, так и коммуникативно-прагматических установок в научной и художественной коммуникациях в сопоставительном аспекте. В качестве материала исследования выступают немецкоязычные тексты XX – начала XXI в.

Предпосылкой исследования О.Н. Гронской «Субъект в фантастическом дискурсе (на материале немецкой сказки)» выступает идея о том, что «в разных типах текста одной формы коммуникации и тем более в разных формах коммуникации образ автора реализуется по-разному» [9. С. 6]. В монографии изучаются средства текстовой реализации субъекта (совокупного текстового субъекта, включающего автора / повествователя, читателя, персонажа), исходя из специфики фантастического дискурса, представленного народными и литературными сказками. В связи с этим экспликация субъекта в сказочном тексте осуществляется на границе хронотопных систем реальности и фантастики. Другой формой экспликации выступает фиктивный диалог автора с читателем. Имплицитно субъект репрезентируется посредством личного имени и топографии, выступающих в сказоч-

ном пространстве в качестве носителей определенно-го образа мира, а также задается ритмом и графикой.

В тесной связи с жанровой спецификой текста в статье Л.М. Бондаревой «Фактор субъектной адресованности в текстах мемуарного типа (“Литература воспоминаний” в свете прагмалингвистики)» изучаются типы «фиктивного» читателя (наррататора) [10]². Исследование проводится на основе текстов мемуарного жанра, определяемых как «субъективированные беллетризованные нефикциональные тексты, в основе которых лежит ретроспективно направленная когнитивная деятельность повествующего субъекта, реконструирующего факты прошлого опыта и идентичного реальной исторической личности автора воспоминаний» [Там же. С. 27]. В результате определяются три формы проявления базового отношения *автор – «фиктивный» читатель*, соотносимые с характерными для жанра воспоминания тремя типами «контактного» повествователя. Так, типу «в меру контактного» повествователя соответствует тип читателя-«спутника», типу «естественно контактного» повествователя – тип читателя-«собеседника», типу «чрезвычайно контактного» повествователя – тип-портрет читателя-«друга» [Там же. С. 33].

Отдельно в связи с фактором адресата необходимо отметить исследование М.А. Олейник «Адресат и динамическая языковая картина мира: концепция взаимообусловленности» [12]. Материалом для работы послужили немецкоязычные тексты IX–XXI вв. В качестве отправного исторического периода принимается письменная традиция XVI в. по причине его переходной роли в развитии жанров, заключающейся, прежде всего, в деактуализации текстов о житиях святых и в формировании приоритета тривиальной литературы [Там же. С. 7–8, 10]. В работе впервые подробно рассматривается адресатный план сверхтекстовых пространств, в том числе паратекста (заголовки на титульных листах, посвящения, предисловия).

На основе представленного выше обзора исследований можно говорить о том, что в настоящее время накоплен существенный опыт изучения текстовой коммуникации при обращении к отдельным историческим эпохам, сферам коммуникации и жанрам. Однако наблюдается качественная и количественная неравномерность в степени изученности субъекта речи и адресата. Приоритет, как правило, отдается

одной из сторон. Текстовые параметры второй стороны привлекаются в зависимости от первой (например, [8, 12]). Кроме того, на примере исследования Н.Н. Пелевиной, а также М.А. Олейник очевидно то, что необходимы дальнейшие конкретизация и уточнение полученных результатов, в том числе в отношении ранних письменных эпох, где тексты являются единственным источником речевого материала.

Цель настоящей статьи – анализ средств текстового воплощения субъекта речи (автора) и изображения адресата (читателя) на уровне паратекста немецких прозаических романов XVI в. В качестве конкретного объекта исследования выступают предисловия к романам. Таким образом, **новизна** настоящего исследования заключается, во-первых, в комплексном подходе к текстовой коммуникации при последовательном рассмотрении сторон как субъекта речи, так и адресата в их взаимосвязи друг с другом. **Новым** является также то, что проводимое исследование позволяет как конкретизировать уже имеющийся материал об адресатном плане предисловия XVI в. при специальном обращении к прозаическим романам, так и выявить с этой точки зрения своеобразие презентуемого данными текстами особого позднесредневекового жанра.

Актуальность настоящей работы обусловлена, во-первых, антропоцентрической направленностью современной лингвистической парадигмы, во-вторых, междисциплинарным характером проводимого исследования. Исследовательский контекст образуют: 1. Историческая прагматика (см.: [2, 3]). 2. Исторический синтаксис (см.: [13, 14]). 3. Лингвистика текста (см.: [15, 16]), в частности лингвистическая теория жанров текста (немецкий термин *Textsortenlinguistik*³). 4. Нарратология (см.: [1, 17]).

В качестве материала исследования выбраны прозаические романы «Ein kurtzweilig Lesen von Dyl Ulenspiegel <...>» (1515 г.), «Melusine» (1587 г.) и «Lalebuch» (1597 г.). Как известно, термин «прозаический роман» не является исходным жанровым обозначением данных текстов и, как и термин Герреса «народная книга»⁴, представляет научный конструкт⁵. Под ранними немецкими прозаическими романами понимаются «крупные прозаические повествовательные произведения или циклы рассказов, как правило, развлекательного характера, возникшие в XV–XVI вв. на основе фольклорных текстов, (переводных) литературных источников и с открытием книгопечатания получившие распространение в виде простых, дешёвых изданий, которые вплоть до XIX в. пользовались успехом в широкой читательской среде» [18. С. 1]. В связи с этим при прагмалингвистическом исследовании художественной коммуникации Позднего Средневековья становится важным охватить разные грани данного временного периода, учитывая, тем самым, все конституации. Данная установка определила отбор материала исследования: названные тексты относятся к развлекательной литературе для третьего сословия, вместе с тем они значительно отличаются друг от друга по происхождению, демонстрируя вместе три основных пути возникновения текстов данного жанра. Так, роман «Melusine» является переводом-

адаптацией французского рыцарского романа «Ein kurtzweilig Lesen von Dyl Ulenspiegel <...>» – прозаической переработкой стихотворных шванков, роман «Lalebuch» представляет оригинальную немецкую художественную прозу.

Ниже приводится анализ предисловий романов.

Предисловие к роману «Melusine» принадлежит перу его автора-переводчика – Тюрингу фон Рингольтингену. В современном переиздании романа по сборнику «Buch der Liebe» Зигмунда Фейерабендта 1587 г. данный текст приводится отдельно в рамках критической статьи в конце книги (см.: [20]).

Графически текст представлен в виде двух частей. Первая часть начинается с инклюзивного обозначения субъекта речи и адресата посредством местоимения 1 л. мн.ч. *unß: Düß Aventürlich büch bewiset unß von einer frowen genant Melusine <...>* [Там же. С. 148]. Прагматическая нагрузка такого способа референции заключается в том, что субъект речи позиционирует себя как находящегося в одном времени-пространстве с адресатом и устанавливает с ним паритетные отношения, приписывая себе также статус адресата (так как референция осуществляется в форме дат. пад. – специализированного средства адресации⁶). В остальных высказываниях этой части текста субъектно-адресатные отношения представлены имплицитно⁷.

В отличие от первой, информационной части, в которой кратко повествуется о героях романа, во второй части автор стремится убедить читателя в реальности изображенных в романе героев и событий⁸, о чем он заявляет открыто и в связи с чем особым образом организует свои отношения с читателем. Так, самопредставление автора как субъекта речи осуществляется в виде развернутой именной группы, состоящей из местоимения 1 л. ед. ч. в им. пад., личного и родового имен и сведений о происхождении: <...> *ich Turing von Ringgoltigen von bern uß öchtland ein zu mol seltzen und gar wunderlich frömde Hystorien funden in franckzoysen sprach und welscher zungen <...>* [20. С. 148]. Развернутая референция служит для однозначного отождествления читателем субъекта речи, изображенного в тексте (внутреннего субъекта речи, или нарратора), с самим автором предисловия и романа (внешним субъектом речи). Намеренное уравнивание данных коммуникативных инстанций позволяет автору подчеркнуть реальный, непосредственный характер своего речевого взаимодействия с читателем и убедить его в правдивости сообщаемого им о романе в рамках предисловия.

В конце текста, в прагматически сильной позиции, автор напрямую обращается к читателю: *Werdent ir alles hie nach hören uff das kurtzeste begriffen* [Там же. С. 149]. В качестве средств адресации служат местоимение 2 л. и соответствующая глагольная форма. Адресация во 2 л. мн. ч. свидетельствует об авторской концепции читателя, как группового и неиндивидуализированного.

Адресату предисловия и романа, имманентному тексту предисловия (абстрактному читателю, далее адресату²), противопоставляется адресат, о котором сообщается как о первостепенном читателе романа

(конкретный читатель, далее адресат1): *Die aber ich zu 0
eren und zu 0 dinst des edlen wol geborn Heren marggraff
Rudolffs von hochberg Heren zu 0 röttlen und zu 0 susen-
burg myns gnedigen heren zu 0 tütscher zungen gemacht
und translatiert hab nach mynem besten vermogen <...>*
[20. С. 148]. Из данного высказывания следует, что роман был создан для знатного лица, занимающего по сравнению с автором текста более высокое положение в обществе. Социальное неравенство автора и адресата1 подчеркивает форма референции в третьем лице, благодаря чему между данными коммуникативными инстанциями устанавливается дистанция. О неравном статусе можно говорить и на основе развернутого обозначения адресата при всех титулах, включая специальные клише, служащие для его возвеличивания и умаления на этом фоне субъекта речи (например, *myns gnedigen heren / моего милостивого, благосклонного господина*). Однако такой способ референции свидетельствует и о ритуализованных субъектно-адресатных отношениях, так как согласно этикетным нормам этого периода превосходство статуса адресата подчеркивалось намеренно [12. С. 36–37].

Предисловие к роману «Ein kurtzweilig Lesen von Dyl Ulenspiegel <...>» написано его автором-составителем, в роли которого выступил хронист из Брауншвейга Герман Боте (см.: [23]). Самая ранняя из сохранившихся версий романа представлена тремя изданиями Иоганна Грюнингера (1510/12 г., 1515 г. и 1519 г.). В настоящей статье анализируется предисловие издания 1515 г. (см.: [24]).

В начале текста автор знакомит читателя с обстоятельствами написания презентуемого романа. В связи с этим он называет временные координаты событий и представляет себя читателю: *Als man zalt von Crist Geburt 1500 bin ich, N., durch etlich Personen gebetten worden <...>* [Там же. С. 7]. Самореференция субъекта речи осуществляется в виде именной группы, состоящей из местоимения 1 л. ед. ч. и имени собственного, сокращенного до одной буквы. Положение субъекта речи во времени конкретизирует 1500 год от Рождества Христова, когда его, как он замечает, попросили написать роман. В остальной части текста субъект речи эксплицирован исключительно через формы местоимения 1 л. ед. ч. Реализация субъекта речи в данном тексте в качестве личного, но анонимного повествователя отвечает в целом характерной для художественной коммуникации этого времени тенденции к анонимности и демонстрирует пример текстового воплощения субъекта речи *ein paradoxes «Ich-vngenant»* [18. С. 25].

Изображенный в тексте субъект речи (нарратор, внутренний субъект) заявляет о себе как об авторе романа. Такой его статус утверждается также непротиворечивостью внутренней и внешней точек зрения. Однако по причине малоинформативности формы самореференции субъекта речи, в отличие от «Melusine», для данного текста невозможно открытое отождествление нарратора и конкретного автора предисловия и романа.

Заказчик произведения, его первоочередный адресат (адресат1), обозначается как группа лиц, лично

известных субъекту речи, но оставляемых им неизвестными для адресата2: *etlich Personen / некоторые личности, особы*. Большой частью адресат1 задается имплицитно: на основе отдельных лексических средств, используемых субъектом речи как исполнителем при описании ситуации заказа. Так, заказчик занимает по сравнению с ним более высокое общественное положение. О неравном статусе говорит то, что, по признанию субъекта речи, заказчик обещал ему за труд над составлением историй о Тиле Уленшпигеле свое благосклонное отношение, покровительство: *Für solich mein Müe und Arbeit wolten sie mir eer Gunst hoch erbieten* [24. С. 7].

В отличие от предисловия к «Melusine», в данном предисловии отсутствует прямое обращение субъекта речи к адресату2. Из средств эксплицитной адресации присутствуют средства, задающие дистантные, отстраненные субъектно-адресатные отношения: адресат обозначается как третье лицо, находящееся вне актуального времени-пространства субъекта речи. Так, первое средство адресации – местоимения, исключающие возможность конкретно-определенной референции (универсальное местоимение *jederman / всякий*; близкое к универсальным как утвердительным местоимениям отрицательное местоимение *nieman / никто*; экзистенциальное *jeman / кто-нибудь, кто-либо*), а также местоимение слабой определенности *jetlich (некоторый)*. Второе средство обозначения адресата – нереферентные именные группы с общеэкзистенциальным денотативным статусом (о денотативном статусе см.: [25]): *Nun allein umb ein frölich Gemüt zu machen in schweren Zeiten, und die Lesenden und Zuhörenden mögen gute kurtzweilige Fröden und Schwänck daruß fabulleren* [24. С. 7].

В предисловии присутствует целый ряд показателей имплицитного обращения субъекта речи к адресату2. Так, вышеприведенное высказывание содержит краткую жанровую характеристику произведения (ср. *allein umb ein frölich Gemüt zu machen in schweren Zeiten / лишь для того, чтобы сделать веселым дух в тяжелые времена*). Как отмечает М.А. Олейник, лексема *kurtzweilig* в составе паратекстовых элементов изданий в этот период времени выступала как своеобразный сигнал адресату о принадлежности произведения к легкой, развлекательной литературе [11. С. 33]. Указание жанра направлено в данном случае на то, чтобы сориентировать адресата в содержании и характере романа и, заинтересовав его, побудить к знакомству с произведением.

Конкретный автор-составитель предисловия к роману «Lalebuch» (см.: [26]), как и самого произведения, неизвестен. Текст предваряет надпись заголовка, в которой указывается функция предисловия как вступления, сообщающего причину и повод написания романа (Historie): *Eyngang in diese Histori / darin nen vermeldet / auß was Vrsachen vnd Anlaß solche beschriben worden* [Там же. С. 5]. В самом конце предисловия дополняет краткая надпись, в которой говорится о том, что далее следует сам роман: *Nun folget das Lalebuch* [Там же. С. 9]. Благодаря надписи, во-первых, маркируется граница между предисловием и

романом, во-вторых, инициируется начало романа: наречие *nun* конкретизирует презентную форму глагола *folgen* до инклюзивного презенса. Благодаря значению инклюзивного презенса, означающего совпадение действия с моментом речи, между субъектом речи, автором надписи, и конкретным читателем в момент чтения текста надписи устанавливаются отношения непосредственного контакта.

Субъект речи в предисловии ярко маркирован. Это связано, во-первых, с многократностью его обозначения в тексте (26 раз). В качестве средства референции каждый раз используется местоимение 1 л. ед. ч. По этой причине данное предисловие, по сравнению с предыдущим, в плане текстовой реализации субъекта речи как *ein paradoxes «Ich-vngenant»* оказывается наиболее показательным. Выразительность позиции субъекта речи задается также имплицитно на уровне модальности высказываний. В качестве средств, формирующих подчеркнута субъективную модальность, выступают оценочные слова. Так, практически в каждом высказывании выражается определенное оценочное отношение к предмету референции, например, отношение к манере изложения информации о референте: *Mit einem Wort zu reden / es pflegt da solcher massen zu zugehen / als man in gemeinem Sprichwort saget: Viel Köpff viel Sinn* [26. С. 6].

Благодаря оценочной модальности повествование в данном предисловии приобретает сказовые формы, создается ощущение непосредственного диалога субъекта речи с адресатом. Таким образом, в данном тексте высока и степень имплицитного представления адресата. Один из двух имеющихся случаев эксплицитного изображения адресата демонстрирует следующее высказывание: *Da dann gewißlich / glaubt mir / deß Spiels der Edlen Lieb mit schönen Frawen / nit vergessen worden* [Там же]. В данном случае субъект речи, во-первых, высказывает оценку достоверности сообщаемого – высокую степень уверенности (маркер данного значения – наречие *gewißlich*), таким образом, адресат задается имплицитно. Во-вторых, субъект речи обращается к адресату (императив 2 л. ед. ч.). В самом конце текста, в прагматически сильной позиции, субъект речи снова обращается к адресату. Референция осуществляется при помощи местоимения 2 л. ед. ч. в дат. пад. и формулы *günstiger Leser* (благосклонный читатель).

Субъект речи так же, как и в предыдущих предисловиях, позиционирует себя в качестве автора романа. Однако такой его статус фиктивен. Подчеркнуто сказовая манера повествования и, главное, демонстрируемая за счет скрытых интертекстуальных ссылок внутренняя противоречивость самой истории, рассказываемой в предисловии, указывают на кардинальное несовпадение внешней и внутренней точек зрения. Так, служащая в качестве точки отсчета повествования дата, на которую субъект речи ссылается как на год установления великого и обширного королевства Утопия, является годом падения Рима: *Im Jahr von der Auffrichtung vnd Bestellung deß Großmächtigen vnnnd weitläuffigen Königreichs Utopien / 753 <...>* [26. С. 5]. Фиктивность истории подчеркивает и само название королевства, в

котором разворачиваются события, буквально означающее «место, которого не существует»⁹.

Как показал проведенный анализ, паратекст раннего немецкого прозаического романа, в частности тексты предисловий, можно считать показательным в плане разнообразия форм субъектно-адресатных отношений. В каждом из рассмотренных случаев субъект речи устанавливает с адресатом отношения специфическим и неповторимым образом. В ходе поочередного анализа средств и способов самореференции субъекта речи и референции адресата между текстами были выявлены как точки соприкосновения, так и расхождения. При опоре на них возможно представление обнаруженного многообразия форм субъектно-адресатных отношений в виде бинарных оппозиций по параметрам: 1. Самореференция субъекта речи. 2. Противопоставление внешнего и внутреннего субъектов речи. 3. Прямые / дистантные отношения субъекта речи с адресатом. 4. Степень имплицитной конкретизации субъекта речи и адресата. По первому параметру выделяются тексты, в которых самореференция субъекта речи осуществляется только через формы местоимения 1 л. ед. ч. («Lalebuch»), и тексты, в которых самореференция не ограничена названным местоимением («Melusine» и «Ein kurtzweilig Lesen von Dyl Ulenspiegel <...>»). При учете информативности средств самореференции в рамках последней группы выделяются еще две подгруппы: а) «Ein kurtzweilig Lesen von Dyl Ulenspiegel <...>», где самореференция малоинформативна по причине типичного для анонима сокращения имени до одной буквы; б) «Melusine», где самоназывание субъекта речи включает личное и родовое имена, а также место рождения. С первым параметром тесно связан второй, по которому друг другу противопоставляются, с одной стороны, предисловия к «Melusine», «Ein kurtzweilig Lesen von Dyl Ulenspiegel <...>» и, с другой стороны, предисловие к «Lalebuch». В первом случае отсутствует открытое противопоставление внешнего и внутреннего субъектов речи. В предисловии к «Melusine» их позиции изображаются как тождественные. Благодаря этому автор текста стремится доказать читателю правдоподобность сообщаемого им о романе в рамках предисловия. Во втором случае данные коммуникативные инстанции противопоставляются. Таким образом, автор текста формирует у читателя установку на условность истории, рассказываемой в предисловии, и опровергает утверждаемую в предисловии реальную основу событий романа. По третьему параметру противопоставлены, с одной стороны, «Melusine», «Lalebuch», где между субъектом речи и адресатом² устанавливается прямой контакт, и, с другой стороны «Ein kurtzweilig Lesen von Dyl Ulenspiegel <...>», где между субъектом речи и адресатом², а также адресатом¹ задается дистанция. Предисловие к «Melusine», при учете средств обращения только к адресату¹, также принадлежит ко второй группе. Под параметром имплицитного представления субъекта речи и адресата понимается позиция субъекта речи и / или адресата, не получившая в тексте непосредственной вербализации, но устанавлива-

емая на основе отдельных текстовых параметров. К текстам с высокой степенью имплицитного представления субъекта речи и адресата принадлежит, прежде

всего, предисловие к «Lalebuch», где субъект речи и адресат задаются оценочной модальностью высказываний.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В художественном (повествовательном) тексте сторону субъекта речи как отправителя речевого произведения репрезентируют как минимум инстанции автора, нарратора и персонажа, выступающего в роли говорящего; сторону адресата как получателя – соответственно инстанции читателя (конкретного и абстрактного), нарратора, персонажа, выступающего в роли слушающего. Ср. модель коммуникативных уровней В. Шмида [1. С. 24–25].

² См. также другие работы этого автора, например [11].

³ Данная исследовательская парадигма сложилась к 1990-м гг. и продолжает оставаться актуальной. В лингвистике текста, концепции которой развивались, как правило, на современном языковом материале, в последнее время требуется конкретизация на материале разных жанров и типов текста в ситуации немецкого языка.

⁴ Ср.: «народные книги» – тексты нейтральной зоны между рыцарским эпосом и бюргерским романом, которые по своим жанровым структурам могут быть описаны как «больше не» и «еще не» [18. С. 4].

⁵ Из этого следует проблема корпуса текстов, принадлежащих к жанру раннего немецкого прозаического романа. О разных корпусах см. [19].

⁶ О специализированных и неспециализированных средствах адресации см. [12]; также о функции датива в немецком языке для обозначения адресата см. [21].

⁷ Об эксплицитности / имплицитности выражения адресата и соответствующих средствах адресации см. [12].

⁸ Этой же установкой Тюринг фон Рингольтинген руководствовался при переводе романа. Как показало исследование Х.-Г. Ролоффа, от оригинального произведения немецкий роман отличается тем, что вместо изображения придворно-рыцарского мира главное внимание в нем уделяется приданию реалистичности и исторической правдоподобности описываемым событиям [22. С. 193–196].

⁹ Подробнее об интертекстуальных ссылках в предисловии и романе см. [26. С. 141–149].

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмид В. Нарратология. М., 2003.
2. Schlieben-Lange B. Für eine historische Analyse von Sprechakten // Sprachtheorie und Pragmatik / hrsg. von H. Weber, H. Weydt. (Akten des 10. Linguistischen Kolloquiums. Bd. 1.) (Linguistische Arbeiten 31). Tübingen, 1976. S. 113–119.
3. Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte: Zürcher Kolloquium 1978 / hrsg. von H. Sitta. Tübingen, 1980.
4. Аветисова Л.Н. Речевой ритуал в народной книге о Тиле Уленшпигеле (1515) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.
5. Солдатова А.В. Директивные речевые акты в средневерхненемецком языке (на материале «Песни о нибелунгах», «Парцифалья» Вольфрама фон Эшенбаха, «Тристана» Готфрида Страсбургского) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.
6. Корытцев М.В. Речевой эпизод и его прагматическая структура в древневерхнегерманском библейском эпосе в сопоставительном аспекте (на материале древнесаксонской поэмы «Хелианд», древневерхнегерманского извода евангельской гармонии Татиана и Вульгаты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.
7. Бирр-Цуркан Л.Ф. Единицы речевого этикета и их функционирование в средневерхненемецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007.
8. Пелевина Н.Н. Текстовая актуализация когнитивно-речевого субъекта в научной и художественной коммуникации (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2009.
9. Гронская О.Н. Субъект в фантастическом дискурсе (на материале немецкой сказки). СПб., 2012.
10. Бондарева Л.М. Фактор субъектной адресованности в текстах мемуарного типа («Литература воспоминаний» в свете прагмалингвистики) // Проблемы семантики и прагматики : сб. науч. тр. Калининград, 1996. С. 27–33.
11. Бондарева Л.М. Прагматика авторского комментария в текстах ретроспективной направленности // Коммуникативно-прагматические аспекты лингвистических исследований : сб. науч. тр. Калининград, 1999. С. 29–35.
12. Олейник М.А. Адресат и динамическая языковая картина мира: концепция взаимообусловленности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 2006.
13. Admoni W. Historische Syntax des Deutschen. Tübingen, 1990.
14. Betten A. Grundzüge der Prosasyntax. Stilprägende Entwicklungen vom Althochdeutschen zum Neuhochdeutschen. Tübingen, 1987.
15. van Dijk T.A. Textwissenschaften: eine interdisziplinäre Einführung. Tübingen, 1980.
16. Brinker K. Linguistische Textanalyse. Tübingen, 1985.
17. Женетт Ж. Фигуры : в 2 т. М., 1998.
18. Müller J.-D. Volksbuch / Prosaroman im 15./16. Jahrhundert – Perspektiven der Forschung // Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur. Tübingen, 1985. S. 1–128.
19. Schnyder A. Das Corpus der frühneuhochdeutschen Prosaromane: eine tabellarische Übersicht als Problemaufriss // Eulenspiegel trifft Melusine. Der frühneuhochdeutsche Prosaroman im Licht neuer Forschungen und Methoden. Akten der Lausanner Tagung vom 2. bis 4. Oktober 2008. Amsterdam [u.a.], 2010. S. 545–556.
20. Thüring von Ringoltingen: Melusine. [In der Fassung des Buches der Liebe von 1587] / hrsg. von H.-G. Roloff. Stuttgart, 2000.
21. Баева Г.А. Падеж и падежное управление в истории немецкого языка. СПб., 1994.
22. Roloff H.-G. Stilstudien zur Prosa des XV. Jh. Die Melusine des Thüring von Ringoltingen. Köln, Bohlau, 1970.
23. Honegger P. Ulenspiegel. Ein Beitrag zur Druckgeschichte und zur Verfasserfrage // Forschungen des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung: Sprache u. Schrifttum 8. Neumünster. 1973.
24. Ein kurzweilig Lesen von Dil Ulenspiegel. Nach dem Druck von 1515. Mit 87 Holzschnitten / hrsg. von W. Lindow. Stuttgart, 2007.
25. Ладоучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М., 1985.
26. Das Lalebuch. Nach dem Druck von 1597. Mit den Abweichungen des Schiltbürgerbuchs von 1598 und zwölf Holzschnitten von 1680 // hrsg. von St. Ertz. Stuttgart, 1993.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 ноября 2014 г.

SENDER-RECEIVER RELATIONSHIP IN THE EARLY GERMAN PROSE NOVEL (BASED ON NOVEL INTRODUCTIONS)

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 27–33. DOI 10.17223/15617793/392/4

Ponamareva Nadezhda V. Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: nadezda_ponamareva@mail.ru

Keywords: sender-receiver relationship; sender; receiver; paratext; Early German prose novel.

The aim of the following article is to investigate peculiarities of an author's textual realization (as a sender S) and reader's description (as a receiver R) and to reveal models of the relationship between them. The novels *Ein kurtzweilig Lesen von Dyl Ulenspiegel* < . . . > (1515), *Melusine* (1587) and *Lalebuch* (1597) (further abbreviated as *DU*, *M* and *L* correspondingly) became the research material. The particular objects of the investigation are novel introductions. The main part of the article describes the analysis of each novel introduction. Means of author's textual realization and receiver's description as well as their pragmatic potential are revealed. As a consequence, a conclusion is made that the paratext of the early German prose novel can be characterized by a variety of S-R relationship models. These models can be classified as binary oppositions answering the following parameters: **A**. Form of the reference of S to himself; **B**. Manifest opposition of a particular author as an outside S of the text to the inside S (narrator); **C**. Direct / distant relations between S and R; **D**. Degree of the implicit presentation of S and R. According to the **A** parameter the following texts can be identified: texts with the reference of S to himself by means of the forms of a personal pronoun *ich* (*L*) and texts where reference is not limited by only this means (*M* and *DU*). Hereby, taking into account the informative value of means of the reference, the latter group of texts can also be divided into two subgroups: a) *DU*, where the value of reference means is less informative due to the abbreviation of the personal name to one letter; b) *M*, where S is identified by means of at least personal and family names. By **B** parameter the introductions to the novels *M* and *DU* are opposed to the introduction to *L*. In the first case the author does not emphasize his disagreement with the narrator intentionally. Considering *M* introductions their positions are presented as identical. Thus, in the first case, the author intends to convince the reader of the truth of words said about the novel's plot; in the second case, to emphasize the fictitious nature of the story described in the introduction. By **C** parameter texts where S and R are in a direct contact (*L* and *M* with R2 as an abstract reader) are opposed to texts with indirect relations (*DU* and *M* with R1 as a concrete reader). **D** parameter regarding the implicit presentation of S and R is the position of S and / or R that has no direct verbalization in the text but can be determined due to its certain features. The introduction to *L* belongs to the group of texts with a high degree of implicit S and R specification due to the means of modality.

REFERENCES

1. Schmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003. 312 p.
2. Schlieben-Lange B. *Für eine historische Analyse von Sprechakten*. In: Weber H. v., Weydt H. (eds.) *Sprachtheorie und Pragmatik*. Tübingen, 1976, vol. 1, pp. 113–119.
3. Sitta H. v. (ed.) *Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte: Zürcher Kolloquium 1978*. Tübingen, 1980.
4. Avetisova L.N. *Rechevoy ritual v narodnoy knige o Tile Ulenshpigele (1515)*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Speech ritual in the folk book of Till Eulenspiegel (1515). Abstract of Philology Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2002.
5. Soldatova A.V. *Direktivnye rechevye akty v sredneverkhnenemetskom yazyke (na materiale "Pesni o nibelungakh", "Partsifalya" Vol'frama fon Eshenbakha, "Tristana" Gotfrida Strasburgskogo)*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Directive speech acts in the Middle High German (based on The Song of the Nibelungs, Parzival by Wolfram von Eschenbach, Tristan by Gottfried von Strasbourg). Abstract of Philology Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2004.
6. Koryshev M.V. *Rechevoy epizod i ego pragmaticheskaya struktura v drevneverkhnegermanskom bibleyskom epose v sopostavitel'nom aspekte (na materiale drevnesaksonskoy poemy "Kheliand", drevneverkhnenemetskogo izvoda evangel'skoy garmonii Tatiana i Vul'gaty)*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Speech episode and its pragmatic structure in the Middle High German biblical epic in the comparative aspect (based on the Old Saxon poem Heliand, Old High German recension of the Gospel recension of the Gospel in Tatian's Harmony and in the Vulgate). Abstract of Philology Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2005.
7. Birr-Tsurkan L.F. *Edinitsy rechevogo etiketa i ikh funktsionirovanie v sredneverkhnenemetskom yazyke*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Units of speech etiquette and their functioning in Middle High German. Abstract of Philology Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2007.
8. Pelevina N.N. *Tekstovaya aktualizatsiya kognitivno-rechevogo sub"ekta v nauchnoy i khudozhestvennoy kommunikatsii (na materiale nemetskogo yazyka)*: avtoref. dis. d-ra filol. nauk [Text actualization of cognitive-speech subject in the scientific and artistic communication (in the German language. Abstract of Philology Dr. Diss.]. St. Petersburg, 2009.
9. Granskaya O.N. *Sub"ekt v fantasticheskom diskurse (na materiale nemetskoy skazki)* [Subject in a fantastic discourse (based on the German fairy tale)]. St. Petersburg: SpbGIEU Publ., 2012. 192 p.
10. Bondareva L.M. *Faktor sub"ektnoy adresovannosti v tekstakh memuar'nogo tipa ("Literatura vospominaniy" v svete pragmatolingvistiki)* [The subjective address factor in the texts of the memoir type ("Literature of memories" in pragmatolinguistics)]. In: Zabotkina V.I. (ed.) *Problemy semantiki i pragmatiki* [Problems of semantics and pragmatics]. Kaliningrad: Kaliningrad State University Publ., 1996, pp. 27–33.
11. Bondareva L.M. *Pragmatika avtorskogo kommentariya v tekstakh retrospektivnoy napravlenosti* [Pragmatics of the author's commentary in the retrospective orientation]. In: Zabotkina V.I. (ed.) *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty lingvisticheskikh issledovaniy* [Communicative-pragmatic aspects of linguistic studies]. Kaliningrad: Kaliningrad State University Publ., 1999, pp. 29–35.
12. Oleynik M.A. *Adresat i dinamicheskaya yazykovaya kartina mira: kontseptsiya vzaimoobuslovlennosti*: avtoref. dis. d-ra filol. nauk [Receiver and the dynamic language picture of the world: the concept of interdependence. Abstract of Philology Dr. Diss.]. Rostov-on-Don, 2006.
13. Admoni W. *Historische Syntax des Deutschen*. Tübingen, 1990.
14. Betten A. *Gründzüge der Prosasyntax. Stilprägende Entwicklungen vom Althochdeutschen zum Neuhochdeutschen*. Tübingen, 1987.

15. Van Dijk T.A. *Textwissenschaften: eine interdisziplinäre Einführung*. Tübingen, 1980.
16. Brinker K. *Linguistische Textanalyse*. Tübingen, 1985.
17. Genette G. *Figury: v 2 t.* [Figures: in 2 vols.]. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikov Publ., 1998.
18. Müller J.-D. *Volksbuch / Prosaroman im 15./16. Jahrhundert – Perspektiven der Forschung*. In: *Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur*. Tübingen, 1985, pp. 1–128.
19. Schnyder A. Das Corpus der frühneuhochdeutschen Prosaromane: eine tabellarische Übersicht als Problemaufriss. *Eulenspiegel trifft Melusine. Der frühneuhochdeutsche Prosaroman im Licht neuer Forschungen und Methoden. Akten der Lausanner Tagung vom 2. bis 4. Oktober 2008*. Amsterdam [u.a.], 2010, pp. 545–556.
20. Roloff H.-G. (ed.) *Thüring von Ringoltingen: Melusine. [In der Fassung des Buches der Liebe von 1587]*. Stuttgart, 2000.
21. Baeva G.A. *Padezh i padezhnoe upravlenie v istorii nemetskogo yazyka* [Case and case patterns in the history of the German language]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 1994. 172 p.
22. Roloff H.-G. *Stilstudien zur Prosa des XV. Jh. Die Melusine des Thüring von Ringoltingen*. Köln, Bohlau, 1970.
23. Honegger P. *Ulenspiegel. Ein Beitrag zur Druckgeschichte und zur Verfasserfrage*. In: *Forschungen des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung: Sprache u. Schrifttum* 8. Neumünster. 1973.
24. Lindow W. v. (ed.) *Ein kurzweilig Lesen von Dil Ulenspiegel. Nach dem Druck von 1515. Mit 87 Holzschnitten*. Stuttgart, 2007.
25. Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu: Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimeniy* [Statement and its relation to reality: referential aspects of pronoun semantics]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 272 p.
26. Ertz St. v. (ed.) *Das Lalebuch. Nach dem Druck von 1597. Mit den Abweichungen des Schiltbürgerbuchs von 1598 und zwölf Holzschnitten von 1680*. Stuttgart, 1993.

Received: 27 November 2014

АССИМИЛЯЦИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ (НА ПРИМЕРЕ КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДОВАННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА)

Рассматриваются особенности современного состояния образовательного дискурса и влияние экстралингвистических факторов на характер ассимиляции и функционирования новейших иноязычных неологизмов в современном русском языке на примере лексико-семантического поля «образование». Проведенное исследование свидетельствует о нарушении последовательности этапов ассимиляции иноязычных слов как одной из характерных особенностей процесса заимствования на современном этапе развития русского языка.

Ключевые слова: заимствование; образовательный дискурс; ассимиляция; лингвистический эксперимент.

Обретение современным образовательным курсом ярких индивидуальных черт и активное обновление методологического и терминологического аппарата в области образования в последние десятилетия во многом обусловлены появлением разных форм электронного обучения и феномена открытого университета. Первый открытый университет появился в Великобритании в 1969 г., предоставив возможность получения высшего образования людям разных социальных групп. Внешней причиной появления новой формы образования явились недоступность классических высших учебных заведений для многих слоев общества, дистанционность образовательных программ от реального рынка труда и недостаточная гибкость систем организации и управления.

Отличительной особенностью открытого университета стало обеспечение доступности образования для неограниченного числа студентов путем применения технологий дистанционного (компьютерно-опосредованного) обучения. Компьютерно-опосредованная коммуникация – «процесс, протекающий в открытой электронной социальной среде чаще всего посредством вербальных средств коммуникации (текстов, графики, аудио-, видеофайлов оцифрованной речи и изображения)» [1. С. 218]. Быстрое распространение данного вида коммуникации обусловлено развитием информационных и интернет-технологий. Она оказывается востребованной, поскольку позволяет освободить время коммуникантов, обеспечивает доступ к неограниченному объему информации и способствует организации и проведению групповой проектной работы, устраняя такой немаловажный фактор, как расстояние. Начиная с XXI в. вновь образующиеся открытые университеты также формулируют свою миссию как подготовку качественно новых специалистов, обладающих не только компетенциями в своей предметной области, но и умеющих самостоятельно мыслить, принимать грамотные управленческие решения и активно использовать коммуникативные навыки в ответ на изменившиеся запросы рынка труда [2].

С момента появления первого открытого университета подобные высшие учебные заведения открылись во многих странах мира (Британский открытый университет, Европейская онлайн-академия, Открытый университет Израиля, Центральный университет радио

и телевидения Китая), в том числе в России (Московский государственный открытый университет, Евразийский открытый институт, Открытый университет Сколково). Несмотря на то что дистанционные университеты очень отличаются друг от друга, их объединяют инновационные педагогические методы, продиктованные компьютерно-опосредованным характером обучения. Отличительная черта открытых университетов – модульность учебных курсов вплоть до представления материала в виде отдельных лекций вне рамок целого курса, индивидуальность траектории обучения каждого студента и доступность учебных материалов через сайт университета для всех желающих.

Одной из ярчайших тенденций последних лет также стало появление и активное распространение нового образовательного формата, известного как массовые открытые онлайн-курсы (Massive Open Online Courses, MOOCs). Один из первых бесплатных курсов был разработан в Стэнфордском университете в 2011 г. и привлек более 150 тысяч слушателей со всего мира [3]. На сегодняшний день число студентов, записавшихся на один массовый открытый онлайн-курс, может исчисляться миллионами. Наряду со всеми преимуществами других дистанционных форм обучения такие курсы сопровождаются обязательным общением между студентами и преподавателями через встроенные форумы и чаты, что дополнительно способствует активизации языковых процессов в рамках образовательного дискурса.

В настоящее время феномен онлайн-образования остается малоизученным с лингвистической позиции, однако представляет особый интерес, поскольку позиционирование этой формы обучения как принципиально новой требует от ее участников использования особого терминологического аппарата, что явилось причиной активизации процессов номинации в современном образовательном дискурсе русского языка. На лингвистическое оформление текстов, используемых в открытых университетах и массовых открытых онлайн-курсах, особое влияние оказывает компьютерно-опосредованный характер коммуникации, в том числе параметр синхронности и количества коммуникантов [4]. В то же время языковая культура онлайн-коммуникации демонстрирует общую тенденцию в области российского образования конца XX – начала XXI в.

В последние десятилетия в связи с распадом Советского Союза и, как результат, расширением международных контактов Россия активно вступила в процессы глобализации, охватившие практически все аспекты жизни современного сообщества. На фоне бурного развития информационных технологий происходит и стремительное обогащение языка, остро реагирующего на потребность в новых номинациях. Однако в контексте всеобщей интернационализации процесс наименования новых понятий зачастую осуществляется не собственными средствами языка, а через заимствование.

Помимо очевидных экстралингвистических факторов, таких как лидерство западных стран на фоне развития мирового рынка, экономики, информационных технологий, появления сети Интернет и т.д., процесс заимствования также объясняется сильным влиянием иностранных языков на русский язык. В силу различных исторических причин иностранные наименования воспринимаются в России как более престижные, а иноязычные вкрапления в речи используются носителями русского языка для создания имиджа высокообразованного и интеллигентного человека. «Употребление англицизмов диктуется желанием подчеркнуть высокий уровень образованности или знание языкового этикета, другие качества, ценимые сегодня обществом: уровень информированности о новом, современном, технически приоритетном» [5. С. 17].

В данной работе выявляется характер ассимиляции и функционирования в русском языке иноязычных неологизмов (т.е. слов иноязычного происхождения, проникших в русский язык в конце XX – начале XXI в., освоенных и не освоенных языком-реципиентом) лексико-семантического поля *образование* в условиях компьютерно-опосредованной коммуникации. При этом лексико-семантическое поле (ЛСП) понимается как «иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу» [6. С. 3]. ЛСП состоит из лексико-семантических парадигм, находящихся между собой в иерархических отношениях: лексико-семантических групп, лексико-семантических подгрупп, синонимических и антонимических рядов и т.д. «Лексико-семантическое поле – понятие весьма емкое. Здесь перекрещиваются главные проблемы лексикологии – проблемы синонимии, антонимии, полисемии, проблема соотношения слова и понятия. Решение задач, связанных с семантическими полями в лексике, позволяет по-новому освещать перечисленные проблемы» [7. С. 67].

Материалом для исследования послужили тексты открытых документов (лекций, презентаций, объявлений) Открытого университета Сколково (ОтУС), из которых приемом сплошной направленной выборки извлекались лексемы иноязычного происхождения, заимствованные в русский язык в конце XX – начале XXI в., и их контекстные употребления. ОтУС является частью экосистемы Инновационного центра «Сколково», провел первый набор студентов в апреле 2011 г. Университет позиционируется как «система распространения современных научно-технологиче-

ских знаний и компетенций и развития креативности, а также механизм поддержки сети активных и талантливых молодых людей в орбите Центра инноваций Сколково» [8]. При этом «образовательная программа ОтУС развивает передовые знания в приоритетных направлениях исследований и разработок Сколково (энергетика, биомедицина, космос, информационные технологии, ядерные технологии), академические и инновационные компетенции (форсайт, прогнозирование, мышление, проектирование), предпринимательские компетенции, опыт командной работы по проектированию и решению междисциплинарных проблем» [Там же].

Для целей данного исследования из презентационных материалов, лекций и объявлений ОтУС было извлечено 56 лексем иноязычного происхождения и 117 контекстных употреблений, которые были изучены с позиции их лингвистических и паралингвистических особенностей методом полевого описания и интерпретации. Для выявления степени ассимиляции отобранных лексических единиц также применялся лингвистический эксперимент. Следует отметить, что 90% отобранных лексических единиц не зафиксированы в лексикографических источниках и дефинируются автором на основании контекстного анализа и / или в результате лингвистического эксперимента.

Проведенное исследование показало, что использование новейших иноязычных неологизмов наиболее частотно в следующих лексико-семантических группах семантического поля *образование*.

Образовательная технология, например:

– *брейнсторминг* (от англ. *brainstorming* < *brain* ‘мозг’ + *storm* ‘шторм’). Метод мозгового штурма, мозговая атака;

– *кейс-стади* (от англ. *case-study* < *case* ‘дело’ + *study* ‘учить’). «Методика ситуативного обучения, основанная на реальной действительности и реальных проблемах, требующая от учащегося целесообразного решения в предложенной ситуации. Включает в себя описание конкретной практической ситуации с постановкой проблемы, справочную и дополнительную информацию о ситуации, методические материалы и указания. Развивает умения определять проблему, рассматривать ее со всех точек зрения, осуществлять поиск недостающей информации, аргументировать свою точку зрения» [9];

– *форсайт* (от англ. *foresight* ‘взгляд в будущее’). Особый групповой тип метода прогнозирования, основанный на оценке возможных перспектив развития и разработке практических подходов к реализации намеченных целей;

– *рефлексия* (от лат. *reflexio* ‘отражение’ через польск. *refleksja* ‘отражение’ [10. С. 476]). Процесс фиксирования обучающимися степени и методов развития своих компетенций, как правило, в виде написания эссе;

– *коворкинг* (от англ. *co-working* ‘совместно работающие’). Особый тип групповой работы, основанный на обмене опытом между людьми, объединенными в одном месте и решающими одну задачу независимо друг от друга.

Объект обучения, например:

– *хэдлинер* (от англ. *headliner* ‘герой заголовков’). Лидер проектной группы;

– *team lead* (от англ. *team lead* < *team* ‘команда’ + *lead* ‘лидировать’). Лидер группы;

– *комьюнити* (от англ. *community* ‘сообщество’). Объединение людей со схожими интересами, сообщество;

– *аттликант* (от англ. *applicant* ‘претендент’). Лицо, поступающее в высшее учебное заведение, абитуриент;

– *таргет-группа* (от англ. *target group* < *target* ‘цель’ + *group* ‘группа’). Целевая аудитория.

Вид учебной деятельности, например:

– *тьюториал* (от англ. *tutorial* ‘встреча с руководителем, консультация’). Практическое групповое занятие, семинар;

– *вебинар* (от англ. *webinar* < *web* ‘веб’ + *seminar* ‘семинар’). Особый тип семинара, проводимый посредством Интернета;

– *воркшоп* (от англ. *workshop* ‘семинар’). Особый тип семинара, не подразумевающий практического применения полученных знаний;

– *коуч-сессия* (от англ. *coach* ‘тренер’ + *сессия*). Индивидуальная консультация, направленная на раскрытие личностных качеств обучающегося и определение подходящей ему траектории обучения;

– *конвент* (от лат. *conventus* ‘собрание’). Конференция.

Методологическая концепция, например:

– *коллаборация* (от англ. *collabotation* ‘сотрудничество’). Совместная работа нескольких человек или организаций над решением общих задач;

– *edutainment* (от англ. *education* ‘образование’ + *entertainment* ‘развлечение’). Форма передачи данных через развлекательные обучающие материалы и педагогические технологии;

– *юзабилити* (от англ. *usability* ‘удобство в использовании’). Концепция разработки образовательных программ и технологий, направленная на обеспечение удобства для пользователя (студента).

Субъект образовательного процесса, например:

– *тьютор* «(от лат. *tutor* ‘защитник, опекун’). Преподаватель-консультант или куратор ученика, помогающий ему в организации индивидуального обучения и осуществляющий учебно-методическое руководство учебным процессом в рамках конкретной учебной программы» [9];

– *коуч* (от англ. *coach* ‘тренер’). Специалист, тренер, проводящий тренинг или мастер-класс;

– *топ* (от англ. *top* ‘верх, верхняя часть’). Ведущий специалист;

– *спикер* (от англ. *speaker* ‘говорящий’). Преподаватель, лектор.

Интерпретация анализируемых лексических единиц и их полевая систематизация позволяют сделать вывод о том, что в 39% случаев иноязычное слово является дублетом или синонимом исконно русского или ранее заимствованного слова, ср. *коуч* – тренер, *спикер* – лектор, *конвент* – конференция, *комьюнити* – сообщество, *таргет-группа* – целевая аудитория, *транскрипт* – зачетка, *рекрутинг* – набор (студентов), *кампус* – студенческий городок.

Зачастую иноязычные единицы одной лексико-семантической группы состоят в системных отношениях:

– синонимических (*воркшоп* и *мастер-класс*; *коуч-сессия* и *тьюториал*; *хэдлайнер* и *team-lead*; *кри* и *тренд*; *диссеминация* и *коммотизация*);

– гипо-гиперонимических (*коллаборация* и *ко-воркинг*).

С целью определения степени ассимиляции иноязычных лексем в русском языке на материале исследования был проведен лингвистический эксперимент. Важной задачей анкетирования было также выявление общих различий в освоенности иноязычных лексем в разных социальных группах. Для участия в эксперименте были привлечены две группы респондентов: 1) студенты ОтУС (непосредственные адресанты исследуемых текстов) – 15 респондентов; 2) студенты других университетов – 52 респондента.

Из исследуемого материала для анкеты было отобрано 27 единиц, наиболее широко встречающихся в проанализированных контекстах и представляющих все выделенные лексико-семантические группы ЛСП *образование*. Для отобранных единиц было сформировано два задания: отметить знаком те слова, значение которых понятно респондентам, и объяснить значение приведенных слов. Для предоставления минимального опорного контекста в ходе анкетирования была обозначена гиперсема *образование*. В качестве гипотезы для эксперимента послужило предположение о нарушении принятой в лингвистической литературе последовательности этапов ассимиляции иноязычных слов как одной из характерных особенностей процесса заимствования на современном этапе развития русского языка.

Традиционно выделяют несколько условий, соблюдение которых может говорить о степени ассимиляции иноязычного слова: 1) фонетическое и графическое оформление иноязычного слова средствами языка-реципиента; 2) определенность грамматических категорий слова; 3) словообразовательная активность слова; 4) определенная семантическая интерпретация, отличная от значений других существующих в языке слов; 5) регулярная употребляемость в речи [11. С. 44–45].

При этом участие лексического заимствования в словообразовании, появление дериватов считается признаком высокой степени ассимиляции. «Деривационная активность иноязычного слова, его вхождение в качестве производящей базы в состав новых лексических единиц является одним из важнейших критериев его заимствования языком-реципиентом» [12. С. 238]. В то же время важным признаком заимствованного слова признается «семантическая самостоятельность, отсутствие дублетных синонимических отношений с исконными словами языка» [13. С. 41].

Проведенный эксперимент показал, что словообразовательная ассимиляция анализируемых иноязычных слов протекает на фоне недостаточного семантического освоения. Значение слов, активно образующих дериваты, известно в среднем лишь 44% респондентов (см. *коллаборированный*, *неколлаборированный*, *коллаборировать*, *сколлаборировать* и др. от *коллаборация* ‘сотрудничество, совместная работа’ (46% интерпретаций от общего числа анкет); *диссеминировать*, *диссеминированный*, *диссеминирующий*–

ся и др. от *диссеминация* 'распространение' (10% интерпретаций от общего числа анкет).

В целом степень семантической освоенности представленных слов в группах респондентов варьируется от 6 до 91% и составляет в среднем 50% от общего числа анкет. Наиболее освоенными оказались лексемы *стикер* (91%), *кампус* (88%), *кейс* (88%), *team lead* (73%), *коуч* (71%), *фидбэк* (69%), *транскрипт* (69%), *комьюнити* (61%) и *тьютор* (54%); наименее освоенными – *форсайт* (28%), *конвент* (24%), *силлабус* (12%), *кри* (12%), *диссеминация* (10%) и *гештальт* (6%).

Недостаточная семантическая освоенность проанализированных слов также проявляется в размытости данных респондентами интерпретаций. Так, слова *тьюториал*, *воркшоп*, *мастер-класс*, *тренинг* и *коуч-сессия* чаще всего определяются как тип семинара. В результате анкетирования было выявлено четыре различных значения слова *тьютор*:

1) «воспитатель», «наставник», «куратор», «человек, занимающийся воспитательной деятельностью», «наставляющий»;

2) «преподаватель», «учитель», «обучатель», «обучающий», «репетитор»;

3) «человек, обеспечивающий разработку образовательных программ учащихся и студентов», «педагог, который обеспечивает разработку индивидуальных программ учащихся», «сопровождает процесс индивидуального образования в школе», «ответственный за организацию различных образовательных программ», «разработчик индивидуальных программ учащихся и студентов», «методист»;

4) «организатор», «организатор, ответственный за что-либо», «человек, занимающийся организаторской деятельностью в общежитии», «человек, отвечающий за какие-либо мероприятия, организатор».

Проведенный эксперимент также позволил проанализировать, насколько одинаково респонденты определяют значения предложенных слов в зависимости от принадлежности к разным группам. Так, необходимо отметить, что студенты ОтУС значительно чаще давали определения заданным словам, чем студенты других вузов (70% успешных ответов у студентов ОтУС и 44% – у студентов других вузов). Тем не менее существенных различий в интерпретации иноязычных номинаций в разных группах респондентов выявлено не было, в связи с чем можно говорить о том, что результаты эксперимента относительно сте-

пени ассимиляции иноязычных неологизмов отражают общезыковые тенденции последних десятилетий и не являются особенностью языковой компетенции слушателей открытого университета.

Следует отметить более высокую степень освоенности анализируемых слов среди студентов технических специальностей. В качестве причин, объясняющих это явление, можно предположить более высокий уровень владения иностранным языком, активное внедрение инновационных педагогических методик в техническом образовании и вторичность значений лексем, составляющих ЛСП *образование*, по отношению к их значениям, формирующим ЛСП *информационные и интернет-технологии* (см. *конвент*, *кластер*, *модерировать*).

При определении значений слов многие респонденты опирались на владение иностранным языком (97% опрошенных владеют английским языком, 12% – другим иностранным языком). Английский язык является наиболее актуальной опорой для интерпретации анализируемых единиц, поскольку большую часть группы составляют англицизмы.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что за последние десятилетия лексико-семантическое поле *образование* пополнилось значительным количеством иноязычных неологизмов, имеющих разную степень освоенности. Неполностью освоенные номинации часто вступают в отношения дублетности и синонимии с другими единицами данного лексико-семантического поля, что свидетельствует об определенной избыточности языковых средств на ранних этапах их семантической ассимиляции. Функционируя в русском языке в условиях недостаточной семантической освоенности, иноязычные неологизмы, тем не менее, показывают другие признаки высокой степени ассимиляции, такие как деривационная активность. На характер ассимиляции и функционирования иноязычной лексики в современном русском языке оказывают влияние экстралингвистические факторы, такие как международная интеграция в сфере образования, высокий уровень владения российской молодежи иностранным языком, активное внедрение новых технологий и взаимопроницаемость разных сфер жизнедеятельности человека. Следует также отметить, что престижность иноязычных наименований является наиболее актуальной причиной вытеснения соответствующих русских названий в современном образовательном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Розина И.Н. Компьютерно-опосредованная коммуникация в практике образования и бизнеса // Теория коммуникации & прикладная коммуникация. Вестник Российской коммуникативной ассоциации / под общ. ред. И.Н. Розиной. Ростов н/Д : ИУБиП, 2004. Вып. 2. С. 217–226.
2. Официальный сайт Британского открытого университета. URL: <http://www.open.ac.uk> (дата обращения: 04.04.2014).
3. Marques J. A short history of MOOCs and distance learning. URL: <http://www.moocnewsandreviews.com/a-short-history-of-moocs-and-distance-learning/> (дата обращения: 29.11.2014).
4. Шитицина Л.Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа. М. : Красанд, 2010. 296 с.
5. Ахметшина Ю.В. Англоязычные заимствования в системе иностранного языка: определение понятия, причины заимствования (на примере немецкого языка) // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2012. С. 16–18.
6. Новиков Л.А. Семантическое поле как лексическая категория // Теория поля в современном языкознании : тез. докл. науч.-теоретич. семинара. Уфа, 1991. С. 3–7.
7. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М. : Наука, 1976. 355 с.
8. Официальный сайт Открытого университета Сколково. URL: <http://www.open.ru/about> (дата обращения: 04.04.2014).
9. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) // Словари и энциклопедии на Академике. 2009. URL: <http://www.dic.academic.ru> (дата обращения: 06.11.2014).

10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стереотип. М. : Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.
11. Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
12. Щитова О.Г. Словообразовательная ассимиляция заимствований томской народно-разговорной речи XVII века // Актуальные проблемы современного словообразования : тр. междунар. науч. конф. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 238–243.
13. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М. : Просвещение, 1968. 208 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 ноября 2014 г.

ASSIMILATION OF FOREIGN NEOLOGISMS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE UNDER EXTRA-LINGUISTIC INFLUENCE (ON THE EXAMPLE OF COMPUTER-MEDIATED EDUCATIONAL DISCOURSE)

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 34–38. DOI 10.17223/15617793/392/5

Rybushkina Svetlana V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rybushkinasv@tpu.ru

Keywords: borrowed words; educational discourse; assimilation; linguistic experiment.

The article describes modern educational discourse and discusses influence of some extra-linguistic factors (international integration in the area of education, high level of foreign language awareness among Russian youth, dynamic development and adaptation of new technology, appearance of new forms of education, especially e-learning and distance learning) on the process of assimilation and functioning of some recent foreign neologisms (borrowed words) in the modern Russian language. The research was carried out in the lexical-semantic field *education*. Lexemes, borrowed into the Russian language in the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries as well as their contexts were extracted from open documents – lectures, slides and announcements – of Skolkovo Institute of Science and Technology (Skoltech). Interpretation of the borrowed lexical units and their field classification brings the author to the conclusion that 39 % of the foreign words are doublets or synonyms to some existing words that are Russian by origin or were borrowed into the Russian language previously. A linguistic experiment was carried out in order to evaluate the level of assimilation of the selected foreign lexemes in the Russian language. Another important objective of the survey was to identify common characteristics of the assimilation process in different groups of respondents. The experiment proved that the borrowed units actively produce new words in the conditions of insufficient semantic adaptation. The words that formed the greatest number of derivatives among the neologisms were defined by only 44 % of the respondents. At the average the level of semantic assimilation of the analyzed words reached only 50 % of the total number of received responses. Low semantic integration is also obvious from unclear interpretations of the lexemes by the respondents. The experiment did not establish any significant difference in interpretations of foreign nominations among different groups of respondents. Therefore, the obtained results reflect the common trends in recent development of the Russian language and cannot be related to the linguistic competence of Skoltech students solely. In conclusion, field description, interpretation of the selected lexical items and the linguistic experiment proved redundancy of linguistic elements at early assimilation stages. Besides, some indicators of high-level assimilation of foreign neologisms have been observed in the conditions of their low semantic adaptation contrary to a typical assimilation sequence.

REFERENCES

1. Rozina I.N. Komp'yuterno-oposredovannaya kommunikatsiya v praktike obrazovaniya i biznesa [Computer-mediated communication in education and business]. *Teoriya kommunikatsii & prikladnaya kommunikatsiya. Vestnik Rossiyskoy kommunikativnoy asotsiatsii*, 2004, no. 2, pp. 217–226.
2. The official website of the British Open University. Available from: <http://www.open.ac.uk/>. (Accessed: 04th April 2014).
3. Marques J. *A short history of MOOCs and distance learning*. Available from: <http://moocnewsandreviews.com/a-short-history-of-moocs-and-distance-learning/>. (Accessed: 29th November 2014).
4. Shchipsina L.Yu. *Komp'yuterno-oposredovannaya kommunikatsiya: Lingvisticheskiy aspekt analiza* [Computer-mediated communication: Linguistic aspect of analysis]. Moscow: Krasand Publ., 2010. 296 p.
5. Akhmetshina Yu.V. Angloyazychnye zaимstvovaniya v sisteme inostrannogo yazyka: opredelenie ponyatiya, prichiny zaимstvovaniya (na primere nemetskogo yazyka) [English borrowings in the foreign language: definition, reasons for borrowing (in German)]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya – Almanac of Modern Science and Education*, 2012, no. 5, pp. 16–18.
6. Novikov L.A. *Semanticheskoe pole kak leksicheskaya kategoriya* [Semantic field as a lexical category]. In: Kil'dibekova T.A. (ed.) *Teoriya polya v sovremenном yazykoznanii* [Field theory in modern linguistics]. Ufa: Bashkir State University Publ., 1991, pp. 3–7.
7. Karaulov Yu.N. *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian ideography]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 355 p.
8. The official website of the Open University Skolkovo. Available from: <http://openu.ru/about>. (Accessed: 04th April 2014). (In Russian).
9. Azimov E.G., Shchukin A.N. *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [The New Dictionary of methodological terms and concepts (the theory and practice of language teaching)]. Moscow: IKAR Publ., 2009. 448 p. Available from: http://slavintezet.elte.hu/russian/segedanyag/tanari_ma_anyagok/azimov_slovar.pdf. (Accessed: 06th November 2014).
10. Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian language: in 4 vols.]. Translated from German by O.N. Trubachev. 2nd edition. Moscow: Progress Publ., 1987. Vol. 3, 832 p.
11. Krysin L.P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* [Russian word, own and alien: Studies in the modern Russian language and sociolinguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 888 p.
12. Shchitova O.G. [Derivational assimilation of borrowings in Tomsk folk speech of the 17th century]. *Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya: trudy mezhdunar.nauch. konf.* [Topical issues of modern word-formation. Proc. of the International Conference]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2006, pp. 238–243. (In Russian).
13. Krysin L.P. *Inoyazychnye slova v sovremenном russkom yazyke* [Foreign words in modern Russian]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1968. 208 p.

Received: 24 November 2014

СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЧЕТАНИЯ *НА САМОМ ДЕЛЕ* В ТЕКСТАХ НАУЧНЫХ РАБОТ М.М. БАХТИНА

Рассматриваются структурные и семантические свойства сочетания *НА САМОМ ДЕЛЕ*, обращая особое внимание на его реализации в качестве служебной единицы. На материале научных работ М.М. Бахтина конкретизируются функциональные возможности сочетания: наречное сочетание, вводное сочетание, текстовая скрепа, конкретизатор союза, в том числе отмечается его участие в аргументации в качестве маркера опровержения.

Ключевые слова: текстовая скрепа; аргументация; *НА САМОМ ДЕЛЕ*; конкретизатор; научный текст.

Аргументация – это операция, которая помогает упорядочиванию и трансформации познавательной деятельности. Как процесс обоснования выдвинутой идеи аргументация традиционно является предметом философии и риторики. Однако с развитием лингвистической семантики появились работы, рассматривающие ее с лингвистической точки зрения. Наиболее полно этот аспект разработан А.Н. Барановым. В своей диссертации «Лингвистическая теория аргументации» [1] он затрагивает вопросы когнитивной природы явления. Интерес к аргументации как лингвистическому предмету можно проследить в работах Ю.Н. Караулова [2], Т.М. Николаевой [3] и других исследователей.

Научные тексты М.М. Бахтина дают нам богатый материал не только литературоведческого, философского, но и лингвистического характера. Обладая особой полемичностью, они имеют широкий спектр аргументирующих высказываний, вводимых различными языковыми средствами. Это традиционные для научной речи союзы, вводные слова, отыменные предлоги. Однако особый интерес представляют полнозначные единицы, которые в тексте приобретают служебную функцию, эксплицируя отношения между текстовыми блоками. Это скрепы (в самом деле, ведь), текстовые конструкции (дело в том, что..., действительно, но), наречия (недаром, неслучайно). В данной статье хотелось бы обратить внимание на служебные потенции сочетания *НА САМОМ ДЕЛЕ*.

Терминологически определить *НА САМОМ ДЕЛЕ* сложно. С одной стороны, перед нами словосочетание на основе подчинительной связи согласование, исходя из определения Академической русской грамматики 1980 года: «Словосочетание – это синтаксическая конструкция, образующаяся на основе подчинительных связей: согласования, управления и примыкания» [4. Т. 2. С. 79]; с другой стороны, сочетание обладает большой степенью связности и воспроизводимости, соответственно, может быть отнесено к фразеологическим сочетаниям в теории В.В. Виноградова [5. С. 160]. Р.П. Рогожникова в словаре сочетаний, эквивалентных слову, также уходит от термина «словосочетание», называя все подобные единицы, в том числе *НА САМОМ ДЕЛЕ* [6. С. 237], сочетаниями: «эквиваленты слова представляют собой связанные *сочетания*, характеризующиеся устойчивостью, единством значения, в большинстве случаев постоянной, неизменной формой» [7. С. 5]. Наиболее оригинальный

подход к определению категориальной принадлежности *НА САМОМ ДЕЛЕ* представлен в работе Л.Н. Иорданской и И.А. Мельчука [8. С. 79]. В русле семантических исследований *НА САМОМ ДЕЛЕ* можно отнести к текстовым коннекторам, входящим в подкласс недескриптивных языковых единиц по аналогии с рассмотренным в указанной работе коннектором *В САМОМ ДЕЛЕ*. Анализ дискурсивных возможностей данной единицы дает, на наш взгляд, наиболее подробные сведения о семантических особенностях сочетания *НА САМОМ ДЕЛЕ*. Однако мы считаем, что термин «коннектор» ограничит описание всех его функциональных возможностей, заострив внимание на его конструирующих свойствах. Потому остановимся на термине «сочетание».

В качестве материала взяты следующие тексты: «Из предыстории романного слова», «Проблема содержания и формы», «Проблемы поэтики Ф.М. Достоевского», «Рабле и Гоголь», «Творчество Франсуа Рабле и карнавальная культура Средневековья», «Слово в романе», «Формы времени и хронотопа в романе».

Изучение словарных дефиниций *НА САМОМ ДЕЛЕ* позволило установить, следующие факты. Для академических и больших толковых словарей нехарактерно выделение *НА САМОМ ДЕЛЕ* в самостоятельную вокабулу. В Большом академическом словаре оно описано в качестве словосочетания со словом *ДЕЛО*: «В самом деле, на самом деле – действительно, точно (выражает подтверждение высказанного мнения, предположения и т.п.)» [9. С. 677], а его семантика соответствует *В САМОМ ДЕЛЕ*. В Малом академическом словаре *НА САМОМ ДЕЛЕ* входит в статью слова *САМЫЙ*: «На самом деле – то же, что в самом деле (в 1 знач.). *То, что издали казалось узкой полоской суши, на самом деле представляло собой длинную цепь сопок.* Чаковский» [10. С. 685]. В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой *НА САМОМ ДЕЛЕ* также дано в статье *ДЕЛО*: «На самом деле – в действительности, так, как оно есть. *Прикидывается простаком, а на самом деле хитер*» [11. С. 155]. Самостоятельно сочетание *НА САМОМ ДЕЛЕ* описано в словарях специального назначения, как правило, это справочники по пунктуации [6, 11, 12]. Словарь Р.П. Рогожниковой выделяет две функциональные реализации сочетания: наречие со значением «в действительности», «фактически» (*Она на самом деле была очень красива*) и в функции вводно-

го слова, аналогичное В САМОМ ДЕЛЕ в одном из значений (*Что же это я на самом деле? Ведь всего только еще семь часов.* А. Гайдар. Школа) [6. С. 237]. Наречное выражение и вводное сочетание отмечены в статье, посвященной НА САМОМ ДЕЛЕ в справочнике «Трудности русской пунктуации...» О.А. Остроумовой [12. С. 221–222]. В специальном фразеологическом словаре отмечена неизменность сочетания, значение передано через синонимы «в действительности», «фактически», однако в иллюстрации дан один примечательный для данной статьи пример: «*Существует упрощенное представление о том, что человек в детстве играет, затем учится и после этого, работает. Возникает опасная иллюзия, что вас научат. На самом деле это не так. Говорят, научить человека нельзя, но научиться человек может* (Е. Велихов)» [11. С. 139]. Общим для представленных источников является выделение наречной и вводной функциональной реализации, трактовка значения через В САМОМ ДЕЛЕ и В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, ФАКТИЧЕСКИ. Нельзя не согласиться, что НА САМОМ ДЕЛЕ в определенных контекстах может быть заменено на вышеуказанные синонимы или иметь значение подтверждения, однако нам удалось найти факты, подтверждающие данный закрытый список значений.

Все текстовые образцы можно распределить по положению в структуре предложения на три группы:

- 1) НА САМОМ ДЕЛЕ в абсолютном начале предложения или абзаца;
- 2) НА САМОМ ДЕЛЕ на границе предикативных единиц в сложном предложении при союзе;
- 3) НА САМОМ ДЕЛЕ внутри предложения.

1. В первом случае мы имеем все основания предполагать, что здесь представлена текстовая скрепа: «*Перед нами в лучшем случае был бы философский роман, роман с идеей (пусть и диалектической), в худшем – философия в форме романа. Последнее звено диалектического ряда неизбежно оказалось бы авторским синтезом, снимающим предшествующие звенья как абстрактные и вполне преодоленные.*

На самом деле это не так: ни в одном из романов Достоевского нет диалектического становления единого духа, вообще нет становления, нет роста совершенно в той же степени, как их нет и в трагедии (в этом смысле аналогия романов Достоевского с трагедией *правильна*)» [13. С. 15]. НА САМОМ ДЕЛЕ здесь обладает безусловной катафорической направленностью наряду с анафорической. Она связана с особой семантикой возражения: вы думали одно, но фактически (на самом деле) у меня есть доказательство, ведущее к противоположным выводам. Безусловно, здесь есть пресуппозиция ошибочности предыдущего высказывания. Пресуппозиция исходит из значения сочетания НА САМОМ ДЕЛЕ (самое дело, правильное дело, истинное дело). Скрепа маркирует участок с истинным суждением, противопоставляя его всему, что было сказано ранее. Можно также сказать, что скрепа подводит итог в контексте доказательства от противного (в нестрогой его реализации): говорящий делает предположение, которое далее опровергает, подкрепляя доказательствами истинно-

сти последнего утверждения. Таким образом, мы имеем аргументацию опровержения, близкую по операции конструкции «действительно, но» [14. С. 306–308]. Статус данного образования в качестве скрепы также подтверждается его инициальной позицией в абзаце и интонационной обособленностью.

В данной реализации НА САМОМ ДЕЛЕ никак не может быть заменено на В САМОМ ДЕЛЕ (на которое ссылаются словари [6, 8, 9]). Дело в том, что В САМОМ ДЕЛЕ действительно может вводить правый контекст, содержащий аргументацию, и это будет аргументация подтверждающая, которая идет через апелляцию к фоновым знаниям собеседника с акцентом на очевидность аргумента. Тогда как НА САМОМ ДЕЛЕ аргументирует мнение говорящего через опровержение тезиса или через опровержение мнимого сконструированного мысленно тезиса, в рамках аргументации от противного. Сравните: «*Всякая пародия, всякая травестия, всякое слово, употребленное оговорочно, с иронией, заключенное в интонационные кавычки, вообще всякое не прямое слово есть намеренный гибрид, но гибрид одноязычный, стилистического порядка. В самом деле, в пародийном слове сходятся и известным образом скрещиваются два стили, два “языка”*» [15. С. 438–439] и «*Некоторые ученые (например, Ренье) склонны толковать это как начало реализма, как первые его шаги. На самом деле все это только омертвевшие и иногда почти бессмысленные осколки могучего и глубокого гротескного реализма*» [Там же. С. 62]. На наш взгляд, из примеров очевидно, что нельзя поставить знак равенства между значениями данных сочетаний. И хотя пунктуационно во втором примере скрепа не выделена, интонационное обособление присутствует.

Роль сочетания в выражении семантики опровержения описана составителями «Путеводителя по дискурсивным словам» под ред. А.Н. Баранова. В их описании НА САМОМ ДЕЛЕ входит в группу единиц, связанных с идеей «реальности»: «Говорящий производит оценку “реальности” – иными словами, дает ответ на вопрос о том, имеет ли место, с его точки зрения, данная ситуация в реальном мире. Исходное предположение может оказаться либо истинным, либо ложным» [16. С. 76]. Если предположение оказалось истинным, экспликация происходит с помощью дискурсивного слова В САМОМ ДЕЛЕ, если опровергнуто – НА САМОМ ДЕЛЕ. Таким образом, единицы, семантически эквивалентные согласно словарям, оказываются антонимами в данном семантическом исследовании.

2. Часто НА САМОМ ДЕЛЕ находится на границе предикативных частей сложного предложения. Здесь оно может быть либо конкретизатором союза, либо наречием, случайно оказавшимся на границе ввиду его незакрепленности в структуре предложения. Согласно Русской грамматике 1980 года (§ 1671) «...конкретизаторы, (это) слова и словосочетания, которые подключаются к союзу и уточняют его значение. В некоторых случаях конкретизатор, подключающийся к простому союзу, становится компонентом составного союза, например “а именно, а также”» [4.

Т. 1. С. 713]. В текстах М.М. Бахтина мы отметили несколько случаев модификации противительного союза НО. Сочетание получает семантику не просто противопоставления, но опровергающего противопоставления, введения контраргумента: «Гаргантюа говорит о загробном блаженстве полубогов и героев в Елисейских полях, то есть об античной преисподней. Но на самом деле здесь дана очевидная пародийная травестия христианских учений о вечном блаженстве святых и праведников в раю» [15. С. 419]. Нельзя сказать, что в данном контексте конструирующая функция принадлежит исключительно союзу НО или же только НА САМОМ ДЕЛЕ, они создают неделимое союзное сочетание. Модифицируя причинный союз ИБО, НА САМОМ ДЕЛЕ создает неразрывное сочетание со значением опровергающего аргумента: «Эстетически значимая форма есть форма материала – естественнонаучно или лингвистически понятого; утверждения художников, что их творчество ценностно, направлено на мир, на действительность, имеет дело с людьми, с социальными отношениями, с этическими, религиозными и иными ценностями и, – суть не более как метафоры, ибо на самом деле художнику принадлежит только материал: физико-математическое пространство, масса, звук акустики, слово лингвистики, – и он может занять художественную позицию только по отношению к данному, определенному материалу» [17. С. 12]. Причинно-следственная связь здесь организуется не только причинным союзом ИБО, но всей семантической структурой текстовых блоков (тезис-опровержение). НА САМОМ ДЕЛЕ выступает в качестве маркера опровержения. Подобно ситуации с НО НА САМОМ ДЕЛЕ можно говорить о равноправии компонентов, образующих цельный связочный комплекс.

3. НА САМОМ ДЕЛЕ в качестве наречия не участвует в организации связи непосредственно, являясь необходимым значимым компонентом предложения, например, здесь: «Мы разберем важнейшие из них; причем во всем последующем мы будем рассматривать материальную эстетику уже независимо от наук об отдельных искусствах, а как самостоятельную общеэстетическую концепцию, чем она на

самом деле и является; как таковая – она и должна подвергнуться обсуждению и критике: сможет ли она удовлетворить тем требованиям, которые совершенно обязательны по отношению ко всякой общественной теории...» [17. С. 13]. Трактовка семантики в данных примерах через «в действительности, фактически», на наш взгляд, вполне правомерна.

В следующем примере НА САМОМ ДЕЛЕ скорее частица или же конкретизатор при союзе, который, тем не менее, не создает с ним неделимого сочетания, как в примерах, данных нами выше. Этот дополнительный компонент (НА САМОМ ДЕЛЕ) можно убрать без нарушения смысловой связности: «Он пронесит ее со всею важностью и серьезностью, настаивая на возвращении колоколов и не подозревая, что дело с колоколами уже покончено без него и что на самом деле он просто разыгрывает роль ярмарочного шута» [15. С. 240]. В данной конструкции обязательность союза ЧТО обусловлена синсемантической (объектной направленностью) глагола «подозревать», а компонент НА САМОМ ДЕЛЕ служит сигналом введения опровержения.

Итак, рассмотрев функционирование сочетания НА САМОМ ДЕЛЕ в текстах научных работ М.М. Бахтина, мы отметили следующее: образование встречается в 21 контекстуальном употреблении и может быть в абсолютном начале предложения, выполняя функцию тестовой скрепы; на границе предикативных частей при союзе, выступая в роли его конкретизатора; входить в состав предложения в качестве распространителя (качественное обстоятельство). Семантика единицы обнаруживает явную зависимость от функции. Так значение НА САМОМ ДЕЛЕ в качестве текстовой скрепы не связано (и не взаимозаменяемо) со словами «фактически», «в действительности» и не коррелирует со значением В САМОМ ДЕЛЕ. Однако для наречного употребления вышеуказанные замены вполне справедливы. Нам хотелось бы обратить внимание не на необходимость включения в словарное описание функциональной реализации НА САМОМ ДЕЛЕ в качестве текстовой скрепы с семантикой опровержения и возможность его реализации в позиции конкретизатора при союзе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. 372 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. С. 245–258.
3. Николаева Т.М. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. М. : Наука, 1988. С. 154–156.
4. Русская грамматика / Н.Ю. Шведова и др. ; под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980. Т. 1, 2.
5. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М. : Наука, 1977. С. 140–161.
6. Рогожникова Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: Ок. 1 500 устойчивых сочетаний рус. яз. М. : Астрель, 2003. 416 с.
7. Остроумова О.А., Фрамполь О.Д. Трудности русской пунктуации. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений. Опыт словаря-справочника. М. : Изд-во СГУ, 2009. 502 с.
8. Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Текстовые коннекторы в разных языках: французское EN EFFET VS русское В САМОМ ДЕЛЕ // Семиотика и информатика : сб. науч. ст. М. : Изд-во ВИНТИ, 2002. Вып. 37. 256 с.
9. Словарь современного русского литературного языка / С.Г. Бархударов, В.В. Виноградов, С.П. Обнорский и др. ; под ред. С.Г. Бархударова. Л. : Изд-во АН СССР, 1954. Т. 3. 1340 с.
10. Словарь русского языка / С.Г. Бархударов, Г.П. Блок, А.П. Евгеньева и др. ; под ред. А.П. Евгеньевой и Г.А. Разумниковой. М. : Рус. яз., 1999. Т. 4. 800 с.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М. : АЗЪ, 1995. 928 с.
12. Быстрова Е.А., Окунева А.П., Шанский Н.М. Учебный фразеологический словарь. М. : Просвещение, 1984. 271 с.
13. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. М. : AUGSBURG, 2002. 167 с.

14. Булыгина Т.В., Шмелёв А.М. Возражение под видом согласия // Языковая концептуализация мира. М., 1996. С. 306–308.
15. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худ. лит., 1990. 543 с.
16. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А.Н. Баранов, В.А. Плуныян, Е.В. Рахилина, С.В. Кадзасов; под ред. А.Н. Баранова. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.
17. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 декабря 2014 г.

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE CONSTRUCTION NA SAMOM DELE IN THE SCIENTIFIC PAPERS OF M.M. BAKHTIN

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 39–42. DOI 10.17223/15617793/392/6

Titova Natalia S. Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: class.room@mail.ru

Keywords: text clips; argumentation; *na samom dele*; function construction; modification.

In monolingual and special dictionaries authors identify two functional types of construction NA SAMOM DELE (actually): an adverb or an introductory phrase. Its semantics is described by reference to the construction V SAMOM DELE. However, in special studies (aimed at understanding the discursive units, for example, in the *Guide to the Discursive Words of the Russian Language* ed. by A.N. Baranov) we found information in favor of antonymy of these units. We had an opportunity to consider three structural positions of NA SAMOM DELE studying the scientific papers of M.M. Bakhtin. The features of the positions are the following: 1. NA SAMOM DELE has all the features of a text clip in the absolute beginning of the paragraph: intonation isolation, initial position, participation in communication organization between paragraphs. In this case, the text clip connects the argument to the previous paragraph thesis. Its feature is that this argument is a refutation. 2. On the border of the predicate parts the construction NA SAMOM DELE is a modifier at the conjunction. The construction is used with the conjunctions IBO and NO. It is not proven that in this context that the construction function belongs to the conjunction or NA SAMOM DELE only, both units create an indivisible conjunction combination. The semantics of the construction NO NA SAMOM DELE is a refuting opposition, with the conjunction IBO the construction introduces a refuting argument. 3. Inside the predicative unit the construction NA SAMOM DELE can be an adverb or a particle. As an adverb, it is not involved in the organization of communication itself, being a necessary component of meaningful sentences. The semantics of this construction in the function of the adverb is synonymous to V DEYSTVITEL'NOSTI, V SAMOM DELE (in reality), pointing at the correspondence of a fact to reality. As a particle, it is used to emphasize a fact that is close to reality. In conclusion, we think that a completed description of the construction in dictionaries will enrich the studies of Russian functional words, and will allow their more accurate use in different contexts.

REFERENCES

1. Baranov A.N. *Lingvisticheskaya teoriya argumentatsii (kognitivnyy podkhod)*: dis. d-ra filol. nauk [Linguistic theory of argumentation (cognitive approach). Philology Dr. Diss.]. Moscow, 1990. 372 p.
2. Karaulov Yu.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: Izdatel'stvo LKI Publ., 2007, pp. 245–258.
3. Nikolaeva T.M. *Lingvisticheskaya demagogiya* [Linguistic demagoguery]. Arutyunova N.D. (ed.) *Pragmatika i problemy intensional'nosti* [Pragmatics and intensionality problems]. Moscow: USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics Publ., 1988, pp. 154–165.
4. Shvedova N.Yu. (ed.) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow: Nauka Publ., 1980. Vol. 2, 630 p.
5. Vinogradov V.V. *Izbrannyye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works. Lexicology and lexicography]. Moscow: Nauka Publ., 1977, pp. 140–161.
6. Rogozhnikova R.P. *Tolkovyy slovar' sochetaniy, ekvivalentnykh slovu: Ok. 1500 ustoychivyykh sochetaniy rus. yaz.* [Explanatory dictionary of combinations equivalent to the word: about 1500 fixed phrases of Russian]. Moscow: Astrel' Publ., 2003. 416 p.
7. Ostroumova O.A., Frampol' O.D. *Trudnosti russkoy punktuatsii. Slovar' vvodnykh slov, sochetaniy i predlozheniy. Opyt slovarnaya-spravochnika* [Difficulties of Russian punctuation. Dictionary of introductory words, combinations and statements. Experience of a reference dictionary]. Moscow: Modern University for the Humanities Publ., 2009. 502 p.
8. Iordanskaya L.N., Mel'chuk I.A. [Text connectors in different languages: French EN EFFET vs. Russian V SAMOM DELE]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics]. Moscow: VINITI Publ., 2002, is. 37. (In Russian).
9. Barkhudarov S.G. (ed.) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. Leningrad: USSR AS Publ., 1954. Vol. 3, 1340 p.
10. Evgen'eva A.P., Razumnikova G.A. (eds.) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1999. Vol. 4, 800 p.
11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Dictionary of Russian language: 80 000 words and idiomatic expressions]. Moscow: AZ"" Publ., 1995. 928 p.
12. Bystraya E.A., Okuneva A.P., Shanskiy N.M. *Uchebnyy frazeologicheskyy slovar'* [Learner's dictionary of idioms]. Moscow: Prosvetshchenie Publ., 1984. 271 p.
13. Bakhtin M.M. *Problemy tvorchestva Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's works]. Moscow: AUGSBURG Publ., 2002. 167 p.
14. Bulygina T.V., Shmelev A.M. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira* [Language conceptualization of the world]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997, pp. 306–308.
15. Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [Creativity of Francois Rabelais and the popular culture of the Middle Ages and the Renaissance]. 2nd edition Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 543 p.
16. Baranov A.N. (ed.) *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [Guide to the Discursive Words of the Russian language]. Moscow: Pomovskiy i partnery Publ., 1993. 207 p.
17. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 504 p.

Received: 23 December 2014

ШАМАН В ЛИТЕРАТУРНОМ ОБРАЗЕ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОКРАИНЫ. ОЙРОТИЯ, 1920–1930-е гг.

Предпринимается комплексное рассмотрение внешней (столичной) и внутренней (сибирской) литературных точек зрения на Ойротию как национальную окраину СССР, вычлениются наиболее устойчивые в текстах 1920–1930-х гг. шаманские мотивы. Художественная функция этих мотивов трактуется как бэкграунд образа «песенный, древний хан-Алтай». Фигура шамана рассматривается как персонифицированный символ первобытности и вписывается в дискурсы экзотизации туземцев национальной автономии и дискредитации идеологических противников.

Ключевые слова: Ойротия; шаманы (камы); экзотика; идеология; мотив; повесть; очерк.

В отличие от большинства советских национально-территориальных образований, в названии которых почти всегда фигурировал официальный язык данной территории [1. С. 343], автономная область, возникшая в 1922 г. на юге Сибири, в Горном Алтае, получила экзотическое название Ойратия (Ойротия), а в декрете о её образовании был упомянут не менее экзотический «ойротский народ» [2. С. 52]. Подразумевалось, что *первобытные* ойроты – вдвойне угнетенный народ («двоеданцы»), для которого необходима национальная автономия, а получение автономии – это воплощение их давних политических устремлений¹, задавленных царизмом [4. Ст. 105]. За время своего существования (1922–1948) Ойротия как типичная национальная окраина СССР (и по совместительству популярный сибирский рекреационный регион, отличавшийся этим свойством от большинства национальных автономий Севера) привлекала к себе внимание сибирских и столичных писателей, журналистов, ученых² (особенно этнографов и археологов), художников, кинематографистов, наперегонки стремившихся запечатлеть «уходящую натуру» – «первобытный» и «дикий» Алтай, чтобы на её фоне показать стремительно взрослеющих *младенцев гор*, цивилизующихся *туземцев-нацменов*³. В создании образа Ойротии доминировал взгляд «извне», реализованный чаще всего в жанровой форме травелога.

В персонифицированный символ первобытности (о «первобытном мировоззрении» алтайцев / ойротов писали вплоть до 1948 г. [7. С. 26]) заезжие этнографы и литераторы возвели фигуру алтайского шамана (кама). Первым в Горном Алтае еще хватало материала для изучения естественного бытования шаманизма [8. С. 15], вторых вдохновляла заложенная еще Екатериной II в «Сибирском шамане» литературная традиция и не менее длительная традиция философского и культурологического осмысления шаманства [9]; но и те и другие показывали эту фигуру сквозь призму идеологической борьбы, описывая *восточную окраину* и *отсталый народ* (тех самых литературных *калмыков*⁴), которому полагалось ненавидеть своих *угнетателей* (к таковым в локальном тексте относили зайсанов (родовых старейшин), шаманов (камов), купцов и миссионеров [11. С. 32–49]). Сибирские писатели проявляли к шаманам не меньший интерес, чем столичные. Так, А.Л. Коптелов, считавшийся крупнейшим знатоком Ойротии, спрашивал у созда-

теля советской алтайской литературы П.В. Кучияка в 1937 г.: «Не знаешь ли ты такой сказки, в которой бы богатырь побеждал шамана? Мне бы хотелось получить из такой сказки несколько строк о победе над шаманом» [12. С. 142] – в советской «были» считалось, что шаманство как пережиток (и как религия) было побеждено к 1930 г.⁵ В соответствии с формулой «религия – опиум для народа» в Ойротии камлание было официально запрещено. Анна Гарф, работавшая над переводами алтайских сказок, писала в дневнике: «...и если еще были на Алтае камы, то все они занимались общественно-полезным трудом... Ни один из них никогда не согласился бы камлать. Они и сказки едва-едва соглашались петь, полагая, что и это тоже имеет отношение к старому быту, старым запрещенным обрядам» [Там же. С. 56]. Замечания подобного рода зеркально повторяют приведенный Г.Н. Потаниным пример противостояния старины и новизны, относящийся ко времени утверждения бурханства в Горном Алтае, активно противостоявшего шаманизму: «С решимостью неопита женщина объявила мне, что никаких сказок в крае теперь никто не знает, что здесь повсюду распространилась белая вера, и все сказки, старые песни и все тому подобное забыто, как истреблены маньяки (ритуальная одежда шамана. – Т.Ш.) и бубны, преданные огню» [14].

Реально же шаманизм оставался неотъемлемой частью традиционной культуры коренного населения (нацменов – на советском «новоязе»). В 1930-е гг. в Ойротии насчитывалось несколько десятков шаманов, и руководство автономии спекулятивно использовало их для демонстрации отсталости экзотической окраины перед столичными властями, отправляя на разного рода выставки, например, на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку 1923 г. [15. С. 58], главной задачей которой являлся «прогресс на почве научения лучшему» [16. С. 5]. Заметим, что Сибирь в целом экспонировалась на выставке как «своя колония»; этническую экзотику той выставки одним штрихом запечатлел М.А. Булгаков, выхватив из толпы «какие-то шафренные скуластые лица, раскосые глаза» [17. С. 340]; на плане вставки практически никому неизвестная Ойротия была обозначена как республика.

Экзотизация Ойротии в равной мере была характерна и для сибирской и для столичной точек зрения: и для той и для другой Ойротия была глухой периферией. Необходимо заметить, что с точки зрения сибир-

ряков экзотизация определялась «многонаселенностью Сибири, её необъятностью, своеобразием, суровостью и прекрасной величием её природы, а также обострением постановки здесь борьбы за существование» [18. С. 220], а сибиряк не мыслился без туземного окружения; столичная точка зрения характеризуется трактовкой Сибири практически как этно-территории; сибиряк смотрит на свою «страну» глазами влюбленного, писатель столичный – глазами пропагандиста и воспитателя. В массовом сознании раннесоветской эпохи любая периферия считалась отсталой, а периферия сибирская – еще и первобытной, дикой, неисследованной⁶. Литераторы 1930-х гг. дружно отправляли все «малые народы» Сибири в «великое кочевье» (в большое путешествие, на переправу и в прочие символические переходы от дикости к цивилизации), вели «первую литературную разведку» [20. С. 101] на сибирской советской территории, торопливо фиксируя полученные данные в дневниковых записях в путевых очерках. Эстетические и идеологические требования эпохи к разведывательным текстам (очеркам) суммировал Андрей Белый в докладе «Культура краеведческого очерка»: «Страна очерка поволона пересечением “Элиад” с энциклопедиями народов СССР <...> стать очеркистом – значит: перекинуть мост через грань, отделяющую отобразителя от деятеля культурной революции» [21. С. 273].

В чистом виде подобным требованиям соответствовала книга Марка Эгарта «Переправа: Алтайские очерки», начинающаяся с отрицания предшествовавшей литературной традиции: «Нетронутая тишина. Чистота снеговых вершин, прозрачные озера, водопады, дремучие таежные тропы. Бесноватые “камы”, в иступлении бьющие в бубны. Дымящиеся конские туши – приношение кровавому божееству и “первобытный” “простой” человек... Умер этот экзотический Алтай. Автор думает даже, что такого Алтая никогда не было в действительности. Его изобрели писатели, отправлявшиеся в “чудесную горную страну” за необычайным» [22. С. 3]. С позиции истинного «деятеля культурной революции» очеркист в первую очередь отрицает национально-специфические особенности региона (будь то шаманизм или традиционная одежда), выдвигая на первый план идеологемы переходной эпохи.

В концентрированном виде идеологизированный образ Ойротии, созданный Эгартом в «Переправе», предстал в *литературном сопровождении* фотоочерка М. Альперта и С. Фридлянда в ойротском номере весьма популярного в ту эпоху журнала «СССР на стройке». «Бесноватый кам» проходит сквозным персонажем-отрицанием через весь номер, убеждая, что самому Эгарту не удалось избежать искушения экзотикой (см. разворот «На заре злой дух Эрлик пьет кровь»). Роль «илиад» здесь исполняют шаманские мистерии: «Во мраке преисподней, на престоле из семи бобров, в железном дворце владычествует злой дух Эрлик. На заре Эрлик пьет человеческую кровь» [23]. Текст Эгарта как бы раскрашивает черно-белые фотографии: вот кам у постели больного, вот таилга-жертвенник⁷. Шаман предстает «непременной фигу-

рой» уходящего быта: «...рожает ойротка, задрал зверь овцу в тайге, заболел ребенок от грязи и холода – кам тут как тут». Соответственно и в заключение, подводя итоги победного десятилетнего шествия Октября по Ойротии, т.е. варьируя мотив «великого кочевья», очеркист показывает детали нового быта, констатируя, что благополучно завершилась переправа «от завывания кама, изуверской обрядности – к газете, клубу, театру, из айла – в избу, от кочевья – к оседлости» [23].

Столичные очеркисты 1930-х гг. алтайских шаманов показывают как типичное явление в жизни национальной окраины, иначе с кем бы тогда «успешно боролись» алтайская советская общественность, цветущие и зреющие ячейки атеистов на местах и Всеалтайское общество безбожников? Так, Дмитрий Стонов (Влодавский Дмитрий Миронович, 1898–1962), привыкший, по его словам, оценивать степень соотношения новизны и старины на окраинах страны на основе анализа обрядности, в книге очерков «Повести об Алтае» шаманские мотивы использует как бэкграунд образов «стихийный Алтай», «классическая страна неграмотности», «песенный, древний хан-Алтай». Журналист, ориентируясь на столичного читателя и идеологические нормы, строит рассказ о Горном Алтае на контрасте огромности географического пространства («больше Швейцарии в два с половиной раза» [24. С. 8]) и безлюдности («едешь иногда день, три, пять – ни одной души, ни одной постройки» [Там же]), ничтожности величины его интеллектуального потенциала. Если первое – величина постоянная, то второе у очеркиста – переменная, стремительность её увеличения формирует образ нового, советского Алтая.

Демонстрируя осведомленность в вопросах древней и новой истории региона, советского и колхозного строительства в национальной автономии, Стонов проявляет особый интерес к алтайскому шаманизму, изучать который он отправляется все в ту же Чемальскую долину, где ранее работали Г.Н. Потанин, А.В. Анохин и Г.И. Чорос-Гуркин. Неоднократным повторением фразы «мне было ведомо, что...» он указывает на предварительную подготовку (атеистическую, этнографическую, фольклорную) к встрече с шаманами, что свидетельствует о развитии в русском травелогге той жанровой особенности, которая была намечена еще Н.М. Карамзиным: «Обозрение местностей происходит, обыкновенно, с описывающими их книгами в руках» [25. С. 51]; кроме того, в описании сцен камлания рядом с повествователем-наблюдателем – безымянный алтаевед-комментатор⁸. Описывая коренное население Ойротии как «замученное бесконечным числом добрых и злых духов, беспрестанной их борьбой, мстительной и страшной религией», а шаманов – как «эпилептических мистиков», психопатологических типов, «ужасных язычников», в кульминационном моменте развития мотива жертвоприношения (гл. «Боги, божеества, духи, посредники») Стонов смакует детали обряда жертвоприношения животного, убеждающие читателя в том, что хоть «шаманизм стар, древен, дряхл» [22. С. 61], но «парализовать деятельность бродящего по горам кама не так-то легко» [Там же. С. 60].

Об устойчивости интереса к алтайской шаманской тематике свидетельствуют очерки Зинаиды Рихтер (Дуровой) и популярной в 1920-е гг. петроградской поэтессы Марии Шкапской. Они выбирают для знакомства с шаманами Северный Алтай – чернь, прителецкую тайгу⁹. Очерк М. Шкапской «В плетеном коробке» датирован июлем 1926 г. Цель столичной журналистки – увидеть, какими «путями – через наивные старые предания – приходит и дышит на Алтае революция» [27. С. 284]. Горный Алтай в её книге предстает одним из уголков огромного Советского Союза, а шаман – типичным перестраивающимся нацменом: он еще не отказался от своих убеждений, но уже приспособился к новым социальным условиям. Знакомство с шаманскими практиками – основная цель её небольшого путешествия по Горному Алтаю. Бытовая сценка в аиле шамана (гл. «У кама») предваряется кратким рассказом об алтайском пантеоне, в котором произошло знаковое совмещение верховных персонажей: «Ленин и есть Эрлик, пришедший восстановить права земли выше прав небесных» [Там же]. Шаман за деньги согласился надеть свой костюм и рад был бы за деньги позировать перед фотоаппаратом, но аппарата у журналистки не оказалось (что свидетельствует о привычности для этого кама подобных действий и, следовательно, о повышенном интересе к его персоне заезжих исследователей). Мотив переодевания делает сцену игровой, а не ритуальной; сценичны же описания шаманского костюма и бубна. Шаман показывает камлание духу бубна, убеждая зрителей в том, что «долог и страшен путь к духам»¹⁰.

Если в очерке Шкапской предприимчивый ойротский шаман – лишь фрагмент мозаики жизни советских окраин, то в книге З. Рихтер Ойротия – объект целостного изучения и описания. Пропутешествовав по её просторам всё лето, писательница почувствовала себя героем Уэллса, отброшенным на несколько веков назад, за пределы цивилизованного мира. Нецивилизованность в её понимании – это прежде всего религиозность, приверженность шаманизму, бурханизму и христианству. В соответствии со сложившейся традицией в книге более подробно описан алтайский шаманизм; во введении приведены общие сведения о нем, в основном тексте сделаны этнографически точные описания. В частности, во вступительном абрисе сообщается, что «шаманисты обоготворяют природу, верят в доброе и злое начало. Доброе олицетворяет Ульген, злое – Эрлик. Затем идет многочисленная иерархия добрых и злых духов: духи гор, рек, озер и проч. Эрлику приносят кровавые жертвоприношения служители шаманского культа – камы <...> Синим алтайским вечером в горах среди наивных ойротов камлание и жертвоприношение производят сильное впечатление» [29. С. 7]. Роль кама в алтайском социуме Рихтер резко принижает сообщениями о том, что большинство камов «больны распространенной среди кочевников венерической болезнью». Как нам представляется, дело здесь не в самой болезни, а в дискурсе отчуждения: советский нарратив дискредитирует шамана по всем возможным линиям. Рихтер, единственная из всех столичных писателей, сочла необходимым добавить, что

«эти духовники и телесные врачи» часто оказываются на скамье подсудимых, а власти заставляют их бросать свои занятия, публично отказываться от своих убеждений, инструментом давления на шаманов становятся лишение права голоса и непомерные налоги.

Все же «настоящие, непосредственные алтайцы» верят в своих духов и верят шаманам – примером тому в очерках становится профессиональный проводник Амыр-Сана, который «достаточно грамотен и сведущ в антирелигиозных темах, часто бывает в обществе профессоров и ответработников и отзывается о духах и камах нередко с непочтительной усмешкой, но <...> когда в горах на перевалах нам попадается груда жертвенных камней, мимо которой ни один алтаец не пройдет, не положив камня, Амыр-Сана после недолгой душевной борьбы неохотно слезет с лошади и нагибается: “Однако надо положить камень”» [29. С. 39]. Кам предстает у Рихтер знахарем-мракобесом, одурачивающим бедных алтайцев. В свои рассуждения об алтайских шаманах как асоциальном элементе писательница попутно вставляет рассказ о жестоком обращении алтайцев с лошадьми (которых, по её словам, у них целые табуны), противопоставляя ему трепетное отношение к лошади кавказских горцев. Глава «Камлание» имеет географическую привязку к окрестностям Телецкого озера, в те времена менее известного, чем окрестности Чемала¹¹, – Рихтер неоднократно подчеркивает, что её интересует именно «скрытый от туристов» Алтай.

Описание шаманского обряда предваряется замечанием о том, что камы ведут антисоветскую агитацию и что «камь, как и наши попы, бывают разного сана». Известнейшего местного кама на месте не застали, пришлось обратиться к крещеному начинающему каму (после выхода «Страшного кама» В.Я. Шишкова крещеный шаман становится типологическим персонажем, весьма удобным для демонстрации специфики переходных периодов в жизни национальных меньшинств). Любопытным персонажем краеведческого очерка для столичного журналиста явилась молодая шаманка (камка). Не сразу согласившись показать свое искусство, она начала камлание, но не справилась с духами... Проводник снисходительно прокомментировал: «...спутала все камка... и дороги-то она путем не знает»» [29. С. 104].

Довольно сухим, насквозь пронизанным идеологией схематическим развитием шаманских мотивов в рассмотренных краеведческих очерках противостоит художественная трактовка этих мотивов, по времени им предшествующая, созданная Павлом Низовым (Тупиковым) в его *алтайских* повестях и рассказах. Авторская позиция в этих текстах – позиция пантеиста. Как и его герои, сбегая от ужасов войны «под защиту гор» [31. С. 7], столичный житель Низовой, в Горном Алтае подружившийся с Г.И. Чорос-Гуркиным, оказавшись во власти природы и обстоятельств, стал, по его собственному утверждению, язычником. В автобиографии он писал о том периоде: «Неделями гостил я в юртах первобытного народа – черневых кочующих татар, дружил с камами (шаманы), пил “священную” араку и ел жертвенное мясо только что задушенного

коня. В одиночестве безумно тосковал по далекой, горячей в горне, родной Москве. В иные минуты хотелось надеть шаманскую шубу с 9 парами колокольцов, взять бубен – и кружиться, выть в страшной горной пустынности» [32. С. 25–26].

Повесть «Язычники», написанная на основе впечатлений от годичного пребывания в окрестностях Телецкого озера, была опубликована в 1921 г. Её безымянный герой-пантеист органично сливается с миром алтайской природы и с миром алтайцев-язычников, горами отгороженным от большого мира, потрясаемого Гражданской войной. На фоне величественных ландшафтов горных хребтов он в руссоистском ключе решает проблему «природа и культура», «природа и цивилизация». Эта повесть, по мнению Ю. Айхенвальда, посвящена стихии – носительнице язычества. «Это название (“Язычники”. – Т.Ш.) к лицу не только тем жителям Алтая, которые выведены у молодого автора, но и тем чужакам, которые в этой же повести в алтайские горы, к их примитивным обывателям, пришли из культурного далека. Язычество – внутри нас» [33. С. 7]. Язычество Низового Айхенвальд называет физическим и психологическим, а его проявления видит в способности героя жить душой в природу, принимать её простоту, «пребывать не в мировоззрении, а в мироощущении», «чувствовать себя каплей в зеленой крови естества» [Там же. С. 8].

Герой Низового – человек в объятиях природы-язычницы, мир природы слит у него с миром человека. Эпически торжественно это звучит в молитвах алтайского обряда весеннего поклонения Алтаю: «Зазвенел бубен, запрыгали первобытные, гортанные звуки, понеслись к далекой, голубеющей Алтын-ту <...>: “Мирное создание, паси скотину, которую я кормлю: медведю не давай, от волка охраняй, в яму не ввергай. С начала века молимся мы тебе, тайга, и с начала века просим мы тебя” <...> Слушает её светлый Ульгень, сидящий в своей царственной неподвижности на седьмом небе. Слушает мрачный Эрлик, живущий в темном царстве при устье семи рек. Слушают: Хан-Алтай и Белый Зайсан. Слушают десятки больших и малых, добрых и злых духов, охраняющих и нарушающих мир и достояние кочующего народа» [34. С. 12–13].

В 17-й главе повести подробно описывается поездка героя в сопровождении местного жителя Касима на камлание, в 18-й главе – обряд жертвоприношения. Детали каждого эпизода¹² этих двух глав (встреча гостей, поимка жертвенных животных, шаманский костюм и бубен, обстановка ночного камлания Ульгенью, путь шамана и т.п.) этнографически точны. Создается впечатление, что все они вербально воспроизводят этнографические рисунки и этюды Г.И. Гуркина. Общий план празднества предстает как описание жанровой картины, созданной в реалистической манере: «Окруженная каймой гор и сопков, долина залита солнцем. Посредине – кучка курящихся первобытных жилищ, жертвенник с несущимся в небо белым конем, и под ним коленопреклоненная толпа в черно-пестрых костюмах, с ножами за поясом. Певуче льется благодарственная молитва...» [34. С. 58]. Привязка места дей-

ствия повести Павла Низового к Алтаю и к самому известному его природному объекту – Телецкому озеру¹³ – один из первых значительных опытов художественного воображения Горного Алтая в русской литературе¹⁴, с 1922 г. активно продолженный журналом «Сибирские огни». Среди ойротских публикаций журнала можно вычленить блок текстов, идеологически эксплуатирующих алтайские шаманские мотивы. Так, ставя вопрос о выделении автономной области «Ойрот», коренной алтаец Конзычаков писал, что «религиозное воззрение инородцев Алтая отличается крайней примитивностью» [40. С. 111], состоящей в отсутствии касты жрецов (шаманом может стать всякий, даже женщина), храмов и специальных мест для проведения обрядов, религиозных элементов в свадебном и погребальном ритуалах. На образном уровне эту мысль развивает Г. Пушкарев, утверждая: «Дик Алтай. У него все свое: своя душа, свой склад, своя прелесть, простота. И народ свой: тихий, скромный, с прекрасной душой, с душой младенца, младенца гор» [41. С. 75].

Теоретическим обоснованием обращения в журнале к примитивным религиозным практикам может служить статья «В борьбе за новое искусство» одного из идеологов «Сибирских огней» В. Правдухина, полемически направленная против только что заявившего о себе конструктивизма. В форме модного тогда суда критик выстраивает второй раздел статьи – «Искусство прошлого». Как обвинитель он задает серию вопросов «дикарям-предкам». Его «условно рационализированный дикарь» вынужден оправдываться и доказывать, что первобытное искусство – это способ закрепления памяти культуры, «плоть и кровь нашей общины, наше свидетельство о нашей внутренней мощи и наше завещание, внутреннее наследство нашим детям, которых мы не хотим оставить голыми дрожащими тварями на холодной земле» [42. С. 161]. Критик выстраивает на этом оправдании цепь логических доказательств связи современного искусства со всеми предшествовавшими стадиями его мирового развития. Он утверждает, что «социальный атеизм рождается главным образом из бессилия осмыслить прошлое единым принципом, открыть живое единство различных культур, в котором бы потонули наши индивидуальные, робкие проявления. Не единства теоретического и социологического законов мы ищем, а стараемся лишь прощупать выступы единства самого исторического процесса» [Там же. С. 163]. Оставаясь строго в рамках официальной идеологии, Правдухин трактует единство человеческой истории как ряд восходящих ступеней, «которые человечество ковало и кует в своем постоянном подвиге общественного, коллективного трудового процесса, который ведет его ко всечеловеческому обществу» [Там же]. Истинное искусство возникает как синтез творческой воли художника и коллективного опыта, оно направлено к «здоровому человеческому единству». Главный герой искусства – человек, «радостное и животворящее “Я” которого органически сливается воедино и с солнцем мира и с миром единого человечества» [42. С. 181].

Симптоматичен тот факт, что солярная символика лозунгов раннесоветского искусства в горах Алтая¹⁵

воспринимается как реальность, будь то образ жизнепорождающего солнца в повести Павла Низового «Язычники» или смыслообразующая функция имени шамана Кунь-Коргэна (дословно – увидевший солнце) в поэме В. Итина «Каан-Кэрэд». Поэма В. Итина [45] являет собой яркий пример отступления от диктата тематического принципа, провозглашенного конструктивистами и все более и более утверждавшегося тогда в советском искусстве¹⁶, и не вписывается в устоявшуюся трактовку образа летчика как нового человека¹⁷. Шаман алтайской долины Акмал, становясь объектом агитационного воздействия, таковому не поддается; он идентифицирует полет на самолете с путем шамана в процессе камлания Ульгеню, и это хорошо понятно его землякам, увидевшим в самолете мифическую птицу Каан-Кэрэд. Мир летчика и мир шамана оказываются в поэме явлениями одного порядка; все зависит от точки зрения: для шамана экзотичны летчики, для летчиков – шаманы с их «одним из самых экстатических культов», но их объединяет небо и они находят общий язык. Этнограф Зои, выступающая посредником между ними, говорит о единстве всего сущего, об амбивалентности добра и зла в архетипических алтайских представлениях, воспроизводит алтайскую версию творения мира. Интерпретация Итиным алтайского варианта творения мира, в котором не хватило фантазии носителю доброго начала Ульгеню, и тогда инициативу перехватил злой Эрлик, может быть прочитана и как аллегория на тему «мы наш, мы новый мир построим...».

Поэма В. Итина на мотивном уровне корреспондирует с небольшим рассказом популярного сибирского писателя А.С. Сорокина «Почему улетела птица». Эти два текста составили в «Сибирских огнях» 1926 г. оригинальный диптих о восприятии первобытными алтайцами – младенцами гор, отгороженными горными хребтами от большого мира, достижений цивилизации. К возможности подобной трактовки взаимосвязи двух текстов подводит традиционная для Сорокина формулировка посвящения «Отдаю Вивиану Итину» [49. С. 40]. *Отдает* как сюжет для разработки, как усмотренный им еще один вариант нарратива о железной птице и высшей – идеологически соответствующей злобе дня – справедливости¹⁸. Устроивший «тридцать три скандала Колчаку», А. Сорокин в рассказе заставляет еще раз оскандалиться самоуверенное воинство адмирала, придавая сюжету о гибели в горах самолета «белых» окраску фатальной неизбежности.

«Самый великий шаман Алтая» Куано в рассказе Сорокина мозаично сконструирован из элементов этнографических исследований Г.Н. Потанина и А.В. Анохина, географических описаний В.В. Сапожникова и художественных текстов Г.Д. Гребенщикова. От первых в персонаже функция носителя эпической памяти народа (этнической самоидентификации), от второго – топографическая привязка (Алтай – Катунь), на алтайские мотивы Гребенщикова аллюзивно указывает фраза «летим усмирять деревню Чураево, бунт там теперь староверы подняли...» [49. С. 41]. «Профессор Сапожников» напоминает в тексте

фольклориста Потанина: «заслушивался песнями Куано, записывал мудрость алтайского шамана» [Там же. С. 40] из племени телеутов. Сорокин делает телеутов современным звеном в длинной цепи перекачавшихся через Горный Алтай народов и цивилизаций: «Было время, жили здесь когда-то иш-тижи¹⁹, потом приходили задумчивые монголы, хитрые китайцы и даже люди далекой Индии <...> вот, настало время, живет теперь племя телеугов²⁰. Кто будет жить потом – не важно знать...» [48. С. 41].

Алтай у Сорокина – природная твердь, подчиняющаяся только естественным циклам развития. В его изложении мифа творения Ульгеня и Эрлика противостоят как создатели живого и неживого; творения первого – из крови и плоти, второго – из песка и золота... В этой интерпретации мифа творения фантазии не хватило носителю зла Эрлику, и по образцу созданного Ульгеном «свои творения Эрлик стал творить из пота и труда людей. Из железа <...> создал железных китов, железных плавающих гусей, железных коней, железных птиц» [Там же. С. 43].

Аллегория Сорокина была понятна даже начинающему читателю. Шаман – носитель высшей мудрости – предсказывает гибель оказавшимся в его «ауле» (для омича Сорокина между *аулом* и *аилом* разницы нет) летчикам адмирала Колчака и торжествует, когда предсказание сбывается, хоть с ними вместе гибнет и его собственный сын. Летчики, прилетевшие на железной птице, идентифицируются им как «слуги Эрликовы», т.е. носители зла. Тот же шаман через шесть лет, весьма удрученный тем, что севшая поблизости железная птица смогла улететь²¹, идет за объяснениями к самому Ульгеню, и верховное божество самолично объясняет «любимому шаману», что эта железная птица принесла людям радость, что ныне творения Эрлика служат людям. В. Зазубрин отнес это произведение Итина к числу лучших прозаических текстов «СО» за 5 лет существования журнала. В частности он сказал, что писатель в «Пути шамана» (глава «Каан-Кэрэд») доказал, что «Башкирия» или «Ойротия» звучит не только так же, как «Мадагаскар», но и сильнее. Путь шамана – блестящие страницы. Здесь у писателя выпала вата из ушей, которые он заткнул во время полета над Алтаем, и писатель вдруг услышал живые голоса земли. Итин нашел путь шамана, несомненно, найдет и свой путь» [52. С. 199].

Встраивание в шаманские мотивы идеологических конструкций – характерная черта сибирской раннесоветской литературы. Шаман как символ первобытности и, соответственно, «проклятого прошлого», постепенно становится неотъемлемой частью уходящей природы, чтобы уйти вместе с нею в область преданий. В предисловии к публикации легенд племени туба (тубаларов) в типичных для той эпохи образах В. Хмелевский выразил суть происходящих в автономии социально-культурных процессов – это борьба красного знамени с «бубном шаманским», это изгнание «красным зыком» азиатской лени и безысходной тоски. «Скоро, скоро то время будет, когда не увидим мы чадного тоя, не взглянем в глаза лошади, полные боли и слез глаза, раздираемой в жертву Эрлику. Это время

близко. Ибо, как же могут ужиться трактор с шаманом. Алтай умрет. И на месте его будет другой. Новый. С новым ритмом, новыми мыслями и желаниями. И вот для этого нового – старое надо запомнить! Ради нового *надо бросить на бумагу* (курсив мой. – Т.Ш.) и богов, заплесневевших, как старые сосны, и пьяные песни свадеб, и многое другое» [53. С. 53] – «свое» начинается после *описания* «чужого», прежде здесь существовавшего.

Публикацию Хмелевского в толстом журнале можно рассматривать как первый звонок уходящего под нажимом идеологического диктата из народной культуры традиционного фольклора. В новом Алтае²² ему места нет, начинает осознаваться необходимость фиксации устно-поэтических текстов. Власти же под лозунгом сохранения «национальной по форме» культуры поддерживают только лояльных к ним сказителей (в Ойротии это орденосец Н.У. Улагашев), публикуются только идеологически выверенные фольклорные тексты. Характерный пример подобной публикации – алтайское сказание «Когутэй», где в предисловии В. Зазубрин идеологически противопоставил богатырям – героям алтайских фольклорных текстов, известным по записям В. Радлова, Г. Потанина, В. Вербицкого, В. Владимирцова, Н. Никифорова, – богатыря-бедняка Когутэя с его приемным сыном Бобренком [59. С. 7].

Судя по публикациям 1922–1939 г., пока спешно создается областной музей, пишется первая опера²³, отыскиваются местные «поэты» и составляется пантеон местных героев Гражданской войны, фольклор становится практически единственным символом *алтайской* (но никак не ойротской) идентичности²⁴. При этом *алтайцами* в литературе все чаще называются только живущие в административных границах Ойротской автономной области представители тюркских племен и родов – происходит искусственное объединение этноса и пространства (ср.: у В. Вербицкого пространство «алтайских инородцев» гораздо шире собственно Алтая в местном понимании – т.е. высокогорной части юга Томской губернии [60. С. 14]; тем более эпический Алтай «пространственно шире, чем вся земля» [44. С. 283]). Хотя Ойротия и входила в состав *Алтайской* губернии (1922–1925), затем *Алтайского* края (1937–1948), только её коренные жители собирательно назывались в литературе *алтайцами*²⁵ (на волне борьбы с великодержавным шовинизмом их таким образом отличали от русского населения). Следовательно, в раннесоветской литературе термин «алтаец» выполнял идеологическую функцию, выделяя из всех жителей географического *Русского* Алтая образ человека, прежде всего внешне резко отличающегося от русского (славянского) типа²⁶, а топоним Горный Алтай редуцировал Русский Алтай до размеров Ойротии. Так, читатель «Сибирских огней», обнаружив в содержании блок «По Алтаю» (правда, таковой был лишь в № 3 журнала за 1927 г.), был готов к восприятию материала о национальной окраине. В указанном выпуске несколько не обманывал читательских ожиданий очерк А.Л. Коптелова «Золотые горы» с обязательными шаманскими

мотивами. Строго выдерживающий курс по идеологическому компасу Коптелов встраивает эти мотивы в контекст преодоления отсталости, поэтому раздел о шаманизме метафорически называет «Утихающие звуки». Очеркист уже не слышит сами эти звуки, а только слышит о них, они уже в прошлом: «...заливался в горах неистовых хохотом шаманский бубен. Болтались после камланий белые шкуры лошадей, коров, овец. Пил шаман горячую кровь скота алтайцев, просил диким криком своих богов о помощи больному, но уснувшие боги не помогали. Тогда в душе ругал алтаец шамана» [63. С. 141]. Позднее, в очерке «Горными тропами» [64], у Коптелова появится все тот же продвинутый проводник Амыр Сана, утверждающий, что каждый человек должен во что-то верить. З. Рихтер писала, что он мечтал написать книгу об алтайских шаманах, потому что человек со стороны не может верно передать суть этого явления, а Коптелов говорит, что Амыр-Сана частично реализовал этот замысел – стал «Эрлика на картинах изображать» и «как совершается жертвоприношение». Возможно, довольно частое общение с учеными и путешественниками заставило Амыр-Сану остротенно посмотреть на детали шаманского культа, но скорее всего, он интуитивно понял, что необходимо успеть зафиксировать уничтожаемый пласт национальной культуры. Иллюстрацией к шаманским мотивам в очерке Коптелова служат фотоснимки Коровина «Алтайский кам (шаман)» и «Камлание»

О непростой ситуации в сфере осмысления этих процессов изнутри свидетельствует вышедшая в 1931 г. в Москве книга Л. Эдокова «Ойротская автономная область». Традиционно отождествляя *старое* с шаманизмом, под лозунгом ликвидации *старого* автор полемизирует с А.В. Анохиным, называя того апологетом национальной «самобытности». В частности, Эдоков пишет, что летом 1929 г., делая в Улалинском клубе доклад о происхождении и содержании шаманизма, этнограф «заявил между прочим что “у ойрота пока нет ничего, что могло бы заменить ему его шаманистскую идеологию... было бы жестоко и несправедливо отнимать её у него, ничего не давая взамен”...» [15. С. 55]. Высказывание Анохина было названо воплем, раздавшимся «в момент активизации великодержавного и местного национализма», а изучение национальной самобытности коренного населения объявлено «ширмами для сокрытия контрреволюционных капиталистических чаяний». Эдоков изложил свою трактовку сути шаманизма как примитивного верования, объединив в одном разделе книги борьбу с религиозными предрассудками (в том числе с бурханизмом и православием) и великодержавным и местным национализмом.

В художественной форме Эдокову вторил А.Л. Коптелов, в рассказе «Первая весна» [65] воссоздавший коллизию столкновения старого и нового в момент создания первых колхозов в Ойротской автономной области (позднее текст войдет в роман «Великое кочевье»). Колхоз «Светает» готовится к первой пахоте, чему противятся старейшина рода модоров Сапог Тыдыков и шаман Шатый, напоминая о

культе почитания земли и гнев духов, поэтому старики бросаются под ноги лошадям на первой борозде. Разболевшийся Таланкеленг Сокашев оказывается перед выбором между родовой традицией и новой общностью – колхозом. Шаман является перед большим и в реальности, и в бреду, бай присылает белых лошадей для жертвоприношения, но перелом в настроениях Таланкеленга происходит только после того, как председатель колхоза Борлай срубает священную лиственницу (камагач) в Голубой долине. Новое побеждает, и в финале по заявлению Таланкеленга бай и шаман высылаются из долины, а скот бая обобществляется. Разбитый шаманский бубен, висящий на каменной бабе, знаменует победу над былыми предрассудками.

Таким образом, комплексное рассмотрение внешней и внутренней точек зрения на Ойротию позволяет связать шаманские мотивы как минимум с тремя прагматическими задачами:

1) получение административно-территориальных (автономия) и материальных предпочтений (гиперболизация дикости и примитивизма «темных инородцев», «туземных племен», «туземцев»);

2) подтверждение идеологической точности курса руководства региона в создании «национальной по форме, социалистической по содержанию» советской культуры в Сибири; борьбы с религиозными предрассудками и великодержавным и местным национализмом (экзотизация шаманских мистерий как главного признака национальной самобытности);

3) отстаивание равноправия провинции и столицы в вопросах теории и практики советского искусства (завуалированное противостояние господствующему принципу тематического подхода, полемика о путях развития советского искусства).

В 1948 г. термин «ойрот» будет объявлен «знаменем объединения реакционных сил» [2. С. 90], Ойротская автономная область станет называться Горно-Алтайской; тем самым будет декларировано, что «отсталость» преодолена, с «проклятым прошлым» в целом и с его отдельными пережитками (в том числе с шаманизмом), как и с идеологическими противниками, к числу которых относились алтайские шаманы, покончено. В литературе о Горно-Алтайской автономной области шаманским мотивам места уже не будет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ссылаясь на авторитет Г.Н. Потанина и В.И. Вербицкого, этнограф А. В. Анохин писал: «С этими именами (Ойрот и Манхут. – Т.Ш.) как у алтайцев, так и у монголов связываются их вождения, их политические мечты. Все азиатские племена наяву и во сне бредят своим Ойротом» [3. С. 165].

² В партийных, научных и учебных изданиях тех лет постоянно говорилось о недостаточности работ по изучению национальных окраин СССР. Имеющиеся же содержали недостоверные фактические и статистические данные, например: «...Ойраты, составляющие до 200 тыс. чел., представляют собою типично отсталый крестьян. элемент, очень мало развитой, по отношению к которому мы должны делать только первые шаги в области нашей национальной политики, создавать для него письменность, строить начальные школы и т.д.» [5. С. 102].

³ В сумме воззрений, основанных на внутренней точке зрения, доминировала тематика, развивавшаяся областниками, и сибирские литераторы описывали свой регион как страну крестьянскую и как страну малых народностей: «...эти два основных момента стали главными мотивами творчества сибиряков. Гребенщиков, Ершов, Новоселов, Шишков дают мужика и туземца; Исаков, Жиликов, Бахметьев, Казанский – мужика-челдона. Все они дают крепкий быт, дают яркую, пахнущую солнцем, а то и потрескивающую сорокаградусным морозом Сибирь, дают её во всем величии и в детской простоте её обитателя» [6. С. 305].

⁴ «В русских документах XVII и XVIII веков и в описаниях путешественников XIX века алтайцы фигурировали под именем “калмык” (горные калмыки, порубежные калмыки, белые калмыки, алтайские калмыки)» [10. С. 3].

⁵ Оценка шаманов как классовых врагов была сделана Л.П. Потаповым в одной из его ранних работ, открывавшей серию трудов Института АН СССР по изучению народов СССР. В частности, в духе времени он писал: «...шаманы ненавидят советскую власть, так как при помощи её трудящиеся алтайцы убеждаются в наглom обмане жрецов религии и бросают дедовскую веру. Шаманы ведут злобную агитацию против советской власти, утверждая, что советская власть разорила алтайцев (имеются в виду, конечно, бай и зайсаны), страшают население пророчествами о близкой войне. <...> Еще до 1930 года включительно шаманы разъезжали по аймаку, устраивая моления с кровавыми жертвоприношениями скотины, отвлекая алтайцев от хозяйственных работ» [13. С. 46–47].

⁶ Характерный пример подобного воображения региона приводит в очерковом цикле «Письма к друзьям» Г.Д. Гребенщиков: «Сибирь всем слушателям казалась заморской, дикарской и необыкновенной страной» [19. С. 146–147].

⁷ «На каме – шапка, украшенная совиными перьями, на спине его семь колокольчиков в честь духов, в руках огромный бубен и колотушка. До поздней ночи пляшет кам, в испуглении бьет в бубен, взывая к божеству. Глаза вылезают из орбит, на губах пузырится пена, как у бесноватого». «На утренней заре над “таилгой” (жертвенником) совершается обряд. На лестнице из двух жердей, обращенной в небо, призывают лошадь. На голову ей набрасывают пеглю и кам собственноручно душит её. Потом в котел выпускают дымящуюся кровь, и кам, обмакнув пальцы, обмазывает кровью глаза божка, торчащего вместо рукоятки на бубне. Шкура лошади висит над жертвенником пока не высохнет, а под ней идет жертвенное пиршество». Подобные описания можно найти практически в каждой книге об Ойроти, свидетельствуя о дикости первобытных алтайцев, они подчеркивают значимость социокультурного скачка, совершенного малыми народами.

⁸ То есть между «отобразителем» (А. Белый) и читателем встает бесстрастный ученый. В этот период в Ойроти работали столичные этнографы Н.П. Дыренкова, Л.Э. Каруновская, Л.П. Потапов, до 1931 г. продолжал свою собирательскую деятельность А.В. Анохин; образ столичного ученого-этнографа был создан В. Итиным в поэме «Каан-Кэрэд».

⁹ Если говорить о гендерном аспекте освещения этого локуса и этого мотива в литературе, то следует назвать единственную предшественницу указанных журналисток – писательницу А.И. Макарову-Мирскую, принадлежавшую к семье алтайских миссионеров Ландышевых. В её богато иллюстрированной книге «Алтайские рассказы» опубликованы четыре рисунка Г.И. Гуркина, в том числе обложка с подписью «рисовал алтаец Гуркин, 1911, февр.», на среднем плане обложки за аилом поднимается в небо таилга – жердь со шкурой жертвенной лошади. В сборнике, ориентированном на детское чтение и посвященном цесаревичу Алексею, есть рассказ «Камлание». Сцены камлания и жертвоприношения в тексте даны в восприятии ребенка-алтайца, впервые сталкивающегося с подобным зрелищем и переживающего страшное потрясение [26. С. 129–160].

¹⁰ Описания полетов камов можно назвать общим местом раннесоветского краеведческого очерка. Кам «...должен перелететь моря, реки и горы, дойти до хана Эрлика. <...> Каму закрыты дороги, ему пересекают путь звери, но кам не боится их. Он идет, он летит птицей, он несется на спине зверя. Туманы заволакивали путь, уводили кама на озеро, и кам бубном взывал к духам, и они спасали его. Кам летел, кам кружил, бубен захлебывался, кричал. Бурные потоки преграждали путь, огненные завесы окружали его! Кам задыхался, он прыгал, кричал, и бубен неистовствовал в его руках...» [28. С. 47].

¹¹ См. преамбулу к описанию маршрутов по Горному Алтаю для отпускников и сами описания этих маршрутов в районе Телецкого озера [30. С. 33–44].

¹² Детальное изучение обряда жертвоприношения сказалось в дальнейшем творчестве П. Низового уже на уровне тропов, например: «Взял Сарыбаш с сучка уздечку, а с неё по ладони – крупные, тяжелые капли, будто слезы у жертвенной кобылицы, когда её умную морду смертельно сдавит белый чумбур» [35. С. 33].

¹³ Изображение Телецкого озера как одного из красивейших мест России, по эстетической привлекательности равного альпийским ландшафтам, начинается с романтических мечтаний о встрече с ним Г.И. Спасского [36. С. 40], описаний Г.П. Гельмерсена [37] и под пером Н.М. Ядринцева [38] обретает социальное звучание.

¹⁴ О.Г. Левашова констатирует: «В XIX веке на Алтае не сформировался единый литературный процесс, нет профессиональных писателей. Изучение и изображение региональной жизни осуществляется этнографами, учеными, путешественниками» [39. С. 8].

¹⁵ По числу солнечных дней Горный Алтай превосходит многие курортные места Крыма и Кавказа [43. С. 12]. Эпитет «солнечный» сопровождается эпический топоним Алтай в героических сказаниях алтайцев [44. С. 286].

¹⁶ Победу этого принципа в сибирской литературе зафиксировал Второй съезд Сибирского союза писателей, прошедший 26–29 января 1930 г. в Новосибирске. Резолюция съезда гласила: «Огромные успехи в области социалистического строительства и дальнейшие грандиозные задачи реконструктивного периода – индустриализация, сплошная коллективизация, уничтожение кулачества как класса, культурная революция, задача социалистической перестройки людей – все это создает широчайшие возможности для художественного творчества и накладывает обязательство на советских писателей использовать все это в качестве тем для своих произведений, имея целью повышение социальной актуальности своего творчества. Это никоим образом не должно означать ограничения поисков в области разнообразных жанров (исторический роман, утопия, сатира и т.д.), однако, помня, что в данный момент решающим звеном в творчестве писателя является современная тематика» [46. С. 109].

¹⁷ Об авиаторе как новом персонаже русской литературы и связанных с ним сюжетно-мотивных комплексах см. работу В. Мароши [47], герой авиации как образ нового человека рассмотрен Катериной Кларк [48. С. 112–117].

¹⁸ Заслуживший имя защитника сибирских инородцев А.С. Сорокин в Горном Алтае не бывал, но алтайские мотивы, в том числе и шаманские, встречаются в его прозе достаточно часто (см. «Тынду-тунта – трава стога», «Последний бакса Ижтар», «Глаза Сибири», «Гнев Ашахата»). В его фантастической повести «Алтай и города» сталкиваются природа и культура, погрязший в разврате европейский мир городов небезуспешно пытается ополщить красоту дочерей Ульгены (фабула строится на развертывании мотива «боги спускаются на землю»), шаман – помощник Ульгены – гибнет, противостоит этому влиянию; гибнет и сам Ульгень, его одежда и бубен шамана Ано сдаются в Нью-Йоркский музей. Новейшая публикация повести подготовлена по архивным материалам Г.Ф. Орловым [50].

¹⁹ Иш-тужи – искаженное алт. *иш-кижи* – черневые татары. «Черневые татары – это перевод татарского *йыш-кижи*, так как все эти татары живут в горах, заросших густыми хвойными лесами, к востоку от Катуня, а такие местности сибирские русские называют “чернь”, а алтайские татары – йыш. Алтайцы называют этих татар также и *туба*» [51. С. 93].

²⁰ Телеуты – русское название теленгитов.

²¹ Весной–летом 1925 г. состоялся агитационный облет Сибири на самолете «Сибревком», он широко освещался в сибирской прессе, так как практически в каждом вылете принимали участие сибирские писатели, в частности, В. Итин прилетал в Ойротию. Эти сведения положены в основу сюжета рассказа.

²² Образцовым произведением советского фольклора считается «ойротская легенда» «Зажглась золотая заря», записанная в 1934 г. «со слов Дабы Юдакова, колхозника из поселка Айлу, Элекмонарского аймака Ойротской автономной области», открывавшая раздел «Ленин» в сборнике, подготовленном под руководством Горького к двадцатилетию СССР [54. С. 15–24] (пер. Демьяна Бедного). Переводчик в примечании указывает, что шаман – это гадатель, колдун, знахарь. В сюжете бедный охотник Анчи страдает в том числе и от жадности шамана. В финале Ленин вскрывает «камов черный обман» перед всем белым светом (легенда дала название идеологическому отредактированному сборнику алтайского фольклора «Зажглась золотая заря: сказки и легенды» [55]). На «алтайских песнях» в ту пору специализировался переводчик В. Непомнящих (см. раздел «Новый Алтай» с тематической рубрикой в авторском сборнике «Веселый дол» [56. С. 48–56]). Профессиональным сообществом прекрасно осознавалась конъюнктурность его «переводов» («интуитивный нюх»), о чем свидетельствуют дружеские шаржи [57]. Переводчик превзошел самого себя в «Письме ойротского народа великому Сталину» [58].

²³ Точнее, только оперный этюд с балетом «Хан Эрлик», сюита для хора и струнного квартета «Хан Алтай» и шаманское действо «Галай Хан»; композитор подчеркивал, что эти его музыкальные произведения предназначены для «инородцев Алтая», «живущих в дынных юртах и совершающих свои моления богу Ульгено и Эрлику с бубном», поэтому в них «намеренно выданы такие элементы, например, шаманский бубен как аккомпанирующий инструмент, которые понятны инородцу, но которые покажутся странным европейскому уху» [60. С. 137].

²⁴ Терри Мартин пришел к выводу, что сталинский термин «национальная культура» означает только национальную идентичность, поскольку «все наиболее существенные национальные представления и обычаи – религия, гендерные и социальные отношения, организация хозяйства – были или упразднены, или усреднены <...> Содействовать “национальной культуре” – это значило активно развивать символы национальной идентичности и в то же время бороться с характерными национальными представлениями и обычаями» [61. С. 257].

²⁵ Характерно, что для жителей Зауралья (в сибирском понимании) до сих пор синонимичны понятия «алтаец» и «житель Алтайского края». Центральные СМИ считают Алтайский край и Республику Алтай одним субъектом Федерации.

²⁶ В. Вербицкий так описывает «наружный вид алтайцев»: «Средний рост, сухопарость, лицо плоское, лоб низкий, скулы выдались, волосы и брови как смоль, черные, жесткие, как конская грива, глаза унырнули под лоб, нос без переносицы, и потому расстояние между глазами кажется довольно поперанным...» [62. С. 23].

ЛИТЕРАТУРА

1. Слезкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или каким образом Социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Антология. Советский период. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2001. С. 329–374.
2. *От уезда к республике*: Сборник архивных документов. Горно-Алтайск, 2001. 275 с.
3. Анохин А.В. Бурханнизм в Западном Алтае // Сибирские огни. 1927. № 5. С. 162–167.
4. *Сибирская советская энциклопедия* : в 4 т. Т. 4. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000373156>
5. Попов Н.Н. Национальная политика советской власти : курс лекций. 5-е изд. Харьков : Пролетар, 1931. 139 с.
6. Вейсберг Г.П., Пушкарев Г.М. Сибирь в художественной литературе : хрестоматия. М. : Гос. изд-во, 1927. 306 с.
7. Потапов Л.П. Краткий очерк культуры и быта алтайцев. Горно-Алтайск : Облнциздат, 1948. 64 с.
8. Ойноткинова Н.Р. Поэтика шаманских призываний алтайцев // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. С. 10–16.
9. Сузи К. Франк. Освоение шаманизма в русской литературе конца XVIII века: А.Н. Радищев vs Екатерина II // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика : сб. ст. М. : Новое издательство, 2006. С. 41–54.
10. Потапов Л.П. Очерк истории Ойротии. Алтайцы в период русской колонизации. Новосибирск : ОГИЗ, 1933. 204 с.
11. Гордиенко П.Я. Ойротия. Новосибирск : ОГИЗ, 1931. 144 с.
12. Павел Кучияк. Воспоминания. Дневники. Письма / сост., ред. и прим. З.С. Казагачевой. Горно-Алтайск : Горно-Алт. отд. Алт. книж. изд-ва, 1979. 214 с.

13. *Потапов Л.П.* Поездка в колхозы Чемальского аймака Ойротской Автономной Области. Л. : Изд-во АН СССР, 1932. 48 с.
14. *Потанин Г.Н.* В Чемальском тупике // *Сибирская жизнь*. 1910. № 142.
15. *Эдоков Л.* Ойротская автономная область М. : Власть Советов, 1931. 72 с.
16. *Сборник программ отделов Первой Сельско-Хозяйственной и Кустарно-Промышленной выставки СССР*. М. : Ред.-изд. отдел гл. комитета Всесоюз. с-хоз. выставки, 1923. 100 с.
17. *Булгаков М.А.* Золотистый город // *Собр. соч.* : в 5 т. М. : Худож. лит., 1989. Т. 2. С. 339–354.
18. *Первый сибирский съезд писателей* // *Сибирские огни*. 1926. № 3. С. 202–232.
19. *Гребеничиков Г.Д.* Письма в Сибирь и Петербург (1907–1917) / сост. Т.Г. Черняева. Бийск : Бия, 2008. Кн. 1. 172 с.
20. *Якимова Л.П.* Многонациональная Сибирь в русской советской литературе. Новосибирск : Наука, 1982. 228 с.
21. *Андрей Белый.* Культура краеведческого очерка // *Новый мир*. 1933. № 3. С. 257–273.
22. *Эгарт М.* Переправа. Алтайские очерки. М. ; Л. : ГИХЛ, 1931. 200 с.
23. *Советская Ойротия* // СССР на стройке. 1932. № 9. Б/с.
24. *Стонов Д.* Повести об Алтае. М. : Федерация, 1930. 297 с.
25. *Роботи Т.А.* Литература путешественников // *Русская проза*. Л. : Academia, 1926. С. 42–73.
26. *Макарова-Мирская А.И.* Алтайские рассказы. Харьков : Мирный труд, 1912. 211 с.
27. *Шкапская М.М.* В плетеном коробке // *Сама по себе: очерки*. Л. : Изд-во писателей в Лгр., 1930. С. 267–288.
28. *Пушкарев Г.М.* В хребтах Алтая. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1930. 72 с.
29. *Рихтер З.В.* В стране голубых озер (Очерки Алтая). М. ; Л. : Молодая гвардия, 1930. 157 с.
30. *Спутник туриста по Сибирскому краю*. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1929. 157 с.
31. *Куляпин А.И.* Алтай в эпоху войн и революций // *Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.: антология*. Т. 3 : 1917–1950 гг. Барнаул : Издательский Дом «Барнаул», 2012. С. 5–14.
32. *Низовой П.* Автобиография // *Рассказы*. М. : Кооп. изд-во писателей «Никитинские субботники», 1927. С. 22–26.
33. *Айхенвальд Ю.* Предисловие // *Низовой П. Язычники*. Чита : Утес, 1922. С. 5–13.
34. *Низовой П.* Язычники // *Собр. соч.* М. ; Л. : ЗиФ, 1928. Т. 2. С. 9–89.
35. *Низовой П.* В горных ущельях: рассказы. М. : Московское товарищество писателей, 1925. 124 с.
36. *Спасский Г.И.* Путешествие к Алтайским калмыкам (продолжение) // *Сибирский вестник*. 1823. Ч. 4. С. 15–40.
37. *Гельмерсен Г.П.* Телецкое озеро и теленгуты // *Горный журнал*. 1840. № 1. С. 41–61.
38. *Ядринцев Н.М.* Странник на Золотом озере // *Восточное обозрение*. 1882. № 1.
39. *Левашова О.Г.* «Да, правда. Эта страна – спящая красавица...» // *Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.: антология*. Т. 1 : 1917–1950 гг. Барнаул : Издательский Дом «Барнаул», 2012. С. 8–20.
40. *Козычаков Сары-Сеп Л.* Культурно-исторический очерк об алтайцах (к вопросу о выделении автономной области «Ойрот» // *Сибирские огни*. 1922. № 1. С. 109–115.
41. *Пушкарев Г.М.* Младенцы гор // *Сибирские огни*. 1922. № 5. С. 75–80.
42. *Правдухин В.* В борьбе за новое искусство // *Сибирские огни*. 1922. № 5. С. 166–181.
43. *Краткая энциклопедия Республики Алтай*. Новосибирск : АРТА, 2010. 365 с.
44. *Казагачева З.С.* Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын» (Аспекты текстологии и перевода). Горно-Алтайск, 2002. 352 с.
45. *Итин В.* Каан-Кэрэдэ // *Сибирские огни*. 1926. № 1–2. С. 39–98.
46. *Второй Съезд Сибирского союза писателей* // *Сибирские огни*. 1930. № 1. С. 108–113.
47. *Мароши В.В.* Полет авиатора как сюжет русской литературы Серебряного века // *Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы*. Вып. 6 : сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2004. С. 167–178.
48. *Кларк Катерина.* Советский роман: история как ритуал / пер. с англ. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. 262 с.
49. *Сорокин А.* Почему улетела птица // *Сибирские огни*. 1926. № 5–6. С. 40–43.
50. *Сорокин А.С.* Алтай и города // *Сочинения. Воспоминания. Письма*. Тобольск: Общественный благотворительный фонд возрождения Тобольска, 2012. С. 276–329.
51. *Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника. М. : Наука, 1989. 749 с.
52. *Пятилетие «Сибирских огней»: стенограмма* // *СО*. 1927. № 2. С. 174–226.
53. *Хмельевский В.* Легенды племени туба // *СО*. 1927. № 2. С. 53–63.
54. *Творчество народов СССР*. М. : Ред. «Правды», 1938. 545 с.
55. *Зажглась золотая заря: сказки и легенды*. М. ; Л. : Детиздат, 1939. 88 с.
56. *Непомнящих В.* Веселый дол. Новосибирск : ОГИЗ, 1939. 56 с.
57. *Титов Н.* Поэтические ямбы // *Сибирские огни*. 1934. № 1. С. 226–227.
58. *Письмо ойротского народа великому Сталину* // *Сибирские огни*. 1936. № 6. С. 26–33.
59. *Алтайский эпос Когутэй / сказитель М. Ютканаков ; пер. Г. Токмашева ; ред. В. Зазубрина ; ком. Н. Дмитриева*. М. ; Л. : Academia, 1935. 202 с.
60. *Анохин А.В.* Лекции по алтаеведению. Бийск : Издательский дом «Бия», 2011. 150 с.
61. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности» // *Нации и национализм в СССР. 1923–1939* : пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2011. 855 с.
62. *Вербицкий В.И.* Алтайские инородцы : сб. этнографических статей и исследований. М., 1893. 268 с.
63. *Коптелов А.Л.* Золотые горы // *Сибирские огни*. 1927. № 3. С. 136–153.
64. *Коптелов А.Л.* Горными тропами // *Сибирские огни*. 1928. № 4. С. 125–149.
65. *Коптелов А.Л.* Первая весна // *Сибирские огни*. 1932. № 2–3. С. 3–19.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 ноября 2014 г.

A SHAMAN IN THE LITERARY IMAGE OF THE SOVIET NATIONAL PERIPHERY. OIROTIA, 1920S–1930S

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 43–53. DOI 10.17223/15617793/392/7

Shastina Tatiana P. Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation). E-mail: tshliteratura@mail.ru

Keywords: Oirotia; shamans (kams); exotica; ideology; motif; short novel; essay.

The article studies works published from the 1920s to the 1930s and dedicated to Oirotia Autonomous Oblast. The material of the research defines and describes the shaman motifs as the most stable representation of a national periphery region. In the period under research, Oirotia attracted writers, journalists, cinematographers, painters, who were eager to picture "the vanishing nature", i.e. the "prehistoric" and "savage" Altai, for they wanted to use it as a background to depict the quickly growing *infants of the mountains* and the *aborigines* who were getting civilized. When literature specialists from the Russian capitals came to Oirotia, they felt as charac-

ters of Herbert Wells, being thrown centuries back in the past, behind the borders of civilization. They viewed an Altai shaman as a personified symbol of an ancient era and interwove it into discourses to make aborigines of the national autonomy exotic and to discredit the ideological rivals of the Soviet power. Early Soviet literature researchers sent all "small-numbered peoples" of Siberia into "the great nomadic travel" (a long trip, migration passage and other kinds of symbolic change of a place that looked like travelling from wild life to civilization). A "demoniac shaman" in this chronotope was especially organic, which is seen from an issue of *SSSR na stroike* (USSR in a construction site), an Oirot propaganda journal (1932, No. 9), from essays by M. Egart, M. Shkapskaya, Z. Richter, D. Stonov. These works convey the idea of Oirotia population that is exhausted from good and evil spirits, and the shamans were seen as "epileptic mystics", "psychopathological types", "terrible pagans". The authors relished murderous details of rituals of animal sacrifice. Writers from Siberia, who started to apply their theorized interpretation of the specific features of local texts (V. Zazubrin, V. Pravdukhin), used their means to compete the neutralizing tasks of the national policy, understanding that the identity of small-numbered peoples was being intentionally ruined, that the cultural unity of aboriginal nations, based on the harmony of man and nature, was ripped apart. New social roles for shamans were found by V. Itin (*Kaan-Keredé*) and A. Sorokin (*Altai i goroda*, 'Altai and cities'), who showed a shaman as an aviator and fighter against the platitude and depravity of the civilized world. Pavel Nizovsky, a writer from the Russian capital, joined them with the same ideas (*Yazychniki*, 'Pagans'). Our review of the outer and inner standpoints on Oirotia allows concluding that the shaman-related motifs were connected with artistic tasks, but, in a greater extent, with pragmatic objectives: getting administrative, territorial and material preferences (autonomy, exaggeration of savagery and primitivism of "dark indigenous outlanders"); confirming ideological correctness of the course line of regional authorities in the building of Soviet culture in Siberia that should be "national in its shape and socialistic in its content"; fighting with religious narrow-mindedness and nationalism; supporting equality of the periphery and the central part in questions of theory and practice of the Soviet arts.

REFERENCES

1. Slezkin Yu. *SSSR kak kommunal'naya kvartira, ili kakim obrazom Sotsialisticheskoe gosudarstvo pooshchryalo etnicheskuyu obosoblenost'* [USSR as a communal apartment, or How a socialist state promoted ethnic isolation]. In: David-Fox M. *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Antologiya. Sovetskiy period* [Russian Studies in America]. Samara: Samara State University Publ., 2001, pp. 329–374.
2. *Ot uezda k respublike: Sbornik arkhivnykh dokumentov* [From the uezd to the republic: Collection of archival documents]. Gorno-Altaysk, 2001. 275 p.
3. Anokhin A.V. Burkhanizm v Zapadnom Altai [Burkhanism in Western Altai]. *Sibirskie ogni*, 1927, no. 5, pp. 162–167.
4. *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Siberian Soviet Encyclopedia: in 4 vols.]. Vol. 4. Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000373156>.
5. Popov N.N. *Natsional'naya politika sovetskoy vlasti: kurs lektsiy* [The national policy of the Soviet power: a course of lectures]. 5th edition. Kharkov: Proletar Publ., 1931. 139 p.
6. Veysberg G.P., Pushkarev G.M. *Sibir' v khudozhestvennoy literature* [Siberia in the literature]. Moscow: Gos. izd-vo Publ., 1927. 306 p.
7. Potapov L.P. *Kratkiy ocherk kul'tury i byta altaytsev* [A brief sketch of the Altai culture and life]. Gorno-Altaysk: Oblnatsizdat Publ., 1948. 64 p.
8. Oynotkinova N.R. Poetika shamanskikh prizyvaniy altaytsev [Poetics of shamanic invocations in the Altai]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2014, no. 1, pp. 10–16.
9. Frank S.K. *Osvoenie shamanizma v russkoy literature kontsa XVIII veka: A.N. Radishchev vs. Ekaterina II* [Development of Shamanism in the Russian literature of the 18th century: AN Radischev vs. Catherine II]. In: Bogdanov K.A., Murashov Yu., Nikolozhi R. (eds.) *Russkaya literatura i meditsina: Telo, predpisaniya, sotsial'naya praktika* [Russian literature and medicine: Body, regulations, social practice]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2006, pp. 41–54.
10. Potapov L.P. *Ocherk istorii Oyrotii. Altaytsy v period russkoy kolonizatsii* [A short history of Oirotia. Altai during the Russian colonization]. Novosibirsk: OGIZ Publ., 1933. 204 p.
11. Gordienko P.Ya. Oyrotiya [Oirotia]. Novosibirsk: OGIZ Publ., 1931. 144 p.
12. Kazagacheva Z.S. (ed.) *Pavel Kuchiyak. Vospominaniya. Dnevnik. Pis'ma* [Pavell Kuchiyak. Memories. Diaries. Letters]. Gorno-Altaysk: Gorno-Alt. otd. Alt. knizh. izd-va Publ., 1979. 214 p.
13. Potapov L.P. *Poezdka v kolkhozy Chernal'skogo aymaka Oyrotskoy Avtonomnoy Oblasti* [A trip to the kolkhoses of the Chermal aimaq of Oirot Autonomous Oblast]. Leningrad: USSR AS Publ., 1932. 48 p.
14. Potanin G.N. V Chernal'skom tupike [In the Chermal deadlock]. *Sibirskaya zhizn'*, 1910, no. 142.
15. Edokov L. *Oyrotskaya avtonomnaya oblast'* [Oirot Autonomous Oblast]. Moscow: Vlast' Sovetov Publ., 1931. 72 p.
16. *Sbornik programm otdelov Pervoy Sel'sko-Khozyaystvennoy i Kustarno-Promyshlennoy vystavki SSSR* [Collection of programs of the departments of the First Agricultural and Handicraft-Industrial Exhibition of the USSR]. Moscow: Red.-izd. otdel gl. komiteta Vsesoyuz. s-khoz. Vystavki Publ., 1923. 100 p.
17. Bulgakov M.A. *Sobr. soch.: v 5 t.* [Works: in 5 vols.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. Vol. 2, pp. 339–354.
18. *Pervyy sibirskiy s'ezd pisateley* [The first Siberian Congress of Writers]. *Sibirskie ogni*, 1926, no. 3, pp. 202–232.
19. Grebenshchikov G.D. *Pis'ma v Sibir' i Peterburg (1907–1917)* [Letters to Siberia and St. Petersburg (1907–1917)]. Biysk: Biya Publ., 2008. Book 1, 172 p.
20. Yakimova L.P. *Mnogonatsional'naya Sibir' v russkoy sovetskoy literature* [Multinational Siberia in Russian Soviet literature]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1982. 228 p.
21. Andrey Belyy. Kul'tura kraevedcheskogo ocherka [Andrey Belyy. The culture of the local history essay]. *Novyy mir*, 1933, no. 3, pp. 257–273.
22. Egart M. *Pereprava. Altayskie ocherki* [Ferry. Altai essays]. Moscow; Leningrad: GIKhL Publ., 1931. 200 p.
23. *Sovetskaya Oyrotiya* [Soviet Oirotia]. *SSSR na stroike*, 1932, no. 9.
24. Stonov D. *Povesti ob Altai* [Tales on Altai]. Moscow: Federatsiya Publ., 1930. 297 p.

25. Roboli T.A. *Literatura puteshestviy* [Travel literature]. In: *Russkaya proza* [Russian prose]. Leningrad: Academia Publ., 1926, pp. 42–73.
26. Makarova-Mirskaya A.I. *Altayskie rasskazy* [Altai stories]. Kharkov: Mirnyy trud Publ., 1912. 211 p.
27. Shkapskaya M.M. *V pletenom korobke* [In a wicker box]. In: *Sama po sebe: ocherki* [By herself: essays]. Leningrad: Izd-vo pisateley v Lgr. Publ., 1930, pp. 267–288.
28. Pushkarev G.M. *V khrebtakh Altaya* [In the Altai ranges]. Novosibirsk: Sibkrazizdat Publ., 1930. 72 p.
29. Rikhter Z.V. *V strane golubykh ozer (Ocherki Altaya)* [In the country of blue lakes (Essays on Altai)]. Moscow; Leningrad: Molodaya gvardiya Publ., 1930. 157 p.
30. *Sputnik turista po Sibirskomu krayu* [Tourist guide in Siberia land]. Novosibirsk: Sibkrazizdat Publ., 1929. 157 p.
31. Kulyapin A.I. *Altay v epokhu voyn i revolyutsiy* [Altai in the era of wars and revolutions]. In: Kulyapin A.I. (ed.) *Obraz Altaya v russkoy literature XIX–XX vv.* [The image of the Altai in the Russian literature of the 19th–20th centuries]. Barnaul: Izdatel'skiy Dom "Barnaul" Publ., 2012. Vol. 3, pp. 5–14.
32. Nizovoy P. *Rasskazy* [Stories]. Moscow: Koop. izd-vo pisateley "Nikitinskie subbotniki" Publ., 1927, pp. 22–26.
33. Aykhenval'd Yu. *Predislovie* [Preface]. In: Nizovoy P. *Yazychniki* [Pagans]. Chita: Utes Publ., 1922, pp. 5–13.
34. Nizovoy P. *Sobraniye sochineniy* [Works]. Moscow; Leningrad: ZiF Publ., 1928. Vol. 2, pp. 9–89.
35. Nizovoy P. *V gornyykh ushel'yakh: rasskazy* [The mountain valleys: the stories]. Moscow: Moskovskoe tovarishchestvo pisateley Publ., 1925. 124 p.
36. Spasskiy G.I. *Puteshestvie k Altayskim kalmykam (prodolzhenie)* [Journey to the Altai Kalmyks (continued)]. *Sibirskiy vestnik*, 1823, pt. 4, pp. 15–40.
37. Gel'mersen G.P. *Teletskoe ozero i telenguty* [Lake Teletskoye and the Telenguts]. *Gornyy zhurnal*, 1840, no. 1, pp. 41–61.
38. Yadrintsev N.M. *Strannik na Zolotom ozere* [Wanderer on the Golden Lake]. *Vostochnoe obozrenie*, 1882, no. 1.
39. Levashova O.G. *"Da, pravda. Eta strana – spyashchaya krasavitsa"* ["Yes, it is true. This country is the sleeping beauty"]. In: Kulyapin A.I. (ed.) *Obraz Altaya v russkoy literature XIX–XX vv.* [The image of the Altai in the Russian literature of the 19th–20th centuries]. Barnaul: Izdatel'skiy Dom "Barnaul" Publ., 2012. Vol. 1, pp. 8–20.
40. Konzychakov Sary-Sep L. *Kul'turno-istoricheskiy ocherk ob altayskakh (k voprosu o vydelenii avtonomnoy oblasti "Oyrot")* [A cultural-historical essay on Altaians (to the question of separation of the Oirot autonomous oblast)]. *Sibirskie ogni*, 1922, no. 1, pp. 109–115.
41. Pushkarev G.M. *Mladentsy gor* [Infants of the mountains]. *Sibirskie ogni*, 1922, no. 5, pp. 75–80.
42. Pravdukhin V. *V bor'be za novoe iskusstvo* [In the struggle for a new art]. *Sibirskie ogni*, 1922, no. 5, pp. 166–181.
43. *Kratkaya entsiklopediya Respubliki Altay* [Brief Encyclopedia of the Altai Republic]. Novosibirsk: ARTA Publ., 2010. 365 p.
44. Kazagacheva Z.S. *Altayskie geroicheskie skazaniya "Ochi-Bala", "Kan-Altyn" (Aspekty tekstologii i perevoda)* [Altai heroic legends "Ochi-Bala", "Kan-Altyn" (Aspects of textology and translation)]. Gorno-Altaysk, 2002. 352 p.
45. Itin V. *Kaan-Kerede*. *Sibirskie ogni*, 1926, no. 1–2, pp. 39–98. (In Russian).
46. *Vtoroy S'ezd Sibirskogo soyuza pisateley* [The Second Congress of the Writers' Union]. *Sibirskie ogni*, 1930, no. 1, pp. 108–113.
47. Maroshi V.V. *[Aviator flight as the plot of the Silver Age Russian literature]*. *Materialy k slovaryu syuzhetov i motivov russkoy literatury* [Proceedings of the dictionary of plots and motifs of Russian literature]. Novosibirsk: SB RAS Publ., 2004, is. 6, pp. 167–178. (In Russian).
48. Klark K. *Sovetskiy roman: istoriya kak ritual* [Soviet novel: History as ritual]. Translated from English. Ekaterinburg: Ural State University Publ., 2002. 262 p.
49. Sorokin A. *Pochemu uletela ptitsa* [Why the bird flew away]. *Sibirskie ogni*, 1926, no. 5–6, pp. 40–43.
50. Sorokin A.S. *Sochineniya. Vospominaniya. Pis'ma* [Works. Memories. Letters]. Tobolsk: Public Charitable Foundation of Tobolsk revival Publ., 2012, pp. 276–329.
51. Radlov V.V. *Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika* [From Siberia. Diary pages]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 749 p.
52. Pyatiletie "Sibirskikh ogney": stenogramma [The fifth anniversary of Sibirskie Ogni]. *Sibirskie ogni*, 1927, no. 2, pp. 174–226.
53. Khmelevskiy V. *Legendy plemeni tuba* [Legends of the Tuba tribe]. *Sibirskie ogni*, 1927, no. 2, pp. 53–63.
54. *Tvorchestvo narodov SSSR* [Creative works of the USSR peoples]. Moscow: Pravda Editorial Publ., 1938. 545 p.
55. *Zazhglas' zolotaya zarya: skazki i legendy* [There sparked a golden dawn: tales and legends]. Moscow; Leningrad: Detizdat Publ., 1939. 88 p.
56. Nepomnyashchikh V. *Veselyy dol* [Merry dale]. Novosibirsk: OGIZ Publ., 1939. 56 p.
57. Titov N. *Poeticheskie yamby* [Poetic iambs]. *Sibirskie ogni*, 1934, no. 1, pp. 226–227.
58. *Pis'mo oyrotskogo naroda velikomu Stalinu* [Letter of the Oirot people to the great Stalin]. *Sibirskie ogni*, 1936, no. 6, pp. 26–33.
59. Zazubrina V. (ed.) *Altayskiy epos Kogutey* [The Altai epic Kogutey]. Moscow; Leningrad: Academia Publ., 1935. 202 p.
60. Anokhin A.V. *Lektsii po altaevedeniyu* [Lectures on the Altai studies]. Biysk: Biya Publ., 2011. 150 p.
61. Martin T. *Imperiya "polozhitel'noy deyatelnosti". Natsii i natsionalizm v SSSR. 1923–1939* [The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. 855 p.
62. Verbitskiy V.I. *Altayskie inorodtsy: sb. etnograficheskikh statey i issledovaniy* [Altai foreigners: ethnographic articles and studies]. Moscow, 1893. 268 p.
63. Koptelov A.L. *Zolotye gory* [Golden mountains]. *Sibirskie ogni*, 1927, no. 3, pp. 136–153.
64. Koptelov A.L. *Gornymi tropami* [Along mountain trails]. *Sibirskie ogni*, 1928, no. 4, pp. 125–149.
65. Koptelov A.L. *Pervaya vesna* [The first spring]. *Sibirskie ogni*, 1932, no. 2–3, pp. 3–19.

Received: 27 November 2014

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 303; 001.5

М.И. Гаськова

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ЦЕННОСТЕЙ В СОЦИОЛОГИИ

Рассмотрены различные способы изучения ценностей, позволяющие расширить горизонты доминирующего в современной российской социологии эмпирического количественного подхода к исследованию данной проблемы. Были затронуты возможные пути исследования ценностей в рамках постнеклассической науки, в том числе предложен способ целостного подхода к изучению проблемы в ракурсе методологии К. Уилбера.

Ключевые слова: ценности; методология исследования; эмпирическая социология; интегральный подход К. Уилбера; постнеклассическая наука.

Исследование ценностей является достаточно насущной проблематикой на сегодняшний день как с социальной точки зрения, так и с гносеологической. Произошедшая в России трансформация социально-политической системы, процесс утраты легитимности официальной коммунистической идеологии привели к активному поиску жителями постсоветского пространства новых ориентиров; этот процесс сопровождается и большими трудностями: к примеру, достаточно высоким уровнем аномии, отмечаемым многими исследователями.

Вопрос о необходимости поиска новых ценностей ставят и те, кого волнует проблематика глобальных изменений современной цивилизации, вызванных техногенным, экологическим кризисом. Решение же подобных проблем, по мнению академика В.С. Стёпина, «состоит не в отказе от научно-технического развития, а в придании ему гуманистического измерения, что, в свою очередь, ставит проблему нового типа научной рациональности, включающей в себя в явном виде гуманистические ориентиры и ценности» [1. С. 17]. Формирующиеся ценности являются частью нового этапа в развитии науки, научной картины мира, которые некоторые учёные называют постнеклассической.

Постнеклассический этап в развитии науки делает особо значимым изучение ценностей, «человеческую» ориентацию науки. «Когда современная наука на переднем крае своего поиска поставила в центр исследований уникальные, исторически развивающиеся системы, в которые в качестве особого компонента включён сам человек, то требование экспликации ценностей в этой ситуации не только не противоречит традиционной установке на получение объективно-истинных знаний, но и выступает предпосылкой этой установки» [Там же. С. 334].

Постнеклассический тип научной рациональности учитывает соотнесённость получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности субъекта, но и с ценностно-целевыми структурами, с доминирующими в культуре мировоззренческими установками и ценностными ориентациями. Причём эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и

целями [1. С. 333]. В отличие от классической науки, на указанном этапе субъект не элиминируется из процесса исследования.

Говоря о конкретных современных работах (школах), ведущих исследования в данном направлении непосредственно в области изучения ценностей в России, необходимо отметить, что их крайне мало (что говорит о значительном пробеле в данной сфере). Помимо прочих, постнеклассическую «позицию» в российской социологии занимают исследования (в том числе ценностей) коллектива под руководством В.Г. Немировского. В сфере психологии нельзя не отметить работы В.И. Кабрина и психологического факультета Томского государственного университета; большое значение, как представляется, имеют работы М.С. Яницкого, которые, на мой взгляд, стоят на стыке социологии и философии.

Однако тот факт, что доминирующими в современной российской науке (в социологии в частности) является классический и неклассический типы рациональности, определяет особенности в изучении ценностного сознания, что и хотелось бы затронуть далее. На основании проводимого мной в течение последних лет изучения работ, касающихся эмпирических социологических исследований ценностей современных россиян, можно утверждать, что такие исследования выполнены в рамках позитивистской картины мира; они по большей части основаны на материалистической философии. Так, к примеру, крупнейшие российские исследовательские центры – ВЦИОМ и Левада Центр – проводят крупные по выборке лонгитюдные исследования, позволяющие составить некоторое представление о ценностном сознании россиян, в частности за период изменений, произошедших в стране после перестройки. Однако вопросы фокусируются преимущественно на изучении уровня материального благосостояния респондента и его удовлетворённости политической системой, некоторыми проведёнными реформами социального характера. В них человек имплицитно рассматривается как «продукт» социально-экономической системы, которая первична по отношению к нему и является (как может сложиться представление) чуть ли не единственным фактором, определяющим его

жизнь. Также при ознакомлении с аналитическими работами некоторых эмпирических социологических исследований складывается ощущение, что ценности (или «ценностные ориентиры») воспринимаются как некие *внешние* к исследователю *объекты*, которые авторы данных работ рассматривают так, что их, подобно неким физическим характеристикам, можно идентифицировать и измерить преимущественно с помощью закрытой формы вопросов, заданных респонденту. Чаще всего используются количественные исследования, которые, как известно, формируют некое усреднённое статистическое представление об изучаемом феномене и не дают возможности изучать внутренний мир индивида в его целостности. Под ценностями также обычно подразумеваются данные респондентом *оценки* некоторых феноменов, причём чаще всего, как уже было упомянуто выше, на основе сделанного респондентом выбора из заранее сформулированных вариантов ответов в анкете¹.

Вышеперечисленные особенности, конечно, не характерны для всех современных российских социологических исследований. Так, к примеру, к более глубокому и всестороннему подходу в изучении населения современной России, учитывающему помимо прочего, социальные и культурные особенности регионов, стремятся коллектив под руководством академика Н.И. Лапина.

Также необходимо отметить и работы В.А. Ядова. Широко распространённой стала его диспозиционная концепция личности. Классификация ценностей, состоящая из ценностей – норм, ценностей – идеалов, терминальных ценностей – целей и инструментальных ценностей – средств, принята многими исследователями, изучающими ценностные ориентации [2]. Представляется, что В.А. Ядов, тем не менее, рассматривает социально-экономическую систему как определяющую в формировании мотивации социального поведения. Есть основания согласиться с мнением А.В. Кирьяковой, что направленность работ В.А. Ядова можно в большей степени отнести к диалектико-материалистическому подходу [Там же]. На мой взгляд, ракурс исследований В.А. Ядова не лежит в русле постнеклассического направления в науке.

Хотелось бы к тому же добавить, что для многих из обсуждавшихся выше работ характерно исключение из объекта исследования различных аспектов *духовной* жизни человека (опыта переживания трансцендентного, глубинного развития), а главное – парадоксальный факт полного игнорирования религиозного сознания и религии в целом, как если бы их не существовало вообще. Полагаю, что данная особенность является наследием материалистической направленности некоторых российских социологов, характерной для периода советского времени. Однако многие (другие) исследователи доказывают вполне в общем-то очевидный факт того, насколько значима религия для ценностного сознания человека. К примеру, данные многочисленных статистических исследований показывают особенный всплеск религиозности для региона постсоветского пространства в последние годы – феномен, требующий отдельного изучения. По

результатам наблюдения того же эмпирически ориентированного Р. Инглхарта (проводящего крупнейшее по охвату всемирное изучение ценностей – World Values Survey), религиозные убеждения являются важнейшим фактором в формировании ценностей.

Несомненно, с другой стороны, что доминирующий на данный момент в современной российской социологии подход к изучению ценностей, как и любые другие, имеет свои положительные аспекты. Он охватывает большой объём населения, дает возможность создать репрезентативную выборку. Такие работы позволяют создать некие, хотя и в некотором смысле поверхностные «штрихи», характеризующие происходящие в сознании (современных россиян) процессы, измерить «градус» (не)удовлетворённости политическими, экономическими изменениями в обществе, что является немаловажным фактором анализа. Однако представляется, что *более целостную картину* поможет создать обращение к *качественным* исследованиям, а также *междисциплинарные* (или даже стремящиеся к интегративности) работы и попытки подняться над сугубо описательным уровнем анализа. Подспорьем к тому же, несомненно, являются международные исследования, позволяющие проводить, помимо прочего, сравнительный анализ.

Направленность на междисциплинарные исследования являются также характеристикой постнеклассической науки, будучи, как представляется, весьма плодотворной тенденцией, так как именно на стыке наук часто рождаются нестандартные идеи и решения. В рамках данной статьи не ставится задача сделать репрезентативный обзор междисциплинарных исследований на тему ценностей. Хотелось бы только отметить, оставаясь в русле заявленной в работе цели, те главные моменты в других областях знаний о человеке и обществе, которые, как мне представляется, могли бы обогатить исследования ценностей в социологии. Совершенно очевидно, к примеру, что накопленные психологами результаты исследований расширяют поле познания ценностей. Психология подходит к исследованию более «лично», сохраняя индивида в фокусе внимания и тем самым зачастую глубже изучая сознание человека. Крайне значимым шагом в данном случае является обращение некоторых направлений психологии к *духовным, трансперсональным* аспектам человеческой души, что могло бы углубить социологические исследования.

В.И. Кабрин изучает ценности через обращение к метамотивации, вводя в корпус научного исследования понятие о транскомуникации и формулируя к тому же принципы новой «постметодологии» в контексте постнеклассической науки. Метамотивацию психолог характеризует «как намерение осуществить основные ценности жизни, определяющие её смысл и качество». Тем самым, исследуется экзистенциально человеческое в человеке как достойное его самобытия-и-события-в-мире со «значимыми другими» [3. С. 208]. «Стоит уточнить, что сама проблема постметодологии связана с поиском преодоления неизбежного редукционизма любых методологий, традиционно реализующихся в методах, призванных поддержи-

вать иллюзию объективации. В результате укореняется схема традиционной методологии, которая выглядит незыблемой: методология – метод – отражение – объективация. Понятие постметодологии характеризует тот новый тип знания, которое обозначается как трансперсональное, ноэтическое, трансцендентальное [4. С. 12]. Исходным условием в разработанной В.И. Кабриным методике является вовлечение респондентов в *ситуацию самоанализа своего жизненного мира*, что, как представляется, также могло бы обогатить социологический инструментарий исследования.

Если говорить о философских работах на тему ценностей, их значимость состоит в том, что они дают обобщённый взгляд на данную проблему; в них осуществляется бóльшая степень абстрагирования, иногда синтеза существующих знаний. Порой они вступают в диалог с богословием, соприкасаясь с более возвышенными формами реальности, признавая «тайну» бытия и тем самым избегая излишней упрощённости эмпирических статистических исследований. «Вместо поиска “безопасности” философ стремится более глубоко изучить неизменно ускользающую тайну реальности» [5].

Однако хотелось бы обратить внимание на то, что, в особенности если исследование проводится в рамках интегративной методологии, формальная приверженность к узкой дисциплинарности теряет свою значимость. *Определяющую роль в данном случае играет то, что различные дисциплины объединяются в решении одной задачи, конкретной проблемы* – такова одна из основных тенденций современной науки.

Далее представляется важным затронуть вопрос об определении ценностей или, точнее сказать, о том *широком диапазоне понимания данного термина*, который существует в рамках различных, обсуждаемых в данной статье направлениях в их исследовании. Здесь, в силу ограниченного объема работы, нет возможности рассматривать этот важнейший вопрос детально – хотелось бы наметить только контуры проблематики. Так, следует отметить два полюса в интерпретации данного понятия: от узко-конкретизирующего, представляющего ценность как некий объект, в сущности мало чем отличающийся от «материального»; ценность как нечто, что можно точно измерить благодаря количественным эмпирическим методам; как оценка респондентом определённых конкретных событий, качеств и пр., чаще всего сформулированных заранее для него. Такое понимание ценностей («ценностных ориентаций»), как уже обсуждалось, характерно для позитивистски направленной социологии, доминирующей в российской науке на данный момент.

На другом полюсе находится понимание ценностей как чего-то «текущего», существующего практически во всех контекстах человеческого бытия. Человеку свойственно акцентировать то, что имеет для него какую-то ценность, вне зависимости от того, осознаёт он это или нет, отмечает В.И. Кабрин, поэтому все средства выражения человека в различных сферах его деятельности (в культуре, экономике и пр.) образуют «ценностный универсум» человечества [4. С. 2]. «Постметодологическая перспектива исследо-

ваний предполагает не только *бесконечность* неповторимых ценностных конфигураций каждого человека, но и аналогичную бесконечность возможностей концептуально-метафорической схематизации представлений об уникальных ценностных мирах людей (групп, культур) [Там же. С. 21]. Ценности определяются через открытость человека миру, через коммуникацию. Ценность не может быть познана сама по себе в объективистском смысле, а также как нечто статическое – она познаётся через общение, через направленность на другого. «Источником происхождения ценностей является не наше индивидуальное существо как независимый центр инициатив, а наша природа, благодаря которой мы имеем окружение, с помощью которой мы преодолеваем границы индивидуальности и интегрируемся в общую игру нашей вселенной. Согласно современной биологии и антропологии человеческие существа формируются, развиваются и совершенствуются благодаря *взаимодействию*», – утверждает Альфонсо Квинтас [5].

Одной из альтернатив изучения ценностей являются подходы *интегративного направления* исследований, стремящиеся к целостному изучению объекта. Представляется, что такие работы имеют существенные достоинства: они дают возможность всесторонне исследовать проблему; синтезировать знания, полученные в поле различных узких общественных и гуманитарных дисциплин, а иногда и формулировать нестандартные идеи, рождающиеся на стыке наук. На мой взгляд, методология американского ученого Кена Уилбера является одной из таких работ, дающих возможность «перекинуть мостик» между научными школами, обычно являющимися глубоко антагонистичными друг другу в научной среде. Также использование методологии Уилбера вносит *новизну* в социологические исследования (ценностей), будучи практически неизвестным в среде российских социологов (в отличие от сообщества психологов). Представляется, что подход Уилбера можно отнести к постнеклассическому этапу науки (что я обосновывала в других своих работах).

Далее хотелось бы выделить ключевые аспекты методологии Уилбера, позволяющие более широко посмотреть на проблему изучения ценностей. Уилбер создал универсальную модель, с помощью которой можно с разных углов зрения подойти к объекту исследования. *Любой феномен* в данной модели можно исследовать «внутренним» и «внешним» образом, индивидуально или в составе коллектива, пишет ученый (см.: [6] и другие его работы). Под «внутренним» Уилбер понимает внутренний, субъективный мир человека – его сознание, переживания, страхи и пр., а также его духовный опыт. «Внешнее» – это объективное описание мира – материального, биофизического, эмпирического. Накладывая данные секторы модели друг на друга, мы получаем четыре аспекта человеческого бытия – интенциональный (или ментальный, т.е. индивидуальный духовный опыт), поведенческий (изучение физиологических процессов), культурный и социальный. Схематично Уилбер отображает их в форме квадранта в своих работах. Каждый подход к изучению мира имеет три «языка». Язык «Я» – это

сознание, субъективность, самость, самовыражение (включая искусство и эстетику), правдивость, искренность. «МЫ» означает этику, мораль, мировоззрение, общий контекст, культуру, межличностный смысл, взаимное понимание, правильность, справедливость. «ОНО» – это наука и технология, объективная природа, эмпирические формы (включая мозг и социальные системы) [6]. В рамках интегрального подхода Уилбера особую значимость приобретает рассмотрение вышеупомянутых компонентов во *взаимосвязи и взаимозависимости*.

Также в своих работах учёный, обобщив большое количество других эмпирических исследований, уделяет внимание различным этапам (или, пользуясь термином Д. Бека, «матрицам» сознания²) в развитии эмоций, морали, когнитивной области и мировоззрения в индивиде / обществе. О матрицах сознания можно говорить как в индивидуальном, так и в коллективном смысле. Они являются асимметричными и необратимыми, а также становятся более целостными по мере развития от низшей к более высшим (в этом заключается принцип эволюции и холизма, или холоархии [Там же]). Говоря обобщённо, уровни развития в работах анализируемых авторов трансформируются начиная с тех, которые фокусируются преимущественно на удовлетворении базовых потребностей с ярко выраженными инстинктами выживания, через уровень «развитого эгоизма», индивидуализма и рационализма к интегральному уровню. На последних этапах в человеке ярче проявлена склонность к заботе об окружающем мире, стремление к воплощению в жизнь чувства любви, заботы, к самореализации. Уилбер предполагает, что сегодня человечество проходит этап формирования интегральной стадии [7].

Таким образом, «методология интегральной теории сознания должна развиваться по двум основным направлениям: одно включает в себя одновременное прослеживание различных уровней и линий в каждом из секторов³ квадранта, а затем установление их взаимных корреляций, без попыток их взаимного сведения. Другое направление – это внутренняя трансформация, внутренняя работа самих исследователей» [6. С. 453].

Если задаться вопросом о том, что даёт данная модель непосредственно для изучения ценностей и, более конкретно, как отвечает задачам, поставленным в статье, хотелось бы отметить несколько моментов (в схематичной форме по причине ограниченного объёма статьи). Во-первых, продуктивным представляется его видение эволюции сознания (в том числе ценностного) как проходящего различные этапы в развитии. К подобной интерпретации прибегает, конечно, не только К. Уилбер – достоинство его работ состоит также в том, что он обобщил и синтезировал несколько десятков уже существующих исследований на данную тему. Такой подход к проблеме, состоящий из систематизации и обобщённого представления о развитии сознания как проходящего конкретные этапы, позволяет отойти от засилья эмпиризма и описательности, подняться на более высокий (хотя, с другой стороны, возможно, и не всегда необходимый) уровень абстрагирования и обобщения. На мой

взгляд, существующая типизация, конкретные стадии в развитии сознания, разработанные различными учёными, являются в большей степени тем, что понимается под «идеальным типом» в социологии.

Во-вторых, значимость модели Уилбера состоит в том, что ценности (в том числе *подходы* по отношению к ним) можно анализировать в применении к обсуждаемым выше секторам квадранта. Так, к примеру, наиболее распространённый в современной российской социологии способ изучения ценностей, состоящий из количественных эмпирических исследований, можно отнести к «социальному» сектору квадранта. К примеру, структурный функционализм является продуктивным в применении к исследованию современной России тем, что он пристально исследует структуру, социальные отношения, социальные слои и социальные институты, которые продолжают претерпевать глубинную трансформацию и сегодня. Ценности же в данном контексте помогают понять видение и способ формирования жителями России данных элементов социальной системы. Если говорить о «культурном» секторе, то ему соответствует «классическое» социологическое представление о ценностях (включающее в себя формирование мировоззрений, закономерности формирования и проявления ценностей в группе и обществе). Работы М. Вебера о протестантской этике заложили основу для дальнейших исследований в данном направлении. Из современных работ, на мой взгляд, одной из наиболее показательных является книга Альфонсо Л. Квинтас [5], в которой ценность определяется через открытость человека другому в процессе коммуникации. «То, что наиболее глубинно во мне, не имеет своим источником меня самого» [Там же]. «Интенциональный» же подквадрант модели Уилбера уделяет внимание внутреннему опыту, который открывается через духовную практику и находит выражение в различных, в том числе религиозных учениях. В сфере науки данный опыт ближе всего передают и исследуют работы по психологии. «Поведенческий» сектор модели изучает те факторы в физиологии человека, которые оказывают влияние на исследуемый объект – в данном случае ценности (здесь можно привести в пример исследования нейрофизиологов и пр., посвящённые изучению работы мозга в состоянии медитации и молитвы).

Стоит отметить, что и определений ценностей может быть как минимум четыре в соответствии с каждым сектором квадранта, в зависимости от того, какой аспект в исследовании ценностей акцентируется. *Целостным* же в данном случае будет такой подход, который учитывает все компоненты (сектора). Данная модель позволяет также *классифицировать* уже существующие подходы к изучению ценностей и более чётко определять их *ограничительные возможности* и «зону компетентности», если можно так выразиться. Мне казалось важным затронуть в данной работе этот аспект проблемы в связи с обсуждавшимся в начале статьи засильем эмпирических описательных исследований в сфере российской социологии, являющимися примером социально-экономического редукционизма, в котором понятие о

ценностях сводится, в сущности, до базовых потребностей в пирамиде А. Маслоу. Смело надеяться, что размышления о других подходах расширили ракурс видения заявленной в статье проблематики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дабы избежать голословности, хотелось бы отметить, что список моих работ размещён на странице библиотеки [http://lib.ieie.nsc.ru/~novikova/PubIEIE/Gaskova_Marina_Ivanovna_\(k_s_n_\).htm](http://lib.ieie.nsc.ru/~novikova/PubIEIE/Gaskova_Marina_Ivanovna_(k_s_n_).htm). В своих предыдущих статьях, посвящённых исследованию ценностей, я проводила сравнительный, а также вторичный анализ существующих современных эмпирических исследований – «локальных», общероссийских и международных. В анализе я старалась учесть и охватить крупнейшие и наиболее значимые работы.

² «Каждая матрица – это одновременно психологическая структура, система ценностей и стиль, стратегия адаптации, которые могут выражаться множеством способов, от мировоззрений до манеры одеваться и до форм государственного управления» [8. С. 69].

³ Имеются в виду интенциональный, поведенческий, социальный и культурный секторы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стёпин В.С. Теоретическое знание. М., 1999.
2. Кирьякова А.В. Теория ценностей – методологический базис аксиологии образования // Электронное научное издание «Аксиология и инноватика образования». URL: <http://www.orenport.ru/axiology/docs/3/3.pdf>
3. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М. : Смысл, 2005.
4. Кабрин В.И. Транскомуникативные основания анализа ценностного мира человека // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / под ред. В.В. Знакова, Г.В. Залевского. М. : Институт психологии РАН, 2008. С. 186–215.
5. Quintas Alfonso L. A Methodological Introduction to the Study of Values. URL: <http://www.crvp.org>
6. Уилбер К. Око Духа. М. : Изд-во Института трансперсональной психологии, 2002.
7. Wilber K. Sex, Ecology, Spirituality: The Spirit of Evolution. Boston & London : Shambhala, 2000.
8. Уилбер К. Интегральная психология. М. : Изд-во Института трансперсональной психологии, 2004.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 04 декабря 2014 г.

SOME IDEAS ON METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE RESEARCH OF VALUES IN SOCIOLOGY

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 54–58. DOI 10.17223/15617793/392/8

Gaskova Marina I. Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: mia78988@gmail.com; mgaskova@yahoo.com

Keywords: values; methodology of research; empirical sociology; integral approach of K. Wilber; post non-classical science.

The article examines different ways of studying values, which gives an opportunity to broaden the horizons of the dominating empirical quantitative approach in modern Russian sociology to the study of this problem. A holistic approach to the study of values in the context of post non-classical science, focusing on the methodology of K. Wilber, is formulated. There are only a few publications by other authors in the area of post non-classical science which demonstrate that there is a gap that needs to be filled focusing on the topic under study. The fact that the most widespread types of rationality in the modern science are classical and non-classical ones also determines the specifics of the study of value consciousness. In such studies an individual is implicitly viewed as a "product" of the social and economic system, where the system is a primary determinant of other factors. Also, on the basis of the analysis of such studies, one can make a conclusion that values (or "value orientations") are regarded as some sort of external objects that, like physical characteristics, can be identified and measured mostly with the help of the closed type of questions in a questionnaire. Most often quantitative research is conducted which, as it is known, provides average statistical knowledge about the studied phenomena and does not give an opportunity to study the inner world of an individual in its depth and wholeness. Also, values are usually understood as evaluations of certain facts by respondents. The article aims at proving that a more holistic picture of the studied phenomena can be provided also by qualitative research, as well as interdisciplinary and integral studies. Positive aspects and resources of philosophical and psychological knowledge that can enrich the study of values are also discussed. The integral approach of K. Wilber is also analyzed. Wilber's model makes it possible to classify the existing approaches to the study of values and to determine more clearly their limitations. It also helps to avoid social and economic reductionism, empiricism, and to study values at a higher level of abstraction and synthesizing. The use of Wilber's methodology can be viewed as a novelty in the area of sociological research as it is mostly unknown among Russian sociologists (in contrast to psychologists).

REFERENCES

1. Stepin V.S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 1999. 390 p.
2. Kir'yakova A.V. *Teoriya tsennostey – metodologicheskii bazis aksiologii obrazovaniya* [Value theory as a methodological basis of education axiology]. *Aksiologiya i innovatika obrazovaniya*. Available from: <http://www.orenport.ru/axiology/docs/3/3.pdf>.
3. Kabrin V.I. *Kommunikativnyy mir i transkommunikativnyy potentsial zhizni lichnosti: teoriya, metody, issledovaniya* [Communicative world and trans-communicative potential of person's life: theory, methods, research]. Moscow: Smysl Publ., 2005. 248 p.
4. Kabrin V.I. *Transkommunikativnye osnovaniya analiza tsennostnogo mira cheloveka* [Trans-communicative basis of the analysis of human axiological world]. In: Znakov V.V., Zalevskiy G.V. (eds.) *Tsennostnye osnovaniya psikhologicheskoy nauki i psikhologiya tsennostey* [Axiological bases of psychology and the psychology of values]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2008, pp. 186–215.
5. Quintas A.L. *A Methodological Introduction to the Study of Values*. Available from: <http://www.crvp.org>
6. Wilber K. *Oko Dukha* [Eye of Spirit]. Moscow: Institute of Transpersonal Psychology Publ., 2002. 476 p.
7. Wilber K. *Sex, Ecology, Spirituality: The Spirit of Evolution*. Boston, London: Shambhala, 2000.
8. Wilber K. *Integral'naya psikhologiya* [Integral psychology]. Moscow: Institute of Transpersonal Psychology Publ., 2004. 416 p.

Received: 04 December 2014

ОТНОШЕНИЕ РЕЛИГИИ И ФИЛОСОФИИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ОБНАРУЖЕНИЯ СИМВОЛОВ АБСОЛЮТНОЙ ИСТИНЫ В СВЯЩЕННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТАХ

Раскрываются возможности философской постановки и решения проблемы истины как абсолютной. Предполагается, что философия религии есть область философии, где религия рассматривается как пространство наличного бытия абсолютной истины. Философия религии использует инструментарию рационального анализа религии. Одновременно философия религии утверждает, что религия не есть иллюзия, а имеет свое содержание. Философия религии рассматривает ценности как реально существующие, но проверяет бытие ценностей с помощью критического разума. Основная проблема философии религии – это проблема сущности религии. В контексте философии религии концепция принимает особый, сотериологический характер.

Ключевые слова: истина; религия; философия религии; ценности; трансцендентное бытие.

И.В. Гёте как-то сказал: «Истина давно обретена и соединила высокую общину духовных умом. Ее ищи себе усвоить, эту старую истину» [1. С. 7]. Раскрывая смысл этих слов, приходим к аксиологической формулировке проблемы истины, которая связана с тем, что достижение цели (телеология) возможно лишь тогда, когда это достижение само по себе является ведущей ценностью для того субъекта, который его осуществляет. Аксиологическая проблематика истины разрабатывается в экзистенциально-личностном философствовании. Но если заострить проблему вопросом о возможности или невозможности абсолютной истины, то аксиологическая формулировка проблемы истины востребует обращения к философскому наследию, которое разрабатывается в русле философии религии. Религиозность имеет преобладающее значение для телеологии истины. Еще ярче она высвечивается, когда речь идет об энергии, о движущей силе достижения цели. Эта энергия есть энергия веры и воли.

К.Н. Любутин и Д.В. Пивоваров указывают определенный путь к данной проблематике истины, утверждая, что философии необходима креатологическая постановка проблемы истины, «как бы ей ни противились сторонники натуралистического материализма... Чтобы познавать, надо действовать, но действие изменяет познаваемое» [2. С. 276–277]. Речь идет о теории творчества (креатологии), которая нуждается в критерии творчества. Путь для разрешения данной познавательной ситуации указал Г.В.Ф. Гегель, который отождествил творческую способность человеческого идеального отражения с Абсолютной идеей. Эта концепция была развита в прагматизме, где обоснованно доказана ничем не заменимая «роль воли и веры людей в процессе реализации идеальных побуждений... Чем сильнее наша воля и вера в реализацию полезной цели, тем вероятнее ее телесное воплощение, но в некоторой степени искаженное, неполное, далеко не всегда совершенное» [Там же. С. 277].

Творчество во всех его формах – художественной, научной, технической – напрямую зависит от целостных концептуальных установок, внутри которых всегда присутствует (в символической или абстрактно-логической форме) понятие абсолютной истины как основание целостности мировоззрения творителя.

Креатологическая формулировка проблемы истины, включая в себя понятие абсолютной истины, принимает сотериологический характер и ставит вопрос о соотношении философии и религии, так как религия – это та форма мировоззрения, где абсолютность истины есть аксиома и она прямо положена в основание всего существования.

У.С. Хэтчер и Д.В. Пивоваров указывают, что «в отличие от науки, изучающей Книгу Природы посредством синтеза внешнего опыта, интуиции и логических форм в разнообразные модели реальности, религия полагается на систематическое чтение нескольких Книг Откровения как наиболее прямой путь постижения абсолютного основания мира и человека» [3. С. 19]. Эмпирический уровень для религиозного познавательного процесса – это уровень обращения к текстам Священных писаний, которые связаны с трансцендентным миром.

Понятие абсолютной истины по своей сути не может быть выражено как прямое определение, поскольку любая знаковая определенность противоречит абсолютности. Абсолютная истина, чтобы стать выраженной, неизбежно теряет форму логического понятия и принимает форму символа.

В исследовательской литературе существует множество точек зрения, касающихся понимания символа. Наиболее целостная формула символа разработана в философии А.Ф. Лосева, который выделяет девять смысловых и формальных аспектов понятия «символ»: 1) символ вещи как ее смысл, но смысл такой, который конструирует и модельно порождает данную вещь; 2) символ вещи как ее обобщение; 3) символ вещи как закон, который порождает вещи, не затрагивая их эмпирической конкретности; 4) символ есть закономерная упорядоченность вещи; 5) внутренне-внешнее выражение вещи; 6) структура вещи; 7) знак, порождающий бесконечное множество конкретных структур вещи; 8) конструктивный принцип, определяющий цельность конкретных проявлений вещи; 9) тождество идейной образности вещи [4. С. 272–273].

В то же время Г.В.Ф. Гегель видит в символе помеху для мышления: «Приходится возражать против всякой символики вообще... Философия не нуждается в такой помощи ни из чувственного мира, ни со стороны, представляющей способность воображения, ни даже со стороны тех областей ее собственной почвы,

которые ей подчинены и определения которых поэтому не подходят для более высоких ее сфер и для целого» [4. С. 187–188]. Более всего опасается Гегель смешения, отождествления в символе его самого как внешнего знака и того, на что символ указывает. Однако понимание символа А.Ф. Лосевым отличается от того смысла, который вкладывает в это понятие Гегель, отрицая его значимость для мышления. Можно сказать, что «понятие» в философии Гегеля и «символ» в философии А.Ф. Лосева тождественны по содержанию. Символ акцентирует момент отсутствия чего-либо, он есть «недостающее», тогда как понятие есть форма бесконечного утверждения сущности. Поэтому **абсолютная истина – это и понятие, и символ одновременно.**

Однако в знаковой форме ее выражение возможно именно как символ.

Свойство символа – «бытие, которое больше себя самого» (П.А. Флоренский) – позволяет наиболее адекватно выразить содержание абсолютной истины в философии и религии. «Символ представляет нечто, что не есть он сам, но в силе и смысле чего он участвует» [5. С. 275].

Содержание символа абсолютной истины во всей полноте представлено только в религиозном мировоззрении, так как здесь бытие абсолютной истины предполагает сама сущность религии. Как указывает Пауль Тиллих, для всех религиозных символов существует два основополагающих уровня: трансцендентный уровень, находящийся за пределами эмпирической реальности, и имманентный уровень, который «мы обнаруживаем в пределах встречи с реальностью» [Там же. С. 279]. Пауль Тиллих называет Бога основным символом трансцендентного уровня. Бог – это диалектика символического и не-символического. Имманентный уровень – это уровень явления Бога во времени и пространстве. Сущность Бога воплощается в разных формах.

В дальнейших рассуждениях оба уровня символизации Бога будут учтены.

Проблема сущности религии. Отношение религии и философии имеет собственную историю. Первое философское осмысление этого отношения было сделано Филоном Александрийским, утверждавшим, что Бог открывает истины двумя путями – через Откровение и через человеческий разум. От Филона Александрийского идет традиция, которая пытается соединить самостоятельность человеческого разума и покорное внимание голосу Бога. В различные исторические эпохи она принимает различные конкретные формы, различные и многообразные, которые можно проследить от Античности до Средних веков и от Средних веков до эпохи Просвещения, когда Храм Разума «заменил» Храм Религии. Показалось даже, что Просвещение окончательно разрушило веру, причем так или иначе в этом разрушении участвовала длительная философская традиция от Филона Александрийского до пантеизма Бенедикта Спинозы.

Особый этап взаимоотношений философии и религии наступает вместе с возникновением философии религии в противоположность религиозной философии

прошлых времен. Философия подвергает рефлексии не содержание религии, а сущность феномена религиозности. Религия здесь выступает одной из форм познания Бога. Среди мыслителей этого круга были те, которые позитивно принимали религию (например, Уильям Джеймс), но были и такие, которые недоумевали, почему окончательная гибель религии откладывается.

Карл Маркс, Зигмунд Фрейд, Эмиль Дюркгейм создавали свои теории, чтобы понять феномен религиозности вне религии. Так или иначе все они объясняли, почему религия все еще остается господствующей формой мировоззрения. Религиозные мыслители видели в жизнестойкости религии косвенное «доказательство» существования самой трансцендентной реальности, тогда как атеисты полагали, что за религиозностью скрываются другие причины – классовые, социальные, психологические.

Рассмотрим второй этап – становление и развитие философии религии – более подробно. С XIX в. религия становится постоянным предметом философского анализа. Философия религии начинается с И. Канта и Ф. Шлейермахера, но настоящим создателем ее был Г. Гегель, который комплексно и системно исследовал все аспекты религиозного мировоззрения, в том числе исторические, психологические, метафизические. Он выстроил их взаимосвязь и в то же время понимал особость каждого аспекта для основного предмета религии – бытия абсолютного духа.

В «Лекциях по философии религии» Гегель сформулировал основную задачу философии религии – изучение сущности религии, или ее понятия. Религия определяется как «вообще последняя и наивысшая сфера человеческого сознания, будь то мнение, воля, представление, знание или познание; она есть абсолютный результат, та область, в которую ЧЕЛОВЕК ВСТУПАЕТ КАК В ОБЛАСТЬ АБСОЛЮТНОЙ ИСТИНЫ» [6. С. 247].

Философия религии – это теоретическое исследование, целью которого является раскрытие сущности религии. Предшествовали ей различные формы философствования, объектом которого были различные феномены религии. Философия религии имеет одну уникальную сложность. В отличие от других областей знания, для философии религии жизненно важно, каких позиций придерживаются сами исследователи относительно религии как объекта изучения. Сложность состоит в том, что в познании религии должна рассматриваться как предмет, не имеющий отношения к самому исследователю. В связи с этим возникает несколько познавательных ситуаций.

Первая познавательная ситуация предполагает, что религия есть исключительно объект исследования. Субъективный интерес исследователя к религии «выносится за скобки», критический разум анализирует религию «саму по себе». Начало этой познавательной ситуации связано с именем И. Канта. В дальнейшем научная позиция религиоведения будет также на нее опираться.

Вторая познавательная ситуация ориентирована на выявление сущности религии изнутри самого религи-

озного состояния. Считается, что человек способен постичь религию, если он сам является верующим или знаком с ней по опыту. Эта ситуация представлена в концепции Фридриха Шлейермахера.

Третья познавательная ситуация представляет собой определенный синтез первой и второй позиций. Сущность религии может быть понята, исходя из непосредственного религиозного состояния, но критический разум выступает главной познавательной формой. С точки зрения этой третьей позиции религия имеет реальную историю во времени, ее конкретные исторические формы возможно подвергнуть критическому анализу, а также ничто не препятствует появлению новых форм религии в будущем.

Так или иначе эти три точки зрения присутствуют во всех крупнейших философских направлениях.

В XVIII в. Дэвид Юм, исследуя религию с научной точки зрения, в работе «Естественная история христианства» (1757) поставил проблему истока христианской религии и предположил, что христианство происходит из политеизма или идолопоклонничества. Это суждение стало возможным благодаря тому, что Юм применил возможности критического разума для анализа религии.

В отличие от Дэвида Юма Иммануил Кант начинает с исследования самого разума. Кант отверг метафизику, рационалистическую теологию и психологию в качестве оснований для религии. Его собственное обоснование бытия Бога и бессмертия души связано с практическим разумом. Кант полагает, что основанием религии выступает мораль. В предисловии к трактату о религии И. Кант пишет: «Если мораль признает в святости закона предмет глубочайшего уважения, то на ступени религии она в высшей, исполняющей эти законы причине представляет предмет почитания и является в присущем ей величии». Тем самым Кант утверждает, что мораль выше религии, тогда как религия есть средство для совершенствования нравственности.

Фридрих Шлейермахер исследует сущность религии в дискуссии с И. Кантом и И. Фихте. В «Речах о религии» (1799) он называет религию, наряду с философией и моралью, основной и необходимой (третьей) сферой бытия. Широко известно его понимание религии как интуиции и чувства универсума. Именно эта интуиция и чувство универсального делают религию уникальной внутри культуры.

Г.В.Ф. Гегель рассматривает религию как момент высшей стадии развития человеческого духа. В «Лекциях по философии религии» (1832) Гегель определяет религию как познание Абсолютным духом самого себя посредством конечного духа. Он указывает, что религиозный дух путем стремительного продвижения сознания к абсолютному знанию приходит к осознанию собственной абсолютности. Задача Гегеля – описать процесс развития религиозного духа в различных религиях мира, раскрыть грандиозную историю религий как движение к абсолютной религии, под которой Гегель понимал, разумеется, христианство.

Развивая гегелевский исторический подход к религии, Людвиг Фейербах в работе «Сущность христи-

анства» (1841), перефразировав суждение Гегеля «Религия есть осознание беспредельности человека» в идею о том, что она есть осознание человеком своей беспредельной сущности, утверждает, что сущность религии – в познании человека. Человек отчуждается от своей сущности и становится предметом объективного существования. Это и есть религия. Тайна теологии в том, что предметом ее является человек. Такого понимания религии у Л. Фейербаха.

Карл Маркс вслед за Фейербахом в предисловии к «Критике гегелевской философии права» (1844) говорит, что человек создал религию, а не религия создала человека. Он усматривал причину создания человеком религии в отчужденности социальной системы. Человек – это не абстрактное существо, скрывшееся за пределами мира, он есть весь человеческий мир, государство, общество. В отчужденном состоянии все это порождает религию – искаженное сознание мира. Отсюда следует утверждение Маркса о том, что «религия – это опиум народа». Именно марксизм, как хорошо известно, выступает источником для многих современных радикальных течений, отрицающих истину религии.

Датский философ и теолог Серен Кьеркегор был современником К. Маркса, но стоял на позиции христианского экзистенциализма. В работе «Страх и трепет» (1843) С. Кьеркегор через историю Авраама рассматривает ситуацию, в которой религиозное существование для индивида означает полную принадлежность его Абсолюту. Рассуждая о парадоксальности веры как о тождественности с Абсолютом после отказа от него, Кьеркегор задается вопросом: что же значит быть христианином спустя девятнадцать веков после прихода Христа в мир?

Фридрих Ницше опубликовал свои работы намного позже, чем Кьеркегор. В его скандальном эссе «Антихристианин», написанном в 80-е гг. XIX в. и вышедшем посмертно, разворачивается последовательная критика христианства с позиции нигилизма. Будучи настоящим нигилистом, Ницше, объявив христианское и платоническое видение мира вымыслом, говорит об утрате высших ценностей и пророчит всему живому пребывание в вечном круговороте без цели и смысла, что знаменует собой полную победу нигилизма. Идея ницшеанского сверхчеловека, преодолевающего смерть Бога, и поныне властвует над умами мыслителей.

Таковы общие проблемы философии религии до начала XX в. Каждый из рассмотренных выше философов рассуждает о сущности религии, исходя из своих философских позиций, высказывается о ней либо позитивно, либо негативно.

Философия последовательно исследует ценность и значение религии.

На рубеже XIX и XX вв. развитие теории религии продолжается, главным образом, в среде антропологов. Первыми в этой области стали работы Э. Тайлора «Первобытная культура» (1871) и М. Мюллера «Введение в науку о религии» (1873). Тайлор считает историческим источником религии зарождение веры в существование духов и пытается охватить все фено-

мены религии через эту позицию, представив генезис религии и все ее существующие формы. Макс Мюллер по праву может считаться основателем современного религиоведения.

Джеймс Фрейзер в книге «Золотая ветвь» (1890) на основе исследований древних форм религии делает вывод о том, что предшественницей современной религии является магия. Р. Маррет в «Началах религии» (1909), обращаясь к идее неперсонифицированной таинственной силы – «Мане», предшествующей поклонению духам, вводит термин «преданимистические верования». В. Шмидт, представитель Венской школы, разработавшей теорию локальных культур, в произведении «Происхождение идеи Бога» (1912) попытался обобщенно раскрыть процесс культурного развития человечества и идею о первобытном божественном Откровении.

В области изучения религиозной антропологии наибольших успехов достигла американская психология религии, представители которой попытались объективно рассмотреть феномен религии с психологической точки зрения. Ведущей работой здесь выступает книга У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта» (1902). Ключевой подход этой книги – психологическое понимание религиозного опыта, который называется здесь «обращение» (conversion). В ней раскрывается путь к объективному исследованию религиозного сознания, который продолжили другие исследователи, благодаря которым возникла современная психология религии.

Зигмунд Фрейд, разработавший теорию психоанализа, в книге «Тотем и табу» (1913), говорит о том, что тотемизм и психическая деятельность больного невротика тождественны друг другу. Тем самым Фрейд встал на неизвестный доселе путь выстраивания связи между психологией религии и глубинной психологией. Последователем этой идеи стал К.Г. Юнг, который с позиции аналитической психологии, отличающейся от фрейдиизма, провел глубокое исследование религии с точки зрения символики коллективного бессознательного.

Эмиль Дюркгейм, автор работы «Элементарные формы религиозной жизни», рассматривает тотемизм аборигенов Австралии и указывает на социальные источники религии и ее солидаризирующую функцию. Эта работа, наряду с вышедшей несколько ранее книгой Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (1904), в которой М. Вебер устанавливает связь между протестантизмом и становлением современного капитализма, исследует взаимоотношения религии и экономики, что способствовало развитию социологии религии. В этой связи можно упомянуть имена Э. Трельча и И. Ваха. Огромную роль в становлении феноменологии религии сыграла книга Рудольфа Отто «Сакральное» (1917).

В XX в. наступает третий период в развитии религиозной проблематики, хотя никуда не деваются и остальные традиции (религиозная философия и философия религии). В наше время точку опоры ищут уже не в религиозной философии и не в философии религиозности, но в ЯЗЫКЕ религии. Возникает филосо-

фия языка религии, соединяющая критическую феноменологию с логическим позитивизмом. Например, доказывается, что невозможно говорить об «Откровении свыше», так как понятие «свыше» значимо только в специальном теологическом контексте. Представители этого направления создали язык, на котором сугубо грамматически невозможно сформулировать «лишние» понятия. Предложения, в которых говорится о религии, оказываются просто логико-грамматической ошибкой. Формирование религиозной философии происходило в соперничестве с философскими концепциями, построение философии религии – в борьбе феноменологии против редукционизма. Спор нашего времени не только об истине религии, но и о смысле и осмысленности языка религии. Разумеется, эти исторические этапы нельзя разграничить строго хронологически. В конце каждого из них – вопрос, остающийся без ответа. Еще одну попытку ответить на эти вопросы представляет религиоведение, которое выходит за пределы теологии и философии, пытаясь найти синтез того и другого в новом виде исследования религии.

Если понимание религии в философии основано на универсальных принципах исследования мира и человеческого бытия, в теологии – на определенных исторических особенностях Откровения, то религиоведение утверждает, что изучение религии должно строиться на науке, опыте, беспристрастности, вне философских спекуляций и фантазий, минуя догматичность и напыщенность теологии.

Религиоведение основывается на научном эмпиризме и позитивизме, расцвет которых приходится на конец XIX в. и основывается на принципах научного позитивизма. Позитивизм, который стремится исключить всякое философское исследование и ограничить человеческое мышление описанием и первичным обобщением фактов и их систематизацией, является одной из теорий реализма, противостоящего религии и отрицающего ее собственное значение.

Особенность религии состоит в ее трансцендентной направленности. Сущность религии кроется в выходе из окружающего реального мира, обретении подлинной жизни (истины) в трансцендентном мире, схождения из него в мир реальный, оживлении, преобразовании и преодолении этого «реального» мира. Религия основывается на идеализме и противоположна реализму. Если религия имеет свою действительность, то исследовать ее классически философски, скорее всего, невозможно.

Исследования религии делятся на конкретные и общие. Как понятно, существуют отдельные религии с присущим им конкретным содержанием. История религии – это теория, которая изучает этапы исторического изменения и развития каждой конкретной религии. В то же время данная наука, находясь под влиянием общепринятых ценностей, занимается выбором и изучением фактов в соответствии с данными ценностями. Эти универсальные ценности не принадлежат истории религии, а являются предметом философии религии.

Изучение религии, когда ее базовые положения считаются безусловно истинными, – это прерогатива

теологии. Возникает проблема содержания религии и ее сущности. Содержание определенной религии прямо или косвенно, положительно или отрицательно, сознательно или бессознательно оказывает влияние на события ее истории и определяет их смысл. Задачей теологии является системное изложение и подтверждение истинной сущности каждой определенной религии. Более того, она должна проводить исследования своей религии во времени: в этом случае сущность религии будет раскрыта не только как предмет действительного исследования прошлого, но и как олицетворение истинного духа, истинной силы, истинной энергии, направленной в будущее.

Философия религии стремится постичь истоки универсальной религиозной истины, преодолев исторические ограничения, т.е. преодолев любую застывшую форму религии. Задача философии религии – выявить, выражена ли в той или иной религии универсальная сущность религии и сущность универсальных ценностей, придающих конкретным религиям статус именно религии, а не чего-либо другого.

История религии и теология предвосхитили философию религии как целостное исследование религии. Через нее они впервые смогли обосновать свои основы. Психология религии также стала предтечей философии религии и также получает возможность утвердиться в своих основах. С другой стороны, сама психология религии равнодушна к особенностям и конкретному содержанию каждой религии. Она стремится выразить общую для всех религий сущность и принципы возникающих в них перемен. Но данная наука не может выйти за пределы изучения фактов и реальных явлений, оставляя проблемы универсальных ценностей и сущности религии неразрешенными. Право решать эти проблемы принадлежит философии религии.

Философский рационализм исходит из наличия у человека познавательной способности, с помощью которой «схватывается» реальность, истинность и универсальность бытия. Задача философии религии в данном контексте – это раскрытие того, как существует абсолютное бытие. Однако, поскольку абсолютное бытие (Бог) не явлено в человеческом опыте, то главной задачей этой философии становится подтверждение и доказательства бытия Бога. Философия религии, понятая таким образом, – это исследование форм богопознания как познания абсолютной истины.

В соответствии с принципами богопознания абсолютная истина явлена в Откровении. Та или иная историческая религия, опираясь на свое Откровение, утверждает, что она есть абсолютная истина. Это делается вне контекста дискурсивного мышления. Если философия религии исходит из той позиции, что религиозное переживание есть проявление самого абсолютного бытия, что религиозное переживание продуцируется высшей истиной, тогда можно говорить о самостоятельности и уникальности религии по отношению, например, к философии. Но даже с этой точки зрения возникает ряд проблем.

1. Если принять религиозное Откровение в качестве универсального источника познания и основу

истинности той или иной исторической религии, тогда Откровение ничем не отличалось бы от других видов познания, а это не так.

2. Откровение существует практически у всех исторических форм религии, и тогда непонятно, чем разные исторические формы религии отличаются одна от другой.

Если Откровение является источником абсолютного знания, тогда не должно было бы существовать различных исторических форм религии, а также каждая конкретная религия не имела бы собственной значимости.

Различные человеческие культуры обязательно самоопределяются через рациональное познание и в знаниях, основанных на рациональных процедурах, получают самообоснование. Ценности и принципы каждой конкретной религии являются для нее универсальными и выступают векторами (и даже формами) для рационального познания. С другой стороны, если рациональное начало во всех религиях является универсальным, то каждая религия в своей истории по своему раскрывает эти универсальные принципы. Однако только через такое уникальное осуществление они в принципе и проявляются. Другого способа для их проявления нет.

Главным объектом философии религии выступает «сущность религии». Сущность – это телеологическое понятие, ценность и принцип. Сущность религии позволяет выявить, на каком уровне, в какой форме существует та или иная религия. Сущность – это основа системы ценностей, которые позволяют религии быть именно такой, а не иной. Если мы понимаем сущность религии как фундамент ее ценностной системы, тогда мы понимаем, каков характер истинности данной религии и как она фактически существует.

Понимание сущности религии опирается на реальность и фактичность религиозных событий, однако данное понимание требует преодолеть эту реальность и фактичность и выйти за их пределы в сферу рационального познания. С другой стороны, сущность религии в определенном аспекте не поддается рациональному доказательству. Поэтому задача философии религии – это раскрытие безусловных ценностей, присущих религии, а также обнаружение факта, что данная религия вписана в систему универсальных ценностей в их рациональной форме, и поэтому она принадлежит всему человечеству, значима для всех людей.

Таким образом, сущность религии – это переживание универсальных ценностей разума как проявления трансцендентного и абсолютного бытия, выражающего сущность этих ценностей в нас и через нас. Ценности проявляются через эмоциональные переживания и через деятельность разума. Речь идет об истине и заблуждении, добре и зле, красоте и безобразии, но разум придает им универсальную форму. Ценности, «прошедшие» сквозь «ковку» разума – это трансцендентные ценности, которые, тем не менее, необходимо реализовать в действительности. Ценности нуждаются в том, чтобы мы приняли их как должностное, кроме того, их не существует без индивидуали-

зации содержания. Индивидуализация ценностного содержания и его реализация сквозь конкретное человеческое существо раскрывает тайну и смысл жизни человека. Какое место занимает религия в этом процессе?

Религия утверждает, что данные универсальные ценности разума имеют реальное, безусловное и абсолютное бытие, что эти ценности существуют не только в силу некоего долженствования, но и в силу их собственной актуальности. Именно религиозная вера утверждает единство ценностей и реального бытия, без чего совесть была бы абсурдом. Однако вера нуждается в разуме, поскольку именно разум «доводит до конца» самоуверенность в истинном и наличном бытии ценностей. Именно разум свидетельствует о том, что универсальные формы реальны. Ценности и реальное бытие в религии неразрывно связаны. Это единство является условием существования религиозного сознания как «осознания Сакрального».

Поскольку человек чаще всего проявляет слабость перед требованиями работы разума, то наступает и рассогласование между так называемым «реальным бытием» и «бытием ценностей». Такое состояние сознания в религии получает статус «греховного сознания», религия относится с пониманием к этому виду сознания и предполагает систему религиозных прак-

тик, «обеспечивающих» «спасение». С точки зрения религии спасение связано с тем, что само абсолютное бытие входит в человека, благодаря чему он переживает состояние Любви. Таким образом, сущность религии связана с переживанием ценностей разума как проявлений абсолютного бытия, как проявления чувства священного и чувства любви – знаков того, что трансцендентное бытие проявилось через данного конкретного индивида.

В данном контексте становится понятным, почему именно религия оперирует понятием «абсолютная истина» и почему пространством «абсолютной истины» религии выступают ее Священные тексты. Священные тексты понимаются здесь как письменные памятники религиозной культуры, которые внутри данного религиозного мировоззрения выступают в качестве Откровения – знания, транслируемого самим божеством, самим Абсолютом. В этой трансляции Бог принимает форму духа, и возникает диалог между человеческим духом и абсолютным духом как его предельной формой.

Исследование, каким образом через различные Откровения реализуется в религии понятие ее сущности, – задача дальнейшей работы в области философии религии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М. : Аграф, 1997.
2. Любутин К.Н., Пивоваров Д.В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1993.
3. Хэтчер У.С., Пивоваров Д.В. Взаимодополнение научного и религиозного познания // Бытие культуры: сакральное и светское : сб. ст. / отв. ред. А.В. Медведев. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1994. С. 19–29.
4. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М. : Республика, 1989.
5. Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М. : ЮристЪ, 1995.
6. Гегель Г.В.Ф. Философия религии // Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1974–1977. Т. 1.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 16 декабря 2014 г.

THE RELATION BETWEEN PHILOSOPHY AND RELIGION AS A PREMISE FOR DISCOVERING SYMBOLS OF THE ABSOLUTE TRUTH IN HOLY RELIGIOUS TEXTS

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 59–65. DOI 10.17223/15617793/392/9

Koptseva Natalia P. Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: decanka@mail.ru

Keywords: truth; religion; philosophy of religion; values; transcendental being.

In the present Russian philosophical tradition, the problem of truth is often set forth and solved through the epistemological aspect, when truth is considered to be a feature of the process of cognition. At the same time, there appears and develops another philosophical position when truth is a characterization of not only the process of cognition but also an indicator of the true identity of a human being. This statement of the problem of truth is called the "ontological" one. Due to the beginning of the ontological concepts of truth, the field of meanings of the truth concept is specified: truth obtains axiological, creatological and soteriological facets. In the modern Russian philosophy, the idea of "the absolute truth" is regarded to be something lacking present being. Its content is connected with religion while religion is often comprehended as "imperfect philosophy". The author believes that there are certain forms of philosophical knowledge which are appropriate for raising the problem of the absolute truth: that is philosophy of religion. On the one hand, it does not deny but examines the existential bases of religion. On the other hand, it verifies religious values by means of the tools of critical thinking. The article thoroughly investigates into the three formation stages of philosophy of religion: religious philosophy, philosophy of religion proper, and scientific religious studies. The philosophical ideas have been examined which analyze the problem of nature of religion from various points: psychological, sociological, anthropological and phenomenological. We assume that it is philosophy of religion where one should seek real answers to the question on the nature of religion in the context of the problem of truth. In the article, the core of religion is defined as a comprehension of the universal values of mind as a manifestation of the transcendental and absolute being which gives the essence of the values in us and through us. In recognizing religion as something independent, one should consider a system of arguments of philosophy of religion which are connected with the Revelation, the holy texts of a concrete historical religion. Here, holy texts should be understood as written records of a religious culture which exist as the Revelation (knowledge translated by the very God, or the Absolute) within a concrete religious world outlook. Philosophical reflection of truth in the context of absoluteness as a salvatory goal of a human being is hidden in signs and symbols of the Revelations of concrete historical religions. One should distinguish the soteriological form of truth as a certain aspect of ontological truth. Thus, truth is not only a feature of the process of cognition and a common characteristic of a human being. In the context of

philosophy of religion, it appears to be an attribute of the system of values which are translated through holy texts of a concrete historical religion.

REFERENCES

1. Mamardashvili M.K. *Lektsii po antichnoy filosofii* [Lectures on ancient philosophy]. Moscow: Agraf Publ., 1997. 320 p.
2. Lyubutin K.N., Pivovarov D.V. *Dialektika sub"ekta i ob"ekta* [The dialectic of subject and object]. Ekaterinburg: Ural State University Publ., 1993. 415p.
3. Hatcher U.S., Pivovarov D.V. *Vzaimodopolnenie nauchnogo i religioznogo poznaniya* [Complementarity of scientific and religious knowledge]. In: Medvedev A.V. (ed.) *Bytie kul'tury: sakral'noe i svetskoe* [Genesis of culture: the sacred and the secular]. Ekaterinburg: Ural State University Publ., 1994, pp. 19–29.
4. Losev A.F. *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow: Respublika Publ., 1989. 525 p.
5. Tillikh P. *Izbrannoe. Teologiya kul'tury* [Selected works. Theology of Culture]. Moscow: Yurist"" Publ., 1995.
6. Hegel G.W.F. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Moscow: Mysl' Publ., 1974–1977.

Received: 16 December 2014

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРИЗАЦИИ ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ МЕТАФОРЫ

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 12-33-01380, «Философско-методологические проблемы применения концептуального анализа в практике дисциплинарных и междисциплинарных исследований»)

Предложена схема структуризации проблемного поля теории метафоры, развиваемой в рамках аналитической традиции (далее – аналитическая философия метафоры)¹. Множество вопросов, организующих проблемное поле, представляется целесообразным «рассортировать» по двум позициям (в два класса) в зависимости от уровней экспликации метафор. Выделяются два таких уровня: уровень модели «непрозрачного ящика» и уровень модели «прозрачного ящика». Данный подход может позволить эффективно реконструировать и репрезентировать проблемное поле аналитической философии метафоры и, перефразируя Макса Блэка, предварительно прояснить разнообразные употребления слова «метафора» в рамках аналитической традиции.

Ключевые слова: проблемное поле; уровни экспликации метафоры; модель; «непрозрачный ящик»; «прозрачный ящик».

Наряду с такими классическими дисциплинами, как теория познания, онтология, этика, теория метафоры является естественной и неотъемлемой частью философского дискурса. Мимо этого «важного и в то же время необычного», как писал Нельсон Гудмен [1. С. 125], феномена не прошел практически ни один философ, начиная с античной эпохи и заканчивая днем сегодняшним. Не стала исключением и аналитическая философия, которая занимается проблемой «логического описания высказываний, содержащих метафоры» [2. С. 108].

Однако если в ранней аналитической философии, границы которой в целом правильно обозначены у С. Никоненко – «1910–1940-е гг.» [Там же], с ее доминирующей (мы бы сказали догматичной) установкой на формирование логически точного языка и преимущественным интересом к научному дискурсу метафора как языковое выражение являлась объектом элиминации из научно-осмысленных (по классификации Карнапа) предложений и не представляла серьезного интереса, о чем свидетельствует и отсутствие фундаментальных работ по данной теме², то в дальнейшем (на следующем этапе генезиса аналитической философии, связанном, прежде всего, с деятельностью «позднего» Витгенштейна) интерес к метафоре резко возрастает и к концу 1970-х гг. на научном симпозиуме Нельсон Гудмен делает важное заявление: «Наш симпозиум является свидетельством возросшего понимания того... что место проблемы метафоры в общей теории языка и познания нуждается в тщательном изучении» [1. С. 125]. Увеличивается количество посвященных метафоре теоретических работ (многие из которых представлены в хрестоматийном сборнике «Теория метафоры» (1990)), стали выходить отдельные монографии³, расширяется, таким образом, и диапазон трактовок метафоры: появились разнообразные конкурирующие теории, рассматривающие метафору как особый способ референции (Н. Гудмэн); разрыв между буквальным и подразумеваемым (интенциональным) значениями языковых выражений, преодолевающийся в ходе интерпретации (Д. Серл); способ интеракции идей в пределах одного слова (А. Ричардс, М. Блэк); концептуальная система

(Д. Лакофф, М. Джонсон) и т.д. Так складывалось и постепенно расширялось проблемное поле теории метафоры в аналитической традиции. Одним словом, можно сказать, что начинается собственно процесс формирования аналитической философии метафоры⁴.

В этой связи назрела необходимость не только в классификации непосредственно аналитических теорий и походов к проблеме метафоры, но и в систематизации и реконструкции самого проблемного поля теории метафоры, обозначив основные направления исследования и вопросы, которые являлись и остаются приоритетными для аналитической традиции, что позволит нам, помимо прочего, увидеть спецификацию аналитического способа рефлексии проблемы метафоры.

М. Блэк перечисляет ряд важных для теории метафоры вопросов, хотя «список этих вопросов составлен не очень аккуратно», тем не менее «они проливают свет на исследование» метафоры: «Существуют ли какие-нибудь критерии для выделения метафор?», «Можно ли точно передать смысл метафоры другими словами?», «Является ли метафора простым украшением “чистого смысла”?», «В каком смысле можно (если это вообще позволено), что метафора есть творческий акт?» [3. С. 154]. Дж. Серл также формулирует ряд важных вопросов, но ключевым из них является вопрос о функционировании метафоры, поскольку «возможность ответить на остальные вопросы без решения этой фундаментальной проблемы» Серлу представляется сомнительной [4. С. 307]. В свою очередь, вопрос о функционировании метафоры является частным моментом более общего вопроса: как для говорящего оказывается возможным метафорически сказать S есть P, имея ввиду S есть R, при том P со всей очевидностью не значит R [Там же. С. 313–314]?

Нам представляется, что множество вопросов аналитической философии метафоры можно распределить в два больших класса, выделенных нами по двум возможным уровням исследования метафоры:

Класс внешних вопросов (вопросы, касающиеся проблемы функционирования метафоры в различных дискурсах и текстах, отношения метафор к элементам и факторам системы языка – научным понятиям, сти-

листическим фигурам, умозаключениям, вербальным образам, концептам, – отношения метафор к общим правилам языка и т.п.).

Класс внутренних вопросов (вопросы, касающиеся внутренней структуры метафоры; здесь, образно выражаясь, мы рассматриваем метафору через рентгеновский аппарат; мы рассматриваем свойства компонентов ее структуры и их отношение друг к другу).

В первом случае метафора эксплицируется на уровне системной модели «непрозрачного ящика», во втором – на уровне системной модели «прозрачного ящика». Оба термина («прозрачный ящик» и «непрозрачный ящик») заимствованы нами из понятийного аппарата теории систем – дисциплины, во многих отношениях близкой к аналитической философии; имя «непрозрачный ящик» (еще одно известное название – «черный ящик»⁵) «подчеркивает полное отсутствие сведений о внутреннем содержании “ящика”: в этой модели задаются, фиксируются, перечисляются только входные и выходные связи системы со средой» [5. С. 73]. Термин «прозрачный ящик», напротив, фиксирует внутренние, структурные элементы системы, их свойства и взаимосвязи. Таким образом:

1. Работа над решением внешних вопросов является деятельностью по экспликации метафор на уровне системной модели «непрозрачного ящика» и заканчивается в конечном итоге формированием теоретической модели метафоры как «непрозрачного ящика». В класс внешних вопросов мы включаем вопросы следующего типа: каковы основные функции метафоры в языке и какая из них является конституирующей для нее, каковы роль метафоры в познании и ее отношение к языку научного дискурса, возможно ли не прибегать к метафорам в процессе познания (можем ли мы, например, рассуждать о метафорах, не прибегая к самим метафорам (Блэк, например, ничего плохого в этом не видит (см. [3. С. 163])), или же язык принципиально метафоричен (на чем настаивают, например, Лакофф и Джонсон)? Какова роль метафоры в языковой коммуникации (например, в речевых актах)? Существуют ли особые правила языка (или, по Дэвидсону, инструкции и справочники), детерминирующие как создание метафор, так и их интерпретацию⁶? Какова степень влияния внешних контекстов (интонации, жесты, обстоятельства, темп речи) на восприятие метафоры (об этом подробно рассуждают те же Блэк и Серл [3, 4] и др.)?

2. В класс внутренних вопросов, решение которых формирует теоретическую модель метафоры как «прозрачного ящика», предлагается включить вопросы следующего типа: каковы механизмы трансформации семантического значения (в терминах Ф. Уилрайта «семантического движения») в процессе метафоризации; имеет ли высказывание, содержащее метафору, помимо буквального, дополнительное значение; существует ли особое, метафорическое, значение, которое дает новое содержание выражению; если метафора имеет два значения, то должны ли они быть связаны отношением сходства; можно ли редуциро-

вать метафору к скрытому сравнению референтов (учитывая, как писал Куайн, что «нет ничего более фундаментального для мышления и языка, чем наше ощущение подобия»); какова специфика таксономии объектов, осуществляемой метафорическими выражениями; возможно ли избежать качественных потерь в случае перефразирования выражений при помощи, например, компаративных союзов (или, по Блэку, «можно ли точно передать смысл метафоры другими словами?»); может ли метафора определяться в терминах логической истинности (существуют ли особые условия истинности для метафорических выражений); как меняется структура метафоры в процессе утраты своей образности и др.?

Обозначенные нами классы вопросов в конечном счете «задают» и высвечивают проблемное поле аналитической философии метафоры. Все дефиниции метафоры в аналитической философии выводятся именно из решения этих вопросов.

Таким образом, «основной вопрос» аналитической философии метафоры имеет, скажем так, две стороны – «внешнюю» (функционально-целевую) и «внутреннюю» (структурную). При решении «внешних» вопросов требуется установить отношение метафоры к лингвистическому пространству в целом (к другим языковым выражениям, дискурсам, текстам и т.д.), здесь происходит экспликация метафоры на уровне модели «непрозрачного ящика». Напротив, в том случае, когда исследователь занят экспликацией внутренней структуры и отношений между элементами этой структуры, он описывает метафору на уровне системной модели «прозрачного ящика» (например, определение метафоры как интеракции двух когнитивных структур у Лакоффа и Джонсона – «источника» (source domain) и «цели» (target domain), где происходит когнитивное отображение (cognitive mapping) одной структуры в другой) [6].

Необходимо осознавать, что автором данной статьи предложена, прежде всего, схема, именуемая свои ограничения (как, собственно говоря, любая схема). Серьезный спор может вызвать отсутствие четкого принципа, позволяющего однозначно записывать вопросы в тот или иной класс (но поскольку в одну публикацию все не уместить, решению этой проблеме мы постараемся посвятить следующую статью), ведь возможны и пограничные ситуации, когда один и тот же вопрос располагается посередине между двумя классами или когда один и тот же вопрос может рассматриваться и как внешний, и как внутренний. Имея некоторые ограничения, в то же время наша схема позволяет достаточно полно (насколько это возможно) репрезентировать проблемное поле аналитической философии метафоры (а это является не менее важной задачей, чем интерпретация и классификация самих теорий). Одним словом, данная статья должна рассматриваться как первый пробный шаг в этом направлении, и потому автор призывает специалистов по аналитической философии метафоры к критическому обсуждению представленных в ней результатов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Концепции метафоры, которые разрабатываются в рамках аналитической философии с характерной для данной традиции способами и методами.
- ² Диапазон мнений относительно функций метафоры также был довольно узким и однородным (в духе Аристотеля метафора просто сводилась к риторическому приему, область ее применения ограничивалась сферой «бессмысленных», бессодержательных (по Карнапу) предложений).
- ³ Перечислим некоторые из них: Richards I. *The Philosophy of Rhetoric* (1950), Black M. *Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy* (1962), Henle P. *Language, Thought and Culture* (1965), Goodman N. *Languages of Art* (1968), Lakoff G. Johnson M. *Metaphors We Live By* (1980).
- ⁴ Формирование аналитической философии метафоры происходило на фоне расширения проблемного (тематического) поля аналитической философии в целом: когда появились такие новые направления исследования, как аналитическая философия истории, политики, сознания, морали и др.
- ⁵ Термины «прозрачный» и «непрозрачный» более привычны для уха аналитического философа (видимо, это связано с терминологической деятельностью Куайна и других аналитиков: как помнится, термины «непрозрачный контекст», «прозрачный контекст» являются хрестоматийными для анализа). Поэтому терминам «белый ящик» и «черный ящик» мы предпочли термины «прозрачный ящик» и «непрозрачный ящик».
- ⁶ По этому вопросу в аналитической философии метафоры существует «панель» дискуссии «Дэвидсон vs Блэк».

ЛИТЕРАТУРА

1. Goodman N. *Metaphor as Moonlighting* // *Critical Inquiry*. 2001. Vol. 6, № 1.
2. Никоненко С. Аналитическая трактовка метафоры // *Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика*. СПб., 2003. С. 108–112.
3. Блэк М. Метафора // *Теория метафоры*. М., 1990. С. 153–172.
4. Серл Дж. Метафора // *Теория метафоры*. М., 1990. С. 307–341.
5. Перегудов Ф., Тарасенко Ф. *Основы системного анализа: учеб.* 3-е изд. Томск : Изд-во НТЛ, 2001. 396 с.
6. Лакофф Д., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 01 декабря 2014 г.

ON STRUCTURING THE PROBLEM FIELD OF THE ANALYTIC PHILOSOPHY OF METAPHOR

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 66–68. DOI 10.17223/15617793/392/10

Makhaev Mair R. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: super-mahaev@yandex.ru

Keywords: problem field; levels of explication of metaphor; model; "opaque box"; "glass box".

This article discusses the problem of structuring the problem field of the theory of metaphor in the analytic aspect. In early analytic philosophy of the 1910s–1940s, with its dominant orientation on the formation of a logically precise language and its primary interest in the scientific discourse, metaphor as a linguistic expression was an object of elimination from the scientifically interpreted (Carnap's classifications) sentences and did not represent a serious interest, as evidenced by the lack of fundamental studies on this topic. Later, at the next stage of the genesis of analytic philosophy, associated primarily with the activities of the "late" Wittgenstein, interest in metaphor increased sharply, and by the end of the 1970s Nelson Goodman makes a statement on the importance of deeper research of metaphor. The number of theoretical works devoted to metaphor increases (many of them are presented in the collection *Teoriya metafory*, 'The Theory of Metaphor' (1990)). Monographs on metaphor are written. Numerous interpretations of metaphor appear, which results in the development of various competing theories that consider metaphor as a special way of reference (H. Goodman); the gap between the literal and the implied (intentional) values of linguistic expressions that are overcome in the course of interpretation (D. Searle); a method of interaction of ideas within a word (A. Richards, M. Black); a conceptual system (G. Lakoff, M. Johnson) etc. The problem field of the analytic philosophy of metaphor consists of a certain type of questions. These questions can be divided into two classes: 1) external questions; 2) internal questions. This classification is based on the levels of metaphor studies: external and internal sides of metaphor. The external side study implies answering the questions of the main metaphor functions in language, of special language rules which define the metaphorical use of words, and others. The internal side study answers the questions about the mechanisms of semantic transformation in the process of metaphorization, whether the sentence with a metaphor, in addition to the literal meaning, has a special metaphorical meaning, whether there is a special metaphorical meaning that gives a new meaning, etc.

REFERENCES

1. Goodman N. *Metaphor as Moonlighting*. *Critical Inquiry*, 2001, vol. 6, no. 1.
2. Nikonenko S. *Analiticheskaya traktovka metafory* [Analytical interpretation of metaphors]. In: Kolesnikov A.S. (ed.) *Rabochie tetradi po komparativistike. Gumanitarnye nauki, filozofiya i komparativistika* [Workbooks on comparative linguistics. Humanities, Philosophy and Comparative Studies]. St. Petersburg, 2003, pp. 108–112.
3. Black M. *Metafora* [Metaphor]. In: Arutyunova N.D. *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 153–172.
4. Searle J. *Metafora* [Metaphor]. In: Arutyunova N.D. *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 307–341.
5. Peregudov F., Tarasenko F. *Osnovy sistemnogo analiza* [Fundamentals of systems analysis]. 3rd edition. Tomsk: NTL Publ., 2001. 396 p.
6. Lakoff G., Johnson M. *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. 256 p.

Received: 01 December 2014

ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЧЕЛОВЕКА: ДОКУМЕНТЫ О ЧЕЛОВЕКЕ

Документирование рассматривается как объект специально-научного, социогуманитарного и философского познания. Представлены основные подходы к определению понятия «документ». Обосновывается актуальность философско-антропологического исследования документов о человеке в социокультурном контексте современности. Индивидуально-личностные документы рассматриваются в их сопряженности с концептом жизненного пути человека.

Ключевые слова: документ; жизненный путь; философская антропология; документирование; эго-текст; биография.

Необходимость в фиксации многообразия содержания, способов и форм деятельности человека возникла с первых самостоятельных шагов Homo sapiens. Это обусловлено генетической предрасположенностью к передаче будущим поколениям личного, исторического, культурного и мировоззренческого опыта. Первыми образцами фиксации информации являются наскальные рисунки древних людей. До сегодняшнего дня способы и формы закрепления содержания индивидуально- и общезначимого опыта постоянно изменяются вместе с развитием технологических возможностей современного человечества. Эти возможности в значительной степени определяют и содержание, и смысл той информации, которая закрепляется на различных носителях знаково-символическими средствами, позволяющими «схватывать» как живые мгновения, так и достаточно длительные процессы; события особой значимости и повседневности, требующие вдумчивого осмысления или просто сохраненные «на память». Кроме того, способы и формы фиксации, безусловно, должны соответствовать содержанию и объему, «масштабу» опыта, чтобы адекватно передавать его. Проблема материализации данных, сведений, конкретных фактов, документирования индивидуального и коллективного опыта неоднократно обозначалась в различных аспектах, в том числе в гуманитарных научных исследованиях.

В данной статье документирование, понимаемое в качестве важнейшего социокультурного феномена, рассматривается в индивидуально-личностном ключе и в связи с документами о человеке. Это создает основу для того, чтобы перевести осмысление документа, документирования и самодокументирования из сферы специально-научного знания в сферу гуманитарного знания, в том числе философского. В частности, возможность философской интерпретации документирования и документа обнаруживается, если рассматривать их в контексте одной из важных проблем философской антропологии – проблемы жизненного пути человека. Человека отличает потребность и способность осуществлять саморефлексию; через отношение к самому себе, взгляд на самого себя со стороны он понимает и оценивает себя в своих проявлениях. В этом процессе коммуникации документам и документированию принадлежит важное место.

Стремление человека регулярно фиксировать собственный индивидуальный опыт никак нельзя назвать чем-то новым.

Бурное распространение интереса к себе и событиям собственной жизни пришлось на эпоху сентиментализма и романтизма (XVIII–XIX вв.), что переросло в повальное увлечение дневниковыми записями, мемуарами и автобиографиями, биографиями. С развитием науки и техники появляются новые способы документирования жизни человека, такие как видеосъемка, фотографирование, электронное документирование, а с возникновением Интернета – сетевое документирование. Существуют и различные формы документов (текст, фотография, блог и т.д.).

Любой современный толковый словарь указывает, что слово «документ» происходит от латинского «documentum», а оно, в свою очередь, от глагола «docere» – «учить», «обучать» [1. С. 4]. Польский ученый Анджей Суски провел аналитическую и исследовательскую работу по проблеме происхождения и дальнейшего развития термина «документ». Корни данного термина, как считал ученый, уходят в индоевропейский праязык, существовавший около 2 000 лет до н.э., где слово «des» означало жест вытянутых рук, связанный с передачей чего-либо, или приемом, получением. Другой исследователь проблемы происхождения документа, профессор Хельмут Арнтцем, рассматривал слово «des» как происходящее от числа «десять» (на раскрытых ладонях насчитывалось десять пальцев) [Там же. С. 6]. Вплоть до XIX в. термин «документ» употреблялся в значении «письменное свидетельство», «доказательство, почерпнутое из книг, подтверждающих записей, официальных актов» и в основном использовался в юриспруденции [Там же. С. 11]. На сегодняшний день существуют различные подходы к определению понятия «документ», к интерпретации значения этого термина, который является многозначным, причем используется как в быденном, так и в научном значениях. В разных случаях документ понимается с точки зрения его внешних (определенный носитель информации, установленная форма закрепления информации) или внутренних (содержание) характеристик.

Так, конкретно-научный подход, а именно документоведческий, предполагает определение документа как закрепленной на материальном носителе некой информации с определенным набором реквизитов. Термин «документ» стал активно применяться в информационно-коммуникационной деятельности сравнительно недавно, в конце XIX – начале XX в. Он был введен в научный оборот известным бельгийским ученым Полем Отле в значении, близком к широкому

значению понятия «книга» [1. С. 15]. Поль Отле и его единомышленник Анри Лафонтен являются основоположниками документоведения как практической деятельности и прикладной научной дисциплины. С этого периода и до настоящего времени теоретическая и прикладная наука, определяющая для себя объектом исследования документ и документацию, развивается и продвигается как западными, так и российскими учеными.

Можно констатировать, что за последние три десятилетия документ стал предметом рассмотрения не только в документоведении, но и в блоке библиотечных и книговедческих дисциплин, архивоведении, в документалистике, информатике и других научных направлениях. Усилиями ученых-исследователей в этих областях знания был внесен значительный вклад в развитие знаний о документе, его теоретическое изучение стало, по сути, междисциплинарным. Отметим, что для данного подхода наиболее значимыми являются функциональные характеристики документа: цель его создания, состав его реквизитов, юридическая сила.

Для представителей исторической науки документ ценен, прежде всего, той информацией о прошлом, которую он в себе заключает, причем не только содержания, но и во внешнем виде – почерке автора рукописи, химическом составе бумаги, водяных знаков и т.п. Такое внимание к форме имеет для историка как эмоциональный (передающий «дух времени»), так и практический смысл. Ему приходится иметь дело с документами разных эпох, внешние же особенности достаточно точно отражают время, а порой и обстоятельства их создания. Отсюда и толкование документа, прежде всего, как материального носителя с зафиксированной на нем информацией о прошлом, о той конкретной ситуации, в которой документ появлялся и функционировал [2. С. 75]. Это определяет историческую ценность документов, по которым возможно реконструировать события прошлого. Советский и российский историк-архивист, выдающийся специалист в области архивного дела В.Н. Автократов обозначает превращения документа как «вещи для нас» (фаза использования по целевому назначению) в «вещь в себе» (фаза архивного хранения) и снова в «вещь для нас» (фаза использования как исторического источника) [3. С. 45].

В самом широком культурологическом смысле документ – это материальный объект с информацией, закрепленной созданным человеком способом, для ее передачи во времени и пространстве [4. С. 20]. В культурологии понятие «документ» сопряжено с такими понятиями, как «артефакт», «память», «тексты культуры» и др. Культура представляет собой «живую ткань» жизни человека, выполняет по отношению к нему жизнеорганизующую функцию, задает жизненные сценарии, в том числе такие, как детство, юность, молодость, зрелость и старость. Тексты культуры выступают в качестве эталонов, образцов, значений (ценностей), которые, принимая вещественную форму, предстают в реальной жизни человека, в том числе в виде различных документов, образуя систему

«жизнь культуры – документы – жизнь человека». На наш взгляд, в культурологическом смысле документирование – это процесс создания документов, которые являются формами закрепления живого, непосредственного социокультурного опыта, сопряженного с существовавшими на момент этого опыта текстами культуры и отражающего отношение к ним.

Для философской антропологии понятия «документ» и «документирование», как говорилось выше, приобретают значение благодаря их сопряженности с концептом жизненного пути человека. Жизненный путь человека в действительности фиксируется в различных документах: формальных, официальных (паспорт, медицинская карта, страховой полис, заграничный паспорт, документ о заключении брака, диплом об образовании, документы о повышении квалификации, документы, подтверждающие звание, ученую степень, место работы, получение награды и т.д.) и неформальных (фотографии, биографии, видеоматериалы, мемуары, дневники, письма и др). Если историк в исследовании документа, прежде всего, обращает внимание на наиболее интересные факты, даты, события, то для философа этот документ интересен с точки зрения смысловой связи между людьми, разделенными временем и пространством жизни, возможностью социальной, культурной и личностной коммуникации. Документ в таком случае есть своеобразный медиатор подобной коммуникации, в которой равно возможны как ситуация отсутствия любых границ, разделяющих коммуникантов, так и осознание их явного наличия, требующего усилия для их преодоления.

Практически все узловые моменты жизненного пути человека так или иначе документируются различными способами в различных формах. Говоря о формах документов, мы имеем в виду снимок (фотография, селфи), текстовый документ (письмо, дневник, мемуары, автобиография, биография, исповедь). В данной статье нас интересует индивидуально-личностный документ не в информационном его аспекте, а в семиотическом, аксиологическом, герменевтическом и коммуникативном.

Н.А. Бердяев в книге «Самопознание» продемонстрировал сочетание жанра автобиографии с философским осмыслением собственного жизненного опыта [5. С. 518]. Некоторые исследователи трактуют мемуары Бердяева как своеобразное путешествие по окружавшему писателя миру, когда он вспоминает детство, истоки и основные вехи творческого пути и пр. [Там же]. Временная перспектива, авторское «я», документальность – отличительные признаки документирования жизненного пути – сочетаются в «Самопознании» с непосредственностью впечатлений.

Философский эго-текст, представленный мемуарами, на первый взгляд кажется достаточно простым и ясным, главная цель его – это рассказ и воспоминания о себе и событиях, которые оказались важными для автора. Однако все не так просто. Автор ведет речь отнюдь не обо всем, что было в действительности, а организует факты, руководствуясь определенным их пониманием и конкретными задачами [5. С. 519]. Попытка их решения и осмысления, предпри-

нимаемая в мемуарном произведении, реконструкция образа личности самого автора и его образа мира делают такое произведение поистине философским.

Биография – один из важнейших концептов личностного сознания человека и культурно-исторического сознания общества. В пространстве гуманитарного знания биография осмысливается как особая самодостаточная культурно-историческая форма постижения и трансляции личностного индивидуального опыта, обретает свой статус и смысл как «жизнеописание». Биографии, мемуары, дневники являются важными документами жизненного пути человека. В настоящее время историки выделяют целый класс документов, относящихся к личным жизнеописательным документам человека, – эго-документы [5. С. 517]. Так, по мнению С.И. Митиной, эго-текст может быть определен как «корпус автобиографических текстов, существующий в многообразии жанров, скрепой которых является авторское “Я”, выступающее генерирующим центром идей, переживаний и действий» [6. С. 518].

В качестве уже «классического» документа, фиксирующего жизненный путь человека, выступает фотография. Фотография возвращает нам «утерянную» нашим сознанием реальность. Поэтому можно утверждать, что ее истинный смысл заключался не в безграничном, абстрактно понимаемом самовыражении художника, не в прихотливой деформации предметов и явлений, свидетельствующей о «присутствии» человека (т.е. художника), а в ее способности находить эту «утерянную», но объективно существующую реальность и демонстрировать ее перед нами [6]. Возвращение «утерянной» реальности необходимо для продуцирования «живого» интереса человека к самому себе, т.е. для мотивирования анализа и организации собственного жизненного пути. Сравнение фотографий, сделанных 30–50 лет назад, где главным фик-

сируемым объектом было какое-либо социально или культурно значимое событие (окончание школы, свадьба, юбилей и т.д.) в жизни человека, с современными фотографиями ясно демонстрирует смещение фокуса внимания. Широкая доступность фотосъемки и значительно возросшая мобильность людей явно сказались на содержательной стороне тех «фото документов», которые в огромном количестве фиксируют все детали перемены мест, обстоятельств, приключений «человека-кочевника», путешественника, туриста и т.д.

Итак, документирование жизненного пути человека – достаточно актуальная и открытая тема исследования в поле философской антропологии. Документы (эго-документы) создаются человеком с разными целями: одни – с целью самопрезентации, демонстрации самого себя, другие с целью самоисследования, самопознания, самообъяснения. Вопрос о том, какие из материальных свидетельств индивидуальной, личной жизни современного человека следует считать документами, остается дискуссионным. К документу может быть разное отношение, он по-разному, в разном качестве всегда присутствует в культуре, функционирует в социокультурном пространстве. Осмысление способов и форм документирования, особенностей документов как свидетельств жизненного пути современного человека есть одна из возможностей движения к его пониманию, к выяснению его жизненных приоритетов.

История жизни, которая делается самим человеком, на наш взгляд, актуальный атрибут современной жизни [8–10]. Самоистория необходима для жизни, полной самореализации, мотивации и совершенствования, и для счастья. «Она важнее денег, происхождения и способностей» [7]. Но только если осознаешь, в чем её суть, можешь управлять ей, находя продуктивное применение даже собственным недостаткам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Швецова-Водка Г.Н. Документ в свете ноокоммуникации. М. : Литера, 2010. 384 с.
2. Винокур Г.О. Биография и культура. 2-е изд., испр. и доп. М. : Издательство ЛКИ, 2007. 96 с.
3. Автократов В.Н., Сокова А.Н. Современные документальные системы. М. : Сов. радио, 1979. 155 с.
4. Гаврилова Е.М. Культ документа: феномен и понятие // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 16 (197). Филология. Социология. Культурология. Вып. 17. С. 20–23.
5. Митина С.И. Философский эго-текст как репрезентация «Я» мыслителя // Человек в современных философских концепциях : материалы Четвертой Междунар. конф. : в 4 т. Волгоград, 2007. Т. 2. С. 517–521.
6. Свиблова О. Россия: XX век в фотографиях 1918–1940: мультимедийный комплекс актуальных искусств: мультимедиа Арт Музей. М. : Московский Дом фотографии, 2012.
7. Боб Дойч. Найти себя. Как выйти за рамки стереотипов и обрести свой путь. URL: http://www.elobook.com/_miscellaneous/5783-bob-doych-nayti-sebya.html
8. Апухтина Н.Г., Берестова Т.Ф., Невелева В.С. Философско-культурологические основания генезиса, эволюции, сущностных характеристик документа // Вестник Кемеровского государственного университета: Журнал теоретических и прикладных исследований. 2012. № 18. С. 221–229.
9. Голубович И.В. Биография: силуэт на фоне Humanities: Методология анализа в социогуманитарном знании. Одесса : Фридман А.С., 2008.
10. Кузнецова Т.В. Способы создания документов (документирования) и их развитие // Секретарское дело. 2004. № 8–9 (49). С. 31–35.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 18 января 2015 г.

DOCUMENTATION OF HUMAN LIFE COURSE: DOCUMENTS ABOUT A PERSON

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 69–72. DOI 10.17223/15617793/392/11

Mordovina Darya A., Neveleva Vera S. Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russian Federation).

E-mail: 89320182552@yandex.ru; vsneveleva@mail.ru

Keywords: document; way of life; philosophical anthropology.

The paper document and documenting are presented as objects of specialized scientific, socio-humanitarian and philosophical knowledge. The main characteristics of the document relevant only for documentation research are described. So, a document scientific approach defines a document as some information with a particular set of details fixed in a tangible medium. Documenting, understood as an essential social and cultural phenomenon, is considered in the article, first of all, in the individual personality aspect and in connection with documents of a person. It provides a framework to transfer the understanding of the document, documenting and self-documentation from the sphere of specialized scientific knowledge to the field of humanities, including philosophy. In the article, the term "document" is considered from the perspective of historical research: why a document as an object of study is interesting to historians. The key components, attributes of documents relevant for historical research are outlined. A document from the perspective of cultural studies directs consideration of individual personal documents in different directions. In cultural studies the concept "document" is associated with such concepts as "artifact", "memory", "texts of culture" and others. Culture is a "living tissue" of human life. Culture performs a life-organizing function, give life scenarios, including childhood, adolescence, youth, maturity and old age. Cultural texts are references, samples, values that, when taking a real form, appear in real life in the form of various documents, forming a system of "culture life – documents – person's life". In the view of the authors, in a cultural sense, documenting is the process of creating documents which are forms of securing a living, direct socio-cultural experience. It is connected with culture texts existing at the time of this experience, and it reflects the attitude towards such texts. The possibility of philosophical interpretation of documenting and documents is detected, when they are viewed in the context of an important problem of philosophical anthropology: the problem of the human life. The authors of the article are interested in the semiotic, axiological, hermeneutic and communicative aspects of the personal document rather than in the information one. Autobiography, biography, photograph are the considered examples of personal documents. It is shown that the purposes of such documents can be self-presentation, self-organization, knowledge, understanding, genuine communication with oneself and the world around. The authors state that the question of which material evidence of the personal life of a modern person should be considered as documents remains controversial. There may be different attitudes to a document, its forms are diverse, yet it is always present in the culture and functions in the social and cultural space. Understanding of the methods and forms of documenting, features of documents as evidence of the modern person's way of life is one of the possibilities to understand people and to clarify their life priorities.

REFERENCES

1. Shvetsova-Vodka G.N. *Dokument v svete nookomunikatsii* [Document in the light of noocommunication]. Moscow: Litera Publ., 2010. 384 p.
2. Vinokur G.O. *Biografiya i kul'tura* [Biography and culture]. 2nd edition. Moscow: LKI Publ., 2007. 96 p.
3. Avtokratov V.N., Sokova A.N. *Sovremennye dokumental'nye sistemy* [Modern documentary systems]. Moscow: Sovetskoye radio Publ., 1979. 155 p.
4. Gavrilova E.M. Kul't dokumenta: fenomen i ponyatie [The cult of the document: the phenomenon and the concept]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 16 (197), pp. 20–23.
5. Mitina S.I. [Philosophical ego-text as "I"-thinker representation]. *Chelovek v sovremennykh filosofskikh kontseptsiyakh: materialy Chetvertoy Mezhdunar. konf.: v 4 t.* [Man in modern philosophical concepts: Proceedings of the Fourth International Conference: in 4 vols.]. Volgograd, 2007. Vol. 2, pp. 517–521. (In Russian).
6. Sviblova O. *Rossiya: XX vek v fotografiyakh. 1918–1940: mul'timediyyny kompleks aktual'nykh iskusstv: mul'timedia Art Muzei* [Russia: 20th century in the photographs. 1918-1940: Multimedia Complex of Actual Arts: Multimedia Art Museum]. Moscow: Moscow House of Photography Publ., 2011. 392 p.
7. Deutsch B. *Nayti sebya. Kak vyyti za ramki stereotipov i obresti svoj put'* [Find yourself. How to go beyond stereotypes and find your way]. Translated from English by V. Gorokhov. Moscow: Al'pina Biznes Buks Publ., 2014. 272 p. Available from: http://www.elobook.com/_miscellaneous/5783-bob-doych-nayti-sebya.html.
8. Apukhtina N.G., Berestova T.F., Neveleva V.S. Philosophic and cultural research foundation of genesis, evolution, essential characteristics of the document. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2012, no. 18, pp. 221–229. (In Russian).
9. Golubovich I.V. *Biografiya: siluet na fone Humanities: Metodologiya analiza v sotsiogumanitarnom znanii* [Biography: silhouette against the Humanities: analysis methodology in socio-humanitarian knowledge]. Odessa: Fridman A.S. Publ., 2008. 372 p.
10. Kuznetsova T.V. *Sposoby sozdaniya dokumentov (dokumentirovaniya) i ikh razvitie* [Ways of creating documents (documenting) and their development]. *Sekretarskoe delo*, 2004, no. 8–9 (49), pp. 31–35.

Received: 18 January 2015

КОМПЬЮТЕРНАЯ ИГРА И ТРУД В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

В условиях современного информационного общества усиливается процесс смещения традиционных человеческих практик. В статье на основе широкого круга теоретических и эмпирических материалов исследуется процесс взаимопроникновения труда и игры. Исследование базируется на философско-антропологическом подходе, что позволяет добиться достаточной глубины анализа.

Ключевые слова: человек; игра; труд; информационное общество; креативность; креативный потенциал; досуг; смерть труда.

Современные ученые, специалисты в областях культурологии, социологии, психологии, педагогики все чаще обращаются к феномену компьютерной игры, его истории, отличительным признакам, неоднозначным отношениям человека к компьютерной игре. Одним из важных вопросов для осмысления как специфической природы феномена компьютерной игры, так и его места в современной культуре и жизни человека является вопрос о гетерогенных связях компьютерных игр с таким значимым для человека способом освоения мира, как труд. Позиции исследователей здесь весьма различны.

«Игра становится частью не только досуга, но и труда», – утверждает М.В. Восканян [1. С. 19]; компьютерные игры опосредуют «расширение сфер будущей трудовой деятельности», полагает Н.Э. Куликовская [2. С. 190]; компьютер и компьютерная игра, в частности, могут «выровнять» возможности людей в сфере общественного труда, позволят решать нетипичные задачи, считают М.А. Аристова и В.Н. Фокина [3. С. 53]. Существуют и негативные оценки компьютерных игр. Н.В. Светлова и И.А. Бокарева указывают на то, что зависимость от компьютерных игр сопряжена с невниманием к иным занятиям, кроме игры, что обуславливает конфликты с окружающими людьми, нежелание учиться и работать [4. С. 130]; А.Н. Фанталов считает, что увлечение компьютерными играми – это проявление «голода», проистекающего от недостатка физической и душевной активности. Игрок в киберигры, по оценке автора, – пассивный потребитель информации [5. С. 162].

Обыденным сознанием далеко не всегда бесосновательно игра противопоставляется труду, а человек играющий – человеку трудящемуся. Для утверждающего, что играющий – это не трудящийся, оценка компьютерных игр однозначна: играя, нельзя ничего произвести, невозможно представить обществу продукт трудовой деятельности. Игра прочно ассоциируется с отдыхом, досугом. Если трудовая деятельность во многом определяет существование человека (в труде человек раскрывается именно как человек, труд выступает первой жизненной потребностью человека), то игра кажется «излишеством», «роскошью», чем-то вторичным. Э. Финк, сравнивая игру и труд, указывал на то, что сам процесс игры, а не только его результат (как в трудовой деятельности), приносит удовлетворение [6. С. 365–366]. Именно труд, по выражению Г.И. Могилевской, долгое время считался

оттесняющим на периферию культуры все иные занятия человека. Труд, согласно убеждениям многих средневековых философов и мыслителей Нового времени, есть способ самовыражения личности [7. С. 128].

Акцентуация внимания на проблеме соотношения игры и труда, во-первых, во многом обусловлена современным кризисом труда, который обозначен в ряде междисциплинарных исследований и выражается в его «омертвлении» и инфляции. Во-вторых, важно обозначить, что ряд исследователей пытается решить проблемы труда, мотивации и социальной адаптации через игру вообще и компьютерную игру в частности. В-третьих, интересна связь игры и труда в контексте такой характеристики деятельности, как креативность, когда труд и игра практически «сливаются», а их противопоставление утрачивает смысл.

Кризис труда оформился в конце прошлого века, при переходе общества к новому постиндустриальному этапу развития. Революция в информационных технологиях привела к появлению новых форм труда, новых профессий, новых способов получения прибыли. Труд становится более интеллектуальным, высококвалифицированным. Сама экономика начинает все больше ориентироваться на инновации, нуждаясь в людях, которые способны их генерировать. Однако возникает и парадоксальное сочетание высокотехнологичного производства, интеллектуализации труда, с односторонностью развития человека, с деградацией личности [8. С. 55]. Не случайно язык фиксирует ряд терминов, отражающих подобный процесс. В частности, актуальны такие термины, как «офисный планктон» или «белый воротничок», означающие некую усредненность, безликость человека в труде. Вместе с тем труд в классическом понимании приобретает все более второстепенную роль. Констатируя подобные кризисные явления в современном труде, Д. Белл, в частности, отмечал, что «американский капитализм столкнулся с трудностями напряженности между отношением к труду, свойственным протестантскому аскетизму, и развитием иного образа жизни, который основывался на непосредственном наслаждении всеми благами общества потребления и стимулировался кредитной политикой и массовым производством» [9. С. 94].

Говоря об основных стимулах к труду, Р. Флорида в книге «Креативный класс» замечает: «Люди хотят, чтобы денег хватало на тот образ жизни, который им нравится. Хотя недостаточная зарплата может вызвать недовольство, денег как таковых мало, чтобы

быть для большинства людей источником счастья, стимулом и целью труда. Для работников имеют значение следующие стимулы: интересная и ответственная работа; возможность вносить свой вклад и влиять на процесс; уверенность в том, что твоя деятельность имеет значение» [10. С. 68–69].

Можно констатировать, что заработная плата как результат труда является слабой мотивацией для работника, если у него нет чувства, что его труд способствует всеобщему благосостоянию, в этом смысле справедливо заключение, что работа должна стать местом построения смысла, неким творческим актом, должна не просто обозначаться как миссия, но и действительно быть ею.

По мнению современного философа и социолога М. Лаззарато, изучающего нематериальный труд, «труд, который служит источником смысла, является богатством сам по себе». Принуждение не способно побороть безразличие и враждебность работников к своему делу. Как отмечает философ, современные техники управления стремятся к тому, чтобы «душа рабочего стала частью производства» [11].

О метаморфозах, происходящих в сфере труда, довольно точно высказалась Г.И. Могилевская: «Право на существование обретает только тот труд, который приносит удовольствие, труд как игра, в то время как труд-напряжение вытесняется из сознания, превращается в скучный, необязательный придаток человеческой жизни» [7. С. 127]. Совмещение игры и труда снимает напряжение сил. Человек приучается достигать результатов в игре, а труд, всегда требующий затраты сил, начинает восприниматься как скучный. От рутинного труда человек старается уйти [Там же. С. 128].

По мнению Могилевской, во второй половине XX столетия демаркация между трудом и игрой стала размываться [Там же. С. 127–128]. Дело не только в том, что игра сопровождает человека в течение всей жизни. Труд не может быть абсолютно независимым от игры, противопоставленным ей. Игра перестает быть излишеством, от которого всегда можно отказаться. Далеко не всегда удается четко обозначить нечто как труд или как игру в «чистом виде». Таковы, например, биржевая гонка, соревнования в пределах маркетинговых сетей и т.д.

В контексте подобного кризиса труда киберигра может рассматриваться как средство мотивации и преобразования процесса труда, способствующее приобретению трудом нового качества. У игры есть творческий потенциал. Креативный потенциал компьютерной игры – ее специфическая характеристика, понимаемая как возможность (и способность), внутренне присущая сила игрового процесса (его содержания и формы) осуществлять раскрытие креативных качеств субъекта, а также служить ему инструментом для поиска и открытия нового, созидания оригинального.

В современной ситуации игровой характер труда становится одной из важных и необходимых черт. Если ранее человек был привязан к труду, а трудолюбие было одной из важных ценностей, то теперь труд ценен лишь в той мере, в какой он насыщен свободной игровой атмосферой и игровыми механизмами,

делающими его легким и доставляющим удовольствие, а также насколько он способствует самореализации, креативности и свободе выбора. Труд насыщается символическими, виртуальными, воображаемыми элементами, а смена времени труда и времени досуга осуществляется произвольно, что приближает процесс труда к игре.

«Игра – это особый вид коммуникации, где последняя является актом творческого взаимодействия коммуникантов. Игре как особому виду человеческой деятельности свойствен процесс диалогизма и полилогизма» [12. С. 28]. Игра, таким образом, может способствовать полифонизации трудового процесса, т.е. вывода его за рамки линейной однонаправленной планомерной продуктивности и приближения к модели экономики «символического обмена» [13].

В контексте современных проблем труда творческий потенциал игры понимается как средство изменения характера трудового процесса. Об этом можно вести речь, сравнивая креативность труда и креативность компьютерной игры. С точки зрения признака креативности игра и труд имеют сходства: они направлены на создание нового, в том числе нестандартного. Компьютерные игры все больше вторгаются в сферу труда, прежде всего, в качестве «тренажеров» в процессе обучения будущих участников различных видов трудовой деятельности. Игры-«тренажеры» используются не только в бизнес-среде («Денежный поток», тренажеры памяти и др.), но и в производстве. Новоиспеченных сварщиков, например, обучают на симуляторе (имитируются шипение, искры, на дисплее сразу отображаются допущенные испытуемым ошибки). Существуют игры-тренажеры для освоения дорожно-строительной техники [14. С. 28–29], игры-симуляторы для менеджеров («Корпорация+», «Менеджер нефтеперерабатывающего завода») и многие другие.

Разумеется, использование тренажеров и симуляторов для развития трудовых навыков и совершенствования квалификации само по себе вовсе не означает, что труд с необходимостью приобретает в этом процессе черты игры и творческий, креативный, свободный характер. Напротив, зачастую игровые механизмы встраиваются в общую систему рутинизации и стандартизации труда и не несут никакой креативной роли, становясь лишь простым функциональным инструментом. Однако симулятивная, виртуальная сущность игровых тренажеров всегда стремится выйти из-под контроля, освободить изначально заложенную в ней природу продуктивной и свободной силы воображения. Если этот выход осуществляется, то игра перестает быть простым функциональным придатком трудовой деятельности и входит в диффузию с ней. Тогда игровые тренажеры начинают играть совершенно иную роль креативного механизма. К примеру, используя симуляцию хирургической операции, врач может не просто просчитать будущие действия, но, изменяя тактику «игры», найти нестандартные новые пути проведения операции. При этом, выполняя данную симуляцию, врач, очевидно, не будет затрачивать на нее силы в той мере, в какой они

необходимы для реальной операции; возможности варьирования симуляции, ее приостановки, перезапуска непосредственно наделяют этот трудовой процесс чертами досуговой свободной деятельности.

Самосоздание игры, вне всякого сомнения, является трудовым процессом. Все интенсивнее практикуется игровое моделирование. Им занимаются как представители крупных корпораций (например, *Sarcom*), так и частные лица. Моделирование используют и те, чья трудовая деятельность по преимуществу не связана с созданием игр. Игровое моделирование, конечно же, требует разработки соответствующего программного обеспечения, кропотливой работы с различными информационными ресурсами. В компьютерных играх активно используются 3D-модели, образуя «ткань» игры, приобретая подвижность, выходя на первый план, или, напротив, являясь фоном. Моделируются те или иные персонажи (прототипами персонажей часто являются герои кинофильмов), ландшафт, карта, недвижимые объекты (например, здания, сооружения). Обычные пользователи могут реализовать свой талант в разработке онлайн-игр. Например, готовящаяся к выходу игра «*Demescape*» – продукт труда многочисленных геймеров и любителей 3D-моделирования. Кроме того, немаловажна роль моделирования в разработке компьютерных тренажеров. Помимо базового программного обеспечения, для создания таких тренажеров необходимы 3D-модели, которые и «наполняют» симуляторы, имитируют реальные объекты (модели устройств, зданий, производственных предприятий и т.д.).

Повседневный труд, в частности благодаря 3D-моделированию и созданию компьютерных тренажеров, приобретает и будет приобретать черты игры, тем самым избегая рутинности. Например, выпускники школы младшего медицинского персонала благодаря деятельности компании «*Johnson&Johnson*», могут поработать в виртуальной клинике. Японская компания «*Daiichi-Sankyo*», выпустившая препарат для диабетиков, предлагает менеджерам играть для того, чтобы те получали более полную информацию о товаре, который необходимо продавать.

Игра позволяет избавить труд от излишней подчиненности жестким нормам и стандартам деятельности, размывает демаркационную линию, отделяющую труд от досуга. Например, об этом пишут И.И. Югай [15], А.П. Максимов и И.П. Иванов [16], М.С. Перевозчикова [17] и многие другие. Вместе с тем известны случаи, когда игру превращают в подневольный вид деятельности, она становится каждодневным вынужденным трудом. Так, в Китае заключенных колоний ежедневно заставляли играть в популярную ролевою игру – «*World of Warcraft*». Если раньше лишённые свободы люди отправлялись на сельскохозяйственные работы, то с недавнего времени эти же заключенные сели перед мониторами персональных машин [18]. Систематическая игра в «*Role-Playing Game*», как известно, может принести немалый доход игроку. Доходом, приносимым заключенными, располагали начальник тюрьмы и охранники. В данном случае игра

становится подневольным трудом, в ней невозможна и не востребована свобода.

Однако в трудовой жизни свободных людей компьютерная игра приобретает все большее значение. Компьютерные игры, например, используются в образовательном процессе и позволяют углубить знания школьников, а также разнообразить деятельность педагога. Игры используются на уроках информатики, истории, логики, мировой художественной культуры, геометрии, астрономии и др. Занимают достойное место игры и в трудовой деятельности врачей, например логопедов, помогая корректировать речевые навыки пациентов. В Прибалтике с недавних пор стала популярной компьютерная игра «*Охрана труда*», используемая инспекторами в рабочем процессе, позволяющая успешно применять усвоенные знания и повысить квалификационный уровень. Все чаще современный менеджер (преимущественно за рубежом) обращается к альтернативным способам поощрения и стимуляции работы отдельных сотрудников, создавая ситуацию игры на рабочем месте (система баллов, используемая в стратегиях, ролевых играх и т.д.).

Таким образом, современный труд активно совмещается с компьютерными играми. Во-первых, эффективная работа с сотрудниками крупных международных корпораций может быть налажена по аналогии с сюжетами компьютерных игр, тем самым создавая атмосферу уюта для отдельных работников и способствуя креативному подходу к решению каждодневных задач, повышению производительности труда. Во-вторых, без компьютерного моделирования в современном мире трудно представить создание и разработку тех или иных крупных, сложных объектов (сооружений, источников природных ископаемых, математических, физических моделей). В-третьих, систематическое повышение квалификационного уровня нередко сопряжено с игровым процессом. Компьютерные симуляторы применяются не только для начинающих, но и для состоявшихся профессионалов (пожарных, авиопилотов, военных, врачей и т.д.). В-четвертых, компьютерная симуляция позволяет расширить возможности работы с больными (физически ограниченными людьми), воздействуя на отдельные участки головного мозга. Не следует забывать о прагматическом характере компьютерной игры в сферах образования и маркетинга (игры активно используются в рекламе).

Сближение труда с игрой является фундаментальным изменением в труде. По словам профессора университета Беркли Б. Лиетара, «постиндустриальная мутация ждет нас в любом случае, и лучший способ ее пережить – это помогать человеческому началу на всех уровнях. Главным видимым различием между корпорациями будущего и тем, чем они являются сейчас, будут не товары, которые производят. Разница в том, кто будет работать, почему он будет работать, и что работа будет значить для него» [19. С. 488].

Игровое начало систематически включается в трудовой процесс. Однако любой труд все же требует некоторого усилия – физического, интеллектуального, эмоционального. Сопряжение труда и игры означает

преодоление разрыва между необходимостью и свободой человека (труд – необходимое, в чем человек постоянно утверждает себя как человек, а игра всегда воспринималась как сфера деятельности, где востребована и возможна свобода). Преодоление разрыва ведет к тому, что нередко труд выходит за рамки жесткой регламентации, приобретает «легкость», а игра, напротив, приобретает признаки трудовой деятельности, предполагающие усилия.

Таким образом, изучив процессы, происходящие между трудовым и игровым аспектами человеческого бытия в информационном обществе, можно сделать

вывод о том, что сегодня наблюдается своеобразное прорастание игровых механизмов в трудовой процесс, что приводит к развитию сложного и противоречивого процесса синтеза игры и труда, рождающего новые трудо-игровые и игро-трудовые практики. Эти практики, с одной стороны, имеют продуктивный смысл, характерный для труда, а с другой стороны, их отличает легкость, подвижность и свобода, характерные для игры. Игровая «мутация», претерпеваемая трудом, как и всякая мутация, несет опасность вырождения и нежизнеспособности, но вместе с тем может стать прорывом в эволюции человеческого труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восканян М.В. HomoInformaticus и HomoLudens: игра в культуре информационного общества // Вопросы культурологии. 2008. № 11. С. 17–20.
2. Куликовская Н.Э. Компьютерные логопедические игры: историко-философский обзор // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С. 190–194.
3. Аристова М.А., Фокина В.Н. Гендерный аспект дистанционного обучения // Социология образования. 2008. № 1. С. 50–55.
4. Светлова Н.В., Бокарева И.А. Исследование эмоционального состояния подростков, увлеченных компьютерными играми // Актуальные проблемы психологического знания. 2009. № 1. С. 128–134.
5. Фанталов А.Н. Психолого-педагогические аспекты компьютерных игр // Герценовские чтения. Начальное образование. 2012. Т. 3, № 1. С. 162–166.
6. Финк Э. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 357–402.
7. Мозилевская Г.И. Смерть труда: постмодернистская рефлексия и реалии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3. С. 127–130.
8. Тоффлер О. Футурошок: пер. с англ. М.: АСТ, 2002. 557 с.
9. Григорова Я.В. Новые формы отчуждения творческого труда в постиндустриальном обществе // Парадигма: Философско-культурологический альманах. 2012. Вып. 19. С. 92–100.
10. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее: пер. с англ. М.: Классика XXI, 2005. 421 с.
11. Лаззарато М. Нематериальный труд: пер. с англ. // Художественный журнал. 2008. № 69. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/69/nmtrln-trd/> (дата обращения: 23.08.2014).
12. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
13. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
14. Чуринов В.В., Остроух А.В., Подберезкин А.А. Использование компьютерных тренажеров для подготовки рабочих дорожно-строительных профессий // Молодой ученый. 2011. Т. 3, № 4. С. 28–29.
15. Югай И.И. Компьютерная игра как жанр художественного творчества на рубеже XX–XXI веков: дис. ... канд. искусствоведения. СПб.: СПбГУП, 2008. 226 с.
16. Максимов А.П., Иванов И.П. Создание и применение обучающих компьютерных игр в вузе МВД России // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2011. Т. 1, № 20. С. 102–106.
17. Перевозчикова М.С. Создание компьютерной игры – эффективный инструмент самообразования // Информатика и образование. 2009. № 11. С. 115–116.
18. Китайских заключенных заставляли зарабатывать виртуальные деньги в World of Warcraft // Лента.Ру. URL: <http://lenta.ru/news/2011/05/26/chinesefarm/> (дата обращения: 23.08.2014).
19. Лиетар Б. Будущее денег: новый путь к богатству, полноценному труду и более мудрому миру: пер. с англ. М.: АСТ, 2007. 493 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 16 декабря 2014 г.

COMPUTER GAME AND LABOR IN THE INFORMATION SOCIETY

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 73–77. DOI 10.17223/15617793/392/12

Pomelov Vladimir A., Bredikhin Sergei S. Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russian Federation).

E-mail: chelwolf@mail.ru; sergei189@mail.ru

Keywords: human; game; labor; information society; creativity; creative potential; leisure; death of labor.

First, the article regards the variety of points of view encountered in the scientific literature on the relationship between labor and game in today's information society. It shows that along with the "positive" estimates of the changes in labor and gaming aspects of human existence which focus on the potential of games to bring new opportunities to the development of labor, there is also "negative" evaluation which highlights the danger of expansion of the game to other areas of human existence. Next, a brief analysis of the foundations of the ordinary opposition of labor and games is given. To make a contrast, the ideas of E. Fink are given. The authors give an idea of what caused the actualization of the question of the relationship between labor and game. The first reason lies in the current crisis of labor. The second reason lies in the potential of the game to solve a number of significant contradictions of labor, motivation, and social adaptation. The third reason is the importance of research of the connection of game and labor in the context of such a characteristic of activity as creativity, when labor and game almost "merge", and their opposition loses meaning. Further, the authors explore the changes in labor due to the transition to the information society. They stress that the revolution in information technology has led to the emergence of new forms of labor, new skills, new ways of making a profit. Labor becomes more intelligent, highly qualified. Labor motivation and incentives are changing. The authors conclude that in the context of the analyzed crisis of labor, a cyber game can be seen as a way to motivate and transform labor process that promotes the acquisition of a new quality of labor. The authors emphasize that in the context of contemporary problems labor creative potential of the game is understood as a means of changing the nature of the labor process. This is possible when comparing labor and computer game creativity. By compar-

ing the creativity on representative empirical data, a conclusion is drawn that there are both similarities and differences between creative labor and game, and modern society is undergoing the fundamental process of synthesis of game and labor creativity. This conclusion is specified by allocating four main lines of combining game and labor. At the end the article the authors conclude that today there is a peculiar germination of game mechanisms in the labor process, which leads to the development of a complex and contradictory process of synthesis of game and labor, which results in new labor-gaming and gaming-labor practices. These practices, on the one hand, have a productive sense, which is characteristic for labor, and, on the other hand, they are characterized by lightness, mobility and freedom peculiar to the game. The game "mutation" labor is undergoing, like any mutation, bears the risk of degeneration and frailty, but at the same time can be a breakthrough in the evolution of human labor.

REFERENCES

1. Voskanyan M.V. HomoInformaticus i HomoLudens: igra v kul'ture informatsionnogo obshchestva [HomoInformaticus and HomoLudens: game in the culture of the information society]. *Voprosy kul'turologii*, 2008, no. 11, pp. 17–20.
2. Kulikovskaya N.E. Computer logopedic games: historic and philosophical review. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*, 2011, no. 7, pp. 190–194. (In Russian).
3. Aristova M.A., Fokina V.N. Gendernyy aspekt distantsionnogo obucheniya [The gender aspect of distance learning]. *Sotsiologiya obrazovaniya*, 2008, no. 1, pp. 50–55.
4. Svetlova N.V., Bokareva I.A. Issledovanie emotsional'nogo sostoyaniya podrostkov, uvlechennykh komp'yuternymi igrami [The study of the emotional state of teenagers who are keen on computer games]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya*, 2009, no. 1, pp. 128–134.
5. Fantalov A.N. Psikhologo-pedagogicheskie aspekty komp'yuternykh igr [Psychological and pedagogical aspects of computer games]. *Gertsenovskie chteniya. Nachal'noe obrazovanie* [Herzen readings. Primary education]. 2012. Vol. 3, no. 1, pp. 162–166.
6. Fink E. *Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytiya* [Main phenomena of human existence]. In: Popov Yu.N. (ed.) *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii* [The problem of man in Western philosophy]. Moscow: Progress Publ., 1988, pp. 357–402.
7. Mogilevskaya G.I. Death of labour: postmodern reflection and realias. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2012, no. 3, pt. 1, pp. 127–130. (In Russian).
8. Toffler A. *Futuroshok* [Future Shock]. Translated from English Moscow: AST Publ., 2002. 557 p.
9. Grigorova Ya.V. Novye formy otchuzhdeniya tvorcheskogo truda v postindustrial'nom obshchestve [New forms of creative labor alienation in postindustrial society]. In: Orlova N.Kh. (ed.) *Paradigma: Filosofsko-kul'turologicheskii al'manakh* [Paradigm: Philosophical and cultural almanac]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2012. Is. 19, pp. 92–100.
10. Florida R. *Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee* [The creative class: people who are transforming the future]. Translated from English Moscow: Klassika XXI Publ., 2005. 421 p.
11. Lazzarato M. Nematerial'nyy trud [Immaterial labor]. Translated from English. *Khudozhestvennyy zhurnal*, 2008, no. 69. Available from: <http://xz.gif.ru/numbers/69/nmtrln-trd/>. (Accessed: 23rd August 2014).
12. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1986. 445 p.
13. Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: Dobrosvet Publ., 2000. 387 p.
14. Churin V.V., Ostroukh A.V., Podberezkin A.A. Ispol'zovanie komp'yuternykh trenazherov dlya podgotovki rabochikh dorozhno-stroitel'nykh professiy [The use of computer simulators for training of workers of road construction professions]. *Molodoy uchenyy*, 2011, no. 4, vol. 3, pp. 28–29.
15. Yugay I.I. *Komp'yuternaya igra kak zhanr khudozhestvennogo tvorchestva na rubezhe XX–XXI vekov*: dis. kand. iskusstvedeniya [Computer game as a genre of art at the turn of the 20th and 21st centuries. Art History Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2008. 226 p.
16. Maksimov A.P., Ivanov I.P. Sozdanie i primeneniye obuchayushchikh komp'yuternykh igr v vuze MVD Rossii [Creation and application of educational computer games in a higher school of the Russian Ministry of Internal Affairs]. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2011, vol. 1, no. 20, pp. 102–106.
17. Perevozchikova M.S. Sozdanie komp'yuternoy igry – effektivnyy instrument samoobrazovaniya [Creating a computer game as an effective tool for self-education]. *Informatika i obrazovanie*, 2009, no. 11, pp. 115–116.
18. Kitayskikh zaklyuchennykh zastavlyali zarabatyvat' virtual'nye den'gi v World of Warcraft [Chinese prisoners were forced to earn virtual money in the World of Warcraft]. *Lenta.Ru*. Available from: <http://lenta.ru/news/2011/05/26/chinesefarm>. (Accessed: 23rd August 2014).
19. Lietaer B. *Budushchee deneg: novyy put' k bogatstvu, polnotsennomu trudu i bolee mudromu miru* [The future of money: how new currencies create wealth, work and a wiser world]. Translated from English. Moscow: AST Publ., 2007. 493 p.

Received: 16 December 2014

ФОРМИРОВАНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИЧЕСТВА – ОТВЕТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА НА ВЫЗОВ СЕТЕВОГО ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОГО ОБЩЕСТВА

Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 14-13-70004 «Корпоративная культура классического университета: роль в формировании профессиональной и личностной идентичности выпускника».

Поднимается вопрос об актуальности формирования корпоративной культуры современного университета, которая бы отвечала требованиям сетевого информационно-коммуникативного общества, продуктами которого являются коммуникативная рациональность и коммуникативное знание. Ввиду того что коммуникативная рациональность, выступающая, прежде всего, как рациональность сотрудничества, предполагает развитие сетевых субъектных структур, в качестве актуального современным реалиям типа корпоративной культуры рассматривается корпоративная культура сотрудничества. Именно она, по мнению автора, способна обеспечить продуктивное знаниепорождающее организационное взаимодействие в исследовательском университете.

Ключевые слова: университет; коммуникативное знание; коммуникативная рациональность; сетевое информационно-коммуникативное общество; корпоративная культура; сотрудничество.

Современный университет, которому суждено действовать в условиях неопределенности (Р. Барнетт) и даже сверхсложности (З. Бауман), вынужден переходить от «статичного» статуса «знающей» организации, приверженной одному пути, основывающейся на предсказуемости и контролируемости внешней среды, к «динамичному» статусу организации «обучающейся», для которой характерно развитие и совершенствование любого опыта для более успешной деятельности в меняющихся условиях. Сегодня университет не может не быть саморазвивающейся средой, обучающейся организацией, если он хочет отвечать требованиям, предъявляемым новой социальной реальностью общества знаний. Способность к непрерывному обучению становится основной организационной характеристикой в таком обществе. При этом основой обучающихся организаций выступает менеджмент-обучение, базирующийся на управлении знаниями как основным ресурсом организации. Именно этот вид современного управления может дать в условиях общества знаний ключевое конкурентное преимущество. Особую значимость здесь имеют новые знания, а также умение их производить и воплощать в ту или иную форму для удовлетворения потребностей, т.е. воплощать в инновации.

Однако пренебрежение онтологическими основаниями знания в пользу сохранения структурно-функциональных категорий университета вряд ли обеспечит полноценное использование знаниевого ресурса в его инновационном потенциале. Выработка постнеклассического «методологического интерфейса» управления, в основе которого лежит управление знаниями, исходит, прежде всего, из специфики онтологических оснований современного знания, напрямую зависящих от процессов информатизации.

Современное знание приобретает коммуникативную форму в силу невозможности его фиксации в завершенном виде – «текущая» реальность, сформированная информационными потоками, не может быть «схвачена» раз и навсегда сформированным знанием, она может лишь распасться в своем калейдоскопиче-

ском отражении в субъективностях – носителях знания. Формирование же знания, приближающегося к возможному «схватыванию» реальности, обеспечивается условиями пересечения субъективных когнитивных практик за счет интерперсонального взаимодействия. Знание по согласию или взаимной договоренности формируется не за счет объединения знаний субъектов, а как сложный синтез разнообразных познавательных оценок. Оно, таким образом, предстает не суммой общепринятых истин, а совокупностью практик, включающих в себя процедуры наблюдения, изучения, расшифровки, регистрации и принятия решений.

Интерперсональное знаниепорождающее взаимодействие обеспечивается информационными сетями, получившими сегодня столь широкое распространение. По мнению М. Кастельса, именно «морфология сети хорошо приспособлена к растущей сложности взаимодействий и к непредсказуемым моделям развития, возникающим из творческой мощи таких взаимодействий» [1. С. 59]. Каноны изложения знания и представления знаний в информационно-коммуникативных технологиях кардинально меняются. Происходящая виртуализация текста подразумевает, что «каждый может “дополнить” виртуально пространство текста своим текстом, изменив прежние тесты и осуществив тем самым свой “ход” в этой языковой игре. Ложен или истинен этот ход – продемонстрирует другой участник этой коммуникации» [2. С. 94]. Отсутствие в сети центра, способного транслировать знание в его неизменной форме, возможность пользователей коммуникативных сетей самостоятельно участвовать в «достройке» знания формируют такую черту современного знания, как самоорганизация: знания приобретают социальный характер, рождаясь из интерперсонального взаимодействия. Реальная картина мира не удерживается индивидуальным субъектом и требует для её удержания не традиционной линейной связи, а развитых сетевых субъектных структур.

Таким образом, сеть и «живущее» в ней знание становятся эпистемологическими категориями совре-

менности. Сетевая логика нужна сегодня для «структурирования неструктурированного при сохранении в то же время гибкости, ибо неструктурированное есть движущая сила новаторства в человеческой деятельности» [1. С. 59]. Социальные акторы, являясь компетентными носителями знания, выраженного в совокупности культурных форм, моделей или кодов, вступают в продуктивное взаимодействие на основании реализации принципа сетевого индивидуализма, строя свои сети, онлайн-овые и офлайн-овые, основываясь на собственных интересах, ценностях, склонностях и проектах и «приватизируя» социальность. Специфические индивидуалистские черты сети есть проявление индивидуализма, характерного для западного менталитета, присущего родине сети. Сеть провозглашает начало эпохи индивидуалистов, а вместе с тем обозначенная нами специфика онтологии современного знания указывает на то, что в обществе знаний «выживут» те, кто умеет сотрудничать: «Постмодернизм осмысливает мир в категориях сетей, отношений, взаимодействия, обратной связи слов и поступков, где уже нет отдельного деятеля, а есть, скорее, всеобщее делание, за которое ответственны все члены корпорации» [3. С. 96].

Важнейшей характеристикой сетевой коммуникативной среды является возможность соединения и способность к взаимодействию. Коннективность (connectivity) становится культурным макроиндикатором сети. Свободное взаимодействие индивидов есть дискурс, в котором индивидуальность не подавляется, а напротив, проявляется во всем ее богатстве, здесь субъект предстает как «переменная и сложная функция дискурса» (М. Фуко). Дискурс предполагает взаимодействие «конкретно-индивидуальных неповторимых миров действительно поступающих сознаний, из которых, как из действительных реальных слагаемых, слагается и единое-единственное бытие-событие» [4]. В таком взаимодействии индивид передает свои взгляды и ценностные представления, проявляет чувственные впечатления. Коммуникативно-дискурсивное поведение принципиально субъект-субъектно и, предполагая принятие другого в качестве самодостаточной ценности, исключает какие бы то ни было цели, помимо самого акта своего осуществления. Будучи коммуникацией целе-формирования и целесообразного коллективного творчества, дискурс предполагает такие «интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется интересубъективным признанием притязаний на значимость» [5. С. 91]. Такие притязания представляют собой воплощенные в высказываниях знания.

Согласие относительно значимости выраженного в высказываниях знания достижимо на основании взаимопонимания, и хотя стремление к взаимопониманию, с точки зрения Ю. Хабермаса, спонтанно формируется в стихии естественного языка, все же возникают вопросы: что заставляет одного участника взаимодействия отвечать на речевые действия другого, участвовать в его намерениях, быть готовым принять его требования? Каким образом можно привести к диалогу позиции, не имеющие, на первый взгляд, об-

щего знаменателя? Как осуществить их конструктивное взаимодействие и при этом избежать как догматизма, так и беспринципного релятивизма? Таким образом, коммуникативная рациональность, констатируя гетерогенность познавательных позиций, предполагает проектно-конструктивный характер – показателем рациональности является показатель конструктивной работы в пространстве коммуникативно различных познавательных позиций, а значит, необходима выработка организационных принципов взаимодействия.

Для обеспечения процесса генерации знаний организации, берущие за основу общей стратегии управления управление знаниями, все больше внедряют технические и технологические инструменты сетевого взаимодействия. Однако увлечение технологиями часто приводит к тому, что социальным и организационным процессам, благодаря которым знания различными способами объединяются, взаимодействуют, уделяется слишком мало внимания. Вместе с тем современные задачи управления требуют перейти от «правильного действия» к умению «делать то, что правильно» [3. С. 98]. В контексте университетского образования это означает, что сегодня необходимо формировать не столько специалиста, в полной мере владеющего знаниями своей профессиональной области, сколько человека, способного самостоятельно формировать знание. Эта задача современного управления означает понимание самого изначального импульса знания порождающего действия. При этом в силу изменения роли субъекта в поле знания становится очевидным, что все большее значение должны приобретать социальные аспекты управления. Учитывая также, что коммуникативная рациональность предстает как процесс выработки целостных культурных смыслов в единстве когнитивного, морального и эстетического суждений, все большее значение в плане организационного управления должно отводиться корпоративной культуре.

Корпоративная культура может рассматриваться как сложный комплекс предположений, бездоказательно принимаемый всеми членами конкретной организации, задающий общие рамки поведения, принимаемые большей частью организации, и проявляющийся в философии и идеологии управления, ценностных ориентациях, верованиях, ожиданиях, нормах поведения [6]. Она, таким образом, воплощая ценности и стандарты, которые руководят поведением людей, регламентирует это поведение и дает возможность прогнозировать поведение человека в критических ситуациях. Характеризуя среду деятельности сотрудников организации, корпоративная культура является основой формирования социального капитала организации – связей между людьми и зависящих от них норм доверия и поведения, которые создают механизм социального взаимодействия. Социальный капитал заключается в способности людей составлять друг с другом некую общность, тем самым содействуя обмену информацией, коллективному принятию решений, коллективным действиям, связывает воедино знания индивидов.

Роберт Патнэм определяет социальный капитал как «деятельность социальной организации, такой как социальные сети, нормы и социальное доверие, направленные на развитие координации и сотрудничества на взаимовыгодных условиях» [7. С. 116]. При этом автор проводит различие между капиталом «связывающим» и капиталом «объединяющим». Первый имеет отношение к родственным и дружеским связям, такой социальный капитал не участвует в стимулировании экономического роста. Объединяющий же социальный капитал базируется на доверии, построенном между просто знакомыми людьми. «Связывающий социальный капитал представляет собой некое подобие социального суперклея, а то время как объединяющий общественный капитал – социологический вариант WD-40¹» [8. С. 23]. Подобную метафору находим у Ф. Фукуямы в отношении доверия: «Доверие играет роль своеобразной “смазки”, позволяющей группе и организации функционировать более эффективно» [9. С. 129]. Такая созвучность не удивительна, ведь сегодня проблема формирования социального капитала предстает в тесной взаимосвязи с феноменами сотрудничества и доверия. При этом «объединяющий» социальный капитал, содержащий в себе потенциал знаниепорождающей деятельности, есть цель формирования корпоративной культуры особого типа – корпоративной культуры сотрудничества. Цель культуры, где на место технологий соперничества ставятся технологии сотрудничества, – поощрять людей делиться своим мнением и знаниями.

Коммуникативная рациональность, в основе которой лежат достижения консенсуса посредством свободного дискурса, в целом выступает как рациональность сотрудничества. Именно сотрудничество, в отличие от соперничества, которому отводилась ведущая роль в индустриальном обществе, становится основной моделью взаимодействия, которое претендует на продуктивность в современном, постиндустриальном, обществе. Обращение к вопросу сотрудничества содержит потенциальную возможность ответа на вопрос о том, как участники дискурса приходят к согласию относительно того, какие способы коммуникации, какие смыслы и связанные с ними действия признавать рациональными. Таким образом, коммуникативная рациональность, в отличие от стратегической, есть рациональность сотрудничества, а не эксплуатации, ведь в коммуникативном действии действия вовлеченных агентов скоординированы не эгоцентрическими исчислениями успеха, а стремлением достижения взаимопонимания. Корпоративная культура, таким образом, должна обеспечить преодоление разумного эгоизма как модернистской морали с приоритетом личных интересов субъекта над любыми другими общественными или субъективными интересами, позволяющей субъекту самому решать, что есть благо, в пользу сознательного альтруизма как новой, постмодернистской, морали.

М. Кастельс [1] задается вопросом о том, что связывает сети, и приходит к выводу о том, что сетевая форма организации должна иметь свое собственное культурное измерение – «этический фундамент сете-

вого предприятия», «дух информационализма²». Такое культурное измерение характеризуется как «культура эфемерного, культура каждого стратегического решения, скорее лоскутное одеяло, сшитое из опыта и интересов, чем хартия прав и обязанностей». «Лоскутное одеяло» в корпоративном масштабе как личностные проекции участников процесса обмена знаниями в качестве основания для взаимодействия рассматривает, прежде всего, корпоративную культуру сотрудничества. Культура сотрудничества, или коллаборативная культура³, – это культура, подразумевающая веру в то, что сотрудничество является лучшим способом достижения поставленных целей. Такая культура признает гетерогенность сообщества, то, что его члены обладают разными личностными знаниями и когнитивными практиками, что, в свою очередь, определяет их подход к участию в сотрудничестве.

Сотрудничество есть способность людей вместе работать для достижения общих целей [10], это способ разрешения проблем, при котором учитываются потребности и интересы каждой из сторон и находится взаимно удовлетворяющее решение [11]. «При коммуникативных предпосылках вовлекающего и непринужденного дискурса между свободными и равными участниками каждый обязан переноситься в перспективу, а тем самым и в само- и миропонимание всех других участников дискурса: из этого скрещения перспектив строится идеально расширенная “Мы-перспектива”», – пишет Ю. Хабермас [5. С. 58].

Сотрудничество подразумевает взаимное доверие между членами сообщества – доверие является залогом непринужденного взаимодействия его членов. Первым, кто сделал смелую и далеко идущую попытку ограничить традицию скептицизма в научном познании в пользу доверия, был М. Полани («Личностное знание: На пути к посткритической философии»). Сама по себе экспликация научного результата у М. Полани есть выражение уверенности исследователя в истинности своих пропозиций, при этом он бессознательно рассчитывает на доверие со стороны своих коллег, сообщества, в которое он входит. Без такого доверия никакие аргументы не будут убедительны. Не существует чисто формальных методов убеждения. Необходимо поверить тому, что утверждается. Вера является источником знания (М. Полани) [12]. Фрэнсис Фукуяма [13] отмечает, что в обществах с низким уровнем доверия сетевая форма организации может привести к параличу и бездействию. Именно на доверии основывается «объединяющий» социальный капитал – оно является его необходимым условием, а сам социальный капитал выступает как форма существования доверия.

Таким образом, коллаборативная корпоративная культура, или культура сотрудничества, с точки зрения управления знаниями и построенной на ее основе стратегии управления в современном университете как обучающейся организации должна рассматриваться в качестве приоритетной. Культивируемая в ее рамках этика социального взаимодействия способна повысить уровень обмена знаниями за счет усиления

открытости в университетском сообществе, что имеет исключительное значение для образовательной ин- ституции в условиях сетевого информационно- коммуникативного общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сокращение от англ. «*Water Displacement – 40th Attempt*» – торговая марка известного аэрозольного препарата. Входящее в состав минеральное масло, оставаясь на любой поверхности, обеспечивает смазку и долговременную защиту от влаги.

² Информационализмом М. Кастельс называл способ развития человеческой цивилизации, основным источником которого является генерирование знаний, обработка информации и символической коммуникации. «Специфическим для информационного способа развития является воздействие на знание как главный источник производительности» [1. С. 39].

³ Collaboration (англ.) – сотрудничество, участие, совместная работа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ., под науч. ред. О.И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
2. Актуальные проблемы философии науки / отв. ред. Э.В. Гирусов. М. : Прогресс-Традиция, 2007. 344 с.
3. Малавин В. Китай управляемый. Старый добрый менеджмент. Сер. Формы правления. М. : Европа, 2005. 304 с.
4. Бахтин М.М. К философии поступка. URL: [http:// www.philosophy.ru/library/bahtin/post.html](http://www.philosophy.ru/library/bahtin/post.html) (дата обращения: 30.05.2014).
5. Хабермас Ю. Примирение через публичное употребление разума. Замечания о политическом либерализме Джона Роулса // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 58.
6. Базаров Т.Ю. Корпоративный имидж: технологии формирования для максимального роста бизнеса. М. : Эксмо, 2008.
7. Хау Дж. Краудсорсинг: коллективный разум как инструмент развития бизнеса. М. : Альпина Паблишер, 2012. 288 с.
8. Putnam Robert D. Bowling alone. Simon and Schuster. 2010. 544 p.
9. Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М. : Московская школа политических исследований, 2002. С. 129–148.
10. Мацумото Д. Психология и культура. СПб. : ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002. 416 с.
11. Вердербер Р., Вердербер К. Психология общения. СПб. : ПРАЙМ ЕВРОЗНАК, 2003. 320 с.
12. Гитнер Г. Риск и ответственность субъекта коммуникативного действия. М. : Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2008. 248 с.
13. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М. : АСТ, 2004. 730 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 08 января 2015 г.

FORMATION OF COLLABORATIVE CORPORATE CULTURE: THE RESPONSE OF THE RESEARCH UNIVERSITY TO THE CHALLENGE OF THE NETWORK INFORMATION-COMMUNICATION SOCIETY

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 78–82. DOI 10.17223/15617793/392/13

Stakhovskaya Yulia M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: juliastahovsky@sibmail.com

Keywords: university; communicative knowledge; communicative rationality; network communication-information society; corporate culture; collaboration.

The Modern University, carrying out its activity in the Network Information-Communication Society, is forced to review existing management approaches. As knowledge is becoming the main organizational resource, organizational management based on knowledge management is becoming a priority. The development of a new "interface" of management is based on the specific ontological foundations of modern knowledge, directly dependent on the processes of informatization. The formation of information-communication space as a result of informatization presupposes a network as the main model of any social interaction, including interaction with knowledge. Network and in-network knowledge become epistemological categories of today. The most important characteristic of the network communication environment is connectivity and ability to interact. Connectivity becomes a cultural macro-indicator of the network. The lack of the network center capable of transmitting knowledge in its unaltered form and the ability of users of communication networks to independently participate in the "completion" of knowledge form such a trait of modern knowledge as self-organization: knowledge acquires social nature, developed from interpersonal interaction. The real picture of the world is no more held by an individual subject and needs a developed network of subject structures instead of traditional linear relationship. The development of subjective network structures is provided firstly by social aspects of management, not technical tools of networking. Corporate culture can be considered as the most important aspect. Communicative rationality, which is based on consensus reached during free discourse, acts as the rationality of cooperation. In this regard, collaborative corporate culture is considered as an element of management responding adequately to the specifics of the Network Information-Communication society because it is cooperation, not competition, that encourages people to share their opinions and knowledge with each other.

REFERENCES

1. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information Age: Economy, Society and Culture]. Translated from English. Moscow: HSE Publ., 2000. 608 p.
2. Girusov E.V. (ed.) *Aktual'nye problemy filosofii nauki* [Topical issues of philosophy of science]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2007. 344 p.
3. Malyavin V. *Kitay upravlyaemyy. Staryy dobryy menedzhment* [China managed. Good old management]. Moscow: Evropa Publ., 2005. 304 p.
4. Bakhtin M.M. *K filosofii postupka* [Toward a Philosophy of the Act]. Available from: <http://philosophy.ru/library/bahtin/post.html>. (Accessed: 30th May 2014).

5. Habermas J. Primirenie cherez publichnoe upotreblenie razuma. Zamechaniya o politicheskom liberalizme Dzhona Roulsa [Reconciliation through the public use of reason. Remarks on John Rawls's political liberalism]. *Voprosy filosofii*, 1994, no. 10, pp. 58.
6. Bazarov T.Yu. *Korporativnyy imidzh: tekhnologii formirovaniya dlya maksimal'nogo rosta biznesa* [Corporate image: formation technology for maximum business growth]. Moscow: Eksmo Publ., 2008.
7. Howe J. *Kraudsorsing: kollektivnyy razum kak instrument razvitiya biznesa* [Crowdsourcing: collective intelligence as a tool for business development]. Moscow: Al'pina Publisher Publ., 2012. 288 p.
8. Putnam RD. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster; 2000. 544 p.
9. Fukuyama F. *Sotsial'nyy kapital* [Social capital]. In: Harrison L., Huntington S. (eds.) *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu* [Culture Matters. How Values Shape Human Progress]. Moscow: Moscow School of Political Studies Publ., 2002, pp. 129–148.
10. Matsumoto D. *Psikhologiya i kul'tura* [Psychology and Culture]. St. Petersburg: PRAYM-EVROZNAK Publ., 2002. 416 p.
11. Verderber R., Verderber K. *Psikhologiya obshcheniya* [Communication Psychology]. St. Petersburg: PRAYM EVROZNAK Publ., 2003. 320 p.
12. Gutner G. *Risk i otvetstvennost' sub'ekta kommunikativnogo deystviya* [Risk and responsibility of the subject of a communicative act]. Moscow: St. Filaret Orthodox Christian Institute Publ., 2008. 248 p.
13. Fukuyama F. *Doverie. Sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity]. Moscow: AST Publ., 2004. 730 p.

Received: 08 January 2015

БЫТИЕ СОЦИАЛЬНОГО В СТРУКТУРАХ «ЗЛОВЕЩЕГО»: ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассматривается понятие «зловещее» в связи с проблематикой социального бытия в аспекте герменевтической онтологии. Семантический анализ немецкого слова *unheimlich* (зловещее, жуткое) позволяет строить рассуждения о зловещем как о чем-то тайном, скрытом, что было внутренним, «своим», но подверглось вытеснению и стало внешним, «чужим» (отчужденным). Зловещее есть эффект «возвращения вытесненного». В категориях субъекта и объекта зловещее понимается как результат объективации субъективности: «пустое место» (*unheimlich*) элиминированной субъективности начинает работать как фантазматическое пространство, продуцирующее конспирологические мифы о тайных социальных силах, структурирующих социальное бытие в соответствии с неким зловещим замыслом.

Ключевые слова: зловещее; зло; социальное бытие; мышление; субъективность.

Понятие «зловещее» традиционно относится к области человеческой психологии и исследующих ее психологических наук, отсылая к сфере человеческих аффектов, чувств. В некоторых случаях происходит обращение к теме зловещего также в рамках этики и эстетики. В данной статье предпринимается попытка обозначить подступы философской рефлексии к этому понятию в дискурсе социальной онтологии – в той ее части, которая имеет дело с проблемой бытия социального зла.

Проблема зла является сквозной для западноевропейской философии, представляя собой способ самоопределения бытия в конструктах негативной дискурсивности [1. С. 3]. Зло понимается здесь как чистое отсутствие, нехватка бытия, как «зло не-бытия» [Там же. С. 8]. Сама метафизика имеет, по мнению М. Хайдеггера, сущностное отношение к данной проблематике, поскольку отсылает к такому исследованию, которое выходит (мета, trans) «за» пределы сущего как такового, в сферу Ничто. Ничто, пишет М. Хайдеггер, открывается человеку в фундаментальном настроении ужаса, в котором нам делается жутко. Хотя ужас и есть ужас перед чем-то, но не перед конкретной вещью. Следовательно, ужас сталкивается с чем-то неопределенным. «Что делает себя жутким?» – задается вопросом М. Хайдеггер [2. С. 21].

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к работе З. Фрейда «Unheimlich» («Жуткое», «Зловещее») [3]. Зловещее (или жуткое), как полагает Фрейд, связано с тем, что вызывает испуг, страх или ужас. З. Фрейд пытается выявить своеобразное ядро, которое позволило бы распознать зловещее в рамках всего того, что вызывает страх. Анализ того, что вызывает чувство жуткого, приводит З. Фрейда к выводу, что жуткое (зловещее) – «это та разновидность пугающего нас, которая имеет начало в давно известном, в давно привычном» [3. С. 352]. Для объяснения, каким образом привычное может обратиться в жуткое, З. Фрейд обращается к различным значениям этого слова в немецком языке. Слово «unheimlich» противопоставляется (за счет отрицательной приставки un-, «не») слову «heimlich», имеющему такие значения, как «уютное», «родное», «привычное». Следовательно, жуткое есть то, что нам незнакомо и непривычно. Однако не все новое и непривычное производит эффект жути, поэтому З. Фрейд пытается выйти за пре-

делы тождества жуткое = незнакомое в поисках того недостающего «элемента», который превращает незнакомое и непривычное в жуткое. Значение heimlich коннотирует широкий спектр смысловых ассоциаций, связанных уютом и привычностью домашней обстановки, внутреннего домашнего пространства, вызывающего чувство спокойного благополучия и надежной защиты. Вместе с тем в этимологическом родстве со словом «heimlich» стоят слова «Geheim» («потайное») и «Geheimnis» («тайна»). Из «родного», «домашнего» развивается понятие «скрытое от чужого взгляда», «сокровенное», «тайное» («heimlich»). В ходе языковых изысканий З. Фрейд приходит к выводу, что слово «heimlich» относится к двум семантическим полям, которые, не являясь противоположными, все же довольно далеки друг от друга: представление о привычном и уютном (приятном) и представление о скрытом и тайном. «Жуткое» употребляется в качестве противоположности только к первому значению, а во втором значении они совпадают (heimlich = unheimlich). В конечном счете З. Фрейд прибегает к наиболее удовлетворительному, по его мнению, определению, которое дал жуткому (зловещему) Ф. Шеллинг: «Жутким называется все то, что должно было оставаться тайным, скрытым, но вышло наружу» [Там же. С. 375]. В свете данного Ф. Шеллингом определения З. Фрейд предлагает сделать вывод, что жуткое (зловещее) связано с возвращением вытесненного, которое навязчиво повторяется: «...словоупотребление смогло превратить слово “скрытое” в свою противоположность – “жуткое”, ведь это жуткое на самом деле не является чем-то новым или посторонним, а стало чем-то давным-давно привычным для душевной жизни, что было отчуждено от нее исключительно в результате процесса вытеснения» [Там же. С. 376].

Соотношение heimlich / unheimlich может рассматриваться, на наш взгляд, как соотношение между имманентным (внутренним) и трансцендентным (внешним), субъективным и объективным. Тогда определение жуткого (зловещего), сформулированное З. Фрейдом, может быть истолковано в качестве объективации субъективности. Иными словами, вытесняется именно субъективность, которая затем начинает призрачно предъявляться как «возвращение вытесненного» в структурах объективности. Heimlich есть

то, о чем М. Хайдеггер говорит как о языковом доме бытия (Heim – «дом», «обитель», «общежитие»), в жилище которого обитает человек. Предикат мышления является сущностным в определении человека как мыслящего существа (animal rationale). Поэтому единственным прибежищем человека, его домом может быть только мышление. Это находит отражение в принципиальном положении фундаментальной онтологии о тождестве бытия, языка и мышления (бытие = язык = мышление). Если рассматривать unheimlich как нечто внешнее, трансцендентное, объективное («существуют вещи вне нас» – исходная установка объективизма), то зловещее следует понимать как зло вещей (проклятая сторона вещей, по словам Ж. Бодрийера), за которым скрывается «зло-Вещь». Для обозначения ужасающе-травмирующей реальности Абсолюта З. Фрейд использует понятие «das Ding», «Вещь». Как отмечает Ф. Лаку-Лабарт, проблематика сверхсущего Абсолюта в рамках западной метафизики выступала как традиция возвышенного, которая всегда сталкивалась с фундаментальным парадоксом онтологии: это скрытая сверхчувственная Реальность, проявляющаяся в чувственной реальности. Отсюда следует, что структура возвышенного всегда противоречива. В возвышенном появляется, причем самым брутальным образом (отсюда метафоры молнии, взрыва, ошеломления и т.д.), то, что не должно было бы появиться вовсе, точнее, то, что не должно быть способным к появлению. Возвышенное высоко, ужасающе, грандиозно и т.д., поскольку оно, прежде всего, необыкновенно, экстраординарно. В посткантовской традиции, от Гёльдерлина и Ф. Шеллинга до М. Хайдеггера, значение возвышенного переходит к словам «unheimlich» и «ungeheuer» (экстраординарное в смысле непривычного, незнакомого, странного), которые восстанавливают всю силу понятия, связывая его с греческим deinon: чудесный, удивительный, но также – и прежде всего – чудовищный, монструозный, т.е. показывающий то, что не должно быть показано [4].

Эта Вещь всех вещей является таким Объектом желания, который удален на дистанцию бесконечности от субъекта. Поскольку этот Абсолютный объект принципиально недостижим, постольку эта Вещь оказывается травматическим ядром субъективности, выступая тем самым в качестве ее структурирующего основания, или «места» структурирования. Существование этого «места» носит парадоксальный характер, так как, с одной стороны, оно находится «в» субъективности как ее сущность, т.е. является внутренним, имманентным, с другой стороны, в качестве Вещи оно является трансцендентным, внешним и недостижимым горизонтом желания.

Любой конкретный объект в поле зрения субъекта является неточной, неполной версией Объекта, Вещи. «Когда смотрят на маленькую вещь, тогда на самом деле на смотрящего из другого места “смотрит” Вещь. Поскольку она “смотрит” из каждой вещи, постольку возникает недостижимый горизонт Вещи, которая всегда держит смотрящего в фокусе своего взгляда. Смотриющий субъект становится объектом для “взгля-

да” Вещи, которую он никогда не видит. Существование невидимой Вещи образует сферу не-видимости, которая оказывается сферой видимости субъекта как объекта “видения” Вещи. Эта сфера как область невидимого существует как чистый “взгляд”. Он принадлежит только самой Вещи. Смотриющий субъект “лишен” взгляда. <...> Поскольку она отовсюду “смотрит” на субъекта, он всегда находится под ее “взглядом”, являясь бытием-под-взглядом, постольку можно говорить о том, что она совпадает с инстанцией абсолютного контроля...» [5. С. 80–81]. Примечательно, что З. Фрейд в качестве примера жуткого, зловещего берет новеллу Гофмана «Песочный человек», связанную с мотивом похищения глаз. Объективированный в социальном пространстве взгляд порождает параноидальную Obsессию, вращающуюся вокруг наличия скрытых сил – неких тайных организаций, осуществляющих тотальное наблюдение (фантазм «всевидящего ока») и управление обществом в своих зловещих интересах: «Так, неизвестный “заговор масонов” есть не что иное как “эффект” реальности, который порождается самой этой реальностью, но не признается в качестве продукта или существования самой системы. Этот “след” выделяется и присваивается как принадлежащий скрытой Реальности “мирового еврейства”. Он начинает функционировать как “эффект” поверхности системы “мирового еврейства”, или “мирового еврейского господства”, или “мирового заговора”, где существуют “протоколы сионских мудрецов” и т.д.» [Там же. С. 40].

Трансцендентализация (объективация) оснований системы социального знания связана с элиминацией («вытеснением») мыслящего (рефлектирующего) субъекта, «пустое место» которого порождает эффект unheimlich (место, по Аристотелю, – это то, что остается после того, как вещь перемещена или перестала существовать). Говоря метафорическим языком, это место отсутствующего субъекта – пустой дом, который, будучи теперь обозначением внешнего пространства, становится зловещим местом, скрывающим какую-то страшную тайну (собственно, дом с привидениями – это пространство п(р)оявления «призрачной» (отчужденной) субъективности). Поскольку точка мыслящего «Я» в потоке существования является точкой самообнаружения существования, предвещающей рефлексивное тождество мышления и бытия, постольку отказ от мышления в акте его объективации с необходимостью сопровождается также и нигилизацией бытия: бытие = не-бытие, или Heimlich = unheimlich. Согласно Р. Барту, там, где кончается смысл, сразу же начинается миф. Означающее в мифе «присутствует в своей пустоте, а смысл – отсутствует в своей полноте» [6. С. 249]. Объективация смысла социального бытия порождает фантазм (миф) скрытого смысла, обладание которым приписывается неким зловещим силам, контролирующим общество.

Как отмечает Ж. Лакан в своем семинаре «Тревога», ужасное, тревожное, подозрительное, т.е. все то, что соответствует немецкому unheimlich, всегда представлено неким подобием окон-отверстий. Случай дома с привидениями прекрасно иллюстрирует, как

эта пустая поверхность – пространство фантазии – работает как экран для проекции желаний: завораживающее присутствие его содержания всего лишь заполняет некую пустоту. «Тревога, – пишет Ж. Лакан, – возникает тогда, когда появляется в рамке то, что, будучи изначально налицо, пребывало в непосредственной близости, можно сказать, дома, Heim. Это хозяин, скажете вы. И будете, в каком-то смысле, совершенно правы – бесцеремонно возникающая фигура неведомого хозяина действительно тому, с чем вы сталкиваетесь в unheimlich, очень близка, но сравнение это все же остается неточным. Как свидетельствует сам французский язык, где хозяин (hote) и враждебный (hostile) одного корня, фигура хозяина в значительной мере заранее ожиданием подготовлена» [7. С. 95]. Таким образом, враждебное заранее накладывает на хозяина свою печать: теперь это уже не своя, домашняя (heimlich) фигура, не обитатель дома, а принятый в него враг, которого удалось умиротворить и улестить. «Домашнее, Heim, причастно тайне, Geheimnis. Не пройдя через сети и закоулки признания, оно так и осталось неодомашенным, чуждым, unheimlich, не столько “не жилым”, сколько “не жильцом”, не столько непривычным, сколько необитаемым. Появление в рамке этого heimlich и есть то, что мы называем тревогой, – вот почему нельзя говорить, будто объекта у тревоги нет» [Там же].

Образцовой схемой здесь служит опыт радикального, или метафизического, сомнения Р. Декарта, в котором появляется демоническая фигура Бога-обманщика, а весь кажущийся мир предстает как результат Его злого умысла [8. С. 338]. Радикальное сомнение Декарта и вытекающая из него гипотеза «злокозненного гения» (le malin genie) являются метафизической моделью всех конспирологических взглядов на происхождение социального зла. Конспирология образует саму суть метафизики как подозрительно-недоверчивого отношения к чувственно воспринимаемой реальности. Будучи теорией двух миров, метафизика утверждает иллюзорный характер явленности, которая представляет собой всего лишь «игру теней» (метафора из «притчи о пещере» у Платона), порождаемую истинной реальностью неких скрытых сил или сущностей. Конспирологический подход в сфере социального бытия реализуется в рамках различных теорий заговора, основывающихся на совокупности гипотез, в соответствии с которыми социальные явления предстают как результат злонамеренных действий тайной группы лиц, осуществляющих управление социально-историческим процессом согласно некоему зловещему замыслу.

Объективированная субъективность начинает зловеще предъявляться как «возвращение вытесненного» в виде «проклятой стороны вещей». Речь идет об анимализации вещей, когда в вещах вдруг обнаруживается некая «одухотворенная» скрытая сила, несущая угрозу человеку. В продукции массовой культуры это популярные нарративы о восстающих против человечества машинах, оживающих куклах и пр. Эффект жуткого здесь связан именно с тем обстоятельством, что где-то внутри этих объектов имеется некое под-

бие живого разума, мышления, представляющих опасность для существования человека [9]. На пределе полной объективации мы сталкиваемся со скрытой субъективной силой, с «тёмным богом», требующим жертв. Тогда бездушный автоматизм уже начинает проявляться в самих человеческих действиях. В этом случае жуткое – это проявление какого-то непристойно-нечеловеческого автоматизма за фасадом человеческого способа бытия (как, например, созерцание бьющегося в конвульсиях эпилептика, производящего жуткое впечатление дергающейся безжизненной марионетки). И. Кант в порядке мысленного эксперимента в «Критике практического разума» изображает картину того, что было бы с нами, если бы мы имели прямой доступ к сфере ноуменального: непосредственное созерцание Бога и вечности в их грозном величии превратило бы поведение людей в марионеточный механизм [10. С. 547–548]. Именно поэтому С. Жижек справедливо переворачивает традиционную формулу, согласно которой «Если Бога нет, дозволено все». Его формула имеет такой вид: «Если Бог *есть*, тогда все дозволено». Действительно, незнание божественного замысла позволяет нам приписывать ему какое угодно содержание и тем самым легитимировать самые ужасные злодеяния: «...урок сегодняшнего терроризма состоит в том, что если Бог есть, то все, даже убийство сотен невинных наблюдателей, дозволено тем, кто заявляет, что он действовал от имени Бога, в качестве проводника Его воли, поскольку, очевидно, прямая связь с Богом оправдывает нарушение нами любых “слишком человеческих” ограничений и условий. Главным доказательством этого служат “безбожные” сталинские коммунисты: им было дозволено все, поскольку они считали себя непосредственным орудием своего божества, Исторической Необходимости Движения навстречу Коммунизму» [11. С. 106]. Поэтому Ж. Лакан абсолютно прав, когда говорит о том, что, используя современный язык автоматизации и электроники, кантовский императив мог бы звучать следующим образом: «поступай лишь так, чтобы всякое твое действие могло быть запрограммировано» [12. С. 103].

Действительно, кантовская этическая формальная неопределенность состоит в том, что Закон не сообщает мне, в чем именно состоит мой долг, он просто требует от меня его безусловного исполнения. Таким образом, из самого Закона невозможно вывести конкретные нормы, которых я должен придерживаться в той или иной определенной ситуации. Объективация Закона приводит к полному отождествлению позиции субъекта со сферой ноуменальной «вещи-в-себе» (Абсолютном, Вещью), т.е. происходит своеобразное «короткое замыкание» между партикулярным и универсальным, при котором слова и поступки частного субъекта становятся выражением некой универсальной субстанции – Бога, Партии, Природы, Нации, Государства и т.п. В этом случае субъект превращается в не-человеческую фигуру дьявольского зла (именно от «дьявольского зла» как следствия своих построений И. Кант безуспешно пытался избавиться).

Таким образом, отказ от субъективности сопровождается объективацией мышления, в которой про-

исходит отождествление фундирующего понятия с гипостазированной социальной реальностью. Предполагается, что за всем существующим скрывается некое основание, которое обнаруживается, когда как бы снимаются слои существования. «Приближение к основанию сопровождается состоянием ужаса, которое разрушает существование» [5. С. 56]. Обнаруживается фигура зловещего Другого как некоего структурирующего основания. Происходит объективация собственного «злого» взгляда в фигуре «злобного наблюдателя». Миф о социальной реальности как об обманчивой видимости, сконструированной «злобным наблюдателем», инициирует тех, кто верит в этот миф, на совершение действий по разрушению реальности: «Во имя победы над злом принимаются законы и правила, которые могут в итоге стать еще большим злом. <...>

Поскольку зло – в *других*, кажется, что для победы над ним допустимо применение всяких методов» [13. С. 298]. Наша собственная субъективность обнаруживается через фигуру зловещего Другого, которым в действительности являемся мы сами, только в «овнешненном» виде. Предположение злого умысла, управляющего социальным бытием, инициирует попытки разрушить обманчивую видимость чтобы добраться до подлинной реальности «как она есть на самом деле». Однако столкновение с такой «чистой реальностью» (Вещью с большой буквы, Абсолютом) оборачивается шоком, состоянием жути, поскольку за пределами символического порядка и смысла, в котором только и может обретаться человек как у себя дома, нет ничего, кроме хаоса тотальной неопределенности и небытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колбин Д. Онтология социального зла : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ижевск : Удмурт. гос. ун-т, 2004. 15 с.
2. Хайдеггер М. Время и бытие. М. : Республика, 1993.
3. Фрейд З. Жуткое // Фрейд З. Интерес к психоанализу : сборник. Минск : Попурри, 2004. С. 349–389.
4. Лаку-Лабарт Ф. Проблематика возвышенного. URL: <http://www.abai.kz/node/1241> (дата обращения: 5.10.2014).
5. Бушмакина О.Н. Proxima: Славой Жижек. Семинары 2007–2008. Ижевск : ERGO, 2010. 144 с.
6. Барт Р. Мифологии. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 320 с.
7. Лакан Ж. Тревога. М. : Гнозис, Логос, 2010. 424 с.
8. Декарт Р. Метафизические размышления // Декарт Р. Избранные произведения. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1950. С. 319–408.
9. Яркеев А. «Зловещее» в бытии социального // Социальная онтология в структурах теоретического знания : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2012. С. 87–90.
10. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 4. 630 с.
11. Жижек С. О насилии. М. : Европа, 2010. 184 с.
12. Лакан Ж. Этика психоанализа. М. : Гнозис; Логос, 2006. 416 с.
13. Свендсен Л. Философия зла. М. : Прогресс-Традиция, 2008. 352 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 15 декабря 2014 г.

THE BEING OF THE SOCIAL IN THE STRUCTURES OF THE UNCANNY: HERMENEUTICAL ASPECT

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 83–87. DOI 10.17223/15617793/392/14

Yarkeev Aleksey V. Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

Keywords: uncanny; evil; social being; thinking; subjectivity.

The concept "uncanny" is traditionally connected with human affects, emotions and examined by psychology, sometimes by aesthetics and ethics. This article attempts to formulate a philosophical approach to the concept "uncanny" in the social ontology discourse which deals with the problem of social evil. The semantic analysis of the German word "unheimlich" (uncanny, sinister) allows to consider *uncanny* as something latent, invisible, secret that was primarily internal, "own" but was extruded, repressed and then became external, "alien". *Uncanny*, thus, is an effect of the "return of the repressed" (in terms of Freud's psychoanalysis). The opposition "heimlich / unheimlich" may be regarded as an opposition between the immanent and the transcendent, the subjective and the objective. In this case, *uncanny* can be defined as "objectivation of subjectivity". In other words, it is subjectivity that is repressed but then emerges as a "return of the repressed" in the structures of objectivity. The place of subjectivity is conceptualized as "Heim" which is, according to M. Heidegger, the language home of being for a person. People's only home is thinking because man is defined as a "thinking being". The empty place of eliminated subjectivity produces the *uncanny* effect (according to Aristotle, a place is what remains after a thing has been replaced or exists no more). This empty place begins to work as a phantasmatic space producing conspiriologal myths about invisible social forces which manipulate social reality according to their sinister project. Our own subjectivity finds itself externally in the uncanny figure of "Other" as a structuring basis. Assumption of the "uncanny Other" initiates deconstruction of the deceptive reality and finding authentic reality beyond all the constructed illusions. But facing such "pure reality" causes shock, the uncanny emotion, because there is nothing but chaos of total indefiniteness and non-being beyond the symbolic order and meaning in which a person feels like home.

REFERENCES

1. Kolbin D. *Ontologiya sotsial'nogo zla*: avtoref. dis. kand. filoz. nauk [Ontology of social evil. Abstract of Philosophy Cand. Diss.]. Izhevsk, 2004. 15 p.
2. Heidegger M. *Vremya i bytie* [Time and Being]. Translated from German. Moscow: Respublika Publ., 1993. 447 p.
3. Freud Z. *Interes k psikoanalizu* [Interest in psychoanalysis]. Minsk: Popurri Publ., 2004, pp. 349–389.
4. Lacoue-Labarthe F. *Problematika vozvyshennogo* [The issue of the sublime]. Available from: <http://www.abai.kz/node/1241>. (Accessed: 5th October 2014).
5. Bushmakina O.N. *Proxima: Slavoy Zhizhek. Seminary 2007–2008* [Proxima: Slavoj Žižek. Seminars of 2007–2008]. Izhevsk: ERGO Publ., 2010. 144 p.

6. Barthes R. *Mifologii* [Mythologies]. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh Publ., 2000. 320 p.
7. Lacan J. *Trevoga* [Anxiety]. Moscow: Gnozis, Logos Publ., 2010. 424 p.
8. Descartes R. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1950, pp. 319–408.
9. Yarkeev A. [The "uncanny" in the being of the social]. *Sotsial'naya ontologiya v strukturakh teoreticheskogo znaniya: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Social ontology in the structures of theoretical knowledge: Proc. of IV International Scientific and Practical Conference]. Izhevsk: Udmurt State University Publ., 2012, pp. 87–90. (In Russian).
10. Kant I. *Sochineniya: v 8 t.* [Works: in 8 vols.]. Moscow: Choro Publ., 1994. Vol. 4, 630 p.
11. Žižek S. *O nasilii* [On violence]. Moscow: Evropa Publ., 2010. 184 p.
12. Lacan J. *Etika psikhoanaliza* [The ethics of psychoanalysis]. Moscow: Gnozis; Logos Publ., 2006. 416 p.
13. Svendsen L. *Filosofiya zla* [A philosophy of evil]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2008. 352 p.

Received: 15 December 2014

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 786.8

Е.С. Мальцева

ОСОБЕННОСТИ ТРАКТОВКИ ЦИКЛА «ГОТИЧЕСКАЯ ТРИАДА» Р. МАКАРЕНКО

Освоение нового композиторского и исполнительского искусства в сочинениях для аккордеона региональных композиторов является актуальным: аналитическая интерпретация позволяет исполнителю совершенно иначе взглянуть на прочтение произведения. Рассматриваются творческая биография композитора Р. Макаренко, проблема соотношения новых композиторских, исполнительских, инструментальных техник на примере цикла «Готическая триада». Показаны особенности трактовки музыкального мышления Родиона Макаренко.

Ключевые слова: триада; творческая биография; композиторские, исполнительские, инструментальные техники; система оппозиций.

В XX в. поиск индивидуализации, оригинального звучания привлек внимание композиторов к не академическим инструментам. Одним из таких стал аккордеон. История аккордеона в качестве профессионального инструмента исчисляется не веками, как это было с классическими (академическими) инструментами, а десятилетиями. Согласно исследователям истории аккордеона (Н. Кравцов, М. Давидов, М. Имханицкий и др.), временем реконструкции аккордеона в современный готово-выборный многотембровый концертный инструмент являются 60-е гг. XX в.: это определяется различием клавишной клавиатуры аккордеона и кнопочной – баяна. «Готово-выборная» клавиатура, которая формировалась параллельно с правыми клавиатурами гармоник, по мнению исследователя аккордеона Н. Кравцова, представляет собой систему, не имеющую аналогов в истории инструментария. В ней соединяются возможности играть басовым регистром и неизменные (готовые) аккорды, а при необходимости перейти на свободное голосоведение в партии левой руки [1. С. 96].

С 30-х гг. XX в. репертуар аккордеонистов пополняется разнообразными и интересными по содержанию и форме оригинальными произведениями. Оригинальные произведения, т.е. созданные специально для этих инструментов, позволяют полнее отразить весь спектр технических и интонационных возможностей. Среди пьес, написанных специально для аккордеона, много произведений крупной формы: сонаты, сюиты, концерты, фантазии и т.д. Создается оригинальный репертуар, включающий произведения Ф. Рубцова, А. Холминова, Н. Чайкина, П. Лондонова, Ю. Шишакова, К. Мяскова, А. Репникова и др. Значительное место в репертуаре аккордеонистов занимали переложения произведений отечественных и зарубежных композиторов. С одной стороны, отсутствие доминирующей традиции позволяет исполнять произведения предыдущих столетий только в качестве переложения. Известно, что роль переложения классических произведений состоит в обогащении и дополнении репертуара аккордеониста [2. С. 23]. Произведения композиторов эпохи барокко (И.С. Бах, Дж. Фрескобальди), классицизма (Д. Скарлатти, А. Вивальди, Ж.Ф. Рамо, Ф. Куперен) оставляют

большое пространство для интерпретации на аккордеоне. Однако каждый раз, обращаясь к переложениям, исполнитель должен задать себе вопрос: почему эта композиция должна быть исполнена на аккордеоне, что нового я могу в ней выразить? С другой стороны, сравнительная молодость инструмента может рассматриваться как преимущество, обнаруживающее большой потенциал для создания оригинальных сочинений. Процесс интенсивных преобразований современного музыкального языка в оригинальных произведениях для аккордеона, активизировавшийся в последней трети XX в., определился новыми художественными возможностями. Расширение стилистической направленности выражается в современных композиторских техниках: сонорика (кластеры, глиссандо, шумовые эффекты и т.д.), алеаторика, двенадцатитоновость [3. С. 270]. Репертуар для аккордеона создается по многим жанровым направлениям. Новые художественные средства выразительности обусловлены расширением фактурного изложения, обновлением темброво-динамической палитры, новизной образов, интонаций. Сегодня также необходимо акцентировать внимание на освоении нового композиторского и исполнительского искусства аккордеона.

Новый пласт оригинальной музыки для аккордеона представлен творчеством композитора Родиона Макаренко¹ (1931–2012). Его сложно назвать региональным композитором. Он родился 27 апреля 1931 г. в Петропавловской области и в 1970 г. с отличием окончил Ташкентскую консерваторию (класс баяна В.М. Климова, класс композиции А.А. Берлина). В 1971–1975 гг. – и.о. доцента Кемеровского института культуры, в 1979–1983 гг. – доцент, заведующий кафедрой народных инструментов Николаевского культпросветфакультета Киевского института культуры. С 1992 г. – профессор кафедры Пермского института искусства и культуры. Его сочинения охватывают широкий круг жанров и форм оркестровой и инструментальной музыки. Родион Иванович – композитор-профессионал, который работает в направлении оркестровой музыки, в том числе и для народных инструментов. Среди сочинений этого жанра: Камерная симфония для струнного состава симфонического оркестра, Концерт для балалайки с оркестром русских

народных инструментов, Концерт для домры с оркестром русских народных инструментов. Много произведений написано композитором для аккордеона в силу того, что он сам был исполнителем-баянистом.

С 1964 г. Р. Макаренко гастролировал как солист и аккомпаниатор в Венгрии, Польше, Монголии, ГДР; дипломант Всероссийского конкурса исполнителей на народных инструментах (Москва, 2000); дипломант открытого Международного конкурса солистов и ансамблей исполнителей на народных инструментах «Учитель и ученик» (Москва, 2002). Интересным представляется обращение Р. Макаренко к крупным циклическим жанрам, где предполагается всестороннее выявление выразительных возможностей инструмента и способностей исполнителя. Перечислим некоторые из них: «Концерт-тарантелла» для баяна и фортепиано, «Концертштюк» для баяна с эстрадно-симфоническим оркестром, «Полифоническая сюита» для готово-выборного баяна, «Детская сюита» для

взрослых, «Готическая триада» для аккордеона, «Русская рапсодия» для двух аккордеонов. А также: «Четыре этюдных версии» в транскрипции, «Фронтальная тетрадь», «Волжская плясовая» для двух баянов, «Сибирская вечеринка» для двух баянов, «Уральские барабушки» (частушки) для двух баянов, «Сибирская кадрили» для квартета баянов, а также для инструментального квартета (кларнет, баян, гитара, контрабас), «Детская тетрадь» на калмыцкие темы для готово-выборного баяна, «Четыре канонических имитации» для оркестра баянов, калмыцкий танец «Шалун-би», «Музыкальный момент» для аккордеона с эстрадно-симфоническим оркестром. Кроме оригинальных произведений, много часто исполняемых транскрипций для аккордеона, в частности: румынский танец «Жаворонок», «Элегия и российское скерцо» А. Муравлева, украинская народная песня «Ехал казак за Дунай», «Венгерский танец» В. Монти.

Пример № 1. Р. Макаренко «Готическая триада»

Пример № 2. Р. Макаренко «Готическая триада»

Пример № 3. Р. Макаренко «Готическая триада»

Произведения композитора, к сожалению, недостаточно апробированы в России, его творчество ранее не являлось предметом исследования. Между тем знание Р. Макаренко основ исполнительского искусства, владение композиторской техникой составляют интересный материал для формирования образного мышления и развития техники исполнителя.

Для рассмотрения цикла «Готическая триада» (1990 / 2005) для многотембрового готово-выборного аккордеона, написанного в виртуозно-экспрессивном стиле с применением различных композиторских, инструментальных и исполнительских техник, используются музыкально-аналитические методы исследования.

Название произведения «Готическая...», по утверждению автора, имеет связь с германскими племенами – готами. Так в III–V вв. именовали европейские племена «варваров», покоривших Римскую империю. В качестве характеристики искусства начало применяться мыслителями эпохи Возрождения по отношению к средневековому искусству. Отсюда происходит термин «готика», хотя соответствующие явления к готам прямого отношения не имеют. Характерными чертами стиля готика на художественном уровне является утверждающее преобладание вертикали над горизонталью, динамики над статикой, экспрессии над покоем.

Термин «триада» (встречается в философии Платона, Прокла, И. Фихте и Ф. Шеллинга) передает структурное триединство, или динамическую трёхфазность какого-либо процесса или явления; у Г. Гегеля он становится основным диалектическим принципом развития, способом построения философской системы, где всякий процесс развития проходит три ступени: тезис, антитезис, синтез. Антитезис отрицает тезис, синтез, в свою очередь, отрицает антитезис, соединяя, однако, в себе особенности предыдущих ступеней развития. Ссылаясь на философию

триединства, Макаренко создал трехчастное произведение, где первая часть – тезис, вторая – антитезис, третья – синтез. Символическое толкование триединства в произведении ведет к множеству интерпретаций, к пониманию.

Реконструкция аккордеона, завершившаяся к 60-м гг. XX в., определила новый подход в использовании технических возможностей инструментов. Это отразилось в применении различных исполнительских приемов, связанных с современными композиторскими техниками. Актуальные поиски тембров в инструментальной практике XX в. связаны с расширением возможностей музыкальных инструментов. Появляется множество техник игры, позволяющих, с одной стороны, отождествлять звуки разных инструментов друг с другом, например, аккордеон развивает регистровую технику, с помощью которой возможно имитировать звуки разных инструментов. В «Готической триаде» регистр орган в первой части соответствует хоральному эпизоду и имитирует звучание органа: тембровые возможности музыкального инструмента становятся намного богаче. С другой стороны, наоборот, появляется возможность разделять по звучанию похожие, одинаковые инструменты или даже один и тот же инструмент (этот прием наглядно показан в Фантазии № 84 Ю. Ганцера). Благодаря творчеству современных исполнителей для аккордеона пишут многие композиторы, используя новые приемы, штрихи, артикуляцию и т.д.

Спектр сонорных эффектов в «Триаде» связан с разными исполнительскими техниками, что отражает виртуозно-колористические возможности инструмента. Так, в первой части цикла аккордовая последовательность, повторяющаяся рефреном три раза, завершается кластером *glissando* сверху вниз в левой и правой клавиатуре, как в примере 1. Элементы микрохроматики с использованием нетемперированного изменения любого звука возможны и на аккордеоне.

Этот прием используют многие современные композиторы, в том числе Р. Макаренко. Он исполняется путем плавного отпускания клавиши вместе с сильным натяжением меха. В произведении встречаются различные шумовые эффекты: удар по боринам меха правой рукой; постукивание сжатой в кулак рукой по левой крышке корпуса; дробь пальцами левой руки, вибрато правой рукой по седьмой – восьмой боринам меха, рикошет.

Цикл выстроен посредством разного рода оппозиций (см.: [4. С. 2]): темперированный – нетемперированный строй (в частности нетемперированное *glissando*); аккордовое – линейное письмо (см. примеры 1, 2); микротематизм (I ч.) – тематизм (тема II и III части; см. пример 3); мотивная техника (в основе I части – тема креста) – разработка созвучия (квартаккорды из трех, четырех и шести звуков, аккорды смешанной фактуры и др.); новая хроматическая тональность (in e – тема II части в примере 3, in Fis – тема III части) – сонорика; полиметрия 2-дольных метров и 3-дольных метров (традиция И. Стравинского). С точки зрения формы присутствует сочетание свободных инструментальных форм и классико-романтических форм (традиция Д. Шостаковича) [5. С. 4].

В отношении исполнительской техники «Готической триады» заметим, что композитор использует самые яркие технические возможности инструмента: виртуозные пассажи, аккордовые последовательности в широком диапазоне, изменение тембров (с помощью тембральных регистров), динамическую работу внутри звучащего тона, полиартикуляцию, нетемперированное *glissando*, рикошеты, различные вибрато и тремоло. Очевидна виртуозность произведения, так как композитор хорошо знает аккордеон. Например, известно, что позиционная техника более рациональна для исполнителя, она облегчает решение некоторых двигательных-технических проблем. Аккордеонисты (клавишный тип клавиатуры), как и пианисты, решая аппликатурные проблемы, стараются избегать «подкладывания», так как это создает некоторые не-

удобства, что отражается на скорости исполнения. Удобнее и проще использовать естественную последовательность пальцев – от 1-го к 5-му, именно в такой последовательности написаны пассажи в 1-й части произведения. В данном случае логика позиции синхронна логике мотива (см. пример 2). Здесь проявляется талант Р. Макаренко как педагога-методиста, хорошо знакомого с работами ведущих пианистов Е. Либермана, Г. Нейгауза, Г. Цыпина и др. Также остигатное движение третьей части в партии левой руки включает специфические аккордеонные позиции – аппликатурные формулы для первого, второго и третьего рядов клавиатуры, что в значительной степени облегчает работу исполнителя над музыкальным текстом. Полиритмия является одной из сложных технических задач в произведении, и композитор неоднократно использует приемы полиритмии в своих произведениях («Четыре этюдных версии» в транскрипции, «Детская сюита» для взрослых, «Музыкальный момент» для аккордеона с эстрадно-симфоническим оркестром). Особое внимание следует уделить работе над артикуляцией. Уже первые взятые раздельно аккорды первой части «Триады» создают образ грандиозного, готического, величественного начала, и роль артикуляции здесь значима. Композитор использует полиартикуляционный прием, где партия правой руки исполняется связно, используется «акустическое легато» (И. Браудо), а партия левой руки продолжает создавать первоначальный образ, разделяя каждый интервал. Такого многообразие средств артикуляции, которое находится в распоряжении исполнителя.

В целом цикл «Готическая триада» Р. Макаренко существенно обновляет концертный репертуар современного аккордеониста. Композиторское творчество Родиона Ивановича Макаренко получило широкое признание во многих странах СНГ, а также в ведущих музыкальных академиях – Алтайской, Красноярской, Литовской, Нижегородской, Тольяттинской, Уфимской и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Родион Иванович Макаренко – композитор, исполнитель, дирижер, педагог. Заслуженный артист Узбекистана (1967). Лауреат конкурса композиторов Сибири (1973), композиторов Пермского края (1995); лауреат Московского Международного конкурса композиторов, посвященного 2000-летию христианства. Лауреат премии фонда «Русское исполнительское искусство» (Москва, 2005–2006); кавалер ордена Отечественной войны II степени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кравцов Н.А. Аккордеон XXI века. СПб. : МСТ, 2004. 124 с.
2. Липс Ф. Об искусстве баянной транскрипции. Москва ; Курган : Мир Нот, 1999. 95 с.
3. Петрусёва Н.А. Пьер Булез. Эстетика и техника музыкальной композиции. М. : Реал, 2002. 352 с., нот
4. Макаренко Р.И. Избранные произведения для баяна / аккордеона. Пермь : Поница, 2008. Вып. 2.
5. Петрусёва Н.А. Рецензия // Макаренко Р.И. Избранные произведения для баяна / аккордеона. Пермь : Поница, 2008. Вып. 2.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 19 января 2015 г.

FEATURES OF R. MAKARENKO'S *GOthic TRIAD* SERIES INTERPRETATION

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 88–92. DOI 10.17223/15617793/392/15

Maltseva Elena S. Perm State Pedagogical University (Perm, Russian Federation). E-mail: maltseva.elena2011@yandex.ru

Keywords: triad; creative biography; composing; performing; instrumental technique; system of oppositions.

Creative works of composer Rodion Makarenko (1931-2012) cover a wide range of genres and forms of orchestral and instrumental music. The composer created a lot of original music for accordion, which is supposed to fully identify the expressive possibilities of the instrument and the talent of the performer. Today, accordionists' mastering of new composing and performing art is a topical issue. However, there is a noticeable shortage of musical-theoretical analysis of contemporary works for accordion, of analytical interpretation allowing the performer to look completely differently at the features of performance. Therefore, an attempt is made to analyze R. Makarenko's *Gothic Triad* series (1990 / 2005) for a multi-timbral free bass accordion. The piece is written in a virtuoso expressive style with various composing, performing and instrumental techniques. Musical and analytical methods are used for the study. A new approach in the composer's use of the technical capabilities of the musical instrument is reflected in the use of register equipment which helps imitate the sounds of different instruments. In *Gothic triad* register 'organ' in the first part corresponds to a choral episode and simulates the organ sound: the possibilities of the musical instrument timbre become much richer. The virtuoso coloristic features of the instrument in *Triad* are expressed in the sonoric effects depending on performance techniques. This work has elements of microtonality with an untempered change of any sound, different sound effects: slapping the bellows with the right hand; knocking with a fist on the left box; tattooing with the left hand, ricochet, etc. In this paper, we consider a system of various kinds of oppositions that combine free forms and classic-romantic forms. With respect to performance techniques of the *Gothic Triad* the composer uses specific technical features of the instrument: virtuoso passages, chord progressions in a wide range, timbre changes (via timbral registers), dynamic work inside the sounding tone, poly-articulation, untempered glissando, ricochet, vibrato and tremolo. Unfortunately, the works of the composer are little known in Russia; his works have not previously been the subject of research. Meanwhile, R. Makarenko's knowledge of Performing Arts bases, his composer's technique are an interesting material for the formation of creative thinking and the development of the technique of a performer.

REFERENCES

1. Kravtsov N.A. *Akkordeon XXI veka* [The accordion of the 21st century]. St. Petersburg: MST Publ., 2004. 124 p.
2. Lips F. *Ob iskusstve bayannoy transkriptsii* [On the art of bayan transcription]. Moscow; Kurgan: Mir Not Publ., 1999. 95 p.
3. Petrusheva N.A. *P'er Bulez. Estetika i tekhnika muzykal'noy kompozitsii* [Pierre Boulez. Aesthetics and technique of musical composition]. Moscow: Real Publ., 2002. 352 p.
4. Makarenko R.I. *Izbrannye proizvedeniya dlya bayana / akkordeona* [Selected works for bayan / accordion]. Perm: PONITsA Publ., 2008. Is. 2.
5. Petrusheva N.A. Book Review: Makarenko R.I. *Izbrannye proizvedeniya dlya bayana / akkordeona* [Selected works for bayan / accordion]. Perm: PONITsA Publ., 2008. Is. 2. (In Russian).

Received: 19 January 2015

МЕХАНИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО ПРОЦЕССА ПРИ ИГРЕ НА ВИБРАФОНЕ

Статья посвящена всестороннему изучению и теоретическому обоснованию функций механических компонентов исполнительского процесса при игре на вибратоне. Большое внимание уделено малоисследованной в научно-методической литературе проблеме функциональной дифференциации основных и дополнительных системообразующих конструктивных элементов инструмента. Теоретические вопросы освещаются в тесной взаимосвязи с исполнительской практикой.

Ключевые слова: вибратон; исполнительство; конструкция; компоненты; педаль; палки.

Практически за свою столетнюю историю вибратон занял прочное место как в джазовой, так и в академической музыке, как в оркестровом, так и в ансамблевом и сольном исполнительстве. Этому процессу способствует создание новых, более усовершенствованных конструкций инструментов, обладающих широким спектром художественно-выразительных возможностей [1].

В современной музыкальной исполнительской палитре наблюдается перенос акцента с оркестрового исполнительства на ударных инструментах на ансамблевое и сольное, где удельный вес использования звуковысотных ударных инструментов достаточно значительный.

Исполнительство на вибратоне на сегодняшний день развивается бурными темпами, создан обширный инструктивный и художественный материал, появилась целая плеяда блестящих исполнителей, но теоретическая база, необходимая для наиболее полного осмысления этого движения, пока остается, по меткому высказыванию Ю. Усова [2. С. 3], «белым пятном». В связи с этим проведение всестороннего анализа механических компонентов исполнительского процесса при игре на вибратоне является актуальным. Необходимо раскрыть суть и функциональную дифференциацию отдельных конструктивных элементов инструмента во взаимосвязи с музыкальной теорией и исполнительской практикой.

Современный вибратон представляет собой набор металлических пластин, расположенных в два ряда (по принципу фортепианной клавиатуры) [3]. Под каждой из них находится трубка-резонатор. В верхней части, внутри ее, помещен «лепесток» – тонкая металлическая пластинка. Все они жестко закреплены на двух специальных стержнях, которые могут вращаться с помощью электромотора. В результате данного вращения изменяются резонансные характеристики трубок – возникают периодические модуляции тембра и громкости звука, характеризующиеся как вибрато [4]. Прием игры с вибрато в нотном тексте обозначается *con vibrato*, отмена его – *senza vibrato* [5. С. 143].

Д. Фридман пишет: «Под пластинами вибратора находится демпферная планка, которая управляется педалью. Деталь рычажного устройства, управляемая ногами, имеет конструкцию и функцию, аналогичную правой педали фортепиано» [6. С. 3]. В ее верхнем положении планка слегка соприкасается с пластинами и тем самым сокращает продолжительность их звуча-

ния. Если нажать на педаль (*con pedale*; существуют различные обозначения взятия и снятия педали, однако в нотной литературе последних десяти лет используют обычно это обозначение), то демпфер отходит от пластин, и после удара они звучат до полного затухания колебаний.

В процессе эволюции конструкции инструмента его звуковысотный диапазон претерпевал изменения. В частности, вибратон, предложенный Ю. Лиди, охватывает три октавы ($f - f^3$). Инструмент, известный как вибро-челеста, сконструированный в 1929 г. Уильямом Людвигом, обладает таким же звуковысотным диапазоном, но с регистром, несколько смещенным вверх ($c^1 - c^4$).

Следуя запросам практики, Джон Деган создал свою конструкцию вибратора, которую назвал виброарфой. Она существовала в двух трехоктавных вариантах: в одном звукоряд начинался от фа малой октавы, в другом – от до первой.

Современная конструкция вибратора в полной мере соответствует основным положениям теории Н. Гарбузова [7. С. 34], согласно которой «каждый музыкальный инструмент, независимо от его устройства, может состоять в основном из следующих главных частей:

а) звучащего тела – основной части инструмента, издающей звук. Иногда его называют латинским словом «вибратор», подразумевая при этом тело, которое возбуждает звуковые волны в окружающей нас воздушной среде. Возбуждение этих волн может происходить либо путем непосредственной передачи, либо с участием промежуточных излучателей энергии;

б) возбудителя колебаний звучащего тела. Для передачи энергии звучащему телу и для возбуждения его колебаний во многих случаях применяются более или менее сложные механизмы. Их устройство и форма варьируют в зависимости от способа возбуждения колебаний и природы звучащего тела;

в) усилителя громкости звука, необходимого во всех тех случаях, когда отдача энергии звучащего тела окружающим его массам воздуха слишком мала... В таких случаях колебания звучащего тела должны быть переданы другому телу, которое тогда является преимущественным излучателем его колебаний в открытое воздушное пространство». Вибратон в полной мере соответствует данному описанию.

Звучащее тело (вибратор) – пластины вибратора, будучи возбуждены посредством удара палкой, изда-

ют звуки, имеющие сложную форму колебаний, возникающую в результате суммарного звучания основного тона (колебаний основной частоты) и частичных колебаний (колебаний частей пластины), частоты которых соотносятся с частотой колебаний основного тона, как ряд натуральных чисел: 1, 2, 3, 4, 5... и т.д. (иначе говоря, частота второй гармоники в два раза выше первой, третьей – в три и т.п.).

Музыкальные звуки, издаваемые звуковысотными ударными инструментами, имеют сложный состав, представляя собой созвучие большого количества тонов, каждый из которых имеет свою частоту и свою амплитуду. «Наличие этих частичных тонов, – как указывает Н. Гарбузов, – их высота и громкость обуславливают качество звуков, характеризующих их тембр» [7. С. 39]. Б. Теплов так характеризует звуковые ощущения, связанные с тембровой стороной и ее характеристикой: «Тембром обычно называют ту сторону звукового ощущения, которая отражает акустический состав сложных звуков, т.е. относительную силу входящих в их состав частичных тонов (гармонических и негармонических)» [8. С. 63].

При звучании основного тона колеблющееся тело (пластина) разделяется двумя узлами на три участка. Центральный участок равен примерно $5/9$ длины, а два конечных – по $2/9$ длины всей пластины.

Для наибольшей свободы колебаний той или иной пластины точки ее опоры (крепежные шнуры) располагаются в местах, соответствующих узлам колебаний. Н. Гарбузов пишет, что «положение точек опоры, при котором конечные участки имеют длину около $3/9$ длины всего бруска, способствует ослаблению частичных тонов, число колебаний которых находится в весьма сложных отношениях к числу колебаний основного тона» [7. С. 40]. Однако в спектре звука вибратона имеется небольшое количество негармонических частичных тонов, возникающих вследствие удара палкой.

Вышеуказанное крепление пластин является принципиальным при конструировании ряда инструментов и оказывает весомое влияние на локализацию места удара в процессе игры. В связи с данным обстоятельством необходимо учитывать, что «спектр звука, извлеченный посредством удара палкой, нанесенного в районе прохождения соединительного шнура, сильно отличается от такового, полученного от удара по центру. Звучание пластины, возбужденной в районе шнура, характеризуется значительным фоном негармонических составляющих. В пике усиления находится обертон, который не имеет целократного соотношения с частотой основного тона. Он и вовсе походит на шумовой» [9. С. 31].

Конечно, удары по различным участкам пластин приводят к некоторому различию в амплитудно-частотных характеристиках звучания, но спектры звуков, возбужденных в центре и на краю пластины, очень близки между собой. При ударе по краю пластины первая гармоника превалирует, хотя в спектре и присутствует некоторый фон негармонических составляющих. Это обстоятельство позволяет устранить некоторые неудобства в процессе игры, используя край

пластины как одно из мест локализации удара. Однако подобное возможно начиная со звуков первой октавы. Как следствие, претерпевают изменения аппликатура и положение рук играющего в процессе исполнения. Открывается возможность позиционной игры и рационализации игровых движений исполнителя.

Возбудитель звучащего тела – палки. При игре на ударных инструментах без определенной высоты звучания существует целый ряд способов звукоизвлечения: удар палкой, удар рукой, встряхивание инструмента, потирание его пальцем и т.д. [5]. На вибратоне основной способ звукоизвлечения – один: удар палкой, при котором в арсенале музыканта имеется большое многообразие исполнительских приемов, влияющих на характер звучания инструмента.

Палки непосредственно влияют на три качества: громкость, тембр и длительность звука, при этом громкость зависит от тембра и силы, а последняя – от величины амплитуды колебаний звучащего тела, их выбор зависит от характера, динамики, штрихов исполняемого произведения и способа игры. Звук вибратона, образованный вследствие удара палкой, характеризуется весьма значительной примесью непериодических (шумовых) составляющих. Именно это обстоятельство, характерное для других ударных инструментов, которые производят достаточно много шума, не обладающего музыкальными свойствами, играет значительную роль в слуховом распознавании звучания звуковысотных ударных инструментов. Роль данных шумов весьма важна для подчеркивания ритмов и эмоционального воздействия музыки.

Ведущие фирмы-производители звуковысотных ударных инструментов предлагают большое многообразие различных палок для вибратона. Они различаются в весе, длине, материале и конфигурации головок. Тем не менее все это разнообразие конструкций укладывается в три типа по степени жесткости головок (мягкие, средние, жесткие) и три вида в зависимости от материала обмотки [10]. Существует также разделение на палки с деревянными и ратановыми держаклами. Прошло около ста лет, прежде чем они приняли современный вид. Это были длительные поиски приемлемого веса, формы и материала для их изготовления.

Каждый тип палок имеет отличительные особенности и употребляется для решения тех или иных исполнительских задач.

Модели с крученой нитью:

– м.1. – сверхмягкая «яйцевидная» головка, незаменима при исполнении звуков нижнего регистра в нюансе *p* или *pp*;

– м.2 – мягкая круглая головка для игры в нюансах *p* и *mp* на протяжении всего звуковысотного диапазона инструмента;

– м.3. – более жесткая круглая головка средней величины, употребляется при игре в различных нюансах;

– м.4. – средней жесткости грибовидная головка для общей разноплановой игры.

Модели не перевитые нитью:

– м.1. – средней жесткости резиновая головка, предназначена для ежедневных занятий и упражне-

ний, она позволяет добиться ясности звучания верхнего регистра;

– м.2. – твердый феноликовый шарик (размер – один дюйм), пригодный для игры во всех нюансах;

– м.3. – твердый феноликовый шарик размером 1 1/8 дюйма, незаменим при игре *f*.

Модели с кордовой нитью:

– м.1. – жесткая грибовидная головка для игры в нюансах *mf* и *f*;

– м.2. – очень жесткая круглая головка позволяет извлекать максимально громкие звуки.

В исполнительской практике музыканты используют очень большое количество различных типов палок. Однако объективные данные о воздействии разного рода обмоток, имеющихся на палочных головках, на звучание вибратона отсутствуют в научно-методической литературе. И потому музыканты руководствуются в выборе палок для игры того или иного музыкального произведения или его фрагмента только своим исполнительским чутьем, точнее, ощущениями, которые не всегда бывают точными, т.е. не отражают реальности звучания.

Анализ звуковых частот [9. С. 86] при использовании различных типов палок показывает, что при игре мягкими палками весь частотный диапазон не выходит за рамки 14-й гармоники. Удар палкой средней жесткости дает ровный спектр звука. Ясно выделяется частота основного тона, которая в громкости равна первой и второй формантам. Исполнение жесткими палками приводит к увеличению фона негармонических составляющих.

Следовательно, палки влияют на изменение тембровых характеристик звучания инструмента. В частности, мягкие палки придают звуку большую весомость, объемность и полноту. При игре средними палками звук можно характеризовать как округленный и насыщенный. По мере повышения жесткости головок звучание приобретает шумовой характер. Использование разновидностей палок приводит к изменению осознательных характеристик тембра. При исполнении мягкими палками звук приобретает мягкий и нежный оттенок, а при игре жесткими – сухой и острый.

Пластины вибратона звучат достаточно долго, более 10 секунд. В процессе затухания звука происходит угасание всех гармонических составляющих сигнала. В конечном итоге амплитудно-частотная характеристика звука походит на синусоиду, что не позволяет определить тембр инструмента. В связи с этим использование различных типов палок влияет только на фазу атаки, ибо даже при малейшем затухании колебаний невозможно понять, какой палкой был нанесен удар.

Для исполнения произведений кантиленного характера музыканты применяют палки с гибкими ратановыми держакками. Они позволяют сделать соприкосновение с пластинами более мягким и амортизировать отдачу, которая возникает вследствие отскока палки.

Фирмы-производители ударных инструментов изготавливают и «именные» модели палок. В их разработке принимают непосредственное участие ведущие мировые вибратонисты. Данные конструкции создаются с учетом требований конкретных музыкантов к

тембровым характеристикам. Предпосылкой для появления новых палок является стремление к изменению звучания и поиск новых колористических свойств.

Усилитель громкости звука – это резонаторы инструмента. В вибратоне применяются единичные резонаторы, которые настроены на одну частоту с пластиной [4]. Они используются главным образом для усиления звучания и формирования нужного тембра. Пластины вибратона издают сравнительно тихие звуки. Причина относительно слабого звучания заключается в том, что площадь излучения звуковой энергии слишком мала. Следовательно, передачу энергии непосредственно в воздушное пространство нужно усиливать посредством дополнительных рассеивающих устройств, в качестве которых и служат резонаторы. Материал, из которого изготовлены резонансные трубки, также оказывает влияние на качество звучания. Как правило, их делают из разных сплавов металла, но в очень дорогих конструкциях применяют медь в качестве исходного материала.

Особое место в процессе игры на вибратоне занимает использование педали, которая открывает богатейшие художественные возможности [11]. Несмотря на то что действие педали всегда носит комплексный характер, можно выделить две основные ее функции. Одна из них – «связующая» [5]. При нажатой педали звук приобретает большую продолжительность, что позволяет соединить различные элементы музыкальной ткани, находящиеся на значительном расстоянии друг от друга, связать звуки в единый гармонический комплекс – мелодию и сопровождение [Там же. С. 143]. Применяя «гармоническую педаль», надо, однако, остерегаться того, чтобы она не нарушила чистоты голосоведения.

Вторая функция педали – динамическая. При нажатой педали увеличивается громкость и обогащается тембр звука.

Конструкция демпферной планки и педального механизма в основном позволяют ее использовать в виде «прямой» педали, если пользоваться пианистической терминологией. В этом случае демпферная планка опускается одновременно в момент удара, как следствие мы получаем эффект продления звука, затем синхронно выполняются два действия: наносится следующий удар и вместе с ним нажимается педаль. Однако следует учитывать, что процесс колебаний возбужденной пластины имеет ограничения во времени, а в динамическом отношении акустический процесс представлен в виде затухания звука с пиком в момент атаки. Следовательно, если временное расстояние между звуками превышает колебательный процесс, то нет необходимости использовать педаль как основное средство демпфера пластин.

В исполнительской практике встречается немало случаев, когда применяется и «запаздывающая» педаль, это тот случай, когда она нажимается после удара. Звук при этом получается достаточно специфический. Подобный прием, как правило, употребляется в эстрадной и джазовой музыке.

В тех случаях, когда есть необходимость исполнить гаммообразные пассажи, музыканты играют на

приглушенных педалью пластинах. Звучание приобретает суховато-металлический оттенок.

Педаль позволяет удобно и с абсолютной точностью регулировать следующие параметры игры: 1) момент отрыва демпферной планки от пластин; 2) глушение пластин демпферной планкой; 3) различные виды глушения пластин, а именно: быстрое отпускание рычажного механизма позволяет резко прервать звучание, постепенное – дает возможность угасать звуку с необходимой скоростью и плавностью.

Смена педали дает исполнителю почувствовать и передать моменты «дыхания» – цезуры между отдельными фразами. Дыхание есть основной «нерв» человеческой речи, а следовательно, и музыкальной. Надо всегда помнить, что педаль следует употреблять не там, где это можно, а там, где это нужно.

Веерное устройство механического вибрато выполняет функцию, которая отвечает за периодическую модуляцию высоты, громкости и тембра. Вибрато – от ит. *vibrato*, от лат. *vibro* – колеблю. В отличие от звука без вибрато («белого», «прямого», «холодного»), звук с вибрато приобретает новые тембровые качества, становится теплым, эмоционально напряженным, динамичным. Эти качества могут варьироваться путем незначительных изменений таких параметров, как частота и размах. Нормальная частота вибрато – ок. 5–7 Гц. Вибрато меньшей частоты оценивается как качание звука; большей – как тремоли-

рование. Ухо воспринимает абсолютно устойчивые звуки как утомительные, а при весьма продолжительном звучании – как очень неприятные. Б. Теплов отмечает, что «при частоте меньше 4–5 колебаний в секунду слух воспринимает неприятное “качание” голоса, при частоте больше 8 колебаний в секунду слышится тремолирование голоса» [8. С. 68]. Устройство современных конструкций вибратона позволяет изменять частоту модулирующей воздушной столба, заключенного в резонаторной трубке. Таким образом, исполнитель овладевает механизмом слуховой развертки звукового образа посредством вибрато. Легкое импульсивное колебание звука при вибрато значительно увеличивает концентрацию слушательского внимания. Следует также отметить, что применение механического вибрато на вибратоне содействует значительному обогащению тембра звука.

Естественно, в рамках нашей статьи не представляется возможным охватить в полной мере все вопросы, связанные с изучением такого феномена, как исполнительство на вибратоне. Поэтому в ходе работы мы рассмотрели лишь функции конструктивных деталей инструмента, исследовали механические компоненты исполнительского процесса, его акустические особенности. Все перечисленное освещается в единстве теоретических и методико-практических аспектов с учетом последних достижений отечественной и зарубежной музыковедческой науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Огородников А. Ударные инструменты в современном оркестре // Советская музыка. 1966. № 6. С. 84–89.
2. Усов Ю. История отечественного исполнительства на духовых инструментах : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Музыка, 1986. 191 с., нот.
3. Андреева Е. Ударные инструменты современного симфонического оркестра. Киев : Музична Україна, 1980. 77 с.
4. Музыкальная акустика. 2-е изд. / ред. Н. Гарбузова. М. : Музыка, 1972. 236 с.
5. Kotonsky W. Leksykon wspolczesnej perkusji. Krakow : PWM, 1999. 176 s.
6. Friedman D. Vibraphone technique: dampening and pedaling. Boston : Berklee press publication, 1973. 52 s.
7. Гарбузов Н. – музыкант, исследователь, педагог : сб. статей. М. : Музыка, 1980. 303 с.
8. Теплов Б. Психология музыкальных способностей. М. ; Л. : АПН СССР, 1947. 335 с.
9. Рало А.Н. Теоретические основы игры на звуковысотных ударных инструментах. Астрахань : Изд-во Астрахан. гос. консерватории, 2002. 126 с.
10. Дмитриев Г. Ударные инструменты: трактовка и современное состояние. М. : Советский композитор, 1973. 136 с.
11. Ракул Ю. Мистецтво педалізації як один з основних засобів виразності фортепіанного виконавства. Одеса : Фотосинтетика, 2007. 159 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 19 января 2015 г.

MECHANICAL COMPONENTS OF THE PERFORMING PROCESS WHEN PLAYING THE VIBRAPHONE

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 93–97. DOI 10.17223/15617793/392/16

Ralo Anna A. Rostov State Rachmaninov Conservatory (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: aaopera@mail.ru

Keywords: vibraphone; performing; construction; components; pedal; mallets.

Today vibraphone performing is developing rapidly. An extensive guidance and artistic material is created, a number of brilliant performers appeared, but the theoretical framework necessary for the most complete understanding of this movement remains understudied. In this regard, it is necessary, first of all, to analyze the function of the mechanical components in vibraphone performing in close relationship with the music theory and performance practice. Modern vibraphone is a set of metal bars arranged in two rows (like a piano keyboard). Each bar is paired with a resonator. In the upper part of a resonator, inside it, there is a thin metal bar. All these are rigidly fixed to two special discs, which can be rotated by an electric motor. Under the bars of the vibraphone there is a damper controlled by the pedal. The construction of the instrument is fully consistent with the basic provisions of the theory of N. Garbuzov, according to which every musical instrument consists of a sounding body, a vibration generator and a volume amplifier. The vibraphone bar (sounding body) after a stroke with a mallet is divided by two nodes into three sections. The central portion is approximately 5/9 of the length, and the two ends are 2/9 of the entire length of the bar each. To maximize the freedom of vibration of a bar, its points of support (fixing cords) are arranged at positions corresponding to nodes of vibrations, which has a considerable influence on the localization of the point of the stroke when performing. Mallets directly affect three qualities: volume, timber and duration of the sound, their choice depends on the nature, dynamics, features of the work and performance modes. Leading manufacturers of pitch percussion instruments offer a great variety of mallets for the vibraphone. They differ in weight, length, material and

configuration of the head. Nevertheless, this variety of structures falls into three types, according to the degree of head rigidity (soft, medium, hard). Mallets affect the change of quality characteristics of the instrument. Resonators are applied in the vibraphone (volume amplifiers), which are tuned to the same frequency with the bar. They are used primarily to enhance the desired sound and voice. The construction of the damper and the pedal mechanism basically allows using it in the form of a "direct" pedal. It has two main functions: connection and dynamics. The use of mechanical vibrato on the vibraphone contributes a significant enrichment of sound quality.

REFERENCES

1. Ogorodnikov A. Udarnye instrumenty v sovremennom orkestre [Percussion instruments in the modern orchestra]. *Sovetskaya muzyka*, 1966, no. 6, pp. 84–89.
2. Usov Yu. *Istoriya otechestvennogo ispolnitel'stva na dukhovykh instrumentakh* [History of domestic performing on wind instruments]. 2nd edition. Moscow: Muzyka Publ., 1986. 191 p.
3. Andreeva E. *Udarnye instrumenty sovremennogo simfonicheskogo orkestra* [Percussion instruments in the modern symphony orchestra]. Kiev: Muzichna Ukraïna Publ., 1980. 77 p.
4. Garbuzova N. (ed.) *Muzykal'naya akustika* [The musical acoustics]. 2nd edition. Moscow: Muzyka Publ., 1972. 236 p.
5. Kotonsky W. *Leksykon wspolczesnej perkusji*. Krakow: PWM, 1999. 176 p.
6. Friedman D. *Vibraphone technique: dampening and pedaling*. Boston: Berklee Press Publication, 1973. 52 p.
7. Rags Yu. (ed.) *Garbuzov N. – muzykant, issledovatel', pedagog* [N. Garbuzov: a musician, researcher, teacher]. Moscow: Muzyka Publ., 1980. 303 p.
8. Teplov B. *Psikhologiya muzykal'nykh sposobnostey* [Psychology of talent in music]. Moscow; Leningrad: APN SSSR Publ., 1947. 335 p.
9. Ralo A.N. *Teoreticheskie osnovy igry na zvukovysotnykh udarnykh instrumentakh* [Theoretical basics of playing the drums]. Astrakhan: Astrakhan State Conservatory Publ., 2002. 126 p.
10. Dmitriev G. *Udarnye instrumenty: traktovka i sovremennoe sostoyanie* [Percussion instruments: interpretation and current state]. Moscow: Sovetskiy kompozitor Publ., 1973. 136 p.
11. Rakul Yu. *Mistetstvo pedalizatsii yak odin z osnovnikh zasobiv viraznosti fortepiannogo vikonavstva*. Odesa: Fotosintetika Publ., 2007. 159 p. (In Ukrainian).

Received: 19 January 2015

ИСТОРИЯ

УДК 623.44(47+57)

М.О. Абсеметов

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ЛЕГЕНДАРНОГО АВТОМАТА КАЛАШНИКОВА

Рассматриваются малоизвестные страницы деятельности выдающегося советского и российского конструктора стрелкового оружия Михаила Трофимовича Калашникова (1919–2013), которая началась в Казахстане в депо станции Матай и в Алма-Ате и получила всемерную поддержку местных партийных и советских органов.

Ключевые слова: Казахстан; Матай; пистолет-пулемет; АК-47.

Великая Отечественная война нарушила привычный ход развития советской страны. Сотни производств, машиностроительных и военных заводов были эвакуированы в регионы Сибири, Средней Азии и Казахстана. В 1941–1942 гг. в Казахстан из европейской части России было передислоцировано 220 заводов и фабрик, цехов и артелей, а также 50 тыс. кадровых рабочих и инженерно-технических работников [1. С. 433]. Казахстанские города – Алма-Ата, Караганда, Кустанай, Кокчетав, Семипалатинск, Петропавловск, Чимкент, Джамбул, Уральск, Павлодар, Кызыл-Орда, Актюбинск, Балхаш, Гурьев, Аягуз и другие – на базе эвакуированных предприятий наладили выпуск военной и промышленной продукции, необходимой для фронта, для победы [2. Л. 49–51].

Многие научные коллективы были перебазированы в Казахстан из Москвы, Ленинграда и Киева. На курорт Боровое в Кокчетавской области прибыла группа старейших ученых АН СССР и их семей во главе с академиком В.И. Вернадским [3. Л. 24–25]. Выдающиеся ученые Н.Д. Зелинский, А.Н. Крылов, Л.И. Мандельштам, находясь в глубоком тылу, успешно продолжали работать и руководить научными коллективами. В те грозные сороковые годы в лаборатории Карагандинского лагеря работал над своими открытиями репрессированный академик А.Л. Чижевский.

Надо отметить, что в данный период в столице Казахстана – Алма-Ате разместилось около 20 эвакуированных научно-исследовательских институтов, благодаря которым развернулось производство вооружения (торпед, бомбометов, артиллерийских снарядов, авиабомб), а также велось усовершенствование и создание новых образцов вооружения [4; 5. С. 97]. Недавно рассекреченные документы из фондов Архива Президента Республики Казахстан свидетельствуют о том, как велись военно-технические разработки и оказывалась научная помощь оборонной промышленности. Работа осуществлялась под непосредственным контролем Республиканской комиссии военных изобретений при ЦК КП(б) Казахстана, возглавляемая секретарем по оборонной промышленности, опытным партийцем Ахметжаном Койшигуловым¹.

В первые годы войны на фронтах ощущалась острая нехватка в разных видах вооружения и боеприпасов, отвечающих требованиям того времени. На призыв партии и правительства откликнулись сотни добровольцев-изобретателей. Впечатляет количество

проектов и предложений. Например, только по разработкам зажигательных бомб и смесей поступили десятки различных рационализаторских новшеств.

В своем письме в республиканскую комиссию по военным изобретениям химик-технолог Г.И. Портнов, эвакуированный из Украины в г. Джамбул, писал: «Последнее время я работал техноруком Киевской артели “Химтруд”, которая вырабатывала лакокрасочную продукцию. В июне 1941 г., когда гитлеровская Германия вероломно напала на нашу священную Родину, профиль нашей артели был изменен и в июле месяце мы приступили вырабатывать продукцию по заданию Химотдела Юго-Западного фронта – заряды к бензоногранатам для поджога танков. Десятки тысяч выпущенных нашей артелью зарядов в руках наших доблестных героев... нанесли смертельный удар по танковым дивизиям врага» [6. Л. 11]. В Алма-Ате в лаборатории академика Н.В. Цицина успешно прошли испытания бензино-термитные зажигательные смеси инженера А.Г. Соколова, получившие высокую оценку специалистов Наркомата Обороны СССР [7. Л. 3].

С весны 1942 г. на базе Управления исправительных трудовых лагерей и колоний Наркомата внутренних дел КазССР под руководством инженера-конструктора А.Н. Кимельфельда² развернулось производство опытной партии взрывателей «Казахстанец» [8. Л. 1–2]. Об этом в ноябре 1942 г. секретарь Компартии Казахстана А. Койшигулов докладывал заместителю председателя Совета народных комиссаров СССР Л.П. Берия и просил быстрее принятия их на вооружение Красной Армии [9. Л. 16; 10. Л. 60–61; 11. Л. 60–61].

Заместитель наркома обороны СССР генерал-полковник артиллерии Воронов распорядился передать в главный артиллерийский комитет результаты испытаний в Казахстане зажигательных мин Б.Г. Лазарева и В.И. Хоткевича [11. Л. 69]. В Сталинградской битве эти противотанковые мины нашли свое успешное применение.

На повестке дня Комитета обороны страны также остро стоял вопрос о создании нового стрелкового оружия, которое по техническим показателям должно было превосходить оружие противника.

25 июня 1942 г. на имя секретаря ЦК КП(б) Казахстана по оборонной промышленности А.К. Койшигулова поступило письмо из затерянной в пыльной сте-

пи железнодорожной станции Матай (420 км от Алма-Аты) от неизвестного старшего сержанта, бывшего командира среднего танка Михаила Калашникова. В письме говорилось: «Находясь в отпуске после ранения и желая оказать активную помощь нашей Родине в деле быстрейшего разгрома немецких фашистов, вероломно напавших на нашу Родину, я за это время работал над изобретением нового образца пистолета-пулемета, который изготовил при содействии работников паровозного депо ст. Матай Турк[естано]-Сиб[ирской] железной дороги. Изготовленный образец пистолета-пулемета испытан в боевом отношении мною в присутствии работников, участвующих в изготовлении этого оружия; пистолет-пулемет имеет следующие боевые свойства и отличия от действующих видов оружия:

1. Убойная сила пистолета-пулемета до 600 м при стрельбе с патронами от пистолета ТТ или ПППШ и ППД.

2. Автомат обладает скорострельностью 650 выстрелов в минуту.

3. Пистолет-пулемет, снабженный двумя обоймами вместимостью по 14 патронов каждый, а в боевых условиях снабжается диском вместимостью 100 патронов, или может применяться [при] действующей вместимости 71 патрон.

4. И, наконец, самое главное свойство изготовленного образца состоит в том, что это оружие сконструировано на принципах наиболее простого взаимодействия частей, исключавших какие-либо задержки при его боевом применении, так как сконструированный механизм имеет исключительные особенности по сравнению со всеми видами автоматического оружия как отечественного, так и зарубежного. Подробное описание технических и боевых свойств изготовленного образца вместе со схемой при этом прилагаю.

Прошу предлагаемое мною изобретение пистолета-пулемета рассмотреть с тем, чтобы как можно быстрее ввести на вооружение и снабдить нашу Красную армию новым более совершенным боевым оружием для выполнения боевого приказа великого полководца и вождя нашей партии, наркома обороны т. Сталина, поставившего задачу по окончательному разгрому гитлеровских мерзавцев в текущем 1942 г.» [12. Л. 3].

В Алма-Ате на изобретение обратили особое внимание. Буквально на следующий день – 26 июня 1942 г., после получения письма, состоялось заседание Республиканской комиссии при ЦК КП(б) Казахстана по военным изобретениям. Комиссия, рассмотрев образец пистолета-пулемета Калашникова, одобрила его и решила командировать автора изобретения в г. Ташкент в артиллерийское управление Средне-Азиатского военного округа для испытания и получения экспертного заключения. Также Комиссия выделила Калашникову на путевые расходы 300 рублей [10; 12. Л. 62].

Кем же был этот старший сержант, заинтересовавший Комиссию? Как отмечает архивист Е.В. Чиликова [5. С. 97–98], уроженец Алтайского края М.Т. Калашников свою трудовую деятельность начал в 1937 г. учетчиком паровозного депо на станции Матай Туркестано-Сибирской железной дороги. Отсюда

осенью 1938 г. Михаил Калашников был призван в Красную армию в Киевский особый военный округ. Окончив курсы младших командиров, он получил специальность механика-водителя танка и направление в танковый полк одного из городков Украины. Изобретенный им комбинированный счетчик моторесурса танка заинтересовал командующего округом генерала армии Г.К. Жукова. Он направил Калашникова для изготовления опытных образцов в Киевское танковое техническое училище, затем для сравнительных испытаний – в Москву, в распоряжение Главного артиллерийского управления Рабоче-крестьянской Красной Армии, а потом для доработки счетчика и запуска его в серийное производство – на один из ленинградских заводов [13]. Война прервала деятельность Калашникова-изобретателя. Он вернулся в армию, стал командиром танкового экипажа. В боях под Брянском получил тяжелое ранение, после госпиталя был отправлен в шестимесячный восстановительный отпуск домой.

По дороге в родную Курью, что на Алтае, его постоянно мучила мысль: «Имею ли я право ехать домой, когда могу внести посильный вклад в создание нового образца стрелкового автоматического оружия? То, что левая рука плохо слушается, еще не повод для отдыха, пусть по ранению. А если остановиться на железнодорожной станции Матай, в депо, где начинался мой рабочий путь? Там хорошие мастерские, добротные станки, есть необходимый инструмент, материалы. Наверное, остались и некоторые из тех рабочих, с кем рядом довелось в свое время трудиться. Так думалось мне в пути, пока поезд уносил меня в родные места. Состав шел уже по Казахстану. И чем ближе подходил он к станции Матай, тем больше крепла во мне уверенность сойти именно там...» [14. С. 31; 15]. На станции Матай Михаил Трофимович встретил не только старых друзей, но и свою будущую супругу Екатерину Даниловну Астахову, которая впоследствии, 16 июля 1942 г., родила сына Виктора.

Калашников, с присущей ему энергией, не теряя времени, вплотную приступил к созданию нового стрелкового оружия. Благодаря матайским мастерам и умельцам, он смог сконструировать и создать первый опытный образец пистолета-пулемета. По совету товарищей он со своим изобретением отправляется в Алма-Ату, чтобы продолжить работу. В этом городе, несмотря на суровое военное время, ему удалось сделать серьезные шаги на пути создания легендарного автомата АК-47.

Спустя годы, будучи дважды Героем и прославленным генералом, М.Т. Калашников вспоминал: «Алма-Ата... Столица Казахстана в моем сердце занимает особое место. Здесь до призыва в армию мне посчастливилось часто бывать, когда я работал в третьем отделении политотдела железной дороги. Отсюда начался мой тернистый путь в конструировании стрелкового оружия...» [14. С. 35].

Отправленный в командировку в Ташкент и Самарканд Михаил Калашников, не получивший систематического образования, поражает специалистов своими познаниями в оружейном деле и настойчивостью.

15 июля 1942 г. командующий войсками Средне-Азиатского военного округа генерал-майор П.С. Курбаткин в письме А. Койшигулову особо отмечает: «...тов. Калашников проявил исключительную изобретательность, упорство в работе, вложил большую энергию при создании образца пистолета-пулемета, за что Военным Советом округа премирован денежной наградой в сумме 1000 рублей» [12. Л. 5].

Однако, по мнению военных специалистов стрелкового оружия, до совершенства было еще далеко. В Алма-Ате доработку своего изобретения Михаил Калашников производил в учебно-производственных мастерских эвакуированного Московского авиационного университета им. С. Орджоникидзе под руководством руководителя кафедры стрелково-пушечного вооружения самолетов военного инженера II ранга майора А.И. Казакова. В акте от 28 октября 1942 г. имеется запись, что на Алма-Атинском гарнизонном стрельбище «пистолет-пулемет системы Калашникова» прошел испытания [Там же. Л. 8]. 31 декабря 1942 г. М. Калашников командирован в Москву. На поездку правительство Казахстана выделяет ему две тысячи рублей [Там же. Л. 14].

Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Н. Скворцов обращается с просьбой к заместителю Совнаркома СССР Л.П. Берия о содействии в ускорении рассмотрения указанного изобретения и его практической реализации. В письме также отмечалось, что: «Пистолет-пулемет спроектирован под существующий патрон образца 1930 года, калибром 7,62 мм и секторный магазин». По сравнению с существующими образцами новое оружие отличалось малым весом и малыми габаритами, оно легко умещалось в кабине самолета, танке и бронемашине. Принцип автоматики обеспечивал хорошую кучность и меткость, так как затвор перед выстрелом располагался в крайне-переднем положении, что обеспечивало меньшее запыление и засорение подвижных частей автоматики [12. Л. 16].

Ответственным за продвижение изобретения М. Калашникова в Москве был заместитель Совнаркома Казахстана Шарипов, который представил техническую документацию в комиссию Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления Красной Армии (ГАУ КА). По результатам заседания экспертной комиссии Шарипов телеграфировал в Алма-Ату: «Изобретение Калашникова получило хорошую оценку. Передано на испытание. Калашников премирован» [Там же. Л. 21–22]. Действительно, пистолет-пулемет Калашникова глубоко заинтересовал московских специалистов. Начальник ГАУ КА генерал-полковник артиллерии Яковлев издает приказ от 19 января 1943 г. «О награждении старшего сержанта Калашникова М.Т.». В нем указывалось: «За изобретение остроумного образца пистолета-пулемета и отличное его оформление премирую ст. сержанта тов. Калашникова М.Т. 5000 рублей» [Там же. Л. 23].

Заслуживает внимания письмо уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по КазССР И.П. Кузнецова от 3 сентября 1943 г. первому секретарю ЦК Компартии Казахстана Н.А. Скворцову. В ней констатируется примечательный факт: «Одно изобретение т. Калашникова (пулемет-

пистолет) принято на вооружение Красной Армии. Сейчас он получил задание и работает над вторым изобретением – ручного пулемета» [16. Л. 139]. Руководство Казахстана наградило и премировало всех специалистов, которые принимали участие в создании данного оружия. По мнению Калашникова, к награде за разработку и изготовление опытного образца пистолета-пулемета были представлены добросовестные работники, но вместе с тем была допущена несправедливость к отдельным людям.

В своем письме к уполномоченному Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по КазССР И.П. Кузнецову, он пишет: «...однако более заслуживающие награды товарищи остались в стороне, как-то: 1. Суслов В.И. – начальник инструментально-[из]мерительной лаборатории МАИ, где происходило изготовление последнего образца, на плечах которого лежала вся организационная работа и благодаря которому было обеспечено быстрое и качественное изготовление образца. 2. Кучинский В.В. – студент МАИ, принимавший самое активное участие в конструктивной разработке всех трех образцов пистолета-пулемета и вместе со мной руководивший работой до последнего дня изготовления образцов. 3. Жданов В.Н. – слесарь Карачаровского завода с любовью и личной инициативой относился к порученной работе, не считаясь со временем, участвовал в изготовлении последнего образца (с начала и до окончательной отделки)» [17. Л. 11–11 об.].

Спустя годы, в своих мемуарах Михаил Тимофеевич вспоминал о героях этого письма как о людях, выросших в крупных специалистов, дружбу с которыми он поддерживал на протяжении всей своей жизни [14. С. 41]. 23 февраля 1943 г. под грифом «секретно» заместитель председателя Артиллерийского комитета ГАУ КА генерал-майор Сергиенко пишет письмо первому секретарю Компартии Казахстана Скворцову о содействии М. Калашникову в изготовлении опытного образца ручного пулемета калибра 7,62 мм, одобренного Москвой [12. Л. 24].

21 мая 1943 г. старший сержант М. Калашников о ходе работы докладывает секретарю ЦК Компартии Казахстана по оборонной промышленности А. Койшигулову. В докладной записке говорится: «Ручной пулемет в проекте, утвержденный Главным Артиллерийским Управлением Красной Армии, я изготавливаю в паровозном депо ст. Матай, сейчас для окончательной отстрелки требуется ствол от ручного пулемета системы Дегтярева “Д.П.”, разрешение на получение которого я добиться в Алма-Ата не смог. Поэтому прошу Вашего содействия». Далее Калашников констатирует: «Будучи в Москве мне выплачивали зарплату из расчета 900 рублей в месяц, здесь же в течение 3 месяцев я работаю без зарплаты. Неоднократно ставил вопрос в Казвоенкомате, но ничего существенного добиться не смог» [Там же. Л. 29].

Калашников, несмотря на поддержку и контроль со стороны высшего руководства республики, на месте практически «с боем» решает вопросы, связанные с созданием и испытанием нового оружия, вследствие ограниченности и самодурства некоторых местных руководителей НКВД.

М. Калашников в своем письме от 25 мая 1943 г. руководству Казахстана сообщал: «Будучи в Главном артиллерийском управлении Красной армии в г. Москве, мне советовали, одновременно работая над ручным пулеметом, подумать насчет личного оружия, я так и сделал. В свободное время от основной работы изготовил макет принципа и для окончательного расчета и сравнительных стрельб я получил в облвоенкомате пистолет ТТ и разрешение на право ношения на основании отношения из Москвы. 23 мая 1943 г. я сделал в совершенно безопасном месте пробные стрельбы, о чем узнал через посредство других лиц начальник отделения НКВД ст. Матай т. Печенюк, который 31 мая с.г. вызвал меня в кабинет и предложил предъявить разрешение на право ношения [пистолета] и номер последнего. После чего, не обосновывая ничем, забрал его себе и заявил: “Если ты будешь и пулемет испытывать в таком же месте, то и его постигнет эта же участь”... Поэтому, исходя из вышеизложенного в целях быстрой доработки опытного образца, прошу Вашего указания о немедленном возвращении мне пистолета ТТ № 1243, крайне мне необходимого. Вместо оказания помощи и создания должного авторитета в проводимой работе оборонного значения, выполняемой по заданию Артуправления РККА, т. Печенюк стал на путь явного срыва этого важнейшего мероприятия путем подрыва авторитета и зажима работы конструктора. Туркестано-Сибирская ж.д., ст. Матай, ул. Железнодорожная, д. 53. кв. 15. Калашников» [12. Л. 25–25 об.].

В дело оперативно вмешивается А. Койшигулов, который через руководство республиканской госбезопасности обязывает Печенюка вернуть оружие Калашникову и впредь не препятствовать проводимым испытаниям [Там же]. Также под особый партийный контроль берется вопрос заработной платы молодому конструктору.

7 октября 1943 г. А. Койшигулов направляет письмо командующему Средне-Азиатского военного округа генералу Курбаткину: «Предложенный образец ручного пулемета по винтовочный патрон калибра 7,62 мм конструкции Калашникова в основном изготовлением закончен, прошел предварительные испытания и по заключению специалистов и республиканской комиссии по военным изобретениям при ЦК КП(б) Казахстана одобрен как удовлетворяющий всем требованиям ГАУ РККА в отношении простоты устройства и легкости изготовления в промышленно-

сти. Для подробного доклада о проделанной работе по созданию нового типа ручного пулемета ЦК КП(б) Казахстана командирует к Вам автора тов. Калашникова с изготовленным образцом пулемета и просит Вас оказать содействие в быстрой реализации предложения т. Калашникова. О Вашем решении просим нас поставить в известность» [12. Л. 42].

Со своим вторым изобретением старший сержант М.Т. Калашников прибыл в Ташкент, а после направлен в Москву. Он работает на Центральном научно-исследовательском полигоне стрелкового и минометного вооружения (НИПСМВО) Главного Артиллерийского управления РККА. Здесь его ждали большая общественная и научная деятельность и огромный успех на военно-конструкторском поприще.

Исследователь биографии конструктора Александр Ужанов в своей книге «Михаил Калашников» пишет: «На протяжении всей жизни у Михаила Тимофеевича самые добрые отношения с Казахстаном. Мудрено ли, Казахстан стал для него трамплином в большую жизнь. Где были и слава, и зависть, друзья и враги. Калашников называет Казахстан своей второй родиной. Он говорит, что сделал здесь два изобретения: пистолет-пулемет и своего сына Виктора. Когда Нурсултан Назарбаев был повторно избран на пост Президента Республики Казахстан, М.Т. Калашников направил в его адрес теплое приветствие, в котором были и такие строки: “С Казахстаном у меня связано самое значимое событие в жизни – создание своего первого пистолета-пулемета, давшего путевку в большую конструкторскую жизнь, о чем я никогда не забуду”» [20. С. 36].

В 1944 г. М.Т. Калашников разработал опытный образец самозарядного карабина, который послужил базой для создания своего знаменитого автомата. В 1947 г. он усовершенствовал свой автомат и в том же году одержал блестящую победу в труднейших конкурсных испытаниях, так появилось официальное название АК-47 («Автомат Калашникова-47») [14. С. 120]. В 1949 г., после доработок, автомат Калашникова был принят на вооружение Советской Армии, став одним из лучших видов послевоенного стрелкового оружия, получившего общемировое признание. За создание эффективного стрелкового оружия в 1949 г. Михаил Трофимович Калашников был удостоен Сталинской премии первой степени, впоследствии стал дважды Героем Социалистического Труда (1958, 1976), лауреатом Ленинской премии (1964), Героем Российской Федерации (2009).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Койшигулов Ахмеджан* (1905–1983) – в 1940–1942 гг. зам. председателя СНК КазССР – нарком госконтроля КазССР. В 1942–1943 гг. секретарь ЦК КП(б) Казахстана по оборонной промышленности. В дальнейшем на ответственной партийной и советской работе. С 1962 г. на пенсии.

² *Кимельфельд Абрам Наумович* (1909–?) – в 1939–1940 гг. начальник технического отдела Завода боеприпасов (г. Киев), в 1940–1941 гг. главный инженер и заместитель начальника военного отдела Наркомата земледелия Украинской ССР. В 1941–1942 гг. выполнял специальное задание Наркомата боеприпасов СССР по внедрению собственного изобретения (г. Куйбышев), с марта 1942 г. налаживал массовое его производство в машинно-тракторной мастерской (г. Кустанай).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Казахстан* в период Великой Отечественной войны Советского Союза: сб. документов и материалов : в 2 т. Т. 1 : Июнь 1941–1943 гг.
2. *Архив* Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 617.
3. *Государственный архив* Акмолинской области. Ф. 759. Оп. 1. Д. 6.

4. Шепель В. Рассекреченная война: эпизоды // Казахстанская правда. 2009. 23 октября.
5. «Я твердо и настойчиво буду испытывать новый образец...»: документы Архива Президента Республики Казахстан о разработке М.Т. Калашниковым пистолета-пулемета / вступ. ст., подгот. текста к публ. и коммент. Е.В. Чиликовой // Отечественные архивы. 2010. № 2.
6. АП РК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 711.
7. АП РК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 691.
8. АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 6.
9. АП РК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 705.
10. АП РК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 689.
11. АП РК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 690.
12. АП РК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 702.
13. Кошуба Г. С благословения Георгия Жукова // Красная звезда. 2009. 3 ноября.
14. Калашников М.Т. Записки конструктора-оружейника. М. : Военное издательство, 1992.
15. Калашников М., Калашникова Е. Калашников: траектория судьбы / сост. Н. Шкляев. М., 2004.
16. АП РК. Ф. 708. Оп. 7.1. Д. 276.
17. АП РК. Ф. 725. Оп. 4. Д. 475.
18. Ужанов А.Е. Михаил Калашников. М. : Молодая гвардия, 2009.

Статья представлена научной редакцией «История» 07 октября 2014 г.

ON THE HISTORY OF CREATION OF THE LEGENDARY KALASHNIKOV

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 98–102. DOI 10.17223/15617793/392/17

Absemetov Marat O. National Archive of the Republic of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan). E-mail: keden-kz@mail.ru

Keywords: Kazakhstan; Matay; machine gun; AK-47.

World War II was a severe test for the USSR. All the country, all Soviet people fought for the defense of the Motherland. Kazakhstan as one of the key republics of the Union State became a real arsenal for the front. Production and scientific capacities from the European part of the USSR evacuated here. Kazakhstan along with the Urals and Siberia had large supplies of mineral raw materials for the production of the military machinery for the Red Army, and also provided the front with everything necessary for war to the bitter end. There were research institutes, laboratories, universities here where the best intellectual minds worked over creation of new types of arms that provided a victory over the enemy. In Kazakhstan there were talented scientists from the USSR Academy who in the years of war made the maximum contribution to the victory. More than 20 research institutes were placed in Alma-Ata thanks to which production of different types of arms (torpedoes, artillery shells, depth-charge mortars and air bombs) was developed. During the war there were such powerful fire weapons as artillery, aircraft fleet, tanks, and nearly a half of losses of war armies fell to the share of infantry divisions. In the first years of the war there was an acute shortage in different types of arms. The main role in defense was the equipment of the soldier. The topical issue of the Defense Committee of the country was about creation of new arms which had to surpass the Wehrmacht weapon in technical indicators. Hundreds of volunteer inventors responded to an appeal of the party and the government. The scale of the incoming projects and offers was enormous. For example, tens of various rationalization innovations were on the development of incendiary bombs and mixes. In Kazakhstan, the staff sergeant Mikhail Kalashnikov began developing the future legendary machine gun. The leadership of Kazakhstan provided M.T. Kalashnikov with all conditions for the preparation and assembly of automatic small arms. In 1949 the Kalashnikov was into the Soviet Army service and was one of the best types of post-war arms which have gained universal recognition. For the creation of effective arms Mikhail Trofimovich Kalashnikov was awarded by Stalin with the award of the first degree, subsequently he twice became the Hero of Socialist Work, the Winner of the Lenin award, the Hero of the Russian Federation.

REFERENCES

1. *Kazakhstan v period Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuz* [Kazakhstan during the Great Patriotic War of the Soviet Union]. Documents and Materials: in 2 vols. Vol. 1 June 1941-1943.
2. Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK). Fund 708. List 6.1. D. 617.
3. State Archive of Akmola Oblast. Fund 759. List 1. D. 6.
4. Shepel' V. Rassekrechennaya voyna: epizody [Declassified War: Episodes]. *Kazakhstanskaya pravda*, 2009. 23 October.
5. "Ya tverdo i nastoychivo budu ispytyvat' novyy obrazets ": dokumenty Arkhiva Prezidenta Respubliki Kazakhstan o razrabotke M.T. Kalashnikovym pistolet-pulemeta ["I firmly and persistently will test the new model": Documents of the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan on M.T. Kalashnikov's development of a submachine gun]. *Otechestvennyye arkhivy*, 2010, no. 2.
6. Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK). Fund 708. List 6.1. File 711.
7. Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK). Fund 708. List 6.1. File 691.
8. Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK). Fund 708. List 1/1. File 6.
9. Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK). Fund 708. List 6.1. File 705.
10. Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK). Fund 708. List 6.1. File 689.
11. Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK). Fund 708. List 6.1. File 690.
12. Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK). Fund 708. List 6.1. File 702.
13. Koshuba G. S blagosloveniya Georgiya Zhukova [With the blessing of Georgy Zhukov]. *Krasnaya zvezda*, 2009. 3 November.
14. Kalashnikov M.T. *Zapiski konstruktora-oruzheynika* [Notes of an arms designer]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo Publ., 1992. 304 p.
15. Kalashnikov Moscow, Kalashnikova E. *Kalashnikov: traektoriya sud'by* [Kalashnikov: the path of destiny]. Moscow: Vsyaya Rossiya Publ., 2004. 639 p.
16. Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK). Fund 708. List 7.1. File 276.
17. Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK). Fund 725. List 4. File 475.
18. Uzhanov A.E. *Mikhail Kalashnikov*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2009. 438 p. (In Russian).

Received: 07 October 2014

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (ПАНСЛАВИСТСКИЙ КОНТЕКСТ)

Статья «Русско-польские отношения (панславистский контекст)» раскрывает происхождение, направленность развития и сущность польской и русской панславистских идеологий. Общие типологические черты польского и русского панславизма, а также их особенности показаны на фоне межгосударственных отношений в Европе и русско-польских отношений.

Ключевые слова: панславизм; польский вопрос; поляки; Польша.

Оформление русско-польской конфронтации относится ко времени разделов Речи Посполитой. Польская политическая эмиграция развернула активную антирусскую пропаганду на Западе. Идеи, связанные с восстановлением ранее существовавших границ Польши, дополнялись новым путем поиска польской идентичности. На волне развития панславизма в славянском пространстве Европы польские идеологи разработали оригинальный проект культурного и политического объединения западных, южных и восточных славян.

С одной стороны, данный проект совпадал с другими панславистскими идеями, предполагая государственную (политическую) и религиозно-культурную консолидацию славян. С другой стороны, он представлял собой польский взгляд на место Польши в европейском сообществе государств. Традиционная для панславизма этнокультурная и политическая составляющие имели имперский подтекст. Польские панслависты предполагали образовать общеславянское государство под эгидой Польши, но без участия России.

Появление данного проекта, ограничившего географические пределы грядущей славянской империи, было связано с состоянием русско-польских отношений, внешнеполитическим курсом России на дальнейшее ослабление своего западного соседа и стремлением Польши сохранить свою государственность. Особое недовольство общественно-политических кругов Польши (шляхта, интеллигенция, католическое духовенство) вызывала политика России, направленная, в соответствии с программой графа С.С. Уварова, на «обрусение» (панрусизм) всех нерусских народов империи, в том числе и поляков. С этой целью в крупных городах, в частности Холмщины, российским правительством учреждались библиотеки и «склады русских книг», которые либо продавались за весьма символическую плату, либо раздавались даром. Данные меры рассматривались российскими властями как превентивные по отношению к распространению «польской заразы» на остальные и пока «послушные» провинции империи.

Оценивая состояние русско-польских отношений на перспективу, С.С. Уваров пропагандировал «русскую идею», а польские проекты рассматривал как «сепаратизм». Целью российской политики становилось внушение «верноподданнических чувств» жителям этнически неоднородных западных губерний, польской окраины России. Таким образом, внешнеполитический курс России по отношению к Польше по

многим позициям органично совмещался с российским вариантом панславистских преобразований.

Польский панславистский проект противостоял аналогичным проектам, разработанным в России российскими панславистами. Полякам представлялась более привлекательной перспектива союза с монархией Габсбургов, предоставившей Галиции статус автономии и некоторые привилегии в области языка и культуры (право учреждения административно-политических учреждений, сословно-представительного Сейма, учебных заведений).

Польских политиков и польских панславистов не смущала ситуация, когда полонизация русских в Галиции стала состоявшимся фактом. Исходно православные русские принимали католицизм, попадали под культурное и политическое влияние Польши.

Со своей стороны, правящие круги России и российский панслависты полонизацию оценивали негативно: «Польские ксендзы стали поспешно строить в русских деревнях католические костелы, и вопреки конкордата с римской курией, совершать для русских религиозные требы. За сим последовали: закрытие венской русской духовной семинарии во Львове, Перемышле и Станиславове; наконец, изгнаны из школы и правительственных учреждений русские письма и русский язык, с заменой первых польско-русским, или же прямо латинским алфавитом, а второго – исковерканным русско-польским жаргоном» [1].

Столкновение двух внешнеполитических курсов – России и Польши – встретило поддержку со стороны панславистов в обеих странах. Последнее отчетливо видно на материалах польского восстания 1863–1864 гг. Военное подавление польского освободительного движения Россией имело следствием негативную реакцию не только ведущих западноевропейских государств, но и всего славянского мира. Это подрывало и позиции российских вариантов панславизма.

Во время польского восстания 1863–1864 гг. появился фундаментальный труд С.М. Соловьева «История падения Польши». Автор известен не только своей профессионально-исторической деятельностью, как историк-государственик, но и как активный участник всеславянских съездов, которые последовали за польскими событиями. Странник славянского цивилизационного и государственно-политического единства, С.М. Соловьев в своей новой книге обосновал вариант решения польской проблемы в том виде, каким его видели в правящих и общественно-политических кругах России.

Суть концепции историка-государственника состояла в том, что Польша, являясь форпостом католицизма в Восточной Европе, представляет угрозу православию и ставит перед собой цель распространить «латинство». Действия поляков, направленные против Русской православной церкви на территории самой Польши и в Австро-Венгрии, многовековая конфронтация Варшавы и Петербурга, польские притязания на украинские и белорусские земли, по мнению С.М. Соловьева и его сторонников, поддерживались западными «великими державами» в целях ослабления «русского колосса» и раздробления славянского мира, противодействовали его консолидации. Запад намеренно переложил всю ответственность за разделение Польши на Россию, памятуя, что в действительности их инициатором являлась Пруссия, считал С.М. Соловьев, Россия же, включив часть польских территорий в состав империи, оказала полякам бесценную услугу, спасши их, таким образом, от германизации. Ответственность за разжигание ненависти к «старшему славянскому брату» российский историк возлагал, прежде всего, на польскую шляхту и духовенство.

Эта точка зрения была подробно и детально проработана классиками русского панславизма. «Польша, – писал Н.Я. Данилевский, – одна из всех славянских стран приняла без борьбы западные религиозные начала и усвоила их себе, – а потому и была в течение большей части своей истории не только бесполезным, но и вредным членом славянской семьи, изменившим общим славянским началам, стремившимся распространить насильем и соблазном враждебный славянскому миру католический и шляхетско-аристократический принцип в самую глубь России» [2. С. 304]. Поэтому идеологи русского панславизма считали, что прежде чем вступить в борьбу с германоманской цивилизацией за «место под солнцем», необходимо устранить одно из самых серьезных внутренних препятствий славянскому единству – польский вопрос.

Если поляки образуют независимое государство, утверждал Н.Я. Данилевский, то оно непременно станет «центром революционных интриг... преимущественно направленных на западные губернии России». Последняя, бесспорно, этого не потерпит и предпримет все возможные меры к уничтожению «вредного для нее гнезда», что приведет, в свою очередь, к постоянным войнам и разорению польских земель. В этих условиях полякам ничего не останется, как обратиться за помощью к Германии [Там же. С. 378].

Однозначность данной ситуации для политиков и геополитиков не являлась таковой для русских панславистов, которые не совпадали во мнениях относительно решения «польского вопроса» и путей строительства общеславянского единства. Классик русского панславизма Н.Я. Данилевский предпочел воздержаться от конкретных «рецептов» урегулирования русско-польских противоречий. «Обезнародить насильственными мерами» поляков и «поработить» их «промышленным преобладанием», полагал он, Россия не сможет. Значит, остается только одно –

предоставить полякам полную свободу выбора в определении своих позиций по отношению к «старшему брату» [2. С. 380]. Н.Я. Данилевский вполне осознавал общую сложность проблемы и противоречие между умозрительными панславистскими идеями и реалиями российской внешней политики.

Российский историк М.П. Погодин полагал, что польский вопрос может быть разрешен только посредством включения поляков в состав Славянского союза. Целесообразность этого заключалась, по мнению ученого, с одной стороны, в том, что поляки «связали нас крепчайшими узами с нашими родными братьями, населяющими девять западных губерний», а с другой – в необходимости ликвидации опасного для России очага, «готового всякую минуту служить авангардом для любых ее врагов» [3. Л. 5].

Профессор филологии А.Ф. Гильфердинг видел возможность «упразднения» польского вопроса в лишении возможности польского влияния над «Русскою и Литовскою народностью в нашем западном крае, и... устойчивой силе крестьянских общин в Царстве Польском», которая «перерабатывает своим влиянием старые идеи польского обывательства» [4. С. 358].

Иной точки зрения, более соответствующей российской правительственной, придерживались панслависты-военные. Польша, утверждал генерал Р.А. Фадеев, чужеродное тело в составе Российской империи. Проводимая там российским правительством политика создает угрозу постоянной «смуты» на западных границах, провоцирует вмешательство Запада во внутренние дела России и подрывает доверие к ней со стороны славян и славянских стран. Вмешательство Германии в славянские дела вступает в явное противоречие с военно-стратегическими задачами Российской империи, и, стало быть, польский вопрос требует радикальных решений: «Восстановить Польшу немецкими руками – значит... пустить в полный ход “Дранг нах Остен”, сдерживаемый русской межой» [5. С. 400].

Таким образом, для Польши и поляков создавалась ложная альтернатива: остаться «младшим братом» Российской империи или стать немецкой провинцией. Ждать от Польши и поляков добровольного присоединения к «русскому царству» в силу исторических причин было бы слишком наивно, поэтому в качестве одного из наиболее оптимальных решений «польской проблемы» стал курс на «мирное» обрусение российских западных губерний.

В то же время к перспективе обрусения Привислянского края, по примеру западных губерний, генерал относился скептически. Он реалистично ограничивался только установлением «русской вывески». Р. А. Фадеев предлагал продолжать политику панрусизма в западных губерниях, одновременно сохранив культурно-политическую самостоятельность Польши. Только таким путем, утверждал генерал, Польшу можно будет заставить примкнуть к славянскому движению, превратить поляков в его «передовую рать» и направить на Запад, против Пруссии и Австрии.

Окончательно славянский вопрос, по мнению Р.А. Фадеева, может разрешиться только в ходе воен-

ной экспансии, «освобождением» Прикарпатской Руси и Измаила. В неизбежной войне за освобождение славян Россия должна полагаться только на собственные силы, ей теперь, больше чем когда-либо, нужна армия, соответствующая числом и качеством «величю задачи», стоящей перед ней. Новизна данной интерпретации состояла в установлении связи между панславизмом и нарастающей милитаризацией в Европе. Это была по сути панславистская интерпретация макиавеллиевского тезиса «цель оправдывает средства». Будущее процветание славянства в рамках целостной цивилизационной общности допускало насилие при ее создании.

Таким образом, во второй половине XIX в. в славянском мире обозначилась парадоксальная перспектива возможного разрешения русско-польских противоречий: отрешение русских или поляков от славянства и как следствие реализация каждым из них собственной панславянской концепции.

Политика русификации польских земель к началу XX в. окончательно себя дискредитировала. Поэтому российские панслависты, сторонники «славянской идеи», выдвинули требование о предоставлении полякам территориально-административной автономии. Это позволило бы, по их мнению, заручиться поддержкой Польши в укреплении тесных культурных, экономических и политических связей России с зарубежным славянством. Российские мыслители подвергли критике и тезис относительно притязаний Германии на польские земли. «Германии, – писал П. Струве, – не нужно ни пяди земли, населенной польским народом. Для Германии было бы безумием ввести в свой немецкий государственный состав новые миллионы поляков... Такое поглощение изменит соотношение культурных сил, даст католикам решающую силу в Германии» [6. С. 150–151].

Колониальная активность кайзеровской Германии на Ближнем Востоке и в Африке, насильственное онемечивание славян, доктрина Пангерманского союза, члены которого неоднократно заявляли о расовом превосходстве немцев над «славянскими варварами», подводили к мысли о неизбежности войны между «германством» и «славянством». И чем более остро вставали польско-германские проблемы двусторонних отношений, тем более прочными становились позиции панславистов. Польские панслависты дрейфовали от радикализма в отношении России и восточных славян к более умеренной позиции. Идея польской автономии в составе Российской империи становилась тем компромиссом, который был способен удовлетворить абсолютное большинство панславистов. Разумеется, ни российские, ни польские радикалы-панслависты не могли принять такого решения.

Сближение Австро-Венгрии и Германии, стремление последней к мировому господству, обострение внутривнутриполитического и экономического кризиса в России ставили решение польского вопроса в прямую зависимость от развития германо-русских отношений. Лидер польского панславизма (неославизма) Р. Дмовский выражал опасения относительно того, что в силу географического положения Германия непременно предпримет попытку захвата Царства Польского, следствием чего станет развязывание русско-германского конфликта. Победа в этой войне будет принадлежать, несомненно, Антанте, а значит, и России. Именно поэтому, утверждал Р. Дмовский, необходимо активизировать внешнюю политику «старшего брата» в балканском направлении путем организации широкомасштабного славянского движения против Германии. Участие в нем поляков, по замыслу Р. Дмовского, должно позитивно изменить отношение к ним России, и таким образом русско-польские противоречия будут упразднены. Большие надежды поляки возлагали и на Всеславянские конгрессы в Праге (1908 г.) и Софии (1910 г.). Однако конструктивного диалога между польскими и российскими панславистами на этих съездах не получилось. Российская делегация намеренно демонстрировала равнодушие к попыткам поляков начать обсуждение проблемы урегулирования русско-польских взаимоотношений.

Аннексия Боснии и Герцеговины привела к резкому спаду интереса к панславистским лозунгам, выявив приоритеты национальных интересов славянских народов над проектами общеславянского единства. В общественно-политических кругах западных и южных славян сохранялось стремление к реализации австрославистских проектов. Поэтому большинство славянских депутатов венского парламента поддерживали внешнеполитический курс А.Л. фон Эренталя и высказались за присоединение Боснии и Герцеговины к Габсбургской империи. Это обстоятельство сделало совершенно невозможным русско-австрийское сближение и еще раз подтвердило утопичность панславистских проектов польского происхождения.

Таким образом, если «патриархи» панславизма XIX в. либо избегали однозначных и категоричных суждений по польскому вопросу, либо провозглашали в качестве его единственно возможного решения панрусизм, то в начале XX в. возобладал прагматический, приближенный к международно-политической реальности подход. Большинство панславистов стало считать наиболее целесообразным предоставление «братям»-полякам автономии. Более того, допускалась польская автономия и во всеславянской державе, строительство которой должно было осуществлять всё славянство.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Московские ведомости*. 1894. № 84. 26 марта.
2. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. М., 2003.
3. РГАЛИ. Ф. № 373. Погодин М.П. Оп. 1. Ед. хр. 46.
4. *Гильфердинг А.Ф.* Собрание сочинений : в 2 т. СПб., 1868. Т. 2.
5. *Фадеев Р.А.* Кавказская война. М., 2003.
6. *Струве П.* Великая Россия // Русская мысль. 1908. № 1.

Статья представлена научной редакцией «История» 06 января 2015 г.

RUSSIAN-POLISH RELATIONS (THE PAN-SLAVIST CONTEXT)

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 103–106. DOI 10.17223/15617793/392/18

Griroryeva Anna A. Irkutsk State Pedagogical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: fox-admin81@mail.ru

Keywords: Pan-Slavism; Polish question; Poles; Poland.

The article emphasizes the problems of scientific and socio-political relevance. The scientific novelty of the article is to identify the correlation between the relations of Russia and Poland, on the one hand, and the evolution of the ideology of Pan-Slavism, on the other. Appearance of Russian-Polish confrontation dates back to the partition of Poland and, in connection with it, to the launch of active anti-Russian propaganda in the West by the Polish emigration. The ideas associated with the restoration of the pre-existing borders of Poland were supplemented by ideologically renewed search of the Polish identity. Polish Pan-Slavists developed an original project of the cultural and political unification of the Slavs in a common Slavonic state under the auspices of Poland, but without the participation of Russia. During the Polish uprising of 1863-1864, a fundamental work, *History of Poland's Downfall*, by S.M. Solovyov appeared. As a researcher of the state history he believed that the West deliberately shifted the entire responsibility for the partition of Poland to Russia. He evaluated the inclusion of the Polish lands in Russia as a salvation of the Western Slavic civilization from Germanization. This point of view, not without geopolitical overtones, was worked out in detail by the classics of Russian Pan-Slavism. N.Ya. Danilevsky offered to give the Poles a complete freedom of choice in determining their position in relation to the "elder brother" and their place in the coming Slavic community. Historian M.P. Pogodin was also confident that the inclusion of the Poles in the Slavic Union exactly means the "solution" of the Polish issue. Professor of Philology A.F. Hilferding saw the possibility of the Polish question "abolishing" by the weakening of the Polish influence in the western provinces of the Russian Empire. Military Pan-Slavists had a different point of view, more responding to the Russian government opinion. Gen. R. A. Fadeev proclaimed the massive policy of Russification as the only way to solve the Polish issue. Thus, in the second half of the 19th century the Slavic faced a paradoxical prospect of a possible resolution of the Russian-Polish conflict: Russian or Polish removal from Slavism, and, as a consequence, their own implementation of their own Pan-Slavic conception. As soon as the projects of the Russification of Poland and the Poles became frankly utopian, in the beginning of the 20th century the idea itself was completely discredited. Therefore, Russian Pan-Slavists demanded administrative-territorial autonomy for the Poles. The annexation of Bosnia and Herzegovina was accompanied by a decline of interest in Pan-Slavist slogans, identifying the priorities of national interests of the Slavic peoples over the projects of a Common Slavic unity.

REFERENCES

1. *Moskovskie vedomosti*, 1894, no. 84. 26 March.
2. Danilevskiy N.Ya. *Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu* [Russia and Europe. A look at the cultural and political attitude of the Slavic world to the Germanic-Romance one]. Moscow: EKSMO Publ., 2003. 423 p.
3. Russian State Archive of Literature and Art (RGAL). Fund no. 373. Pogodin M.P. List 1. Archival Unit 46.
4. Hilferding A.F. *Sobranie sochineniy: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. St. Petersburg, 1868. Vol. 2.
5. Fadeev R.A. *Kavkazskaya voyna* [The Caucasian War]. Moscow: EKSMO: Algoritm Publ., 2003. 635 p.
6. Struve P. Velikaya Rossiya [The Great Russia]. *Russkaya mys'*, 1908, no. 1.

Received: 06 January 2015

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СИЛЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Статья представляет собой историко-социологическое исследование, объектом которого стало взаимодействие власти и общества на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX в. Основные направления внутренней политики и социальные процессы, протекающие на Дальнем Востоке в этот период, позволяют выявить принципы регионального проекта, целью которого было формирование местной властью ряда общественных организаций, исполняющих посреднические функции в решении вопросов социального, культурного и хозяйственного направлений региональной политики. Механизм региональных процессов, формирующих «административные» функции общественной организации, рассматривается в качестве решения острой проблемы общественной жизни Дальневосточного региона: накопление и удержание человеческого капитала.

Ключевые слова: общество; общественная организация; история Дальнего Востока; социальная политика; региональная политика; регион.

Дискуссия о роли легальных общественных сил в реализации национальных проектов Российского государства имеет длинную историю, начавшуюся с открытия более 150 лет назад первой общественной организации дореволюционной России. Влияние общественных сил признается полезным в том случае, если речь идет об их воздействии на процессы демократизации политического режима, либерализации властных структур различных уровней и в целом на модернизацию гражданской и политической жизни. Взаимодействие власти и общества, учитывая неоднократные попытки правительственной регламентации деятельности общественных организаций, часто оценивается как зависимость или подчинение общественных интересов государственным. На уровне дореволюционных теорий проблема их взаимоотношения разработана государственной историографической школой, представители которой назвали частные союзы одной из трех форм управления, наряду с управлением «через чисто правительственные установления» и управлением «через выборные установления» [1. С. 27]. Таким образом, задача вольных объединений, не обладавших делегированными властью полномочиями, заключалась в восполнении средств правительства и самоуправления.

Дореволюционные общественные организации то объединяли с местным и даже сословным самоуправлением – на основе свойственной этим институтам «самодеятельности» (личной инициативы, самостоятельного действия, осуществляемого не по распоряжению властей), то строго разделяли, учитывая разные нормы права, которыми регулируются их действия [2. С. 610. 3. С. 65]. При этом теоретики подчеркивали, что смысловое начало всех общественных организаций находится в деятельности власти, объединяющей, организующей [1. С. 205] и поддерживающей равновесие между общественными силами [4. С. 13], поскольку государство в конечном счете решает общественные задачи. В итоге «государственная регламентация, самоуправление и частные союзы» составили «три способа осуществления разных общественных задач», не исключая друг друга, но взаимно дополняющих недостаток средств каждого [1. С. 27]. Можно полагать, что активное взаимодей-

ствие власти и общества в целом не противоречит существованию гражданского общества; инициатива властных структур, с опорой на существующее, а не строящееся с помощью власти гражданское сознание, является скорее российским способом построения элементов гражданского общества.

В целом идея привлечения общественных организаций к решению проблем регионального развития как уникального явления, заключающего в себе черты общественных и государственных институтов, не являлась слишком абсурдной в начале XX в., как и не является абсолютно новой в начале XXI в. Для постсоветской России, переживающей замедленные темпы развития регионов, связанные с необходимостью улучшения качества жизни населения, актуальным становится сам принцип модернизации региональной политики. Реальность такова, что решение задач в ключевых сферах жизни общества невозможно без участия самого общества. С другой стороны, участие общественных сил в жизни региона в виде местного самоуправления недостаточно, а во многих вопросах вовсе исчерпало свои возможности. К тому же местная власть не в состоянии учесть все претензии общества, а разрозненная общественность не способна их донести. Таким образом, именно влияние общественных организаций, представляющих собой, по сути, «обратную связь» между обществом и властью, между региональным управлением и федеральным центром, могло бы стать той силой равновесия, которая позволит найти баланс между общественными интересами и национальными проектами и, в конечном счете, модифицировать соответствующие аспекты региональных программ.

Исторический опыт стратегических решений развития регионов исключительно интересен на примере Дальнего Востока – уникальной территории, имеющей сложную политико-географическую характеристику с проблемами и противоречиями внутреннего развития, которые к тому же циклично повторяются на каждом историческом отрезке времени. Регион, состоящий из краев и областей, имеющих выход к морям Тихого и Ледовитого океанов, территорий, растянувшихся на пространстве между Баренцевым и Японским морями, отличает необходимость обяза-

тельному акценту на военную составляющую в своей программе развития. Специфика восточного региона такова, что на первый план выдвигается проблема сохранения такого населения, которое способно создавать и поддерживать недвижимый экономический рубеж (зону хозяйственного освоения) и при этом организовываться сообразно военным и политическим задачам на восточной границе – государственной границе особого типа. Однако трудности в освоении земель не всегда были понятны не только прибывающим переселенцам, но и власти, не представляющей, какой в конечном счете должна быть поддержка местного немногочисленного населения. Таким образом, российское пребывание на востоке должно было решить проблему организации общественной жизни региона. Однако этого не произошло. Напротив, региональная политика царской России оказалась наиболее успешной в такой важной для сегодняшнего Дальнего Востока проблеме, как накопление и удержание человеческого капитала. Это дает основания считать, что приоритеты дальневосточного направления политики были найдены. Механизм реализации этой политики был основан на создании условий для самоорганизации общества, способного аккумулировать и реализовывать собственные потребности. Принципы политики руководителей местной администрации, рассматривающей общественность с позиций конкретной пользы, приносимой местному хозяйству и культуре [5. С. 301, 309], заключались в следующем:

1) признать объективным наличие государственного (на местном уровне – генерал-губернаторского) интереса в развитии тех направлений общественной деятельности, которые необходимы для удовлетворения нужд региона;

2) считать некоммерческую общественную организацию ключевым звеном в реализации социального, культурного, хозяйственного направлений региональной политики;

3) осуществлять генерал-губернаторский контроль за всей системой деятельности общественных организаций, добровольно исполняющих роль посредника между властью и обществом;

4) поддерживать и лично участвовать в деятельности общественных организаций;

5) считаться с чувством гражданского долга у населения, а не формировать его. Служба общественному благу должна рассматриваться всеми участниками как условие собственного благополучия.

Необходимо учитывать условия реализации этих принципов на пространствах дореволюционного Дальнего Востока России: доминирующие позиции государства в социальной сфере, широкие полномочия главного начальника края – приамурского генерал-губернатора, обязательная отчетность общественных организаций и осведомленность генерал-губернатора о деятельности каждой из них. Существовала также тенденция, свойственная представителям различных уровней власти, – самим учреждать общественные организации, отдавая дань требованиям времени [5. С. 7].

Итак, рассмотрим исторический пример создания и деятельности общественных организаций на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. с целью выявления основных направлений, принципов, причин и результатов региональной политики взаимодействия власти и общества, а также ответа на ряд вопросов, в частности:

– Какие общественные организации могут взять на себя роль посредника между властью и обществом?

– Как региональная власть может конструировать основу общественной жизни региона?

– Каков алгоритм взаимодействия местной власти, самоуправления, общественных организаций?

– На чем основана взаимозависимость власти и общества в деле развития российского региона?

Каковы были причины, заставившие представителей местной власти остановить свой выбор на частных благотворительных обществах как на основных элементах региональной системы благотворительной помощи населению? Прежде всего, участие в сфере благотворительности было требованием закона того времени к чиновникам самого высокого ранга [6. Ст. 336, 340, 344], предполагавшего их участие «по долгу своему» во всех учреждениях, способствующих делу благотворительности, а благотворительное общество, как и любая общественная организация, представляло собой централизованную и организационно оформленную деятельность. К тому же это был самый простой и в то же время самый удачный на тот момент способ помощи – изыскивать средства и направлять их нуждающимся. Для генерал-губернатора и губернаторов, не располагавших избытком казенных средств, это обстоятельство было важнейшим. И все же самым большим плюсом общественной организации такого рода была не стабильность материальной базы организации, а ее некоммерческий источник. Можно даже сказать, что первые благотворительные общества Дальнего Востока создавались учредителями как добровольный финансовый центр, из которого будут черпаться средства на наиболее острые нужды беднейшего населения. Порядок открытия обществом домов призрения, школ, детских приютов и т.д. свидетельствует, что решение о приоритетах адресного направления средств принималось правлением по мере развития деятельности и отражало нужды города, в котором действовала общественная организация. Владивостоку, не имевшему на момент учреждения в нем благотворительного общества, начальных учебных заведений, требовалась школа; Благовещенску – хотя бы одна больница; большинство жителей чиновничьего Хабаровска не имели средств на лечение и т.д.

Использовали ли губернаторы другие формы развития благотворительности? Яркий пример в этой связи представляет деятельность губернаторов Амурской области, создавших и возглавивших Благотворительный фонд (1885–1886 гг.; фонд состоял из 1038 руб. 83 коп. и 581 пуда муки). Половину фонда составили личные средства бывшего военного губернатора Амурской области П.С. Лазарева [7]. Собрать «фонд» действовавшему и бывшему губернаторам

области помогли жители Благовещенска. Вскоре за отсутствием каких-либо других подобных организаций именно этот фонд «преобразован» в Благовещенское лечебно-благотворительное общество. Уже для следующей организации этап «фондовой деятельности» был пропущен. Благотворительные общества открывались по личному разрешению приамурского генерал-губернатора, т.е. до утверждения устава соответствующим министерством. До утверждения устава открыты Владивостокское благотворительное общество (1875), Приамурское дамское благотворительное общество (Хабаровск, 1889), Николаевское благотворительное общество (Николаевск-на-Амуре, 1898 г.), Южно-Уссурийское благотворительное общество (1902). Причина открытия сформулирована генерал-губернатором А.Н. Корфом как «действительная надобность подобного учреждения на Амуре» [7]. Председательствовали в этих обществах супруги генерал-губернаторов и губернаторов; как правило, они же были основательницами обществ и возглавляли их. Например, Владивостокское благотворительное общество (1876 г.) – «любимое детище» А.А. Фельдгаузен, супруги военного губернатора, лично купившей дом для второй народной школы и богадельни на 12 кроватей (общие собрания членов общества проводились в доме военного губернатора); Приамурское дамское благотворительное общество (1886 г.) основано баронессой С.А. Корф, супругой первого приамурского генерал-губернатора, лично собравшей 6 тыс. рублей к его основанию и т.д. [7, 8], что часто оговаривалось в уставе общества.

Совместная работа благотворительных общественных организаций и городской власти также делала их приоритетной, с точки зрения властей, формой социальной защиты. Постоянно выделяя обществу субсидии, до 1917 г. города не оставили без помощи ни одну из благотворительных организаций, в том числе избравших своей уставной целью осуществление какой-либо отдельной формы благотворительной помощи (что отчасти объясняют передачей с 1887 г. благотворительных учреждений Приказа общественного призрения в ведение городских управ [10. С. 227]). Множество подобных случаев дает возможность говорить о совместном с городом ведении дела или частичном содержании городом некоторых начинаний общества [9. С. 143, 183–189, 201–207, 210–218] (более подробное рассмотрение участия самоуправления в жизни благотворительных обществ в данной статье не проводится). Учитывая, что имущество и денежный капитал благотворительных обществ в случае их закрытия поступали в собственность города (по уставу общества), такое сотрудничество могло быть взаимовыгодным (аналогичную статью можно найти практически в каждом уставе дореволюционных обществ Дальнего Востока. По окончании обществом своих действий или при его закрытии организация, по желанию учредителей, могла передать свое имущество любому благотворительному обществу или городу).

Итогом совместной работы губернаторов, самоуправления и членов обществ стало повсеместное развитие благотворительности, принявшее на Даль-

нем Востоке форму «благотворительного движения» [11. С. 21]. Впервые в регионе появился новый уникальный тип общественной организации, сократившей дистанцию между обществом и властью больше, чем какие-либо другие общественные институты. В дальнейшем этот опыт не повторялся. С 1900 г. благотворительные общественные организации такой широты деятельности (их отличает название «лечебно-благотворительное» или «благотворительное») не создавались. Повторить работу «полубюрократических» организаций [12. С. 140], как и саму модель общественно-государственной системы благотворения [13. С. 18], оказалось не под силу частным благотворительным обществам. Однако этого уже не требовалось. Губернаторское начало благотворительного дела на Дальнем Востоке было положено, общественности оставалось выбрать приемлемые направления и продолжить эту работу, создавая новые благотворительные организации, основанные в большей степени на общественном, а не государственном интересе.

Несомненно, на сегодняшний день «более адекватным решением задач социальной политики» является «расширение финансовых полномочий региональных органов власти и, особенно, органов местного самоуправления» [14. С. 236]. Однако исторический опыт Дальнего Востока демонстрирует такую схему решения финансово-экономических и организационных вопросов социальной политики, которая оставляет выбор приоритетов деятельности за общественными организациями определенного типа. Городским властям остаются материальные вопросы содержания и предоставления помещений, выплата жалования отдельным участникам, направление субсидий благотворительным общественным организациям.

Далее рассмотрим решение другой важнейшей проблемы Дальнего Востока во второй половине XIX в. – крайнюю разрозненность местного, и без того немногочисленного, населения и отсутствие, даже в городах, культурных центров общественной жизни. Ситуация, невозможная в это время в европейской части России, была практически неразрешима на ее восточных окраинах. Дело в том, что ключевым вопросом городского досуга было создание клуба (собрания), т.е. постройка помещения, подходящего и специально отведенного для культурного времяпровождения в часы досуга. Участок и средства могли предоставить городские власти или состоятельные горожане (учитывая имущественный ценз для избрания в органы городского управления и малую заселенность Дальнего Востока, в последней четверти XIX в. состоятельными горожанами и гласными городской Думы были одни и те же люди). Вопрос состоял в том, на каких законных основаниях будет учреждено собрание и кто возьмется поддерживать жизнедеятельность этого заведения, учитывая, что до 1880-х гг. ни одного общественного собрания здесь не существовало?

И все же именно собрания становятся первыми центрами культурного досуга на Дальнем Востоке, ответственность за открытие которых до официального утверждения устава брали на себя генерал-губернаторы и губернаторы. На Дальнем Востоке и словом «собра-

ние», и словом «клуб» обозначали здание, используемое исключительно для устройства в нем культурных мероприятий (как правило, двухэтажное; иногда несколько комнат в таком здании [16. С. 114; 17]). В справочниках эти слова используются как синонимы в начале XX в. (см., например: [16. С. 114]). К тому же идея организации именно собрания вызывала активное сочувствие населения и, следовательно, финансовое участие наиболее состоятельных граждан в постройке помещений клуба. С этими же людьми можно связать активную поддержку городского самоуправления, а именно получение участка земли под постройку или арендуемого помещения. Они же становились учредителями собрания. Наконец, наиболее массовые мероприятия общественного собрания, как правило, всенародны и могли оказывать объединяющее влияние на всех жителей города. Причем это действие было масштабным. Из 116 обществ, действовавших на Дальнем Востоке до Октябрьской революции, отмечено 34 попытки открытия собраний и 20 организаций сценического искусства (обществ музыкальных, драматических, литературных) – объединений, «сопутствующих» деятельности собрания. Итак, если верно то, что представители местных высших чинов выбрали идею создания общественных собраний, чтобы объединить местное население культурным времяпровождением, то в равной степени верно и обратное – решение властей органично следовало за реализацией этой идеи.

Учитывались и сословные различия. Так, вопрос об организации во Владивостоке «общественного собрания, в котором могли бы соединиться на равных правах все интеллигентные слои общества», возникал несколько раз. Необходимость в таком собрании, по словам генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера, объясняется тем, что все существующие собрания (морское, военное, собрание приказчиков, общество пения – на 1898 г.), хотя и служат «для объединения общества», но «носят на себе сословный характер» [15. С. 302]. Исключения составляют клубы, специально создаваемые на основе профобъединения. Так, Д.Д. Григорьев, губернатор Сахалинской области, ходатайствовал об организации в посту Александровском (Сахалин) чиновничьего клуба, где можно было бы собираться на досуге, по словам губернатора, «для отдыха, обмена мыслей, составив одну общую семью, что, конечно, внесло бы в общественную жизнь то единство чинов всех ведомств, которое так необходимо для совместной дружной работы на благо Родины» [18. С. 50]. При этом нельзя с полной уверенностью утверждать, что представители высших уровней местной власти предполагали объединение общества вокруг собственной персоны или известных им лиц. Однако в 1911 г. на обсуждении кандидатуры председателя Петропавловского клуба была выдвинута примерно такая идея: «Принимая во внимание зимнюю отрезанность г. Петропавловска от культурного мира, вызывающую необходимость организации разумных развлечений и желательность поэтому избрания в председатели такого лица, которое объединило бы общество, сплотило бы его членов и тем гарантировало бы его от распада». Председателем общества стала

супруга губернатора С.М. Мономахова [17, 20]. Верно также и то, что на Дальнем Востоке, как и в Центральной России, общества становились «центрами притяжения богемы» [19].

Оценки общественных собраний как центров, в работе которых была заинтересована власть и которые этой властью целенаправленно формировались, уже появлялись в работах авторов, изучающих историю городского досуга. Например, Хабаровское общественное собрание оценивается как «всесословное культурно-развлекательное учреждение, созданное на государственном уровне...» [21. С. 53, 55, 57]; имеющиеся в Хабаровске собрания «стали на долгие годы пристанищем для самодеятельных и профессиональных местных и гастролирующих трупп и отдельных артистов, что объяснялось стремлением дать местной администрации очаг культуры, отвлечь офицеров и чиновников от карт, вина и скуки» [22. С. 214].

Дальнейшая деятельность собраний показывает всю важность клубного помещения для общественной жизни города. Около десяти лет (а, например, в Благовещенске – до 1917 г.) собрания соединяли местное общество (Морское собрание (1870-е гг.), и Собрание Приказчиков (1889) во Владивостоке сменило Общество изучения Амурского края (открывает зал не позднее 1884–1887 гг.); Хабаровское общественное (1880) и гарнизонное (1884) сменили залы Приамурского отдела ИРГО (не позднее 1884–1886 гг.). Никольск-Уссурийское общественное собрание открылось в 1900 г. в доме Рутковского, новое здание со зрительным залом на 300 мест появилось в 1909 г., конкуренцию ему составило здание Никольск-Уссурийского железнодорожного собрания, построенного в 1908 г. и ставшего центром поселка). Сбор от благотворительного вечера в собраниях, в свою очередь, поступал на строительство «меньшего брата» – Народного дома, на нужды переселенцев, беднейшего населения, с 1904 г. – пострадавшим на войне нижним чинам и их семьям. Каждую неделю проводились общедоступные вечера (чаще в собраниях Владивостока), в дневное время буфет собрания открывался для публики, о чем ежедневно сообщалось в объявлении в местной газете. При собрании открывались курсы, специальные чтения, воскресные школы при повторительных в них вечерних классах, «бюро труда» и даже детский сад (Собрание приказчиков г. Владивостока). Лекции и концерты, маскарады и вечера студентов, семейно-танцевальные вечера (чаще раз в неделю), лотереи и заседания общественных организаций города (для репетиций музыкальных и театральных обществ помещение репетиционного собрания, расположенного, как правило, в центре города, предоставлялось бесплатно) – это далеко не полный список мероприятий, стремительно изменивших досуг дальневосточных городов.

Сложно сказать, какого именно воздействия ожидали генерал-губернаторы и губернаторы от собраний и предполагалось ли изначально влияние того образовательного значения, которое свойственно музыке, литературе, театру – первые общества и кружки сценического искусства открыты в 1886 г. при Военном

собрании Владивостока, в 1887 г. – при Морском собрании Владивостока; в 1886 г. – при Общественном собрании Хабаровска; в 1896 г. – при Гарнизонном собрании Хабаровска. Тем не менее такое объединение творческих сил города позволило заложить основу музыкального образования, создать постоянный коллектив исполнителей, а губернаторам ежегодно упоминать о их деятельности в отчетах фразой «стоит отметить». Кроме того, в начале XX в. отчеты губернаторов упоминают библиотеки собраний как крупнейшие библиотеки Дальнего Востока (Благовещенского общественного собрания), как лучшую в городе (Владивостокского морского собрания). Причем, по мнению губернаторов, они также заслуживают внимания «как общественные библиотеки» [23. С. 257]. Как и в системе благотворительности, организации, созданные по инициативе местных властей, заложили основу данного направления общественной деятельности – культурного досуга. Учредителям XX в. оставалось выбрать и реализовать приемлемые формы самостоятельно и продолжить реализацию культурно-просветительной функции собраний (деятельность собраний позволяет исследователям оценивать их как просветительную или культурно-просветительную организацию. См., например: [21. С. 53; 24. С. 48–49]; оценки собраний как центра культурной жизни гражданского населения, места для проведения культурного досуга см.: [9. С. 189; 21. С. 53; 25. С. 9]). Причем с 1906 г., когда право создавать собрания было закреплено юридически, популярной стала «смешанная форма» – «клубы на семейных началах» и разного рода профессиональные объединения небольших групп горожан («смешанную форму» имели 8 из 13 открывшихся организаций).

Наконец, остановимся еще на одной группе общественных организаций – своего рода объединениях по интересам. Это общества любителей спорта (попыток открыть общество – 14), охоты и рыбалки (11), воздухоплавания (1), садоводства и огородничества (2), птицеводства, коннозаводства (5) и сельского хозяйства (7), фотографического искусства (3), эсперанто (8), техническое (1) и т.д. Однако признание времени досуга в качестве развлечения не мешало отражению в уставах или деятельности обществ задач обучения, совершенствования или получения членами общества полезных профессиональных навыков, научно-исследовательской работы, развития соответствующей отрасли хозяйства (учредителями и членами правления этих организаций были состоятельные люди, имеющие личный, профессиональный и частично коммерческий интерес к развитию дела). Несомненно, высшие административные чины были заинтересованы в поощрении любой частной инициативы такого рода и даже участвовали в них. Как и на европейской территории России, в большей степени поощрялись общественные организации, работавшие в областях, игравших в российской экономике наиболее значимую роль [5. С. 315].

На Дальнем Востоке в числе обществ, «работающих» в этой отрасли, помимо носящих уставное название «сельскохозяйственные общества», представлен широкий спектр организаций: общества любителей садоводства, огородничества, животновод-

ства, птицеводства. Общества образованы для удовлетворения интересов своих участников, почти каждый из которых имел участок земли и осуществлял свой вклад в развитие района, например, «содействием развитию садовой и огородной культуры в крае... распространением лучших сортов... среди местных жителей» [26. С. 88, 142–143]. Способами достижения этой цели были, помимо раздачи саженцев и отборных семян населению, устраиваемые обществами съезды и выставки (сельскохозяйственной продукции, домашних животных и птиц), конные испытания, распространение литературы по разведению животных и птицы, разведение и улучшение племенных пород и т.д. Подробные обзоры о состоянии соответствующей отрасли любители постоянно публиковали в «Ведомостях» (см., например, отчеты Общества любителей садоводства и огородничества [26]).

Деятельность обществ, несомненно, была весьма плодотворна. Еще в 1899 г. в обзоре Амурской области «несуществующим» названо садоводство. Причем и другие отрасли земледельческого хозяйства были здесь «или, вообще, слабо развиты, или... в зачаточном пока состоянии» [28. С. 11]. Самостоятельной роли, судя по обзору, не играло скотоводство; весь Южно-Уссурийский край по климатическим условиям признан местом, где «нельзя рассчитывать, чтобы там могли произрастать культурные плодовые деревья» [15. С. 150, 155]. Однако к 1903 г. распространение семян местным Никольск-Уссурийским обществом способствовало тому, что «местный базар в течение текущего лета был завален овощами, продаваемыми по крайне низкой цене», а посещение выставок приблизилось к 600–2000 чел. [26. С. 90, 160]. К концу 1899 г. на выставках полезные культуры и племенные животные обществ получали серебряные и золотые медали [29, 28], а к 1912 г. в Южно-Уссурийском крае обнаружилась «наиболее выдающаяся» «по количеству скота и общей постановке крестьянского скотоводческого хозяйства Хорольская волость». В Амурской области к 1911 г. местным обществом налажена постоянная доставка племенного скота, а Общество сельскохозяйственного птицеводства в 1912 г. сумело заинтересовать крестьян породным птицеводством [26, 40, 41].

Интересно, что к «объединениям по интересам» местная администрация обращалась постоянно, в разные периоды времени и по различным вопросам, суть которых сводилась к острой необходимости сотрудничества. В итоге сложилась практика, реализованная на Дальнем Востоке повсеместно: для решения особенно значимых проблем общественные организации привлекаются как участники, равные государственным структурам. Например, 8 декабря 1915 г. с принятием «Положения о мобилизации спорта» спортивные, стрелковые и некоторые охотничьи общества попали в особый список приамурского генерал-губернатора, который был направлен Главноуправляющему за физическим развитием народонаселения империи (суммы на устройство народных стрельб – полезного на границе дела – выделялись еще в конце XIX в. Владивостокскому и Южно-Уссурийскому

обществам любителей охоты. Стрельбище Владивостокского общества открыто для публики с 1895 г. Владивостокским обществом спорта (1907) обучение солдат началось в 1910 г. [30–32]). Общественные организации переведены «в разряд занятых выполнением серьезной государственной важности деятельности», из них образовано «по одному военно-спортивному комитету... как по собственному почину, так и по предложению Главноуправляющего за физическим развитием народонаселения Российской Империи», проведена ориентация на ведение допризывной подготовки лиц, подлежащих приему в войска. Исключение составило только Амурское общество спорта, туризма и военной подготовки, специально образованное в 1916 г. по причине неготовности спортивных общественных организаций Благовещенска к принятию допризывной подготовки [33, 34]. Из обществ любителей охоты в список генерал-губернатора внесены: Спасское общество охоты и спорта (1914), Приморское стрелково-охотничье общество (1910) и Зейское общество охоты и спорта (1908); Амурское общество охотников и Благовещенское представительство Российского общества туристов участвуют в Амурском военно-спортивном комитете под председательством губернатора [35].

Аналогичные примеры можно найти в деятельности организаций различной специализации. Согласно «Правилам о побочных использованиях в казенных лесах Приамурского края», утвержденным генерал-губернатором Н.И. Гродековым 10 июня 1899 г., наблюдение за точным их исполнением «могут принимать на себя члены местных обществ правильной охоты». Любители охоты активно включались в процесс выработки правил охоты, раз или два в год направляя свои проекты губернатору или генерал-губернатору, которые, учитывая совместную деятельность обществ и «лесной администрации», внимательно изучались (в 1908 г. дважды предоставляют правила и ходатайствуют о введении охотничьего закона в крае Владивостокское общество и Южно-Уссурийское, в сентябре этого же года проект правил и закона губернатору направило Хабаровское общество, отметив неотложность их принятия [30; 37. С. 47]). В 1917 г. Приморское общество сельского хозяйства приняло на себя решение вопроса об обеспечении деревни в предстоящий сезон рабочей силой [36]. Амурское сельскохозяйственное общество (1905), помимо своей уставной деятельности – доставки племенного скота и лошадей и содержания случного пункта, играет «роль солидного посредника между земледельцами и интендантством по сбыту зерна для местных войск» [32]. Подобные примеры отражают не только степень участия, но и доверие местной администрации.

Хорошо забытая в новейший период отечественной истории старая дружба между обществом и властью на рубеже XIX–XX вв. была основана на безвыходной ситуации: невозможно продолжать политику развития региона без поддержки общественности. Найденный выход может показаться неоднозначным, но вместо того, чтобы заставить общество решать проблемы региона и ожидать результата, власть делает общественные проблемы своими. Как только общественная жизнь стала делом государственным, а общественные организации, созданные властью, начали действовать в обозначенных направлениях, появились добровольные проводники этой политики, общее число которых к 1917 г. составило 165 некоммерческих организаций. Со временем выработались принципы этой политики, составившие суть стратегии развития Дальневосточного региона: представители высшей власти создают общественные организации в самых необходимых областях жизни региона, поддерживают и опираются на их деятельность, рассматривая эти организации как административное звено. Причин, заставивших представителей местной власти рассматривать общественные организации в качестве основных элементов региональной политики, было несколько, в том числе недостаточное финансирование, неразвитость системы социальной защиты, почти полное отсутствие экономических рычагов, острая нехватка военного и гражданского населения и т.д. Результат заставляет задуматься об истинном назначении административного ресурса. Менее чем за десять лет произошли кардинальные перемены в городской жизни Дальнего Востока, а именно: местное общество сплотилось и составило активную общественную поддержку действиям власти, наметились положительные тенденции в развитии всех областей хозяйственной жизни, население быстро увеличивалось и включалось в систему общественных сил региона.

Упомянутые в статье общества, конечно, не составляют всей мозаики общественных организаций дореволюционного Дальнего Востока, так же как и рассмотренные акценты политики местной администрации в отношении этих организаций не дают полного представления обо всех достижениях и проблемах взаимоотношений общества и власти. Все же общая картина развития общественных сил региона, алгоритм действий местной власти и самоуправления, динамика сотрудничества и его результаты показывают успешный опыт того, как власть может строить основные элементы общественной жизни региона, опираясь на поддержку общества, на взаимозависимость и взаимозависимость этих сил в деле развития дальневосточных территорий России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Градовский А.Д. О современном направлении государственных наук. Речь, произнесенная на годовичном акте Императорского С.-Петербургского университета 8 февраля 1873 года ординарным профессором А. Градовским. СПб., 2001.
2. Гессен В.М. Общества // Энциклопедический словарь. Репринт. воспроизв. издания Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. 1890–1900. Ярославль, 1992. Т. 42.
3. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб., 1998.
4. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1994. Кн. 1.
5. Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 годы. Тамбов, 2002.

6. *Свод законов Российской империи*. СПб., 1892. Т. II.
7. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 24. Л. 1, 12.
8. *Владивосток*. 1886. 12 июля. № 30.
9. *Сергеев О.И., Лазарева С.И., Тризуб Г.Я.* Местное самоуправление на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в.: Очерки истории. Владивосток, 2002.
10. *Власов П.В.* Благотворительность и милосердие в России. М., 2001.
11. *Войт Л.Н.* Проблемы переселения на Дальний Восток и благотворительное движение во второй половине XX – начале XX вв. // *Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона* (Первые Крушановские чтения, 1998 г.). Владивосток, 2001.
12. *Гаврилов Н.И.* Участие горожан Иркутской губернии в благотворительных обществах 2-й половины XIX века: проблемы реализации социальных ожиданий // *Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования*. СПб., 2007.
13. *Скалабан И.А.* Зачем Российскому государству благотворительные организации? // *Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования*. СПб., 2007.
14. *Гордин В.Э., Васильев Г.Г., Хорева Л.В.* Место и роль негосударственных некоммерческих организаций в реформировании социальной сферы России // *Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования*. СПб., 2007.
15. *Унтербергер П.Ф.* Приморская область 1859–1898 гг. Очерк. СПб., 1900.
16. *Голубцов Г.* Амурский календарь на 1903 г. СПб., 1903.
17. *Российский государственный исторический архив Дальнего Востока* (РГИА ДВ). Ф. 1377. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 6, 16.
18. *Григорьева М.В.* Он сам сделал выбор // *Губернаторы Сахалина* / гл. ред. А.И. Костанов. Южно-Сахалинск, 2006.
19. *Туманова А.С.* Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2008.
20. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 299. Л. 172-172 об.
21. *Андреец Г.А.* Культурно-просветительная деятельность: Хабаровские общественное и военное собрания // *Россия и АТР*. 2003. № 3 (41).
22. *Иванов А.С.* Театральная культура Дальнего Востока до 1917 г. // *История культуры Дальнего Востока России XVII – начала XX вв.*: сб. науч. тр. Владивосток, 1996.
23. *Чичагов А.Г.* Всеподданейший отчет Военного губернатора Приморской области генерал-лейтенанта Чичагова за 1900 год. Владивосток, 1901.
24. *Вайман Л.А.* Развитие музыкальной культуры во Владивостоке в начале XX века // *Культура народов Дальнего Востока: традиции и современность*. Владивосток, 1984.
25. *Засека Ю.И.* Военные оркестры // *Культура на Дальнем Востоке XIX – XX вв.*: сб. науч. работ. Хабаровск, 1993.
26. *Коляда А.С., Кузнецов А.М.* Никольск-Уссурийский: штрихи к портрету. Уссурийск, 1997.
27. *Приамурские ведомости*. 1900. 27 февр. № 322.
28. *Обзор Амурской области за 1899 г.* Благовещенск, 1900.
29. *Приамурские ведомости*. 1899. 12 сентября. № 298.
30. *Дальний Восток*. 1895. 13 авг. № 86.
31. *Дальний Восток*. 1901. 28 окт. № 161.
32. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 388. Л. 1, 25.
33. *Приамурские ведомости*. 1916. 12 января. № 278.
34. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 463. Л. 53.
35. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 342. Л. 154.
36. *Приамурские ведомости*. 1917. 18 марта. № 2545.
37. *Всеподданейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского за 1896–1897 годы*. СПб., 1898.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 июня 2014 г.

PUBLIC FORCES FOR THE DEVELOPMENT OF THE REGION: THE HISTORICAL EXPERIENCE OF THE FAR EAST

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 107–114. DOI 10.17223/15617793/392/19

Kotlyar Nadezhda V. Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: galactotes@gmail.com

Keywords: society; public organization; history of the Far East; social policy; regional policy; region.

Modern problems of development of Russian regions, gradually involved in the field of the global crisis, are forced to seek, first of all, solutions in the field of social problems and contradictions. In this regard, of particular interest was the study of the historical experience of the regional cooperation between the authorities and society, in the course of their implementation the most optimal strategy of social and cultural development of the Far East region of Russia was worked out. The study of the regional project and attraction of public organizations to the solution of the key problems of the region is also interesting in terms of identifying the features of formation and development of the social forces and the Far East specifics of the relations between public and state structures. The work gradually reveals the philosophical, political and sociological aspects of interaction of the authorities and society, turning to the description of the structural elements of the domestic policy of the Far Eastern administration in the last third of the 19th century. The material allows us to trace the algorithm of actions of local authorities and NGOs in the region, but gives an idea about the evolution of regional policy and its principles, the dynamics of cooperation of NGOs and the General-Governor's authorities, as well as the reason of change of regional policy priorities. The article discusses such issues as the structure and principles of the Far East public organizations' activity; the relationship of NGOs and local government. The article considers the principles of the regional social project aimed at constructing the foundations of the social life of the region; the general structure of the solution of the most acute problems of the Far East; cooperation of the local administration and regional public organizations in three directions: charity, cultural and entertainment activities, development of relevant industries. A general conclusion is made about the possibility of "administrative" functions of public organizations and their place in the management practices of the leaders of the local administration, about the formation of a principled position of the representatives of the local administration, regional governors and the Amur Governor-General regarding public organizations of the pre-revolutionary Russian Far East based on the possibility of relying on the sense of civic duty in the Far East. The main principles of management practices from different parts of the local administration confirming the successful experience of creating a system of balancing the forces of society and the possibilities of the authorities in the history of the Far East are stated.

REFERENCES

1. Gradovskiy A.D. *O sovremennom napravlenii gosudarstvennykh nauk. Rech', proiznesennaya na godichnom akte Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta 8 fevralya 1873 goda ordinarnym professorom A. Gradovskim* [On the current direction of public science. Speech delivered at the annual act of the Imperial St. Petersburg University on February 8, 1873 by Full Professor A. Gradovsky]. St. Petersburg, 2001.
2. Gessen V.M. *Obshchestva* [Communities]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Reprinted edition of Brockhaus and Efron's Dictionary of 1890–1900. Yaroslavl, 1992. Vol. 42.
3. Chicherin B.N. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1998. 656 p.
4. Klyuchevskiy V.O. *Russkaya istoriya. Polnyy kurs lektsiy v trekh knigakh* [Russian history. A full course of lectures in three books]. Moscow: Mysl' Publ., 1994. Book 1. 573 p.
5. Tumanova A.S. *Samoderzhavie i obshchestvennye organizatsii v Rossii. 1905–1917 gody* [Autocracy and public organizations in Russia. 1905–1917]. Tambov, 2002.
6. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1892. Vol. II.
7. Russian State Historical Archives of the Far East (RGIA DV). Fund 702. List 3. File 24. Pages 1, 12.
8. *Vladivostok*, 1886, no. 30, 12 July.
9. Sergeev O.I., Lazareva S.I., Trigub G.Ya. *Mestnoe samoupravlenie na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: Ocherki istorii* [Local government in the Far East of Russia in the second half of the nineteenth – early twentieth centuries: A short history.]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2002. 291 p.
10. Vlasov P.V. *Blagotvoritel'nost' i miloserdie v Rossii* [Charity and mercy in Russia]. Moscow: Tsentr-poligraf Publ., 2001. 443 p.
11. Voyt L.N. [Problems of moving to the Far East and the charity movement in the second half of the 19th early – 20th centuries]. *Dal'niy Vostok Rossii: istoricheskiy opyt i puti razvitiya regiona (Pervye Krushanovskie chteniya, 1998 g.)* [Russian Far East: historical experience and the development of the region (First Krushanov Readings, 1998)]. Vladivostok, 2001. (In Russian).
12. Gavrilo N.I. *Uchastie gorozhan Irkutskoy gubernii v blagotvoritel'nykh obshchestvakh 2-y poloviny XIX veka: problemy realizatsii sotsial'nykh ozhidaniy* [The participation of Irkutsk province citizens in charities in the 2nd half of the nineteenth century: problems of social expectation realization]. In: Leikind O.L. (ed.) *Blagotvoritel'nost' v Rossii. Istoricheskie i sotsial'no-ekonomicheskie issledovaniya* [Charity in Russia. Historical and socio-economic studies]. St. Petersburg: Zvezda Publ., 2007.
13. Skalaban I.A. *Zachem rossiyskomu gosudarstvu blagotvoritel'nye organizatsii?* [Why does the Russian state need charities?]. In: Leikind O.L. (ed.) *Blagotvoritel'nost' v Rossii. Istoricheskie i sotsial'no-ekonomicheskie issledovaniya* [Charity in Russia. Historical and socio-economic studies]. St. Petersburg: Zvezda Publ., 2007.
14. Gordin V.E., Vasil'ev G.G., Khoreva L.V. *Mesto i rol' negosudarstvennykh nekommercheskikh organizatsiy v reformirovanii sotsial'noy sfery Rossii* [The place and role of NGOs in the reform of the social sphere of Russia]. In: Leikind O.L. (ed.) *Blagotvoritel'nost' v Rossii. Istoricheskie i sotsial'no-ekonomicheskie issledovaniya* [Charity in Russia. Historical and socio-economic studies]. St. Petersburg: Zvezda Publ., 2007.
15. Unterberger P.F. *Primorskaya oblast' 1859–1898 gg. Ocherk* [Primorye region in 1859–1898. An essay]. St. Petersburg, 1900.
16. Golubtsov G. *Amurskiy kalendar' na 1903 g.* [The Amur calendar of 1903]. St. Petersburg, 1903.
17. Russian State Historical Archives of the Far East (RGIA DV). Fund 1377. List 1. File 1. Pages 4, 6, 16.
18. Gridyaeva M.V. *On sam sdela' vybor* [He made a choice himself]. In: Kostanov A.I. (ed.) *Gubernatory Sakhalina* [Governors of Sakhalin]. Yuzhno-Sakhalinsk: Lukomor'ye Publ., 2006.
19. Tumanova A.S. *Obshchestvennye organizatsii i russkaya publika v nachale XX veka* [Civil society organizations and the Russian public in the early twentieth century]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2008. 320 p.
20. Russian State Historical Archives of the Far East (RGIA DV). Fund 702. List 3. File 299. Pages 172 172 ob.
21. Andriets G.A. *Kul'turno-prosvetitel'naya deyatelnost': Khabarovskie obshchestvennoe i voennoe sobraniya* [Cultural and educational activities: Khabarovsk public and military meetings]. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*, 2003, no. 3 (41).
22. Ivanov A.S. *Teatral'naya kul'tura Dal'nego Vostoka do 1917 g.* [Theatrical culture of the Far East until 1917]. In: Stryuchenko I.G. (ed.) *Istoriya kul'tury Dal'nego Vostoka Rossii XVII – nachala XX vv.* [A Cultural History of the Far East Russia in the 17th – early 20th centuries]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 1996.
23. Chichagov A.G. *Vsepoddaneyshiy otchet Voennogo gubernatora Primorskoj oblasti general-leytenanta Chichagova za 1900 god* [A humble report of the Military Governor of the Primorye region, Lieutenant-General Chichagov in 1900]. Vladivostok, 1901.
24. Vayman L.A. *Razvitie muzykal'noy kul'tury vo Vladivostoke v nachale XX veka* [Development of musical culture in Vladivostok in the early twentieth century]. In: *Kul'tura narodov Dal'nego Vostoka: traditsii i sovremennost'* [Culture of the peoples of the Far East: tradition and modernity]. Vladivostok: DVNTs AN SSSR Publ., 1984.
25. Zasekha Yu.I. *Voennye orkestiry* [Military bands]. In: *Kul'tura na Dal'nem Vostoke XIX – XX vv.* [Culture in the Far East in the 19th – early 20th centuries]. Khabarovsk, 1993.
26. Kolyada A.S., Kuznetsov A.M. *Nikol'sk-Ussuriyskiy: shtrikhi k portretu* [Nikolsk Ussuriyskiy: finishing touches to the portrait]. Ussuriysk: UGPI Publ., 1997. 224 p.
27. *Priamurskie vedomosti*, 1900, no. 322, 27 February
28. *Obzor Amurskoy oblasti za 1899 g.* [Overview of the Amur region for 1899]. Blagoveshchensk, 1900.
29. *Priamurskie vedomosti*, 1899, no. 298, 12 September.
30. *Dal'niy Vostok*, 1895, no. 86, 13 August.
31. *Dal'niy Vostok*, 1901, no. 161, 28 October.
32. Russian State Historical Archives of the Far East (RGIA DV). Fund 702. List 3. File 388. Pages 1, 25.
33. *Priamurskie vedomosti*, 1916, no. 278, 12 January.
34. Russian State Historical Archives of the Far East (RGIA DV). Fund 702. List 3. File 463. Page 53.
35. Russian State Historical Archives of the Far East (RGIA DV). Fund 702. List 3. File 342. Page 154.
36. *Priamurskie vedomosti*, 1917, no. 2545, 18 March.
37. *Vsepoddaneyshiy otchet Priamurskogo general-gubernatora general-leytenanta Dukhovskogo za 1896–1897 gody* [A humble report of Priamurye Governor General Lieutenant General Dukhovskoi for 1896-1897]. St. Petersburg, 1898.

Received: 08 June 2014

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПРОГРАММНЫХ УСТАНОВКАХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ НАРОДНИКОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1880-х – НАЧАЛО 1900-х гг.)

Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 № 14. В25.31.0009.

Анализируются программные установки нелегальных народнических организаций. Отмечается, что в кризисные для революционного народничества 1880-е гг. революционные организации сосредоточились на тактике подпольной деятельности и не обращались к вопросам межнациональных отношений. Ренессанс радикального народничества в 1890-е гг. вновь вернул национальные проблемы в поле зрения социалистов. Автор констатирует достаточно существенные различия, сохранявшиеся в вариантах решения национальных проблем России, предлагаемых народническими программами.

Ключевые слова: народничество; социализм; революция; национальный вопрос.

Важнейшее отличие социалистической традиции от других направлений общественной мысли России заключалось в гораздо более раннем переходе к стадии формирования общественного движения. Это выразилось и в очевидном изменении приоритетности обсуждавшихся российскими социалистами проблем. Акценты сместились в сторону задач подготовки революции и практики революционной борьбы, что должно было отразиться и на преломлении взглядов на межнациональные проблемы России.

История социалистического движения в России в изложении советских историков 1920–1950-х гг. распадалась на два этапа: подготовительный, когда шел идеологический и теоретический поиск и обрабатывались организационные формы революционного движения, и с 1880-х гг. – собственно этап подготовки социалистической революции. Если на первом этапе народничество несло в себе самые передовые идеи, то на следующем оно превратилось в противника пролетарского революционного движения. Соответственно, основоположники народничества и революционные организации, прежде всего «Народная воля», освещались в достаточно позитивных тонах, но народническое движение 1880–1890-х гг. становилось утрачивавшим революционный потенциал и выродившимся в либеральное движение. При этом к отражению национального вопроса в народнических программах был утрачен какой-либо научный интерес [1. Т. 3. С. 148–242; 2. С. 128–130; 3. С. 39, 60]. В 1960–1970-е гг. происходят очевидные позитивные перемены в изучении российского социалистического движения XIX в. Это не привело к полному отказу от восприятия народничества как утопического крестьянского социализма и обязательной критики его на основе цитат из работ В.И. Ленина, но акценты в рассмотрении его истории сместились в направлении ее трактовки как закономерного и важного этапа революционного движения в России, высшей формой которого стал марксизм [4–7].

В 1990-е гг. сменяется направленность изучения социалистического движения. Исследователи отходят от тезиса, доминировавшего в советской историографии, об утрате всем народничеством, бывшим разновидностью мелкобуржуазного социализма, революционного потенциала и о переходе его на мелкобуржуазные позиции в результате идейного и организационного кризиса. Развитие народничества в 1880–1890-е гг. те-

перь характеризуется разнонаправленностью поисков путей развития России в варианте реформ и революции. Однако обращения к национальной составляющей в идеологии и практике народников не произошло, поскольку исследователи революционного народничества сосредоточились на изучении проблемы терроризма [8–11].

Историографический анализ научной литературы, посвященной истории социалистического движения России XIX в., показывает традиционное сосредоточение интереса на периоде его становления в 1840 – начале 1880-х гг. либо на периоде формирования социалистических партий в 1900-е гг. и последующей эпохе революционных потрясений. Период, последовавший после гибели «Народной воли», вызывал спорный интерес немногих исследователей, старательно обходящих вопрос об обращении революционных социалистов к национальной проблематике. В этой связи сохраняется актуальность исследования отражения национальных проблем Российской империи и вариантов их решения в программных установках народнических организаций второй половины 1880-х – начале 1900-х гг.

Разгром «Народной воли» завершил первый этап социалистического движения в России. Во второй половине 1880-х гг. в результате репрессий и внутреннего кризиса революционное народничество в России существовало в виде небольших по численности организаций, слабо связанных между собой. Большинство теоретиков и организаторов народо-вольческого движения погибли либо находились в заключении. Пришедшее им на смену новое поколение революционеров еще не выделило из своей среды теоретиков, способных выработать новые программные документы. Поэтому народнические организации использовали программу «Народной воли», о чем неоднократно заявляли [12. С. 7–8, 10].

Кроме того, небольшие по численности, существовавшие, как правило, очень небольшой срок, они сосредоточивались в своих программных заявлениях на проблемах тактики борьбы и организационных задачах. Так, в документах харьковской группы «Народной воли» и санкт-петербургской «Террористической группы Народной воли» акцент делается на задачах создания организации, способной развернуть террор против самодержавия [13. С. 128–129]. Более развер-

нутой была «Программа социалистов-федералистов», разработанная «Социально-революционной партией» [12. С. 11–12]. В ней достаточно четко выделялась общеполитическая часть, определявшая необходимость борьбы за политическую свободу и свержение самодержавия. К послереволюционному устройству общества народники не обращались, заявляя об обязательном созыве общероссийского представительного органа, который должен был определить порядок решения всех важнейших проблем. Среди главных политических требований выдвигалось «широкое местное самоуправление для удовлетворения местных нужд», которое можно рассматривать как вариант автономии, но не федерации, хотя авторы в преамбуле объявляли себя «социалистами-федералистами» [14. С. 11–12].

В начале 1890-х гг. социально-революционное движение в России переживало очевидный подъем, что связывалось с резким обострением ситуации в России в результате голода 1891–1892 гг. Происходит активизация демократически настроенного студенчества, не утратившего симпатии к социалистическим идеям. Организационной консолидации революционного движения способствовало начавшееся возвращение из мест лишения свободы народовольцев. Многие из них стали ядром новых организаций, в том числе «Партии народного права», оставившей заметный след в революционном движении [7. С. 18–22, 36, 54]. С другой стороны, это способствовало консервации народнической доктрины, что заметно при рассмотрении Манифеста партии «Народное право» и брошюры «Насущный вопрос», излагавших программу организации. Оба документа вышли в свет в подпольной типографии в Смоленске в 1894 г., брошюра позже была переиздана в Лондоне.

Указав на то, что самодержавие в России доказало свое бессилие создать такой общественный и государственный строй, который обеспечил бы правильное развитие духовных и материальных сил страны, авторы манифеста видели выход из создавшегося положения только в замене самодержавия установлением свободных представительных учреждений. Конечной целью определялось установление социалистического строя. На этой платформе народоправцы стремились объединиться для достижения своих задач со всеми российскими демократическими силами, прежде всего с социал-демократами. Наиболее актуальными задачами, требовавшими незамедлительного решения, определялись: представительное правление на основе всеобщего голосования, свобода печати, сходок, вероисповедания, неприкосновенность личности, «право политического самоопределения всех наций» [15. № 7. С. 198]. Перспективы национально-государственного устройства России не рассматривались.

Более подробно данные вопросы осветил А.И. Богданович, автор брошюры «Насущный вопрос». Главными целями борьбы за политическую свободу он определил: «Отделить государство от правительства, совместить государство с народом, уничтожить самодержавие и заменить бюрократию народным правлением» [16. С. 24]. Но решение дан-

ных задач в России затруднено неоднородностью ее политической, экономической и национальной организации. Народоправцу Российская империя виделась очень сложным конгломератом «разнообразных общественно-экономических и национальных, в свою очередь сложных образований», объединенных исключительно силой самодержавного государства при отсутствии общности нравственных или культурных интересов, которые связывали бы окраины с центром. При этом А.И. Богданович акцентировал внимание на равном статусе всех народов России по отношению к царской власти – все они, и русский народ в том числе, были «рабы под властью штыков-объединителей». Данный постулат был традиционным для русских социалистов и служил основанием для возможной совместной борьбы против существовавшей власти. Однако одновременно народоправец допускал несовпадение интересов великорусских регионов с национальными окраинами. Поскольку единство многонационального конгломерата обеспечивалось силой государства, его ликвидация могла привести к дезинтеграции. Национальные окраины естественно будут стремиться к отделению от России, ничего при этом не теряя. А.И. Богданович призвал признать право народов на суверенитет. Но для России, ее западные окраины служили мостом, обеспечивавшим связь с европейской цивилизацией, утрата которой негативно скажется на будущем ее развитии. В случае предоставления национальным окраинам свободы, по мнению части представителей русского общественного мнения, называвших себя «защитниками интересов русского народа», грозила перспектива формирования барьера враждебных государств [Там же. С. 24–25].

Не отвергая полностью подобных опасений, русский социалист обращал внимание на «общие материальные интересы» народов России, ставшие итогом длительного совместного сосуществования. Польша была заинтересована в отношениях с Россией как главным рынком сбыта ее промышленной продукции в силу отсутствия перспектив ее продвижения на запад. Это позволяло надеяться на возможность избежать дезинтеграции после падения самодержавия, но при условии коренного изменения государственного устройства на принципах федерализма как «союза свободных окраин со свободным центром» [Там же. С. 26].

Основой для формирования федеративных отношений должно было стать признание равноправия всех народов, входивших в состав России. Тем самым будет нанесен удар по одному из важнейших элементов самодержавной идеологии – принципу народности (который А.И. Богданович не раскрывал, но подразумевал под ним национальное неравноправие), на смену которому придет идея гражданства, «согласно которой всякий гражданин, кто бы он ни был по происхождению – русский, поляк, малоросс, немец, финляндец, еврей, армянин, грузин и проч. – есть равноправный гражданин» [Там же. С. 25–26].

Учитывая, что национальная неоднородность России дополнялась существенными отличиями в условиях социально-экономического развития собственно русских регионов, А.И. Богданович полагал важным

элементом будущего государственного устройства развитие широкого местного самоуправления. Примером такой федерации ему представлялись Северо-Американские Соединенные Штаты. Таким образом, А.И. Богданович остался в рамках народнической традиции приверженности территориальной федерации [16. С. 27]. При этом в агитационно-пропагандистской деятельности организаций «народоправцев» национальный вопрос не затрагивался в принципе [17. Д. 237. Т. 1. Л. 67–68, 287–287 об.; 18. Д. 86. Л. 1–8; 19. Д. 110. Л. 105].

Существенное влияние на оживление революционной работы в России оказывали эмигранты. Уже с середины 1890-х гг. в среде проживавших за границей народовольцев все настойчивее стали раздаваться голоса о необходимости объединения и создания единого печатного органа. Однако из-за разногласий объединение не удавалось. Орган же хотя и был задуман коллективно, стал издаваться единолично В.Л. Бурцевым. В апреле 1897 г. вышел первый номер журнала «Народоволец», призывавший всех работающих в России и за границей революционеров к возрождению «Народной Воли», к борьбе с существующим режимом. Политическая программа была схожа с уже рассмотренными выше и включала «уничтожение самодержавия, передачу всех общегосударственных дел из рук современной бюрократии в руки правильно выбранных народных представителей» [20. С. 11–12]. Но принципы решения национального вопроса были представлены значительно полнее. «Право национальности» стояло в ряду личных прав: слова, печати, свободы личности, обеспечение которых было неукоснительным. Формула «широкого областного и местного самоуправления», ставшая стандартным требованием поздних народнических деклараций, дополнялась предложением о федеративном устройстве государства, практически исчезнувшем из них [Там же].

К середине 1890-х гг. развитие народнического движения выразилось не только в увеличении числа его сторонников, но и в очевидно наметившемся процессе организационной консолидации, проявившемся в формировании нескольких достаточно устойчивых и крупных групп.

Брошюра «Наши задачи» (1896 г.), определявшая программные и организационные основы деятельности «Союза русских социалистов-революционеров», предлагала «широкое областное и общинное самоуправление, обеспеченное выборностью всех должностей». В отношении будущего национальных регионов позиция выглядела неоднозначной, так как перспектива создания «Федерации самостоятельных народностей», включавшей «Финляндию, Польшу, Великороссию, Малороссию, Кавказ и прочее» не сопровождалась утверждением права наций на самоопределение и, следовательно, вставал вопрос о добровольности вхождения их в федерацию [21. Т. 1. С. 20–21]. В «Манифесте партии социалистов-революционеров» (1900 г.) содержалось «признание права отдельных национальностей на политическое самоопределение», но государственное устройство послереволюционной России должно

было строиться не на федеративной основе, а все на том же «широком областном и местном самоуправлении», что подразумевало сохранение унитаризма [22. Т. 1. С. 31]. Брошюра «Свобода» (1900 г.), излагавшая программу «Рабочей партии политического освобождения России» и принципы ее организации, ограничилась лишь положением о необходимости достижения «свободы трудящейся личности без различия национальности» [23. Т. 1. С. 32].

Среди документов периода консолидации неонароднического движения выделяются положения программы, подготовленной редактором журнала «Вестник русской революции» К. Тарасовым (Н.С. Русановым) (1901 г.). В ней заметно возвращение к оценкам национального движения, характерным для эпохи раннего народничества. Автор, заявляя о солидарности и поддержке «подавляемых рас и национальностей», четко оговаривал, что «мы должны явиться в роли искренних защитников их прав и их прогрессивного развития, не противоречащего идее международного социализма и интересам трудящихся масс внутри этих больших исторических групп». То есть речь идет не о поддержке наций, а о поддержке трудящихся различных национальностей при условии доминирования в их борьбе социальных целей. Однако при этом за поляками признается «без всяких оговорок право самостоятельно распоряжаться своей страной и своей политической судьбой», что заставляет вспомнить о традиционно особом подходе русских народников к проблеме независимости Польши. С ним контрастирует перспектива, определяемая народам Кавказа. Стремление к созданию независимого государства у них почему-то именуется «сепаратизмом», и наличие этого «сепаратизма» отрицается, поскольку, по мнению Н.С. Русанова, он «существует лишь в болезненном воображении Царских сатрапов». За ними признается право «на вполне свободное национальное развитие», но, очевидно, в рамках Российского государства. Любопытно отношение народников к Финляндии, где предлагается поддержать не только рабочее движение, но и либеральную оппозицию [24. Т. 1. С. 51]. Правда, не ясно, что должны поддержать русские социалисты – борьбу за независимость или за сохранение автономии. Это позволяет сделать вывод об отсутствии универсальных принципов в отношении права народов России самим определять свою судьбу и готовности русских революционеров к безусловному признанию их независимости после революции.

Таким образом, можно констатировать достаточно существенные различия, сохранявшиеся в вариантах решения национальных проблем России, предлагаемых народническими программами. Требования права наций на самоопределение и федеративного устройства социалистической России еще не стали безусловными для социалистов-революционеров. Но одновременно следует отметить их близость в очевидной периферийности места, отведенного в них национальному вопросу.

Во всех рассмотренных документах авторы сосредотачивают свое внимание на задачах подготовки революции, принципах деятельности революционной организации, тактике борьбы с самодержавием. Контуры устрой-

ства социалистического общества очерчены самыми общими фразами о достижении свободы трудящихся, и минимализм предложений по будущему межнациональных отношений отчасти является следствием такого построения приоритетов. Однако и в части определения

стратегии революционной борьбы заметно игнорирование национальных аспектов. Следуя логике, выработанной еще основоположниками народничества, ликвидация социального неравенства и угнетения должна была положить конец и национальному гнету.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сергиевский Н.Л.* Народничество 80-х годов // Историко-революционный сборник. М. ; Л., 1926. Т. 3. С. 148–242.
2. *Балабанов М.С.* Очерк истории революционного движения в России. Л. : Прибой, 1929. 304 с.
3. *Ярославский Ем.* Разгром народничества. М. : Партиздат, 1937. 80 с.
4. *Ткаченко П.С.* Революционная народническая организация «Земля и воля» (1876–1879 гг.). М. : Высшая школа, 1961. 296 с.
5. *Итенберг Б.С.* Движение революционного народничества: Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М. : Наука, 1965. 443 с.
6. *Волк С.С.* Народная Воля. М. ; Л. : Наука, 1966. 490 с.
7. *Широкова В.В.* Партия народного права. Из истории освободительного движения 90-х гг. XIX века. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1972. 206 с.
8. *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этапы, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М. : РОССПЭН, 2000. 396 с.
9. *Зверев В.В.* Народники в истории России. М. : Просвещение, 2003. 144 с.
10. *Кан Г.С.* «Народная воля». Идеология и лидеры. М. : Пробел, 1997. 194 с.
11. *Троицкий Н.А.* Крестоносцы социализма. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 307 с.
12. *Спиридович А.И.* Революционное движение в России. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг. : Тип. Штаба Отд. корпуса жандармов, 1916. Вып. 2. 580 с.
13. *Денисенко В.П.* Харьковская группа «Народной воли» // Народовольцы 80-х и 90-х годов. М. : Изд-во Всесоюз. об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. С. 128–142.
14. *Программа социалистов-федералистов // Самоуправление. Орган социалистов-революционеров.* Женева, 1887. № 1. С. 11–12.
15. *Манифест «Партии народного права» // Былое.* 1907. № 7. С. 196–202.
16. *Богданович А.И.* Насущный вопрос. Лондон : Изд-е Лондон. фонда волной русской прессы, 1895. 32 с.
17. ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Оп. 189. Д. 237.
18. ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Оп. 191. Д. 86.
19. ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Оп. 192. Д. 110.
20. *Редакционная статья // Народовец.* № 1. Женева, 1897. С. 11–12.
21. *Наши задачи (Основные положения «Союза русских социалистов-революционеров») // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы (1900–1907).* М. : РОССПЭН, 1996. Т. 1. С. 18–24.
22. *Манифест партии социалистов-революционеров // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы.* М. : РОССПЭН, 1996. Т. 1. С. 25–31.
23. *Свобода. Издание Рабочей партии политического освобождения России // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы (1900–1907).* М. : РОССПЭН, 1996. Т. 1. С. 32–39.
24. *Наша программа // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы (1900–1907).* М. : РОССПЭН, 1996. Т. 1. С. 51–58.

Статья представлена научной редакцией «История» 06 января 2015 г.

THE NATIONAL QUESTION IN THE PROGRAM ORIENTATIONS OF REVOLUTIONARY POPULISTS (LATE 1880S – EARLY 1900S)

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 115–119. DOI 10.17223/15617793/392/20

Kudriashev Viatcheslav N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kvn18011962@yandex.ru

Keywords: populism; socialism; revolution; the national question.

The defeat of the "Narodnaya Volya" completed the first stage of the socialist movement in Russia. In the second half of the 1880s as a result of repression and internal crisis, revolutionary populism in Russia existed in the form of small numbers of organizations, loosely connected. Populists did not appeal to the post-revolutionary society organization, stating the mandatory nationwide convening of a representative body, which was to determine the procedure for solving all the major problems. Among the main political demands was "a broad local government to meet local needs" which can be regarded as a variant of autonomy, but not a federation. In the early 1890s, the social-revolutionary movement in Russia was experiencing an obvious rise. Populists' return from prisons contributed to the organizational consolidation of the revolutionary movement. Many of them became the nucleus of new organizations. On the other hand, it contributed to the preservation of the populist doctrine, which is noticeable when considering the program documents of the Narodnaya Volya party (People's Will) with their attention focused on the equal status of all the peoples of Russia in relation to the royal power. This postulate was traditional for Russian socialists and served as the basis for a possible joint struggle against the existing government. By the mid-1890s the development of the populist movement was reflected in the increased number of its supporters, in the obvious process of organizational consolidation manifested in the formation of several fairly stable and large groups. The brochure *Nashi zadachi* (Our Tasks) (1896) defined the program and organizational bases of activities of the Russian Union of Socialist Revolutionaries, proposed to create the Independent Peoples Federation. The document lacked the thesis on the right of nations to self-determination, which raised the question of the peoples' voluntary entry into the federation. The *Manifesto of the Socialist Revolutionary Party* (1900) contained a "recognition of the right of individual peoples to political self-determination". The state system of the post-revolutionary Russia was based not on a federal basis, but on the "broad regional and local self-government", which implied the preservation of Unitarianism. The brochure *Freedom* (1900) with the program of the Labour Party of the Political Emancipation of Russia only stated the position of the need to achieve "freedom of the working person without any discrimination by nationality". There were quite substantial differences in the options to solve the national problems of Russia that populist programs offered. Demands of the right of nations to self-determination and the federal structure of socialist Russia did not

become unconditional for the Socialists-Revolutionaries. At the same time, the common feature they had was the obvious periphery of the national question.

REFERENCES

1. Sergievskiy N.L. *Narodnichestvo 80-kh godov* [Populism of the '80s]. In: *Istoriko-revolutsionnyy sbornik* [Historical revolutionary collection]. Moscow; Leningrad, 1926. Vol. 3, pp. 148–242.
2. Balabanov M.S. *Ocherk istorii revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii* [Essay on the history of the revolutionary movement in Russia]. Leningrad: Priboy Publ., 1929. 304 p.
3. Yaroslavskiy Em. *Razgrom narodnichestva* [The defeat of populism]. Moscow: Partizdat Publ., 1937. 80 p.
4. Tkachenko P.S. *Revolutsionnaya narodnicheskaya organizatsiya "Zemlya i volya" (1876–1879 gg.)* [Populist revolutionary organization Zemlya i Volya (1876–1879)]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1961. 296 p.
5. Itenberg B.S. *Dvizhenie revolyutsionnogo narodnichestva: Narodnicheskie kruzhki i "khozhdenie v narod" v 70-kh godakh XIX v.* [Movement of revolutionary populism: Populist circles and "walking around" in the 1870s]. Moscow: Nauka Publ., 1965. 443 p.
6. Volk S.S. *"Narodnaya Volya"* [Narodnaya Volya]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1966. 490 p.
7. Shirokova V.V. *Partiya narodnogo prava. Iz istorii osvoboditel'nogo dvizheniya 90-kh gg. XIX veka* [Party of the national law. From the history of the liberation movement of the 1890s]. Saratov: Saratov State University Publ., 1972. 206 p.
8. Budnitskiy O.V. *Terrorizm v rossiyskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etapy, psikhologiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, stages, psychology (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2000. 396 p.
9. Zverev V.V. *Narodniki v istorii Rossii* [Populists in the history of Russia]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 2003. 144 p.
10. Kan G.S. *"Narodnaya volya". Ideologiya i lidery* [Narodnaya Volya. Ideology and leaders]. Moscow: Probel Publ., 1997. 194 p.
11. Troitskiy H.A. *Krestonosy sotsializma* [Crusaders of socialism]. Saratov: Saratov State University Publ., 2002. 307 p.
12. Spiridovich A.I. *Revolutsionnoe dvizhenie v Rossii. Partiya sotsialistov-revolutsionerov i ee predshestvenniki* [The revolutionary movement in Russia. The Socialist-Revolutionary Party and its predecessors]. Petersburg: Tip. Shtaba Otd. korpusa zhandarmov Publ., 1916. Is. 2. 580 p.
13. Denisenko V.P. *Kharkovskaya gruppa "Narodnoy voli"* [The Kharkov group of Narodnaya Volya]. In: *Narodovol'tsy 80-kh i 90-kh godov* [Narodnaya Volya members in the '80s and '90s]. Moscow: Izd-vo Vsesoyuz. ob-va politkatorzhan i ssyl'noposelentsev Publ., 1929, pp. 128–142.
14. Programma sotsialistov-federalistov [The program of the Socialist-Federalists]. *Samoupravlenie. Organ sotsialistov-revolutsionerov*, Geneva, 1887, no. 1, pp. 11–12.
15. Manifest "Partii narodnogo prava" [Manifesto of the Party of the National Law]. *Byloe*, 1907, no. 7, pp. 196–202.
16. Bogdanovich A.I. *Nasushchmyy vopros* [A pressing issue]. London: Izd-e London. fonda volnoy russkoy pressy Publ., 1895. 32 p.
17. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 102. D-7. List 189. File 237.
18. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 102. D-7. List 191. File 86.
19. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 102. D-7. List 192. File 110.
20. Redaktsionnaya stat'ya [Editorial]. *Narodovolets*, 1897, no. 1, pp. 11–12.
21. *Nashi zadachi (Osnovnye polozheniya "Soyuza russkikh sotsialistov-revolutsionerov")* [Our Mission (Summary of the Union of Russian Socialist-Revolutionaries Regulations)]. In: Shelokhaev V.V. (ed.) *Partiya sotsialistov-revolutsionerov. Dokumenty i materialy (1900–1907)* [The Socialist-Revolutionary Party. Documents and materials (1900–1907)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1996. Vol. 1, pp. 18–24.
22. *Manifest partii sotsialistov-revolutsionerov* [Manifesto of the Socialist Revolutionary Party]. In: Shelokhaev V.V. (ed.) *Partiya sotsialistov-revolutsionerov. Dokumenty i materialy (1900–1907)* [The Socialist-Revolutionary Party. Documents and materials (1900–1907)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1996. Vol. 1, pp. 25–31.
23. *Svoboda. Izdanie Rabochey partii politicheskogo osvobozhdeniya Rossii* [Freedom. Edition of the Labour Party of political emancipation of Russia]. In: Shelokhaev V.V. (ed.) *Partiya sotsialistov-revolutsionerov. Dokumenty i materialy (1900–1907)* [The Socialist-Revolutionary Party. Documents and materials (1900–1907)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1996. Vol. 1, pp. 32–39.
24. *Nasha programma* [Our program]. In: Shelokhaev V.V. (ed.) *Partiya sotsialistov-revolutsionerov. Dokumenty i materialy (1900–1907)* [The Socialist-Revolutionary Party. Documents and materials (1900–1907)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1996. Vol. 1, pp. 51–58.

Received: 06 January 2015

ПРАВО

УДК 343.9.018

К.И. Деревянко

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

Анализируется криминологическая характеристика лиц, совершивших различные преступления на железнодорожном транспорте. В качестве оснований классификации лиц, совершивших преступления на железнодорожном транспорте, берутся социально-демографические и уголовно-правовые признаки. Среди них, прежде всего, выделяются пол и возраст, род деятельности, гражданство, а также характер совершенного преступления, его групповой или одиночный характер, наличие или отсутствие предыдущих судимостей.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт; криминологическая характеристика; преступность.

Проблема личности преступника наряду с такими проблемами, как сама преступность, её причины, условия и предупреждение, является одной из главных в криминологии. Без знания особенностей личности преступника невозможно эффективное предупреждение преступлений, поскольку именно личность является носителем причин их совершения.

Криминологическая характеристика личности преступника, как отмечают ученые [1], представляет собой систему черт, которые в своей совокупности характеризуют лицо, совершившее то или иное преступление, различные стороны и проявления его антиобщественного существования и жизненной практики, и которые прямо или косвенно связаны с подобным антиобщественным поведением человека, обуславливают или облегчают совершение преступления либо помогают понять причины его совершения.

Следует отметить, что в теории криминологии личность преступника определяется неоднозначно. В одном случае личность преступника рассматривается как личность человека, совершившего преступление, т.е. отождествляется с таким понятием, как субъект преступления [2], в другом – как совокупность социальных свойств, связей, отношений, нравственный и духовный мир индивида, которые во взаимодействии с социальными и конкретными жизненными условиями определили совершение им конкретного преступления [3].

Однако наиболее точное и чаще всего употребляемое определение личности преступника звучит так: *личность преступника* – это совокупность социальных и социально значимых свойств, признаков, связей, отношений, характеризующих лицо, виновно нарушившее уголовный закон, и в сочетании с иными условиями и обстоятельствами влияющих на его антиобщественное поведение. Исходя из этого мы и будем рассматривать свойства и качества лиц, совершающих преступления на железнодорожном транспорте.

Среди социально-демографических свойств и качеств личности преступников названной категории, прежде всего, следует назвать пол и возраст. Это обусловлено тем, что, как отмечает А.И. Долгова, с полом связаны различные социальные функции людей, особенности их социального положения и поведения (например, женщины отличаются меньшей насильственной криминальной активностью по сравнению с мужчинами) [4. С. 80].

Сразу отметим, что доля женщин, совершающих преступления, достаточно мала. Если в целом по стране с 2008 по 2012 г. доля женщин, совершивших преступления, согласно статистическим данным составила 13,8%, то на железнодорожном транспорте – всего 9%. Для женщин, совершивших преступления на железнодорожном транспорте, характерны такие преступления, как кражи, присвоение и растрата, мошенничество, преступления против экономической деятельности, прежде всего так называемые налоговые преступления.

Столь небольшой удельный вес женщин среди лиц, совершающих преступления, в том числе и на железнодорожном транспорте, объясняется, на наш взгляд, тем, что женщины меньше, по сравнению с мужчинами, подвержены алкоголизму и наркомании, меньше заняты в общественном производстве. Нами вообще не были выявлены среди изучаемых преступников представительницы женского пола несовершеннолетнего возраста.

Следующей весьма важной социально-демографической характеристикой преступника является его возраст. Многие криминологические исследования на протяжении длительного времени фиксируют, что среди преступников преобладают лица молодого возраста. Не случайно немецкий криминолог Г. Кайзер отмечал, что преступность – это молодежное явление. Это подтверждается и учеными других стран, и статистическими данными.

В полной мере это относится и к лицам, совершившим преступления на железнодорожном транспорте. Статистические данные показывают, что доля несовершеннолетних, совершивших преступления на объектах железнодорожного транспорта, по Западно-Сибирской железной дороге составляло в 2012 г. около 7,5% от общего числа лиц, совершивших преступления. На наш взгляд, это связано, прежде всего, с тем, что большинство объектов железнодорожного транспорта в настоящее время неплохо охраняется, что сокращает допуск на них посторонних лиц, несовершеннолетних в том числе, а также с тем, что на самом железнодорожном транспорте количество работающих несовершеннолетних достаточно мало. А, как известно, много преступлений (около 47%) на железнодорожном транспорте совершается его работниками.

В ходе проведенного диссертационного исследования нами было выявлено, что по осужденным к ли-

шению свободы за совершение преступлений на объектах железнодорожного транспорта несовершеннолетние составили всего 3,1%; лица в возрасте 18–21 года – 12%, 22–29 лет – 40%; 30–40 лет – 30%; в возрасте 41–49 лет – 12%; 50–60-летние составили 5%, а лица старше 60 лет – всего 1% от общего количества всех преступлений.

Таким образом, основная масса совершивших преступления на объектах железнодорожного транспорта (55,1%) – это молодые люди в возрасте до 30 лет. Данное обстоятельство необходимо учитывать при организации и проведении профилактической работы органам внутренних дел на железнодорожном транспорте.

В ходе исследования было замечено, что характер совершенных преступлений виновных коррелирует с их возрастом. В частности, для несовершеннолетних преступников были характерны такие преступления, как кражи, прежде всего грузов, грабежи и разбои, а также преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, вандализм.

Для лиц в возрасте от 18 до 30 лет характерны преступления против собственности; преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков; преступления в сфере экономической деятельности; железнодорожно-транспортные преступления. Для лиц старше 30 лет, кроме перечисленных преступлений, характерны и должностные преступления.

Другим, не менее важным социально-демографическим признаком личности рассматриваемых лиц является уровень образования. Как указывается во многих исследованиях, он непосредственным образом обуславливает потребности, интересы, ценностные ориентации, мотивы поведения преступника. По этому поводу Н.Н. Кондрашков отмечал, что «уровень образования служит благоприятным или неблагоприятным условием нравственного формирования личности» [5. С. 166].

В целом, среди преступников преобладают лица с невысоким образовательным уровнем, что видно из статистических данных и отдельных исследований. Наше исследование также показало, что основная масса преступников, совершивших преступления на железнодорожном транспорте, имела невысокий образовательный уровень. Так, основное общее образование имели 43,3% опрошенных лиц. Полное среднее образование имели 29,6% преступников, 23,4% из них были со средним специальным образованием и лишь 3,7% – с высшим. Образовательный уровень преступника нередко определяет характер совершаемых им преступлений. В ходе исследования установлено, что для лиц с высшим образованием были характерны должностные преступления, для лиц с невысоким образовательным уровнем (неполным средним образованием) – насильственные и преступления против собственности.

Отсутствие социальных связей, прежде всего семейных, как ранее отмечалось в криминологических исследованиях, способствует формированию и закреплению у индивида антиобщественных взглядов и привычек. Семейное положение лиц, совершивших преступления на железнодорожном транспорте, характеризуется следующим образом: основная масса из них (80%) были холосты или разведены (63,4 и 16,6% соответственно) и

лишь 20% состояли в браке. Столь невысокий процент последних определяется, на наш взгляд, тем, что среди изученных лиц достаточно много молодых людей (14–29 лет), которые еще не успели создать семью.

Не менее интересными являются сведения о роде деятельности лиц, совершивших преступления на железнодорожном транспорте. Статистические данные убедительно показывают, что в последнее десятилетие среди лиц, совершающих преступления, постоянно увеличивалось число тех, кто не занят никакой общественно полезной деятельностью (не имеет постоянного источника существования). Например, в 2012 г. в стране этот показатель составил 60,3%, что, в целом, характерно и для лиц, совершающих преступления на железнодорожном транспорте, хотя, в соответствии с официальными статистическими данными, у них этот показатель ниже (около 30%). Это связано с тем, что, как уже отмечалось, на железнодорожном транспорте среди преступников велика доля самих работников этого вида транспорта.

Основная доля лиц, совершивших преступления на железнодорожном транспорте (81,6%), – это жители городов и поселков городского типа. Жители сельской местности составили соответственно 18,4%. Если спектр преступлений, совершаемых жителями городов, достаточно широк, то для жителей сельской местности характерны лишь такие преступления, как кражи (грузов), а также хулиганство и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, которые ими были совершены на мелких железнодорожных станциях или остановочных пунктах.

Значительная доля лиц (69,7% жителей сельской местности и 47,3% жителей городской местности) проживали вблизи железной дороги (1–2 км от нее), что характерно, прежде всего, для лиц, совершающих хищения грузов. Это обстоятельство также необходимо учитывать при организации и проведении оперативно-розыскной работы и профилактики подобных преступлений.

Как отмечает А.И. Долгова, принадлежность преступника к той или иной национальности – криминологически значимый фактор [4. С. 82]. При совершении преступлений люди соответствующей национальности, если они сформировались в рамках этих обычаев и традиций, демонстрируют такие варианты криминального поведения, которые им диктует контактная среда и которые особенно строго не осуждались бы близкими им лицами и не были чреватые изгнанием из соответствующей среды. Например, как отмечают ученые, для лиц цыганской национальности характерны на протяжении веков такие уголовно наказуемые деяния, как кражи и мошенничество, что было подтверждено в ходе нашего исследования.

В последние годы в стране увеличивается число преступлений, совершаемых иностранцами и лицами без гражданства. Например, в 2008 г. в стране ими было совершено 35,7 тыс. преступлений, в 2012 г. – 51,2 тыс. преступлений, что составило 3,0% от общего числа всех зарегистрированных преступлений. На железнодорожном транспорте Западно-Сибирского региона такой показатель ещё выше. Например, в 2012 г. среди выявленных преступников 10,9% составили иностранные граждане или лица без гражданства. Среди указанных лиц

преобладали представители государств СНГ – украинцы, белорусы, таджики, узбеки.

Обычно в качестве оснований классификации преступников берутся социально-демографические и уголовно-правовые признаки. Среди них, прежде всего, выделяются пол и возраст, род деятельности, гражданство, а также характер совершенного преступления, его групповой или одиночный характер, наличие или отсутствие предыдущих судимостей.

С учетом названных оснований можно выделить основные группы преступников по социально-демографическим признакам, совершивших преступления на железнодорожном транспорте по Западно-Сибирской железной дороге:

1) по полу: мужчины и женщины. Их соотношение, как мы уже отмечали, 94,4 и 5,6% соответственно;

2) по возрасту: взрослые и несовершеннолетние. Их соотношение в процентном отношении выглядит следующим образом: несовершеннолетние – 3,1%, взрослые – 96,9%, Из них в возрасте от 18 до 30 лет – 52%, старше 40 лет – 44%.

3) по роду деятельности: не занятые общественно полезной деятельностью (50,8%), рабочие (35,1%),

служащие (4,1%), учащиеся и студенты (8,3%), пенсионеры (1,7%).

Подводя итог вышеизложенному, можно выделить основные криминологически значимые свойства и качества, черты «портрета» преступника, совершившего преступления на железнодорожном транспорте. Как правило, это молодые лица мужского пола в возрасте до 30 лет, с полным средним образованием, жители городов, проживающие вблизи железной дороги, значительное количество из них являются гражданами других государств. Это лица, совершившие преступление впервые, прежде всего против собственности, а также связанные с незаконным оборотом наркотиков, ранее не судимые, склонные к злоупотреблению спиртных напитков, реже – наркотических средств. Среди подобных лиц можно выделить пять основных типов личности, а именно: случайный (8%); ситуационный (15%); неустойчивый преступник (42%); преступник злостный (32%) и особо опасный (3%). При этом мы понимаем, что подобная типология не является исчерпывающей и возможны иные основания для выделения типов преступников, совершающих преступления на железнодорожном транспорте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгова А.И., Коробейников Б.В., Кудрявцев В.Н., Панкратов В.В. Понятия советской криминологии. М., 1985. 232 с.
2. Сахаров А.Б. Учение о личности преступника // Советское государство и право. 1968. № 9. С. 60–69.
3. Карпец И.И. Проблема преступности. М., 1969. 382 с.
4. Долгова А.И. Изучение личности преступника // Советское государство и право. 1978. № 6. С. 77–84.
5. Кондрашков Н.Н. Количественные методы в криминологии. М., 1971. 362 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 02 ноября 2014 г.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PERSONS WHO COMMITTED CRIMES ON RAILWAY TRANSPORT

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 120–122. DOI 10.17223/15617793/392/21

Derevyanko Konstantin I. Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation).

E-mail: derevyanko077@rambler.ru.

Keywords: thefts; railway transport; crime wave.

The article analyzes the criminological characteristics of persons who have committed various crimes in railway transport. In this context, an analysis was conducted of criminals' age, gender, level of education and occupation. The problem of the criminal's personality along with the problems of a crime as such, its causes, conditions and prevention is major in criminology. Without knowing the personality of the offender effective crime prevention is impossible, since reasons for crime committing lie in the criminal's personality. Usually, the criteria for classification of criminals are their socio-demographic and criminal and legal features: age and gender, occupation, citizenship, the nature of the crime, its committing by a group or by a single person, presence or absence of previous convictions. According to these criteria, the main groups of criminals who committed crimes on the railway transport in the West Siberian Railway can be classified. By socio-demographic features: 1) by gender: men and women. Their ratio is 94.4 % and 5.6 %, respectively; 2) by age: adults and minors. Minors make up 3.1 %, adults 96.9 %, of which those aged 18 to 30 years 52 %, older than 40 years 44 %. 3) by occupation: unemployed (50.8 %), workers (35.1 %), employees (4.1 %), pupils and students (8.3 %), retired (1.7 %). Thus, the main criminologically significant features of the "portrait" of a person committing crimes on railway transport are determined. As a rule, these are young males under the age of 30 with a complete secondary education, urban residents living near the railway, a significant number of them are citizens of other states. These are first-time offenders, primarily thieves, and also those related to drug trafficking with no previous convictions, prone to alcohol and, rarer, drug abuse. Such persons represent five basic personality types, namely: random criminal (8 %); situational criminal (15 %); unstable criminal (42 %); malicious criminal (32 %) and dangerous special criminal (3 %). At the same time, this typology is not exhaustive and there may be other reasons for allocation of types of criminals who commit crimes on railway transport.

REFERENCES

1. Dolgova A.I., Korobeynikov B.V., Kudryavtsev V.N., Pankratov V.V. *Ponyatiya sovetskoy kriminologii* [The concepts of Soviet criminology]. Moscow: Norma Publ., 1985. 232 p.
2. Sakharov A.B. *Uchenie o lichnosti prestupnika* [The doctrine of the criminal's personality]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1968, no. 9, pp. 60–69.
3. Karpets I.I. *Problema prestupnosti* [The problem of crime]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ., 1969. 382 p.
4. Dolgova A.I. *Izuchenie lichnosti prestupnika* [The study of the criminal's personality]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1978, no. 6, pp. 77–84.
5. Kondrashkov N.N. *Kolichestvennye metody v kriminologii* [Quantitative methods in criminology]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ., 1971. 362 p.

Received: 02 November 2014

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Представлен историко-правовой анализ взаимного влияния террористической идеологии и народных масс во второй половине XIX в. – начале XX в. Дана сущностная характеристика идеологии терроризма с учетом определения критериев оценки уровня ее эффективности. Представлены отдельные аспекты формирования антитеррористического законодательства. Исследуются условия реализации террористической идеи в исторически сложный для России период, определяются отдельные способы противодействия террористической угрозе.

Ключевые слова: идеология терроризма; террористическое сознание; народные массы; антитеррористическое законодательство; воля; революционная деятельность.

Сущность идеологии терроризма, как и любой другой, тесным образом связана с наличием общей воли (совокупности волеизъявлений конкретных лиц). Понятие «общая воля» использовалось В.Ф. Гегелем как один из критериев оценки власти [1]. Именно общая воля в процессе революционной деятельности противопоставлялась власти государства. Общая воля, сущность которой в России вкладывалась в понятия «власть народа», «власть большинства» или даже «народный суверенитет», с точки зрения революционеров-террористов являлась первоосновой. Даже в названии некоторых наиболее значимых организаций революционно-террористического характера использовался термин «воля». Прежде всего речь идет о таких организациях, как «Земля и Воля» и «Народная Воля».

По мнению революционеров-террористов, именно общая воля должна устанавливать все производные формы власти, в том числе и государственную [2]. Совершенно очевидно, что подобные взгляды признавались государством противоправными. Террористическая идеология в России во второй половине XIX в. – начале XX в. активно использовала это сопоставление, пропагандируя необходимость установления путем террора «новой народной власти». В качестве примера можно выделить получившую широкую известность прокламацию С.М. Кравчинского «Смерть за смерть», в которой он признался в убийстве шефа жандармов Н.В. Мезенцева [3. С. 397–404]. Прокламация не только играла роль официального предостережения для государственной власти, но и определяла основные задачи Исполнительного комитета Русской социально-революционной партии – террористической организации, в которой состоял С.М. Кравчинский. При этом реализация народной воли провозглашалась в качестве основной цели террористической деятельности. Похожие взгляды прослеживались в трудах П.Н. Ткачева, среди которых особое место занимала статья «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России» [2. С. 143–154].

Реакция государства на террористическую угрозу следовала незамедлительно. Фактически с момента совершения первого террористического акта в 1866 г. в стране существенным образом была усилена работа правоохранительных органов по противодействию

террористическим проявлениям. Нередко она проявлялась в массовых, зачастую безосновательных арестах, что лишь увеличивало масштабы террористических проявлений. Кроме того, правоприменительная практика данного периода свидетельствует об определенной тенденции рассмотрения дел о терроризме. Государственный интерес имел первостепенное значение, а действовавшим в тот период законодательством в отдельных случаях пренебрегали. В качестве примера можно выделить представление Министерства юстиции № 243 министру внутренних дел от 7 сентября 1880 г. по делу об убийстве агента III Отделения Н.В. Рейнштейна, в котором отмечалась необходимость выбора такой инстанции для рассмотрения дела, которая была бы наиболее благоприятна для обвинения [4].

Вообще главной задачей террористической идеологии в рассматриваемый период являлась необходимость определения пути из старого несправедливого мира к миру нового порядка. Признавалось, что движение по этому пути может не лежать в плоскости права и не отвечать общепринятым нравственным началам, что весьма схоже с революционной идеологией. На наш взгляд, следует согласиться с мнением И.А. Исаева, который сделал предположение, что «революция тем самым открывала широкий путь из старого мира необходимости через временный хаос к новому миру свободы» [5. С. 36]. Проблема заключалась лишь в том, что во второй половине XIX в. в России лица, которым удалось бы таким способом установить новую власть, не знали, что с ней делать, как управлять обществом и государством. В этой связи идеология, помимо воли, должна была иметь еще и принципы. В контексте террористической идеологии принципы представляли собой идеальные основополагающие начала, не требующие разъяснения и принимаемые за основу. Суть идеологической пропаганды состояла в распространении террористических принципов и революционной воли с целью привлечения новых сторонников. Чем больше их число, тем крепче идеология.

Следует отметить, что не всегда идеология терроризма в России основывалась как на общей воле, так и на принципах. Изменение общественного сознания в условиях революционных преобразований в России приводило к регулярным провалам уровня общей во-

ли. Реакция государства на совершенные теракты с течением времени ужесточалась, а действия правоохранительных органов становились более эффективными ввиду приобретения опыта борьбы с террористическими проявлениями, что на время уменьшало число идейных сторонников терроризма. Постепенно формировалось и антитеррористическое законодательство. Так, 19 мая 1871 г. был принят закон «О порядке действий чинов Корпуса Жандармов по расследованию преступлений», передававший жандармам производство дел о государственных преступлениях, к которым в тот период относились дела о терроризме [6]. Следует отметить, что до принятия этого нормативного правового документа дела о терроризме рассматривались в строгом соответствии с положениями Судебных уставов 1864 г. Такое изменение порядка судопроизводства преследовало цель сокращения сроков следственных действий, однако, на наш взгляд, приводило к серьезному снижению качества проведения дознания и следствия, поскольку жандармы в тот период не располагали необходимым для такой работы уровнем квалификации и, как правило, не имели юридического образования.

7 июня 1872 г. была принята Высочайше утвержденная новая редакция статей 1030–1061 Устава Уголовного Судопроизводства «О судопроизводстве по государственным преступлениям», учреждавшая для расследования дел о терроризме, а также иных наиболее важных государственных и политических преступлений специальную государственную структуру – Особое присутствие правительствующего Сената [7]. Этот нормативно-правовой документ позволил изъять большую часть политических дел из общего порядка судопроизводства и передать созданному органу. Деятельность Особого присутствия не всегда находилась в плоскости права: многие дела расследовались с серьезными нарушениями действовавшего в тот период законодательства. Обозначенный закон от 7 июня 1872 г. также разрешал проведение судебных заседаний в закрытом порядке, а также не допускал возможности обжалования приговоров. Кроме того, 4 февраля 1875 г. был принят указ, запрещавший публиковать в печати материалы закрытых судебных заседаний: позволялось излагать лишь резолютивную часть судебного процесса [8. С. 311]. Таким образом, формирование антитеррористического законодательства во второй половине XIX в. в России осуществлялось в направлении использования все более жестких мер государственного принуждения и создания для террористов максимально неблагоприятных условий существования.

12 февраля 1880 г. был принят указ «Об учреждении в Санкт-Петербурге Верховной Распорядительной Комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия» [9]. Этот государственный орган сыграл настолько существенную роль в формировании антитеррористического законодательства и противодействии идеологии терроризма в России, что для ее освещения необходимо отдельное исследование. В целом, в 1880 г. в России наблюдался процесс сосредоточения властных полномочий по

расследованию государственных преступлений, в том числе дел о терроризме, в руках Верховной Распорядительной Комиссии [10].

В условиях острой конфронтации с государством и ужесточения антитеррористического законодательства революционеры-террористы были вынуждены прибегать к новым актам террора для того, чтобы сохранить свою силу и способность влиять как на власть, так и на общество. Подобные действия, безусловно, оказывали влияние на массы, повышая уровень общей воли, но при этом происходило пренебрежение принципами, провозглашенными террористической идеологией. Целесообразность применения терроризма как крайней и вынужденной меры подверглась сомнению, поскольку террор стал использоваться в тех случаях, когда его действительно можно было избежать. Революционная среда подверглась изменениям, прежде всего, в плане осмысления сущности своей деятельности. Происходила постепенная общественная легализация насильственных действий и, как следствие, искажение взглядов на право. Чем дальше реализовывалась террористическая программа, тем дальше отступали ее исполнители от закона. Наиболее наглядно это проявилось в начале XX в., когда террор в России принял массовые формы. Безграничное стремление к противостоянию с властью, а впоследствии и к ее свержению, привело к тому, что провозглашаемые революционерами-террористами идеи искажались или совершенно по-иному интерпретировались. Уже к началу XX в. на первый план вышла борьба с самодержавием как процесс, а идеология терроризма упростилась до банального устрашения власти.

Появление терроризма в России являлось следствием целенаправленного поиска средств борьбы с властью. В революционной обстановке постепенно назревала необходимость получения или выработки такого средства. При этом революции, которая пыталась опираться на массы, были жизненно необходимы большие количественные показатели в части, касающейся наличия своих сторонников. На наш взгляд, здесь был заложен один из важных российских революционных принципов, повлиявший на необходимость формирования идеологии терроризма, – уверенность в правоте большинства. Воля масс должна была реализовывать революционный курс, постепенно приобретая форму особой надстройки над правом. Поддержка многих зачастую являлась основным критерием достоверности поставленных целей и задач. Следует также отметить, что революционеры-террористы умело облекали волю многих в волю народа, а террор провозглашали главным средством достижения целей этого народа. Такое положение вещей не могло не способствовать развитию идей террора как наиболее эффективного средства устрашения государственной власти и пропагандистского влияния на массы. Тем более что в этот период путь от идеи к действию был максимально коротким.

Следует согласиться с мнением О. Кошена, что революционные программы вкладывали в понятие «народ» особый смысл [11]. В частности, происходило замещение реальных народных масс отдельными

общественными группами посвященных, присвоившими себе право именоваться народом. Такое положение вещей являлось типичным для революционной обстановки в России во второй половине XIX в. Действительно, большая часть народных масс в России была безграмотна и, как правило, не желала вникать в суть революционной деятельности, развернутой на территории страны. В результате революционеры были вынуждены общаться с довольно ограниченным кругом людей, следивших за развитием социально-политической обстановки. При этом именно террористическая деятельность, которой занимались некоторые революционные структуры, выполняла функции пиара и пропаганды, поскольку распространение сведений среди населения о совершенном отдельной организацией террористическом акте всегда было эффективным. Именно представители «народа» из числа посвященных могли оказывать и оказывали на массы выгодное для революционеров-террористов манипулятивное воздействие.

Безусловно, опора на массы являлась одним из главных критериев успешного распространения террористической идеологии, имевшей во второй половине XIX в. ярко выраженную революционную окраску. Важным критерием стабильного существования массы, на наш взгляд, являлось применение принципа связности. Непрерывающееся соперничество одной массы с другой приводило к их обоюдному укреплению. В нашем случае сторонникам революционных преобразований, из которых формировались террористические ячейки, противостоял аппарат государственного принуждения, который во второй половине XIX в. – начале XX в. скорее подстраивался под революционные обстоятельства, чем вырабатывал свой курс по противодействию терроризму. Малоэффективная работа правоохранительных органов предоставляла террористам возможность приспосабливаться к общественно-политической и правовой действительности, совершенствовать свои методы работы. В частности, запрет на сборы в библиотеках и читальнях вынудил представителей революционных, а впоследствии и террористических организаций укрепить меры безопасности и конспирации в части, касающейся выбора мест проведения своих сборов. Следует отметить, что подобные действия властей наблюдались еще до совершения первого в России террористического акта – покушения на Александра II 4 апреля 1866 г. Так, 7 июня 1862 г. с целью пресечения возможности распространения нежелательных для государственной власти учений был принят Указ «О закрытии всех учрежденных при войсках воскресных школ и вообще всяких училищ для лиц, не принадлежащих военному ведомству, и о недопущении впредь никаких сборищ посторонних людей в зданиях, занимаемых войсками» [12]. Материалы переписки руководителей правоохранительных ведомств за 1864–1866 гг. также свидетельствовали об ужесточении полицейского надзора за местами сбора людей [13. Л. 11].

В качестве примера приспособления террористов в дореволюционной России можно привести отношения с печатью. Выстроенный механизм контроля со сто-

роны государства за периодическими изданиями позволял революционерам-террористам проводить агитационно-пропагандистскую работу фактически с судебной скамьи, поскольку материалы судебных процессов по делам о государственных преступлениях и терроризме публиковались на страницах журналов и газет [14]. Последующее ограничение публикации таких материалов привело к изменению тактики революционной и террористической пропаганды и увеличению масштабов подпольной печати.

По нашему мнению, при относительно равном взаимном влиянии террористических масс и органов правопорядка выстроить эффективный правовой механизм противодействия терроризму практически невозможно. Единственное условие искоренения терроризма – неравновесное противодействие, в рамках которого применяемые со стороны государства силы и средства значительно превосходили бы величину террористической угрозы. Приспособление к внешней силе является стратегической способностью любых масс. Устранив этот фактор, можно дестабилизировать обстановку внутри террористической ячейки, и она с течением времени сама распадется и прекратит свое существование. Подобным образом можно в короткие сроки снизить величину террористических проявлений до такого уровня, когда террористы уже не могут представлять угрозу для государства. На наш взгляд, в рассматриваемый период такая работа не была доведена государством до своего логического завершения, однако определенные достижения все же присутствовали. Прежде всего, можно выделить период конца 1870-х – начала 1880-х гг., когда в России был сформирован определенный массив нормативных правовых документов по вопросам борьбы с терроризмом, а также проводилась работа по реформированию старых и созданию новых органов правопорядка. В 1860–1870 гг. деятельность органов правопорядка носила односторонний характер, который выражался, как правило, в ужесточении репрессивных мер по отношению к террористам и лицам, подозреваемым в террористической деятельности. Государство в большей мере боролось с терроризмом как с одним из видов преступлений, а не как с явлением. Следует отметить, что физический разгон террористических масс не искоренял проблему, поскольку приводил к устранению лишь внешних проявлений. В результате внутри массы наблюдалось сплочение людей вокруг общей проблемы, а террористическая ячейка снова укреплялась и с течением времени находила новый способ реализации своих замыслов.

Поддержка народа имела для идеологии терроризма решающее значение. При совершении террористического акта факт применения насилия можно было оправдать исключительно поддержкой народа, при этом оценки правомерности совершенного деяния уже не требовалось. Именно так революционеры-террористы пытались найти моральное или нравственное оправдание, позволявшее им освободиться от бремени закона для достижения своих целей. По мнению Р. Кайуа, их вдохновляла идея получения власти через победу революции, после чего можно

будет сформировать «новое общество с новыми нравами и законами» [15. С. 268]. Впоследствии практика применения таких ультрареволюционных методов борьбы, как терроризм, привела к некоторому переосмыслению взглядов революционеров-террористов. Убийство Александра II показало, что часть народа, поддерживавшая идеи терроризма, после физического устранения царя впала в состояние растерянности и непонимания, какие последствия ожидают страну, которая планирует развиваться на революционных принципах с использованием террористических методов. Но вместе с тем совершенно очевидно, что террористическая деятельность не могла существовать и развиваться без поддержки общества. Наличие сторонников терроризма, а также террористических кружков и организаций – исключительное условие реализации террористической идеи.

На наш взгляд, одним из наиболее эффективных способов противодействия террористической массе в России являлся подрыв ее функционирования изнутри. Сущность этого способа заключалась во внедрении в террористическую среду лиц, которые аккуратно и последовательно должны проводить работу по идеологической обработке массы и формированию в ее среде совершенно новых ориентиров, не имеющих отношения к терроризму. Конкретные шаги в этом направлении в России были сделаны 3 декабря 1882 г., когда было утверждено Положение «Об устройстве секретной полиции в Империи» [16]. 20 декабря 1883 г. на основании Положения «Об охранной агентуре» в России нормативное закрепление обрела охранная агентура [17]. В дальнейшем свое организационное оформление получила и секретная агентура, которая в обозначенном вопросе имела ключевое значение. Секретной агентурой в том или ином виде органы правопорядка пользовались достаточно продолжительное время, в связи с чем существовало значительное количество нормативных правовых документов, регулирующих порядок ее использования. Наиболее полное закрепление отношений с секретной агентурой было представлено в Инструкции по организации и ведению внутреннего секретного наблюдения [18]. Следует отметить, что в большей мере результаты проводимой работы выражались не в проведении акций скрытого воздействия на террористов, а в получении упреждающей информации об их планах и замыслах. Безусловно, такая работа приводила к достижению полезного эффекта, однако этот результат лежал в плоскости пресечения преступления, а не его окончательного искоренения. Требовалось время и опыт для осознания необходимости идейного противоборства с терроризмом.

Другой способ внутреннего разложения террористической массы лежит в плоскости понимания основ ее формирования как таковой. Опорной системой любой массы является цель или идея, для достижения которой эта масса и образуется. Если цель достигнута, то необходимость в дальнейшем существовании массы исчезает, и она самостоятельно распадается. На наш взгляд, для победы над террористической идеологией государству в рассматриваемый период было

необходимо пойти на компромисс с терроризмом, в ходе которого четко и ясно продемонстрировать сторонникам терроризма, что их цели достигнуты. При этом совершенно неважно, что эта цель будет искажена, иногда даже до неузнаваемости, или не реализована в том виде, в каком была изначально заявлена. Главная задача государства заключается в том, чтобы показать обществу в целом и террористам в частности, что их требования учтены, результат достигнут, и последующая деятельность террористов в таких условиях оказывается бессмысленной. В таком случае государство разрешает конфликт с терроризмом, используя элементы управления обществом в выгодном для себя виде. Если террористическая деятельность будет продолжена, то используемые государством карательные меры будут не только лежать в плоскости права, но и нравственно будут оправданы обществом. В России во второй половине XIX в. – начале XX в. подобный механизм не был задействован. Деятельность правоохранительных органов была основана на применении мер государственного принуждения в условиях их последовательного ужесточения. На наш взгляд, в условиях развития революционной ситуации государство совершило стратегическую ошибку, используя на начальном этапе борьбы с терроризмом исключительно карательный механизм.

Наибольшую обеспокоенность, на наш взгляд, должна вызывать возможность значительного отдаления реализации террористической идеи. Когда цель может быть достигнута в долгосрочной перспективе, то приобретает особое значение не ее достижение, а процесс движения к ней. Подобный принцип использовался практически во всех религиях, которые переносили возможность достижения цели даже в область потусторонней жизни. В таком случае идея превращалась в веру. Если подобную методiku принимала террористическая идеология, то борьба с ней становилась крайне затруднительной. В начале XX в. подобные усмотрения были отражены в идеологических платформах некоторых террористических организаций [2]. С определенными поправками к их числу можно отнести анархическую идею, конечной целью которой являлось установление свободы личности, не ограниченной ни со стороны государства, ни со стороны общества.

Существенное значение для понимания сущности рассматриваемого вопроса имел тот факт, что в период своего оформления (вторая половина XIX в.) террористическая идеология создавалась исключительно в закрытых условиях. Сам факт негласной деятельности террористов развивал в ее участниках ощущение избранности и исключительности. При этом усилия государства по пресечению таковой деятельности лишь способствовали укреплению влияния террористов сначала в подпольной среде, а впоследствии и в народе. Чем сильнее государственная реакция, тем крепче акцент на «особом» статусе террористов. Следует согласиться с мнением И.А. Исаева, который считал, что «репрессии, направленные против таких сообществ, только увеличивают их популярность и влияние» [19. С. 5]. С момента зарождения первой

мысли о совершении теракта все подобные идеи покрывались максимально возможной тайной. Такое положение вещей весьма закономерно и не требует излишних комментариев и конкретизации. Идеология терроризма могла сформироваться только в условиях соблюдения строгой дисциплины со стороны субъектов этой деятельности, неукоснительного соблюдения внутренних правил, особых принципов и норм общения. Конспиративные начала зародились фактически одновременно с появлением первых террористических организаций в 1860-х гг., а впоследствии развивались и совершенствовались. К концу 1870-х гг. – началу 1880-х гг. основы конспирации стали в обязательном порядке закрепляться в программах террористических организаций. Так, в уставе «Земли и Воли» отмечалось, что во время следствия член организации в обязательном порядке не должен давать показания,

а во время судебного заседания «руководствоваться интересами дела, а не личными» [20. С. 89]. Подобный тезис имелся и в уставе Исполнительного комитета «Народной Воли», причем запрещалось вообще признавать свою принадлежность к этой организации.

Следует отметить, что правоохранительным органам все же удавалось выявлять места пребывания террористов независимо от реализуемых ими мер безопасности и конспирации. Так, 18 сентября 1880 г. был принят Циркуляр земской управы Петербургского уезда, позволявший санитарным попечителям совместно с сотрудником полиции осуществлять проверку жилых помещений рабочих под предлогом определения площади помещения и установления санитарных условий проживания в них [21]. Таким способом можно было осуществлять контроль мест проживания лиц, подозреваемых в террористической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель В.Ф. Политические произведения. М., 1978. 438 с.
2. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д, 1996. 576 с.
3. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый / под ред. Е.Л. Рудницкой. М., 1997. 576 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 94. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 1–2.
5. Исаев И.А. «Свет» и «тьма»: разум и воля // История государства и права. 2014. № 6. С. 35–42.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 46. Отд. 1. № 49615. С. 591–594.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 47. Отд. 1. № 50956. С. 808–812.
8. Указонения, изданные в пояснение и дополнение к судебным уставам 20 ноября 1864 г. СПб., 1883. 548 с.
9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 569. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 1–5.
10. Колотков М.Б. К вопросу об охране общественного порядка в Российской империи в 1880 г. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2014. № 1. С. 19–24.
11. Кошен О. Малый народ и революция. М., 2004. 288 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 37. № 38346. С. 517.
13. Российский государственный исторический архив. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 213.
14. Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. М., 1978. 335 с.
15. Кайуа Р. Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры. М., 2007. 304 с.
16. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1882 г. Д. 977. Л. 9–10.
17. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1883 г. Д. 1131. Л. 6–11.
18. Из глубины времен. 1992. № 1. С. 71–83.
19. Исаев И.А. Новый порядок и принуждение // История государства и права. 2014. № 7. С. 3–9.
20. Архив «Земли и Воли» и «Народной Воли». Воспоминания, исследования, документы и другие материалы из истории революционного прошлого России. М., 1930. 456 с.
21. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 224. Оп. 1. Д. 479. Л. 1.

Статья представлена научной редакцией «Право» 30 ноября 2014 г.

THE CONCEPTIONAL BASES OF THE TERRORIST IDEOLOGY IN RUSSIA (SECOND PART OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 123–128. DOI 10.17223/15617793/392/22

Kolotkov Mikhail B. Military Unit No. 44014 (St. Petersburg, Russian Federation) E-mail: mkolotkov@yandex.ru

Keywords: ideology of terrorism, terrorist consciousness; people's masses; anti-terrorism legislation; revolutionary activity.

The analysis of the mutual influence of the terrorist ideology and people's masses is represented in the article. The main point of the terrorist ideology as any other is in close connection with the presence of general will (a complex of concrete persons' wills). General will, the main point of which has been put in such notions as "people's authority", "majority's authority" or even "people's sovereignty", was fundamental from the revolutionary terrorists' point of view. The terrorist ideology also used this comparison in Russia in the second part of the 19th – early 20th centuries, propagandizing the necessity of the establishment of the so-called "new people's authority" with the help of terror. The main purpose of the terrorist ideology in the period under review was the necessity of determining the way from the old unfair world without rights to the world of a new order. One of the most important Russian revolutionary principles which had an influence on the necessity of the terrorist ideology formation is the confidence in the majority's rightness. Masses' will had to realize the revolutionary course, little by little becoming a special superstructure above law. Revolutionary terrorists presented the majority's will as the people's one, and proclaimed terror as the main means to achieve the people's aims. It is practically impossible to create an effective legal mechanism of opposition to terror, if there is a nearly equal mutual influence of terrorist masses and law order. The only condition of the eradication of terrorism is inequitable opposition, in frames of which means and forces of the State exceed considerably the size of terrorism threat. The adaptation to the outer force is any masses' strategic ability. Removing this factor can destabilize the situation inside of a terrorist cell, and in time it will come apart itself and will not exist. One of the most effective ways of opposition to the terrorist mass was detriment of its functioning inside. The main points of this way was introduction of persons, who carefully and consecutively had to use ideology to make masses form new reference-points which were not connected with terrorism. It could be achieved in Russia in the 1880s, when relations between the law and order bodies and

the secret service were formed. The fact that the terrorist ideology in the period of its formation (the second part of the 19th century) was in close conditions can help to understand the main points of the issue. The State actions against such a kind of activity only favored terrorists' influence in the underground environment, and later among people.

REFERENCES

1. Hegel G.W.F. *Politicheskie proizvedeniya* [Political works]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 438 p.
2. Budnitskiy O.V. *Istoriya terrorizma v Rossii v dokumentakh, biografyakh, issledovaniyakh* [The history of terrorism in Russia in the documents, biographies, studies]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 1996. 576 p.
3. Rudnitskaya E.L. (ed.) *Revolutsionny radikalizm v Rossii: vek devyatnadsatyy* [Revolutionary Radicalism in Russia: the nineteenth century]. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr Publ., 1997. 576 p.
4. The State Archive of the Russian Federation. Fund 94. List 1. Archival Unit 53. Pages 1–2.
5. Isaev I.A. "Lux" and "tenebris": mind and will. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*, 2014, no. 6, pp. 35–42. (In Russian).
6. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 46. Pt. 1, no. 49615, pp. 591–594.
7. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 47. Pt. 1, no. 50956, pp. 808–812.
8. *Uzakoneniya, izdannye v poyasnenie i dopolnenie k sudebnym ustavam 20 noyabrya 1864 g.* [Regulations published in clarification and addition to the judicial statutes of November 20, 1864]. St. Petersburg, 1883. 548 p.
9. The State Archive of the Russian Federation. Fund 569. List 1. Archival Unit 31. Pages 1–5.
10. Kolotkov M.B. To the Matter of the Maintenance of Public Order in the Russian Empire in 1880. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya i pravo – Proceedings of the Southwest State University. History and Law*, 2014, no. 1, pp. 19–24. (In Russian).
11. Cochin A. *Malyy narod i revolyutsiya* [Small people and the revolution]. Translated from French by O.E. Timoshenko. Moscow: Ayris-press Publ., 2004. 288 p.
12. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 37, no. 38346, p. 517.
13. The Russian State Historical Archive. Fund 1282. List 1. File 213.
14. Troitskiy N.A. *Bezumstvo khrabrykh. Russkie revolyutsionery i karatel'naya politika tsarizma. 1866–1882 gg.* [Madness of the brave. Russian revolutionaries and the punitive policy of tsarism. 1866–1882]. Moscow: Mysl' Publ., 1978. 335 p.
15. Caillois R. *Igry i lyudi. Stat'i i esse po sotsiologii kul'tury* [Man, Play and Games. Articles and essays on the sociology of culture]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: OGI Publ., 2007. 304 p.
16. The State Archive of the Russian Federation. Fund 102. 3rd Record. 1882. File 977. Pages 9–10.
17. The State Archive of the Russian Federation. Fund 102. 3rd Record. 1883. File 1131. Pages 6–11.
18. *Iz glubiny vremen*, 1992, no. 1, pp. 71–83.
19. Isaev I.A. New order and coercion. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*, 2014, no. 7, pp. 3–9. (In Russian).
20. *Arkhiv "Zemli i Voli" i "Narodnoy Voli". Vospominaniya, issledovaniya, dokumenty i drugie materialy iz istorii revolyutsionnogo proshlogo Rossii* [The archives of Zemlya i Volya and Narodnaya Volya. Memories, studies, documents and other materials from the history of the revolutionary past of Russia]. Moscow, 1930. 456 p.
21. Central State Historical Archive of St. Petersburg. Fund 224. List 1. File 479. Page 1.

Received: 30 November 2014

ЭКОНОМИКА

УДК 336.1; 336.6

А.Г. Ивасенко

ЗЕМЕЛЬНО-ИПОТЕЧНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ В РОССИИ: СХЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, РЕФИНАНСИРОВАНИЯ И СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ

В настоящее время основным источником финансирования банками земельно-ипотечных кредитов является их собственный капитал, что обуславливает ограниченные объемы ипотечного кредитования. В этой связи возрастает важность эффективного функционирования системы рефинансирования кредитных организаций. Процесс рефинансирования ипотечных кредитов неразрывно связан с процессом секьюритизации. В статье исследованы схемы взаимодействия участников в процессе земельно-ипотечного кредитования, а также рефинансирования и секьюритизации земельно-ипотечных кредитов.

Ключевые слова: земельно-ипотечное кредитование; рефинансирование; секьюритизация.

В условиях недостатка собственных средств во многих отраслях развивающейся экономики России необходим поиск различных путей по привлечению инвестиционных ресурсов. Надежным видом обеспечения кредитов во всем мире считается недвижимость, в первую очередь, земельные участки. Проведенный анализ практики развития ипотечного кредитования и структуры привлеченных ресурсов коммерческих банков РФ показал, что объем привлеченных на срок более 3 лет депозитов составляет менее 6% от всего объема привлеченных средств и особенности

функционирования российской банковской системы таковы, что существует вероятность изъятия этих денежных средств вкладчиками [1]. Следовательно, основным источником финансирования банками земельно-ипотечных кредитов является их собственный капитал, что обуславливает ограниченные объемы ипотечного кредитования. В этой связи возрастает важность эффективного функционирования системы рефинансирования кредитных организаций [2].

Термин «рефинансирование» можно трактовать двояко (рис. 1) [3].

Рефинансирование ипотечных кредитов

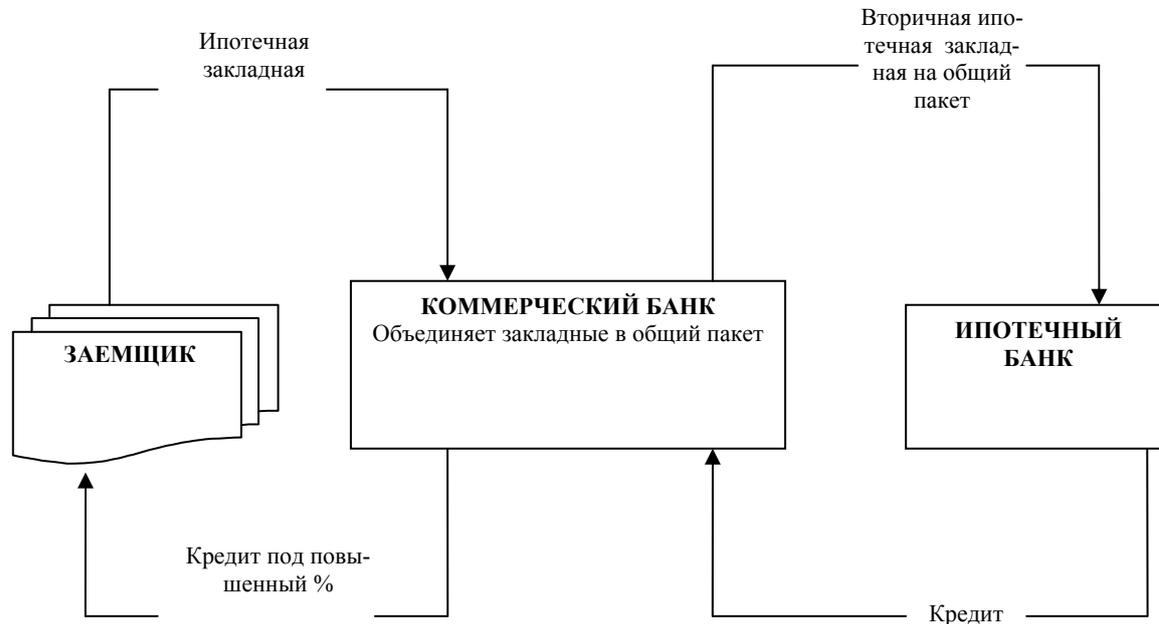

Рис. 1. Выпуск вторичных ипотечных закладных

С точки зрения кредиторов это компенсация кредитором затрат на выдачу ипотечных кредитов путем эмиссии ипотечных ценных бумаг или перепродажи прав требования по кредитам ипотечным агентам. С точки зрения заемщика, рефинансирование – это погашение заемщиком задолженности по одному или

нескольким ипотечным кредитам за счет получения нового ипотечного кредита [1].

Как правило, рефинансирование земельно-ипотечных кредитов осуществляется через ипотечный рынок, который включает в себя рынки ипотечных кредитов и ипотечных займов (рис. 2). Рынок заклад-

ных является их составной частью, образуя рынок закладных кредитных организаций и рынок закладных некредитных организаций [4].

Рефинансирование характеризует особенность ипотечного рынка – распределение на первичный и вторичный рынки. На первичном рынке происходит оформление ипотечных кредитов под залог земли. Привлечение средств на рынок индивидуальных ипотечных займов можно организовать через деятельность коммерческих банков на вторичном ипотечном рынке, где действуют правила покупки и продажи прав требования по уже выданным ипотечным кредитам [5]. Здесь

ипотечный кредит становится похожим на ценную бумагу, обладатель которой может реализовать ее третьему лицу. Для этой цели ипотечной закладной придается статус ценной бумаги, т.е. объектом купли-продажи на вторичном рынке являются специальные ценные бумаги, дающие право на получение процентного дохода по кредитам. При этом происходит переход ссуды с баланса одного кредитора на баланс другого учреждения. Выполнение функций обслуживания ипотечного кредита может оставаться либо за первичным кредитором, либо эти функции обслуживания передаются новому кредитору.

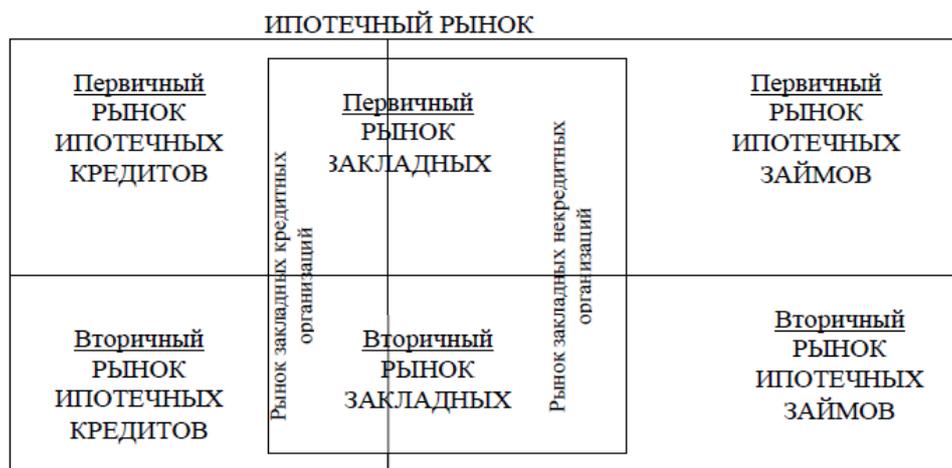

Рис. 2. Структура рынка ипотечных кредитов в России

Таким образом, на первичном рынке образуется имущество, необходимое для обеспечения прав кредиторов по специализированным ценным бумагам на вторичном рынке. Происходящее на вторичном рынке привлечение средств является необходимым условием для выдачи кредитов на первичном ипотечном рынке [6]. В свою очередь вторичный рынок распределяется на два сегмента: одноуровневый, когда сами банки эмитируют ипотечные облигации, и двухуровневый, когда за банки это делает специальное финансовое учреждение, предварительно выкупившее у них пул (набор) кредитов.

Процесс рефинансирования ипотечных кредитов неразрывно связан с процессом секьюритизации (securitization). По вопросу трактовки термина «секьюритизация» в литературе можно встретить следующие определения: «секьюритизация – это процесс создания облигаций участия» [7]; «секьюритизация – это процесс объединения денежных поступлений,

полученных от отдельных ипотек, для выпуска различных ценных бумаг» [8]; «секьюритизация – это процесс превращения ипотечных кредитов в долгосрочные ценные бумаги» [9].

По нашему мнению, наиболее точно отражает суть процесса следующее определение: «секьюритизация – это процесс выпуска ценных бумаг, обеспеченных пакетом (пулом) ипотечных кредитов» [10]. Главная особенность секьюритизации состоит в том, что само требование по ссуде не продается, но взамен этого создается ценная бумага, обеспеченная выплатами основного долга и процентов по кредиту, а также заложенным имуществом.

Исследование зарубежного опыта ипотечного кредитования показало, что в зависимости от вида кредитных институтов, функционирующих в системе ипотечного кредитования, можно выделить способы рефинансирования земельно-ипотечных кредитов, представленные в табл. 1 [11].

Таблица 1

Способ рефинансирования	Вид кредитного института
Выпуск ипотечных облигаций	Ипотечные банки
Собственные, привлеченные и заемные средства (в том числе займы международных организаций)	Универсальные банки
Продажа закладных ипотечному агентству или крупному ипотечному банку, собственные, привлеченные и заемные средства (в том числе займы международных организаций)	Кредитные учреждения, занимающиеся ипотечным кредитованием и заключившие договор с ипотечным агентством или крупным ипотечным банком

Анализ существующих подходов к рефинансированию ипотечных кредитов в РФ позволил выделить следующие способы:

1. Продажа (переуступка) пула (пакета) ипотечных кредитов другому банку. В пул обычно собираются однотипные ипотечные кредиты, совпадающие по условиям кредитования, – периоду, схеме выплат, категории заемщиков, виду заложенных земельных участков. Данный механизм рефинансирования непо-

пулярен вследствие его низкой доходности для банка – создателя пула кредитов и из-за перехода информации о первоклассных заемщиках к конкуренту. Сделки по продаже пулов ипотечных кредитов между участниками рынка единичны.

2. Рефинансирование через пенсионный фонд. Модель взаимодействия участников секьюритизации с помощью пенсионного фонда приведена на рис. 3 [12].

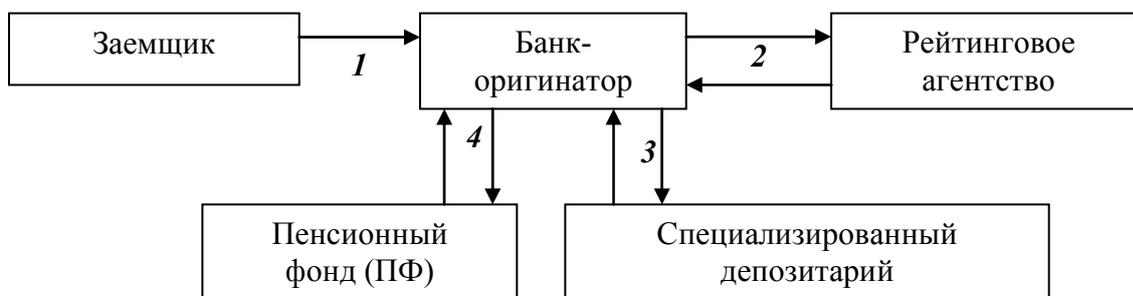

Рис. 3. Модель рефинансирования ипотечных активов через ПФ: 1 – потенциальный заемщик обращается в банк-оригинатор за получением ипотечного кредита; 2 – банк-оригинатор выдает ипотечный кредит, выпуская при этом ипотечные ценные бумаги, рейтинг которых оценивает рейтинговое агентство; 3 – ценные бумаги с установленной рейтинговой оценкой поступают на учет и хранение специализированному депозитарию; 4 – ПФ инвестирует денежные средства в ипотечные ценные бумаги

Данная модель секьюритизации представляет для исследователей интерес с точки зрения привлечения относительно недорогих ресурсов пенсионных фондов, их долгосрочного характера и минимальных рисков. Считаем, что инвестирование средств Пенсионного фонда в рисковые, а на настоящий день высокорисковые проекты, просто недопустимо. В настоящее время даже администрация США, которую ипотечный кризис поразил больше всех, не позволяет себе такого. Пенсионные фонды во всех странах являются не просто важнейшими источниками инвестиционных средств, но и имеют сверхвысокую социальную ответственность перед всеми поколениями своих соотечественников. Использование средств Пенсионного фонда РФ для рефинансирования земельно-ипотечных кредитов

окончательно подорвет его и без того низкий авторитет.

3. Рефинансирование через паевые инвестиционные фонды (ПИФ). Согласно постановлению Федеральной службы по финансовым рынкам ПИФы получили разрешение инвестировать средства в объекты незавершенного строительства, а также приобретать различные ценные бумаги, в том числе и ипотечные. Таким образом, фактически стало возможно создание ПИФов, активами которых служат пулы закладных. Данная схема рефинансирования фактически представляет собой секьюритизацию пула ипотечных кредитов. Российская схема модели секьюритизации ипотечных закладных листов через Управляющую компанию ипотечного паевого инвестиционного фонда (ИПИФ) представлена на рис. 4 [12].

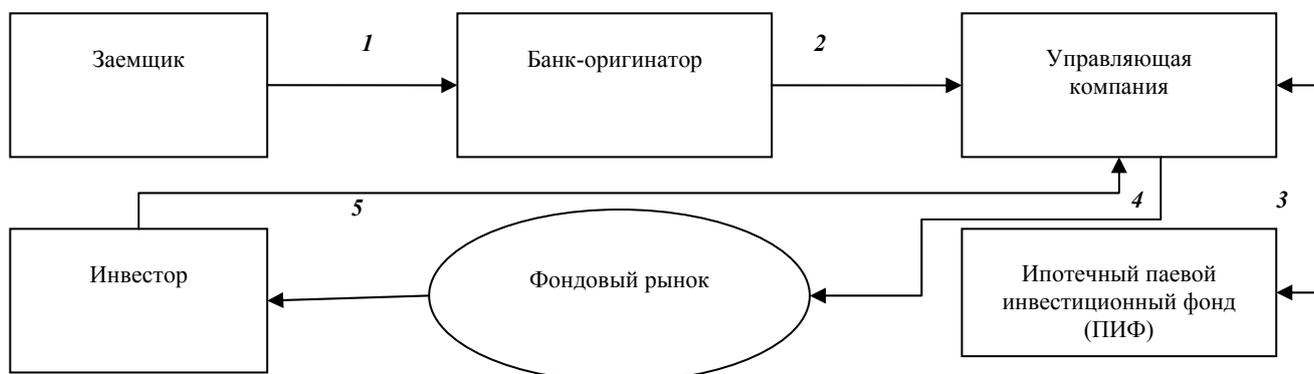

Рис. 4. Модель рефинансирования через ипотечный ПИФ: 1 – заемщик обращается в банк-оригинатор за ипотечным кредитом; 2 – банк-оригинатор выдает ипотечный кредит, оформляет закладные листы и направляет их в управляющую компанию без передачи права требования по этим закладным листам; 3 – управляющая компания формирует ипотечный паевой инвестиционный фонд, инструментами инвестирования которого являются ценные бумаги, обеспеченные ипотекой; 4 – управляющая компания продает пай ПИФ на фондовом рынке инвесторам; 5 – инвестор обращается в управляющую компанию за покупкой ценных бумаг лично, без посредников

На данный момент, по информации Национальной лиги управляющих и инвестиционного агентства Investfunds, сформировано одиннадцать ипотечных закрытых паевых инвестиционных фондов, стоимость активов которых составляет порядка 6,4 млрд руб. [13]. При формировании ипотечного паевого фонда возможно использование нескольких схем. Во-первых, ипотечный ПИФ может быть полностью сформирован банком, внесшим в него свои закладные (права требования). Тогда в активах банка вместо выданных кредитов оказываются инвестиционные паи. Продажа паев новым инвесторам производится банком или иной специализированной компанией на вторичном рынке (организованном и неорганизованном). Второй путь создания паевого инвестиционного фонда – подыскивание внешних инвесторов на стадии формирования фонда и сбор для этого денежных средств. В данном случае на средства ПИФа приобретаются права требования по ипотечным кредитам; у управляющей компании есть две трети года для заполнения его правами требования минимум на 65% стоимости чистых активов фонда. Для банков новая схема рефинансирования более привлекательна потому, что у них есть выбор типа кредитов, которые составят пул.

Такую модель секьюритизации активов можно считать наименее рискованной, так как деятельность управляющей компании законодательно отрегулирована, а риск потери кредитоспособности заемщика и риск досрочного погашения можно минимизировать еще на этапе выдачи кредита. Для этого необходимо: во-первых, организовать жесткий отбор заемщиков с позиций кредитоспособности; во-вторых, обеспечить предварительную договоренность банка-оригинатора с управляющей компанией о замене досрочно погашенных и дефолтных закладных аналогичными закладными с той же доходностью.

4. Эмиссия ипотечных ценных бумаг. Ипотечные ценные бумаги (mortgage-backed securities – MBS) – это ценные бумаги, держатели которых имеют право на получение денежных поступлений от определенного пула ипотечных кредитов [14]. Субъект аграрного предпринимательства, взявший кредит, платит ипотечному банку проценты по кредиту. Ипотечный банк секьюритизирует кредит заемщика, включая его наряду с другими схожими кредитами в ипотечное покрытие (за рубежом такие банки часто называют «оригинаторы»). Под ипотечным покрытием понимается совокупность требований по обеспеченным ипотекой обязательствам из кредитных договоров, договоров займа и / или закладных, а также денежных средств, поступающих во исполнение указанных требований и иного имущества, предусмотренного законодательством. Доказательством наличия ипотечного покрытия служит учет соответствующих требований и иного имущества, составляющих такое покрытие, в специальном реестре, который, как правило, ведет независимая специализированная организация. Размер ипотечного покрытия, а также условия обязательств, требования по которым составляют ипотечное покрытие, должны обеспечивать полноту и своевременность исполнения обязательств по облигациям с данным ипотечным покрытием.

Далее SPV (юридически не связанная с организатором секьюритизации компания, на баланс которой передаются секьюритизируемые активы: права требований по ипотечным кредитам, обеспеченным залогом объектов недвижимости) выпускает ценные бумаги, которые затем покупают инвесторы.

Обобщение мирового и отечественного опыта рефинансирования ипотечных кредитов позволило выявить преимущества и недостатки различных механизмов их рефинансирования, которые представлены в табл. 2 [1].

Таблица 2

Сравнительная характеристика схем рефинансирования земельно-ипотечных кредитов

Механизм рефинансирования	Преимущества	Недостатки
Рынок ссудных капиталов	Низкие операционные издержки; длительные сроки; плавающие процентные ставки; возможность досрочного погашения кредита	Низкий уровень диверсификации источников заемных средств (чаще всего в рамках отдельно взятого региона); ограниченное количество участников ипотечного кредитования; относительно длительный процесс рефинансирования ипотечного кредитования; возможность несоответствия активов и пассивов относительно сроков кредитования; высокий кредитный риск у кредиторов
Рынок ценных бумаг	Высокий уровень диверсификации заемных средств (через эмиссию ипотечных ценных бумаг); неограниченное количество участников; относительно быстрый процесс рефинансирования; распределение кредитного риска среди инвесторов; возможность соответствия сроков размещения ипотечных ценных бумаг с периодом кредитования	Высокие операционные издержки; как правило, фиксированные процентные ставки

Сопоставление механизмов рефинансирования ипотечных кредитов позволяет выделить рынок ценных бумаг как более эффективный для развития системы ипотечного кредитования применительно к российским условиям. В его рамках можно выделить три стратегии рефинансирования (табл. 3).

В зарубежной практике ценные бумаги, обеспеченные закладными, включают в себя долевые, структурированные (порядковые) и ипотечные облигации с отделяемым купоном (рис. 5) [7].

Долевые ипотечные облигации выпускаются в случае, когда один или несколько держателей закладных формируют объединение (пул) ипотек и продают доли

или сертификаты участия в пуле. При этом сертификаты предполагают пропорциональный, долевого характера участия держателя таких ценных бумаг в доходе по закладным. Характерны две программы размещения доле-

вых облигаций: денежная программа и программа обмена [9]. По денежной программе облигации размещаются путем простой продажи инвестору (рис. 6) [3].

Таблица 3

Сравнительная характеристика стратегий рефинансирования земельно-ипотечных кредитов в рамках рынка ценных бумаг

Стратегии рефинансирования ипотечных кредитов	Преимущества	Недостатки
Эмиссия облигаций	Возможность формирования необходимой финансовой базы	Высокие операционные издержки; необходимость дополнительных гарантий
Продажа закладных	Низкие операционные издержки	Ограниченное количество инвесторов
Эмиссия ипотечных ценных бумаг	Неограниченное количество потенциальных инвесторов; высокий уровень диверсификации инвестиций	Высокие операционные издержки

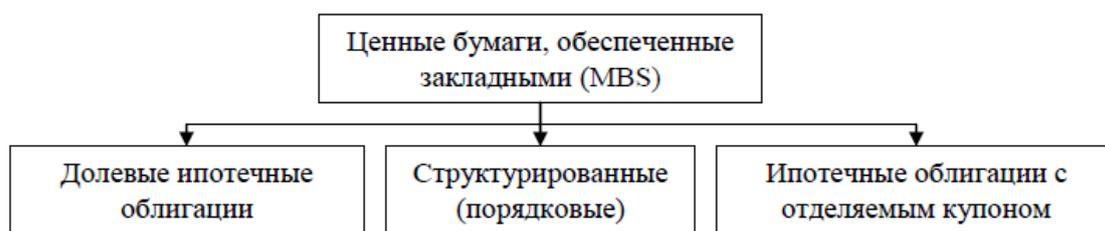

Рис. 5. Классификация ценных бумаг, обеспеченных ипотекой

Размещение долевых облигаций, обеспеченных пулом ипотек

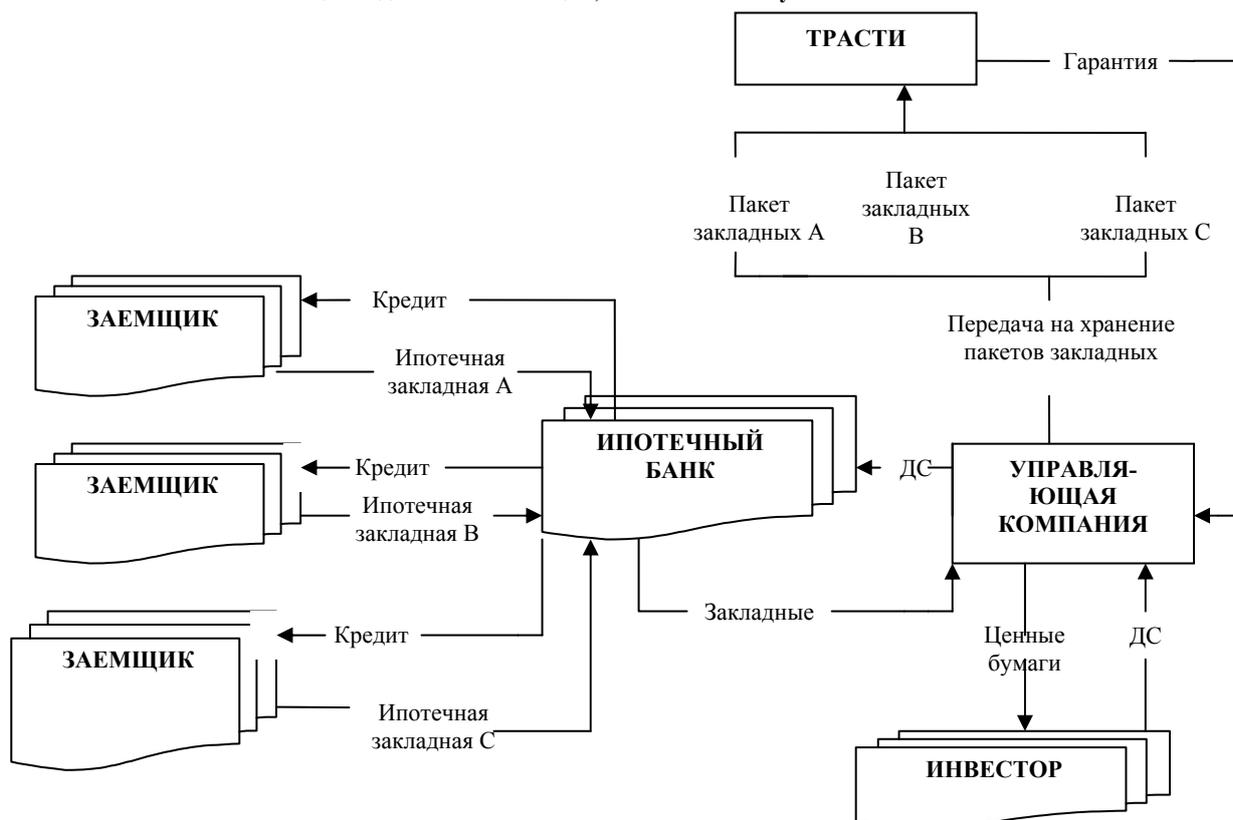

Рис. 6. Денежная программа

В рассматриваемой схеме задействованы следующие участники: управляющая компания – специальное учреждение по размещению ценных бумаг и их обслуживанию; независимый оценщик – выполняет проверку ипотечных закладных по степени

надежности; доверительный собственник (трасти) – является хранителем закладных и гарантом выполнения управляющей компанией своих обязательств перед покупателями ценных бумаг. В результате взаимодействия участников при размещении доле-

вых ипотечных облигаций конечные инвесторы получают гарантированные правительственными агентствами ценные бумаги с кредитным рейтингом AAA.

Схема взаимодействия: ипотечные банки группируют ипотечные закладные в управляющей компании, проводящей их секьюритизацию. При этом ипотечные банки – первоначальные заёмодатели – берут на себя обязательство продолжать обеспечивать поступление платежей от должников, которые зачисляются на накопительный счет управляющей компании. На завершающем этапе управляющая компания передает сформированные пакеты ипотечных закладных треть-

ему лицу на хранение и выпускает на эти пакеты ценные бумаги (MBS). После этого компания исполняет свои обязательства, передавая ипотечному банку денежные средства, полученные от реализации MBS конечным инвесторам.

Для программы обмена (своп-программы), представленной на рис. 7, видоизменяется завершающий этап обращения, в ходе которого «...правительственное агентство... проводит экспертизу ипотечных кредитов и размещает их в Grantor trust. Затем осуществляется выпуск MBS, которые передаются кредитору. Кредиты остаются в активах кредитора, но уже в форме ценных бумаг...» [15. С. 63].

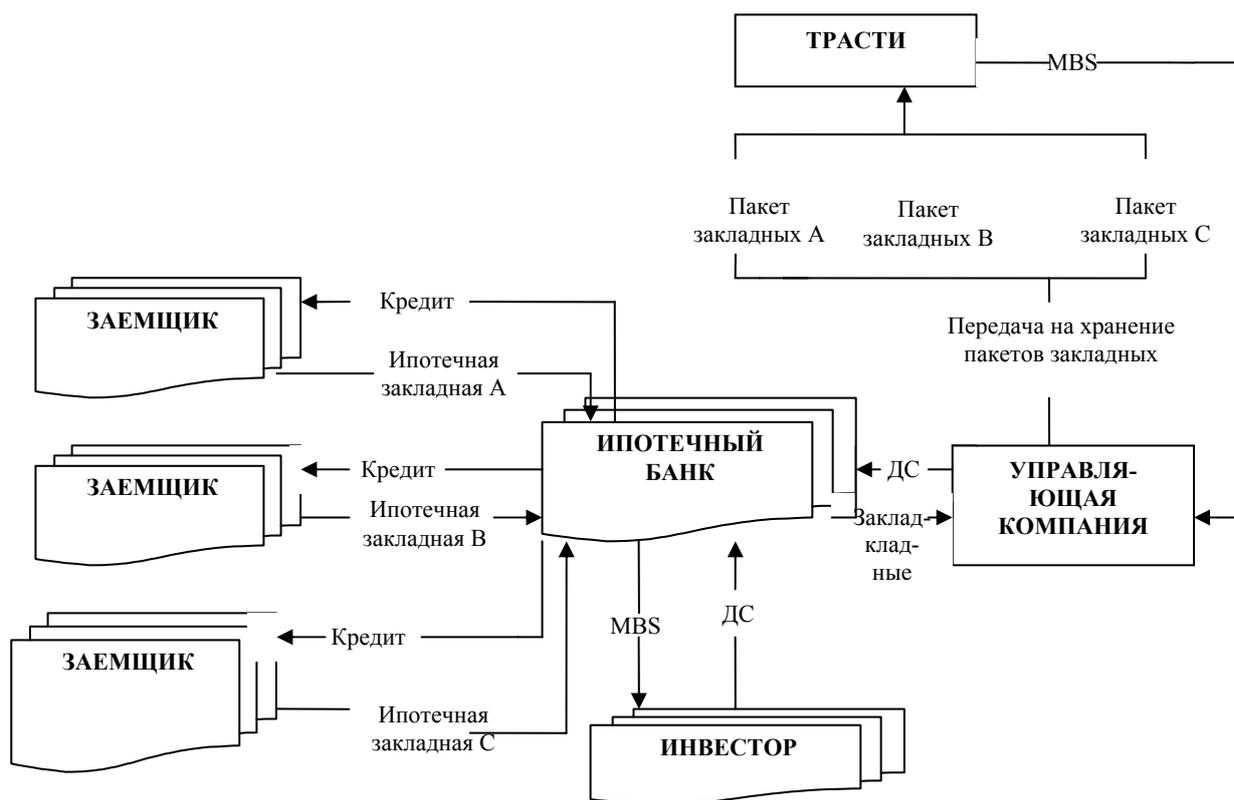

Рис. 7. Своп-программа

В результате применения свопа (соглашения между двумя контрагентами об обмене в будущем платежами в соответствии с определенными в контракте условиями) происходит обмен ценных бумаг (MBS) правительственного агентства на пул ипотек банка-кредитора. В дальнейшем банк-кредитор самостоятельно реализует конечным инвесторам ликвидные ценные бумаги (MBS) [16].

Однако для долевых облигаций характерно наличие риска досрочного погашения, который позволяет заемщику досрочно выплачивать проценты и основную сумму долга. В связи с этим у инвестора могут возникнуть определенные проблемы, связанные с рефинансированием незапланированных выплат, которые, как правило, выплачиваются заемщиками в момент падения процентных ставок. Ответной реакцией рынка на эту проблему стал выпуск специализированными учреждениями структурированных (порядковых) облигаций.

Структурированные (порядковые) облигации (СМО) – это ценные бумаги, обеспеченные пулом долевых ипотечных облигаций [7]. В литературе данный вид ценных бумаг может быть представлен как «залоговые ипотечные облигации» [15]. Основная суть структурирования состоит в том, что данный вид облигаций выпускается под пул долевых облигаций в виде траншей, которые перераспределяют риск предоплаты (рис. 8) [17].

Таким образом, применение структурированных облигаций в практике рефинансирования ипотечных кредитов является показательным примером применения гибких финансовых инструментов, которые не только опираются на развитую инфраструктуру рынка ценных бумаг, но и отвечают индивидуальным требованиям конечных инвесторов.

Одним из активных участников российского рынка рефинансирования ипотечных кредитов является

Агентство ипотечного жилищного кредитования «АИЖК» в 2014 г. рефинансировало ипотечные кредиты более чем на 66 млрд руб.

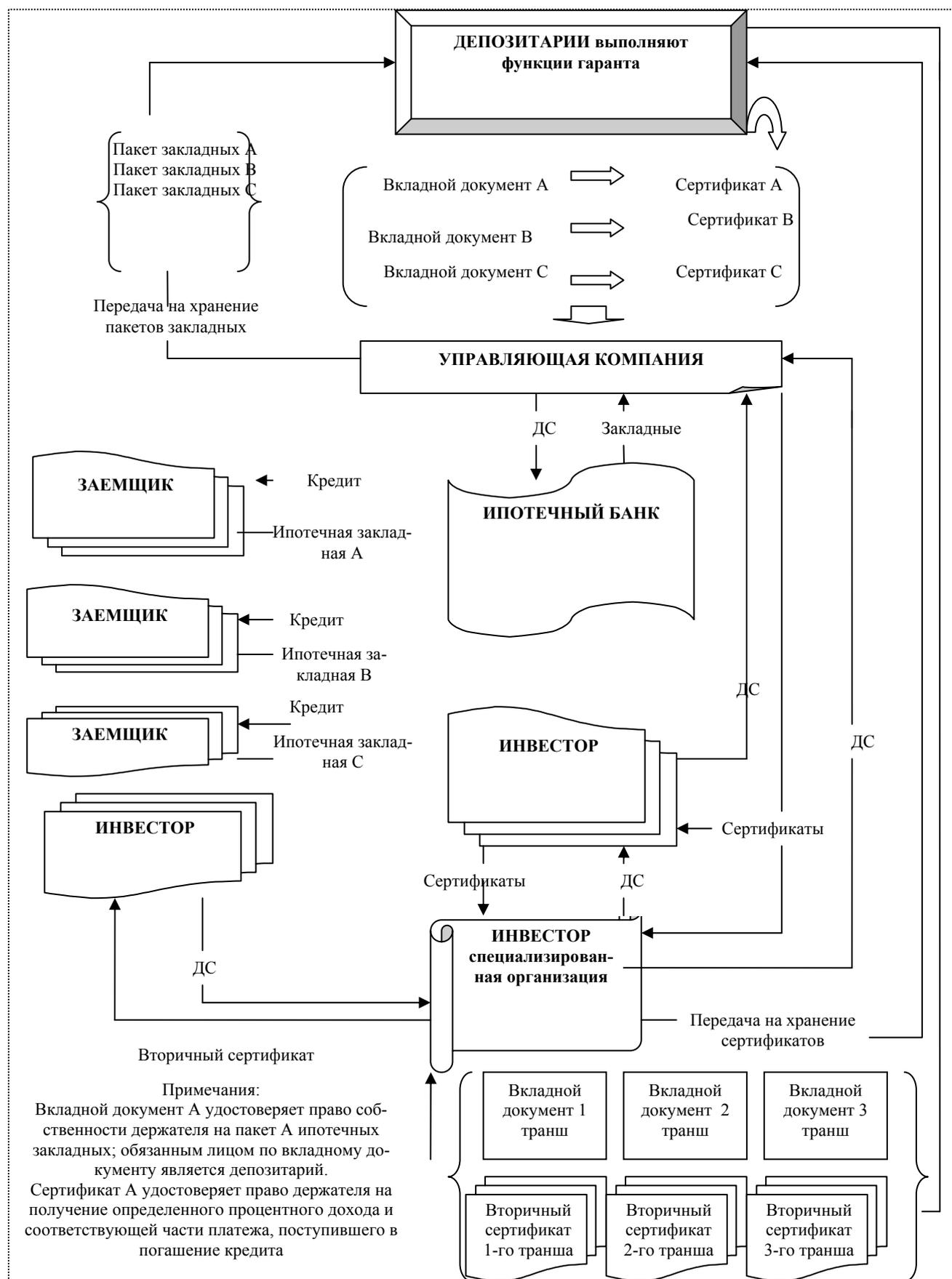

Рис. 8. Размещение структурированных облигаций

Однако в конце сентября 2014 г. была утверждена новая стратегия развития АИЖК. Если на этапе становления агентства основной целью было развитие первичного рынка ипотеки, то теперь рынок создан, практически во всех населенных пунктах есть несколько кредитных организаций, конкурирующих друг с другом на рынке ипотеки. Теперь АИЖК будет постепенно уходить от рефинансирования стандартных ипотечных кредитов. Одним из приоритетных направлений агентства в 2015 г. будет развитие рынка ипотечных облигаций. «Мы являемся фактически маркетмейкером этого рынка. Примерно 40% сделок секьюритизации ипотеки происходит с участием агентства, – рассказал Семенюк. – Мы предоставляем поручительство по ипотечным облигациям, позволяющие включать их в ломбардный список Банка России. Кроме того, у нас есть программа покупки ипо-

течных ценных бумаг через долгосрочные опционы. Вступая в опционную программу, банк имеет возможность заранее определить ставку и объем облигаций, которые он продаст агентству в будущем. Мы также предоставляем банкам промежуточное финансирование на накопление пула ипотечных облигаций и занимаемся поддержанием котировок облигаций на бирже» [18].

В условиях финансовой глобализации рефинансирование ипотечных кредитов позволяет возобновлять кредитные ресурсы путем выпуска ценных бумаг, обеспеченных поступлениями от заемщиков, направления выручки от продажи кредитов в новые ипотечные кредиты, сбалансирования параметров ипотечных кредитов и кредитных ресурсов с целью увеличения объемов и прибыльности кредитных вложений, перераспределения риска между участниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савруков А.Н. Проблемы и практика рефинансирования ипотечных кредитов в РФ // Вестник ИНЖЭКОНА. Сер. Экономика. 2009. Вып. 3 (30). С. 430.
2. Никонова Я.И., Казаков В.В. Механизм финансового обеспечения инновационной деятельности экономических систем // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 127–133.
3. Рыжков О. Рефинансирование при ипотечном кредитовании // Рынок ценных бумаг. 1995. № 18. С. 48.
4. Рынки ценных бумаг, обеспеченных ипотекой и активами / под ред. Лакхбира Хейра ; пер. с англ. М. : Альпина Бизнес Букс, 2007. 497 с.
5. Митрошина К. Использование секьюритизации в развитии ипотечного кредитования // Рынок ценных бумаг. 1999. № 4. С. 37–38.
6. Казаков В.В. Современные подходы к управлению развитием муниципальных образований. Томск : Том. гос. ун-т, 2007.
7. Фабозици Ф. Управление инвестициями : пер. с англ. М. : Инфра-М, 2000. Т. XXVIII. С. 462.
8. Шарп У., Александер Г., Бэйли Дж. Инвестиции : пер. с англ. М. : Инфра-М, 1999. Т. XII. С. 395.
9. Миронов В., Попова А. Рынок ипотечных облигаций // Рынок ценных бумаг. 1998. № 4. С. 33–37.
10. Копейкин А., Стебнев Л., Скоробогатько Б., Пенкина А. Американская модель ипотеки // Рынок ценных бумаг. 1999. № 8. С. 21.
11. Разумова И.А. Ипотечное кредитование : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2009. 304 с.
12. Алексеев Р.Н. Система банковского ипотечного кредитования и ее развитие в России : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2008. С. 14.
13. Осотова Е.Н. Инструменты секьюритизации ипотечных активов // Российское предпринимательство. 2008. № 12 (2). С. 65–70.
14. Лауринйтис О.З. Учет финансирования жилищного строительства с использованием эмиссионных ценных бумаг. Барнаул : Аз Бука, 2004. 260 с.
15. Шадрин А. Рынок ипотечных ценных бумаг. Опыт США и перспективы России // Рынок ценных бумаг. 1998. № 7. С. 62–64.
16. Ивасенко А.Г., Никонова Я.И., Павленко В.А. Рынок ценных бумаг: Инструменты и механизмы функционирования : учеб. пособие. 4-е изд., стер. М. : КНОРУС, 2008. 272 с.
17. Ивасенко А.Г. Земельно-ипотечное кредитование как инструмент развития предпринимательства. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2009. 235 с.
18. В 2015 году АИЖК свернет свою программу рефинансирования кредитов. URL: http://www.dp.ru/a/2014/10/20/AIZHK_menjaet_strategiju

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 20 февраля 2015 г.

LAND AND MORTGAGE LENDING IN RUSSIA: INTERACTION, SECURITIZATION AND REFINANCING SCHEMES
Tomsk State University Journal, 2015, 392, 129–137. DOI 10.17223/15617793/392/23

Ivasenko Anatoly G. Siberian State Transport University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ya_shka@ngs.ru

Keywords: land and mortgage lending; refinancing; securitization.

The lack of their own funds in many branches of Russia's growing economy requires a search for different ways of attracting investment resources. A reliable collateral all over the world is real estate, primarily, land. Analysis of the development of mortgage lending practices and structures of attracted funds of commercial banks in the Russian Federation showed that deposits attracted for more than 3 years is less than 6 % of the total volume of attracted funds. Moreover, the features of the Russian banking system create an opportunity for investors to withdraw their money. Therefore, the primary source of banks' financing land mortgages is their own capital, which results in limited volumes of mortgage crediting. In this connection, the effective functioning of the credit institution refinancing system becomes more important. The term "refinancing" can be interpreted in two ways. From the point of view of the creditor, it is a creditor's compensation of costs of mortgage loan delivery by issuing mortgage-backed securities or by reselling receivables to mortgage agents. From the point of view of the borrower, refinancing is paying off the borrower's debt in one or more mortgage loans at the expense of obtaining a new mortgage loan. Refinancing characterizes the mortgage-market feature: the distribution into the primary and secondary markets. In the primary market, mortgage loans are secured by land. Funds can be attracted to the market of individual mortgage loans through commercial banks in the secondary mortgage market, where buying and selling of the rights to claims on already issued mortgage loans occurs. Here a mortgage becomes a bond paper, which can make it to a third party. For this purpose, mortgage has a security status, i.e. traded on the secondary market are special securities giving the right to receive interest income on loans. This is a transition of the loan from one lender to another institution. Mortgage loan servicing functions can belong either to the primary lender or transfer to the new creditor. The process of refinancing of mortgages is inseparably connected with the process of securitization. The following definition most accurately reflects the essence of the process: "Securitiza-

tion is the process of issuing securities provided for by the pools of mortgage loans." The chief feature of securitization is that claims on the loan are not sold, but instead securities are issued that represent claims on the principal and interest payments as well as on mortgaged property. In the conditions of financial globalization, refinancing of mortgage loans helps to renew the credit resources by issuing mortgage-backed securities, by investing funnel loan sale proceeds in new mortgage loans, by mortgage loan option and resource balance with the aim of increasing the volume and profitability of credit investments, redistribution of risk between the parties.

REFERENCES

1. Savrukov A.N. Problemy i praktika refinansirovaniya ipotechnykh kreditov v RF [Problems and practice of mortgage refinancing in Russia]. *Vestnik INZhEKONA. Seriya "Ekonomika"*, 2009, no. 3 (30), p. 430.
2. Nikonova Ya.I., Kazakov V.V. Mechanism of financial security of innovative activity of economic systems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 364, pp. 127–133. (In Russian).
3. Ryzhkov O. Refinansirovanie pri ipotechnom kreditovanii [Mortgage refinancing]. *Rynok tsennykh bumag*, 1995, no. 18, pp. 48.
4. Hayre L. (ed.) *Rynki tsennykh bumag, obespechennykh ipotekoy i aktivami [Mortgage-backed and asset-backed securities market]*. Translated from English. Moscow: Al'pina Biznes Buks Publ., 2007. 497 p.
5. Mitroshina K. Ispol'zovanie sek'yuritizatsii v razvitii ipotechnogo kreditovaniya [Using securitization in mortgage lending development]. *Rynok tsennykh bumag*, 1999, no. 4, pp. 37–38.
6. Kazakov V.V. *Sovremennye podkhody k upravleniyu razvitiem munitsipal'nykh obrazovaniy [Current approaches to managing municipality development]*. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2007.
7. Fabozzi F. *Upravlenie investitsiyami [Investment Management]*. Translated from English. Moscow: Infra-M Publ., 2000. 932 p.
8. Sharpe W., Alexander G., Bailey J. *Investitsii [Investments]*. Translated from English. Moscow: Infra-M Publ., 1999. 454 p.
9. Mironov V., Popova A. Rynok ipotechnykh obligatsiy [Mortgage bond market]. *Rynok tsennykh bumag*, 1998, no. 4, pp. 33–37.
10. Kopeykin A., Stebenev L., Skorobogat'ko B., Penkina A. Amerikanskaya model' ipoteki [The American model of mortgage securities market]. *Rynok tsennykh bumag*, 1999, no. 8, pp. 21.
11. Razumova I.A. *Ipotechnoe kreditovanie [Mortgage lending]*. St. Petersburg: Piter Publ., 2009. 304 p.
12. Alekseev R.N. *Sistema bankovskogo ipotechnogo kreditovaniya i ee razvitie v Rossii: avtoref. dis. kand. ekon. nauk [System of banking mortgage lending and its development in Russia. Abstract of Economics Cand. Diss.]*. Saratov, 2008, pp. 14.
13. Osipova E.N. Instrumenty sek'yuritizatsii ipotechnykh aktivov [Tools of mortgage assets securitization]. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo – Russian Journal of Entrepreneurship*, 2008, no. 12 (2), pp. 65–70.
14. Laurinaytis O.Z. *Uchet finansirovaniya zhilishhnogo stroitel'stva s ispol'zovaniem emissionnykh tsennykh bumag [Accounting for house construction financing with equity securities]*. Barnaul: Az Buka Publ., 2004. 260 p.
15. Shadrin A. Rynok ipotechnykh tsennykh bumag. Opyt SShA i perspektivy Rossii [Mortgage-backed securities market. US experience and prospects of Russia]. *Rynok tsennykh bumag*, 1998, no. 7, pp. 62–64.
16. Ivasenko A.G., Nikonova Ya.I., Pavlenko V.A. *Rynok tsennykh bumag: Instrumenty i mekhanizmy funktsionirovaniya [Securities Market: Tools and mechanisms of functioning]*. 4th edition. Moscow: KNORUS Publ., 2008. 272 p.
17. Ivasenko A.G. *Zemel'no-ipotechnoe kreditovanie kak instrument razvitiya predprinimatel'stva [Land and mortgage lending as a tool for business development]*. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University Publ., 2009. 235 p.
18. *V 2015 godu AIZhK svernet svoyu programmu refinansirovaniya kreditov [In 2015, HMLA will curtail its program of refinancing loans]*. Available from: http://www.dp.ru/a/2014/10/20/AIZHK_menjaet_strategiju.

Received: 20 February 2015

ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Исследованы особенности европейского опыта разработки и реализации инновационной политики развития экономических систем. Показано, что европейская инновационная политика направлена на развитие «экономики знаний» в Европе посредством поощрения исследований, улучшения политики в области образования, развития информационных технологий и создания благоприятного инновационного климата.

Ключевые слова: инновационная политика развития экономических систем; европейский опыт.

Усвоение в целом позитивного европейского опыта разработки и реализации инновационной политики развития экономических систем целесообразно и важно для снижения уязвимости отечественной экономики перед лицом многих глобальных вызовов, таких как исчерпание природных энергетических ресурсов, старение населения развитых стран, нарастающая дифференциация доходов, ухудшение экологии. Эти вызовы требуют рациональных мер реагирования на уровне инновационной политики, запуска принципиально новых инновационных стратегий развития национальной экономики.

Великобритания, Германия и Франция входят в Европейский союз и занимают соответственно двадцатое (1,76% ВВП), девятое (2,82% ВВП) и четырнадцатое (2,25% ВВП) места в мире по абсолютной величине затрат на НИОКР (UNESCO Institute for Statistics, 2012) (табл. 1).

Таблица 1
Рейтинг стран мира по величине расходов на НИОКР, %

Место	Страна	Расходы
1	Израиль	4,40
2	Финляндия	3,88
3	Южная Корея	3,74
4	Швеция	3,40
5	Япония	3,36
6	Дания	3,06
7	Швейцария	2,99
8	Соединенные Штаты Америки	2,90
9	Германия	2,82
10	Австрия	2,75
11	Исландия	2,64
12	Сингапур	2,43
13	Австралия	2,37
14	Франция	2,25
15	Словения	2,11
16	Бельгия	1,99
17	Нидерланды	1,83
18	Канада	1,80
19	Ирландия	1,79
20	Великобритания	1,76

При этом доля федерального бюджета в финансировании составляет от 35 до 45% [1].

В 1980-е гг. страны Европейского союза также провозгласили политику ликвидации разрыва в области инноваций между Европой, Америкой и Японией. Эксперты отмечают, что ЕС это сделать все же не удалось, так как, несмотря на наличие крупномасштабных программ и развитие фундаментальной науки в этих странах, так и «не заработал механизм превращения научных идей в коммерческие продук-

ты, востребованные рынками». Более того, анализ показывает, что страны ЕС уделяют неоправданно много внимания фундаментальной науке в ущерб внедренческому аспекту и идеологии «развития рынка», которая существует в Японии и США. Политика технологического протекционизма привела к прямо противоположному результату. По оценке экспертов Национальной инженерной академии США, Европа уступает по темпам обновления производственных процессов США в 2 раза, Японии – в 3 раза [2].

В Европе, добавим, меньше, чем в США и Японии, развит малый венчурный бизнес и доминирует идеология централизованной (государственной и банковской) поддержки. Для банков, финансирующих, как правило, отдельные отрасли, возможность провала проекта недопустима.

Отсутствие серьезного прогресса в инновационном развитии, проблемы в связи с расширением Евросоюза, старение населения – все эти факторы легли в основу предложений Еврокомиссии по новым направлениям инновационной политики. Эти предложения сформулированы в документе «Инновационная политика: современные подходы в контексте Лиссабонской стратегии», где выделены следующие приоритеты:

- улучшение инновационной среды путем усиления инновационной составляющей всех направлений национальных политик и их интеграции;

- стимулирование рыночного спроса на инновации и использование концепции «лидирующих» рынков, предполагающей поддержку рынков, наиболее восприимчивых к нововведениям;

- стимулирование инноваций в госсекторе, преодоление бюрократического консерватизма государственной администрации;

- усиление региональной инновационной политики [3].

«Лиссабонская стратегия» направлена на развитие «экономики знаний» в Европе посредством поощрения исследований, улучшения политики в области образования, развития информационных технологий и создания благоприятного инновационного климата. Кроме того, целью «Стратегии» является либерализация европейской системы услуг, рынков транспорта и энергетики. В то же время в ней подчеркивается необходимость модернизации европейской модели социального обеспечения, увеличения занятости, реформы системы социального обеспечения и снижения социальных льгот. Задача достижения устойчивых

темпов развития была дополнительно включена в повестку дня Стокгольмской встречи на высшем уровне, состоявшейся в марте 2001 г. [4].

Основные этапы инновационной политики Европейских сообществ (Европейского союза) представлены в табл. 2.

Таблица 2

Этапы развития политики ЕС в инновационной сфере

1950–1960 гг.	Политика в сфере, науки: – научное образование; – исследования в университетах; – фундаментальные исследования в государственных лабораториях	Политика в сфере промышленности: – гранты на проведение НИОКР; – гранты на приобретение оборудования; – реструктуризация промышленности; – поддержка совместных исследований в сфере промышленности; – техническое обучение и подготовка	Политика в сфере предпринимательства: – ставка на развитие крупных предприятий и промышленных агломераций; – создание национальных «флагманских» компаний; – выделение основных средств из государственных фондов по развитию НИОКР крупным предприятиям; – нехватка венчурного капитала
Низкий уровень развития сотрудничества и координации между сферами научной и промышленной политики			
Середина 1970-х – начало 1980-х гг.	Политика в сфере инноваций: – заинтересованность в развитии связей между университетами и промышленными предприятиями; – предоставление грантов на развитие инновационной деятельности; – вовлечение исследовательских институтов в разработку продукта; – стимулирование инновационной деятельности мерами государственной поддержки; – повышение интереса к развитию малых и средних предприятий; – принятие комплекса мер по развитию инновационной деятельности в МСБ; – нехватка венчурного капитала. Повышение уровня сотрудничества между департаментами, ответственными за проведение научной и промышленной политики		
Начало 1980-х – 1980-е гг.	Технологическая политика: – приоритетное внимание развитию связей между университетами и промышленными предприятиями; – смещение основных акцентов в сторону проведения «стратегических» исследований в университетах; – поддержка развития генных технологий; – создание новых технологических фирм; – поддержка развития сотрудничества между предприятиями; – рост возможностей венчурного капитала. Совместная деятельность департаментов: – повышение внимания к представлению отчетности и разработке системы оценки эффективности проводимой государственной политики в сфере науки; – повышение интереса к проблеме растущих диспропорций в экономическом развитии регионов; – принятие национальными и региональными властями мер по увеличению затрат на НИОКР; – развитие потенциала менее развитых регионов через ускоренное развитие региональной инновационной инфраструктуры (создание научных парков, инновационных центров, технополисов)		

С усилением международных интеграционных процессов и выработкой согласованной экономической политики, свойственной общему экономическому пространству стран, в частности членов ЕС, появляется новая возможность: разработка единой инновационной политики на уровне государств – членов сообщества [3]. Выработка единого антимонопольного законодательства; использование системы ускоренных амортизационных отчислений, которые по существу являются беспроцентными займами на приобретение новейшей техники; льготное налогообложение расходов на НИОКР; поощрение мелкого наукоемкого бизнеса; прямое финансирование предприятий для поощрения нововведений в областях новейших технологий; стимулирование сотрудничества университетской науки и компаний, производящих наукоемкую продукцию, – вот далеко не полный перечень атрибутов инновационной политики, проводимой в странах европейского сообщества и открывающей по существу равные возможности для национальных предприятий стран – членов ЕС в сфере инновационного бизнеса. Согласованная на уровне государств – членов ЕС инновационная политика находит логическое завершение в выработке координационных мероприятий, стимулирующих инновационный бизнес на уровне сообщества в целом.

К их числу можно отнести принятие в 1985 г. Советом ЕС регламента о «европейском объединении по экономическим интересам» (ЕОЭИ).

1 июля 1989 г. вступил в силу Регламент ЕС N 2137/85 о Европейском объединении по экономическим интересам (или Европейском объединении с общей экономической целью, англ. European Economic Interest Grouping – EEIG), которое стало первой наднациональной организационно-правовой формой. Регламент освобождает предприятия – члены ЕОЭИ от воздействия национальных законов, подчиняя их единым правилам сообщества и создавая, таким образом, благоприятные условия для укрепления хозяйственных и научно-технических связей между ними [5].

Принятый в ЕС План развития международной инфраструктуры нововведений и передачи технологии предполагает получение и внедрение результатов научных исследований более быстрым и упрощенным способом на национальном и наднациональном уровне, а также содействие распространению инноваций в Союзе. На распространение и использование в ЕС результатов НИОКР была ориентирована и программа «Вэлью».

В 1994 г. в странах Европейского союза на средства Главного управления по предпринимательству Европейской комиссии была начата разработка региональных пилотных стратегий развития инновацион-

ной деятельности и создания центров трансфера технологий, а также региональных инновационных стратегий, работа по формированию которых финансировалась Главным управлением по региональной политике Еврокомиссии. Вслед за этим в странах Европейского союза во второй половине 1990-х гг. было инициировано проведение исследований по изучению состояния и динамики развития экономики различных регионов, а также перспектив их перевода на инновационные рельсы. Следует отметить, что работа по формированию региональных инновационных систем в Европейском союзе проводилась на двух уровнях – наднациональном, т.е. структурами Евросоюза, и национальном, на котором главную роль играли центральные органы власти государств – членов ЕС.

Проект «Региональные инновационные системы» (REGIS – Regional Innovation Systems) финансировался в середине 1990-х гг. по программе Европейского союза «Целевые социально-экономические исследования» (TSER – Targeted Socio-Economic Research). Его основная цель – изучение ключевых элементов архитектуры институциональной инновационной сети, которая оказывает поддержку предприятиям кластера. Предметом исследования стали вопросы региональной автономии, динамики развития отраслей промышленности, социального партнерства, технологической политики, наукоемкости продукции, практики и полученного в ее ходе опыта и зарубежных инвестиций [6].

Для проведения исследований были выбраны следующие регионы: Баден-Вюртемберг (Германия); Страна Басков (Испания); Юго-Восточный Брабант (Нидерланды); территория Будапешта (Венгрия); регионы Норти и Сентру (Португалия); Фриули (Италия); Штайермарк (Австрия); область Тампере (Финляндия); Уэльс (Великобритания); Валлония (Бельгия); территория Варшавы (Польша) [7].

Фактически начиная с 1995 г. Европейский союз приступил к формированию Европейской инновационной системы. Евросоюз принял очередную рамочную программу технологических исследований. Бюджет программы достиг рекордной цифры – 17,5 млрд евро. К приоритетным направлениям исследований Евросоюз относит:

- науки о жизни, в том числе генетику;
- биотехнологии в сфере здравоохранения;
- борьбу с серьезными заболеваниями (3,4 млрд евро);
- нанотехнологии, «интеллектуальные» многофункциональные материалы, новые устройства и производственные процессы (1,3 млрд евро);
- авионавтику и космос (1,1 млрд евро), устойчивое развитие экологической системы (2,1 млрд евро);
- разработку ряда тем по проблематике международного сотрудничества в технологической области и научной кооперации.

Значительные денежные ресурсы в сумме 3,6 млрд евро отводятся на финансирование технологий информационного общества [8].

Важно подчеркнуть, что Европейская комиссия, инициировавшая и поддерживавшая финансово процесс разработки РИС в регионах ЕС, сознательно не регламентировала детально методологию разработки.

Скорее здесь можно говорить о ряде ключевых методологических принципов:

1) РИС должна быть основана на частно-государственном партнерстве и консенсусе;

2) РИС должна строиться на основе стороны спроса, фокусируясь на потребностях компаний (и МСП в особенности), с использованием подхода «снизу-вверх», а также с широким вовлечением в процесс разработки научного сектора региона;

3) РИС должна быть «ориентированной на реальные действия» (результатом должны стать новые инновационные проекты в компаниях, новые инновационные региональные схемы и т.п.);

4) регионы, участвующие в программах РИС, должны задействовать «европейское измерение» через межрегиональное взаимодействие, а также бенчмаркинг инновационных политик и методов.

В качестве примера европейских РИС можно привести РИС Нижней Австрии (рис. 1) [9].

Целью проекта РИС для Нижней Австрии стало утверждение региона в числе первых 10 инновационных регионов Европы. Гибкий методический подход ЕК, который отражает разнообразие региональных условий (в том числе промышленную специализацию, институциональное окружение, человеческий капитал и т.п.), включает в себя следующие этапы разработки:

- специальная кампания по повышению осведомленности относительно инноваций и их важности в региональном развитии и конкурентоспособности региона;
- построение регионального консенсуса между ключевыми игроками относительно целей РИС;
- анализ региональной инновационной системы (ее игроки, их взаимодействия), включая оценку технологических и рыночных трендов, технологический Форсайт и бенчмаркинг с другими регионами;
- анализ сильных и слабых сторон региональных компаний: оценка регионального спроса для инновационных услуг, включая технологические аудиты (особенно в МСП) и обзоры относительно потребностей и возможностей компаний (управление, финансы, технологии, тренинг, маркетинг и т.п.);
- оценка региональной инновационной инфраструктуры и политики;
- разработка стратегических рамок для реализации стратегии, включая детальный план действий и систему мониторинга и оценки. План действий, как правило, содержит ряд пилотных проектов, призванных продемонстрировать эффективность / реализуемость стратегии [10].

При этом предполагается, что местные политические, экономические и академические игроки включены в этот процесс путем активного участия в Наблюдательном совете РИС, через рабочие группы, семинары, интервью, проведение технологических аудитов, подготовку обзоров и т.п.

Как правило, разработка РИС инициируется небольшой группой людей – командой работающих совместно и видящих возможности, которые могут быть реализованы с помощью Региональной инновационной стратегии. Например, в Западном Мидленде (Великобритания) инициаторами разработки РИС стали два академика,

которые работали в тесном контакте с правительством региона. В других случаях процесс инициировали реги-

ональные органы власти, управляющие научных парков, ТПП и других общественных организаций.

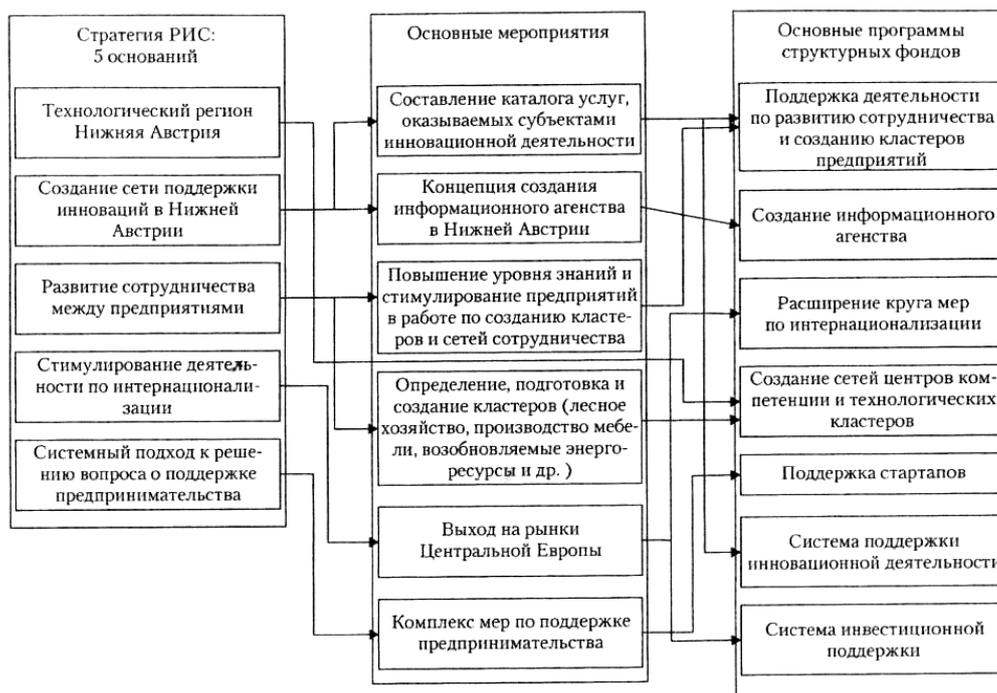

Рис. 1. Структура региональной инновационной стратегии Нижней Австрии

Само по себе неважно, кто именно выступает в качестве лидера разработки. Тем не менее эти «игроки» должны пользоваться доверием, чтобы дать жизнь проекту. Например, в ЕС инициаторами разработки большинства инновационных стратегий были руководители региональных органов власти или работники организаций, поддерживающих инновации, причем зачастую они работали в тесном сотрудничестве.

РИС – это инструмент, с помощью которого расширяется межсекторное взаимодействие (власть, бизнес, наука и т.д.), позволяющее, в свою очередь, снять многие преграды, ограничивающие возможности для роста компаний.

Понимание инновационной стратегии не как формального документа, а как проекта / процесса определяет важнейшее отличие методологии РИС от других методов программного развития территорий.

Общей целью РИС является экономическое развитие соответствующей территории за счет внедрения и распространения инноваций и культуры инноваций среди компаний региона, научных организаций и инновационной инфраструктуры. Любая инновационная стратегия в конечном счете должна гарантировать и улучшать рост экономики, конкурентоспособность региона и занятость в нем.

Как правило, одной из предпосылок для разработки инновационной стратегии является тенденция к более широкому использованию новых знаний для целей экономического развития. Поэтому чаще всего инновационные стратегии разрабатываются в регионах с высокой концентрацией научного и образовательного потенциала. В этих регионах одними из ключевых игроков, соответственно, выступают науч-

ные или образовательные организации. Однако это не означает ориентацию РИС исключительно на потребности в развитии НИИ или университетов. Как раз наоборот, РИС призваны создать условия для более успешного развития бизнеса (компаний) в регионе, в том числе за счет использования новых знаний, производимых в научно-образовательном секторе.

Если говорить в терминах спроса и предложения, то инновационные стратегии – это инструмент выявления спроса на инновации среди компаний и ориентация научных организаций на удовлетворение этого спроса. Таким образом, РИС, в том числе, призваны стимулировать научные и образовательные организации, расположенные в регионе, предоставлять компаниям региона услуги (научные разработки, проводить прикладные исследования, обучать специалистов и т.д.), которые позволят им стать более конкурентоспособными.

Например, определены следующие стратегические цели РИС:

- разработка регионального консенсуса по инвестиционным приоритетам для финансирования государственным и частным сектором исследований технологического развития и инноваций;
- увеличение уровня инноваций в регионе путем усиления выбранных МСП из растущих секторов и кластеров (РИС Йоркшир и Хамбер, Великобритания);
- создание инновационной культуры с глубоким пониманием важности инноваций;
- координация действий существующих структур, поддерживающих инновации;
- улучшение способности МСП к восприятию инноваций (РИС Арагон, Испания) [11].

В зависимости от выбранной модели развития РИС может концентрироваться на отдельных экономических секторах или направлять свое влияние на создание общих условий.

Характер влияния РИС на экономику достаточно хорошо иллюстрируют применяемые инструменты влияния. Европейские РИС используют три основных категории инструментов влияния через РИС:

1. Поддержка инновационной культуры, что включает в себя меры по стимулированию творчества, инициативы и определенной социальной, географической и профессиональной мобильности [12].

2. Стимулирующие рамочные условия. Создание благоприятных условий для инновационных целей, поддерживающих развитие инноваций путем стимулирования как конкуренции и сотрудничества, так и обеспечения лучшей защиты для интеллектуальной и индустриальной собственности.

3. Усиление связей между исследованиями, инновациями и рынком. Принятие различных мер для улучшения способов превращения результатов научных исследований в продукты и услуги (стимулирование создания новых инновационных компаний (стартапов), стимулирование сотрудничества с государственным сектором, частным сектором и образованием).

По данным оценки программ 42 европейских регионов можно выделить наиболее часто встречающиеся инструменты РИС:

1. Координация схем и политики поддержки, включая создание новых посредников и центра по оказанию всех услуг в одном месте, и совершенствование существующей в регионе сети поддержки.

2. Стимулирование сотрудничества между фирмами, включая кластеры фирм и инновационные клубы фирм.

3. Для совершенствования инфраструктуры поддержки.

4. Маркетинг услуг по поддержке предложения инноваций (как в регионе, так и вне его).

5. Финансирование инноваций.

6. Совершенствование трансфера технологий.

7. Создание и развитие кластеров, базирующихся на исследованиях.

8. Совершенствование взаимосвязи между университетами и малыми и средними предприятиями, включая совершенствование программ обучения для малых и средних предприятий.

9. Мониторинг поддержки инноваций.

10. Улучшенный доступ к информации по фирмам и инновациям.

11. Стимулирование частных игроков в сфере поддержки инноваций (технологические брокеры, консультанты, финансовые организации и т.д.).

12. Для стимулирования инноваций в фирмах.

13. Увеличение осведомленности об инновациях.

14. Интернационализация фирм, включая международное сотрудничество.

15. Поддержка для венчурного капитала.

16. Поддержка для создания фирм, деятельности по инкубированию стартапов и «спин-офф» фирм.

17. Продвижение использования информационных технологий.

18. Обучающие программы для фирм.

19. Консультационные программы для малых и средних предприятий.

20. Маркетинг фирм.

21. Инновационный аудит.

Построение долгосрочной стратегической концепции РИС продолжается составлением плана действий и определением пилотных проектов на «короткую» перспективу. Обычно РИС ориентированы на 10–15 лет. План мероприятий разрабатывается на период, не превышающий 3 года.

Выработка плана действий основывается на приоритетах инновационной стратегии, учитывает динамику процесса реализации стратегии и изменение внешних факторов и условий. План действий должен определить задачи, исполнителей и финансовые мероприятия для каждого из пилотных проектов.

На основе анализа мирового опыта формирования государственной инновационной политики можно сделать следующие выводы.

Инновационное развитие общества становится задачей государственной важности, в решении которой первостепенное место отведено инвестиционной составляющей.

Роль экономически развитых государств состоит в регулировании, стимулировании и координации финансирования науки и технологий всех участников инновационного процесса.

Обеспечение государственной поддержки и стимулирование инновационного финансирования позволили таким странам, как США и Япония, обеспечить конкурентоспособность в ведущих отраслях промышленности и занять лидирующие позиции на мировом рынке. Так, например, в авиационной и ракетно-космической промышленности удельный вес США в настоящее время достиг 40%, Японии – 20%, в то время как доля Великобритании составляет 9%, Германии – 7%; в телекоммуникационной и навигационной сфере удельный вес США на мировом рынке достиг 20%, Японии – 17, Германии – 7, Великобритании – 6%; в научном приборостроении доля США составляет 27,5%, Японии – 17,5, Германии – 14, Великобритании – 6% [13].

В целях обеспечения технологической безопасности государства особое значение придается финансированию высокотехнологичных направлений, таких как нанотехнологии, геновая инженерия, информационные технологии, биотехнологии. Так, например, в США разработана специальная программа «Национальная инициатива в области нанотехнологий». Она предусматривает координацию усилий целого ряда ведомств, заинтересованных в ускорении развития различных направлений нанотехнологии. Среди них Национальный научный фонд, Министерство обороны, Национальное управление по авиации и исследованию космического пространства и т.д. [14].

Страны – лидеры пятого технологического уклада, ядром которого являются электронная промышленность, вычислительная и оптоволоконная техника,

программное обеспечение, телекоммуникации, роботостроение, нанотехнологии, биотехнологии и информационные услуги, готовятся к вступлению в новый, шестой технологический уклад, который, по мнению ученых, наступит в 30–40-е гг. текущего столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казаков В.В. Организационно-финансовый механизм формирования и реализации инновационной политики экономических систем // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 157–164.
2. Никонова Я.И. Инновационная политика в системе государственного регулирования устойчивого развития национальной экономики. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2010.
3. *Innovation Policy: updating the Union's approach in the context of the Lisbon strategy*. Communication from the Commission to the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels. 11.03.2003.
4. *Национальные инновационные системы в России и ЕС*. М. : ЦИПРАН РАН, 2006. 280 с.
5. *Гражданское и торговое право зарубежных государств* : учеб. : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е.А. Васильев, А.С. Комаров. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 273.
6. Никонова Я.И. Мировой опыт финансирования государственной инновационной стратегии // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 151–157.
7. Prange H. Explaining Varieties of Regional Innovation Policies in Europe // *European Urban and Regional Studies*. 2008. № 15.
8. Москвин В. Планирование реализации проектов на 30-летний период // *Инвестиции в России*. 2003. № 2. С. 42.
9. *Regional Innovation Strategies under the European Regional Development Fund Innovative Actions 2000–2002*. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/innovation/pdf/guide_ris_final.pdf
10. Каркавин М.В. Факторы, условия и тенденции стратегического социально-экономического развития малых и средних городов // *Фундаментальные исследования*. 2011. № 8, ч. 3. С. 694–697.
11. Никонова Я.И., Казаков В.В. Механизм финансового обеспечения инновационной деятельности экономических систем // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 127–133.
12. Звонников В.И., Нефедов В.А., Сафонов А.А. *Современные модели разработки и совершенствования систем менеджмента*. М. : ГУУ, 2010.
13. Оболенский В. Технологическое соперничество на мировом рынке // *Мировая экономика и международные отношения*. 2013. № 7. С. 4.
14. Ивасенко А.Г., Никонова Я.И. *Мировая экономика* : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2010. 640 с.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 12 февраля 2015 г.

THE EUROPEAN EXPERIENCE IN THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF INNOVATIVE POLICY OF ECONOMIC SYSTEM DEVELOPMENT

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 138–144. DOI 10.17223/15617793/392/24

Kazakov Vladimir V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: prorektorsv@mail.ru

Keywords: innovation policy of economic system development; European experience.

A study of the European experience in the development and implementation of innovative policy of economic system development is appropriate and important for reducing the vulnerability of the domestic economy in the face of many global challenges such as the exhaustion of natural resources, population ageing in developed countries, increasing income differentiation, deterioration of the environment. These challenges require a rational response to the level of innovation policy, launch of new innovative strategies for the development of the national economy. United Kingdom, Germany and France are in the European Union and are respectively the twentieth (1.76 % of GDP), ninth (2.82 % of GDP) and fourteenth (2.25 %) in the world in the absolute value of R&D costs. The share of the federal budget ranges from 35 to 45 %. In the 1980s the countries of the European Union proclaimed the policy of closing the gap in innovation between Europe, America and Japan. European innovation policy is aimed at the development of the knowledge economy in Europe by promoting research, improving education policy, information technology development and creation of a favorable innovation climate. The overall objective of the regional strategies of innovative development is the economic development of the territory through the introduction and spread of innovation and culture of innovation among companies in the region, scientific organizations and innovation infrastructure. Increasing international integration processes, elaboration of a coherent economic policy characteristic of the common economic space of the countries, the EU members in particular, create a new opportunity: the development of a common innovation policy at the level of the Member States of the community. Development of a common competition law; use of accelerated depreciation, which are essentially interest-free loans for the purchase of the latest equipment; tax incentives for research and development; promotion of small knowledge-based businesses; direct financing by enterprises to promote innovations in the areas of emerging technologies; promotion of cooperation of the University of science and technology-intensive companies producing products: this is an incomplete list of the attributes of the innovation policy in the European Community which, in fact, gives equal opportunities to the national enterprises of EU Member States in the sphere of innovation business. Harmonized at the level of the Member States of the EU, innovation policy is the logical conclusion of the coordination activities that stimulate innovative business in the community in general.

REFERENCES

1. Kazakov V.V. Organizational-financial mechanism of formation and realization of innovation policy of economic systems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 363, pp. 157–164. (In Russian).
2. Nikonova Ya.I. *Innovatsionnaya politika v sisteme gosudarstvennogo regulirovaniya ustoychivogo razvitiya natsional'noy ekonomiki* [Innovation policy in the state regulation of national economy sustainable development]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University Publ., 2010.
3. *Innovation Policy: updating the Union's approach in the context of the Lisbon strategy*. Communication from the Commission to the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, March 11, 2003.

4. Ivanov V.V. et al. (eds.) *Natsional'nye innovatsionnye sistemy v Rossii i ES* [National innovation systems in Russia and in the EU]. Moscow: TsIPRAN RAN Publ., 2006. 280 p.
5. Vasil'ev E.A., Komarov A.S. (eds.) *Grazhdanskoe i torgovoe pravo zarubezhnykh gosudarstv: v 2 t.* [Civil and commercial law of foreign countries]. 4th edition. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2004. Vol. 1. 560 p.
6. Nikonova Ya.I. Modern tendencies of forming the strategy of innovative development of economic systems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 373, pp. 151–157. (In Russian).
7. Prange H. Explaining Varieties of Regional Innovation Policies in Europe. *European Urban and Regional Studies*, 2008, no. 15, pp. 39–52.
8. Moskvina V. Planning of project implementation for next 30 years. *Investitsii v Rossii – Investments in Russia*, 2003, no. 2. (In Russian).
9. Regional Innovation Strategies under the European Regional Development Fund Innovative Actions 2000–2002. Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/innovation/pdf/guide_ris_final.pdf.
10. Karkavin M.V. Factors, conditions and trends of strategic socio-economic development of small and medium-sized cities. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*, 2011, no. 8-3, pp. 694–697. (In Russian).
11. Nikonova Ya.I., Kazakov V.V. Mechanism of financial security of innovative activity of economic systems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 364, pp. 127–133. (In Russian).
12. Zvonnikov V.I., Nefedov V.A., Safonov A.A. *Sovremennye modeli razrabotki i sovershenstvovaniya sistem menedzhmenta* [Current models of development and improvement of management systems]. Moscow: State University of Management Publ., 2010. 262 p.
13. Obolenskiy V. Technological Competitions at the World Market. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*, 2003, no. 7, pp. 3–12. (In Russian).
14. Ivashenko A.G., Nikonova Ya.I. *Mirovaya ekonomika* [The World Economy]. Moscow: KNORUS Publ., 2010. 640 p.

Received: 12 February 2015

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ОРГАНИЗАЦИИ ФИНАНСИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК ЗА РУБЕЖОМ

Переход от модели сырьевого развития к модели инновационного развития экономики является основным ориентиром в обеспечении устойчивого развития национальной экономики на основе диверсификации и модернизации экономики, создания условий для производства конкурентных видов продукции, роста экспорта. Всемирное развитие инноваций в последние десятилетия стало для ведущих западных стран одним из главных национальных приоритетов. Об этом свидетельствует быстрый рост объемов финансирования стратегий инновационного развития национальных экономик. В статье проведен компаративный анализ подходов к организации финансирования стратегии инновационного развития национальных экономик за рубежом. Сформулированы главные задачи России в сложившихся условиях: создание успешного инновационного климата во всем обществе, дополнение государственной поддержки инновационных расходов промышленных предприятий и инфраструктуры мягкими стимулирующими финансовыми мерами.

Ключевые слова: стратегия инновационного развития России; финансирование; компаративный анализ.

Всемерное развитие инноваций в последние десятилетия стало для ведущих западных стран одним из главных национальных приоритетов. Об этом свидетельствует, прежде всего, быстрый рост объе-

мов финансирования стратегий инновационного развития национальных экономик. Доля стран в общих расходах на НИОКР в 2012 г. представлена на рис. 1.

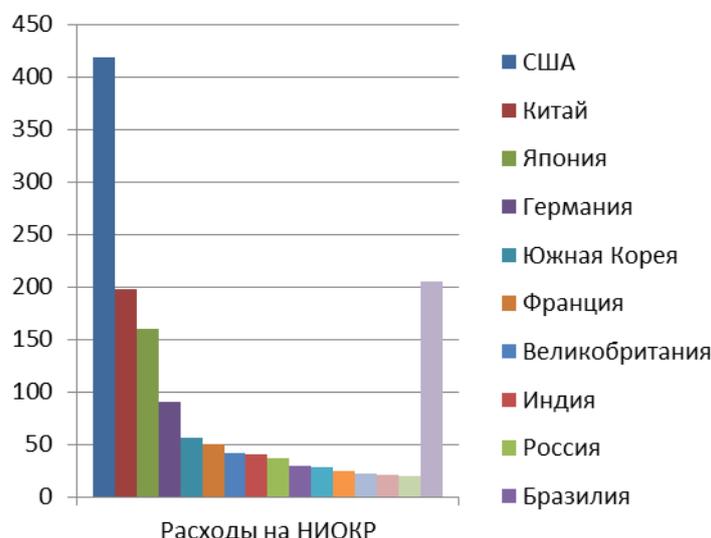

Рис. 1. Расходы на НИОКР в 2012 г., млрд долл. США

Мировым лидером по абсолютным показателям финансирования стратегии инновационного развития традиционно являются США. В 2012 г. США направили на эти цели уже 418,6 млрд долл., что составило свыше трети всего годового объема вложений в исследования и разработки в мире (1,1 трлн долл.). Второе место по показателям финансирования стратегии инновационного развития национальной экономики в абсолютном выражении в последние годы устойчиво занимает Китай, третье – Япония [1].

Наука превратилась в высококонкурентную сферу деятельности. В формирующемся многополярном мире к 2011 г. сложились четыре главных центра научного прогресса – США (31% мировых расходов на НИОКР по паритету покупательной способности), Европейский союз (24%), Китай (14%) и Япония (11%) [2]. К сожалению, Российская Федерация в группу лидеров не входит – на нашу долю приходится менее 2% мировых расходов на НИОКР по паритету

покупательной способности и 1% по обменному курсу.

Таким образом, Россия отстает от США по расходам на НИОКР в 17 раз, от Европейского союза – в 12 раз, от Китая и Японии – в 6,4 раза, от Индии – в 1,5 раза (рис. 2) [2].

В табл. 1 представлены страны, упорядоченные по доле страны в общемировых расходах на НИОКР в 2012 г. [3].

Сохранение мирового лидерства США по объему финансирования стратегии инновационного развития сопровождалось в первом десятилетии XXI в. усилением научно-технологической мощи конкурентов, в первую очередь Китая, Японии, Израиля, Южной Кореи, а также ряда других стран. Наиболее резкий скачок финансового обеспечения НИОКР и укрепления позиций в сфере высоких технологий отмечен в Израиле, занявшем в 2012 г. первое место в мире по объему финансирования НИОКР (4,4% ВВП) (табл. 2) [4].

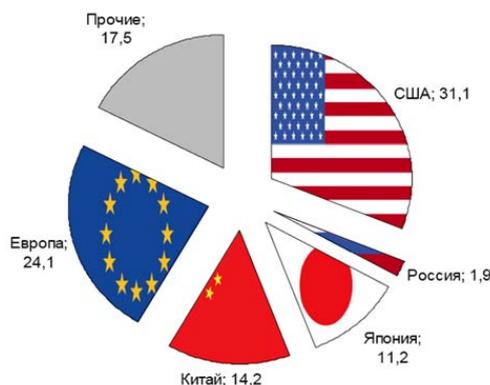

Рис. 2. Мировые центры инновационного развития. Доля ведущих стран в мировых расходах на НИОКР в 2011 г., %

Таблица 1

Доля стран в общих расходах на НИОКР в 2012 г.

Страны	Общие затраты на НИОКР	
	Млрд долл.	% от мировых расходов на НИОКР
США	418,6	29,0
Китай	197,3	13,7
Япония	159,9	11,1
Германия	90,9	6,3
Южная Корея	55,8	3,9
Франция	50,4	3,5
Великобритания	42,0	2,9
Индия	40,3	2,8
Россия	37,0	2,6
Бразилия	29,5	2,0
Канада	28,8	1,9
Италия	24,1	1,8
Австралия	21,8	1,5
Тайвань	21,4	1,5
Испания	20,0	1,4
Другие страны	204,5	14,1
Всего	1442,3	100

При этом с середины 1990-х гг. темпы наращивания объемов финансирования стратегии инновационного развития в западных странах опережали динамику их экономического роста [5], в результате чего среднее отношение расходов на исследования и разработки к ВВП выросло в них с 2% в 1994 г. до 2,3% в 2012 г. Лишь в 2009 г. под влиянием глобального финансового кризиса объем инвестиций в инновационную сферу развитых экономик несколько уменьшился. Так, по оценкам ОЭСР, в США он снизился по сравнению с предыдущим годом на 2%, в государствах ЕС – в среднем на 4%, в Японии – на 5,5% [6]. Вместе с тем, учитывая, что размеры экономик этих стран также сократились в период кризиса, отношение расходов на исследования и разработки к ВВП не претерпело в них существенных изменений.

Лидируя по абсолютным показателям, США в то же время уступают по доле совокупных расходов на НИОКР в ВВП (2,9% в 2012 г.) таким странам, как Израиль (4,40%), Финляндия (3,88%), Южная Корея (3,74%), Швеция (3,4%), Япония (3,36%), Дания (3,06%) и Швейцария (2,99%). Тенденция к утрате США ведущих позиций по совокупным расходам на НИОКР относительно ВВП наблюдается с конца XX в. Если в 1996 г. США по этому показателю занимали пятое место, то в 2012 г. – уже восьмое. Однако абсо-

лютные масштабы этих ассигнований, их концентрация на ключевых направлениях НТП позволяют США прочно удерживать лидирующие позиции в мире [7]. По прогнозам экономистов, государственные расходы на науку к 2020 г. значительно вырастут и составят в США 3%; в Японии – 3,5%; в ЕС – 2,4% от ВВП [8].

В инновационной экономике высока доля частного сектора в финансировании НИОКР: в США она составляет 67%, Германии – 64,1%, Канаде – 49,4%, Франции – 48,5%, и применяются различные формы государственно-частного финансирования крупных проектов, в то время как в России этот показатель в два раза ниже (табл. 3).

Объем мирового рынка НИОКР, рассчитанный по финансовым показателям 1 000 крупнейших инвесторов в исследования и разработку, в 2013 г. составил 635 млрд долл. К числу компаний с наибольшими затратами на НИОКР относятся Volkswagen, Samsung, Roche и Intel (табл. 4).

Не так давно был создан рейтинг наиболее инновационных компаний в мире. Американская компания Apple признана самой инновационной компанией мира, по версии консалтинговой компании The Boston Consulting Group (BCG) [9]. Отчет агентства BCG «Самые инновационные компании–2013: уроки лидеров» включают 50 компаний.

Рейтинг стран мира по уровню расходов на НИОКР в 2012 г.

Место	Страна	Расходы, % от ВВП
1	Израиль	4,40
2	Финляндия	3,88
3	Южная Корея	3,74
4	Швеция	3,40
5	Япония	3,36
6	Дания	3,06
7	Швейцария	2,99
8	Соединенные Штаты Америки	2,90
9	Германия	2,82
10	Австрия	2,75
11	Исландия	2,64
12	Сингапур	2,43
13	Австралия	2,37
14	Франция	2,25
15	Словения	2,11
16	Бельгия	1,99
17	Нидерланды	1,83
18	Канада	1,80
19	Ирландия	1,79
20	Великобритания	1,76
21	Китай	1,70
22	Норвегия	1,69
23	Люксембург	1,63
24	Эстония	1,62
25	Португалия	1,59
26	Чехия	1,56
27	Испания	1,39
28	Новая Зеландия	1,30
29	Италия	1,26
30	Бразилия	1,16
31	Венгрия	1,16
32	Россия	1,16
33	Тунис	1,10
34	Южная Африка	0,93
35	Сербия	0,92
36	Украина	0,86
37	Турция	0,84
38	Латвия	0,80
39	Гонконг	0,79
40	Иран	0,79

Источник: UNESCO Institute for Statistics, 2012.

Доля затрат корпораций на НИОКР в общем объеме национальных НИОКР 2011–2012 гг.

Страна	Доля затрат корпораций на НИОКР в общем объеме национальных НИОКР, %
Япония	75
США	67*
Евросоюз	53
Китай	72
Россия	25

Составлено по: OECD, Main Science and Technology Indicators; Volume 2011/12. Key Figures. Paris, 2012. P. 12; * данные по США уточнены по: Statistical Abstract of the United States – 2012. Wash., 2012. P. 522.

Список был сформирован путем опроса более 1 500 топ-менеджеров из различных стран. В представленном VCG отчете имеются пять основных факторов, которые влияют на достижение высокой инновационной эффективности: вовлеченность топ-менеджмента; умение использовать объекты интеллектуальной собственности; клиентоориентированность бизнеса; управление портфелем инноваций; имеющиеся в наличии четко определенные и управляемые процессы. Опрошенным предлагалось оценить инновационную эффективность собственных фирм в сравнении с аналогичными компаниями. Око-

ло 20% опрошенных оценили эффективность своей компании как высокую, 20% – как низкую, 60% – как среднюю.

Компания Apple считается неизменным лидером в сфере инноваций на протяжении нескольких лет, начиная с 2005 г. Самая инновационная компания в 2013 г. еще раз подтвердила свое лидерство. На втором месте в рейтинге расположилась южнокорейская Samsung Electronics. Напомним, что в 2008 г. она занимала только 26-е место. Компания Google заняла лишь третье место в рейтинге, хотя с 2006 по 2012 г. она уверенно завоевывала «серебро» [10].

Топ 10 инвесторов в НИОКР, 2013 г.

№	Компания	Индустрия	Местоположение	Затраты на НИОКР, \$ млрд
1	Volkswagen	Авто	Германия	11,4
2	Samsung	Компьютеры и электроника	Южная Корея	10,4
3	Roche	Здравоохранение	Швейцария	10,2
4	Intel	Компьютеры и электроника	США	10,1
5	Microsoft	Программы и интернет	США	9,8
6	Toyota	Авто	Япония	9,8
7	Novartis	Здравоохранение	Швейцария	9,3
8	Merck	Здравоохранение	США	8,2
9	Pfizer	Здравоохранение	США	7,9
10	Johnson & Johnson	Здравоохранение	США	7,7

Источник: Booz & Co, J'son & Partners Consulting.

Крупнейшие гиганты Microsoft и IBM с 2005 по 2013 г. всегда попадали в ТОП-10. В 2013 г. они заняли 4-е и 6-е места соответственно. Компании из отрасли коммуникаций и высоких технологий заняли четыре из пяти мест в ТОП-5 и пять мест в ТОП-10. Это говорит о том, что данная сфера сохраняет лидерство по показателю новаторства в бизнесе.

Автомобилестроительные компании заняли три места в ТОП-10, а также девять мест в ТОП-20 и четырнадцать мест в ТОП-50.

Представители других секторов экономики занимают всего две позиции. В частности, Amazon исследователи поместили на почетное седьмое место как представителя потребительского сектора и сферы розничной торговли. Компания General Electric, специализирующаяся на промышленных процессах и товарах, заняла 10-е место в рейтинге.

Ким Вагнер, старший партнер компании BCG и один из авторов представленного отчета, отмечает, что представители отрасли телекоммуникаций и высоких технологий на данный момент – это самые инновационные компании мира. Тем не менее сегодня можно наблюдать активное желание традиционных промышленных гигантов внедрять новаторские разработки в свои товары. По этому параметру лидерами остаются компании – производители автомобилей.

В 2013 г. в рейтинге дебютировала компания Tesla, которая заняла 41-ю позицию. В то же время Ford и BMW вошли в ТОП-10, заняв в рейтинге 8-ю и 9-ю позиции соответственно. Интересно, что Toyota за год «выросла» с 6-й до 5-й позиции. В свою очередь гигант General Motors поднялся на шестнадцать позиций и сейчас занимает почетную 13-ю. Volkswagen поднялся в рейтинге на 31 пункт и нынче стоит на 14-й позиции. В то же время Honda и Daimler уверенно вошли в ТОП-20.

Журнал Forbes также опубликовал ежегодный список самых инновационных компаний (табл. 5) [11].

Список составлен с учетом роста выручки и средней доходности компании за последние пять лет.

Также берется в рассмотрение разница между капитализацией и стоимостью бизнеса, основанной на ожиданиях отдачи от инноваций.

Все участники списка должны публично отчитываться как минимум последние 7 лет, оцениваться рынком выше 10 млрд долл. и расходовать на исследования сумму не менее 1% чистых активов, сообщают в Forbes.

Среди лидеров рейтинга немало позиций отдано высокотехнологичным компаниям. В новом списке самых инновационных компаний корпорация Apple заняла 79-е место, хотя в 2011 г. она находилась на 5-й позиции, а в 2012 г. – на 26-й. Таким образом, в нынешнем году компания, возглавляемая Тимом Куком, потеряла сразу 53 позиции. В очередной раз рейтинг возглавила компания Salesforce, которая занимается разработкой одноименной CRM-системы (система управления взаимоотношениями с клиентами). Ею пользуются крупные корпорации вроде Google, Dell, Toyota, Cisco и Hitachi.

В тройке самых инновационных компаний, по версии Forbes, также оказались фармацевтическая Alexion Pharmaceuticals и разработчик средств виртуализации VMware. На пятой строчке находится британский производитель микропроцессоров ARM Holdings, далее следуют китайский поисковик Baidu и онлайн-ритейлер Amazon.

Корпорация Google расположилась на 47-м месте рейтинга, тогда как годом ранее интернет-гигант был на 25-м, а в 2011 г. – на 7-м месте.

В целом же анализ данных тысячи крупнейших компаний мира по расходам на инновационную деятельность показал, что в 2013 г. расходы на НИОКР выросли до рекордных 635 млрд долл. Корпорации со штаб-квартирами в Северной Америке увеличили бюджеты на 9,7%, европейские – на 5,4%, а японские – лишь на 2,4%. Стремительно взлетели – на 27% – исследовательские расходы индийских и китайских компаний [12].

Рейтинг самых инновационных компаний (по версии журнала Forbes)

Название компании	Отрасль	Характеристика деятельности	Инновационная премия, %	Рост продаж, %	Доходность, %
Salesforce.com	Программное обеспечение	Salesforce – американская компания, разработчик одноименной CRM-системы, предоставляемой заказчиком исключительно под модели SaaS. Под наименованием Force.com компания предоставляет PaaS-платформу для самостоятельной разработки приложений, а под брендом Database.com – облачную систему управления базами данных	72,8	32,1	21,6
Alexion Pharmaceuticals	Биотехнологии	Alexion Pharmaceuticals, Inc (Alexion) является биофармацевтической компанией. Ее бизнес ориентирован на обслуживание клиентов с крайне редкими заболеваниями. Ее основной продукт – Soliris (eculizumab). Это единственная терапевтическая продукция, которая одобрена для лечения пациентов с тяжелыми расстройствами компонентов иммунной системы: пароксизмальная ночная гемоглобинурия (ПНГ), генетические заболевания, заболевания крови	72,3	39,2	38,4
VMware	Программное обеспечение	VMware – американская компания, крупнейший разработчик программного обеспечения для виртуализации. Штаб-квартира расположена в Пало-Альто, Калифорния	63,7	16,3	19
Regeneron Pharmaceuticals	Биотехнологии	Regeneron Pharmaceuticals – биофармацевтическая компания, разрабатывающая и продающая фармакологические средства для борьбы с редкими и тяжелыми заболеваниями	63,1	128,3	65,8
ARM Holdings	Полупроводники	ARM – британская корпорация, один из крупнейших разработчиков и лицензиаров архитектуры 32-разрядных RISC-процессоров, ориентированных на использование в портативных и мобильных устройствах	61,2	22,5	47,9
Baidu	ИТ-сервисы	Лидер среди китайских поисковых систем. По количеству обрабатываемых запросов поисковый сайт «Байду» стоит на 3-м месте в мире (3 млрд 428 млн с долей в глобальном поиске в 5,2%). С запуском японской версии уверенно обогнал Bing	60,6	44,6	32,8
Amazon.com	Интернет-торговля	Американская компания, крупнейшая в мире по обороту среди продающих товары и услуги через Интернет, и один из первых интернет-сервисов, ориентированных на продажу реальных товаров массового спроса. Штаб-квартира расположена в Сिएтле (штат Вашингтон)	60,2	23	31
Intuitive Surgical	Медицинское оборудование	Intuitive Surgical, Inc., совместно с дочерними предприятиями, задействована в разработке, производстве и сбыте хирургических систем для нужд гинекологии, урологии, кардиоторакальной области и в хирургии. Хирургические системы включают в себя хирургические стойки, тележки для пациентов, системы наблюдения и хирургические принадлежности. Хирургические системы преобразуют движения рук хирурга в управление движениями инструментов, попавших в тело пациента через порталы или маленькие надрезы. Также компания предлагает хирургию с интуитивным управлением, диапазон движений, возможность манипуляции тонкими тканями, трехмерное наблюдение за открытой хирургией	53,9	18,3	5,2
Rakuten	Интернет-торговля	Крупнейшая японская электронная торговая площадка, наподобие eBay. Штаб-квартира расположена в Токио	50,7	14,1	23,1
Natura Cosmeticos	Товары для дома	Бразильская компания Natura образовалась в 1969 г., и только в одной лишь Бразилии насчитывается более 560 тыс. ее дистрибьюторов. Также продукция компании Natura присутствует во Франции, Мексике, Венесуэле, Аргентине, Перу и Чили, в основном в странах южноамериканского континента	48,5	3,9	14,5

Если оценивать инновационную активность по количеству компаний, то малые предприятия производственного сектора стран Евросоюза менее склонны к инновациям, чем крупные и средние компании. Так, например, самый высокий процент малых предприя-

тий, осуществлявших инновации, от их общего количества наблюдался в Ирландии и составлял 68%. В то время как наименьшее аналогичное соотношение среди крупных производственных компаний наблюдалось в Италии и равнялось 73%. При анализе интен-

сивности инноваций (по количеству предприятий) в сфере услуг отмечалась еще меньшая склонность к инновациям. И это было характерно для компаний всех категорий, как малых, так и средних и крупных. Среди предприятий малого бизнеса наименьшая доля инвестиционно-активных наблюдалась в Бельгии (13%), максимальная – в Ирландии (60%), которая на фоне других стран выглядела скорее исключением из правил. В то же время сравнение затрат, направленных на инновации, оборотом, дает обратную картину. То есть малые производственные компании тратили на инновационные мероприятия относительно больший объем выручки, чем крупный бизнес (соответственно 5,1 и 4,7%). Такая картина имела еще более выраженный характер в секторе услуг, где инновационные расходы малого бизнеса составляли 10,2% оборота, а на крупных предприятиях – 3,1%.

Распределение инновационной активности малого бизнеса среди европейских стран было очень неоднородным: от 21% в Люксембурге и Испании до 68% в Ирландии.

Доля малых компаний, совместно участвующих в НИОКР, в производственном секторе колебалась от 6% (Люксембург) до 57% (Финляндия). Аналогичный показатель средних производственных предприятий изменялся от 15% в Италии до 72% в Финляндии. В то же время наименьшая доля крупных компаний, участвующих в НИОКР, наблюдалась в Италии (35%), наибольшая – в Финляндии (93%).

Участие в НИОКР компаний сектора услуг выглядело следующим образом. Среди малых компаний лидировала Дания (71%), худший показатель был у Германии (14%). В категории средних компаний 14% было в Ирландии, 70% – в Люксембурге [13].

Сегодняшняя Россия далеко отстает от лидеров по такому показателю, как расходы на НИОКР на душу населения (рис. 3) [14].

Через несколько лет нас обойдет по этому показателю и полуторамиллиардный Китай, который еще недавно безнадежно отставал от нашей страны. Небезынтересно напомнить, что в 1991 г., по данным ОЭСР, Китай отставал от России почти в 2 раза по расходам на НИОКР (7,5 и 16,7 млрд долл. соответственно). В 2000 г. Китай уже почти в 3 раза превосходил Россию по этому показателю (27,2 и 10,5 млрд долл.). В 2011 г. Китай опережал Россию по расходам на НИОКР в 6 раз (208,2 и 35,0 млрд долл.) [15].

ЛИТЕРАТУРА

1. Емельянов С.В. Приоритеты финансирования НИОКР в период администрации Барака Обамы // Россия и Америка в XXI веке. 2012. № 1.
2. R&D Magazine. 2010 Global R&D Funding Forecast. December 2012. P. 3–5.
3. R&D Magazine Global Funding Forecast 2013 // Research & Development. URL: http://www.rdmag.com/sites/rdmag.com/files/GFF2013Final2013_reduced.pdf
4. Рейтинг стран мира по уровню расходов на НИОКР. Энциклопедия общественного развития // Центр гуманитарных технологий. 2013.05.26 (последняя редакция: 2014.07.07). URL: <http://gtmarket.ru/ratings/research-and-development-expenditure/info>
5. Ивасенко А.Г., Никонова Я.И. Мировая экономика : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2010. 640 с.
6. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2013. Paris : OECD, 2013.
7. Никонова Я.И. Сравнительный анализ государственной инновационной политики в США и Японии // Теория и практика отечественного развития. 2011. № 3. С. 319–321.
8. Звонников В.И., Нефедов В.А., Сафонов А.А. Современные модели разработки и совершенствования систем менеджмента. М. : ГУУ, 2010.
9. BCG «Самые инновационные компании-2013: уроки лидеров». URL: <http://eu-invest.ru/about/analitika/finansovye-novosti/apple-ostaetsia-liderom-sredi-innovatsionnyh-kompanii-uzhe-8-let>
10. 2010 BCG / BusinessWeek Senior Executive Innovation Survey.
11. Самые инновационные компании по версии Forbes. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/31202>
12. Имамудинов И. Рыночное принуждение к инновациям. URL: <http://expert.ru/expert/2012/44/ryinochnoe-prinuzhdenie-k-innovatsiyam/>

Количество научных исследователей в Китае за этот период выросло с 415 тыс. до 1318 тыс. человек. Китай вышел на второе место в мире по расходам на НИОКР, а в 2020-е гг. сравняется с США. По количеству научных публикаций КНР уже находится на втором месте. В Китае приняты и успешно осуществляются государственные программы технологического и научного развития.

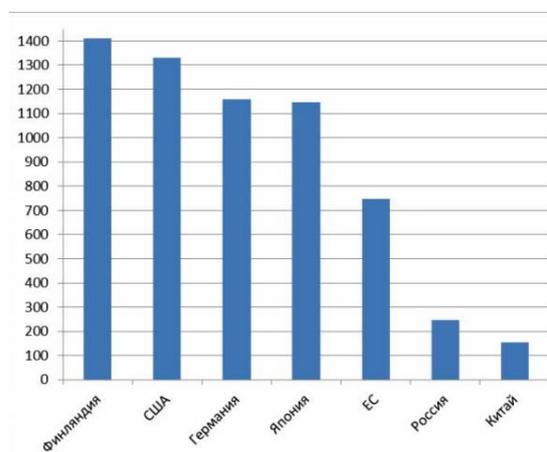

Рис. 3. Расходы на НИОКР на душу населения, долл США

Основной проблемой системы финансирования стратегии инновационного развития является необходимость определения ответственности различных игроков в свете более динамичной и открытой экономики и развития новых методов их взаимодействия. Самое сложное здесь – подвести национальный частный сектор к осознанию необходимости большего участия в финансировании инновационной деятельности в целом, включая проведение исследований [16]. Здоровую деловую среду следует рассматривать как первичное условие подъема инновационной деятельности. В связи с этим российская стратегия инновационного развития должна быть более тщательно спланирована с учетом баланса между общими и специальными мерами.

Главными задачами России в современных условиях являются: создание успешного инновационного климата во всем обществе и дополнение государственной поддержки инновационных расходов промышленных предприятий и инфраструктуры мягкими стимулирующими финансовыми мерами.

13. Никонова Я.И. Современные тенденции формирования стратегии инновационного развития экономических систем // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 367. С. 117–122.
14. OECD Main Science and Technology Indicators. URL: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MSTI_PUB
15. Казаков В.В. Организационно-финансовый механизм формирования и реализации инновационной политики экономических систем // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 157–164.
16. Закиров И.Д., Тажитдинов И.А., Казаков В.В. Формирование стратегии развития и оценка эффективности деятельности муниципальных образований // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 254–258.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 20 февраля 2015 г.

COMPARATIVE ANALYSIS OF APPROACHES TO FUNDING THE STRATEGY OF NATIONAL ECONOMY INNOVATIVE DEVELOPMENT ABROAD

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 145–151. DOI 10.17223/15617793/392/25

Nikonova Yana I. Siberian State Transport University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ya_shka@ngs.ru

Keywords: strategy of innovative development of Russia; financing; comparative analysis.

The transition from commodity development model to the model of innovation development of economy is a major landmark in the sustainable development of the national economy through diversification and modernization of the economy, creation of conditions for production of competitive products, export growth. Full development of innovations in recent decades became one of the main national priorities in the leading Western countries. The rapid growth of the volume of financing of the strategies of national economy innovative development proves that. The emerging multipolar world had 4 main centers of scientific advance by 2011: United States (31 % of the world's research and development spending by purchasing power parity), the European Union (24 %), China (14 %) and Japan (11 %). The world leader in absolute terms for the strategy of innovative development financing are traditionally the United States. In 2012, the United States assigned 418.6 billion dollars for this purpose, which is over a third of the total annual investment in research and development in the world (1.1 trillion dollars). In recent years, China has been second in terms of funding for the strategy of innovative development of the national economy in absolute terms, Japan third. Unfortunately, the Russian Federation is not in the group of leaders with less than 2 % of the world's expenditure on research and development in terms of purchasing power parity and 1 % by exchange rate. In the innovation economy, the share of the private sector in the financing of research and development is high: in the United States it is 67 %, Germany 64.1 %, Canada 49.4 %, France 48.5 %. The forms of public-private funding of large projects are diverse, while in Russia this figure is twice lower. The global market of research and development by the financial indicators of 1000 largest investors in research and development of 2013 amounted to 635 billion dollars. Among the companies with the greatest costs of research and development are Volkswagen, Samsung, Roche and Intel. In general, analysis of the data of thousands of the world's largest companies on innovation costs has shown that in 2013 the research and development costs rose to a record 635 billion dollars. Corporations with headquarters in North America have increased budgets by 9.7 %, European by 5.4 %, while Japanese only by 2.4 %. Research costs of Indian and Chinese companies have rapidly grown by 27 %. The main task of Russia today is the creation of a successful innovation climate in society as a whole, and the addition of soft stimulating financial measures to the State support for innovation costs, industrial enterprises and infrastructure.

REFERENCES

1. Emel'yanov S.V. R&D Investment Priorities during B. Obama's Administration. *Rossiya i Amerika v XXI veke*, 2012, no. 1. (In Russian).
2. 2010 Global R&D Funding Forecast. *R&D Magazine*. December 2012, pp. 3–5.
3. R&D Magazine Global Funding Forecast 2013. *Research & Development*. Available from: http://www.rdmag.com/sites/rdmag.com/files/GFF2013Final2013_reduced.pdf.
4. Centre for Humanitarian Technologies. *Reyting stran mira po urovnyu raskhodov na NIOKR. Entsiklopediya obshchestvennogo razvitiya* [Ranking of countries in terms of R & D expenditure. Encyclopedia of social development]. (Latest revision: 2014.07.07). Available from: <http://gtmarket.ru/ratings/research-and-development-expenditure/info>.
5. Ivasenko A.G., Nikonova Ya.I. *Mirovaya ekonomika* [The World Economy]. Moscow: KNORUS Publ., 2010. 640 p.
6. *OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2013*. Paris: OECD, 2013.
7. Nikonova Ya.I. Comparative analysis of State innovation policy in United States of America and Japan. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*, 2011, no. 3, pp. 319–321. (In Russian).
8. Zvonnikov V.I., Nefedov V.A., Safonov A.A. *Sovremennye modeli razrabotki i sovershenstvovaniya sistem menedzhmenta* [Current models of development and improvement of management systems]. Moscow: State University of Management Publ., 2010. 262 p.
9. BCG. "Samye innovatsionnye kompanii-2013: uroki liderov" [Most Innovative Companies-2013: Lessons of leaders]. Available from: <http://eu-invest.ru/about/analitika/finansovye-novosti/apple-ostaetsia-liderom-sredi-innovatsionnyh-kompanii-uzhe-8-let>.
10. BCG. BusinessWeek Senior Executive Innovation Survey. 2010.
11. *Samye innovatsionnye kompanii po versii Forbes* [The most innovative companies according to Forbes]. Available from: <http://www.vestifinance.ru/articles/31202>.
12. Imamutdinov I. *Rynochnoe prinuzhdenie k innovatsiyam* [Market coercion to innovations]. Available from: <http://expert.ru/expert/2012/44/rynochnoe-prinuzhdenie-k-innovatsiyam/>.
13. Nikonova Ya.I. Modern tendencies of economic systems innovative development strategy formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 367, pp. 117–122. (In Russian).
14. OECD Main Science and Technology Indicators. Available from: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MSTI_PUB
15. Kazakov V.V. Organizational-financial mechanism of formation and realization of innovation policy of economic systems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 363, pp. 157–164. (In Russian).
16. Zakirov I.D., Tazhitdinov I.A., Kazakov V.V. The development of strategy and the effectiveness estimation of municipal formations activities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2009, no. 323, pp. 254–258. (In Russian).

Received: 20 February 2015

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 316.62

А.В. Бочаров, Э.И. Мещерякова, А.В. Ларионова

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ЭКСТРЕМИЗМУ

*Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 14-06-18025
«Исследование современных форм экстремистского поведения молодежи с учетом влияния культурно-средовых факторов».*

Рассмотрены региональные различия отношения к экстремизму студенческой молодежи с характеристиками социокультурной среды регионов, влияющей на формирование экстремистских установок. Выявлены три типа отношения к экстремизму: «Смешанность и неопределённость позиции», «Склонность к шовинизму и экстремизму», «Склонность к толерантности», которые дают основание утверждать, что в каждом регионе складывается особенная специфическая комбинация факторов отношения к экстремизму в молодёжной среде.

Ключевые слова: молодежь; региональные факторы экстремизма; многомерный анализ; типология экстремистских форм поведения.

Целью исследования, результаты которого частично представлены в данной статье, было выявление закономерностей и взаимовлияния измеряемых показателей (характеристик социокультурной среды регионов, ценностно-потребностной сферы и мотивационной направленности, диагностика социально-психологических особенностей), влияющих на формирование экстремистских форм поведения студенческой молодежи, и разработка типологии современных экстремистских форм поведения студенческой молодежи с учетом средовых факторов [1].

С целью выявления региональных различий в отношении к экстремизму были проанализированы мнения студентов трех городов – Томска (ТГУ), Екатеринбурга (УГМУ) и Санкт-Петербурга (СПбГУ), и факультетов – юридического, психологического, экономического, фармацевтического (от 10 до 20 человек с каждого факультета по каждому вузу).

Исследование состояло из нескольких этапов:

1. Анкетирование по теме отношения к различным аспектам экстремизма и разведочное установления связей между ответами на вопросы посредством многомерного анализа соответствий (Multiple correspondence analysis – MCA). Этот метод анализа данных был успешно апробирован на выборке осужденных за экстремизм на предыдущем этапе исследования [2].

2. Группирующий кластерный анализ результатов анкетирования с целью установления типологии отношения к экстремизму и выявления групп студентов с экстремистскими установками.

3. Проверка связи кластеров отношения к экстремизму с региональными признаками (вузовский город и регион основного проживания). Статистическая обработка результатов исследования осуществлялась с помощью пакета программ Statistica 8.0.

Для выявления некоторых культурно-средовых и мотивационных аспектов студентам предлагалась анкета, содержащая 11 вопросов. Каждый вопрос имел смешанный открытый и закрытый характер: среди предлагаемых вариантов ответа содержался также пункт «Другое» с местом для возможности развернутого ответа. Варианты ответов и частоты их вы-

бора приведены в табл. 1, 2. Ниже после каждого вопроса в скобках указаны смысловые краткие обозначения вопроса, которые использовались на этапе статистического анализа данных:

1. Знаете ли Вы, что такое экстремизм? (Знание).
2. В чем, по Вашему мнению, заключаются основные причины экстремизма? (Причины).
3. Приходилось ли Вам сталкиваться с проявлениями экстремизма в повседневной жизни? (Проявление).
4. В каких случаях экстремистские действия будут оправданы? (Оправдание).
5. Какие причины могли бы Вас мотивировать стать членом экстремистской (радикальной) группы? (Мотивы).
6. Участвовали ли Вы в каких-либо массовых политических собраниях, митингах? (Участие).
7. Вы согласны с выражением «Россия для русских»? (Национализм).
8. Вас интересует информация в СМИ (телевидение, Интернет, т.п.) о различных экстремистских и террористических актах? (Интерес).
9. Испытываете ли Вы какие-либо негативные чувства по отношению к представителям других национальностей? (Шовинизм).
10. Как Вы считаете, могут ли представители разных религий сосуществовать мирно? (Религии).
11. Как Вы относитесь к росту миграции в России? (Миграция).

Предъявление подобной анкеты студентам было связано с определенными трудностями. Сложность опроса студентов по теме экстремизма учитывалась уже на этапе составления анкеты. Мы исходили из того, что анкета в виде предложений для оценки системы готовых экстремистских суждений могла стать своеобразной невольной пропагандой экстремистских представлений. Поэтому мы отказались от такого метода анкетирования. На открытые вопросы по тематике экстремизма, как показал опыт, студенты дают ответы неохотно и с осторожностью. Пункт «Другое» в ответах на вопросы выбирали от 5 до 15 человек, при этом случаи записи самостоятельного ответа единичны.

Таблица 1

Статистически значимые результаты анализа сопряженности признака принадлежности к кластеру с ответами на вопросы анкеты отношения к экстремизму (в ячейках указаны фактически наблюдаемые частоты)

Причины. Пирсон Хи-квадрат: 29,2; $p = 0,0002$	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Всего
В многонациональности населения России	7	10	8	25
Целенаправленное разжигание агрессии	11	36	42	89
Недостаточное правовое просвещение	1	4	11	16
Деформация системы ценностей	6	5	33	44
Другое	5	1	4	10
Всего	30	56	98	184
Оправдание. Пирсон Хи-квадрат: 22,6; $p = 0,001$	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Всего
Защита определенной группы людей	8	8	12	28
Донесение идеи до народа, государства	11	13	13	37
Никогда	6	32	67	105
Другое	5	3	7	15
Всего	30	56	99	185
Мотивы. Пирсон Хи-квадрат: 179,2; $p = 0,00001$	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Всего
Если я согласен с позицией этой группы	23	0	0	23
Если это принесет материальную выгоду	1	0	1	2
Если будет возможность познакомиться с интересными людьми	1	0	0	1
Если это принесет новые ощущения	0	0	3	3
Если это поможет решить какую-либо проблему в обществе	0	17	21	38
Никакие	0	39	73	112
Другое	5	0	1	6
Всего	30	56	99	185
Национализм. Пирсон Хи-квадрат: 41,8; $p = 0,0000001$	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Всего
Нет, Россия многонациональная страна	20	20	81	121
Да, каждый народ должен жить на своей территории	7	20	4	31
Не думал об этом	0	9	9	18
Другое	3	7	5	15
Всего	30	56	99	185
Шовинизм. Пирсон Хи-квадрат: 32,1; $p = 0,00001$	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Всего
Да	3	14	6	23
Отдельные нации этого заслуживают	12	20	14	46
Нет	13	18	72	103
Другое	2	4	7	13
Миграция. Пирсон Хи-квадрат: 102,8; $p = 0,000001$	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Всего
Отрицательно	9	48	9	66
Положительно	3	4	5	12
Благоприятно влияет на демографию и экономику	3	3	16	22
Безразлично	6	1	43	50
Затрудняюсь ответить	8	0	22	30
Другое	1	0	4	5
Всего	30	56	99	185

Таблица 2

Статистически незначимые результаты анализа сопряженности признака принадлежности к кластеру с социально-демографическими признаками осужденных и ответами на вопросы анкеты отношения к экстремизму (в ячейках указаны фактически наблюдаемые частоты)

Знание. Пирсон Хи-квадрат: 1,4; $p = 0,8$	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Всего
Знаю	23	41	78	142
Не знаю	2	3	3	8
Затрудняюсь ответить	5	12	17	34
Всего	30	56	98	184
Проявление. Пирсон Хи-квадрат: 4,4; $p = 0,6$	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Всего
Сталкиваюсь достаточно часто	1	4	6	11
Сталкивался несколько раз	12	12	34	58
Не приходилось сталкиваться	13	29	45	87
Затрудняюсь ответить	4	11	14	29
Всего	30	56	99	185
Участие. Пирсон Хи-квадрат: 5,09; $p = 0,2$	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Всего
Да	2	3	1	6
Только в санкционированных	2	4	13	19
Нет	26	49	85	160
Всего	30	56	99	185
Интерес. Пирсон Хи-квадрат: 7,5; $p = 0,5$	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Всего
Не интересно	5	15	26	46
Регулярно смотрю (читаю) новости	10	19	22	51
Обсуждаю это с друзьями, комментирую в Сети	7	12	20	39
Затрудняюсь ответить	4	8	22	34
Другое	4	2	9	15
Всего	30	56	99	185
Религии. Пирсон Хи-квадрат: 10,3; $p = 0,1$	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Всего
Нет, некоторые религии не совместимы	6	14	16	36
Да, религия не влияет на взаимоотношения людей	17	28	72	117
Затрудняюсь ответить	4	10	6	20
Другое	3	4	5	12
Всего	30	56	99	185

В целом эти ответы совпадали по смыслу с одним из вариантов закрытых ответов, представляя собой его индивидуальную интерпретацию. Отказ или нежелание писать самостоятельные ответы можно объяснить как незаинтересованностью в тематике, так и нежеланием из осторожности раскрывать и «саморазоблачаться». Многие студенты отказывались от тестирования, связанного с тематикой экстремизма. Те, кто соглашались на анкетирование и тестирование, тем не менее, отвечали не на все вопросы. Поэтому из нескольких сотен студентов, подвергнутых опросам и тестированию, в матрицу многомерного анализа было включено 185 человек, у которых есть большинство наблюдений по всем пунктам методик. По разным методикам количество статистически обработанных наблюдений различается, поэтому в матрице данных в некоторых ячейках были пустые значения. Пустые

значения распределялись неравномерно по разным шкалам, поскольку разные студенты оставляли без ответа разные вопросы. Статистически значимых зависимостей в распределении пустых значений не наблюдается. В многомерных методах анализа (анализ соответствий и кластерный анализ) в вычислениях включаются только наблюдения, у которых есть значения по всем шкалам. В случае нормально распределённых безразмерных шкал в некоторых ситуациях допустимо в пустые ячейки вставлять средние значения по шкале. Однако в нашей выборке используются качественные или ранговые шкалы, и замена их средними значениями невозможна или некорректна. Всеми вышеуказанными причинами объясняется меньшее количество наблюдений, включенных на разных этапах в многомерный анализ, чем общий размер выборки.

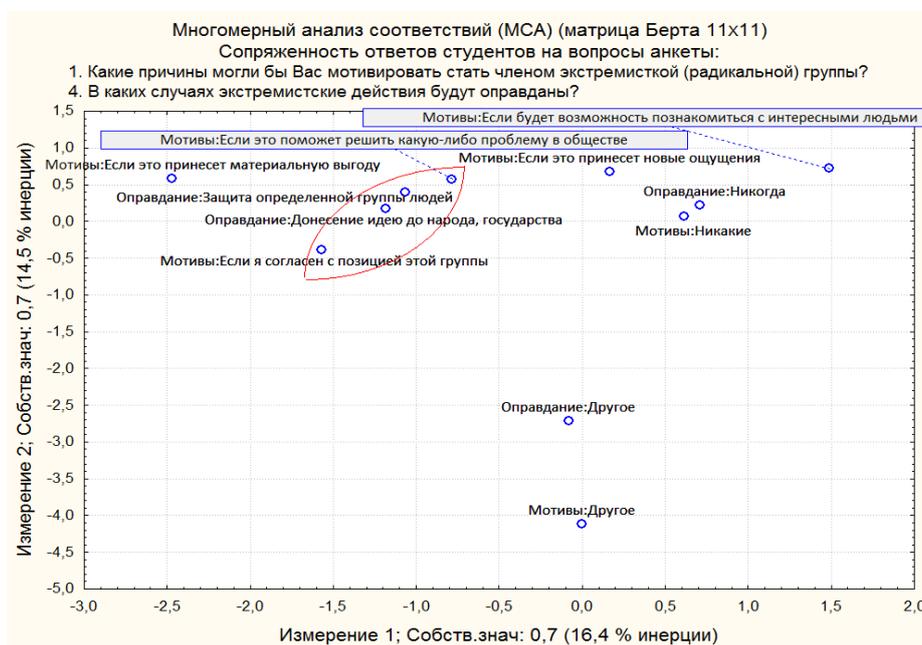

Рис. 1

Предполагается, что на сознание иногородних студентов влияет взаимодействие экстремистских дискурсов и установок в регионе основного проживания до поступления в вуз с экстремистскими дискурсами и установками в вузовском городе [3]. В связи с этим возникает задача проверить того, есть ли различия во влиянии на отношение к экстремизму между регионом основного проживания и городом обучения в вузе, а также какова структура и сила этих различий, если они обнаружатся. Кроме того, важно учитывать длительность проживания в вузовском городе. Все важные содержательные аспекты региональных экстремистских дискурсов анкетный опрос с преобладанием закрытых вопросов, конечно, не выявит. Однако некоторые ключевые сферы, сопряжённые с экстремизмом, всё же можно сравнить. На первом этапе статистического анализа при использовании метода Multiple correspondence analysis – МСА в качестве ключевых были выделены ответы, которые свидетельствуют о потенциальной склонности к экстре-

мизму, и проверены связи данных ответов с возможными мотивами вступления в экстремистскую группу. Целью метода МСА (анализа соответствий) является представление в упрощённом виде (пространстве меньшей размерности) информации, содержащейся в больших частотных таблицах. Интерпретация полученных результатов зависит от адекватности концепции, используемой исследователем в своей специфической предметной области. Анализ соответствий – это разведочный метод без статистических критериев значимости. По мнению М. J. Greenacre (1984), в таких методах построение моделей рассматривается с точки зрения их соответствия данным, а не наоборот [4]. На рис. 1 выделяется группа взаимосвязанных ответов об оправдании экстремизма и возможных мотивах вступления в экстремистскую группу. И мотивы, и оправдания в данной группе признаков связаны с идеями общественной пользы и групповыми интересами: решение общественных проблем, защита определённой группы людей, донесение идеи до народа или

государства, согласие с позицией экстремистской группы. Кроме того, сопряжены ответы «Никогда не оправдано» и «Никакие мотивы», а также ответы «Другое» на вопросы о мотивах и оправданиях. Коммуникативный мотив «Возможность познакомиться с интересными людьми» и мотив материальной выгоды находятся наиболее далеко как друг от друга, так и от всех остальных ответов.

На рис. 2 можно увидеть связи с ответом «Каждый народ должен жить на своей территории» на вопрос «Вы согласны с выражением «Россия для русских?»». Наиболее близки к условно националистической ориентации мотивы вступления в экстремистскую группу «Если это поможет решить какую-либо проблему в обществе» и «Если я согласен с позицией группы».

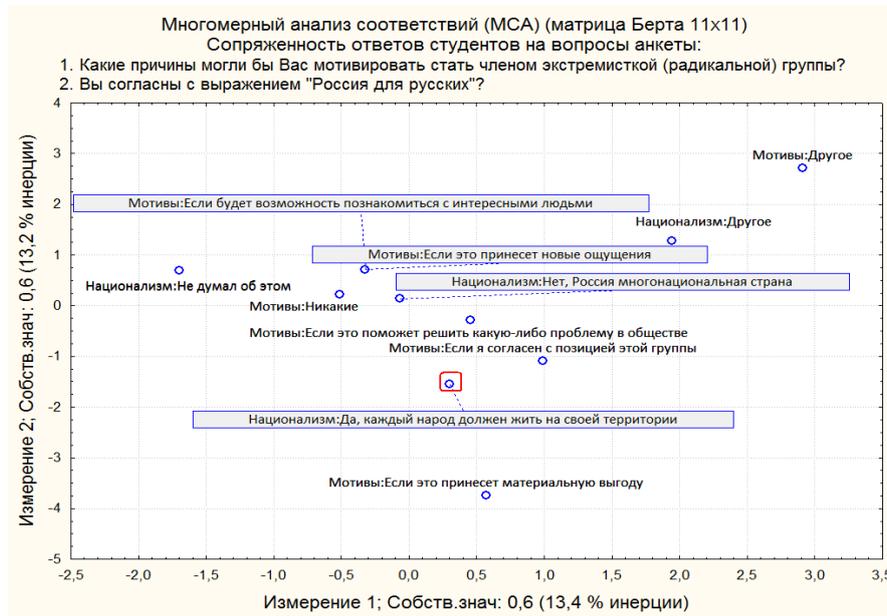

Рис. 2

На рис. 3 видны связи с ответом об отрицательном отношении к миграции. Интересно, что мотив материальной выгоды при возможном вступлении в эк-

стремистскую группу достаточно сильно связан как с отрицательным, так и с безразличным отношением к миграции.

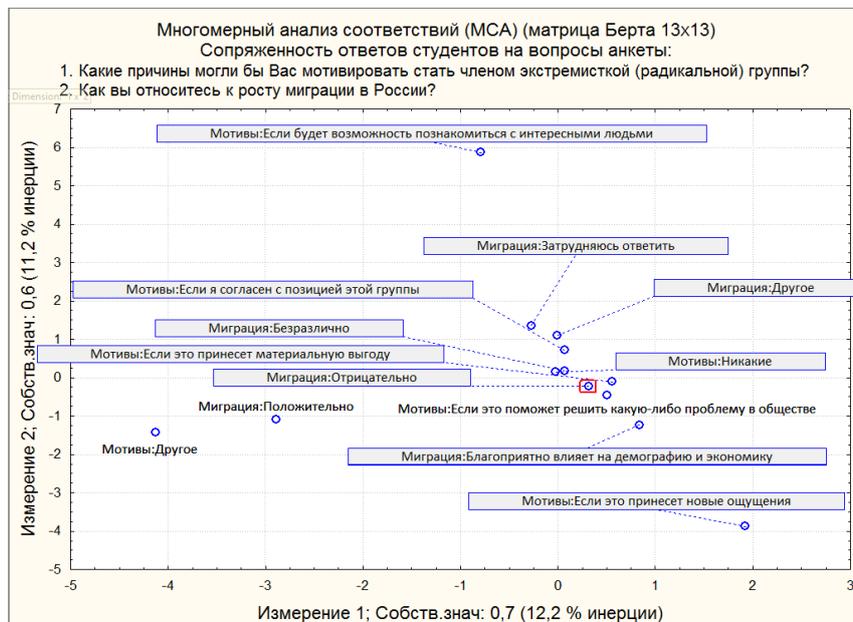

Рис. 3

На рис. 4 можно увидеть связи с ответом «Некоторые религии несовместимы» на вопрос «Как вы считаете, могут ли представители разных религий сосуществовать мирно?». Религиозные аспекты склонно-

сти к экстремизму также связаны с ответами о мотивах вступления в экстремистскую группу «Если это поможет решить какую-либо проблему в обществе» и «Если я согласен с позицией группы». Однако с рели-

гиозной тематикой происходит сближение ещё одного мотива: «Если это принесёт новые ощущения».

Для того чтобы выявить типологию наблюдений, использовался группирующий кластерный анализ по методу Уорда. На рис. 5 видно, что все студенты в выборке разбиваются на три наиболее отличающихся друг от друга кластера. В Кластер 1 входят 30 человек, в Кластер 2 – 56, в Кластер 3 – 99 человек. Результаты кластеризации далее интерпретировались посредством проверки сопряженности признака принадлежности к кластерам с ответами на вопросы анкеты. Предполагалось, что анализ сопряженности докажет предположение о том, что группирование молодёжной выборки зависит от разного отношения к экстремистским дискурсам и лозунгам, на основе которых структурированы вопросы и ответы анкеты.

Статистически значимые результаты по вопросам анкеты показаны в табл. 1.

Анализ сопряженности показал, что для Кластера 1 на вопрос о причинах экстремизма в обществе характерно сравнительно равномерное распределение частот всех вариантов ответов без значительного преобладания какого-либо одного ответа. Такая же ситуация наблюдается и в ответах на вопросы об оправдании экстремизма и об отношении к миграции.

На вопрос о мотивах возможного вступления в экстремистскую группу подавляющее большинство в Кластере 1 ответили: «Если я согласен с позицией этой группы». При этом по остальным вариантам ответов на этот вопрос наблюдается нулевая частота, или единичные ответы.

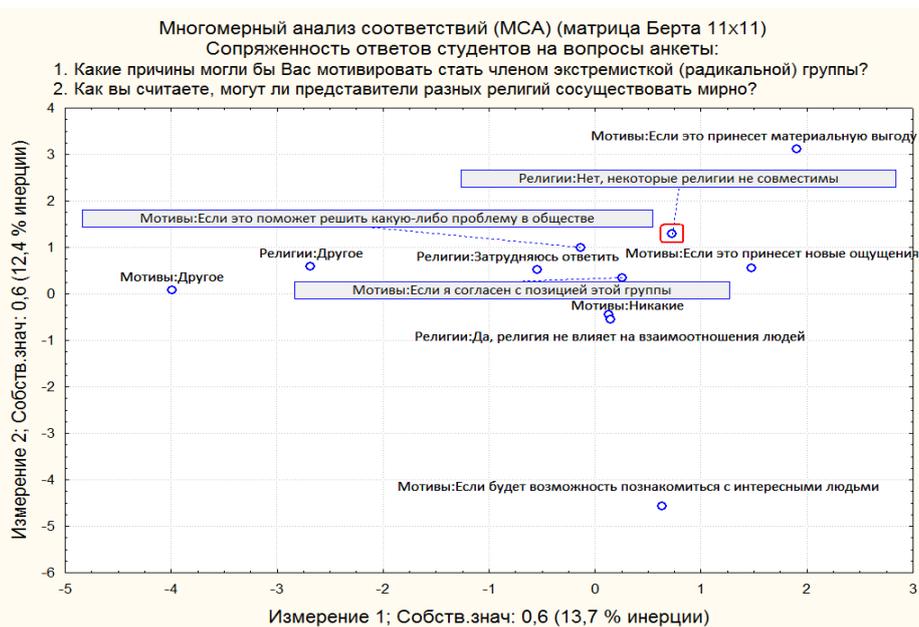

Рис. 4

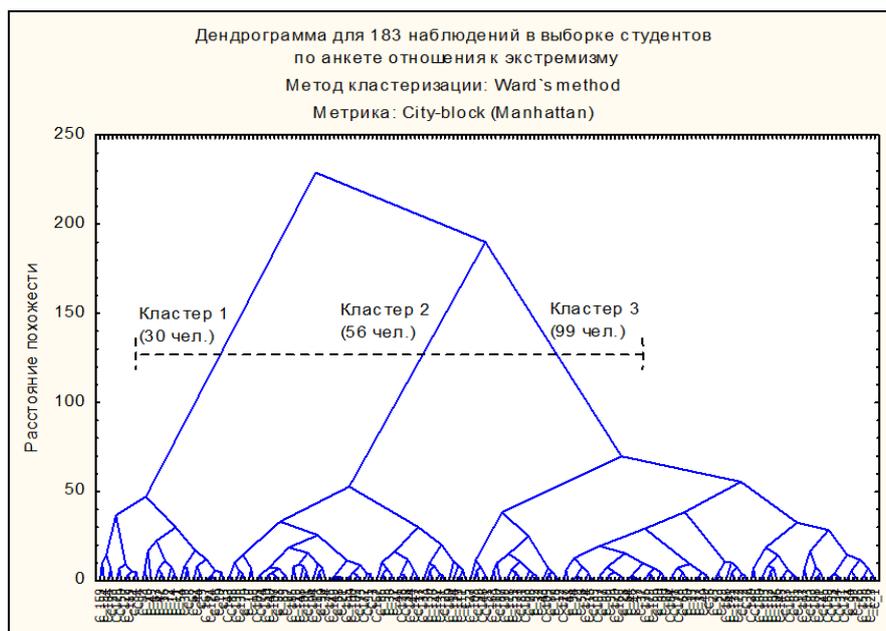

Рис. 5

На вопрос о согласии с лозунгом «Россия для русских» (маркер национализма) преобладают ответы «Нет, Россия многонациональная страна». Вопрос «Испытываете ли Вы какие-либо негативные чувства по отношению к представителям других национальностей?» нами решено считать маркером шовинизма. В ответах на данный вопрос студенты из Кластера 2 разделились на две почти равные группы: 12 человек ответили: «Отдельные нации этого заслуживают», 13 человек: «Нет». Поэтому на основе выявленного распределения сопряжённых ответов будем далее интерпретировать Кластер 1 – «Смешанность и неопределённость позиции».

Для Кластера 2 характерно иное распределение ответов. На вопрос о причинах экстремизма в обществе преобладают ответы «В многонациональности населения России» и «Целенаправленное разжигание агрессии». В ответах на вопрос об оправдании экстремизма чаще остальных встречаются ответы «Донесение идеи до народа, государства» и «Никогда». На вопрос о мотивах возможного вступления в экстремистскую группу подавляющее большинство в Кластере 2 ответили: «Если это поможет решить какую-либо проблему в обществе» или «Никакие». При этом по остальным вариантам ответов на этот вопрос наблюдается нулевая частота, или единичные ответы. На вопрос о согласии с лозунгом «Россия для русских» преобладают ответы «Нет, Россия многонациональная страна», подавляющая часть ответов «Да, каждый народ должен жить на своей территории» дали представители именно Кластера 2 (20 ответов из 31 во всей выборке). Аналогичное соотношение наблюдается и в ответах на вопрос «Испытываете ли Вы какие-либо негативные чувства по отношению к представителям других национальностей?». Из 20 человек, ответивших «Отдельные нации этого заслуживают», 14 человек входят в Кластер 2. В ответах на вопрос об отношении к миграции почти все выбрали отрицательное отношение. На основе выявленного распределения сопряжённых ответов будем далее интерпретировать Кластер 2 – «Склонность к шовинизму и экстремизму».

Для Кластера 3 также характерно специфическое типологизирующее распределение ответов. На вопрос о причинах экстремизма в обществе преобладают ответы «Целенаправленное разжигание агрессии», «Недостаточное правовое просвещение», «Деформация системы ценностей». Последние два ответа во всей выборке преобладают именно в Кластере 3. В ответах на вопрос об оправдании экстремизма доминирует ответ «Никогда». Аналогичное соотношение наблюдается и в ответах на вопрос о мотивах возможного вступления в экстремистскую группу – из 121 человека, давшего ответ «Никакие» во всей выборке, 73 человека входят в Кластер 3. То же самое наблюдается и в ответах на вопрос о согласии с лозунгом «Россия для русских» – 81 человек из Кластера 3 дал ответ «Нет, Россия многонациональная страна» при том, что во всей выборке такой ответ дал 121 человек (т.е. большинство из Кластера 3). На вопрос «Испытываете ли Вы какие-либо негативные чувства по от-

ношению к представителям других национальностей?» подавляющее большинство ответило «Нет». В ответах на вопрос об отношении к миграции преобладает ответ «Безразлично». На основе выявленного распределения сопряжённых ответов будем далее интерпретировать Кластер 3 – «Склонность к толерантности».

Статистически незначимые результаты сопряжённости ответов анкеты с Кластерами показаны в табл. 2. Незначимые результаты не менее важны, поскольку они позволяют исключить из факторов дифференциации типа отношения студентов к экстремизму некоторые «нетипичные» показатели, не позволяющие дифференцировать склонности к экстремизму.

Таковыми признаками оказались ответы о знании определений понятия «экстремизм», интерес к экстремистской тематике в СМИ, столкновение с экстремистскими акциями и участие в них, а также религиозная тематика. Нейтральную роль данных признаков можно объяснить, исходя из результатов анализа соответствий (МСА), полученных на первом этапе исследования. Эти результаты показывают, что на мотивацию студенческого контингента в отношении экстремистских форм поведения сильнее всего влияют соображения «общественной пользы» и «донесения идеи» независимо от того, сталкивались ли они с экстремизмом прежде, интересовались ли им и были ли вообще к нему как-то причастны даже косвенно. С точки зрения профилактики экстремизма такая ситуация не позволяет однозначно утверждать, что ограждение от экстремистских дискурсов в СМИ и в повседневности сможет остановить молодёжь, склонную «донести идею» и «спасти общество» экстремистскими методами. Стратегия «ограждения» от экстремистских тематик может также привести к порождению новых видов экстремистского дискурса и соответствующих ему форм поведения, не заимствованных из уже существующих форм.

На следующем этапе проверялась зависимость типов отношения к экстремизму от региональной принадлежности. Распределение регионов основного проживания в разных вузовских городах показано в табл. 3. Естественно преобладание студентов из того региона, в котором находится вуз. Однако это преобладание не является полной тождественностью регионов, откуда студенты родом и где жили до поступления в вуз, с вузовским регионом. Это даёт основание рассматривать данные региональных аспектов отдельно друг от друга в статистическом анализе.

Таблица 3
Распределение регионов основного проживания студентов в разных вузовских городах

Федеральный округ	Вузовский город			Всего
	Томск	Екатеринбург	Санкт-Петербург	
Южный	3	0	1	4
Центральный	2	1	8	11
Сибирский	76	4	3	83
Уральский	1	57	7	65
Северо-Западный	0	0	22	22
Всего	82	62	41	185

Анализ сопряжённости региона основного проживания студентов с принадлежностью к кластеру от-

ношения к экстремизму не дал статистически значимых результатов (табл. 4). Однако определённые тенденции всё же наблюдаются, что даёт повод визуализировать их с помощью кластеризации признаком методом Уорда (рис. 6).

Таблица 4

Статистически незначимые результаты анализа сопряженности признака региональной принадлежности студентов с кластерами по анкетам отношения к экстремизму. Указаны фактически наблюдаемые частоты. Пирсон Хи-квадрат: 14,5; $p = 0,07$

Регион основного проживания студентов (федеральный округ)	Кластер 1 Смешанность и неопределённость позиции	Кластер 2 Склонность к шовинизму и экстремизму	Кластер 3 Склонность к толерантности	Всего
Южный	0	1	3	4
Центральный	1	1	9	11
Сибирский	20	20	43	83
Уральский	7	28	30	65
Северо-Западный	2	6	14	22
Всего	30	56	99	185

На рис. 6 заметно, что смешанность и неопределённость позиции наиболее связана с Южным, Центральным и Северо-Западным федеральными округами как местами основного проживания студентов.

Если соотнести эту связь с частотами в табл. 4, то станет ясно, что эта связь типа «отталкивания», так как лишь три человека из этих регионов имеют подобный тип отношения к экстремизму. Это значит, что данные регионы сильнее, чем остальные, отталкивают такой тип отношения. Эта зависимость даёт основание предполагать, что контингент неопределённой, идеологически индифферентной молодёжи, не склонной к экстремизму, для регионов, близких к столицам, менее характерен и малочислен, чем для восточных периферийных регионов. Наблюдаются также различия между Уральским и Сибирским округами. В Сибирском округе у молодёжи выше склонность к толерантности, в Уральском – к шовинизму и экстремизму.

Более четкие и статистически значимые различия показал анализ сопряженности кластеров отношения к экстремизму с вузовским городом (табл. 5). Томск сопряжён с Кластером 3 – «Склонность к толерантности» и в меньшей степени с Кластером 1 – «Смешанность и неопределённость позиции». В Екатеринбурге обучается большинство представителей Кластера 2 – «Склонность к шовинизму и экстремизму». Среди студентов Санкт-Петербурга большинство входят в Кластер 3 – «Склонность к толерантности».

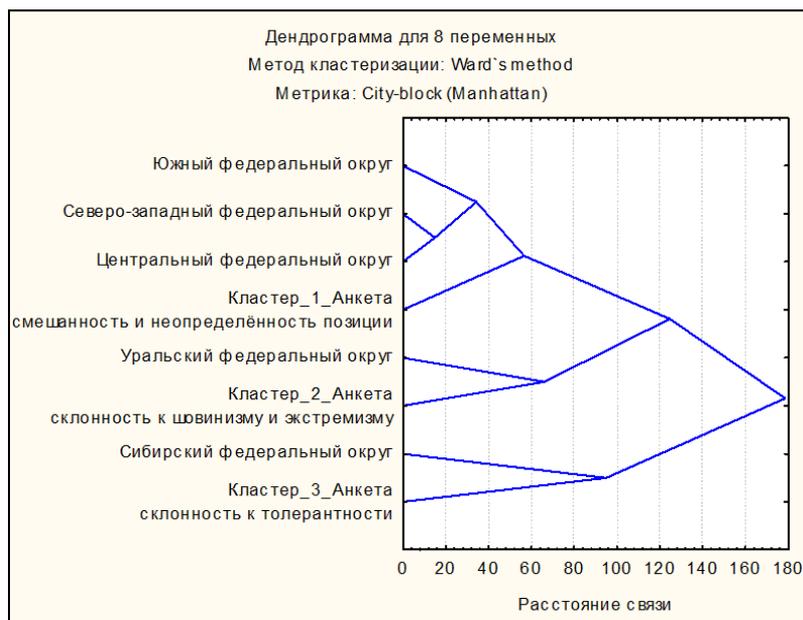

Рис. 6

Таблица 5

Статистически значимые результаты анализа сопряженности признака университетского города с кластерами по анкетам отношения к экстремизму. Указаны фактически наблюдаемые частоты. Критерий Пирсона Хи-квадрат: 20,0; $p = 0,001$

Город обучения	Кластер 1 Анкета Смешанность и неопределённость позиции	Кластер 2 Анкета Склонность к шовинизму и экстремизму	Кластер 3 Анкета Склонность к толерантности	Всего
Томск	20	18	44	82
Екатеринбург	6	30	26	62
С.-Петербург	4	8	29	41
Всего	30	56	99	185

Кластерный анализ (рис. 7) отчетливо показал схожесть шовинизма и экстремизма Томска и Екатеринбурга по наличию в них заметного количества студентов со склонностью к шовинизму и экстремизму,

в то время как в Санкт-Петербурге таких студентов единицы. Можно связать данные различия с близостью Санкт-Петербурга к Европе и удалённостью его от и проблемных с точки зрения экстремизма юж-

ных регионов. Кроме того, играют роль более высокий уровень жизни относительно других регионов и меньшая степень маргинализации населения.

Проверка сопряженности признака длительности проживания в вузовском городе статистически значи-

мых результатов не дала. Учитывались три интервала длительности проживания (менее 5 лет, от 5 до 10 лет, от 10 до 20 лет). Все эти интервалы сравнительно равномерно распределены по всем трем кластерам отношения к экстремизму.

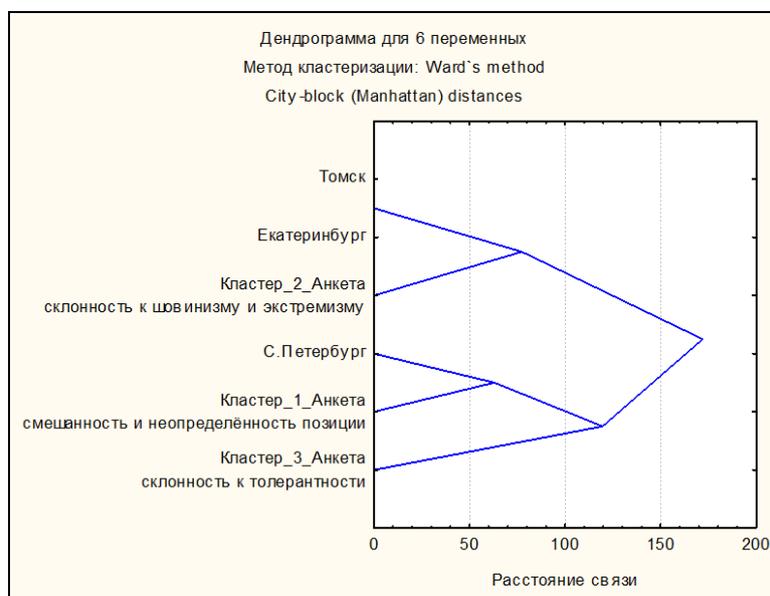

Рис. 7

Выводы:

1. Отношения к экстремизму по анкетированию выявляют три типа (кластера): Кластер 1 «Смешанность и неопределённость позиции»; Кластер 2 «Склонность к шовинизму и экстремизму»; Кластер 3 «Склонность к толерантности». Принадлежность к данным кластерам зависит от региональных факторов, которые в студенческой среде разделяются на регион основного проживания и вузовский город. Содержание и последствия этих двух региональных факторов могут не совпадать для иногородних студентов. Факторы факультета и пола, по видимому, существенно не влияют на отношение к экстремизму.

2. По фактору региональности выявлены следующие закономерности. Южный, Центральный и Северо-Западный федеральные округа как места основного проживания студентов сильнее, чем остальные, не приедают смешанность и неопределённость позиции по отношению к экстремизму. Такая зависимость даёт основание предполагать, что для регионов, близких к столицам, контингент неопределённой, идеологически индифферентной молодёжи, не склонной к экстремизму, малочислен и менее характерен, чем для восточных периферийных регионов. В Сибирском округе у молодёжи выше склонность к толерантности. В Уральском – выше склонность к шовинизму и экстремизму. Более четкие и статистически значимые различия наблюдаются в сопряженности отношения к экстремизму с вузовским городом. Томск сопряжён с Кластером «Склонность к

толерантности» и в меньшей степени – с Кластером «Смешанность и неопределённость позиции». В Екатеринбурге обучаются большинство представителей Кластера «Склонность к шовинизму и экстремизму». Среди студентов Санкт-Петербурга большинство входят в Кластер «Склонность к толерантности».

3. С точки зрения культурно-средовых факторов, на мотивацию студенческого контингента в отношении экстремистских форм поведения сильнее всего влияют соображения общественной пользы и донесения идеи, независимо от того, сталкивались ли они с экстремизмом прежде, интересовались ли им и были ли к нему как-то причастны даже косвенно.

4. С точки зрения профилактики экстремизма нельзя однозначно утверждать, что ограждение от экстремистских дискурсов в СМИ и в повседневности сможет остановить молодёжь, склонную к экстремистскому поведению. Такая склонность может быть латентной и проявится только в условиях социально-психологического, возрастного или межпоколенческого кризиса независимо от того, насколько были «ограждены» студенты от экстремистских дискурсов.

5. В целом выявленные различия дают основания утверждать, что в каждом регионе складывается особая специфическая комбинация факторов отношения к экстремизму в молодёжной среде. Поэтому в профилактике экстремизма следует учитывать не только специфику вузовского города, но и специфику регионов, откуда приезжают студенты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации (2010–2012 гг.)* / под ред. А.Ю. Ховрина. М.: МАТИ, 2012. С. 114.

2. Мецерькова Э.И., Боcharов А.В., Ларионова А.В. Анализ представлений об экстремизме у осужденных по ст. 282 УК РФ с использованием метода многомерной социально-психологической классификации // *European Journal of Psychological Studies*. 2014. Vol. 2, № 2. P. 36–46.
3. Кузьмин А.В. Профилактика экстремизма в процессе организации социально-культурного взаимодействия // *Вестник Тамбовского государственного университета*. 2011. № 8. С. 152–157.
4. Greenacre M.J. *Theory and Applications of Correspondence Analysis*. London : Academic Press, 1984. P. 10.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 13 января 2015 г.

REGIONAL DIMENSIONS OF YOUNG STUDENTS' ATTITUDE TO EXTREMISM

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 152–160. DOI 10.17223/15617793/392/26

Bocharov Aleksey V., Meshcheryakova Emma I., Larionova Anastasiya V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: bav346@rambler.ru; mei22@mail.ru; pavlova13@mail.ru

Keywords: young people; regional factors of extremism; multivariate analysis; typology of extremist behavior.

The purpose of this study is to investigate regional differences in young students' attitude to extremism and to identify characteristics of the regional sociocultural environment which affects the development of extremist patterns (based on Tomsk, Yekaterinburg, and Saint-Petersburg). The research method is the Questionnaire Survey aimed at identifying youth's attitude to different aspects of extremism. The multivariate analysis methods were used for statistical processing of questionnaire survey results. Three types of attitudes to extremism were identified: 1) mixed and uncertain attitude; 2) tendency to chauvinism and extremism; 3) tendency to tolerance. Students with permanent residence in the Southern, Central and Northwestern Federal Districts are more likely to reject the mixed and uncertain attitude to extremism as compared with other districts. Such a relationship suggests that a share of ideologically indifferent young people with uncertain positions who are not prone to extremism is low and less typical of the regions close to capital cities than in eastern peripheral regions. Youth in the Siberian Federal District is more prone to tolerance. Youth in the Ural Federal District is more inclined to chauvinism and extremism. Clearer and more statistically significant differences are observed in the association of attitude to extremism with a university city. Tomsk is associated with the cluster "tendency to tolerance" and, to a lesser degree, with the cluster "mixed and uncertain attitude". Most representatives of the cluster "tendency to chauvinism and extremism" study in Yekaterinburg. Most students in Saint-Petersburg belong to the cluster "tendency to tolerance". In general, the identified differences suggest that each region has its own specific combination of factors underlying the attitude to extremism in the young community. Therefore, not only the specifics of a university city but also the specifics of regions students come from should be taken into account for prevention of extremism.

REFERENCES

1. Khovrin A.Yu. (ed.) *Polozhenie molodezhi i realizatsiya gosudarstvennoy molodezhnoy politiki v Rossiyskoy Federatsii (2010–2012 gg.)* [Situation of the youth and the realization of the state youth policy in the Russian Federation (2010–2012)]. Moscow: MATI Publ., 2012. 342 p.
2. Meshcheryakova E.I., Bocharov A.V., Larionova A.V. Analysis of Representations of Extremism from Convicted Under Art.282 of the Code Using the Multidimensional Socio-Psychological Classification. *European Journal of Psychological Studies*, 2014, vol. 2, no. 2, pp. 36–46. (In Russian).
3. Kuz'min A.V. Preventive measures of extremism during organization of socio-cultural interaction. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta – Tambov University Reports*, 2011, no. 8, pp. 152–157. (In Russian).
4. Greenacre M.J. *Theory and Applications of Correspondence Analysis*. London: Academic Press, 1984.

Received: 13 January 2015

Е.В. Веденева, Ю.В. Честюнина, Д.А. Циринг

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЫХ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ, УСПЕШНЫХ В НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы».

Отражены результаты эмпирического исследования эмоционального компонента самостоятельности во взаимосвязи с успешностью профессиональной деятельности научно-педагогических кадров на разных этапах профессионального становления. В ходе проведённого исследования были обнаружены эмоциональные особенности, отличающие научно-педагогических работников с высокой эффективностью профессиональной деятельности, характеризующие эмоциональный компонент самостоятельности.

Ключевые слова: профессиональная деятельность; успешность в научно-педагогической деятельности; самостоятельность; эмоциональный компонент самостоятельности.

На современном этапе развития российского общества высшее образование, с одной стороны, рассматривается как главный, ведущий фактор социального и экономического прогресса, с другой стороны, можно констатировать тот факт, что система высшего образования нашей страны оказалась слабо приспособлена к функционированию в условиях рыночной экономики, что привело к системному кризису высших учебных заведений. Прежде всего, кризисные явления отразились на кадровой ситуации в высшей школе. Особенность нынешней кадровой политики в сфере образования заключается в ее стихийности и отсутствии каких-либо четких принципов отбора преподавательского состава. Между тем негативные тенденции, проявившиеся в последнее время (старение профессорско-преподавательского состава; отток молодых преподавателей в коммерческие структуры, за рубеж; разрыв преемственности поколений и т.д.), обусловили необходимость изменения кадровой политики в системе высшего образования. Проблемы формирования кадрового потенциала высшей школы являются приоритетными для реализации инновационной стратегии развития Российской Федерации. Это подтверждает актуальность заявленной в статье проблемы.

С целью формирования кадрового потенциала вузу необходимо взращивать и сохранять молодых, успешных и перспективных научно-педагогических работников. Успешность молодых специалистов в научно-педагогической деятельности, от которой зависит их закрепление в сфере науки и образования, обусловлено многими факторами, при этом важную роль играют личностные особенности молодых ученых, уровень их эмоциональной устойчивости, умение справляться со стрессовыми ситуациями, сохраняя эмоциональное благополучие.

Одним из конструктов, адекватно отражающих способность личности к успешному осуществлению профессиональной научно-педагогической деятельности, является самостоятельность, которая рассматривается как одна из ключевых характеристик субъекта.

В концепции личностной беспомощности (Д.А. Циринг [1]) самостоятельность рассматривается как феномен, противоположный личностной беспомощности, обеспечивающий способность человека эффективно справляться с самыми разными задачами, возникающими в его деятельности. Как показывают результаты проведённых в рамках указанной концепции исследований (Д.А. Циринг, Е.В. Веденева, Ю.В. Яковлева (Честюнина), Е.В. Забелина [1–5]), самостоятельность проявляется в поведении и деятельности человека, в том числе более эффективных стратегиях и успешности деятельности, а также в благополучных взаимоотношениях с другими людьми. Таким образом, представляется актуальным выявить те составляющие сложной, комплексной характеристики самостоятельности, от которых существенным образом зависит успешность научно-педагогической деятельности молодых учёных.

Исследование личностных особенностей, составляющих самостоятельность (её мотивационный, волевой, когнитивный и эмоциональный компоненты), проводится в рамках концепции личностной беспомощности, которая рассматривает самостоятельность и личностную беспомощность как образования, лежащие на двух полюсах одного континуума и определяющие уровень субъектности человека (Д.А. Циринг [1, 7]). Самостоятельность понимается как целостное качество, включающее в себя единство специфических личностных особенностей, составляющих её эмоциональный, мотивационный, когнитивный и волевой компоненты, определяющее высокую способность субъекта преобразовывать действительность и собственную жизнедеятельность [1, 6–8]. Покомпонентное изучение самостоятельности как системного качества субъекта позволило выделить в каждом из этих компонентов доминирующие психологические характеристики субъекта: в эмоциональном – уверенность, эмоциональную устойчивость, жизнерадостность, в мотивационном – выраженные ценностные ориентации, мотивацию достижения, высокий уровень притязаний, интернальный локус контроля, в

волевым – целеустремлённость, решительность, настойчивость, выдержку, ответственность, в когнитивном – оптимистический атрибутивный стиль, гибкость мышления, креативность. Самостоятельность в поведении выражается высокой активностью, энергичностью, инициативностью, стремлением к лидерству, настойчивостью в реализации цели, уверенностью в своих силах и способностях [8].

Самостоятельность может быть охарактеризована как основной интегральный личностный предиктор успешности профессиональной деятельности молодых научно-педагогических работников, а также активизирующее звено их личностного развития [5].

В данной статье отражены результаты исследования эмоционального компонента самостоятельности во взаимосвязи с успешностью профессиональной деятельности научно-педагогических работников на разных этапах профессионального становления, на этапе обучения в аспирантуре, после защиты кандидатской или докторской диссертации. Процессы профессионального становления личности в связи с их высокой социальной значимостью постоянно находятся в фокусе общественного внимания. При этом, в отличие от классических исследований, выделяющих, прежде всего, этапы, связанные с развитием человека в его собственном возрастном аспекте, в настоящей статье при изучении научно-педагогических работников приоритетное значение придается этапам продвижения в социальной сфере: на этапе обучения в аспирантуре, в процессе подготовки к преподавательской или научной работе; после успешной защиты кандидатской диссертации, которая даёт право участвовать в конкурсе на замещение должности доцента, старшего научного сотрудника, заведующего кафедрой, лабораторией и др. в вузе и защищать диссертацию на соискание учёной степени доктора наук; после успешной защиты докторской диссертации и получения учёной степени высшей ступени.

Для выявления взаимосвязи особенностей эмоциональной сферы личности, составляющих эмоциональный компонент самостоятельности молодых научно-педагогических работников и успешности профессиональной деятельности, было проведено эмпирическое исследование с 2010 по 2013 г.

Гипотезы исследования:

1. Существуют значимые различия в составляющих эмоционального компонента самостоятельности у научно-педагогических сотрудников с разной степенью успешности.

2. Эмоциональный компонент самостоятельности научно-педагогических работников имеет качественное своеобразие на разных этапах профессионального становления (на этапе обучения в аспирантуре, в процессе подготовки к преподавательской или научной работе; после успешной защиты кандидатской диссертации).

Выборка представлена молодыми научно-педагогическими работниками Челябинского государственного университета и других вузов: аспиранты (55 человек), кандидаты в возрасте до 35 лет (32 человека) и доктора наук в возрасте до 40 лет (26 человек).

Эмоциональный компонент в структуре самостоятельности включает в себя такие характеристики, как лёгкость в общении, эмоциональная устойчивость, выраженный контроль эмоций, низкие показатели тревожности (спокойствие), склонность к эмпатии, ответственность, отсутствие фрустрированности, враждебности и депрессивности.

С целью исследования самостоятельности и ее эмоционального компонента использовались следующие методики: тест Кеттелла, методика Басса–Дарки, методика «Личностная шкала проявления тревоги» в адаптации Т.А. Немчина и В.Г. Норакидзе, методика на определение уровня депрессивных состояний В. Зунга, адаптация Т.И. Балашовой.

С целью исследования успешности научно-педагогической деятельности молодых научно-педагогических кадров использовались объективные показатели результативности испытуемых (общее количество публикаций (статей и тезисов), индивидуальный индекс цитирования, количество изданных работ (монографий, учебников, учебных пособий и др.), количество конференций, в которых принималось участие, количество финансируемых проектов), а также экспертные оценки научно-педагогической деятельности испытуемых, оценивающих сформированность различных компонентов научно-педагогической деятельности [4]. Оценка успешности научно-педагогической деятельности проводилась по блокам, объединенным в пять компонентов (гностический, проектировочно-конструктивный, коммуникативный, организационный, информационно-обучающий). Итоговый показатель успешности представляет собой математическую сумму предыдущих показателей.

На первом этапе с помощью кластерного анализа испытуемые были разделены на три группы: с низкой, средней и высокой степенью профессиональной успешности по описанным выше критериям. Далее с целью изучения связи самостоятельности и успешности применялся критерий хи-квадрат ($\chi^2 = 0,58$; $p = 0,000$), с помощью которого было определено, что аспиранты со сформированной самостоятельностью статистически чаще являются более успешными. Аналогичные тенденции были выявлены на выборке молодых кандидатов наук ($\chi^2 = 0,87$; $p = 0,000$).

Группа молодых докторов наук не разделялась нами по критериям успешности, так как само по себе наличие учёной степени доктора наук в возрасте до 40 лет свидетельствует о высоком уровне профессиональной успешности.

По данным описательной статистики выборки молодых докторов наук, можно констатировать, что для этих испытуемых характерен умеренный оптимистический атрибутивный стиль, отсутствует депрессия (средний показатель 33,2 баллов, по нормам методики результаты до 50 баллов диагностируются как состояние без депрессии) и нормальная тревожность. Полученные данные согласуются с результатами других исследований (Д.А. Циринг, Е.В. Веденева, Е.В. Забелина, Е.А. Евстафеева, Ю.В. Яковлева (Честюнина)), в которых обнаружено, что самостоятельность

связана с эффективностью и успешностью различных видов деятельности.

Следующей задачей исследования стало выявление личностных особенностей молодых ученых (аспирантов, молодых кандидатов и молодых докторов наук) с высокой степенью успешности, которые в соответствии со структурой самостоятель-

сти (Д.А. Циринг, Ю.В. Яковлева (Честюнина)) отражают содержание эмоционального компонента. В итоге сравнения групп более успешных и менее успешных аспирантов и кандидатов наук по показателям эмоционального компонента самостоятельности были получены результаты, представленные в табл. 1, 2.

Т а б л и ц а 1

Достоверность различий показателей эмоционального компонента в группах более успешных (самостоятельных) и менее успешных аспирантов

Показатель	Средние значения		U-критерий Манна–Уитни	Уровень значимости
	Более успешные	Менее успешные		
Депрессия	31,1	38,3	6,000	0,001
Тревога	14,6	21,8	2,500	0,002
Фактор С	7	5	10,500	0,023
Фактор G	6	4	26,000	0,012
Фактор I	8	6	14,500	0,019
Подозрительность	3,2	4,4	17,500	0,035

Т а б л и ц а 2

Достоверность различий показателей эмоционального компонента в группах более успешных (самостоятельных) и менее успешных кандидатов наук

Показатель	Средние значения		U-критерий Манна–Уитни	Уровень значимости
	Более успешные	Менее успешные		
Подозрительность	3,2	3,4	17,500	0,001
Раздражительность	4,3	6,4	16,500	0,001
Негативизм	2	2,4	33,000	0,027
Обида	3,1	4,4	24,500	0,005
Чувство вины	5,9	7,2	32,000	0,023
Депрессия	30,5	39	7,000	0,000
Тревога	13	22	2,000	0,000
Фактор С	9	8,2	9,500	0,000
Фактор H	7,6	8	31,000	0,014
Фактор O	5,2	5,5	15,000	0,001

По методике Басса–Дарки были получены значимые различия между более успешными и менее успешными молодыми научно-педагогическими работниками – аспирантами и кандидатами наук по показателю подозрительности, это свидетельствует о том, что они чаще доверяют окружающим людям. Менее успешные научно-педагогические работники чаще испытывают недоверие и осторожность по отношению к людям, убежденным, что окружающие намерены причинить вред. Также получены значимые различия между более успешными и менее успешными кандидатами наук по показателю раздражительности, негативизму, чувству вины и обиды. Более успешные самостоятельные молодые кандидаты наук более оптимистично настроены, реже испытывают чувство вины и обиды. Менее успешные научно-педагогические работники более раздражительны, чаще испытывают обиду и вину, негативно настроены по отношению к окружающим. На основе результатов исследования эмоционального компонента самостоятельности с помощью методики Басса–Дарки у молодых докторов наук можно сделать следующие выводы: агрессия по всем видам находится в пределах нормы на достаточно низком уровне, индекс враждебности и агрессивности также соответствует норме.

Далее рассмотрим результаты, полученные по шкале депрессии В. Зунга. Состояние депрессии ни в одной группе испытуемых выявлено не было, однако,

основываясь на данных описательной статистики, можно сделать вывод о том, что у менее успешных аспирантов и кандидатов наук чаще встречаются апатия, тоскливость, дисфория, растерянность и тревога.

Получены значимые различия проявлений тревоги по методике Дж. Тейлора между более успешными и менее успешными аспирантами и кандидатами наук. Данные описательной статистики свидетельствуют о том, что у менее успешных научно-педагогических работников показатели личностной тревоги выше. У людей с тенденцией к повышению уровня тревоги снижаются пороги возбуждения по отношению к различным стимулам, появляются нерешительность, нетерпеливость, непоследовательность действий. В группе успешных молодых докторов наук уровень тревоги также соответствует оптимальному.

Рассмотрим статистически достоверные различия между группами более успешных и менее успешных аспирантов и молодых кандидатов наук по опроснику 16PF Кеттела, а также личностные особенности в группе докторов наук.

В группах аспирантов и молодых кандидатов наук были получены значимые различия по фактору С (уверенность – эмоциональная неустойчивость) опросника 16PF Кеттела. Это позволяет говорить о том, что для более успешных аспирантов, кандидатов наук характерны эмоциональная устойчивость и выдержанность, это люди более эмоционально зрелые,

устойчивые в интересах, работоспособные, ориентированные на реальность. В то время как менее успешные научно-педагогические работники являются менее эмоционально устойчивыми, они более импульсивны, чаще находятся под влиянием чувств, переменчивы в настроениях, легче расстраиваются, более неустойчивы в интересах, имеют более низкую толерантность по отношению к фрустрации, повышенную раздражительность, утомляемость. Стоит отметить, что и у успешных аспирантов более выражены показатели по фактору I (мягкость – твёрдость характера) опросника 16PF Кеттела, т.е. они достаточно впечатлительны, имеют богатые эмоциональные переживания, развитые эстетические интересы, склонность к эмпатии, сочувствию, сопереживанию и пониманию других людей. В отличие от них менее успешные аспиранты чаще несентиментальны, самоуверенны, суровы, гибки в суждениях.

В каждой группе есть специфические особенности, характерные только для них. Так, в группе аспирантов выявлены различия по фактору G (ответственность – безответственность) опросника 16PF Кеттела. Более успешные аспиранты отличаются большей добросовестностью, ответственностью, стабильностью, уравновешенностью, настойчивостью, склонностью к морализированию. Они имеют более развитое чувство долга и ответственности, осознанно соблюдают общепринятые моральные правила и нормы, настойчивы в достижении цели. Менее успешные аспиранты склонны к непостоянству, подвержены влиянию чувств, случая и обстоятельств. Они чаще потворствуют своим желаниям, не делают усилий по выполнению групповых требований и норм, чаще негибки по отношению к социальным нормам.

В группе молодых кандидатов наук между успешными и менее успешными испытуемыми добавляются различия по факторам H (робость – смелость) и O (тревожность – спокойствие) опросника 16PF Кеттела. Более успешные научно-педагогические работники проявляют напористость, независимость, они более смелые, склонны к риску, самостоятельны, уверены в себе (Фактор H (робость – смелость) опросника 16PF Кеттела). Менее успешные научно-педагогические работники более робкие, застенчивые, сдержанные, нерешительные, они чаще смущаются в присутствии других, не могут проявить свою силу при определенных обстоятельствах, не уверены в себе. Более успешные молодые кандидаты наук отличаются спокойствием и самоуверенностью, они более веселы и жизнерадостны (Фактор O (тревожность – спокойствие) опросника 16PF Кеттела). Менее успешные научно-педагогические работники более тревожны, чаще имеют сниженный фон настроения, у них более развито чувство вины.

Наиболее выражены у докторов наук факторы A (замкнутость – общительность), C (уверенность – эмоциональная неустойчивость), I (мягкость – твёрдость характера), Q1 («консерватизм – радикализм»). Можно говорить о том, что молодые доктора наук ориентированы на общение, взаимодействие с другими людьми, общаются с легкостью, проявляют эмо-

ции в общении; готовы к сотрудничеству, внимательны к людям, добры, приспособляемы. Предпочитают ту деятельность, где есть занятия с людьми, ситуации с социальным значением, не боятся критики (фактор A (замкнутость – общительность)). Для молодых докторов наук характерны эмоциональная устойчивость и выдержанность, это люди более эмоционально зрелые, устойчивые в интересах, работоспособные, ориентированные на реальность (фактор C (уверенность – эмоциональная неустойчивость)). Научно-педагогические работники достаточно впечатлительны, имеют богатые эмоциональные переживания, развитые эстетические интересы, склонность к эмпатии, сочувствию, сопереживанию и пониманию других людей (Фактор I (мягкость – твёрдость характера)). Можно говорить о том, что молодые доктора наук поглощены интеллектуальными проблемами, имеют сомнения по различным фундаментальным вопросам. Они скептически и стараются вникнуть в сущность идей старых и новых, терпимы к несообразностям и изменениям (Фактор Q1 («консерватизм – радикализм»)).

Эмоциональный компонент самостоятельности у успешных аспирантов характеризуется отсутствием депрессии, оптимальным уровнем тревоги, высоким уровнем доверия, стабильностью, уравновешенностью, эмоциональной устойчивостью, впечатлительностью, склонностью к эмпатии. Эмоциональный компонент самостоятельности у молодых кандидатов наук характеризуется отсутствием депрессии, оптимальным уровнем тревоги, эмоциональной устойчивостью, спокойствием и жизнерадостностью. У молодых докторов наук эмоциональный компонент самостоятельности характеризуется отсутствием депрессии, оптимальным уровнем тревоги и агрессии, общительностью, эмоциональной стабильностью, впечатлительностью.

Таким образом, в ходе исследования были обнаружены эмоциональные особенности, отличающие научно-педагогических работников с высокой эффективностью профессиональной деятельности на этапе обучения в аспирантуре и после защиты кандидатской и докторской диссертации, характеризующие эмоциональный компонент самостоятельности, который представлен такими характеристиками, как: отсутствие депрессии, позволяющее сохранять работоспособность; оптимальный уровень тревожности, терпеливости, последовательности действий; средний уровень агрессивности; эмоциональная устойчивость, которая уменьшает отрицательное влияние сильных эмоциональных воздействий, предупреждает стресс, способствует проявлению готовности к действиям в напряженных ситуациях. Это один из психологических факторов надежности, эффективности и успеха деятельности в экстремальной обстановке. Благодаря эмоциональной устойчивости как качеству личности в экстремальных условиях обеспечивается переход психики на новый уровень активности: такая перестройка побудительных, регуляторных и исполнительских функций, которая позволяет сохранить и далее увеличить эффективность деятельности; склонность к эмпатии, позволяющая лучше понимать дру-

гих людей. Сходство эмоциональных особенностей успешных научно-педагогических работников на разных этапах профессионального становления (на этапе обучения в аспирантуре, после защиты кандидатской и докторской диссертации) свидетельствует об устойчивости связей эмоционального компонента самостоятельности с успешностью в профессиональной деятельности. Следует отметить и специфические особенности эмоциональной сферы, выявленные в проведенном исследовании. Так, для молодых кандидатов наук, успешных в научно-педагогической деятельности, характерны напористость, независимость, смелость, склонность к риску, самостоятельность и уверенность в себе. Молодые доктора наук, успешные в профессиональной деятельности, в свою очередь, характеризуются ориентацией на общение в совокупности с развитой эмпатией, позволяющей лучше понимать других людей и взаимодействовать с ними. Они общаются с легкостью, проявляют эмоции в об-

щении, готовы к сотрудничеству, внимательны к людям, приспособляемы, не боятся критики.

Результаты данного исследования можно использовать в системе высшего профессионального образования при работе с молодыми научно-педагогическими работниками. Выявленные взаимосвязи эмоционального компонента самостоятельности с успешностью на разных этапах профессионального становления могут послужить базой для психологического сопровождения профессионально-личностного становления и развития научно-педагогических кадров высшей школы. Выявленные взаимосвязи эмоционального компонента самостоятельности с успешностью в научно-педагогической деятельности могут быть учтены при психологическом отборе и прогнозировании профессиональной успешности научных работников и аспирантов, планирующих свою карьеру в высшей школе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности [Текст]: исследование уровней субъектности. М. : Академия, 2010. 410 с.
2. Циринг Д.А., Веденева Е.В. Исследование успешности ведущей деятельности у испытуемых с личностной беспомощностью на разных возрастных этапах // Сибирский психологический журнал. 2009. № 31. С. 81–84.
3. Забелина Е.В. Беспомощность в структуре индивидуальности и ее связь с коммуникативной активностью: на материале исследования подростков : дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2009. 176 с.
4. Циринг Д.А., Овчинников М.В. Критерии успешности научно-педагогической деятельности // Образование и наука. 2013. № 2. С. 28–36.
5. Циринг Д.А., Яковлева Ю.В., Крылова М.О. Влияние самостоятельности на успешность научно-педагогической деятельности (субъектно-деятельностный подход) // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. URL: www.science-education.ru/105-7032 (дата обращения: 04.10.2013).
6. Яковлева Ю.В. Психологическое содержание, структура и особенности самостоятельности : дис. ... канд. психол. наук. Челябинск, 2011. 194 с.
7. Циринг Д.А. Самостоятельность и беспомощность у студентов высших учебных заведений // Высшее образование сегодня. 2008. № 6. С. 48–50.
8. Яковлева Ю.В. Самостоятельность в студенческом возрасте (аксиологический аспект) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 333. С. 153–156.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 05 июля 2014 г.

THE EMOTIONAL COMPONENT OF INDEPENDENCE OF YOUNG ACADEMIC STAFF SUCCESSFUL IN RESEARCH AND EDUCATION ACTIVITIES AT DIFFERENT STAGES OF PROFESSIONAL GROWTH

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 161–166. DOI 10.17223/15617793/392/27

Vedeneva Ekaterina V., Chestyunina Yuliya V., Tsiring Diana A. Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: kotia2882@mail.ru; chestyunina@list.ru; L-di@yandex.ru

Keywords: success in research and education activity; emotional component of independence.

The aim of the empirical research was the revealing of the connection between the emotional component of independence and success in the professional activity of academic staff at different stages of professional formation (at the stage of postgraduate study, after defending the candidate's and doctor's thesis). The sample is represented by young academic staff of Chelyabinsk State University and other universities: post-graduates (55 people), candidates of sciences aged up to 32 (32 people) and doctors of sciences aged up to 40 (26 people). In the process of research there were found the emotional features specific to the academic staff with high effectiveness of professional activity at the stage of postgraduate study and after defending the candidate's and doctor's thesis which characterize the emotional component of independence presented by such characteristics as null depression that allows to preserve working capacity; optimal level of anxiety, patience, sequence of actions; average level of aggressiveness; emotional stability that reduces the negative influence of the strong emotional pressure, prevents stress, stimulates the display of readiness to act in tense situations. This is one of the psychological factors of reliability, effectiveness and success of activity in the extreme surrounding. The similarity of emotional peculiarities of successful academic staff at different stages of professional growth testifies to the stability of the connections between the emotional component of independence and success in the professional activity. It is important to describe the peculiarities of the emotional sphere which were discovered in the conducted research. For young candidates of sciences successful in the research and educational activities it is typical to have assertiveness, self-sufficiency, braveness, appetite for risk, independence and self-assurance. For the young doctors of sciences successful in their professional activity it is typical to tend to communication in the whole with the developed empathy that allows better understanding people and interacting with them. The found connections between the emotional component of independence and success at different stages of professional growth can become a base for the psychological help in the professional and personal growth and development of academic staff. The connections can also be considered during the psychological selection and prediction of professional success of those planning their career in the higher school.

REFERENCES

1. Tsiring D.A. *Psikhologiya lichnostnoy bespomoshchnosti: issledovanie urovney sub"ektnosti* [Psychology of personal helplessness: a study of the levels of subjectivity]. Moscow: Akademiya Publ., 2010. 410 p.
2. Tsiring D.A., Vedeneeva E.V. Research of leading activity success in individuals with personal helplessness at different age stages. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2009, no. 31, pp. 81–84. (In Russian).
3. Zabelina E.V. *Bespomoshchnost' v strukture individual'nosti i ee svyaz' s kommunikativnoy aktivnost'yu: na materiale issledovaniya podrostkov*: dis. kand. psikhol. nauk [Helplessness in the structure of personality and its relationship to the communicative activity: research on teenagers. Psychology Cand. Diss.]. Yaroslavl, 2009. 176 p.
4. Tsiring D.A., Ovchinnikov M.V. The Success Criteria of Scientific Pedagogic Activities. *Obrazovanie i nauka – Education and Science*, 2013, no. 2, pp. 28–36. (In Russian).
5. Tsiring D.A., Yakovleva Yu.V., Krylova M.O. Vliyanie samostoyatel'nosti na uspehnost' nauchno-pedagogicheskoy deyatel'nosti (sub"ektno-deyatel'nostnyy podkhod) [Influence of independence on the success of scientific and pedagogical activities (subject-activity approach)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*, 2012, no. 5. Available from: www.science-education.ru/105-7032. (Accessed: 04th October 2013).
6. Yakovleva Yu.V. *Psikhologicheskoe sodержanie, struktura i osobennosti samostoyatel'nosti*: dis. kand. psikhol. nauk [Psychological content, structure and features of independence. Psychology Cand. Diss.]. Chelyabinsk, 2011. 194 p.
7. Tsiring D.A. Samostoyatel'nost' i bespomoshchnost' u studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy [Independence and helplessness among students in higher education]. *Vyshee obrazovanie segodnya – Higher Education Today*, 2008, no. 6, pp. 48–50.
8. Yakovleva Yu.V. Independence at student age (axiological aspect). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2010, no. 333, pp. 153–156. (In Russian).

Received: 05 July 2014

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Рассматриваются сущность и характеристика процесса интернационализации образования на современном этапе, а также инновационные методы обучения иностранных студентов как способы повышения конкурентоспособности образования в условиях его интернационализации.

Ключевые слова: интернационализация образования; академическая мобильность; инновационные методы обучения; иностранные студенты.

Сегодня высшее образование является одним из важнейших факторов модернизации общества и экономики страны, его качество определяет конкурентоспособность страны в международном пространстве. В последние десятилетия одним из ключевых факторов повышения эффективности развития системы высшего образования в мире стала его интернационализация. Процесс интернационализации образования, который в разных странах может принимать разные формы, нарастает в условиях развития международной экономической, социальной и культурной интеграции, а его значение продолжает усиливаться по причине того, что изменения в сфере высшего образования открывают новые возможности для дальнейшего международного сотрудничества.

В современной литературе приводятся различные определения понятия «интернационализация образования». Среди прочих интернационализация университетского образования рассматривается как процесс международной интеграции университетского образования, ориентированный на согласованность учебных программ университетов [1]. В западной литературе и российской научной среде широкое признание получило определение, которое сформулировал Дж. Найт (Knight J.). В соответствии с ним «интернационализация – это процесс внедрения международной составляющей в исследовательскую, образовательную и административную функции высшего образования» [2. С. 2]. Особенностью данного определения является акцент автора на неразрывной взаимосвязи всех функций высшего образования в процессе интернационализации и комплексном влиянии интернационализации на эти функции.

Таким образом, под процессом интернационализации сферы высшего образования на национальном, секторальном и институциональном уровнях принято понимать процесс, при котором цели, функции и организация предоставления образовательных услуг приобретают международное измерение. Дж. Найт и Ганс де Вит (de Wit H.) выделяют множество видов международной деятельности в процессе интернационализации сферы высшего образования, которые могут быть рассмотрены в контексте внешней (международная академическая мобильность) и внутренней (внедрение межкультурных программ, мировых стандартов, интеграция учебных курсов) интернационализации [3. С. 15].

К интернационализации высшего образования могут быть отнесены следующие формы международного сотрудничества:

- 1) индивидуальная мобильность: мобильность студентов и профессорско-преподавательского состава в образовательных целях;
- 2) мобильность образовательных программ и институциональная мобильность;
- 3) формирование новых международных стандартов образовательных программ;
- 4) интеграция в учебные программы международного измерения и образовательных стандартов;
- 5) институциональное партнерство: создание стратегических образовательных альянсов, в том числе международных.

К числу несомненных преимуществ интернационализации сферы образования можно отнести увеличение доступности высшего образования, расширение и укрепление международного сотрудничества, активизацию академической и студенческой мобильности.

Так, по данным ОЭСР и ЮНЕСКО, в 2011 г. 4,3 млн студентов учились за пределами родной страны в зоне ОЭСР и партнерских странах, что составляет увеличение общей студенческой мобильности почти на 5% по сравнению с предыдущим годом. За последние три десятилетия число студентов, обучающихся за пределами страны своего гражданства, значительно возросло – от 0,8 млн в 1975 г. до 4,3 млн в 2011 г., что свидетельствует о более чем пятикратном увеличении мобильности студентов по всему миру. В период 2000–2011 гг. число студентов, обучающихся в высших учебных заведениях за пределами родной страны, увеличилось больше чем в два раза, со средним ежегодным темпом роста почти на 7% [4. С. 305–306].

В 2011 г. среди направлений, выбираемых студентами для заграничного обучения, лидирующие места занимали Соединенные Штаты (16,5%), Великобритания (13%), Германия (6,3%), Франция (6,2%), Австралия (6,1%) и Канада (4,7%). Несмотря на то что на эти направления приходится более половины всех студентов, обучающихся в высших учебных заведениях за рубежом, на международном рынке образования за последние несколько лет появились новые игроки, а именно Российская Федерация (4%), Япония (3,5%) и Испания (2,5%) (рис. 1).

За период 2000–2010 гг. доля России как страны-реципиента иностранных студентов увеличилась с 2 до 4%, что свидетельствует о росте привлекательности российского образования на международной арене. По данным ОЭСР, в 2011 г. количество иностранных студентов, проходящих обучение в России,

составило 171 499 чел., что больше чем в 4 раза превышает аналогичный показатель 2000 г. (41 210 чел.). Больше половины этих студентов (60,6%) являются выходцами из стран Азии (103 983 чел.); число европейских студентов (53 255 чел.) составляет 31% от общего количества иностранцев, обучающихся в России. Очевидно, что доля России в мировом образовательном потоке формируется в первую очередь за счет русскоговорящих студентов из государств СНГ, таких как Белорус-

сия (31 199 чел.), Казахстан (29 865 чел.), Украина (12 805 чел.), Азербайджан (12 161 чел.) и Узбекистан (11 343 чел.). При этом количество студентов из Китая в 2011 г. составило 9 842 чел. среди стран ОЭСР лидируют Эстония (618 чел.) и Корея (524 чел.). Таким образом, можно сделать вывод, что около 60% иностранных студентов России – граждане приграничных государств, а почти 40% – выходцы из стран, где русский является одним из официальных языков.

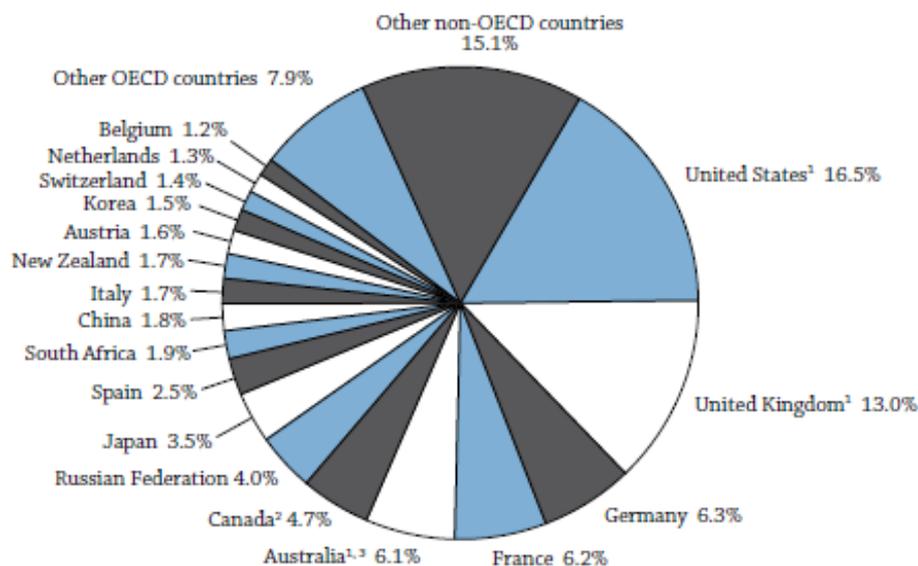

Рис. 1. Распределение иностранных студентов по принимающим странам (2011 г.).
Источник: Education at a Glance 2013: OECD Indicators. P. 307

Число же российских студентов, проходящих обучение за рубежом, в 2011 г. оценивается приблизительно в 70 тыс. чел., что составляет 1,65% от общей мобильности студентов по миру. В качестве приоритетных направлений российские студенты выбрали такие страны, как Германия (13 069 чел.), Великобритания (4 605 чел.), Соединенные Штаты (4 602 чел.), Франция (4 193 чел.), Чехия (2 588 чел.). Испания приняла 1 545 студентов из России в 2011 г.

Доля Испании как страны-реципиента иностранных студентов за период 2000–2010 гг. увеличилась с 0,8 до 2,5%. Количество иностранных студентов, проходящих обучение в высших учебных заведениях Испании, в 2011 г. составило 107 405 чел., что в сравнении с 2000 г. больше чем в 4 раза (25 502 чел.). Основной поток формируется за счет студентов из Колумбии (10 492 чел.), Италии (7 438 чел.), Перу (6 768 чел.), Марокко (5 849 чел.), Румынии (4 943 чел.), Аргентины (4 753 чел.), Венесуэлы (4 184 чел.), Боливии (3 075 чел.), Доминики (3 551 чел.), России – 1 545 чел. Почти половину иностранных студентов в испанских высших учебных заведениях составляют выходцы из стран Латинской Америки и Карибского бассейна (53 529 чел.), европейские студенты (36 011 чел.) составляют 33,5% от общего количества иностранцев, обучающихся в Испании. Что касается испанских студентов, выезжающих за пределы страны с целью обучения, их доля в

мировом потоке мобильности студентов составляет всего 0,77%. Среди стран, принимающих студентов из Испании, лидируют Соединенные Штаты (4 247 чел.), Великобритания (8 531 чел.), Германия (5 450 чел.), Франция (4 603 чел.). Россия в 2011 г. стала страной-реципиентом только для 14 студентов из Испании [5]. Авторы делают акцент на статистике академических обменов между университетами России и Испании, так как данное исследование проводилось на базе томских университетов и университета Балеарских островов (Испания).

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что студенческая мобильность в течение последнего десятилетия является важнейшим аспектом интернационализации сферы высшего образования – процесса, в который включается все большее количество стран. В настоящее время страны – участницы Болонского процесса одной из наиважнейших компонент развития высшего образования видят именно поддержку академической мобильности и создание совместных образовательных программ [6. С. 4–5]. На Всемирной конференции по вопросам высшего образования ЮНЕСКО в 2009 г. было указано, что академическая мобильность и в том числе кросс-границное получение образовательных услуг являются факторами повышения качества и эффективности высшего образования [7. С. 5]. Таким образом, международная мобильность студентов и про-

фессорско-преподавательского состава становится одной из важных составляющих образовательной политики многих стран. Разнообразные программы ЕС (например, ERASMUS, SOCRATES, TEMPUS), а также проекты, инициированные национальными организациями стран – членов ОЭСР (USAID, IREX, BritishCouncil, DAAD, CIDA, EduFrance и др.), направленные на развитие мобильности студентов и преподавателей, в немалой степени способствуют развитию процесса интернационализации сферы высшего образования.

Кроме того, интернационализация высшего образования, создавая новые возможности, способствует повышению не только доступности образования, но и его качества. Интернационализация образовательного процесса ведет к универсализации знания, появлению международных стандартов качества и внедрению инновационных методов работы в системах высшего образования.

Сегодня в условиях создания современных экономик и обществ, основанных на знаниях, одной из важнейших задач университетов является не просто привлечение иностранных студентов и профессоров, а подготовка высококвалифицированных выпускников, способных жить и работать в интернациональных коллективах, адаптироваться к меняющимся условиям и быть конкурентоспособными на международном рынке. Эти требования приводят к разработке и активному внедрению в образовательный процесс инновационных или интерактивных методов обучения. Под инновационными методами мы понимаем прежде всего методы, основанные на использовании современных достижений науки и информационных технологий в образовании, которые направлены на повышение качества подготовки путем развития у студентов творческих способностей и самостоятельности [8. С. 2].

Использование преподавателями инновационных методов в процессе обучения способствует преодолению стереотипов в преподавании различных дисциплин, выработке новых подходов к профессиональным ситуациям, развитию творческих способностей студентов. Эти методы обучения предлагают более широкие возможности для совершенствования навыков и формирования компетенций студентов, а также для повышения качества национальных систем высшего образования в целом.

Сегодня можно отметить, что и зарубежные, и российские вузы активно применяют различные инновационные методы обучения студентов. В частности, к ним относятся игровая технология (ролевые и деловые игры), технологии коллективной и групповой деятельности (работа в малых группах), проектная технология, методы анализа конкретных ситуаций (case-study), проблемное обучение, опережающая самостоятельная работа, междисциплинарное обучение, метод мозгового штурма, метод ментальных карт, обучение на основе опыта, информационно-коммуникационные технологии (IT-методы) и т.д. Переход от информационно-объяснительного обучения к инновационно-действию связан с применением в учебном процессе новых компьютерных и раз-

личных информационных технологий, электронных учебников, видеоматериалов, обеспечивающих свободную поисковую деятельность, а также предполагает развитие и личностную ориентацию [9].

Рассмотрим более подробно некоторые из методов, наиболее широко применяемых в российской и зарубежной практике.

К *игровому имитационному моделированию* относятся игры различного типа: деловые, аттестационные, организационно-деятельностные, инновационные, рефлексивные, по снятию стрессов и формированию инновационного мышления, поисково-апробационные и т.д. [10. С. 78]. Цели игры в большей степени согласуются с практическими потребностями студентов. При использовании деловых игр преобладает продуктивно-преобразовательная деятельность студентов. Данная форма организации учебного процесса снимает противоречие между абстрактным характером учебного предмета и реальным характером профессиональной деятельности, системным характером используемых знаний и их принадлежностью разным дисциплинам.

Работа в малых группах предполагает совместную деятельность студентов в группе под руководством лидера, направленную на решение общей задачи путем творческого сложения результатов индивидуальной работы членов команды с делением полномочий и ответственности [11. С. 13]. Групповая работа стимулирует согласованное взаимодействие между студентами, отношения взаимной ответственности и сотрудничества. Преимуществом групповой работы является то, что группа – это микро модель общественных реакций на поведение индивидуума, и каждый участник, проявляя свои привычные отношения с другими людьми, может увидеть и осознать их ограниченность и неэффективность, а также попытаться изменить свой способ взаимоотношений. Таким образом, каждый участник может увидеть себя и свои проблемы с других точек зрения. Группа предполагает живой обмен опытом решения проблем.

Проектная технология относится к исследовательским методам. В ее основе лежит развитие познавательных навыков студентов, умений самостоятельно конструировать свои знания, ориентироваться в информационном пространстве, развитие критического мышления и творческих способностей. Метод проектов ориентирован на выполняемую в течение определенного промежутка времени самостоятельную деятельность обучаемых (индивидуальную, парную или групповую). Проектная технология всегда предполагает решение некоторой проблемы, которая предусматривает, с одной стороны, использование разнообразных методов и средств обучения, а с другой, интегрирование знаний и умений из различных областей науки, техники, технологии, творческих отраслей. Данный метод предполагает овладение технологией презентации различных творческих работ (отчетов, обзоров, рефератов, докладов на профессионально ориентированные темы) [12. С. 169].

Анализ конкретных учебных ситуаций (case-study) – метод обучения, предназначенный для совершенствования навыков и получения опыта в таких

областях, как выявление, отбор и решение проблем; работа с информацией, осмысление значения деталей, описанных в ситуации; работа с предположениями и заключениями; оценка альтернатив; принятие решений; слушание и понимание других людей, навыки групповой работы. Непосредственная цель данного метода – совместными усилиями группы студентов проанализировать ситуацию (case), возникающую при конкретном положении дел, и выработать практическое решение, лучшее в контексте поставленной проблемы и возможных альтернатив. Сегодня метод case-study завоевал ведущие позиции в обучении и считается одним из самых эффективных способов обучения студентов навыкам решения типичных проблем.

Проблемное обучение стимулирует студентов к самостоятельному приобретению знаний, необходимых для решения конкретной проблемы. К основным задачам проблемного обучения относятся развитие мышления, творческих умений и способностей учеников; более глубокое усвоение студентами знаний, полученных в ходе активного поиска и самостоятельного решения проблем; воспитание активной личности студента, умеющего творчески подходить к решению нестандартных профессиональных проблем. Проблемное обучение предполагает несколько вариантов преподавания: от изложения проблемы и ее решения самим преподавателем до самостоятельного решения проблемы студентами под контролем преподавателя.

Информационно-коммуникационные технологии предполагают обучение в электронной образовательной среде с целью расширения доступа к образовательным ресурсам. ИТ-методы предлагают использование в учебном процессе компьютеров для доступа к интернет-ресурсам, использование обучающих программ для расширения информационного поля, повышения скорости обработки и передачи информации, обеспечения удобства преобразования и структурирования информации для трансформации ее в знание [13. С. 164–166]. К основным ИТ-методам относится представление учебного материала в электронном виде, дистанционная поддержка деятельности студентов и использование мультимедийных устройств для представления материалов.

Как показывает практика, использование инновационных методов и приемов активного обучения пробуждает у студентов интерес к самой учебно-познавательной деятельности, что позволяет создать атмосферу мотивированного, творческого обучения и одновременно решать целый комплекс учебных задач. Авторами был проведен опрос среди иностранных студентов магистратуры, обучающихся по направлению «Менеджмент», с целью выявления, насколько активно применяются в учебном процессе инновационные методы и как они способствуют повышению качества образования студентов, обучающихся за рубежом. Мы полагаем, что применение инновационных методов обучения повышает качество обучения иностранных студентов как в российских, так и в зарубежных вузах и в конечном итоге способствует повышению их конкурентоспособности на международном рынке интеллектуального труда. В анкетировании приняли участие 25 студентов Томского политехнического университета и Томского государственного университета (Россия) и 25 студентов Университета Балеарских островов (Испания) в возрасте 22–25 лет. Университет Балеарских островов был выбран в качестве экспериментальной площадки для исследования в связи с тем, что один из авторов статьи обучался в исследуемой группе. Среди иностранных студентов, проходящих обучение в России, были представители Китая, Казахстана, Таджикистана и Украины. Иностранцами студентами испанского университета были студенты из России, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана, Китая, Венгрии, Франции и Нигерии. Все респонденты заканчивают магистратуру в 2014 г. Анкета носила анонимный характер, состояла из 12 вопросов с предложенными вариантами ответов.

Среди методов, наиболее часто используемых в процессе обучения в магистратуре, были выделены case-study (анализ конкретных учебных ситуаций), работа в малых группах (до 5 человек), занятия с использованием информационных технологий, мультимедийных устройств, интерактивные лекции, исследовательская работа, письменные аналитические (мониторинговые) исследования и круглый стол (рис. 2).

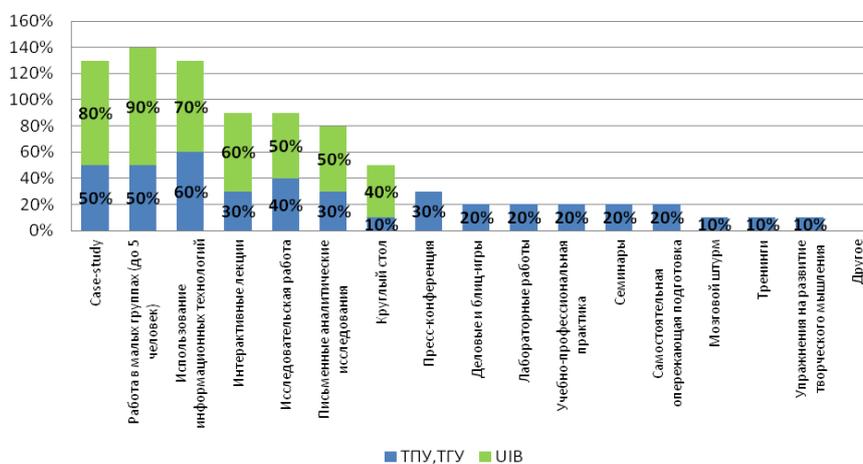

Рис. 2. Методы обучения в магистратуре

Согласно ответам респондентов на вопрос анкеты «Могли бы Вы примерно определить процент занятий, проводимых с использованием инновационных методов обучения, в процессе обучения в магистратуре?», были получены следующие данные (рис. 3). Половина иностранных студентов томских университетов отметили, что инновационные методы используются в 2/3 занятий, 30% – в 1/2 занятий и 20% – в 1/3 занятий, т.е. мы можем сделать вывод о том, что 80% группы отмечают активное использование инновационных методов в образовательном процессе. При этом 40% иностранных студентов UIB ответили, что почти все проводимые занятия проходят с использованием различных инновационных методов обучения, и 30% респондентов считают, что такие методы применяются в 1/2 и 2/3 занятий. Это позволяет сделать вывод о том, что инновационные методы обучения достаточно широко применяются как в испанском, так и в томских вузах.

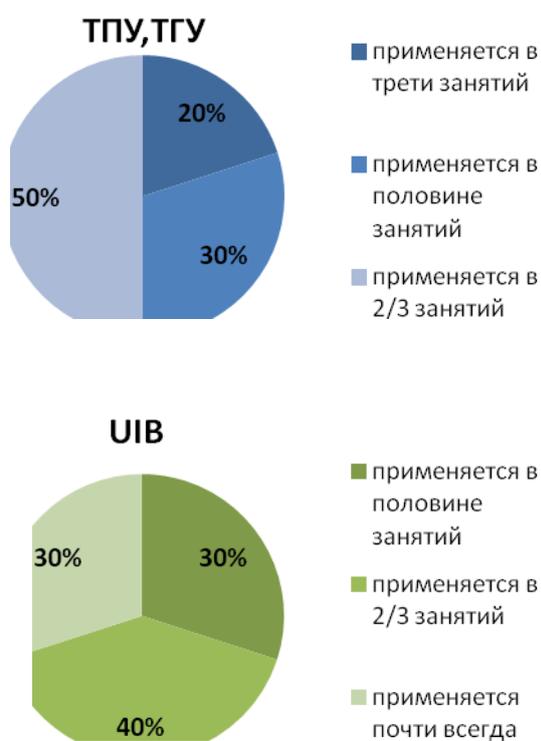

Рис. 3. Применение инновационных методов в процессе обучения в магистратуре

80% иностранных студентов испанского и томских вузов отметили, что предпочитают интерактивные методы обучения по сравнению с традиционными (лекции и практики). 85% респондентов утверждают, что именно с помощью инновационных методов лучше усваивается преподаваемый материал. Необходимо подчеркнуть, что студенты выбирают данные методы обучения несмотря на то, что обучение на не родном языке, в данном случае – английском, с помощью инновационных методов обучения требует прежде всего активного владения иностранным язы-

ком, большой как самостоятельной, так и аудиторной работы и постоянного вовлечения в учебный процесс – процесс непрерывного общения с одногруппниками и преподавателями с умением высказывать и обосновывать свою точку зрения на чужом языке. При этом хотелось бы отметить, что преподаватели UIB в первом модуле магистратуры проводят занятия только в форме лекций и практических занятий, а применение инновационных методов начинают со второго семестра, когда студенты уже более адаптированы к обучению в зарубежном вузе.

Среди методов контроля достижения учебных целей, используемых в университетах России, могут быть выделены традиционная сдача экзаменов по билетам, решение ситуационных задач и подготовка проектов. Преподаватели испанского университета в большей степени отдают предпочтение традиционному экзамену как способу оценки знаний. 70% иностранных студентов, обучающихся в России, удовлетворены процедурой контроля достижения учебных целей, 20% – удовлетворены не в полной мере и 10% – не удовлетворены. Ответы, полученные от иностранных студентов UIB, в количественном выражении схожи: 60% – полностью удовлетворены процедурой контроля, 20% – частично удовлетворены и 20% – не удовлетворены.

Среди способов оценки знаний, которые предпочли бы студенты, было выделено собеседование и тестирование, а также решение ситуационных задач, дискуссии и компьютерный контроль (рис. 4). Здесь необходимо отметить, что, с одной стороны, студенты хотят таких современных форм контроля, как собеседование, решение ситуационных задач, дискуссии, которые требуют очень глубоких междисциплинарных знаний, способности принимать решения и обосновывать свою точку зрения, с другой стороны, для них удобны также тестирование и компьютерный контроль, которые, как правило, предлагают готовые ответы, что делает подготовку к экзамену более легкой и предсказуемой. Но в первом случае перед преподавателем стоит сложная задача корректной оценки знаний, в то время как во втором случае оценить результаты тестирования, а тем более компьютерного контроля довольно легко, так как он проходит по заранее известному алгоритму.

Анализ ответов на заключительный вопрос анкеты свидетельствует о том, что все иностранные студенты ТПУ и ТГУ, а также 90% опрошенных иностранных студентов UIB считают, что использование преподавателем технических и мультимедийных средств обучения на занятиях помогает в усвоении материала, так как информация лучше воспринимается и запоминается. Для 10% респондентов UIB это не имеет особого значения.

Таким образом, интернационализация высшего образования, которая является заметной тенденцией современного развития, приводит к тому, что проблема подготовки студентов в высших учебных заведениях к их профессиональной деятельности на международном рынке интеллектуального труда приобретает особую значимость. Несмотря на то что деятельность университетов всегда была связана с трансна-

циональным обменом знаниями, текущий этап развития высшего образования существенно отличается от предыдущих стадий – он характеризуется формированием глобального образовательного пространства и

более высокими требованиями к уровню подготовки выпускников вузов, что ведет к поиску и внедрению в образовательный процесс новых, более эффективных способов преподавания.

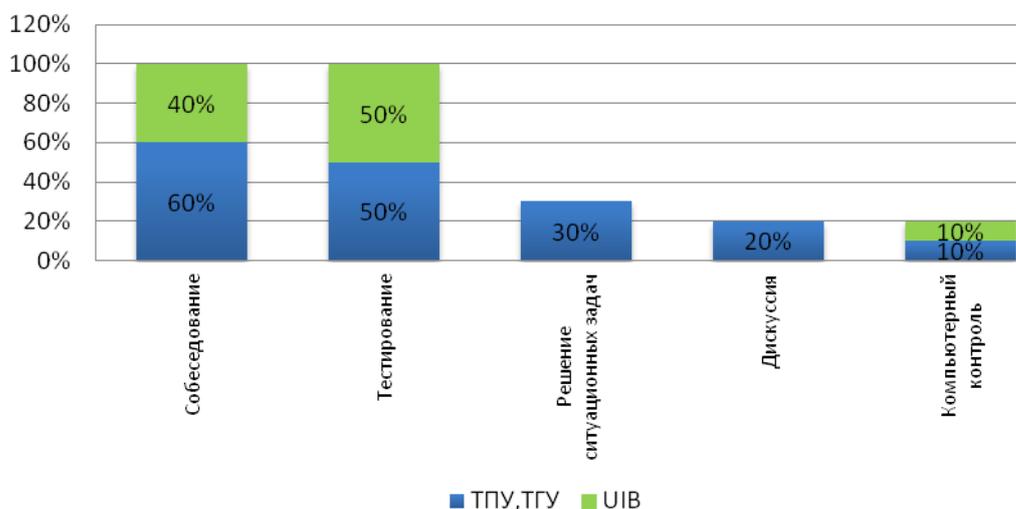

Рис. 4. Способы оценки знаний, предпочтительные для иностранных студентов

Согласно результатам проведенного исследования можно сделать вывод о целесообразности применения инновационных методов обучения, таких как case-study, интерактивные лекции, круглые столы, работы в малых группах и др., в обучении иностранных студентов в рамках программ академической мобильности. Необходимо отметить высокую эффективность их применения, которая проявляется в дальнейшем как в

способности самостоятельно принимать решения в условиях иноязычной среды, так и в умении мыслить и презентовать результаты своей деятельности на иностранном языке. При этом эффективность инновационных методов достигается не только за счет более полного воссоздания реальных условий профессиональной деятельности, но и за счет более полного личного включения студента в учебный процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьева Е.Г. Интернационализация университетского образования: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2002. 169 с.
2. Knight J. Updating the Definition of Internationalization // International Higher Education. The Boston College Center for International Higher Education. 2003. No. 33. P. 2–3. URL: http://www.bc.edu/content/dam/files/research_sites/cihe/pdf/IHEpdfs/ihe33.pdf (дата обращения: 6.03.2014).
3. Knight J., de Wit H. Strategies for internationalisation of higher education: historical and conceptual perspectives. 1995. 32 p.
4. Education at a Glance 2013: OECD Indicators. 440 p. URL: [http://www.oecd.org/edu/eag2013%20\(eng\)--FINAL%2020%20June%202013.pdf](http://www.oecd.org/edu/eag2013%20(eng)--FINAL%2020%20June%202013.pdf) (дата обращения: 30.03.2014).
5. Number of foreign students in tertiary education, by country of origin and destination (2011), and market shares in international education (2000, 2011). URL: <http://dx.doi.org/10.1787/888932850851> (дата обращения: 6.03.2014).
6. The Bologna Process 2020 – The European Higher Education Area in the new decade, Communiqué of the Conference of European Ministers Responsible for Higher Education, Leuven and Louvain-la-Neuve. 28–29 April 2009. 6 p. URL: http://www.ehea.info/Uploads/Declarations/Leuven_Louvain-la-Neuve_Communique%20C3%A9_April_2009.pdf (дата обращения: 26.03.2014).
7. 2009 World Conference on Higher Education: The New Dynamics of Higher Education and Research For Societal Change and Development (UNESCO, Paris, 5–8 July 2009). 10 p. URL: http://www.unesco.org/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/ED/ED/pdf/WCHE_2009/FINAL%20COMMUNIQUE%20WCHE%202009.pdf (дата обращения: 6.03.2014).
8. Федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 URL: <http://old.mon.gov.ru/dok/prav/obr/8311/> (дата обращения: 06.05.2014).
9. Скрипко Л.Е. Внедрение инновационных методов обучения: перспективные возможности или непреодолимые проблемы? // Менеджмент качества. 2012. № 1. С. 76–84.
10. Гриценко С.Н. Формирование познавательного интереса студентов инженерных специальностей на основе интерактивных геоинформационных технологий // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 380. С. 161–165.
11. Вехтер Е.В. Теоретико-методологические аспекты проблемы формирования проектно-конструкторских компетенций у студентов технического профиля // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 169.
12. Мартынов Д.В., Смольникова И.А. Многоцелевое использование электронных презентаций и требования к ним // 15-я Международная конференция-выставка «Применение новых педагогических технологий». М. : Триумф, 2004. С. 164–166.
13. Damodharan V.S., Rengarajan V. Innovative Methods of Teaching. 16 p. URL: http://math.arizona.edu/~atp-mena/conference/proceedings/Damodharan_Innovative_Methods.pdf (дата обращения: 6.04.2014).
14. Education at a Glance 2012: OECD Indicators. 570 p. URL: http://www.oecd.org/edu/EAG%202012_e-book_EN_200912.pdf (дата обращения: 6.04.2014).

15. Grosu M.R. The Role of Innovative Teaching and Learning Methods in Legal Education. 4 p. URL: http://conference.pixel-online.net/edu_future/common/download/Paper_pdf/ITL34-Grosu.pdf
16. Philip G. Altbach, Liz Reisberg, Laura E. Rumbley, Trends in Global Higher Education: Tracking an Academic Revolution, A Report Prepared for the UNESCO 2009 World Conference on Higher Education. 278 p. URL: <http://www.uis.unesco.org/Library/Documents/trends-global-higher-education-2009-world-conference-en.pdf>
17. Sachou M.-E. Innovative methods of teaching. 3 p. URL: http://conference.pixel-online.net/foe2013/common/download/Paper_pdf/083-ITL13-FP-Sachou-FOE2013.pdf
18. Zha Qiang. Internalization of Higher Education: towards a conceptual framework // Policy Futures in Education. 2003. Vol. 1, No. 2. P. 248–270.
19. The Bologna Process in Higher Education in Europe: Key indicators on the social dimension and mobility. 2009. 259 p. URL: <http://www.uis.unesco.org/Education/Documents/KS-78-09-653-EN.pdf>
20. Официальный сайт UNESCO Institute for Statistics. URL: <http://www.uis.unesco.org/Pages/default.aspx> (дата обращения: 6.04.2014).

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 22 октября 2014 г.

INNOVATIVE TEACHING METHODS IN THE CONTEXT OF INTERNATIONALIZATION OF EDUCATION

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 167–174. DOI 10.17223/15617793/392/28

Zinchenko Anna V., Leontyeva Elena G. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ann26.90@mail.ru; leoeg@mail.ru

Keywords: internationalization of education; academic mobility; innovative teaching methods; international students.

This article presents the results of a research conducted on the basis of the groups of foreign students studying for a Master Degree in Management at Tomsk State University, Tomsk Polytechnic University and the University of the Balearic Islands (Spain). The University of the Balearic Islands has been selected as a testing site for the research because of the fact that one of the authors was studying in the study group. In the theoretical part the authors discuss the concept "internationalization of education" by the example of the research results of J. Knight and Hans de Wit, who define internationalization as the process of introducing an international dimension into the research, educational and administrative functions of higher education. The peculiarity of this definition is the authors' emphasis on the inextricable connection of all higher education functions in the internationalization process and complex influence of the internationalization process on these functions. The authors noted that one of the undoubted advantages of education internationalization is the increasing accessibility of the higher education, expansion and strengthening of international cooperation, intensification of academic and student mobility. The UNESCO data used in this article confirm the active phase of the internationalization process at the present stage of development of the global society. Along with such traditional leaders of the international educational services market as universities of the United States of America (16.5 %), the UK (13 %), Germany (6.3 %), France (6.2 %), Australia (6.1 %) and Canada (4.7 %), during the last decade there are new active members including universities of the Russian Federation (4 %), Japan (3.5 %), and Spain (2.5 %). Internationalization of higher education leads to the fact that the problem of the students preparing for their professional activities at the international intellectual labor market acquires a special significance; that is why the teaching methods used in the educational process, including the work with foreign students, also become significant. The authors conducted a survey of foreign Master students in order to identify how often the innovative teaching methods are used in the educational process and how they contribute to education quality improving. Among the foreign students studying in Russia, there were the representatives of China, Kazakhstan, Tajikistan and Ukraine. Foreign students of the Spanish university were from Russia, Kazakhstan, Tajikistan, Turkmenistan, China, Hungary, France and Nigeria. All the respondents completed their Master's Degrees in 2014. The questionnaire consisting of 12 questions with the proposed answers was anonymous. According to the research results, the active use of innovative teaching methods such as case-study, problem- and project learning, interactive lectures, round tables, discussions and others enables to develop both professional and common cultural competence. The majority of the students of Russia and Spain note the effectiveness of interactive teaching methods that shows in the ability of independent decision making, creative task solving, presenting of the work results both in the native and foreign language. The effectiveness of the innovative teaching methods is achieved not only due to the more complete re-creation of the real conditions of the professional activity, but also due to the more complete student inclusion into the learning process.

REFERENCES

1. Leont'eva E.G. *Internatsionalizatsiya universitetskogo obrazovaniya: sotsial'no-filosofskiy analiz*: dis. kand. filos. nauk [The internationalization of university education: social-philosophical analysis. Philosophy Cand. Diss.]. Tomsk, 2002. 169 p.
2. Knight J. Updating the Definition of Internationalization. *International Higher Education*, 2003, no. 33, pp. 2–3. Available from: http://www.bc.edu/content/dam/files/research_sites/cihe/pdf/IHEpdfs/ihe33.pdf. (Accessed: 6th March 2014).
3. Knight J., De Wit H. *Strategies for internationalisation of higher education: historical and conceptual perspectives*. In: De Wit H. (ed.) *Strategies for internationalisation of higher education: a comparative study of Australia, Canada, Europe and the United States of America*. European Association for International Education, 1995.
4. *Education at a Glance 2013: OECD Indicators*. 440 p. Available from: [http://www.oecd.org/edu/eag2013%20\(eng\)--FINAL%2020%20June%202013.pdf](http://www.oecd.org/edu/eag2013%20(eng)--FINAL%2020%20June%202013.pdf). (Accessed: 30th March 2014).
5. OECD. Number of foreign students in tertiary education, by country of origin and destination (2011), and market shares in international education (2000, 2011). Available from: <http://dx.doi.org/10.1787/888932850851>. (Accessed: 6th March 2014).
6. The Bologna Process 2020. The European Higher Education Area in the new decade, Communiqué of the Conference of European Ministers Responsible for Higher Education, Leuven and Louvain-la-Neuve. 28–29 April 2009. 6 p. Available from: http://www.ehea.info/Uploads/Declarations/Leuven_Louvain-la-Neuve_Communique%C3%A9_April_2009.pdf. (Accessed: 26th March 2014).
7. 2009 World Conference on Higher Education: The New Dynamics of Higher Education and Research For Societal Change and Development (UNESCO, Paris, 5–8 July 2009). 10 p. Available from: http://www.unesco.org/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/ED/ED/pdf/WCHE_2009/FINAL%20COMMUNIQUE%20WCHE%202009.pdf. (Accessed: 6th March 2014).

8. *Federal'naya tselevaya programma razvitiya obrazovaniya na 2011–2015* [The federal target program of education development for 2011-2015]. Available from: <http://old.mon.gov.ru/dok/prav/obr/8311/>. (Accessed: 06th May 2014).
9. Skripko L.E. Vnedrenie innovatsionnykh metodov obucheniya: perspektivnye vozmozhnosti ili nepreodolimyie problemy? [Introduction of innovative teaching methods: promising opportunities or insurmountable problems?]. *Menedzhment kachestva*, 2012, no. 1, pp. 76–84.
10. Grishchenko S.N. Formation of cognitive interest in engineering students through interactive GIS technologies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 380, pp. 161–165. (In Russian).
11. Vekhter E.V. Theoretical and methodological aspects of formation of project and design competences of engineering students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 354, pp. 169. (In Russian).
12. Martynov D.V., Smol'nikova I.A. [Multiple use of electronic presentations and their requirements]. *15-ya Mezhdunarodnaya konferentsiya-vystavka "Primenenie novykh pedagogicheskikh tekhnologiy"* [15th International Conference and Exhibition "The use of new educational technologies"]. Moscow: Troitsk, 2004, pp. 164–166. (In Russian).
13. Damodharan V.S., Rengarajan V. Innovative Methods of Teaching. Available from: http://math.arizona.edu/~atp-mena/conference/proceedings/Damodharan_Innovative_Methods.pdf. (Accessed: 6th April 2014).
14. Education at a Glance 2012: OECD Indicators. 570 p. Available from: http://www.oecd.org/edu/EAG%202012_e-book_EN_200912.pdf. (Accessed: 6th April 2014).
15. Grosu M.R. The Role of Innovative Teaching and Learning Methods in Legal Education. Available from: http://conference.pixel-online.net/edu_future/common/download/Paper_pdf/ITL34-Grosu.pdf.
16. Altbach Ph.G., Reisberg L, Rumbley L.E. *Trends in Global Higher Education: Tracking an Academic Revolution*, A Report Prepared for the UNESCO 2009 World Conference on Higher Education. 278 p. Available from: <http://www.uis.unesco.org/Library/Documents/trends-global-higher-education-2009-world-conference-en.pdf>.
17. Sachou M.-E. *Innovative methods of teaching*. Available from: http://conference.pixel-online.net/foe2013/common/download/Paper_pdf/083-ITL13-FP-Sachou-FOE2013.pdf
18. Zha Qiang. Internalization of Higher Education: towards a conceptual framework. *Policy Futures in Education*, 2003, vol. 1, no. 2, pp. 248–270. DOI: 10.2304/pfie.2003.1.2.5
19. *The Bologna Process in Higher Education in Europe: Key indicators on the social dimension and mobility*. 2009. 259 p. Available from: <http://www.uis.unesco.org/Education/Documents/KS-78-09-653-EN.pdf>.
20. The official site of UNESCO Institute for Statistics. Available from: <http://www.uis.unesco.org/Pages/default.aspx>. (Accessed: 6th April 2014).

Received: 22 October 2014

ДВИГАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Программа по физическому воспитанию в вузе не в состоянии полностью устранить отрицательные последствия гипокинезии студентов, поскольку занимает небольшой процент времени. Занятия в рамках учебного времени не должны быть единственным способом реализации потребности в движении. Увеличение объема двигательной активности в режиме дня, учебы и отдыха должно стать для них жизненной необходимостью, способной формировать в их сознании стремление к физическому совершенству и здоровому образу жизни.

Ключевые слова: студенты; физическое воспитание; физическая культура; анкетирование; двигательная активность; гипокинезия; здоровье.

В современном мире молодежь является не только объектом воспитания, образования и социализации, но и основным потенциалом инновационного экономического развития общества [1]. Поэтому в данном контексте студенческая молодежь заслуживает особого внимания. Во-первых, студенты представляют не только потенциал трудовых ресурсов общества, но и его высококвалифицированный компонент, в значительной мере управленческий. Во-вторых, молодежь является популяционным ресурсом, плохое состояние здоровья которого отрицательно отразится на последующих поколениях [2].

Ретроспективный анализ исследований состояния здоровья студентов, представленный И.В. Журавлевой с соавторами в монографии «Здоровье студентов: социологический анализ» (2012), свидетельствует о неуклонном его ухудшении. Показано, что снижение уровня здоровья студентов от младших курсов к старшим происходит за счет увеличения числа лиц с хроническими заболеваниями [3]. По данным А.Н. Приходько (2011), большая часть студентов (около 70%) страдает функциональными и соматическими болезнями. За годы обучения в вузе число здоровых студентов уменьшается на 25,9%, а хронически больных увеличивается на 20% [4]. Авторами отмечено, что неблагоприятные тенденции в состоянии здоровья студентов связаны с дефицитом ночного сна, чрезмерной продолжительностью самоподготовки, низким уровнем двигательной активности (гипокинезией), нарушениями режима питания [2–5]. Стоит отметить, что снижение двигательной активности занимает одну из лидирующих позиций в причинно-следственной цепочке факторов, приводящих к росту заболеваемости, значительному снижению показателей здоровья, диагностируемых у абитуриентов и студентов вузов [6].

В связи актуальностью вышеуказанной проблемы целью нашего исследования явилось изучение особенностей двигательной активности студентов Томского государственного университета. В социологическом исследовании участвовали студенты (N = 300, 17–20 лет) гуманитарных, физико-технических и математических факультетов университета. Респондентам была предложена анкета, содержащая вопросы, касающиеся повседневной двигательной активности и отношения к ней. Для получения дополнительной информации был проведен анализ распределения студентов по группам здоровья и пр. Статистическая обработка результатов была проведена с помощью про-

граммы STATISTICA 8.0 и включала сравнительный анализ долей качественных данных с использованием критерия χ^2 . За статистически значимое различие принимали $p \leq 0,05$.

Под термином «двигательная активность» понимается сочетание разнообразных двигательных действий, выполняемых в повседневной жизни на организованных и самостоятельных занятиях физическими упражнениями и спортом. Важным является определение «оптимального» уровня двигательной активности, который компенсировал бы затраты энергии и способствовал дальнейшему совершенствованию личности [7]. В рекомендациях Всесоюзного научно-исследовательского института физической культуры (1983) отмечают необходимость в 10–14 ч в неделю двигательной активности для студентов. По мнению Н.М. Амосова (1985), недельная нагрузка должна быть большей – 16–18 ч. В работах М.Т. Кобзы (2002) рекомендована нагрузка 6–8 ч в неделю, что в 2 раза меньше норм 1983–1985 гг. В 2010 г. были опубликованы рекомендации по физической активности Всемирной организации здравоохранения – от 2,5–5 ч в неделю (причем не менее 150 мин должны занимать занятия аэробикой средней интенсивности) [8]. В докладе рабочей группы Совета при Президенте РФ по развитию физической культуры и спорта (март 2014 г.) отмечено, что объем недельной двигательной активности для студентов должен быть не менее 11 ч [9]. В связи с представленными рекомендациями становится очевидным, что программа по физическому воспитанию в вузе не может полностью компенсировать потребность в движении. Согласно образовательному стандарту на дисциплину «Физическая культура» отведено 68 ч в семестр, что составляет 4 ч в неделю, или 1/3 «оптимального» уровня двигательной активности. Важно отметить, что занятия по физической культуре в рамках учебного времени не должны быть для студентов единственным способом реализации потребности в движении.

К занятиям физической культурой в Томском государственном университете ежегодно приступает более 3,5 тыс. студентов 1–3-х курсов (из них около 0,1% не приступает к занятиям за учебный год по различным причинам). Перед началом учебно-тренировочных занятий проходит распределение студентов по группам здоровья – основная и специальная медицинские группы, а с 2010 г. и группа лечебной физической культуры. В 2014/15 уч. г. 70% студентов были

отнесены к основной медицинской группе, 9% – к специальной и 21% – к группе лечебной физической культуры (в 2012/13 уч. г. – 74, 18 и 8% соответственно), полностью освобожденными от занятий ежегодно признаются около 0,07%. При сравнении с аналогичным распределением трехлетней давности стоит отметить уменьшение числа студентов основной медицинской группы на 4%, в 2 раза снизилось количество студентов специальной медицинской группы ($p \leq 0,05$) при увеличении практически в 4 раза группы лечебной физической культуры ($p \leq 0,05$).

Таким образом, ежегодно у трети студентов выявляют различные отклонения в состоянии здоровья, являющиеся основанием для отнесения их в специальную медицинскую группу и группу лечебной физической культуры (в 1996 г. такие отклонения были зарегистрированы только у 1/5 студентов).

Процесс физического воспитания для студентов основной медицинской группы осуществляется на основе традиционного подхода (общая физическая

подготовка) и с использованием технологий личностно-ориентированного содержания избранных видов физкультурно-спортивной деятельности (аэробика, баскетбол, бодибилдинг, волейбол, каратэ, лыжные гонки, плавание, футбол, фитнес, шахматы). Преимущества использования педагогических технологий личностно-ориентированной направленности в процессе физического воспитания студентов убедительно показаны в работах В.Г. Шилько [10–12]. В 2014/15 уч. г. 20% студентов, отнесенных к основной медицинской группе, посещают занятия по общей физической подготовке, большинство распределены по группам избранных видов физкультурно-спортивной деятельности. Традиционно популярными среди женщин остаются занятия аэробикой (37%) и фитнесом (26%), среди мужчин – бодибилдингом (32%). Сравнение показателей за последние десять лет свидетельствует о незначительном изменении процентного соотношения в пределах $\pm 5\%$ ($p \leq 0,05$).

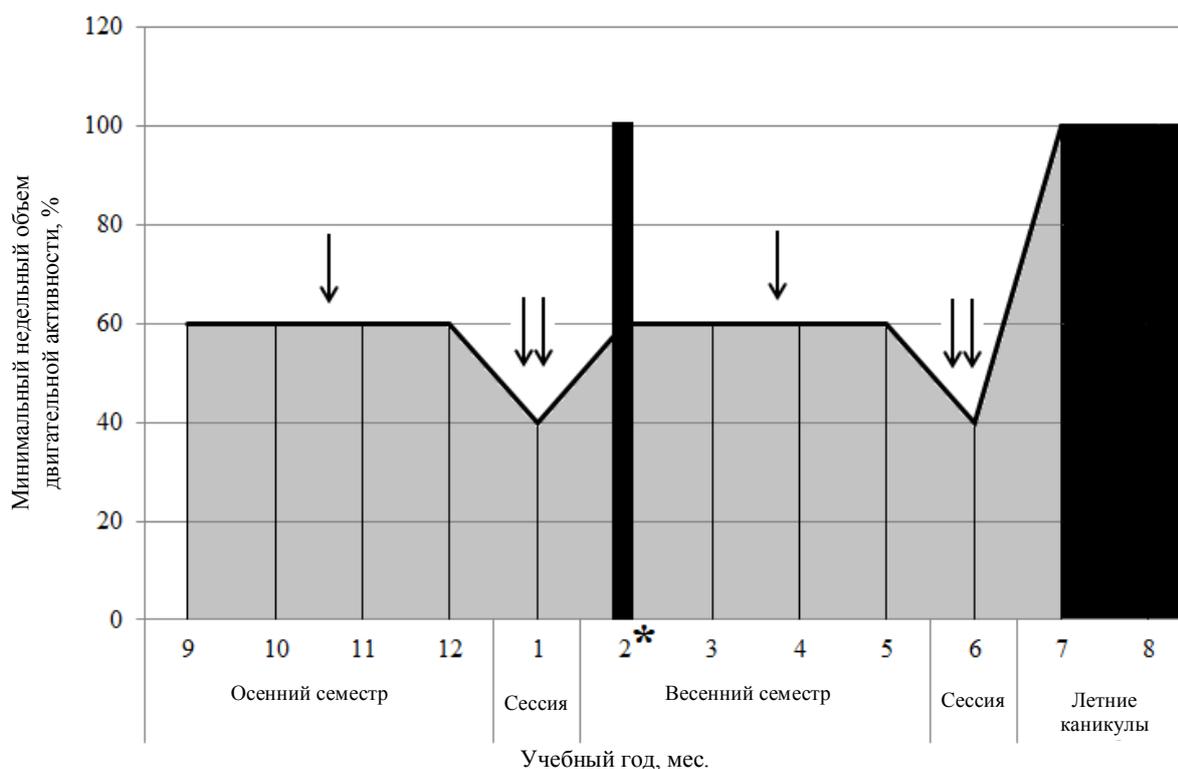

Рис. 1. Изменение объема недельной двигательной активности студентов в течение учебного года (по результатам собственных исследований): * – 2 недели зимних каникул; ↓ – снижение объема до 60% от минимального объема; ↓↓ – снижение до 40% от минимального объема

На уровень двигательной активности влияет как образовательный процесс, так и индивидуальное отношение студентов [13]. Около 45% первокурсников ранее занимались спортом и 16% из них имеют спортивные разряды. Практически все респонденты отмечают положительное отношение к занятиям физической культурой в вузе, а 38% дополнительно посещают занятия в спортивных центрах. Практически все опрошенные мужчины и 62% женщин предпочитают активный отдых, но, к сожалению, они отмечают дефицит свободного времени. До 50% респондентов еже-

дневно бывает на свежем воздухе 1,5–2 ч и лишь 10% – более 2 ч (гигиеническая норма 2 ч в день), «менее 30 минут в день» отметили 10% студентов.

Результаты анкетирования свидетельствуют о том, что примерно у 1/3 студентов обоюбого пола недельная двигательная активность выше минимально необходимого уровня (около 10 ч в неделю). Эти данные можно соотнести с результатами, полученными С.М. Фуорным (2013): недельный, минимально необходимый объем специально организованной двигательной активности (8–10 ч в неделю), соблюдают только 32,39% деву-

шек и 38,46% юношей [14]. Уровень двигательной активности претерпевает определенные изменения в течение учебного года (рис. 1). Из рисунка видно, что на протяжении большей части учебного года (около 10 мес.) отмечается недостаточный уровень двигательной активности (дефицит 40–60%). Двигательная активность во время каникул соответствует минимальному уровню или его превышает. В течение учебных семестров, а тем более в период экзаменационных сессий, отмечается снижение двигательной активности.

Программа по физическому воспитанию в вузе не в состоянии полностью устранить отрицательные последствия гипокинезии студентов, поскольку у большинства обучающихся занятия по физическому воспитанию занимают лишь небольшой процент времени. Увеличение объема двигательной активности в режиме дня, учебы и отдыха должно стать для них жизненной необходимостью, способной формировать в их сознании стремление к физическому совершенству и здоровому образу жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Симаков А.В. Трудовой потенциал молодежи // Проблемы развития территории. 2012. № 2 (58). С. 55–61.
2. Сюпова М.С., Халикова С.С. Здоровье студентов как фактор сохранения трудового потенциала региона // Ученые заметки ТОГУ. 2013. Т. 4, № 4. С. 204–209.
3. *Здоровье студентов: социологический анализ* / отв. ред. И.В. Журавлева; Институт социологии РАН. М., 2012. 252 с.
4. Залевский Г.В., Кузьмина Ю.В. Психология здоровья студенческой молодежи. Томск : Том. гос. ун-т, 2012. 144 с.
5. Васенков Н.В., Фазлеева Е.В. Гипокинезия как одна из причин ухудшения здоровья студентов // Вестник НЦБЖД. 2013. № 1 (15). С. 50–54.
6. Ильиных И.С., Надюк Н.В. Здоровье и физическое здоровье студентов в вузе // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Физическая культура и здоровье студентов вузов» (31 марта 2008 г.). СПб. : Изд-во СПбГУП, 2008. С. 49.
7. Ильинич В. И. Физическая культура студентов и жизнь. М. : Гардарики, 2007. 366 с.
8. *Global recommendations on physical activity for health*. World Health Organization, 2010. 60 p.
9. Доклад о развитии массового спорта и физического воспитания населения (март 2014 г.). 2014. 182 с.
10. Шилько В.Г. Личностно-ориентированный подход в физическом воспитании студентов // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 283. С. 205–210.
11. Радаева С.В., Шилько В.Г. Учебная и внеучебная формы физического воспитания студентов с использованием спортивно-ориентированных технологий // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300-3. С. 75–77.
12. Гусева Н.Л., Шилько В.Г. Оптимизация двигательной активности студентов на основе интеграции учебной и внеучебной деятельности // Теория и практика физической культуры. 2008. № 10. С. 26–28.
13. Третьяков А.А., Дрогомерецкий В.В., Агошков В.В. Анализ взаимосвязи уровня соматического здоровья студентов с двигательной активностью // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 279.
14. Футорный С.М. Проблема дефицита двигательной активности студенческой молодежи // Физическое воспитание студентов. 2013. № 3. С. 75–79.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 01 декабря 2014 г.

STUDENTS' PHYSICAL ACTIVITY

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 175–178. DOI 10.17223/15617793/392/29

Kabachkova Anastasiya V., Fomchenko Victoriia V., Frolova Yulia S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: avkabachkova@gmail.com; fomchenko_viktoriya@sibmail.com; julia.s.frolova@gmail.com

Keywords: students; physical education; questionnaires; physical activity; hypokinesia; health.

Decreased physical activity is a factor of students' morbidity growth. The term "physical activity" refers to the combination of a variety of motor actions performed in everyday life in organized and individual physical exercises and sports. It is important to determine the "optimal" level of motor activity that would compensate energy costs and contribute to further improvement of the individual. According to the latest data, the weekly motor activity for students must be at least 11 hours. Obviously, physical education classes at the university cannot fully compensate for the need to move. The educational standard gives Physical Education 68 hours per semester, which is 4 hours per week, or a third of the "optimal" level of physical activity. Thus, PE classes should not be the only way for students to satisfy their need for movement. The level of motor activity depends both on the educational process and on individual students' attitudes. About 45 % of first-year students were previously involved in sports and 16 % of them have sports categories. Virtually all respondents report a positive attitude to physical training in higher school, and 38 % attend extra classes in sports centers. Almost all of the men and 62 % of women prefer active rest, but, unfortunately, they have little free time. Up to 50 % of the respondents visit the open air for 1.5–2 hours daily; and only 10 % for more than 2 hours (hygiene standard is 2 hours a day), 10 % of the students reported "less than 30 minutes a day". The results of the survey show that about 1/3 of the students of both sexes have weekly physical activity above the minimum level (about 10 hours per week). These data can be correlated with the results obtained by S.M. Futornyy (2013): only 32.39 % of girls and 38.46 % boys have the minimum weekly volume of specially organized motor activity (8–10 hours per week). The level of motor activity undergoes certain changes during the school year. For most of the school year (about 10 months) students have insufficient motor activity (40–60 % deficit). Motor activity during the holidays is at the minimum level or exceeds it. During the semesters and the examination sessions, there is a decrease in motor activity. The program of physical education in higher school is not able to completely eliminate the negative effects of students' hypokinesia because most students spend little time at PE classes. The increase in motor activity during the day, study and recreation should be a vital need able to form the desire for physical perfection and healthy lifestyle in their minds.

REFERENCES

1. Simakov A.V. Youth labour potential. *Problemy razvitiya territorii – Problems of Territory's Development*, 2012, no. 2 (58), pp. 55–61. (In Russian).

2. Syupova M.S., Khalikova S.S. Zdorov'e studentov kak faktor sokhraneniya trudovogo potentsiala regiona [Health of students as a factor in maintaining labor potential of a region]. *Uchenye zametki TOGU*, 2013, vol. 4, no. 4, pp. 204–209.
3. Zhuravleva I.V. *Zdorov'e studentov: sotsiologicheskyy analiz* [Health of students: a sociological analysis]. Moscow: Institute of Sociology RAS Publ., 2012. 252 p.
4. Zalevskiy G.V., Kuz'mina Yu.V. *Psikhologiya zdorov'ya studencheskoy molodezhi* [Health psychology of students]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2012. 144 p.
5. Vasenkov N.V., Fazleeva E.V. Gipokineziya kak odna iz prichin ukhudsheniya zdorov'ya studentov [Hypokinesia as one of the causes of poor health of students]. *Vestnik NtsBZhD*, 2013, no. 1 (15), pp. 50–54.
6. Il'nykh I.S., Nadyuk N.V. [Health and physical health of students in higher school]. *Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: "Fizicheskaya kul'tura i zdorov'e studentov vuzov" (31 marta 2008 g.)* [Proceedings of the IV International scientific and practical conference "Physical education and health of university students" (31 March 2008)]. St. Petersburg: SpbGUP Publ., 2008, p. 49.
7. Il'nich V.I. *Fizicheskaya kul'tura studentov i zhizn'* [Physical culture of students and life]. Moscow: Gardariki Publ., 2007. 366 p.
8. *Global recommendations on physical activity for health*. World Health Organization, 2010. 60 p.
9. *Doklad o razvitiy massovogo sporta i fizicheskogo vospitaniya naseleniya (mart 2014 g.)* [Report on the development of mass sports and physical education of the population (March 2014)]. 2014. 182 p.
10. Shil'ko V.G. Lichnostno-orientirovanny podkhod v fizicheskom vospitanii studentov [Student-centered approach to the physical education of students]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2004, no. 283, pp. 205–210.
11. Radaeva S.V., Shil'ko V.G. Uchebnaya i vneuchebnaya formy fizicheskogo vospitaniya studentov s ispol'zovaniem sportivno-orientirovannykh tekhnologiy [Educational and extracurricular forms of physical education of students with sports-oriented technologies]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2007, no. 300-3, pp. 75–77.
12. Guseva N.L., Shil'ko V.G. Optimizatsiya dvigatel'noy aktivnosti studentov na osnove integratsii uchebnoy i vneuchebnoy deyatel'nosti [Optimization of the motor activity of students through the integration of academic and extracurricular activities]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*, 2008, no. 10, pp. 26–28.
13. Tret'yakov A.A., Drogomeretskiy V.V., Agoshkov V.V. Analiz vzaimosvyazi urovnya somaticheskogo zdorov'ya studentov s dvigatel'noy aktivnost'yu [Analysis of the relationship of somatic health of students with physical activity]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*, 2014, no. 3, p. 279.
14. Futornyy S.M. Problema defitsita dvigatel'noy aktivnosti studencheskoy molodezhi [The problem of shortage of students' motor activity]. *Fizicheskoe vospitanie studentov – Physical Education of Students*, 2013, no. 3, pp. 75–79.

Received: 01 December 2014

ПАРТНЕРСТВО В БИЗНЕСЕ: МИРОВОЙ ОПЫТ И РОССИЙСКИЙ ПАРАДОКС

Описывается идеология партнерского соглашения как форма организации эффективного дискурса между партнерами и инструмент достижения общих целей в бизнесе. Дается анализ различий мировой практики партнерства и специфики его российской модели. Авторы описывают парадоксы применения партнерского соглашения в нашей стране и основные проблемы, возникающие при заключении партнерских соглашений в РФ.

Ключевые слова: партнерское соглашение; совместные цели в бизнесе; эффективное взаимодействие между партнерами.

Понятие «партнерское соглашение» было введено в обиход конфликтологами, которые занимались проблемами взаимоотношений в командах менеджеров, методами организации эффективного дискурса между собственниками и управленцами, особенностями построения семейного бизнеса [1–4]. Основное количество публикаций, относящихся к данной проблеме, носит до сих пор практико-ориентированный характер и описывает частный конкретный опыт точечных решений бизнес-проблем. Они чаще всего не имеют ни обобщающей методологии, ни консультационной (переговорно-посреднической) технологии, ни валидированного инструментария.

Первые научные публикации на эту тему относятся к 2004 г. и связаны с именем Дэвида Гейджа и его книгой «Партнерское соглашение: как построить совместный бизнес на надежной основе» [1]. В ней приводится развернутое описание методики заключения партнерских соглашений как способа создания и поддержания успешных деловых и профессиональных взаимоотношений. В качестве базы для заключения партнерского соглашения рассматривается общность (или хотя бы принципиальная совместимость) целей в бизнесе и взаимное доверие партнеров друг к другу.

Согласно Д. Гейджу, партнерское соглашение является документом, который подписывают все партнеры, оно не имеет юридической силы в суде, но авторы партнерского соглашения обязуются считать его обязательным для исполнения в своей деятельности. Этот документ имеет определенную структуру, касается деловой жизни партнеров в организации закрытого типа и содержит следующие части: видение и стратегия бизнеса; вопросы собственности (владение, покупка и продажа долей в бизнесе, оценка, распределение дивидендов); полномочия и статус каждого из партнеров; система корпоративного управления (система принятия решений, подотчетность, стандарты качества); индивидуальные цели в бизнесе каждого из партнеров; их сильные и слабые стороны; принципы эффективной совместной деятельности; ожидания партнеров друг от друга; правила поведения в нестандартных ситуациях; способы разрешения конфликтных ситуаций и достижения эффективной коммуникации. Таким образом, партнерское соглашение является способом «страхования» бизнеса за счет создания чувства уверенности партнеров друг в друге на основе предсказуемости их поведения и понятных правил взаимодействия, о которых они договорились [1].

Возникнув в бизнесе, система партнерских соглашений начала распространяться. В настоящий момент в США практически все государственные департаменты и их подразделения рассматривают свою работу как систему партнерских отношений и имеют соответствующие соглашения. Устав любой из подобных организаций пишется на языке партнерского соглашения и имеет соответствующие разделы. Учебные курсы по партнерскому соглашению включены в программы обучения студентов по специальностям, связанным с менеджментом, ведущих университетов (например, Стенфордский университет).

Партнерское соглашение является инструментом в работе многих коучей в Канаде [5]. В основу их работы также положена методика Д. Гейджа, которая позволяет достичь существенного прогресса как в достижении индивидуальных целей собственников, так и в создании возможности эффективной совместной деятельности, базирующейся на рациональных четко обозначенных договоренностях, признаваемых всеми сторонами.

В Европе проблемами заключения партнерских соглашений активно занимаются во Франции, о чем свидетельствуют соответствующие публикации. Европейские исследователи отмечают растущую сложность сетевых взаимоотношений и информационных систем в бизнесе, которые становятся более открытыми и более разнородными, состоящими из многочисленных субъектов и компонентов, которые необходимо объединять для эффективной, надежной и устойчивой совместной работы. В результате возникает очень высокая гибкость и изменчивость числа заинтересованных сторон в бизнесе. Партнерское соглашение является инструментом решения данной проблемы [5].

Партнерские отношения на сегодняшний день не являются пожизненными. Переговорный процесс должен постоянно воспроизводиться, изменение условий требует новых итераций договоренностей. Все это предполагает создание особых условий для обеспечения возможности объединения усилий и достижения совместных результатов. Выдвигаются новые требования к партнерским отношениям, которые должны быть сбалансированными, каждая из сторон должна в результате приобретать дополнительные преимущества, в то же время должен обеспечиваться взаимный контроль за действиями партнеров. В результате возникает подлинное партнерство, которое может принимать самые различные формы, адаптированные к реальностям нашей сегодняшней жизни.

В современных организациях возникает даже новая должность менеджера по связям с потенциальными партнерами, который должен работать в предметных областях, перспективных для разработки совместных проектов. Французские бизнес-консультанты выделяют несколько принципиально разных форм партнерских отношений:

1. Партнерство без принципиальных взаимных обязательств – наиболее простая форма взаимоотношений без взаимных количественных обозначенных целей и обязательств. Этот тип неформального партнерства чаще всего является первым этапом для выстраивания более сложных форм сотрудничества. Он, как правило, предполагает информационный обмен – не предъявляет высоких требований к лояльности партнеров. Партнерское соглашение на данном этапе обычно не заключается.

2. Партнерство для конкретного краткосрочного проекта – предполагает выстраивание формальных отношений. Чаще всего в этом случае один из партнеров занимает лидирующую позицию. Партнерское соглашение в данном случае помогает выстроить сбалансированные и бесприоритетные отношения взаимного уважения и адекватного распределения выгод и рисков между партнерами.

3. Длительные акционерные отношения предполагают серьезную интеграцию партнеров с четким обозначением вкладов каждого в общее дело, однозначным распределением выгод и рисков. Такие взаимоотношения являются эксклюзивными и предполагают соблюдение многих этических правил ведения бизнеса, в частности, это касается взаимоотношений с конкурентами. В данном случае партнерское соглашение является более объемным, оно предполагает разработку полноценного бизнес-плана с детальной проработкой целей совместного бизнеса и целей каждого из партнеров; форм сотрудничества; необходимых ресурсов; бюджета; критериев принятия решения; а также учет индивидуальных личностных особенностей друг друга.

4. Совместное инвестирование – наиболее структурированная форма партнерских отношений. Она требует четкого профессионального поведения всех сторон на основе следующих принципов:

- Прозрачность – точные и количественные обязательства с соответствующими формами проверки и контроля.

- Экспертиза – свидетельствует о взаимном признании сильных сторон каждого партнера, которые, вместе взятые, дают больше, чем сумма индивидуальных действий каждого из партнеров.

- Участие. Партнерство предполагает активность каждого в строгом соответствии со сформулированными общими целями, а также регулярные совместные встречи с целью мониторинга достижения общих целей, их коррекции в случае необходимости и уточнения общей стратегии деятельности.

- Качество – предполагает четкое описание предполагаемых результатов. Соотнесение с ними результатов текущей деятельности обуславливает формирование у партнеров чувства удовлетворенности совместной деятельностью.

- Продолжительность партнерских отношений – предполагает осознание необходимости постоянного развития бизнеса в целом и каждого из партнеров, неизбежных структурных изменений, что делает партнерские отношения более продуктивными.

Соблюдение данных принципов позволяет выстроить партнерские отношения, характеризующиеся сбалансированностью, высокой степенью доверия друг другу, четким распределением сфер деятельности каждого, бесприоритетностью и уникальностью [5].

В России о проблемах и необходимости заключения партнерского соглашения начали говорить в последние 2–3 года. В подавляющем большинстве случаев эти попытки сводились к созданию юридических документов (что не характерно для мирового опыта). В поисковых русскоязычных интернет-системах на ключевые слова «партнерство», «партнерство в бизнесе» и т.п. абсолютно господствуют ссылки на юридические тексты о том, как застраховаться от партнера либо избавиться от него. Просмотрев тысячи ссылок, мы не обнаружили информации о том, как договориться с партнером или сделать отношения более эффективными [6, 7].

Во всех случаях в данных партнерских соглашениях не рассматриваются вопросы этики, коммуникаций между партнерами, целей и смыслов деятельности, распределения ролей в бизнесе и т.д. Чаще всего такие соглашения выстраиваются на основе первоначального и устойчивого недоверия друг к другу, постоянного ожидания подвоха и глубочайшего неверия в возможность выстраивания взаимовыгодных партнерских отношений [8]. От соглашения в первую очередь ожидается четкое оговаривание карательных санкций по отношению к партнерам в случае нарушения взаимных обязательств и обеспечение гарантии выполнения этих жестких мер.

Поэтому в редких случаях разговоров о возможном заключении партнерского соглашения в качестве посредников приглашаются не бизнес-консультанты и организационные психологи, а адвокаты, т.е. у всех участников переговоров имеется четкая внутренняя установка, что выстроить продуктивные позитивные отношения друг с другом нереально и партнерское соглашение будет еще одной попыткой обеспечения взаимоконтроля в атмосфере недоверия и подозрительности.

Наше внимание к проблеме партнерства привлекло то обстоятельство, что в тех компаниях, где собственников больше, чем один, проблема их взаимопонимания и взаимодействия со временем неизбежно становится корневой проблемой организации, ограничителем эффективности деятельности, роста и развития бизнеса. Симптомы этой проблемы весьма серьезны: в компании нет общего видения будущего, стратегических целей и стратегического управления как такового, налицо отсутствие устойчивой организационной структуры и четкого разграничения полномочий и ответственности. Как следствие – нет управленческой команды, системы и функциональных политик: маркетинга, производства, управления персоналом и т.д. В результате основные силы управленческого персонала тратятся на угадывание сиюми-

нутной политической ситуации, конфликты и борьбу с валом внутренних проблем, воспроизводящихся в условиях дефицита системности и организационного порядка.

Нам могут возразить, что перечисленные симптомы характерны для большинства «новых» отечественных предприятий, т.е. возникших в относительно недолгое еще «рыночное» время. И что они описаны как проявления так называемой «ловушки основателя» [9], в которой, по мнению многих отечественных консультантов и исследователей [10], находится огромное число предприятий малого и среднего бизнеса. Действительно, определенная сложность заключается в том, чтобы выделить влияние синдрома «ловушки основателя» и неэффективного партнерства компании. К тому же в таких ситуациях закономерно возникал запрос от собственников на консультационную помощь в решении этой корневой проблемы неэффективного партнерства. Так у нас начал формироваться опыт разработки партнерского соглашения, который оказался отличным от одноименной зарубежной практики.

Парадокс партнерства в России, на наш взгляд, заключается в следующем.

С одной стороны, *потенциально партнерство нескольких лидеров в управлении организацией является весьма выгодным за счет ряда синергетических эффектов*. Очевидна выгода от объединения капиталов и компетенций партнеров (талантов, знаний, умений, полезных связей и т.д.). Кроме того, по мнению Ицхака Адизеса, источником синергии является эффект комплиментарной команды, создаваемой партнерством людей с разными стилями поведения, выполняющими четыре разные роли в команде: предприниматель, производитель, администратор и интегратор. По мнению этого автора, идеальных руководителей не существует. Природа людей такова, что в эффективном управленце наиболее развит один, реже два из названных выше стилей, хотя обычно присутствуют и остальные стили поведения [11]. Соответственно, для комплиментарной команды нужны носители всех четырех стилей, взаимно дополняющие друг друга, т.е. 2–4 партнера.

К сходным выводам на основании своего успешного опыта консультирования стратегических изменений в компаниях пришел Э. Фламгольц, выдвинув концепцию «молекулы лидерства». Суть концепции в том, что необходимым условием быстрого роста бизнеса является группа из 3–4 руководителей, которые выполняют такие ключевые функции, как разработка видения, управление культурой, создание систем и управление текущими операциями. Так как один человек крайне редко бывает наделен всеми качествами,

необходимыми для эффективного приведения в действие всех четырех названных выше факторов изменений [12. С. 85–86], то целесообразным является формирование некоего содружества партнеров.

С другой стороны, *партнерство имеет свои слабые стороны, несет в себе потенциальные угрозы*. К ним относятся трудности взаимодействия людей с разными личностными стилями (см. И. Адизес), почти неизбежное со временем расхождение взглядов учредителей организации на развитие бизнеса [13]. Кроме того, для России характерна своя специфика выстраивания отношений партнерства – *дисбаланс* – за счет двух социокультурных феноменов:

1. Традиция патернализма, в которой начальник должен быть один – «отец нации», а взаимодействие часто строится не «по Взрослому», где по модели Э. Берна единственно возможно рациональное партнерство, а сверху вниз – по линии «Родитель – Ребенок», где один из партнеров начинает доминировать, а второй уходит в «детскую» безответственную позицию «Невиноватый я!!!»

2. Национальная традиция недоверия и нежелания строить взаимовыгодные отношения, когда партнер рассматривается как временная составляющая, нестабильная и иррациональная, скорее как угроза. Отсюда главная задача взаимоотношений – защититься или избавиться от партнера, а не договориться с ним.

Перечисленные проблемы характерны не только для совладельцев бизнеса, но и для любых партнеров внутренней и внешней бизнес-среды (собственники – топ-менеджеры, поставщики – клиенты, участники совместных проектов), а также для государственно-частного партнерства.

Таким образом, на наш взгляд, возникает специфическая для России ситуация: с одной стороны, необходимость заключения договоренностей между партнерами, которые бы соблюдались и являлись основой функционирования бизнеса, признается почти всеми. С другой стороны, базовые внутренние установки большинства партнеров по бизнесу основываются на глубоком недоверии друг к другу, нежелании идти на уступки и признавать какие-либо собственные ошибки. В результате процесс заключения партнерских соглашений становится длительным, сопряженным с многократными уточнениями уже достигнутых договоренностей. Наибольшие трудности, на наш взгляд, вызывает согласование целей партнеров (как в бизнесе, так и в жизни в целом). Стратегия и методика заключения партнерского соглашения становится специфической. Этой проблеме и анализу собственного опыта работы с партнерскими соглашениями мы планируем посвятить следующие статьи, основанные на нашем консультационном опыте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гейдж Д.* Партнерское соглашение: как построить совместный бизнес на надежной основе. М. : Альпина Паблишер, 2012. 255 с.
2. *Brecher J.* Partnership charter helps clarify the roles, responsibilities and expectations of each partner. Toronto. October, 31. 2008. URL: <http://www.lawyersweekly.ca/index.php?section=article&articleid=794>
3. *Horowitz S.* How to Make Partnerships Work. URL: http://www.umass.edu/fambiz/articles/successful_succession/partnership_charter.html
4. *Jones L.D.* Howdy Partner: Before Hanging Out a Shingle Together, Advisors Must Make Their Expectations Well-known // Advisor Today. December, 2004. URL: http://www.bmcassociates.com/wp-content/uploads/2011/06/Partnership_charter_brochure_nf.pdf
5. *Osborn J.* Partnerships: the rationale. URL: <http://www.gfi.fr/en/groupe/charte-partenariat.php>
6. *Волосский А.* Партнерское соглашение. 2011. URL: <http://commerzclub.ru/blog/partnerskoe-soglashenie.html>

7. Савельев Ю.А. Как составить партнерское соглашение. URL: http://www.mosadvo.ru/articles/grazhdanskoe_pravo/kak_sostavit_partnerskoe_soglashenie/
8. Петрова В.Н. Изучение процесса управления организацией как компонента корпоративной культуры // Сибирский психологический журнал. 2003. № 18-19. С. 85–91.
9. Адизес И. Как преодолеть кризисы менеджмента. Диагностика и решение управленческих проблем : пер. с англ. СПб. : BestBusinessBooks, 2007, 286 с.
10. Широкова Г.В. Управление изменениями в российских компаниях. 2-е изд. СПб. : Высшая школа менеджмента ; Изд. Дом СПб. гос. ун-та, 2008. 480 с.
11. Адизес И. Идеальный руководитель: почему им нельзя стать и что из этого следует : пер. с англ. М. : Альпина Бизнес Букс, 2007. 262 с.
12. Фламгольц Э., Рэнделл И. Управление стратегическими изменениями: от теории к практике. М. : Эксмо, 2012. 320 с.
13. Иванов М.А., Шустерман Д.М. Организация как ваш инструмент. Российский менталитет и практика бизнеса. М. : Альпина паблишер, 2003. 379 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 23 июня 2014 г.

PARTNERSHIP IN BUSINESS: WORLD EXPERIENCE AND RUSSIAN PARADOX

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 179–182. DOI 10.17223/15617793/392/30

Petrova Valeriya N., Blinov Vladimir N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: valerpsy@yahoo.com; blinovvn@bk.ru

Keywords: partnership agreement; joint business objectives; effective interaction between partners.

The article describes partnership agreement as one of the effective discourse organization forms between partners and as joint goal achievement instrument in the article. It also describes the experience of Partnership technology practice in USA, Canada, France and in other European countries. The authors note that the main number of publications in this sphere describe the concrete experience of some business problem solution and have a practical orientation. The analysis of the differences between the world partnership practice and the Russian model specific is made. In Russia most attempts of starting a partnership have the goal to sign an additional legal agreement for creating a sense of security between the partners. The authors followed thousands of links but they never found such themes as "How to reach an agreement with the Partner" or "How to make the relation with the Partner more effective". The unrevised topics are: ethics, communication between Partners, Partners' goals and reasons for activity, separation of functions between partners and so on. The main goals of a Russian Partnership usually are: to mark clearly sanctions in case of mutual obligation violation and to guarantee the implementation of strict measures. The article gives the possible forms of Partnership (agreements in principle without any commitment; sub-contracting for the needs of a specific customer project; reciprocal supply of services, co-investing). Partnership sub-contracting is analyzed in the context of its type. The authors also describe the Russian paradoxes in Partnership practice. The main problems of starting a Partnership are some socio-cultural phenomena (tradition of paternalism and distrust of the partner attitude) and different partners' goals. A brief analysis of the authors' own experience of organizing Partnerships is made. These problems are important not only for business co-owners, but also for any Partners in internal or external business environment (owners – top-management, managers – customers, joint business project participants), as well as in public-private partnerships. As a result, Partnership agreement conclusion becomes longer, with multiple refinement of the existing agreements. As for the authors' opinion, the main difficulty is business and life goal agreement between partners.

REFERENCES

1. Gage D. *Partnerskoe soglashenie: kak postroit' sovместnyy biznes na nadezhnoy osnove* [Partnership agreement: how to build a joint business on a reliable basis]. Moscow: Al'pina Publisher Publ., 2012. 255 p.
2. Brecher J. *Partnership charter helps clarify the roles, responsibilities and expectations of each partner*. Toronto. October 31, 2008. Available from: <http://www.lawyersweekly.ca/index.php?section=article&articleid=794>.
3. Horowitz S. *How to Make Partnerships Work*. Available from: http://www.umass.edu/fambiz/articles/successful_succession/partnership_charter.html.
4. Jones L.D. Howdy Pardner: Before Hanging Out a Shingle Together, Advisors Must Make Their Expectations Well-known. *Advisor Today*, December, 2004. Available from: http://www.bmcassociates.com/wp-content/uploads/2011/06/Partnership_charter_brochure_nf.pdf.
5. Osborn J. *Partnerships: the rationale*. Available from: <http://www.gfi.fr/en/groupe/charte-partenariat.php>.
6. Voloskiy A. *Partnerskoe soglashenie* [A Partnership Agreement]. 2011. Available from: <http://commerclub.ru/blog/partnerskoe-soglashenie.html>.
7. Savel'ev Yu.A. *Kak sostavit' partnerskoe soglashenie* [How to create a partnership agreement]. Available from: http://www.mosadvo.ru/articles/grazhdanskoe_pravo/kak_sostavit_partnerskoe_soglashenie/.
8. Petrova V.N. *Izuchenie protsessy upravleniya organizatsiyey kak komponenta korporativnoy kul'tury* [A study of organization management as a component of corporate culture]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2003, no. 18-19, pp. 85–91.
9. Adizes I. *Kak preodolet' krizisy menedzhmenta. Diagnostika i reshenie upravlencheskikh problem* [How to overcome the crisis in management. Diagnosis and solution of management problems]. Translated from English. St. Petersburg: BestBusinessBooks Publ., 2007, 286 p.
10. Shirokova G.V. *Upravlenie izmeneniyami v rossiyskikh kompaniyakh* [Change management in Russian companies]. 2nd edition. St. Petersburg: Vysshaya shkola menedzhmenta; St. Petersburg State University Publ., 2008. 480 p.
11. Adizes I. *Ideal'nyy rukovoditel': pochemu im nel'zya stat' i chto iz etogo sleduet* [The Ideal Executive: Why You Cannot Be One and What to Do about It]. Translated from English. Moscow: Al'pina Biznes Buks Publ., 2007. 262 p.
12. Flamgolts E., Randall I. *Upravlenie strategicheskimi izmeneniyami: ot teorii k praktike* [Managing Strategic Change: from theory to practice]. Moscow: Eksmo Publ., 2012. 320 p.
13. Ivanov M.A., Shusterman D.M. *Organizatsiya kak vash instrument. Rossiyskiy mentalitet i praktika biznesa* [Organization as your tool. Russian mentality and business practices]. Moscow: Al'pina publisher Publ., 2003. 379 p.

Received: 23 June 2014

МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Задача педагога – научно и грамотно управлять учебной деятельностью студентов. В процессе обучения происходит динамическое моделирование предметного и социального содержания усваиваемой профессиональной деятельности. Разработанная модель «Управление учебной деятельностью студентов в процессе обучения иностранному языку» позволила выявить существенные характеристики процесса управления учебной деятельностью студентов в ходе обучения иностранному языку.

Ключевые слова: модель управления учебной деятельностью; метод моделирования; коммуникативная компетентность; педагогическое взаимодействие; познавательная потребность; мотивация общения.

Важнейшим элементом в структуре процесса обучения является контроль учебной деятельности студентов. От выбора правильной организации контроля и критериев оценки студентов на всех этапах во многом зависит успешность решения задач, стоящих перед высшей школой. М.М. Поташник дает определение понятию «управление»: «Целенаправленная деятельность всех субъектов, обеспечивающая становление, стабилизацию, оптимальное функционирование и обязательное развитие образовательного учреждения» [1. С. 85–109]. Под *управлением учебной деятельностью* мы понимаем систему деятельности преподавателя, направленную на интеллектуальное и личностное развитие студентов, оказание им помощи в их саморазвитии, а также на организацию самостоятельной деятельности студентов, усвоения ими опыта путем анализа, осмысления и преобразования сферы деятельности в образовательном процессе.

Значение учебной деятельности студентов в условиях обучения в вузе возрастает в том смысле, что усиливается значимость ее мотивационного компонента. Особую важность для саморазвития и самообразования студента приобретают самостоятельная постановка студентом цели своей деятельности в вузе, сознательность в отношении осуществления им учебных действий.

В работах М.Г. Евдокимовой, Е.В. Змиевской, В.А. Козакова, О.А. Обдаловой, И.В. Савченко анализируются организационные и методические аспекты самостоятельной работы обучающихся как резерва повышения эффективности учебного процесса. М.Г. Евдокимова в своей работе отмечает, что при развитии обучающегося большое значение приобретает ответственная позиция обучающегося по отношению к результату учебной деятельности. Автор выделяет новое важное условие успешности самостоятельной деятельности – автобиографию обучающегося [2].

В своей статье О.А. Обдалова и Е.М. Шульгина выявили и обосновали одно из важных условий успешности иноязычной учебной деятельности для формирования ИКК, которым выступает самостоятельная учебная деятельность в условиях применения технологии веб-квест (построенная по типу опорная учебная структура, которая использует ссылки на необходимые ресурсы в Мировой Сети и аутентичное задание для мотивации студентов исследовать проблему с неоднозначным решением, а также для развития их способностей к самостоятельной деятельности,

что способствует преобразованию полученной информации в более обдуманное понимание). Ученые пришли к выводу, что для успешной самостоятельной деятельности студента и развития способностей саморегуляции в познавательном процессе важно методически грамотно выстроить стратегию работы с технологией веб-квест при ее интеграции в процесс обучения ИЯ [3. С. 162–167].

Профессиональная направленность способствует формированию у студентов в процессе обучения иностранному языку мотивов осознания нужности знаний для успешного овладения профессией, их необходимости для ориентировки в различных ситуациях профессиональной деятельности, что в свою очередь вызывает у студента потребность в овладении умениями и навыками.

Опытно-экспериментальная работа по искомой теме проходила не беспредметно, а на материале обучения студентов иностранному языку, поэтому одна из особенностей мотивационного обеспечения связана с самим предметом и заключается в коммуникативной направленности (овладение коммуникативной компетенцией) образовательного процесса на занятиях по иностранному языку.

В процессе обучения иностранному языку студенты отделения «международные отношения» исторического факультета приобретают не знания основ наук, а формируют умения и навыки пользоваться чужим языком как средством общения, средством получения новой информации.

Разрешить указанную проблему возможно при умелом управлении педагогическим процессом обучения студентов через учебную деятельность.

Результаты выявления сущности процесса управления учебной деятельностью студентов в ходе обучения иностранному языку, реализация системно-функционального подхода к изучаемому процессу позволяют перейти к теоретическому обоснованию модели управления учебной деятельностью студентов в процессе их обучения иностранному языку.

Мы взяли на вооружение *метод моделирования*. Необходимость использования метода моделирования определяется тем, что многие объекты (или проблемы, относящиеся к этим объектам) непосредственно исследовать или вовсе невозможно, или же это исследование требует много времени и средств.

Моделирование может использоваться в целях исследования процессов и явлений окружающей дей-

ствительности. Оно позволяет глубже понять взаимоотношения, возникающие внутри предмета изучения.

Моделированию как методу научного познания посвятили свои работы такие философы, как Б.Г. Глинский, Б.С. Грязнов, Б.С. Дынин, В.А. Штофф, и педагоги Ю.К. Бабанский, В.П. Беспалько, В.В. Краевский и др.

По определению Штоффа, «моделирование – это построение или (выбор) изучения такого объекта любой природы, называемого моделью, который находится в отношении сходства к исследуемому объекту, способен замещать этот объект, изучение которого дает новую информацию об этом объекте» [4. С. 5–28].

Модель «должного», т.е. нормативную модель, В.В. Краевский определяет как абстрактный прообраз педагогической деятельности, которую необходимо осуществить в будущем [5. С. 130–139]. Она содержит общее представление о том, что необходимо сделать для достижения оптимальных результатов.

В нашем случае метод моделирования используется в целях научного прогнозирования, под которым следует понимать научно-исследовательскую деятельность получения данных о предстоящих процессах.

Замещение оригинала моделью допускается лишь в том случае, если реальный объект изучения, а также модель – продукт его анализа – имеют сходство в определенных отношениях.

Вместе с тем метод моделирования, будучи по своей природе процедурой, осуществляемой на основе абстрактно-логического мышления, предполагает совместную с другими процедурами возможность построения в ее теоретической части умозрительных моделей, которые выражали бы определенную логическую завершенность границ исследуемых сторон изучаемого предмета.

Теоретическая и практическая ценность модели в любом психолого-педагогическом исследовании в основном определяется ее адекватностью изучаемым сторонам объекта, а также тем, насколько полно учтены на этапах построения модели основные принципы моделирования, которые во многом определяют как тип модели, так и ее функции.

Только при соблюдении этих условий моделирование как метод научного исследования позволяет объединить эмпирическое и теоретическое в педагогическом исследовании, т.е. сочетать в ходе изучения педагогического объекта прямое наблюдение, факты, эксперимент (эмпирический уровень исследования).

Необходимо отметить, что существенной чертой моделирования является его поливалентность, выражающаяся в том, что один и тот же процесс может моделироваться несколькими способами.

Объективной возможностью моделирования Б.Г. Глинский считает «...закономерную связь элементов, входящих в целостные предметы. Элементы, включенные в предмет, должны закономерно координировать друг с другом, вместе с тем элементы и отношения, составляющие модель, обязаны соответствовать элементам и отношениям, принадлежащим оригиналу» [6].

Оригиналом является объект, непосредственно интересующий исследователя и замещаемый моделью, однако под оригиналом понимается «не целостный объект в его качественно-количественной специфике во всем богатстве разнообразных свойств, связей и отношений, а именно тех, которые непосредственно интересуют исследователя» [Там же]. Важно акцентировать, что понятие «модель» употребляется нами как такой представитель оригинала, заместитель прототипа, который в каком-либо отношении более удобен для изучения или освоения и дает возможность перенести полученные при этом знания, умения, навыки на исходный объект.

Прежде чем начать построение модели управления учебной деятельностью студентов, необходимо определить ее тип.

Мы выбрали среди типов моделей, имеющих в научной классификации, *структурно-функциональную модель*, которая имитирует внутреннюю организацию структуры оригинала. Необходимость выбора такого типа модели обусловлена рядом обстоятельств.

Во-первых, для выявления сущности любого объекта необходимо раскрыть его структуру, определить специфику, выделить функции, рассмотреть этот объект в динамике.

Во-вторых, структурные модели имеют различный уровень абстрактности, обобщенности и применимости.

В-третьих, для одного и того же оригинала может быть создано несколько структурных моделей, что позволяет изучать разные уровни структуры объекта.

Модель управления учебной деятельностью студентов в процессе обучения иностранному языку рассматривается нами как сложная система, которая имеет свою структуру, включающую: целевой, технологический и результативный блоки (рис. 1).

Рассмотрим каждый блок в развернутом виде.

В целевой блок включены: цель, задачи, содержание образования, принципы, функции управления и факторы, определяющие деятельность субъектов. Любая модель создается для достижения определенной цели.

В соответствии с новой образовательной программой бакалавриата по направлению подготовки 031900 «международные отношения» по дисциплине «Иностранный язык» вузов Российской Федерации специалист с высшим образованием должен обладать коммуникативной компетентностью, необходимой для квалифицированной информационной и творческой деятельности в различных сферах и ситуациях делового партнерства, совместной производственной работе.

Коммуникативная компетентность в данной модели предполагает результат, прежде всего говорение на одном из иностранных языков, т.е. умение адекватно, намеренно к ситуации общения выражать свои мысли и понимать речь своего собеседника.

Кроме того, в процессе обучения студентов иностранному языку важно выработать у студентов развитость учебной деятельности путем самообразования, самосовершенствования, непрерывного образования.

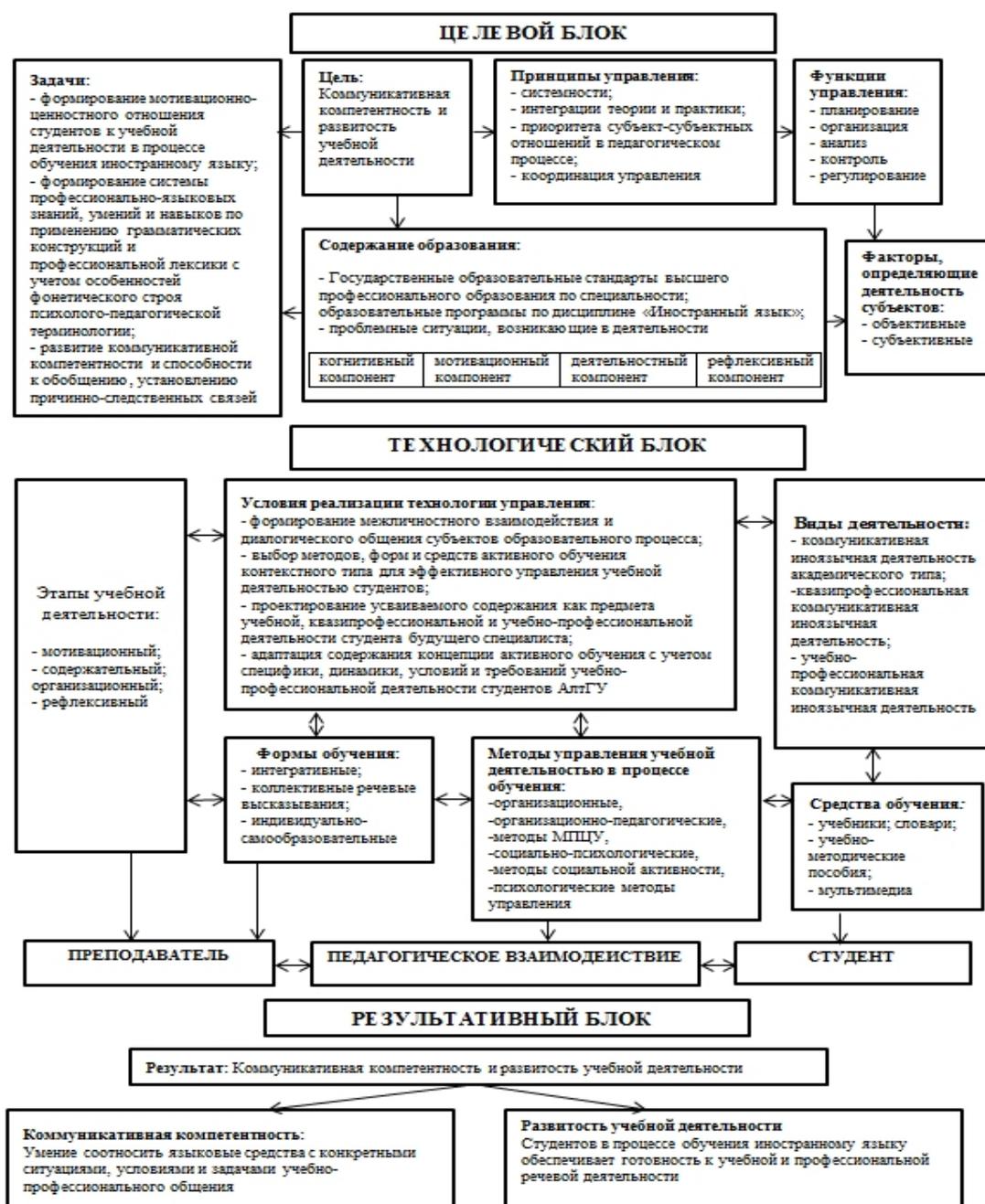

Рис. 1. Модель управления учебной деятельностью студентов в процессе обучения иностранному языку

Для образовательного процесса важно грамотно ставить *учебные задачи*, которые дают преподавателю возможность разъяснять студентам ориентиры их общей учебной деятельности, обсуждать их, делать ясными для понимания обеих сторон (преподавателя и студента).

В нашей модели *задачи обучения* сформулированы конкретно:

- формирование мотивационно-ценностного отношения студентов к учебной деятельности в процессе обучения иностранному языку;
- формирование системы профессионально-языковых знаний, умений и навыков по применению грамматических конструкций и профессиональной лексики с учетом особенностей фонетического строя психолого-педагогической терминологии;

- развитие коммуникативной компетентности и способности к обобщению, установлению причинно-следственных связей.

Содержание образования реализуется через государственные образовательные стандарты и программы по иностранному языку, включающие в себя когнитивный, мотивационный, деятельностный и рефлексивный компоненты, а также содержание проблемных ситуаций, возникающих в деятельности будущего специалиста.

Эффективность функционирования образовательного процесса в значительной мере зависит от степени изученности *принципов его управления*.

Проблема принципов управления широко освещена в психологической, социологической, педагогической

и философской литературе. Значительный вклад в разработку проблемы принципов управления педагогическими системами внесли С.И. Архангельский, Ю.А. Конаржевский, А.Н. Орлов, М.М. Поташник, П.В. Худоминский, И.К. Шалаев, О.Н. Калачикова и др. В своем исследовании О.Н. Калачикова конкретизирует представления о содержании и возможностях включения понятия «управленческая поддержка» в *управление образованием*. Ученый анализирует опыт инновационных образовательных практик, где уже используется это понятие, характеризует управленческие задачи и условия их возникновения в практике образовательных учреждений. К формам управленческой поддержки относятся сайты образовательных учреждений, сайты сетевых образовательных программ, организация online-консультирования, картирование образовательных пространств для создания условий выбора программ и услуг, разработка программ для навигации субъектов в открытом образовательном пространстве и др. [7. С. 149–152].

Проанализировав специальную литературу и опыт организации образовательного процесса в вузах, мы выделили следующие *принципы управления учебной деятельностью*: системности; интеграции теории и практики; приоритета субъект-субъектных отношений в образовательном процессе; координации управления.

Принцип системности. «Системность, – отмечает В.Г. Афанасьев, – одна из важнейших характеристик, параметров объективного мира, и прежде всего мира социального, специфическое их измерение. Системные представления становятся важной чертой современного познания и практики, в особенности практики управления народным хозяйством, обществом. Ни одна область науки, практики, управления не может обойтись без системных представлений, системного подхода» [8. С. 29–42].

В управлении образовательным процессом выделяют *принцип интеграции теории и практики*.

Интеграция в переводе с латинского языка означает «цельный», целостный, объединение в целое каких-либо частей. Принцип интеграции обеспечивает состояние связанности как внутри элементов, так и между элементами, входящими в образовательный процесс.

В образовательном процессе интеграция осуществляется между субъектами (преподаватель ↔ студент, студент ↔ студент), факультетами и деканатами (преподаватель ↔ деканат, студент ↔ деканат), субъектами и объектами (преподаватель ↔ компьютер, студент ↔ учебник) и т.д.

Понятию «интеграция» придается различный смысл. Под выражением «интегрированная личность» понимается целостный, успешно разрешающий внутренние противоречия человек.

В образовательном процессе принцип интеграции характеризует содержание обучения в целом и каждого учебного предмета в отдельности. Изучать содержание учебных предметов необходимо для того, чтобы студент осмыслил изучаемый материал, сделал обобщения, усвоил теорию, соотнес ее с практикой, научился применять теоретические знания в жизни и в своей профессиональной деятельности. Связь тео-

рии и практики – это одно из основных требований к содержанию обучения.

Координация в переводе с латинского языка означает «упорядочение», а также «согласование» или приведение в порядок, соответствие каких-либо действий, функций или составных частей чего-либо. Роль координации заключается в поиске рационального соотношения между действиями субъекта и объекта управления.

Принцип координации отражает способы действий субъекта управления, направленные на согласованную работу всех элементов образовательного процесса. Цель принципа координации – изучение и сознательное использование особенностей механизма взаимодействия субъектов управления в ходе достижения приоритетных целей образовательного процесса.

Основной чертой координационного управления является обеспечение слаженного взаимодействия всех сторон образовательного процесса.

В задачи координации входит исследование логики образовательного процесса, выявление специфики отдельных педагогических средств, соотношение, определение способов оптимизации их управленческих возможностей. При этом согласование необходимо не только между подсистемами, но и внутри них, и сам целостный образовательный процесс нуждается в координации с другими социальными системами.

Координация создает условия для последовательных действий субъекта и объекта управления, предполагает сопоставление целей, ресурсов, форм и методов деятельности и приводит к общему результату автономные организации образовательного процесса.

В процессе обучения происходит динамическое моделирование предметного и социального содержания усваиваемой профессиональной деятельности.

Преподаватель выступает в роли организатора самостоятельной, активной, познавательной деятельности студентов, компетентным консультантом и помощником; его профессиональные умения должны быть направлены не просто на контроль знаний и умений студентов, а на диагностику их деятельности, чтобы вовремя помочь квалифицированными действиями и устранить трудности в познании и применении знаний. Такая роль требует от преподавателя высокого уровня компетентности в своей профессиональной деятельности.

Принцип субъект-субъектных отношений в образовательном процессе является ядром педагогического взаимодействия преподавателя и студентов.

Педагогическое взаимодействие – систематическое, постоянное осуществление коммуникативных действий преподавателя, имеющего цель вызвать соответствующую реакцию со стороны студентов, это воздействие и на самого студента, причем вызванная реакция вызывает в свою очередь реакцию воздействующего [9. С. 17–24].

Мы разделяем точку зрения А.Н. Орлова, который выделяет три аспекта в педагогическом взаимодействии преподавателя и студентов.

Первый аспект «преподаватель → студент», когда инициатива в образовательном процессе в плане позна-

ния принадлежит преподавателю и он полностью управляет познавательной деятельностью студентов.

Преподаватель планирует, организует и контролирует деятельность студентов, которые только реагируют на его действия.

При таком подходе функция преподавателя сводится только к постановке задач и контролю над ходом их реализации. Авторитарное воздействие педагога на студентов может негативно сказаться на самостоятельности в процессе их познавательной деятельности. Жесткое управление деятельностью студентов лишает их инициативы, снижает самостоятельность в принятии решений.

Второй аспект «преподаватель ← студент», когда ведущую роль в процессе обучения играют студенты. Преподаватель ставит перед ними проблему и дает им возможность самим найти способы ее решения.

В процессе такого взаимодействия предполагается доброжелательное отношение преподавателя ко всем действиям студентов, что ведет к самостоятельности и свободе их действий. В данной ситуации максимальную активность проявляют студенты, а преподаватель играет роль консультанта-координатора на основе индивидуального (личностно-ориентированного) подхода к каждому студенту.

Третий аспект «преподаватель ↔ студент» предполагает активное участие в учебно-познавательном процессе и преподавателя, и студентов.

Основной формой взаимодействия между преподавателем и студентом является их коммуникативная деятельность (овладение студентами коммуникативной компетенцией). Важным моментом третьего аспекта является постоянная обратная связь, которая обеспечивает корректировку деятельности студентов со стороны преподавателя, что дает возможность вовремя устранить ошибки в процессе познания.

Активность студентов достигается за счет активизации повышения их умственной деятельности путем поиска закономерностей и противоречий, открытия взаимосвязи изучаемых явлений. Во все трех рассмотренных аспектах ведущая роль за преподавателем. В процессе взаимодействия с преподавателем студент предвидит его ответную реакцию. Причем оценки своих действий он прогнозирует исходя из социальных норм и ценностей, которые вошли в личный опыт студента.

От того, насколько широк диапазон профессионально-педагогических ценностей, которыми наделен преподаватель, а также от того, какое количество вариантов деятельности предоставляет он студентам, зависит скорость понимания в их диалоге.

Цель педагогического взаимодействия – стимулировать познавательный интерес, одновременно воспитывая у студента «желание познавать, учиться». Следовательно, очень важно, чтобы взаимодействие преподавателя и студента, а также вся образовательная среда были жизнеутверждающими, позитивными и оптимистичными. Все обозначенные принципы в полном взаимодействии помогают управлять процессом обучения студентов иностранному языку.

В целевом блоке мы рассматривали *функции управления* – операции, действия субъектов управле-

ния, соответствующие последовательно сменяющимся стадиям управленческого цикла.

М.М. Поташник в своих концепциях по управлению выделяет *ведущие управленческие функции: прогнозирование, анализ, планирование, организацию, контроль, стимулирование, регулирование (коррекция)* [1. С. 85–109].

При реализации функции *планирования* преподаватель на основе анализа образовательного процесса, перспектив данной специальности формулирует соответствующие цели и задачи учебной деятельности студентов на предстоящий учебный год (семестры), разрабатывает планы и образовательные программы с целью их реализации, а также стратегию действий – своих и студентов. План предполагает логическое, мысленное предвосхищение этапов, средств, способов и сроков деятельности по реализации цели.

Практическая реализация планов и образовательных программ через формирование наиболее эффективной структуры учебной деятельности, системы управления в целом, обеспечение ее функционирования и развития необходимой научно-методической (психолого-педагогической, управленческой) литературой выполняется через *функцию организации*.

Преподаватель должен всегда держать руку на пульсе, чтобы не было сбоев, неожиданностей. Следующий этап – получение информации об успехах и недостатках функционирования и развития учебной деятельности. Информация анализируется и принимается управленческое решение педагога.

Сбор информации представляет собой *анализ и контроль* содержания учебного материала, уровня усвоения студентами учебной информации и способов деятельности, использования различных средств обучения и др.

Контроль есть обязательное слуховое и зрительное восприятие. Однако контроль отличается от всякого другого восприятия тем, что представляет собой сопоставительное восприятие, в процессе которого действия контролируемого сопоставляются с эталоном, существующим реально в виде зафиксированных образов или воображаемым, сформированным в голове контролирующего на основе имеющегося у него опыта.

Содержание контроля заключается в сложной аналитической деятельности по сопоставлению воспринимаемого материала с объективно существующим или носящим субъективный характер эталоном. Сложность этой деятельности заключается в том, что сопоставление с эталоном происходит чаще всего спонтанно.

По данным результатам *контроля* необходимо получить обобщенную картину о состоянии учебной деятельности студентов, выявить причины и отделить их от следствий, проследить тенденции. Данная процедура проходит в процессе анализа.

Характер управления процессом обучения студентов иностранному языку (через учебную деятельность) детерминирован наряду с другими факторами, существующими социальными условиями, сложившейся системой общественных отношений, уровнем развития общества в целом.

В целевом блоке мы отмечаем *объективные и субъективные факторы*, определяющие деятельность

субъектов педагогического процесса. Влияние этих факторов и их объективность изменчивы. Они зависят от межличностных различий между преподавателями и студентами и от конкретных ситуаций, в которых протекает образовательный процесс.

К *объективным факторам* мы относим: социально-психологический климат в вузе; традиции кафедры и влияние личности заведующего кафедрой, научную организацию труда преподавателей, санитарно-гигиенические условия педагогического и студенческого труда, социально-психологические особенности (настрой) студентов; влияния, не связанные с педагогической и учебной деятельностью.

Намного сложнее выявить и учесть так называемые *субъективные (внутренние) факторы*: психолого-физиологические; личностные и социальные; профессионально-педагогические.

Важную роль в познании личности студента играет психолого-педагогический компонент, который включает в себя коммуникативную компетентность и психологический аспект.

В *психологическом аспекте* при наблюдении за студентом преподаватель использует знания возрастной, общей и социальной психологии.

Учитывая также эмоциональную сферу студентов, мы выделяем такое свойство индивида, как рефлексивность, т.е. степень обдумывания как осознание оснований вопроса. Кроме того, саморегуляция интеллектуальной деятельности человека напрямую связана с его импульсивностью (время на обдумывание промежуточных решений).

Таким образом, знание факторов, определяющих деятельность субъектов, знание их психологических особенностей способствуют успешному обучению студентов, а также эффективному управлению процессом обучения студентов иностранному языку (через учебную деятельность).

Технологический блок включает: условия реализации технологии, виды деятельности, методы управления, этапы учебной деятельности, средства и формы обучения, педагогическое взаимодействие преподавателя и студента.

В качестве условий, позволяющих реализовать управление процессом обучения иностранному языку студентов специальностей «международные отношения» исторического факультета АлтГУ, выступает психолого-педагогическая концепция активного обучения контекстного типа в высшей школе [10. С. 144–156].

Функции управления (перечисленные нами в целевом блоке) реализуются с помощью организационных, административных и психолого-педагогических методов, общие характеристики которых раскрываются во многих работах, посвященных менеджменту.

Организационные и административные методы создают необходимые условия функционирования и развития любого учебно-познавательного процесса, в том числе и учебной деятельности студентов, поэтому они логически предшествуют всем остальным. Под их влиянием учебная деятельность нумеруется и обеспечивается необходимыми методическими, техническими, научными материалами, описывается специфика

некоторых действий студентов по преодолению характерных при данной работе затруднений со стороны кафедр, деканатов, ректората.

С помощью *психолого-педагогических методов* формируется морально-психологический климат в студенческой группе, создаются и развиваются равнопартнерские отношения между преподавателем и студентами, раскрываются способности каждого студента, происходит его самосовершенствование, что в свою очередь ведет к саморазвитию и самоактуализации студента как будущего специалиста.

А. Маслоу считал, что *самоактуализация* лучше всего может быть реализована через увлеченность значимой работой. В любом случае стремление к саморазвитию само по себе есть показатель личностной зрелости и условие ее достижения.

Отношение к студенту как социально зрелой личности означает для преподавателя необходимость:

- усиления диалогичности обучения, т.е. специальную реализацию педагогического обучения;
- создание психолого-педагогических условий для осознания студентом себя социально полезной личностью, т.е. формирования его мировоззрения и развития его рефлексии;
- переход преподавателей на гуманное воздействие, основанное на эмпатии, безоценочном принятии другого человека;
- построение такого учебного сотрудничества со студентами, коллегами, при котором от всех субъектов образовательного процесса требуется поиск новых способов действия и взаимодействия, создание ситуаций для возможного изменения собственных точек зрения.

В философской, психолого-педагогической литературе из комплекса факторов, воздействующих на поведение человека, выделяется *узловой фактор – потребности* личности как ведущий внутренний источник ее активности. *Потребность* – это предпосылка, энергетический запас деятельности.

Люди мотивированы для поиска личных целей, и это делает их жизнь значительной и осмысленной. Если одна потребность удовлетворена, другая всплывает на поверхность и направляет внимание и усилия человека.

Потребности в порядке очередности по А. Маслоу: физиологические потребности, потребности безопасности и защиты; потребности принадлежности в любви; потребности самоуважения или потребности личного самосовершенствования [11. С. 185–201]. Под воздействием окружающей среды формируются *мотивы*.

Мотивы рассматриваются в работах Г.А. Китайгородской, В.Н. Мясищева, М.Н. Симоновой. Ученые сделали вывод, что на формирование мотивов в процессе обучения студентов иностранному языку влияют особенности этого учебного предмета, в частности его коммуникативный характер.

Анализ работ, посвященных этой проблеме, позволил выделить следующие *мотивы, характерные для изучения иностранного языка*:

- коммуникативный мотив (обусловлен потребностью в общении);

- лингво-познавательный мотив (обусловлен желанием овладеть лингвистическим кодом, дополнительной профессионально значимой информацией);

- страноведческий мотив (потребность ознакомления с социокультурным контекстом);

- процессуальный мотив (положительное отношение к отдельным видам работы).

Изучив результаты исследования Н.М. Симоновой, мы считаем, что при изучении иностранных языков особую значимость имеют такие составляющие мотивационной сферы, как *познавательная, интеллектуальная потребность, потребность в достижении и общении*.

Познавательная потребность связана с профессиональными мотивами, так как при изучении иностранного языка студенты расширяют свои профессиональные знания и кругозор.

Интеллектуальная потребность также может быть реализована средствами иностранного языка. Для успешной речевой деятельности студенты должны научиться самостоятельно думать, рассуждать и выводить такие ориентиры – правила речевой деятельности.

Мотивация достижения является определяющей при изучении иностранных языков, так как стимулирует учебную деятельность студентов, способствует реализации закона «иррадации успеха», так как успех вызывает стремление к новым достижениям.

Мотивация общения. Цель развития *мотивации общения* вытекает из основной цели обучения иностранному языку – подготовки студентов к общению на чужом языке (иностранном языке). При формировании *мотивации общения* необходимо: определение системы социальных ролей, обеспечение функционально-целевой стороны общения.

Педагогическое взаимодействие преподавателя и студентов мы рассмотрели в *целевом блоке*. Виды деятельности, содержание, методы, средства и формы обучения мы применили на основе психолого-педагогической *концепции* активного метода обучения в высшей школе контекстного типа А.А. Вербицкого.

Контекст – это система внутренних и внешних условий поведения и деятельности человека, которая влияет на восприятие, понимание и преобразование субъектом конкретной ситуации, придавая смысл и значение этой ситуации как в целом, так и ее компонентам. *Контекстное обучение* – новая современная технология в системе педагогических инноваций в высшей школе. Цель *контекстного обучения* – перейти от традиционного объяснительно-иллюстративного обучения к исследовательскому, развивающему обучению, т.е. к поддержке познавательной активности студентов, личностно-ориентированной педагогике.

Прежде чем обозначить *принципы контекстного обучения*, хотелось бы напомнить, что в педагогической науке *принципы* выводятся из закономерностей обучения как результат теоретического обобщения многолетнего образовательного опыта. Из принципов вытекают правила обучения, отражающие частные положения того или иного принципа.

Обобщая имеющиеся в литературе определения, можно сказать, что *принцип* – это система исходных

теоретических положений, руководящих идей, и основных требований к проектированию целостного образовательного процесса, вытекающих из установленных психолого-педагогической наукой закономерностей и реализуемых в целях, содержании, педагогических технологиях, деятельности преподавателей и студентов.

Исходя из вышеизложенного, к числу основных *принципов контекстного обучения* относятся:

- принцип педагогического обеспечения личностного включения студентов в учебную деятельность;

- принцип последовательного моделирования в учебной деятельности студентов целостного содержания, форм и условий профессиональной деятельности специалистов;

- принцип проблемности содержания обучения и процесса его развертывания в образовательном процессе;

- принцип адекватности форм организации учебной деятельности студентов целям и содержанию образования;

- принцип ведущей роли совместной деятельности, межличностного взаимодействия и диалогического общения субъектов образовательного процесса (преподавателя и студентов, студентов между собой);

- принцип педагогически обоснованного сочетания новых и традиционных педагогических технологий;

- принцип единства обучения и воспитания личности профессионала.

Благодаря *контексту* человек знает, чего ему следует ожидать, и может его осмысленно интерпретировать; прежде чем действовать, он стремится собрать всю возможную контекстную информацию; знание о том, что произойдет в будущем, позволяет легче воспринимать настоящее. Без сохранения в памяти контекста, в котором протекает целенаправленное поведение, данное поведение нарушается, и организм находится во власти мгновенных состояний, которые он не может регулировать.

Таким образом, сконструированная модель «Управление учебной деятельностью студентов в процессе обучения иностранному языку» позволила выявить существенные характеристики процесса управления учебной деятельностью студентов в ходе обучения иностранному языку. Управление процессом обучения осуществляется в процессе коммуникативной деятельности и включает: деятельность преподавателя и студента – составляющих процесса обучения, самостоятельную деятельность субъекта, усвоение субъектом опыта путем анализа, осмысления и преобразования сферы деятельности, в которую он включен. Важным результатом исследования является вывод о том, что положения общей теории управления можно с успехом использовать при организации процесса обучения студентов иностранному языку в вузе.

Эффективность устойчивого процесса обучения студентов иностранному языку и управления им зависит от постоянного его совершенствования и модернизации, в том числе от перспективной разработки учебной деятельности, от профессиональной компетентности преподавателей иностранного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Управление современной школой. Пособие директора школы / под ред. М.М. Поташника. М. : АПП ЦИТП, 1992. 168 с.*
2. *Евдокимова М.Г. Способы формирования и развития автономности учащихся в процессе овладения ИЯ : метод. пособие. М. : МИЭТ, 2010. 96 с.*
3. *Обдалова О.А., Шульгина Е.М. Организация управляемой самостоятельной деятельности студентов посредством технологии веб-квест как условие успешности формирования иноязычной коммуникативной компетенции // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 162–167.*
4. *Штофф В. Роль моделей в познании. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1983. 28 с.*
5. *Краевский В.В. Методология научного исследования. СПб., 2001. 230 с.*
6. *Глинский Б.А., Грязнов Б.С., Дынин Б.С., Никитин Е.П. Моделирование как метод научного исследования. М. : Изд-во МГУ, 1965. 248 с.*
7. *Калачикова О.Н. Исследование содержания и опыта использования понятия «управленческая поддержка» в управлении образованием // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 149–152.*
8. *Афанасьев В.Г. Моделирование как метод исследования социальных систем. Ежегодник. М. : Наука, 1982. С. 26–46.*
9. *Орлов А.А. Проектирование содержания педагогических дисциплин в вузе // Педагогика. 2001. № 10. С. 48–56.*
10. *Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М., 1999. 282 с.*
11. *Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб. : Евразия, 1999. 480 с.*

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 09 декабря 2014 г.

THE MODEL OF MANAGING EDUCATIONAL ACTIVITY OF STUDENTS IN THE PROCESS OF LEARNING A FOREIGN LANGUAGE

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 183–190. DOI 10.17223/15617793/392/31

Ryanzina Irina V. Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: piv_irina2004@mail.ru

Keywords: management model of training activities; stimulation method; communicative competence; pedagogical interaction; cognitive needs; communication motivation.

Having analyzed the features of University educational activity of students it was found that educational activity takes place when the action of a person is controlled by a conscious purpose to acquire certain knowledge and skills. According to S.I. Arkhangel'skii, A.G. Asmolov, V.P. Bepalko, N.N. Zimnyaya, N.V. Postluk, G.N. Serikov et al., the process of becoming a qualified professional in many respects is determined by the quality of professional education received at the University. The results of revealing the essence of the process of managing the educational activity of the Altai State University (ASU) students in the course of foreign language teaching and the implementation of a systemic-functional approach to the educational process have allowed us to theoretically substantiate the managing model of educational activity of students in the process of learning a foreign language. When developing the models we have studied and applied the modeling method which is used in order to study the process of learning activities. The research has also allowed us to understand the relationships that occur within the subject of study. The works of scholars-philosophers (B.G. Glinskiy, B. S. Gryaznoy, B.S. Dynin, V.A. Stoff) contributed to the research, as well as the works of scholars-teachers (Yu.K. Babanskiy, B.N. Bepalko, V.V. Kraevskiy, M.G. Evdokimova, O.A. Obdalova, E.M. Shulgina). The structural-functional model has been chosen among the model types available in the scientific classifications as it simulates the internal organizational structure of the original. The choice of this model was determined by the following: 1) for identifying the essence of any object is necessary to disclose its structure, determine its specificity and allocate functions to consider this object in the dynamics; 2) the structural model has a different level of abstraction, generality and applicability; 3) several structural models can be created for the same original, allowing us to examine different levels of the object structure. The model of educational activity of students in the process of learning a foreign language is considered as a complex system with its own structure including target, technological and productive units.

REFERENCES

1. Potashnik M.M. (ed.) *Upravlenie sovremennoy shkoly. Posobie direktora shkoly* [Management of the modern school. Headmaster's Handbook]. Moscow: APP TsITP Publ., 1992. 168 p.
2. Evdokimova M.G. *Sposoby formirovaniya i razvitiya avtonomnosti uchashchikhsya v protsesse ovladeniya IYa* [The methods of formation and development of autonomy of students in the process of mastering FL]. Moscow: MIET Publ., 2010. 96 p.
3. Shul'gina E.M., Obdalova O.A. Organisation of students' operated independent activity by means of webquest technology as a successful condition of the foreign language communicative competence formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 376, pp. 162–167. (In Russian).
4. Stoff V. *Rol' modeley v poznanii* [Role of models in cognition]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1983. 28 p.
5. Kraevskiy V.V. *Metodologiya nauchnogo issledovaniya* [Methodology of scientific research]. St. Petersburg: SpbGUP Publ., 2001. 230 p.
6. Glinskiy B.A., Gryaznov B.S., Dynin B.S., Nikitin E.P. *Modelirovanie kak metod nauchnogo issledovaniya* [Modeling as a method of scientific research]. Moscow: Moscow State University Publ., 1965. 248 p.
7. Kalachikova O.N. Using the concept of "management support" in the management of education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 376, pp. 149–152. (In Russian).
8. Afanas'ev V.G. *Modelirovanie kak metod issledovaniya sotsial'nykh sistem* [Modeling as a method for studying social systems]. Moscow: Nauka Publ., 1982, pp. 26–46.
9. Orlov A.A. *Proektirovanie soderzhaniya pedagogicheskikh distsiplin v vuze* [Designing the content of pedagogical disciplines in higher school]. *Pedagogika*, 2001, no. 10, pp. 48–56.
10. Verbitskiy A.A. *Aktivnoe obuchenie v vysshey shkole: kontekstnyy podkhod* [Active learning in higher education: a contextual approach]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1999. 282 p.
11. Maslow A.G. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. St. Petersburg: Evraziya Publ., 1999. 480 p.

Received: 09 December 2014

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ С УЧЕТОМ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Предложена авторская методика развития умений межкультурного общения с учетом индивидуально-специфических особенностей переработки информации студентами в процессе обучения иностранному языку. Приведены теоретико-методологические основания интеграции различных когнитивных стратегий в процесс формирования межкультурной компетенции. Представлены этапы развития когнитивных параметров личности студентов.

Ключевые слова: межкультурная компетенция; когнитивные стратегии; развитие иноязычных умений.

Одним из важнейших требований системы языкового образования в вузе является создание оптимальных условий для овладения студентами межкультурной компетенцией, позволяющей будущим специалистам продуктивно взаимодействовать с представителями иных лингвокультурных социумов для решения стоящих перед ними профессиональных задач. В этой связи особо остро стоит проблема создания таких условий обучения, которые позволят в сложившихся обстоятельствах дефицита аудиторных часов достичь наиболее высоких результатов.

Одним из средств повышения эффективности процесса обучения иностранному языку является когнитивно-стилевой подход, позволяющий сделать процесс обучения иностранному языку более эффективным за счет вовлечения всех имеющихся ресурсов личности обучающегося в процесс обучения с учетом специфики когнитивных процессов при овладении умениями иноязычного общения: лингвистический опыт, личностный опыт и метакогнитивный опыт. Когнитивно-стилевой подход позволяет учитывать в процессе обучения возможности каждого отдельного студента как субъекта своей речевой и познавательной деятельности, его способности осознавать различия в процессах переработки информации, опираясь на потенциал его индивидуальности (индивидуальные различия), а также обращать внимание студентов на объективно существующие межкультурные различия в восприятии окружающей действительности представителями различных культур и находить способы преодоления межкультурного диссонанса.

На необходимость учёта когнитивных стилей в процессе обучения указывают многие зарубежные и отечественные психологи и педагоги: М.Н. Берулава, Г.А. Берулава, Б. Лу Ливер, В.С. Мерлин, В.А. Колга, М.А. Холодная, М.Е. Ehrman, R.L. Oxford, P. Ginnis, W. Revers, H.A. Witkin и др. Б. Лу Ливер отмечает, что «внимательное отношение к познавательным стилям – не самый простой способ помощи учащимся, но самый эффективный на сегодняшний день; он гораздо более продуктивен, чем поиск совершенного метода обучения, ибо ни один метод не сможет подойти всем учащимся» [1. С. 43]. Обращение к когнитивным стилям в ракурсе овладения иностранными языками приобрело актуальность в середине прошлого века. Исследованию влияния когнитивных стилей на процесс овладения иностранным языком посвящены работы таких зарубежных авторов, как S. Messick (1976),

J.W. Keefe (1979), A.F. Gregorc (1982, 2001), D.A. Kolb (1984), P. Honey, A. Mumford (1986), L. Curry (1987), R.L. Oxford (1989), R. Dunn, K. Dunn, G.E. Price (1989), Б.Л. Ливер (1995, 2000), М.Е. Ehrman (1996), P. Ginnis (2002), М.Е. Ehrman and B.L. Leaver (2003), М.Е. Ehrman, B.L. Leaver and R.L. Oxford (2003).

В последние десятилетия учет когнитивных стилей в обучении иностранным языкам стал предметом исследований и отечественных авторов: Г.А. Берулава (1999), С.В. Болдырева (2004), И.Б. Авдеева (2005), И.В. Чечик (2005), М.Н. Берулава, И.Ю. Гришина (2006), Е.П. Густова (2010), З.М. Ким (2010), И.Л. Жирнова (2011) и др. Несмотря на полученные результаты исследований, приходится констатировать, что декларируемая направленность процесса обучения на развитие индивидуально-специфической сферы личности студентов сопровождается слабым практическим применением когнитивно-стилевых особенностей студентов в процессе развития умений межкультурного общения. Потребность в оптимизации развития умений студентов воспринимать, структурировать, интерпретировать социокультурную информацию в целях международного сотрудничества и отсутствие методологической базы развития умений межкультурного иноязычного общения на основе когнитивно-стилевого подхода обуславливают востребованность и перспективность разработки методики организации процесса развития иноязычных умений межкультурного общения с учетом когнитивно-стилевых особенностей студентов. В данной статье мы предлагаем авторскую технологию учета когнитивных стилей обучающихся в методике формирования межкультурной компетенции.

В процессе обучения когнитивные стили проявляются в тех способах и приемах работы с информацией, которые студент применяет для решения коммуникативных задач. В методической литературе способы организации познавательной деятельности относят к стратегиям. По Дж. Брунеру, «стратегия – это некоторый способ приобретения, сохранения и использования информации, служащий достижению определенных целей в том смысле, что он должен привести к определенным результатам» [2. С. 136]. На наш взгляд, учет когнитивных стилей в процессе развития умений межкультурного общения (МКО) предполагает, с одной стороны, специальную организацию учебного процесса, при которой обеспечивается активизация различных когнитивных стратегий, соответству-

ющих разным когнитивным стилям, что позволяет обеспечить индивидуализацию обучения в рамках единого учебного процесса. С другой стороны, большинством исследователей сегодня признается, что обучающимся следует помогать в овладении новыми для них стратегиями и что хотя этот процесс непростой, он очень важен с точки зрения выработки у обучающихся способности самоконтроля, самокоррекции и продвижения к успешности в развитии и получения положительного результата своей деятельности. При подключении к имеющимся ресурсам личности, характеризующим его наличный когнитивный стиль, новых способов восприятия и переработки иноязычной социокультурной информации репертуар наличных стратегий обучающегося расширяется, и его когнитивный стиль от этого становится мобильным. Под когнитивной мобильностью мы понимаем способность включиться в новую ситуацию, устойчиво функционировать на новом речевом материале, допуская при этом бесконфликтное взаимодействие с людьми, обладающими другими когнитивными стилями.

Построение процесса обучения иностранному языку с учетом когнитивных стилевых параметров личности обучающихся предполагает внедрение в учебный процесс специально разработанного комплекса заданий и упражнений, ориентированных на интеграцию различных составляющих межкультурной компетенции. Выполнение заданий, направленных на формирование межкультурной компетенции, в рамках усвоения той или иной лексико-грамматической и социокультурной темы должно обеспечивать актуализацию всей имеющейся системы стилевых характеристик обучающихся и подключение различных модальностей опыта в процессе обучения (чувственно-сенсорных впечатлений студентов, визуальных схем, аудиального канала восприятия и т.д.), работу с определениями культурно-специфических

понятий и их признаками, выявление связей с другими понятиями. Мы рекомендуем строить процесс развития умений межкультурного общения в рамках ситуативно-тематического модуля в соответствии с этапами освоения языкового, речевого и социокультурного материала, принятыми в современной методике: ознакомление с материалом – тренировка материала – выход в речь [3. С. 119]. Деление на данные этапы является не новым для методики обучения иноязычному общению, и мы применяем эту продуктивную организацию учебного процесса. Однако мы связали эти этапы с этапами развития когнитивных параметров личности студентов, построенных на основе учета их когнитивно-стилевых характеристик, и разработали виды заданий и приемы работы с материалом, составляющие суть каждого этапа (рис. 1).

Ориентационный этап соотносится с этапом ознакомления и ситуативного усвоения языковых единиц, речевых средств и социокультурных аспектов коммуникации, принятым в современной методике. С позиции когнитивных процессов на данном этапе доминирующим аспектом развития выступают стратегии концептуализации, отвечающие за восприятие и систематизацию языковых единиц в когнитивной сфере обучающихся и способствующие расширению их концептуальной базы. Поскольку для обучающихся стратегии актуализируются в тех способах и приемах работы с информацией, которые они применяют для решения коммуникативных задач, на этапе введения нового материала задача преподавателя состоит в том, чтобы обеспечить вариативность упражнений, требующих категоризации, классификации, обобщения, систематизации, применения языковой догадки, установки корреляций, а также задействования стратегий, обуславливающих такие процессы восприятия, как выделение определенных признаков и идентификация.

Рис. 1. Этапы развития когнитивных параметров личности студентов

Соответственно, на первый план выходят упражнения на составление интеллектуальных карт (mind-mapping), группировку по каким-либо признакам, формулировку определений, использование и создание таблиц, схем, сопоставление и др. Концептуализация нового материала на иностранном языке также

весьма успешно реализуется с помощью приема ассоциаций, позволяющего актуализировать имеющийся лингвистический и личностный опыт обучающихся и создать прочные ассоциативные связи. Одной из наименее задействованных в учебном процессе является стратегия визуализации (ей, как правило, владе-

ют только студенты с доминирующим визуальным стилем кодирования информации), тогда как наличие этой стратегии в арсенале обучающегося позволяет повысить эффективность усвоения правильного написания иностранных слов.

Операциональный этап соотносится с этапом автоматизации учебно-речевых действий путем организации различных упражнений и серии близких ситуаций. На операциональном этапе новый материал отрабатывается коммуникативно с помощью ситуаций межкультурного общения, в которых новая информация используется в разных контекстах с различными коммуникативными установками. На данном этапе основное внимание уделяется процессам переработки и анализа иноязычной информации на уровне контекста. Иными словами, назначение данного этапа состоит в накоплении опыта общения в различных коммуникативных ситуациях с опорой на различные стратегии переработки информации. Следовательно, работа преподавателя на данном этапе направлена на развитие стратегий контекстуальной речевой догадки, синтеза, анализа и инференции на основе комплекса упражнений на установление логических связей, сравнение, сопоставление, выделение из контекста релевантной информации, формулирование выводов и умозаключение путем логической индукции и дедукции.

Творческий этап, соответствующий выходу усвоенного материала в речь, направлен на развитие стратегий критической оценки и объективной интерпретации новой иноязычной информации с позиции межкультурного диалога. На данном этапе преобладают проблемные ситуации, стимулирующие студентов к критической оценке межкультурных различий, основанной на объективности и понимании того, что «иной» не значит «лучше» или «хуже», а также гипотетические ситуации. Проблемный характер заданий позволяет развивать такой стиль, как толерантность к нереалистическому опыту, базирующийся на принятии той информации, которая противоречит имеющимся у студента знаниям и установкам. Эта задача весьма сложна для обучающихся с преобладающим когнитивным стилем «нетолерантность к нереалистическому опыту», однако преодоление этого неудобства чрезвычайно важно для успешности межкультурного общения, в котором способность принять и понять новое, чуждое своей культуре является залогом успеха. Гипотетические, или воображаемые, ситуации, в которых студент может дать волю своей фантазии и чувствам, актуализируют эмоциональное мышление и сенсорно-эмоциональный способ кодирования информации, направлены на развитие умений выражать свои эмоции так, чтобы не оскорбить вольно или невольно чувства других людей.

В завершении работы над темой также важно создать условия для комплексного задействования различных когнитивных стратегий в рамках решения одной коммуникативной задачи и для самостоятельного выбора стратегии решения проблемных коммуникативных ситуаций в новых условиях иноязычного общения с учетом межкультурного контекста, развития регулятивных механизмов общения и работы с

информацией. Для достижения этих целей одним из наиболее эффективных методических приемов является групповой проект, который позволяет объединить в группе усилия нескольких студентов, обладающих разными когнитивными стилями, обеспечить их взаимодействие, создать для каждого студента ситуацию выбора при распределении обязанностей.

На наш взгляд, задача преподавателя состоит в обеспечении в процессе общения поэтапной актуализации различных когнитивных стратегий, необходимых для успешной реализации межкультурного общения, даже если на начальном этапе эти стратегии не характерны для студента. Целенаправленная последовательность прохождения обучающегося через эти этапы обеспечивается предоставлением студентам вариативных по форме и содержанию заданий, направленных на отработку одного и того же лексического, грамматического и социокультурного материала, что позволяет реализовать принципы индивидуализации и дифференциации обучения в рамках одного учебного процесса. Варьирование задействованных стилей достигается за счет изменения внешних условий при отсутствии варьирования предмета речи и путем изменения степени конкретизации задания. В качестве предмета варьирования выступают коммуникативные задачи, в которых имплицитно заложены инструкции к применению определенных стратегий, необходимых для выполнения заданий. В ходе прохождения выделенных нами этапов студент не только овладевает речевыми и коммуникативными умениями, но и приобретает способность управлять своей речемыслительной деятельностью в условиях решения коммуникативных задач межкультурного общения. Готовность к общению с представителями других культур предполагает наличие у обучаемых определенных умений, связанных с целенаправленностью, продуктивностью, интегрированностью. Мобильность когнитивного стиля обеспечивает как операционный уровень интеллектуально-познавательной сферы личности студента, так и эмоционально-волевой, направленный на психологическую готовность взаимодействовать с людьми иного лингвосоциума, расширять свою картину мира за счет познания и принятия иных норм, культурных ценностей, традиций, преодолевать стереотипы и пр.

Реализация предложенной методики развития иноязычных умений МКО с учетом когнитивностилевого подхода предполагает внедрение в процесс подготовки занятий алгоритма реализации учебного процесса с учетом когнитивных стилей обучающихся, обеспечивающего направленность педагогического процесса как на коммуникативное, так и на когнитивное развитие обучающихся (рис. 2). Разработанный алгоритм охватывает часть учебного процесса, необходимую для реализации выделенных нами этапов, во время которой формируются коммуникативные умения с учетом когнитивных аспектов иноязычной деятельности. Учет когнитивных стилей обучающихся в процессе обучения на основе комплекса коммуникативных ситуаций межкультурного общения осуществляется в ходе реализации трех фаз – фазы подготовки, фазы реализации и фазы рефлексии и кон-

троля, – интегрирующих 12 шагов и дифференцированных в соответствии со структурной организацией построения процесса развития иноязычных умений в рамках одного ситуативно-тематического модуля. Остановимся подробнее на каждой фазе.

Фаза подготовки реализуется преподавателем и включает в себя отбор релевантного материала, необходимого для развития целевых умений, соотношение подобранного материала с этапом развития когнитивных параметров и подготовку комплекса когнитивно-коммуникативных упражнений и ситуаций межкультурного общения. Отбор содержания

дидактического материала для развития умений МКО осуществляется исходя из выделенных тем общения, составляющих изучаемый модуль, и обуславливается критериями его актуальности для обучающихся (соответствие речевому и жизненно-му опыту студентов и их интересам), функциональности (отражение в отобранном материале языковых и культурных особенностей специфики стран изучаемого языка), интересом с точки зрения сравнения с родной культурой, актуальностью содержащейся в нем информации в сфере реального межкультурного общения.

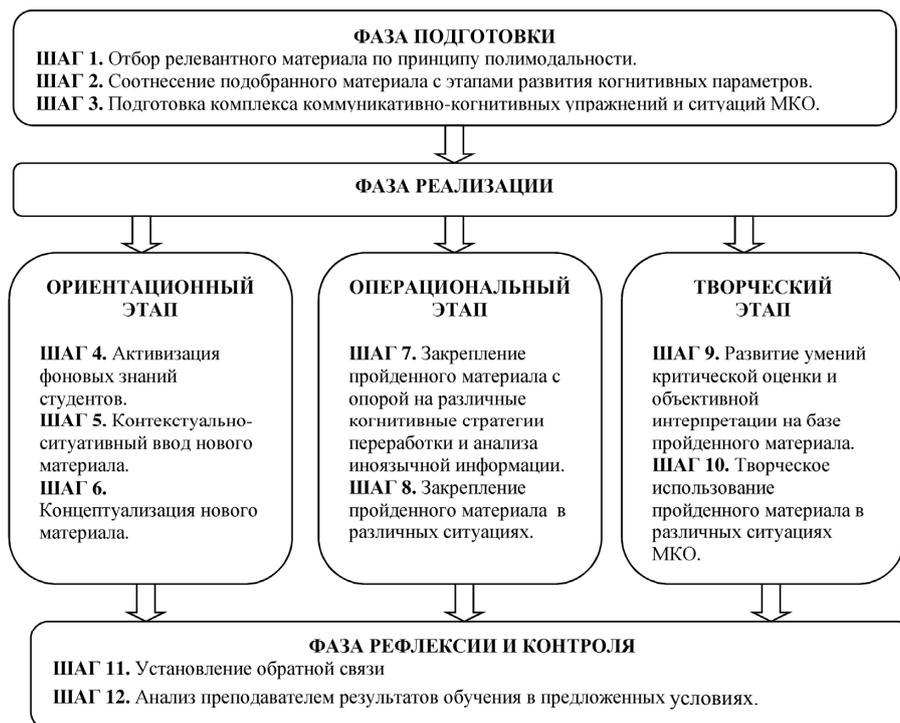

Рис 2. Алгоритм реализации учебного процесса с учетом когнитивных стилей обучающихся

В соответствии с условиями успешности реализации разработанной нами методики дидактический материал отбирается по принципу полимодальности, т.е. направлен на задействование различных каналов восприятия. Комплекс материалов должен содержать:

- визуальные средства (серия рисунков, фотографии, диаграммы, карикатуры, схемы, графики, таблицы, цифры, даты, символы, плакаты, коммуникативно-композиционные средства, как, например, коммуникативная схема диалога или композиционная схема доклада);

- вербальные средства (текст, анкета, опросник, план, слова, афоризмы, поговорки, подписи под рисунками, лозунги, расписание, перечень);

- аудиотексты (учебные тексты, подкасты);

- визуально-вербальные средства (кинофильмы, видеоклипы, видеоролики);

- различные предметы, релевантные изучаемой теме.

Использование преподавателем материалов, актуализирующих различные каналы восприятия, позволяет ему обеспечить комбинированный характер

учебных опор, а следовательно, создать благоприятные условия для усвоения материала студентами с различными когнитивными стилями. Кроме того, разнообразные опоры с различной степенью детализации и управления направляют речевую деятельность в нужное русло и создают условия для речетворчества в ситуации иноязычного общения.

Важно отметить, что, подбирая материал, преподавателю необходимо ориентироваться не только на его коммуникативные параметры, т.е. те умения, которые будут развиваться с помощью того или иного упражнения, но и его когнитивно-развивающий потенциал, поскольку на основе подобранного материала преподаватель подготавливает комплекс коммуникативно-когнитивных заданий, обеспечивающих планомерную активацию всей совокупности когнитивных стратегий, проявляющихся в процессе познания студентами культуры изучаемого языка.

Стоит отметить, что соотношение подобранного материала с этапами развития когнитивной сферы студентов осуществляется преподавателем исходя как из целевых стратегий, составляющих когнитивное

содержание каждого этапа, так и из методической целесообразности применения различных типов коммуникативных упражнений и ситуаций в зависимости от этапа работы над темой. Так, на операциональном этапе преобладают ситуации перцептивно-репродуктивного характера, тогда как на творческом этапе акцент делается на продуктивных заданиях, требующих обоснования ответов, проигрывания заданных ролей, дискуссии и пр. На ориентационном этапе, направленном на концептуализацию нового материала, доминирует реальная проблема, отражающая личную потребность и интересы обучаемых, что позволяет учитывать реальные характеристики процесса овладения иностранным языком: у обучаемого имеются представления, мысли, чувства, оформленные в его сознании средствами родного языка, и его речемыслительная активность направлена не на осознание того, что сказать, а на осознание того, как выразить свою мысль на иностранном языке. Для этого учебный языковой материал представляется в функционально-речевом аспекте: от содержания к форме выражения. На последующих этапах преподаватель не только ставит перед студентами реальную коммуникативную задачу, требующую решения, но и позволяет «примерить» на себя различные роли.

Таким образом, вместо того чтобы поставить перед обучаемыми задачу высказать свое мнение по поводу преимуществ и недостатков обучения за границей, мы предлагаем им разыграть разговор между друзьями, один из которых хочет получить образование в другой стране, а второй высказывает свою точку зрения. Важно также отметить, что взаимодействие общающихся возникает при решении какой-либо задачи. С методической точки зрения это весьма существенно, поскольку заставляет организовывать ситуацию как деятельность, состоящую из решения задач общения, поэтому проблемная ситуация является одной из наиболее эффективных. На творческом этапе работы над темой одним из наиболее распространенных типов коммуникативных ситуаций является сценарий, способствующий приближению к реальным ситуациям общения и обеспечению правдоподобного контекста для иноязычной речевой деятельности. В сценариях огромную роль имеет элемент проблемности, конфликта между точками зрения, позициями участников. Они подразумевают широкое обсуждение проблемы, конкретного случая, события, принятие решения, достижение консенсуса и направлены на активизацию сразу нескольких когнитивных стратегий.

В различных ситуациях, независимо от того, является ли целью их использования семантизация лексики или демонстрация функционирования лексических или грамматических конструкций, предложенные задания должны быть направлены прежде всего на содержание речи. При определении предмета обсуждения необходимо учитывать тематику разговоров обучаемых на родном языке для переноса мотивов из общения на родном языке в общение на иностранном. Содержание речи должно вызывать у обучающихся стремление вступить в иноязычное общение. Предмет обсуждения, с одной стороны, должен характеризо-

ваться новизной, информативностью, познавательностью, а с другой – он должен быть связан с жизненным опытом обучающихся, с их непосредственным окружением, с интересующими их событиями. Таким образом, содержание высказывания должно отвечать общедидактическим принципам научности, индивидуального подхода, связи обучения с жизнью и мировоззренческому принципу.

Фаза реализации включает в себя собственно реализацию этапов развития когнитивных параметров. На ориентационном этапе осуществляются активизация фоновых знаний студентов, контекстуально-ситуативный ввод и концептуализация нового языкового материала, необходимого для эффективного общения в рамках заданной темы. Под концептуализацией мы понимаем осмысление новых лексических единиц с позиции их функционирования в контексте и социокультурных оттенков значения. Важно отметить, что для успешной концептуализации лексические единицы должны предъявляться не изолированно, а в смысловых речевых единствах, содержание которых продиктовано развитием ситуации [4]. Усвоение языковых понятий происходит в режиме логического обоснования, анализа реальных ситуаций межкультурного общения, опоры на личностный и языковой опыт обучающихся.

На активизацию фоновых знаний студентов направлены коммуникативные упражнения, основанные на вызове ассоциативного ряда, реализуемого с помощью «мозгового штурма», вопросно-ответные упражнения, упражнения на сопоставление на уровне слов и словосочетаний. Прием мозгового штурма на уровне ассоциаций позволяет организовать работу как с названием текста или темы занятия, так и с ключевыми словами или понятиями. В рамках межкультурного подхода очень важно сопоставление первоначальных ассоциаций и ассоциаций на заключительном этапе анализа текста. Для этого формулируем задание таким образом: «Изменились ли ваши представления после прочтения текста и почему?» Такая работа позволяет осознать свои эмоции, перевести их в разряд понятий, способствуя формированию концептуальной базы студента.

Исходя из задач развития стратегий восприятия и организации информации, к доминирующим упражнениям на ориентационном этапе также следует отнести коммуникативные ситуации, требующие классификации, группировки слов по каким-либо признакам, упражнения, направленные на поиск ключевых языковых и речевых единиц, формулирование определений, систематизацию, схематизацию и визуализацию нового материала. К последним можно отнести упражнения на составление ментальных карт (mind-mapping), позволяющих представить новый материал в комплексной, систематизированной и визуальной форме и отражающих ассоциативные, смысловые и /или грамматические связи между лексическими единицами в зависимости от поставленной преподавателем коммуникативной задачи.

На операциональном этапе новый материал отрабатывается коммуникативно с помощью ситуаций

межкультурного общения, в которых новая лексика используется в разных контекстах с различными коммуникативными установками. Упражнения на операциональном этапе направлены на использование целевого материала в новых условиях в соответствии с коммуникативной задачей на основе когнитивных стратегий компаративного и контрастивного анализа, объяснительного анализа, переработки материала из одной формы в другую (например, перевод текста в таблицу), контекстуальной догадки, установления логических связей и других стратегий, связанных с переработкой и анализом иноязычной информации. Учет когнитивных стилей достигается за счет изменения внешних условий при отсутствии варьирования предмета речи, что позволяет обеспечить оптимальное соотношение различных КС переработки информации, в результате чего студенты с различными КС получают возможность работать в «удобном» для них режиме.

Выполнение задачи развития когнитивных параметров на операциональном этапе реализуется за счет акцента на использование когнитивных стратегий анализа («Проанализируйте...»), систематизации («Составьте план текста...»), антиципации («Прочитайте заголовок и попытайтесь предположить, о чем будет текст»), вычленения главного («Выделите в каждом параграфе главное предложение / ключевые слова») и др.

На творческом этапе преобладают коммуникативные ситуации проблемного характера, направленные на развитие стратегий более высокого порядка (стратегий критической оценки и объективной интерпретации) и развивающие толерантность студентов к нереалистическому опыту, а также используются многоуровневые коммуникативные ситуации, требующие переключения различных когнитивных стратегий и направленные на развитие гибкости познавательного контроля студентов. Кроме того, комплекс упражнений, используемых на творческом этапе, должен стимулировать студентов к интерпретации материала с различных позиций (от первого лица, от третьего лица) и с различных точек зрения.

В соответствии с нашей методикой при подготовке к занятиям преподаватель должен обеспечить оптимальное соотношение различных когнитивных стратегий, применяемых студентами в ходе решения различных коммуникативных задач на каждом этапе. Под коммуникативной задачей мы понимаем задачу, решение которой требует применения вербальных и / или невербальных действий для достижения определенной цели в определенной коммуникативной ситуации. В таблице представлены примеры коммуникативных задач, направленных на актуализацию различных когнитивных стратегий.

Примеры коммуникативных заданий с учетом когнитивных стратегий

Когнитивные стратегии	Вид заданий	Пример
Обобщение	Задание на понимание общего смысла	– scan the article / text to find the main idea; – listen to the text and choose the title, that characterizes it
Абстракция	Задания на поиск конкретной информации	– scan the article / text to find the information about... / and answer the questions below
Синтез	Задания на интеграцию, построение целого из частей, создание новой информации, используя известные лексико-грамматические единицы в другом сочетании	– make up the story using the words from the box; – listen to the text and match the jumbled pieces of the tapescript
Предвосхищение	Задания на догадку	– guess the meaning of the words from the context; – considering the title of the text predict the topics it will cover
Анализ	Задания на развитие новой идеи, критический анализ, нахождение ошибок, анализ структуры	– read several speakers' opinions on some issue and tell whose opinion you adhere to; – find the mistakes; – match the words and their synonyms
Сопоставление	Задания на противопоставление, нахождение различий	– compare and contrast; – scan the texts and find the differences between...
Идентификация	Задания на сравнение, нахождение общего	– compare and find similarities; – scan the texts and find what is common between...
Классификация	Задания на группировку, выведение типов	– read the words in box and divide them in the following groups: ...
Систематизация	Задания на выстраивание последовательности	– arrange in the correct order
Схематизация	Задания на построение схем	– draw the framework of the text; – compose the structure of the dialogue

Коммуникативная задача должна быть сформулирована таким образом, чтобы она конкретизировала цель общения (коммуникативное намерение) и выступала в качестве речевого побуждения. В авторской методике коммуникативная задача также служит способом побуждения студентов к использованию определенных стратегий: обобщить, систематизировать, ранжировать, выразить свое мнение, сопоставить, сравнить и т.п. Таким образом, при реализации методики развития умений МКО с учетом когнитивно-стилевого подхода формулировка задания является

детерминирующим фактором процесса решения задачи, поскольку она выражается как в выборе стратегии, так и в направлении всего процесса решения задачи. Правильно поставленная коммуникативная задача определяет успешность развития когнитивной сферы личности студентов, поскольку в коммуникативную задачу имплицитно заложена стратегия ее решения, требующая активизации конкретных когнитивных процессов. Разнообразные коммуникативные задачи призваны активизировать различные стратегии и приемы, направленные на формирование понятий, уме-

ние выделять основные аспекты в изучаемой информации, умение схематически представлять результаты работы с текстом, умение аргументировать свою точку зрения, возникшую при оценке той или иной информации и др. Учет когнитивных стилей достигается путем различий в постановке коммуникативных задач на разных этапах, обеспечивая комплексное взаимодействие различных когнитивных стратегий.

Фаза рефлексии и анализа направлена на получение преподавателем обратной связи от студентов, необходимой ему для анализа результатов обучения в предложенных условиях, и на развитие метакогнитивных способностей студентов. Постоянное вовлечение обучающихся в рефлексивную деятельность способствует осознанию и осмыслению студентами их познавательной деятельности по овладению иностранным языком и способствует расширению знаний о способах и средствах познавательной деятельности, позволяет ему развивать критическое отношение к своим действиям и способствует его становлению как субъекта своей деятельности. В современных условиях образовательного процесса это приобретает особую актуальность, поскольку наблюдается все большее смещение акцента учебной деятельности на автономно обучающегося и его способности к самоорганизации и самообразованию.

Рефлексия должна завершать каждый цикл и включать в себя как самоанализ познавательных достижений студентов, так и анализ преподавателем результатов достижения поставленных целей цикла, выявление наименее развитых у студентов стратегий, осуществление необходимой коррекции. В конце каждого цикла студентами оцениваются три параметра их достижений, обобщающие умения и стратегии каждого этапа, конкретизированные преподавателем для каждой темы:

1. Могу ли я выразить свою мысль, устно или письменно, по изученной теме на иностранном языке, используя новые слова / фразы с учетом социокультурного контекста их употребления?

2. Могу ли я перерабатывать иноязычную информацию по изученной теме так, чтобы мне был понятен ее смысл?

3. Могу ли я выразить объективно свою точку зрения по изученной теме на иностранном языке, критически оценивая новую информацию?

Кроме того, рефлексия может быть реализована в вопросно-ответной форме на каждом занятии:

• During today's lesson, when did you feel most comfortable?

- Which activities were you keen to do?
- What tasks did you enjoy?
- What would you choose again if you had the chance?
- What would you avoid again if you had the chance?
- What tasks caused difficulty for you? Why?
- What did you find hard to understand? Why?

Разработанный алгоритм организации учебного процесса с целью развития умений МКО, лежащий в основе предлагаемой нами методики, обеспечивает учет когнитивных стилей студентов на всех этапах развития умений МКО и когнитивной сферы лично-

сти студентов, способствует накоплению познавательного и метакогнитивного опыта студентов и формированию осознанного подхода к осуществлению коммуникативной и когнитивной деятельности обучающихся.

Таким образом, прохождение студентов через весь цикл стратегий, охватывающих широкий спектр когнитивно-стилевых предпочтений, позволяет, с одной стороны, обеспечить дифференцирование обучения, т.е. создать благоприятные условия для иноязычной коммуникативной деятельности студентов с различными стилиевыми предпочтениями и особенностями способов построения картины мира. С другой стороны, создание условий для включения студента в более широкий контекст когнитивно-стилевых проявлений будет способствовать расширению числа стратегий обучающихся, а следовательно, влиять и на результативность обучения. Было доказано, что когда информация уже известна обучающемуся, у него накопился определенный лексико-грамматический и социокультурный запас знаний, необходимый для свободного общения по заданной теме, для него становится возможным «подстроиться» к выполнению задания с помощью стратегий, связанных с необходимыми когнитивными стилями [5. С. 95]. Для того чтобы избежать возникновения когнитивного диссонанса (термин Л. Фестингера), т.е. неприятного психического состояния, вызванного противоречием между потребностями и интересами как мотивами деятельности и самой, но вынужденной, деятельностью [6], необходима перестройка системы знаний и отношений студентов.

Отличительной чертой нашей методики является создание условий для актуализации в учебном процессе различных когнитивных стилей за счет разработки комплексов коммуникативных ситуаций, требующих использования в процессе выполнения заданий соответствующих когнитивных стратегий в рамках единого учебного процесса. Это отличает методику от уже известных – в частности, методики индивидуализированного обучения Б.Л. Ливер, в которой учет когнитивных стилей в учебном процессе реализуется путем предоставления каждому обучающемуся задания в соответствии с его стилем. Однако дифференцированное обучение, основанное на учете когнитивных стилей, требует от преподавателя выявления когнитивно-стилевых предпочтений студентов с использованием различных психологических методик, а следовательно, специальной подготовки преподавателя и психологического сопровождения всего процесса обучения, что препятствует широкому применению уже разработанных методик учета когнитивных стилей в процессе обучения иностранному языку. Реализация нашей методики, основанной на предоставлении обучающемуся разнообразных видов учебных деятельностей, осуществляется за счет охвата широкого круга когнитивных стилей путем введения и тренировки новой информации в различных видах и формах. Обучающимся предоставляется возможность усвоения языковых и речевых структур через коммуникативные задания на чтение, аудирование, подготовку монологического высказывания, обсуждение

или проведение дискуссии, что требует владения конкретными приемами обработки информации, применение которых заложено в инструкции к выполнению задания. Представляется, что данная методика обла-

дает определенной универсальностью и может служить основой для организации процесса формирования межкультурной компетенции у студентов всех неязыковых специальностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ливер Б. Лу* Обучение всего класса. М. : Новая школа, 1995. 48 с.
2. *Брунер Дж.С.* Психология познания. За пределами непосредственной информации. М., 1977. 412 с.
3. *Соловова Е.Н.* Методика обучения иностранным языкам: базовый курс : пособие для студентов пед. вузов и учителей. М. : АСТ: Астрель : Политиздат, 2010. 238 с.
4. *Мильруд Р.П.* Повышение эффективности речевой ситуации как лексического приёма обучения // *Иностранные языки в школе*. 1983. № 2. С. 30–33.
5. *Ливер Б. Лу* Методика индивидуализированного обучения иностранному языку с учетом влияния когнитивных стилей на процесс его усвоения : дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. 191 с.
6. *Платонов К.К.* Краткий словарь системы психологических понятий. М. : Высш. шк., 1984. 174 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 13 января 2015 г.

ORGANIZATION OF STUDENTS' INTERCULTURAL COMPETENCE FORMATION IN VIEW OF THEIR COGNITIVE STYLES

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 191–198. DOI 10.17223/15617793/392/32

Soboleva Aleksandra V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sobolevasandra@tpu.ru

Obdalova Ol'ga A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: o.obdalova@mail.ru

Keywords: intercultural competence; cognitive strategies; foreign language skills development.

The cognitive style approach is considered to be one of the ways to create efficient learning environment aimed at communicative competence acquisition and facilitating teaching foreign language process at the university, since it is focused on the engagement of all student's personality resources in the learning and takes into account cognition processes of a foreign language acquisition. Since in the learning process cognitive styles manifest themselves as cognitive strategies, the allowance for students' cognitive styles in the process of communicative competence development implies such an organization of a teaching process that can provide the activation of different cognitive strategies and helps to achieve students' cognitive mobility. The article presents a methodology that allows integrating the development of student's personality cognitive parameters into the process of communicative competence development according to the steps of linguistic and speech units acquisition recognized in contemporary methodology. It requires differentiating between orientation, operational and creative stages. At the orientation stage the strategies of conceptualization and perception are to be developed. These include categorization, classification, generalization, systematization, anticipation, correlation, identification and others. At the operational stage the attention is paid to the processes of foreign information processing and contextual analysis and the strategies of synthesis, contextual guess, inference and others. Creative stage is aimed at the development of the strategies of critical evaluation and the objective interpretation of new information in a foreign language within intercultural dialogue. This stage involves problem solving tasks and simulations. The implementation of these stages is provided by various communicative tasks that are set with the help of instructions which implicate certain strategies to be applied to complete the task. The methodology requires a teacher to use the algorithm of teaching process allowing for students' cognitive styles organization when preparing for the lessons. It includes the preparatory phase, the performance phase, the reflection and monitoring phase that provide both students' communicative and cognitive development in the teaching process. It also helps a teacher to provide effective balance between cognitive styles involved by students into the communicative tasks performance. On the one hand, this allows assuring differentiation of a learning process as it creates advantageous language learning conditions for every student with their cognitive peculiarities. On the other hand, it conditions the wider range of strategies applied by a student thus contributing to learning efficiency.

REFERENCES

1. Liver B.L. *Obuchenie vsego klassa* [Teaching the whole class]. Moscow: Novaya shkola Publ., 1995. 48 p.
2. Bruner J.S. *Psikhologiya poznaniya. Za predelami neposredstvennoy informatsii* [Cognition. Beyond immediate information]. Translated from English. Moscow: Progress Publ., 1977. 412 p.
3. Solovova E.N. *Metodika obucheniya inostrannym yazykam: bazovyy kurs* [Methodology of teaching foreign languages: basic course]. Moscow: AST: Astrel': Politizdat Publ., 2010. 238 p.
4. Mil'rud R.P. Povyshenie effektivnosti rechevoy situatsii kak leksicheskogo priema obucheniya [Improving the efficiency of the speech situation as a lexical training tool]. *Inostrannyye yazyki v shkole*, 1983, no. 2, pp. 30–33.
5. Liver B.L. *Metodika individualizirovannogo obucheniya inostrannomu yazyku s uchetom vliyaniya kognitivnykh stiley na protsess ego usvoeniya*: dis. kand. ped. nauk [Methodology of individualized teaching a foreign language with the influence of cognitive styles on the process of learning. Pedagogy Cand. Diss.]. Moscow, 2000. 191 p.
6. Platonov K.K. *Kratkiy slovar' sistemy psikhologicheskikh ponyatiy* [A Concise Dictionary of Psychological Concepts]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1984. 174 p.

Received: 13 January 2015

ВЛИЯНИЕ ОЛИМПИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА САМООЦЕНКУ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ДЕТСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО ЛАГЕРЯ

Рассматриваются результаты применения олимпийского образования детей среднего школьного возраста в условиях детского образовательного-оздоровительного лагеря. Показана возможность применения олимпийского образования для повышения самооценки детей. В качестве главного средства формирования самооценки детей рассматриваются олимпийские уроки. Приводятся результаты положительного влияния олимпийского образования на формирование адекватной самооценки в процессе учебной и физкультурно-спортивной деятельности детей среднего школьного возраста в условиях детского образовательного-оздоровительного лагеря.

Ключевые слова: олимпийское образование; самооценка; дети среднего школьного возраста; физкультурно-спортивная деятельность.

Проблема становления самосознания и самооценки личности является одной из самых значительных и актуальных. Самооценка – это центральное звено произвольной саморегуляции, которая определяет направление и уровень активности человека, его отношения с окружающим миром, людьми, с самим собой [1. С. 116–126].

Средний школьный возраст по многим аспектам является ключевым для формирования личности. Во многом от эффективности организации учебно-воспитательной деятельности будет зависеть успешность дальнейшего обучения в школе, наличие уверенности в собственных силах, желание и умение достигать поставленные цели.

В работах ряда исследователей самооценка интерпретируется как образование личности, принимающее непосредственное участие в регуляции поведения и деятельности, как автономная характеристика личности, ее главный компонент, формирующий при активном участии самой личности и отображающий своеобразие ее внутреннего мира [2–5].

В психолого-педагогической литературе выделяют особенности формирования самооценки у детей среднего школьного возраста. Школьники в основном адекватно осознают свои достоинства и недостатки, учитывают отношение к ним со стороны окружающих. Это имеет огромное значение для развития личности, сознательного усвоения норм поведения, следования положительным образцам [6. С. 294].

Формирование самооценки в этом возрасте динамично и обычно идет по трем основным направлениям: самооценка становится частной, т.е. дифференцированной; возрастает число качеств личности и видов деятельности, оцениваемых ребенком; возникает оценка себя во времени.

Самооценка участвует во всех механизмах адаптации человека к условиям жизни. Кроме того, самооценка участвует в процессах активной перестройки как своей жизни, так и условий среды, т.е. является «внутренним двигателем» человека [7. С. 115].

В качестве результата самооценки исследователи выделяют следующие характеристики: в результате осуществления самооценки индивид узнает, превосходит ли его исполнение стандарт, равняется ему или не достигает его; личность сверяет себя с эталоном и в зависимости от результатов проверки оказывается довольна или недовольна собой; констатация лично-

стью качественных, содержательных особенностей своего «Я», своих физических сил, умственных способностей, поступков, своего отношения к окружающим и к себе [8. С. 96].

В нашей стране физическая культура и спорт рассматриваются как одно из важнейших средств воспитания человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство. Физкультурно-спортивная деятельность способствует тому, что формы и оттенки поведения и общения человека становятся шире, богаче. Совершенствуемое в ходе занятий спортом умение взаимодействовать и общаться с людьми с ними переносится на другие сферы жизни и деятельности.

В связи с этим нами разработана и внедрена в практику общеобразовательных школ г. Томска и Томской области Программа олимпийского образования школьников и показана ее эффективность в формировании их нравственной культуры средствами олимпизма. Олимпийское образование школьников осуществлялось в форме олимпийских уроков [10. С. 163–167].

Одной из главных задач олимпийских уроков является формирование нормальной (адекватной) самооценки личности детей. В качестве нормы самооценки применяются такие параметры, как ценностные ориентации, идеалы личности, уровень притязаний, требования, предъявляемые коллективом, и др. Сопоставление объективных показателей развития характеристик и их самооценки позволяют говорить об адекватности самооценки: нормальная самооценка, завышенная и заниженная [9. С. 68].

Цель исследования заключалась в экспериментальной проверке влияния олимпийского образования на формирование самооценки школьников в условиях детского образовательного-оздоровительного лагеря (ДООЛ).

Организация и методы исследования. Для реализации данной цели в ДООЛ «Лукоморье» г. Томска в рамках эксперимента в 2014 г. программа сезона включала в себя проведение у школьников олимпийских уроков. На данных уроках детей знакомили с историей создания Олимпийских игр, особенностями, целями и задачами Олимпийского движения. В ходе обсуждения истории возникновения и проведения первых Олимпийских игр современности, создания Международного олимпийского комитета, Национального олимпийского комитета дореволюционной и послереволюционной России происходит ознакомле-

ние школьников с олимпийской атрибутикой и символикой (факел и церемония его зажжения, олимпийский флаг с пятью кольцами и обозначения этих символов в Олимпийском движении). На основе материалов видеосъемок школьники знакомятся с первыми российскими олимпийскими чемпионами и призёрами, выдающимися спортсменами современности, с томскими спортсменами-олимпийцами и т.д. На реализацию теоретической части олимпийских уроков уходило 1,5 ч в день в течение сезона отдыха.

К практическим средствам Программы олимпийского образования относятся: физические упражнения, непосредственное участие в соревнованиях и их организации, ознакомительные выезды на городские соревнования, знакомство с известными спортсменами Томской области, оздоровительно-рекреационные походы, совместное участие в подготовке соревновательной деятельности с использованием творческого подхода, взаимопомощь и моральная поддержка товарищей во время соревнований, посещение мастер-классов спортсменов Томской области, самоконтроль и самоанализ в тренировочном процессе. На их реализацию уходило 2,5 ч в день в течение сезона отдыха [10. С. 163–167].

Для оценки эффективности олимпийских уроков в условиях ДООЛ в начале и конце сезона проводилось исследование, направленное на формирование нормального уровня самооценки детей среднего школьного возраста.

Для выявления уровня самооценки до и после эксперимента использовался опросник Г.Н. Казанцевой, который включает 32 суждения. Предлагается пять вариантов ответов, каждый из которых кодируется баллами по следующей схеме: очень часто – 4 балла; часто – 3 балла; иногда – 2 балла; редко – 1 балл; никогда – 0 баллов.

Затем подсчитывается общее количество баллов по всем суждениям и оценивается по следующей шкале: 0–25 баллов – высокий уровень самооценки; 26–45 баллов – средний уровень самооценки; 46–128 баллов – низкий уровень самооценки [11. С. 15].

В педагогическом эксперименте приняли участие 117 человек в возрасте 11–12 лет. Из них 57 детей контрольной группы (28 мальчиков и 29 девочек) и 60 экспериментальной (23 мальчика и 37 девочек).

Результаты и их обсуждение. Результаты анкетирования детей, направленного на выявление уровня их самооценки, до и после введения олимпийских уроков, представлены в таблице.

В ходе анкетирования в начале сезона было выявлено, что у детей контрольной и экспериментальной групп в уровне самооценки различий не обнаружено (50–52% – высокая самооценка, 48–50% – нормальная самооценка, 0% – низкая самооценка). Положительным фактом является то, что в исследуемых группах не оказалось детей с заниженной самооценкой. Известно, что заниженная самооценка может способствовать развитию «комплекса неполноценности», неуверенности в своих силах, повышению уровня тревожности, что в целом может негативно отразиться на физическом и психическом здоровье ребенка.

Завышенная самооценка приводит к тому, что человек склонен переоценивать свои возможности, ча-

сто ставит себе недостижимые, нереальные цели, это может привести к заниженной самооценке. Нормальная самооценка важна в среднем школьном возрасте, так как у детей с завышенной или заниженной самооценкой могут возникнуть трудности в установлении контактов со сверстниками, часто бывает, что коллектив не принимает таких детей.

Показатели детей экспериментальной (n = 60 чел.) и контрольной групп (n = 57 чел.) до и после эксперимента, %

Этап эксперимента	Контрольная группа			Экспериментальная группа		
	Заниженная самооценка	Нормальная самооценка	Высокая самооценка	Заниженная самооценка	Нормальная самооценка	Высокая самооценка
До эксперимента	0	48	52	0	50	50
После эксперимента	0	60	40	0	75	25

В конце сезона было проведено анкетирование школьников, направленное на определение самооценки после применения в экспериментальной группе Программы олимпийского образования. В результате анкетирования установлено, что уровень нормальной самооценки у детей контрольной группы повысился на 12%, тогда как в экспериментальной группе после применения Программы олимпийского образования уровень нормальной самооценки повысился на 25%.

Мы считаем, что увеличение количества детей с нормальной самооценкой в экспериментальной группе связано с применением разработанной нами Программы олимпийского образования, в которой важное значение имеет организация встреч со спортсменами-олимпийцами. В ходе этих встреч в процессе общения с детьми экспериментальной группы спортсмены делились своим опытом спортивной деятельности, рассказывали о процессе самовоспитания моральных и волевых качеств, о негативных последствиях «звездной болезни» и т.д. Кроме этого, в Программе олимпийского образования присутствует психорегулирующая тренировка, которая направлена на мобилизацию эмоциональных, интеллектуальных и волевых ресурсов человека. Способность к саморегуляции своего эмоционального состояния, поведения и деятельности также способствует формированию адекватной самооценки детей среднего школьного возраста.

Выводы. Проведенное исследование показало положительное влияние Программы олимпийского образования на формирование самооценки детей в экспериментальной группе, уровень нормальной самооценки по сравнению с детьми контрольной группы значительно повысился (на 25 и 12% соответственно).

Дети экспериментальной группы стали больше рассчитывать на успех в своих делах, повысилась уверенность в себе, дети научились находить компромиссы, стали более лояльно относиться к своим неудачам, научились преодолевать различные препятствия в выполнении поручений или дел, а также перестали бояться трудностей. Поэтому необходимо более широкое внедрение программы Олимпийского образования школьников как в общеобразовательных школах в течение учебного года, так и в период летнего отдыха детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотова А.К. Развитие самосознания личности: временной аспект // Вопросы психологии. 2006. № 2. С. 116–126.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968. 464 с.
3. Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М., 1984. 335 с.
4. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. М., 1986. 144 с.
5. Эриксон Э.Х. Детство и общество. Нью-Йорк, 1963. 44 с.
6. Лисина М.И. Общение, личность и психика ребенка. М., 2007. 294 с.
7. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994. 115 с.
8. Горбунов Г.Д. Психопедагогика спорта. М. : ФиС, 2006. 96 с.
9. Шибупшны Т. Я-концепция и чувство собственного достоинства // Самосознание и защитные механизмы личности. Самара : Бахрах-М, 2003. 68 с.
10. Сосуновский В.С., Дурас Е.Е., Заглевская А.И. Олимпийское образование как средство формирования нравственной культуры школьников // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 163–167.
11. Истратова О.Н., Эксакусто Т.В. Справочник психолога средней школы. М., 2002. 15 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 24 декабря 2014 г.

EFFECTS OF THE OLYMPIC EDUCATION ON THE SELF-ESTEEM OF CHILDREN IN CHILDREN'S EDUCATIONAL AND HEALTH CAMPS

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 199–201. DOI 10.17223/15617793/392/33

Sosunovsky Vadim S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vadim_sergeevich@sibmail.com

Keywords: Olympic education; self-esteem; children of secondary school age; sports activities.

The problem of formation of self-awareness and self-identity is one of the most important and urgent. Self-assessment is the central link of any self-regulation which determines the direction and levels of activity of the person, their relationship with the world, with people, with oneself. Psychological and pedagogical literature allocates the features of formation of self-esteem in children of secondary school age. Students are generally aware of their true strengths and weaknesses, taking into account others' attitude to them. It is of great importance for the future development of the individual, for conscious assimilation of ethics, for following positive examples. Self-esteem is involved in all the mechanisms of human adaptation to life conditions. In addition, self-esteem is involved in the active restructuring of one's own life and the environmental conditions; it is an "internal engine" of a person. Researchers identify the following characteristics of self-esteem results: in the result of self-esteem people learn whether their performance is superior to a standard, equal to it or does not reach it. It should be noted that high self-esteem results in the person's inclination to overestimate the opportunities, unreachable, unreal goal setting, it can lead to an underestimated self-esteem. Normal self-esteem is important, for secondary school children with overestimated or underestimated self-esteem can have difficulties in making contacts with contemporaries; it often happens that the collective does not accept such children. In our country, physical education and sports are considered as one of the most important means of educating a person harmoniously combining spiritual wealth, moral purity and physical perfection. In this regard, we have developed the Olympic Education program and put it into the practice of schools of the city of Tomsk and Tomsk Oblast. The schools proved its effectiveness in shaping the students' moral culture by means of Olympism. Olympic education of students was in the form of Olympic lessons. One of the main tasks of the Olympic classes is developing a standard self-esteem in children. To evaluate the effectiveness of the Olympic classes in a camp, a study was conducted at the beginning and end of the season aimed at the formation of secondary school children's self-esteem. To identify the level of self-esteem before and after the experiment the questionnaire of G.N Kazantseva was used. Children in the experimental group, which practised Olympic education became more hopeful for success in their activities, their self-esteem increased; the children learned to compromise, became more loyal to their failures, learned to overcome various obstacles in fulfilling orders or doing things and ceased to be afraid of difficulties.

REFERENCES

1. Bolotova A.K. Razvitiye samosoznaniya lichnosti: vremennoy aspekt [The development of person's self-consciousness: the temporal aspect]. *Voprosy psikhologii*, 2006, no. 2, pp. 116–126.
2. Bozhovich L.I. *Lichnost' i ee formirovaniye v detskom vozraste* [Personality and its formation in childhood]. Moscow: Prosveshcheniye Publ., 1968. 464 p.
3. Kon I.S. *V poiskakh sebya: Lichnost' i ee samosoznanie* [In search of self: personality and its self-consciousness]. Moscow: Politizdat Publ., 1984. 335 p.
4. Lisina M.I. *Problemy ontogeneza obshcheniya* [Communication ontogeny problems]. Moscow: Pedagogika Publ., 1986. 144 p.
5. Erikson E.H. *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and Society]. New York, 1963. 44 p.
6. Lisina M.I. *Obshchenie, lichnost' i psikhika rebenka* [Communication, personality and psyche of the child]. Moscow: Institute of Applied Psychology Publ., 2007. 294 p.
7. Rogers K. *Vzglyad na psikhoterapiyu. Stanovlenie cheloveka* [Looking at psychotherapy. Becoming a person]. Moscow: Progress Publ., 1994. 115 p.
8. Gorbunov G.D. *Psikhopedagogika sporta* [Psycho-pedagogy of sports]. Moscow: FiS Publ., 2006. 96 p.
9. Shibupshni T. *Ya-kontseptsiya i chuvstvo sobstvennogo dostoinstva* [I-concept and self-esteem]. In: Raygorodskiy D.Ya. (ed.) *Samosoznanie i zashchitnye mekhanizmy lichnosti* [Self-consciousness and defense mechanisms of the individual]. Samara: Bakhrakh-M Publ., 2003. 68 p.
10. Sosunovskiy V.S., Duras E.E., Zagrevskaya A.I. Olympic education as a means of forming the moral culture of schoolchildren. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 385. pp. 163–167. (In Russian).
11. Istratova O.N., Eksakusto T.V. *Spravochnik psikhologa sredney shkoly* [Handbook of a school psychologist]. Moscow: Akademiya Publ., 2002. 15 p.

Received: 24 December 2014

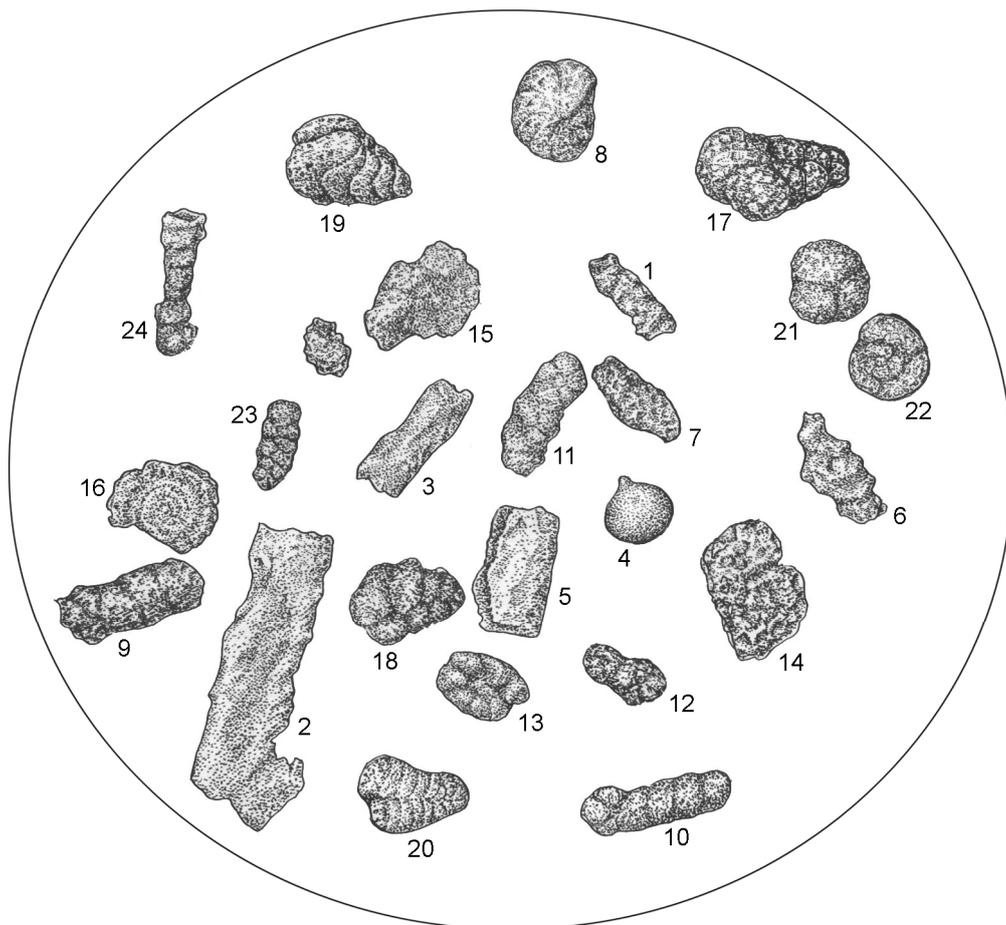

Рис. 1. Комплекс фораминифер с *Haplophragmium chapmani*, *Ammoscalaria antis*. Омская область, Камышловская площадь, скв. 1-р, ин-л глубин 894,7–891,68 м. Нижний коньяк (x28): 1 – *Rhizammina* sp.; 2, 3 – *Bathysiphon vitta* Nauss; 4 – *Saccamina complanata* (Franke); 5 – *Hyperammina* sp.; 6, 7 – *Reophax inordinatus* Young; 8 – *Haplophragmoides rota* Nauss sibiricus Zaspelova; 9–12 – *Haplophragmium chapmani* (Tappan); 13 – *Ammomarginulina* aff. *haplophragmoidaeformis* (Balakhmatova); 14–16 – *Ammoscalaria antis* Podobina; 17–19 – *Textularia anceps* Reuss; 20 – *Spiroplectammina orientalis* Kisselman; 21, 22 – *Trochammina wetteri* Stelck et Wall; 23 – *Gaudryinopsis angustus* Podobina; 24 – *Pseudoclavulina hastata* (Cushman)

В вышележащих отложениях из интервала глубин 164,0–150,0 м встречен комплекс позднеконьякских известковых секреторных фораминифер *Dentalina tineiformis*, *Cibicides sandidgei*, соответствующий в Южном Зауралье дискорбисовому комплексу из нижнеберезовской подсвиты, а на востоке Западной Сибири – с *D. basiplanata*, *D. tineiformis* из верхов ипатовской свиты (зеленые прослои алевролитов в нарымском железорудном горизонте) [5, 6]. В составе позднеконьякского комплекса из разреза скв. 23 определены 25 видов, из которых наиболее характерны *Discorbis sibiricus* Dain, *Anomalina sibirica* Dain, *Cibicides sandidgei* Brotzen, *Gavelinella thalmani* (Brotzen), *G. lorneiana* (d'Orbigny), *Brotzenella stelligera* (Marie), а также разнообразные лагениды. Слои с этими двумя комплексами ранее выделены автором как одноименные зоны (рис. 2). Позднеконьякский комплекс фораминифер характерен для верхнеконьякской зоны *Gavelinella costulata*, распространенной на западе Восточно-Европейской платформы. Находки радиолярий обнаружены Т.А. Липницкой во всех образцах скв. 23 интервала 160,0–150,0 м и отнесены к комплексу с *Ommatodiscus mobilis*, характерному для коньякских отложений Западной Сибири.

Южнее в Зауралье позднеконьякский комплекс встречен в камышловской свите, изученный Г.Н. Папуловым и Э.О. Амоном [2], а затем В.М. Подобиной и Э.О. Амоном [13]. Восточнее данные стратоны (нижнеберезовская подсвита и камышловская свита) коррелируются с седельниковской и ипатовской свитами [6].

Отложения исследуемого стратиграфического уровня сопоставляются Г.Н. Папуловым и Э.О. Амоном с дискорбисовой зоной, впервые выделенной Л.Г. Дайн в Шумихинском разрезе Южного Зауралья [9]. По мнению Ф.В. Киприяновой [10] и Э.О. Амона [2], дискорбисовая зона, ранее выделяемая Л.Г. Дайн [9] в объеме всей березовской свиты, включает дискорбисовый (нижний – нижнеберезовская подсвита коньякского возраста) и аномалинидовый (верхний – верхнеберезовская подсвита = славгородская свита сантон-раннекампанского возраста) комплексы. В работе [13] приводится подробная характеристика комплекса фораминифер коньякского яруса в пределах разных районов Западной Сибири.

Нижние слои ипатовского горизонта (низы седельниковской свиты) и самые верхи кузнецовского горизонта (кузнецовская свита) в центральном районе со-

держат комплекс фораминифер с *Haplophragmium chapmani*, *Ammoscalaria antis* [5, 6]. В составе этого комплекса присутствуют виды, многие из которых характерны для нижележащего позднегуронского ком-

плекса с *Pseudoclavulina hastata*. Подобный комплекс смешанного видового состава отчетливо выделяется в Зауралье, центральном районе, и включающие его слои, возможно, относятся к нижнему коньяку.

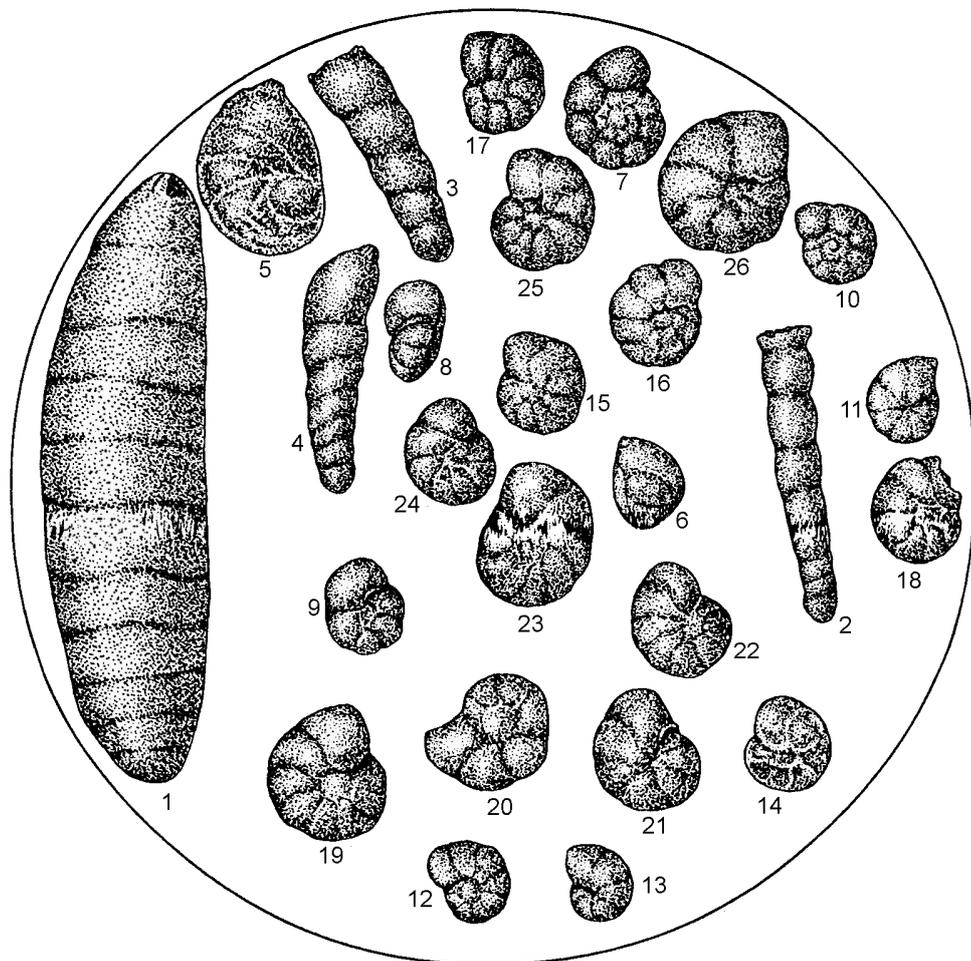

Рис. 2. Комплекс фораминифер с *Dentalina tineiformis*, *Cibicides sandidgei*. Тюменская область, юго-западнее пос. Березово, Федоровская геологосъемочная экспедиция, скв. 23-к, гл. 158 м. Верхний коньяк (x28): 1 – *Dentalina tineiformis* Scharovskaja; 2, 3 – *Dentalina basiplanata* Cushman; 4 – *Dentalina megalopolitana* Reuss; 5 – *Lenticulina subangulata* (Reuss); 6 – *Quinqueloculina* sp.; 7, 8 – *Valvulineria lenticula* Reuss *plummerae* Loetterle; 9 – *Bagginoides quadrilobus* (Mello); 10, 11 – *Discorbis sibirica* Dain; 12–17 – *Cibicides sandidgei* Brotzen; 18–25 – *Gavelinella thalmani* (Brotzen)

В породах ипатовской свиты восточного района, за исключением верхних слоев, относящихся к нарымскому железорудному горизонту, и самых нижних ее слоев с разными фораминиферами микрофауна пока не обнаружена. Возраст этой свиты на основании находок в ее нижних слоях смешанных туронских и коньякских фораминифер и ее синхронности седельниковской свиты, а также нижеберезовской подсвите, охарактеризованной в большей части коньякскими фораминиферами, условно датируется коньякским возрастом. Мощность ипатовской свиты изменяется от 60 м в районе Пудино до 270 м в районе Напаса. В верхних слоях ипатовской свиты прослеживается нарымский железорудный горизонт, в прослоях зеленоватых алевролитов которого обнаружены известковые фораминиферы коричневатого цвета позднеконьякского комплекса с *Dentalina basiplanata*, *D. tineiformis* (рис. 3). Отдельные виды этого комплекса аналогичны позднеконьякскому комплексу Зауралья,

выделенному с двумя видами-индексами *Dentalina tineiformis*, *Cibicides sandidgei* [5, 6, 15] (см. таблицу).

В породах верхней половины седельниковской свиты ипатовского горизонта центрального района ранее выделена [1] зона «нехарактерных фораминифер». Здесь обычно встречаются грубозернистые агглютированные раковины родов *Psammosphaera*, *Reophax*, *Labrospira*, *Haplophragmoides*, *Ammobaculites*. По своему облику и составу, а также стратиграфическому положению эти формы могут относиться к обедненной коньякской ассоциации фораминифер.

В юго-восточном районе (Северский полигон вблизи г. Томска) в разрезах скважин Е-150 (402,0–398,6 м), С-174 (353,6–352,9 м), С-160 (360,5–353,5 м) в коричневатых глинах (мощностью до 20 м), соответствующих ипатовскому горизонту, обнаружены фораминиферы коньякского возраста. Здесь автором установлен общий для коньяка комплекс с *Haplophragmium chapmani*, *Cibicides sandidgei* [7] (см. таблицу, рис. 4).

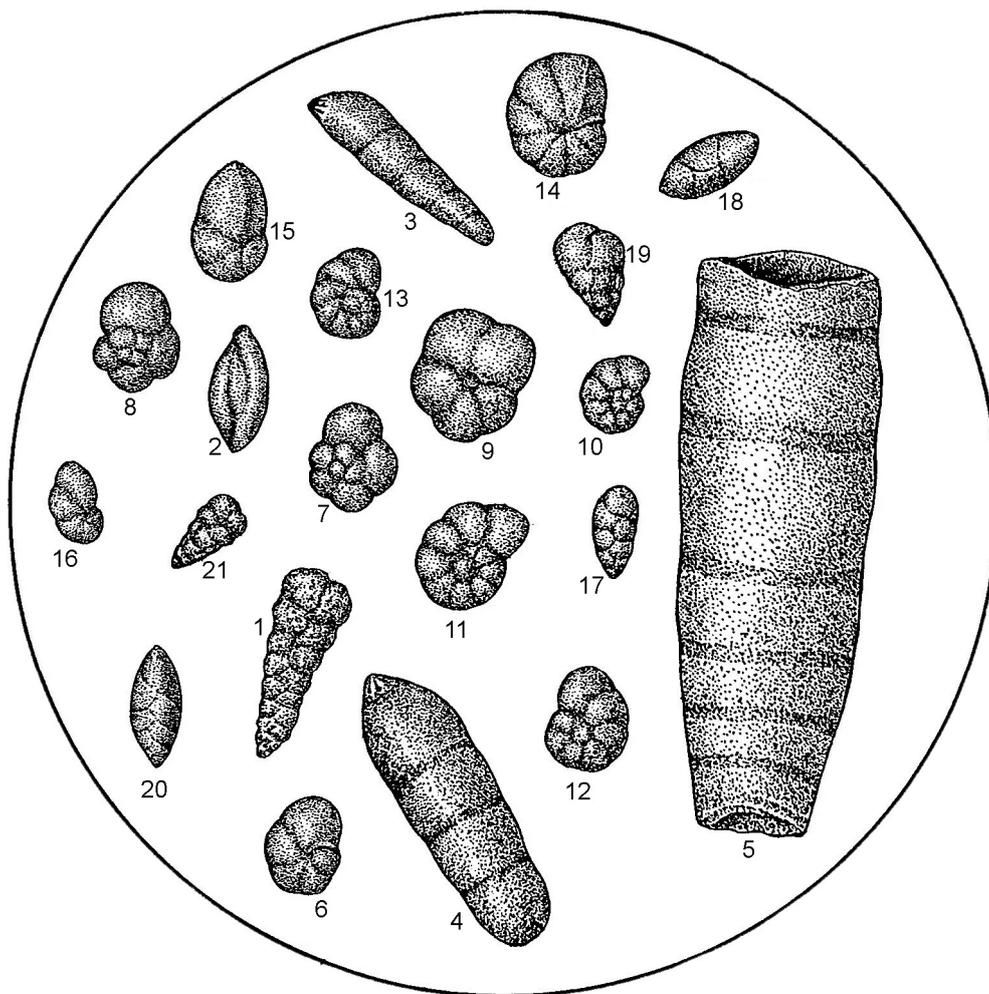

Рис. 3. Комплекс фораминифер с *Dentalina basiplanata*, *D. tineiformis*. Томская область, Средне-Парабельская площадь, скв. 20-к, инт-л глубин 307,0–299,0 м. Верхний коньяк (x40): 1 – *Textularia* sp.; 2 – *Quinqueloculina stolleyi* Brotzen; 3 – *Dentalina megalopolitana* Reuss; 4 – *Dentalina basiplanata* Cushman; 5 – *Dentalina tineiformis* Scharovskaja; 6–9 – *Bagginoides quadrilobus* (Mello); 10, 11 – *Valvulineria lenticula* Reuss *plummerae* Loetterle; 12–14 – *Cibicides sandidgei* Brotzen; 15, 16 – *Nonionellina austinana* (Cushman); 17 – *Bulimina proluxa* Cushman; 19, 21 – *B. trihedra* Cushman; 18, 20 – *Praebulimina gracilis* (Vassilenko)

В разрезах скважин юго-восточного района (Северский полигон) в коньякском комплексе установлены виды, ранее известные в коньяке Зауралья (скв. 23); в восточном районе в позднем коньяке (Средне-Парабельская, Нарымская и другие площади) и единично в нижнем коньяке центрального района (Камышловская площадь) [6, 7]. Коньякскому ярусу соответствует в основном ипатовский горизонт с соответствующими в разных районах местными стратиграфическими подразделениями – свитами. Тектоническая обстановка в разных районах Западной Сибири в коньякское время отличалась активностью и была более значимой в восточном районе.

На северо-западе Зауралья (бассейн р. Сыни) [8] аналогичные слои (усть-маньинская свита) охарактеризованы, по данным Л.С. Алексейчик-Мицкевич, комплексом фораминифер *Cibicides sandidgei*, *Parella whitei* совместно с иноцеррами и актинокаксами коньякского возраста. На этой территории В.З. Махлиным определены коньякские *Actinocamax* aff. *groenlandicus* Birkel, *A.* ex gr. *verus fragilis* Arkhangel'sky, *A. lundgreni* Stoll, а Н.П. Михайловым и С.А. Добролюбовым установлены *Inoceramus* cf.

anomalis Heine, *I.* sp. (ex gr. *involutus*), *Scaphites* sp. indet. [8].

В центральном районе равнины (Камышловская площадь, скв. 1-р, гл. 891,72–891,68 м и 2-р, ин-л гл. 907,73–901,73 м) автором [6, 7] в составе раннеконьякского комплекса, выделяемого с видами-индексами – *Haplophragmium chapmani*, *Ammoscalaria antis*, определены следующие виды: *Rhabdammina cylindrica* Glaessner, *Rhizammina indivisa* Brady, *Bathysiphon vitta* Nauss, *Psammospaera laevigata* White, *Saccamina complanata* (Franke), *S. sphaerica* (M. Sars), *Reophax remotus* Podobina, *R. angustus* Belousova, *R. inordinatus* Young, *Labrospira collyra* (Nauss), *Haplophragmoides rota* Nauss *sibiricus* Zaspelova, *H. crickmayi* Stelck et Wall, *Recurvoidella sewellensis* (Olsson) *parvus* (Belousova), *Ammobaculites dignus* Podobina, *A. agglutiniformis* Podobina, *Haplophragmium chapmani* (Tappan), *Ammomarginulina* cf. *haplophragmoidaeformis* (Balakhmatova), *Ammoscalaria antis* Podobina, *Spiroplectammina orientalis* Kisselman, *Trochammina boemi* Franke, *T. arguta* Podobina, *Pseudoclavulina hastata* (Cushman), *Gaudryinopsis angustus* Podobina, *Arenogaudryina granosa* Podobina (см. рис. 1).

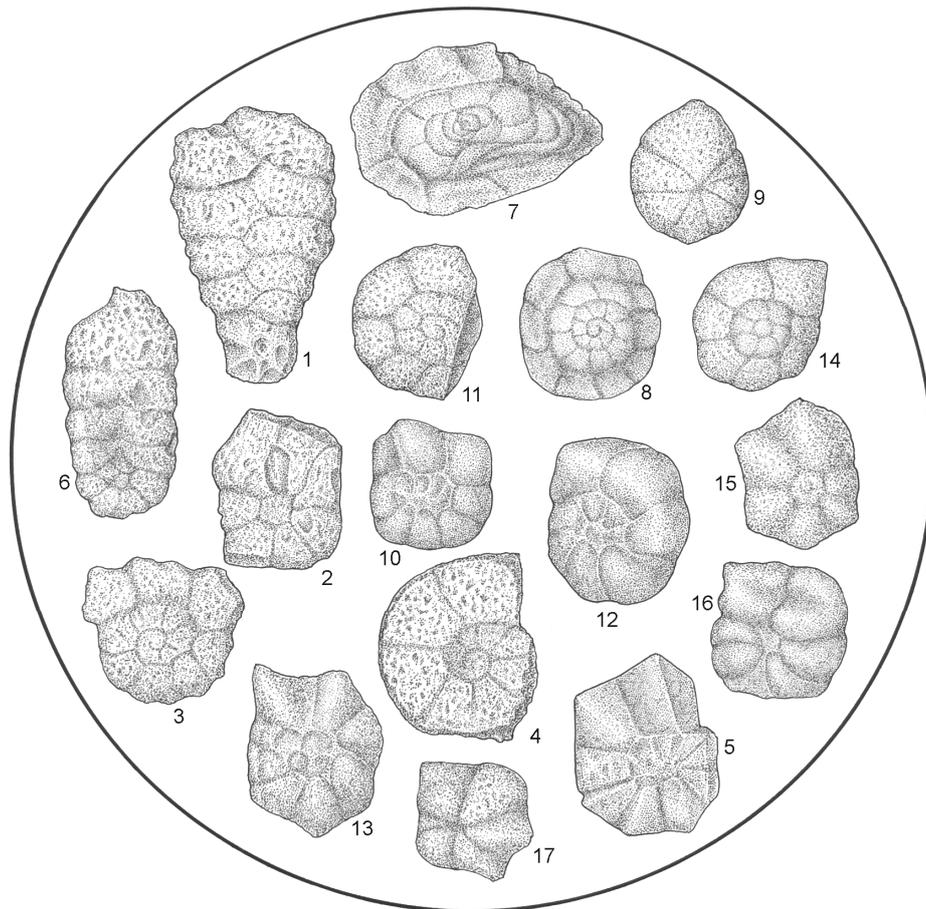

Рис. 4. Комплекс фораминифер с *Haplophragmium chapmani*, *Cibicides sandidgei*. Томская область, Северский полигон, скв. С-160, гл. 353,0 м. Коньяк (x25): 1 – *Spiroplectammina orientalis* Kisselman; 2, 3 – *Labrospira senonica* Podobina; 4, 5 – *Ammoscalaria antis* Podobina; 6 – *Haplophragmium chapmani* (Tappan); 7, 8 – *Cymbalopora martini* (Brotzen); 9, 14–17 – *Cibicides* cf. *sandidgei* Brotzen; 13 – *Pseudovalvulineria* cf. *praeinfrasantonica* (Mjatljuk)

По данным М.И. Таначевой [12], в северном районе в разрезе скв. 98-р на Юрхаровской площади (инт-л гл. 1112,0–1097,5 м) обнаружен коньякский комплекс фораминифер, в котором ею выделен в качестве зонального вид *Ammobaculoides unicus* Tanacheva. Автору настоящей работы удалось посмотреть коллекции фораминифер этого разреза и установить следующий видовой состав раннеконьякского комплекса: *Psammosphaera laevigata* White, *Lituotuba confusa* (Zaspelova), *Haplophragmoides rota* Nauss *sibiricus* Zaspelova, *H. idoneus* Podobina, *H. crickmayi* Stelck et Wall, *Recurvoidella sewellensis* Olsson *parvus* Belousova, *Ammoscalaria antis* Podobina, *Ammobaculoides unicus* Tanacheva, *Textularia foeda* Reuss, *Trochammina arguta* Podobina, *T. wetteri* Stelck et Wall, *Pseudoclavulina hastata* (Cushman). В качестве второго вида-индекса В.М. Подобиной добавлен вид *Ammoscalaria antis* (см. таблицу).

Раковины данного комплекса обладают своеобразным обликом: они обычно грубозернистые, светло-серого цвета, целостность многих форм нарушена. Несмотря на наличие некоторых видов, перешедших сюда из турона, общий облик и состав комплекса больше тяготеет к раннеконьякской ассоциации фораминифер. Этот комплекс близок к таковому с *Trochammina* sp., выделенному Д. Воллом [17] в Канаде из слоев, охарактеризованных *Scaphites ventricosus*.

Автору удалось исследовать виды этого и вышележащего позднеконьякского комплекса (два образца из пачки Маскики присланы Д. Воллом из Канады) [6].

Фораминиферы из нижнего образца можно сопоставить с западносибирским раннеконьякским комплексом *Haplophragmium chapmani*, *Ammoscalaria antis*. В нем так же, как и в западносибирском комплексе, есть виды, общие с туронскими, среди которых отмечается резкое увеличение трохаммин, викарирующих *Trochammina arguta* Podobina. Весьма характерен в этом комплексе вид-индекс *Haplophragmium chapmani* (Tappan), по ряду морфологических признаков отличающийся от западносибирского туронского *Haplophragmium incomprehensibile* (Ehremeeva).

Комплекс из верхнего образца [6, 17] характерен увеличением экземпляров вида *Spiroplectammina semicomplanata* (Carsey) (= aff. *S. orientalis* Kisselman) и появлением *Gavelinella talaria* (Nauss), подобных западносибирскому виду *Gavelinella praeinfrasantonica* (Mjatljuk). Можно предположить, что этот комплекс позднеконьякского возраста и сопоставим с западносибирским восточным – *Dentalina basiplanata*, *D. tineiformis*, в центральном районе – с комплексом так называемых нехарактерных фораминифер (седельниковская свита), в Зауралье – с *Dentalina tineiformis*, *Cibicides sandidgei*.

Сходный комплекс фораминифер с крупными лагенидами выделен Н.В. Шаровской [14] в Усть-Енисейской впадине в слоях, соответствующих нарымскому железорудному горизонту. Фораминиферы в разрезе Усть-Енисейской впадины сопровождаются находками коньякской макрофауны *Inoceramus russiensis* Nikitin, *I. crassicollis* Bodylevsky, *I. interruptus* Bodylevsky. Им соответствуют слои с *Dentalina basiplanata*, *D. tineiformis* (прослои алевролитов нарымского горизонта), где в комплексе наиболее характерны виды *Cibicides sandidgei* Brotzen, *Discorbis sibiricus* Dain и *Cymbalopora martini* (Brotzen). Первый и последний виды известны из коньякских отложений Швеции, что позволило Л.Г. Дайн [9], впервые выделившей подобный ком-

плекс в южном Зауралье, считать его возрастным аналогом шведского комплекса [16]. Вид *Discorbis sibiricus* Dain встретился в восточном районе в комплексе с *Dentalina basiplanata*, *D. tineiformis* наряду со *Spiroplectamina orientalis* Kisselman, некоторыми лагенидами и булимидами.

Следовательно, ипатовский горизонт, включающий нижеберезовскую подсвиту, седельниковскую и большую часть ипатовской свиты, а также на востоке нарымский железорудный горизонт в верхах ипатовской свиты и на юго-востоке (Северский полигон) отложения, коррелируемые с ипатовской свитой [7], на основании характерных комплексов фораминифер и по макрофауне относятся по возрасту к коньяку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булатова З.И., Войцель З.А. и др. Стратиграфия мезозоя и кайнозоя Западно-Сибирской низменности. М. : Гостоптехиздат, 1957. 148 с., 141 табл.
2. Папулов Г.Н., Амон Э.О. Камышловская свита в разрезе верхнемеловых отложений западной окраины Западно-Сибирской плиты. Деп. № 6962-В86. 1986. 20 с.
3. Подобина В.М. Фораминиферы и зональная стратиграфия верхнего мела Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. 175 с., 35 палеонт. табл., 25 рис.
4. Podobina V.M. Paleozoogeographic regionalization of Northern Hemisphere Late Cretaceous basins based on foraminifera // Proceedings of the Fourth International Workshop on Agglutinated Foraminifera, Krakow, Poland, September 12-19, 1993. Grzybowski Found. Spec. Publ., 1995. № 3. P. 239–247, 5 figs.
5. Подобина В.М. Типовой разрез коньякского яруса Западной Сибири и его микропалеонтологическая характеристика // Природокомплекс Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. Т. 1 : Геология и экология. С. 52–65., 8 пал. табл.
6. Подобина В.М. Фораминиферы и биостратиграфия верхнего мела Западной Сибири. Томск : Изд-во НТЛ, 2000. 388 с., 80 палеонт. табл., 8 табл., 13 рис.
7. Подобина В.М. Биостратиграфия и фораминиферы ипатовского горизонта Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 193–199.
8. Галеркина С.Г., Алексейчик-Мицкевич Л.С. и др. Стратиграфия верхнемеловых отложений севера Западной Сибири // Советская геология. 1982. № 12. С. 77–96.
9. Дайн Л.Г. Некоторые виды фораминифер меловых отложений Шумихинского района Челябинской области // Микрофауна СССР. Л. : Гостоптехиздат, 1961. С. 4–42 (Тр. ВНИГРИ, вып. 170).
10. Киприянова Ф.В. Еще раз к вопросу о сантонском ярусе Зауралья // Биостратиграфическая характеристика юрских и меловых нефтегазоносных отложений Западной Сибири. Тюмень, 1977. С. 49–54. (Тр. ЗапСибНИГНИ, вып. 119).
11. Региональная стратиграфическая схема по верхнему мелу Западной Сибири, 2005.
12. Танаичева М.И. Комплексы фораминифер из верхнемеловых отложений севера Западной Сибири // Биостратиграфическая характеристика юрских и меловых нефтегазоносных отложений Западной Сибири. Тюмень, 1977. С. 55–57 (Тр. ЗапСибНИГНИ, вып. 119).
13. Подобина В.М., Амон Э.О. Микропалеонтологическая характеристика коньякского яруса Западной Сибири // Вопросы геологии Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. Вып. 2. С. 183–192, 3 палеонт. табл.
14. Шаровская Н.В. Комплексы фораминифер из верхнемеловых отложений западной части Енисей-Хатангского прогиба // Ученые записки НИИГА. Сер. Палеонтол. и стратиграф. 1970. Вып. 30. С. 74–83.
15. Юшин В.И. Стратиграфия и фации верхнемеловых отложений территории Томской области // Вестник Западно-Сибирского и Новосибирского геологических управлений. Вып. 2. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1961. С. 9–21.
16. Brotzen F. Foraminiferen aus dem Schwedischen untersten Senon von Eriksdal in Schonen // Sver. Geol. Undersökn. 1936. Ser.C. No. 396. Årsbok 30, No. 3. 206 S. 14 Taf.
17. Wall J.H. Cretaceous Foraminifera of the Rocky Mountain Foothills, Alberta // Research Council of Alberta, 1967. Bulletin 020. 185 p.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 22 декабря 2014 г.

THE BIOSTRATIGRAPHY OF THE CONIACIAN STAGE OF WESTERN SIBERIA (BASED ON FORAMINIFERA AND PALEOZOOGEOGRAPHY)

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 202–208. DOI 10.17223/15617793/392/34

Podobina Vera M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: podobina@ggf.tsu.ru

Keywords: foraminifera; assemblages; paleozoogeographic districts; Coniacian; Western Siberia.

The objective of the present paper is to substantiate the location of the Coniacian Stage within the local and regional stratigraphic subunits of Western Siberia. Having summarized the data on foraminifera, molluscs, paleozoogeography with due regard to the tectonic movements, the present author came to a conclusion on the Coniacian Age of the Ipatovskian Horizon and the suites confined to it. The foraminiferal assemblages from these suites somewhat differ in their systematic composition throughout the section, but over the lateral they have some common species. In the north-west (near settlement Beryozovo, borehole 23, northern Transuralia) within the section of the Nizhne-Beryozovskaya Subsuite, the present author has found two Coniacian assemblages: *Haplophragmium chapmani* – *Ammoscalaria antis* (at depth 165.0 m; Early Coniacian) and *Dentalina tineiformis* – *Cibicides sandidgei* (depth interval 164.0–150.0 m; Late Coniacian). Beds enclosing these assemblages have been established by the author as the zones with the same names. In the south Transuralia, the Late Coniacian assemblage has been revealed within the section of the Kamyshevskaya Suite and studied by Papulov and Amon, and subsequently by Podobina and Amon. Eastwards, these strata (the Nizhne-

Beryozovskaya Subsuite and Kamyshlovskaya Suite) are correlatable with the Sedelnikovskaya Suite (the central district) and Ipatovskaya Suite (the eastern and south-eastern districts). The microfauna has not been revealed within the deposits of the Ipatovskaya Suite of the eastern district, except for the upper beds confined to the Narym iron-ore horizon, and the suite lowermost beds containing sporadic foraminifera. The suite is dated to the Coniacian on the base of finding the mixed (Turonian and Coniacian) foraminifera within the lower beds and its coincidence with the Sedelnikovskaya Suite as well as with the Nizhne-Beryozovskaya Subsuite characterized by the Coniacian foraminifera. The Coniacian age of the top of the suite has been also ascertained from the finds of the *Dentalina basiplanata* – *D. tineiformis* Assemblage within the greenish aleurolite interbeds of the Narym iron-ore horizon. Separate species of this assemblage are analogous to those from the Transuralian Late Coniacian *Dentalina tineiformis* – *Cibicides sandidgei* Assemblage. In the south-eastern district (the Seversk polygon near Tomsk), the Coniacian foraminifera have been discovered within deposits synchronous to the Ipatovskaya Suite (up to 50 m thick). Here, the author has established the *Haplophragmium chapmani* – *Cibicides sandidgei* Assemblage, species of which are characteristic for the Coniacian Stage as a whole. During the Coniacian time, the tectonic settings were notable for the activity in all paleogeographic districts of Western Siberia, and it was especially significant in the eastern part of this region. Hence, there is a great diversity of suites forming the Ipatovskian Horizon, as well as a variability of their foraminiferal assemblages.

REFERENCES

1. Bulatova Z.I., Voytsel' Z.A. et al. *Stratigrafiya mezozoya i kaynozoya Zapadno-Sibirskoy nizmennosti* [The stratigraphy of the Mesozoic and Cenozoic of the West Siberian Plain]. Moscow: Gostoptekhizdat Publ., 1957. 148 p.
2. Papulov G.N., Amon E.O. *Kamyshlovskaya svita v razreze verkhnelovyykh otlozheniy zapadnoy okrainy Zapadno-Sibirskoy plity* [The Kamyshlovskaya suite in the Upper Cretaceous section of the western margin of the West Siberian Plain]. Dep. no. 6962-V86. 1986. 20 p.
3. Podobina V.M. *Foraminifery i zonal'naya stratigrafiya verkhnego mela Zapadnoy Sibiri* [Foraminifera and zonal stratigraphy of the Upper Cretaceous of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1989. 175 p.
4. Podobina V.M. Paleogeographic regionalization of Northern Hemisphere Late Cretaceous basins based on foraminifera. *Proceedings of the Fourth International Workshop on Agglutinated Foraminifera, Krakow, Poland, September 12-19, 1993*. Grzybowski Found. Spec. Publ., 1995, no. 3, pp. 239–247.
5. Podobina V.M. *Tipovoy razrez kon'yakskogo yarusa Zapadnoy Sibiri i ego mikropaleontologicheskaya kharakteristika* [A typical section of the Coniacian of Western Siberia and its microfossil description]. Goncharenko A.I. (ed.) *Prirodokompleks Tomskoy oblasti* [Natural complex of Tomsk Oblast]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1995. Vol. 1, pp. 52–65.
6. Podobina V.M. *Foraminifery i biostratigrafiya verkhnego mela Zapadnoy Sibiri* [Foraminifera and biostratigraphy of the Upper Cretaceous of Western Siberia]. Tomsk: NTL Publ., 2000. 388 p.
7. Podobina V.M. Biostratigraphy and foraminifera of Ipatovskian Horizon of Western Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 369, pp. 193–199. (In Russian).
8. Galerkina S.G., Alekseychik-Mitskevich L.S. et al. Stratigrafiya verkhnelovyykh otlozheniy severa Zapadnoy Sibiri [The stratigraphy of the Upper Cretaceous deposits of the north of Western Siberia]. *Sovetskaya geologiya*, 1982, no. 12, pp. 77–96.
9. Dayn L.G. *Nekotorye vidy foraminifer melovyykh otlozheniy Shumikhinskogo rayona Chelyabinskoy oblasti* [Some species of foraminifera of the Cretaceous sediments in Shumikhinsky District of Chelyabinsk Oblast]. In: Grozdilova L.P. (ed.) *Mikrofauna SSSR* [Microfauna of the USSR]. Leningrad: Gostoptekhizdat Publ., 1961, pp. 4–42.
10. Kipriyanova F.V. *Eshche raz k voprosu o santonskom yaruse Zaural'ya* [Again on the issue of the Santonian tier of Tras-Urals]. In: Braduchan Yu.V. (ed.) *Biostratigraficheskaya kharakteristika yurskikh i melovyykh neftegazonosnykh otlozheniy Zapadnoy Sibiri* [Biostratigraphic characteristics of the Jurassic and Cretaceous oil and gas deposits in Western Siberia]. Tyumen: ZapSibNIGNI Publ., 1977, pp. 49–54.
11. *Regional'naya stratigraficheskaya skhema po verkhnemu melu Zapadnoy Sibiri* [Regional stratigraphic scheme for the Upper Cretaceous of Western Siberia], 2005.
12. Tanacheva M.I. *Kompleksy foraminifer iz verkhnelovyykh otlozheniy severa Zapadnoy Sibiri* [Foraminifera assemblages from the Upper Cretaceous sediments in the north of Western Siberia]. In: Braduchan Yu.V. (ed.) *Biostratigraficheskaya kharakteristika yurskikh i melovyykh neftegazonosnykh otlozheniy Zapadnoy Sibiri* [Biostratigraphic characteristics of the Jurassic and Cretaceous oil and gas deposits in Western Siberia]. Tyumen: ZapSibNIGNI Publ., 1977, pp. 55–57.
13. Podobina V.M., Amon E.O. *Mikropaleontologicheskaya kharakteristika kon'yakskogo yarusa Zapadnoy Sibiri* [Microfossil characteristic of the Coniacian in Western Siberia]. In: Podobina V.M. (ed.) *Voprosy geologii Sibiri* [Geology of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1994. Is. 2, pp. 183–192.
14. Sharovskaya N.V. *Kompleksy foraminifer iz verkhnelovyykh otlozheniy zapadnoy chasti Enisey-Khatangskogo progiba* [Foraminifera assemblages from the Upper Cretaceous deposits of the western part of the Yenisei-Khatanga depression]. *Uchenye zapiski NIIGA. Seriya: Paleontologiya i stratigrafiya*, 1970, no. 30, pp. 74–83.
15. Yushin V.I. Stratigrafiya i fatsii verkhnelovyykh otlozheniy territorii Tomskoy oblasti [Stratigraphy and facies of the Upper Cretaceous deposits in Tomsk Oblast]. *Vestnik Zapadno-Sibirskogo i Novosibirskogo geologicheskikh upravleniy*, 1961, no. 2, pp. 9–21.
16. Brotzen F. Foraminiferen aus dem Schwedischen untersten Senon von Eriksdal in Schonen. *Sver. Geol. Undersökn.*, 1936, Ser. C. No. 396. Årsbok 30, No. 3. 206 P.
17. Wall J.H. *Cretaceous Foraminifera of the Rocky Mountain Foothills, Alberta*. Research Council of Alberta, 1967. Bulletin 020. 185 p.

Received: 22 December 2014

МЕХАНИЗМ ОБРАЗОВАНИЯ СРОСТКОВ МИНЕРАЛОВ САМОРОДНОГО ЗОЛОТА

Предложен механизм сращивания минералов самородного золота, основанный на взаимодействии их поверхностных двойных электрических слоёв, заряженных положительно (Ag^+ , Au^+ , Au^{3+}) и отрицательно (O^{2-}) с рекомбинацией ионных связей в металлические, и выделении $\text{O}_2\uparrow$. Процесс термодинамически разрешён при 273–1234 К для золота (600–999‰) и имеет ограничения – кинетические, геометрические и температурные для низкопробного золота.

Ключевые слова: термодинамика; кинетика; механизм; золото; серебро; сростки.

Самородное золото – это природный твёрдый раствор золота и серебра, состав которого зависит от типа и глубины формирования месторождений, а также от геохимической специфики регионов. Самородное золото представляет собой механическую смесь металлических форм золота и серебра в нулевой степени окисления Au^0 и Ag^0 в широком интервале концентраций с характерным средним значением этого отношения $\text{Au}/(\text{Au}+\text{Ag})$, обозначающего его пробу, ‰. Кристаллы золота в основном мелкие (0,001–1 мм), разнообразной формы. Не менее 80% кристаллов сдвойникованы и часто полисинтетические [1. С. 122]. Анализ термодинамических констант благородных металлов показал преимущественную энергетическую выгоду самородного минерального состояния в природных геохимических системах по сравнению со всеми прочими [2. С. 167]. В твёрдом растворе золото с серебром смешиваются в широком интервале концентраций и при значении пробы золота менее 300‰ серебро выделяется в самостоятельную фазу. Поэтому представляется актуальным исследовать закономерности процесса природной самоорганизации и укрупнения выделений минералов самородного золота.

Целью данной работы является изучение механизма образования сростков минералов самородного золота, происходящего на поверхности раздела фаз, термодинамическим методом.

В работе исследовались выделения минералов самородного золота месторождений Приамурья. Проба золота устанавливалась в соответствии с общими требованиями к методам анализа благородных металлов [3. С. 1]. Были использованы методы атомно-абсорбционного анализа при определении массовой доли золота [4. С. 1] и серебра [5. С. 1].

При стандартных термодинамических условиях (температура 298,15 К, давление 10^5 Па) золото является химически инертным и замыкает электрохимический ряд напряжений металлов [6. С. 519]. Впервые на пассивность золота в электрохимических реакциях указал Фарадей и связал это явление с появлением на поверхности связанного кислорода. Исследования XX в. подтвердили данное предположение и показали, что образующиеся соединения, в основном мостиковые кислородные, выполнены фрагментами ионов типа $[\text{O}_2]^{2-}$, которые легко образуются в стандартных условиях. Такие фрагментарные соединения могут быть гидроксидными, органической и неорганической природы и даже адсорбированными индивидуальными химическими веществами [6. С. 602]. В условиях гиперге-

неза поверхность самородного золота контактирует с кислородом и окисляется воздухом в присутствии молекул воды с образованием оксидных слоёв, состоящих из Ag_2O , Au_2O , Au_2O_3 . Количество оксидов пропорционально активности кислорода и окислительно-восстановительному потенциалу вмещающей среды (Е) [7. С. 247].

Наиболее неустойчивый метастабильный фиолетовый оксид Au_2O ($\Delta G^0 = 13,11$ кДж/моль) образуется из AuOH при дегидратации и далее диспропорционирует с образованием металлического золота Au^0 и Au_2O_3 . Бурый оксид Au_2O_3 ($\Delta G^0 = 78,7$ кДж/моль [8. С. 298]) образуется как при диспропорционировании Au^+ , так и при более глубокой дегидратации, возникающей на поверхности $\text{Au}(\text{OH})_3$. Устойчивые малорастворимые оксиды Au_2O_3 предохраняют минералы самородного золота от дальнейшего окисления, пассивируют их поверхность, делая её инертной для реакций, протекающих в земной коре, в результате чего природное золото не реагирует с большинством химических веществ, находящихся в зоне химической эрозии земной коры [9. С. 17].

Наибольшей устойчивостью из оксидов обладают закристаллизовавшиеся $\text{Au}_2\text{O}_{3(\text{кр.})}$, имеющие стандартный потенциал образования Гиббса ($\Delta G^0 \text{Au}_2\text{O}_{3(\text{кр.})} = 163,4$ кДж/моль) [10. С. 339]. Наличие слоя оксидов на самородном золоте подтверждается электрохимическими и химическими методами исследования веществ по проявляемым ими свойствам [7. С. 248].

Бурый оксид Ag_2O также может образоваться на металлическом серебре как через стадию дегидратации, так и при непосредственном окислении на воздухе в негидратированной среде. Его термодинамические характеристики свидетельствуют о принципиальной возможности протекания данного процесса окисления в стандартных условиях ($\Delta G^0 = -11,26$ кДж/моль, $\Delta S = 121$ Дж/моль·К [8. С. 297]). Поверхностные слои оксидов Ag_2O предохраняют внутренние слои металлического серебра Ag^0 от дальнейшего окисления. Вследствие большей химической активности серебра, толщина защитного слоя, образующегося при стандартных условиях оксидов, превышает 10 нм и может быть дополнительно исследована не только химическими и электрохимическими, но также оптическими и рентгеновскими электронографическими методами анализа.

Современный энергодисперсионный анализ поверхности выявил энергетические взаимодействия слоёв внешних атомов золота с молекулярным и ато-

марным кислородом. Были выявлены группы атомов со следующими преобладающими энергиями связей: 5–34 кДж/моль, отвечающие физической и химической формам адсорбции, и 60–127 кДж/моль, отвечающие, по проявленным энергетическим характеристикам, группам атомов с кратными атомарными связями Au–O и характеризующими образование различных вариантов химических связей [11. С. 81]. Поэтому поверхностные слои оксидов на самородном золоте неоднородны, имеют фрагментарную структуру и состоят из кристаллических $Au_2O_3(кр.)$ и аморфных Au_2O_3 оксидов и фрагментов участков связей золота с химически адсорбированным кислородом.

Структура поверхностного слоя минералов самородного золота характеризуется наличием энергонасыщенных соединений золота и серебра. Система Au/Au₂O₃ ведёт себя как истинная электродная система металл / оксид металла и имеет потенциал $E = +1,36$ В [9. С. 43]. Значение электрического потенциала этого слоя находится в середине интервала вариаций стандартных окислительно-восстановительных потенциалов пар золота и серебра $E^0(Ag^+/Ag) = +0,7994$ В; $E^0(Au^{3+}/Au) = +1,50$ В; $E^0(Au^+/Au) = +1,68$ В [12. С. 279]. Поскольку электрическая система обладает свойствами аддитивности, то близость значений потенциала $E = +1,36$ В к стандартному $E^0(Au^{3+}/Au) = +1,50$ В указывает, что именно потенциал этой пары является основным потенциалопределяющим отношением данной системы, а Au_2O_3 – основным химическим компонентом оксидного слоя.

Электрическая структура поверхностного слоя состоит из двух слоёв: атомы кислорода несут отрицательный заряд $[O_2]^{2-}$ и образуют внешний отрицательно заряженный слой, а связанные с ними ионы серебра и золота обладают положительным зарядом Ag^+ , Au^+ , Au^{3+} и образуют внутренний положительно заряженный слой. Вместе эти слои образуют двойной электрический слой (ДЭС). Наличие ДЭС на поверхности минерала самородного золота указывает на электрохимический механизм взаимодействия минералов, характеризующийся нуклеофильными свойствами. Это находится в соответствии с общепринятыми нормами, по которым процессы минералообразования из растворов относятся к нуклеофильным, а противоположные им процессы растворения минералов – к электрофильным [9. С. 180]. Невозможно объяснить процесс сращивания минералов взаимодействием двух и более инертных, незаряженных индивидуальных частиц, приводящих к образованию природных сдвойникованных и полисинтетических минералов самородного золота. Поэтому именно силы электрической природы лежат в основе предлагаемого нуклеофильного механизма сращивания минералов самородного золота.

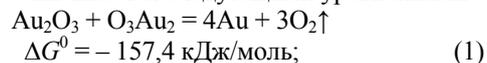
Механизм взаимодействия минералов самородного золота начинается со сближения двух минералов до границы действия межатомных сил притяжения, взаимопроникновения поверхностных ДЭС минералов и образования энергопересыщенных групп атомов, характеризующих активированный переходный ком-

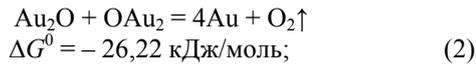
плекс. По первому закону термодинамики возникшая физико-химическая система неустойчива и обладает двойной избыточной энергией смешанных поверхностных слоёв, вследствие чего и будет стремиться перейти в более устойчивое энергетическое состояние, обладающее минимумом потенциальной энергии. Для этого в ней должна произойти энергетическая перестройка и энергоёмкие поляризованные ковалентные связи золота с кислородом должны быть заменены металлической связью между атомами золота.

Ключевым моментом для запуска механизма является взаимодействие положительно заряженного приповерхностного слоя ионов золота одного минерала с отрицательно заряженным ионным кислородным поверхностным слоем другого минерала. При сближении поверхностных слоёв до критического происходит экзотермическая реакция образования новых металлических связей Au–Au, а освобождённый кислород выделяется в газовую фазу. Минералы притягиваются на расстояние диаметра атома кислорода ($1,32 \cdot 10^{-10}$ м), и соседние ионы золота и кислорода сближаются до проявления сил межатомного взаимодействия, запуская очередные стадии «сшивания» атомов золота по нуклеофильному механизму, вызывающему продолжение реакции сращивания. Реакция прекращается стерическими факторами, ограничивающими критические сближения атомов до проявления действия сил межатомного притяжения и образования новых металлических Au–Au связей. Термодинамические критерии протекания процесса срастания минералов, вытекающие из первого закона термодинамики по принципу Томсена–Бертло, требуют для новообразованной частицы минимальных значений энтальпии, энтропии, энергии Гиббса за счёт уменьшения площади поверхности новообразованной частицы и её потенциальной энергии поверхностного слоя.

Атомы, находящиеся внутри объёма минерала, состоящего из химически чистого золота, имеют значения энтальпии ($\Delta H = 0$ кДж·моль⁻¹) и энтропии ($\Delta S = 8-29$ Дж·моль⁻¹·К⁻¹), а для атомов, находящихся на поверхности кристалла, соответствующие значения составляют ($\Delta H = 13-394$ кДж·моль⁻¹) и ($\Delta S = 29-47$ Дж·моль⁻¹·К⁻¹) [13. С. 50]. Для атомов серебра, находящихся в аналогичных условиях внутри и на поверхности минерала химически чистого серебра, соответствующие изменения термодинамических потенциалов ΔH , ΔS будут однотипными. При условии, что самородное золото состоит из механической смеси металлических Au^0 и Ag^0 , не взаимодействующих друг с другом, и поверхностных слоёв оксидов Ag_2O , Au_2O , Au_2O_3 , процесс взаимодействия двух минералов можно описать уравнениями (1)–(3). При этом выделяется освобождённый кислород и удаляется из зоны срастающихся слоёв.

Вследствие отсутствия контакта с атмосферным кислородом вновь образованные металлические связи оказываются во внутренней сфере взаимодействующих минералов и не подвергаются дальнейшему окислению. Процесс описывается следующими уравнениями:

Стандартные термодинамические потенциалы Гиббса (ΔG^0) реакции взаимодействия минералов самородного золота для их поверхностных слоёв, состоящих из ионов золота и кислорода, отрицательны ($\Delta G^0 < 0$), что свидетельствует о термодинамической возможности и самопроизвольном протекании реакций (1)–(2), а для взаимодействий поверхностных слоёв минералов самородного золота, состоящих из ионов серебра и кислорода, положительны ($\Delta G^0 > 0$), что свидетельствует о термодинамически невозможном прямом пути реакции (3) для агрегации минералов и разрешённого обратного процесса окисления поверхностных атомов серебра.

Термодинамические расчёты выполнены для стандартных условий Au_2O_3 ($\Delta G^0 = 78,7$ кДж/моль); Au_2O ($\Delta G^0 = 13,11$ кДж/моль); Ag_2O ($\Delta G^0 = -11,26$ кДж/моль). Скорость химической реакции разрешённого термодинамикой процесса определяется кинетическими характеристиками. В общем виде кинетика минералообразования описывается теорией бинарных столкновений и скорость реакции пропорциональна вероятности столкновений минералов благородных металлов, отнесённых к общему количеству столкновений всех минералов в системе.

Общую зависимость константы скорости химических реакций от энергии и температуры, установленную экспериментально, предложил Аррениус:

$$k = A e^{-E_{\text{акт}}/RT}, \quad (4)$$

где A – предэкспоненциальный множитель, характеризующий фактор частоты соударений; $E_{\text{акт}}$ – энергия активации процесса; k – константа скорости реакции; R – универсальная газовая постоянная; T – температура (в градусах Кельвина). Константа скорости реакции резко возрастает с увеличением температуры [8. С. 113]. Поэтому стадией, лимитирующей процесс сращивания, является сближение минералов самородного золота до расстояния действия сил межатомного притяжения и движущей силой процесса срастания минералов является перераспределение энергии между поверхностными и внутренними слоями металлов в минералах самородного золота.

После протекания реакции термодинамическая система приходит в равновесие. Для равновесной термодинамической системы ($\Delta G^0 = 0$) и второй закон термодинамики имеет вид

$$\Delta G = \Delta H - T\Delta S, \quad (5)$$

где T – абсолютная температура (в градусах К); S – абсолютная энтропия (кДж·моль⁻¹·К⁻¹); H – энтальпия, в единицах энергии (кДж·моль⁻¹). На равновесие (5) оказывают влияние как основные термодинамические параметры состояния системы (P , T), так и физико-химические условия среды (E_h , pH), в которых находится данная система. Поэтому значения равновесного критерия (5) зависят от функций нескольких переменных и являются относительными и неоднозначными [8. С. 52]. Повышение температуры от значения 473 К делает реакцию (3) термодинамически

возможной для Ag вплоть до температур, предшествующих началу плавления серебра 1234 К [14. С. 734], и реакции (1)–(3) осуществляются для внутренних слоёв в прямом направлении, а на внешних слоях поверхности минералов происходит увеличение энергонасыщенности ДЭС и толщины окисленных слоёв золота вплоть до температуры его плавления 1336 К [14. С. 761]. Полученные таким образом агломераты в интервале 473–1336 К имеют прочные металлические связи как золота, так и серебра внутри спёкшихся минералов, защищённых окисдными слоями Au_2O_3 .

Экспериментально было показано, что в низкотемпературном расплаве щелочей (720–900 К) происходит агрегация наноразмерного золота в мелкое и далее в крупное и свехкрупное вплоть до самородков, при этом массовая доля ионного (поверхностно окисленного золота) достигала 0,03% [15. С. 18]. Количество атомов золота, обладающих избыточной «связанной» энергией $>T\Delta S$, характеризует поверхностные окисдные слои ионов золота и серебра, а количество атомов, обладающих минимальной энергией $<\Delta H$, – внутренние металлические слои атомов золота и серебра при температуре T [16. С. 130]. Прокаливание золотосодержащей руды Покровского месторождения Приамурья при 875 К и доступе кислорода в течение всего 15 минут приводило к образованию окисдных слоёв золота с массовой долей 55–99%, а остальная часть золота приходилась на частицы крупного размера (>80 мкм), которые окисляются по поверхности не на полную глубину [17. С. 228].

В природных условиях степень влияния кислорода воздуха на процессы, происходящие в земной коре, имеет свою глубину и региональные особенности, проявляющиеся в зоне гипергенеза. Граница зоны окисления в координатах (E_h – pH) проходит через точки со значениями этих параметров: (+0,77; 0); (+0,36; 7); (–0,06; 14). Теоретически граница между полем окислителей и полем восстановителей определяется фазовым анализом при условии равенства концентраций минералов железа $[\text{Fe}]^{3+} = [\text{Fe}]^{2+}$, характеризующих равновесие $\text{Fe}^{3+} \leftrightarrow \text{Fe}^{2+}$, и находится в поле стабильного термодинамического существования воды, в которой метастабильные ионы и соединения разрушаются [18. С. 131]. Поверхность минералов самородного золота окисляется при контакте с водным раствором, имеющим ($E_h = +0,77$ В), а для окисления серебра достаточно потенциала ($E_h = +0,34$ В) и присутствия следов влаги. Окисление поверхностных слоёв золота и серебра легче осуществляется через стадию образования гидроксидов и последующего дегидроксилирования. Необходимые стандартные окислительно-восстановительные потенциалы E^0 для осуществления реакций окисления золота до $[\text{H}_2\text{AuO}_3]^-$ и серебра до Ag_2O соответственно равны $E_{\text{Au}}^0 = +0,70$ В и $E_{\text{Ag}}^0 = +0,34$ В.

В самородном золоте Приамурья химическим методом также было установлено наличие окисдных слоёв на поверхности минералов. Способ основан на кипячении минералов самородного золота в растворе 3 М HCl, при этом металлическое золото не растворя-

ется, металлическое серебро пассивируется и также не растворяется, а оксиды золота и серебра, формально состоящие из смеси Au_2O_3 , Au_2O , Ag_2O , растворимы. По этому методу было выполнено разделение самородного золота на металлические и оксидные формы и определены их количества.

Массовая доля связанного кислорода на поверхности составляет 0,08–0,12% (или 0,7–1,1% в пересчёте на оксидную форму) от общего количества золота в первичных рудах, находящихся ниже границы зоны окисления, до соответственно доли кислорода на поверхности 0,23–0,29% (или 2,0–2,9% в пересчёте на оксидную форму) в рудах, находящихся в минералах самородного золота выше границы зоны окисления.

В стандартных условиях толщина оксидного слоя достигает 2–3 атомных радиусов золота и составляет порядка 1,2 нм [18. С. 130]. Самородное золото экзогенных образований отличается от золота эндогенных месторождений более крупными размерами за счёт сращивания и укрупнений выделений минералов самородного золота. Так, для Покровского рудного месторождения Приамурья с проявлениями двух типов минерализации – коренного и россыпного золота – установлены средние размеры минералов самородного золота: 6,7 и 115 мкм соответственно, что обусловлено процессами перетложений и срастаний минералов.

В зоне гипергенеза золотоносных месторождений Приамурья часто наблюдают как различные преобразования, так и формирования новообразованных разновидностей самородного золота, характеризующихся срастанием поверхностей наноразмерных золотин в тонкие, а затем в более крупные зёрна. Они представляют собой гроздевидные агрегаты более мелких частиц, размер которых не превышает 1 мкм, и имеют более высокую пробу золота. Морфология сростков самородного золота различна и определяется физико-химическими условиями образования. Для эндогенных месторождений агрегированные выделения золота имеют обычно линейно-плоскостное строение швов фазового контакта, ориентированных вдоль кристаллографических осей, а в агрегированных выделениях гипергенных месторождений вторичного и «нового» золота швы образуют криволинейно-сфероидальные поверхности [15. С. 14]. Швы сращивания контрастны при электронно-рентгенографических исследованиях вследствие загрязнения поверхности реагирующих фаз химически адсорбированными акцессорными примесями лёгких и тяжёлых химических элементов.

Предложенный механизм сращивания объясняет двойникование, существование полисинтетических минералов и природных новообразованных разновидностей низкопробных и высокопробных выделений минералов самородного золота. Поверхность минералов таких выделений покрыта ДЭС, состоящим из ионов

отрицательно заряженных атомов кислорода $[O_2]^{2-}$ и химически связанных с ними положительно заряженных ионов золота Au^{3+} , Au^+ и серебра Ag^+ . При сближении минералов ионы кислорода одного минерала притягиваются ионами золота другого минерала, образуя активированный переходный комплекс, при разрушении которого выделяется энергия и образуются новые химические связи Au–Au в интервале температур 298–1336 К и Ag–Ag в интервале температур 473–1234 К, в результате минералы самородного золота сращиваются и выделяется молекулярный кислород. Сращивание происходит по всей реагирующей криволинейной плоскости поверхности минералов, находящейся в зоне действия межатомных сил. Протекание реакции разрешено термодинамикой, и её скорость сильно зависит от температуры. Взаимодействие прекращается при невозможности сближения между реагирующими частицами до границы действия сил межатомного притяжения.

В стандартных термодинамических условиях поверхностные ионы серебра в выделениях самородного золота не образуют между собой прочных металлических связей и вносят разрыхляющий характер в энергетическое взаимодействие двух срастающихся частиц. Поэтому явление сращивания кристаллов в стандартных термодинамических условиях характерно для низкопробного и высокопробного самородного золота 600–999‰ и маловероятно для высокосеребристого самородного золота при значениях пробы золота <600‰ и не характерно для фаз электрума и кюстелита со значениями пробы золота <300‰.

При уменьшении размеров выделений самородного золота до наноразмерного уровня, их форма становится шарообразной и тогда отношения количества ионов золота и серебра, находящихся в слоях оксидов на поверхности, к атомам золота и серебра, заключённым в объёме, также пропорциональны отношению площадей поверхности и объёмов шаров их минералов [2. С. 169]. Этот критерий является в значительной степени относительным, поскольку на него влияют как основные термодинамические параметры состояния системы, так и физико-химические условия вмещающей геохимической среды.

Предложенный механизм нуклеофильного сращивания минералов самородного золота 600–999‰ термодинамически разрешён в природной среде до температур 473 К и осуществим в широком интервале температур 473–1336 К для кристаллов, имеющих пробу золота 100–999‰. При увеличении температуры константа скорости реакции сращивания резко увеличивается, а сама скорость процесса лимитируется вероятностью соударения двух частиц минералов самородного золота.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петровская Н.В. Самородное золото. М. : Наука, 1973. 347 с.
2. Радомский С.М., Радомская В.И. Равновесные параметры процесса окисления благородных металлов // Естественные и технические науки. 2010. № 4. С. 166–170.
3. ГОСТ Р 53372–2009 «Золото. Методы анализа».
4. ГОСТ 27973.3–88 «Золото. Метод атомно-абсорбционного анализа».

5. ГОСТ 28353.3–89 «Серебро. Метод атомно-абсорбционного анализа».
6. Герасимов Я.И. Курс физической химии. М. : Химия, 1973. Т. 2. 624 с.
7. Радомская В.И., Радомский С.М., Кулик Е.Н. Свойства поверхности минералов золота на Пионерном золоторудном месторождении Верхнего Приамурья // Естественные и технические науки. 2011. № 2. С. 245–248.
8. Карпетьянц М.Х. Введение в теорию химических процессов. М. : Высш. шк., 1975. 320 с.
9. Паддефет Р. Химия золота. М. : Мир, 1982. 264 с.
10. Гаррелс Р.М., Крайт Ч.Л. Растворы, минералы, равновесия. М. : Мир, 1968. 368 с.
11. Пичугина Д.А., Кузьменко Н.Е., Шестаков А.Ф. Адсорбция атомарного и молекулярного кислорода на нанокластере золота // Цветные металлы. 2008. № 2. С. 78–83.
12. Лурье Ю.Ю. Справочник по аналитической химии М. : Химия, 1989. 448 с.
13. Радомский С.М., Радомская В.И. Соотношение окисленных и восстановленных форм благородных металлов в Приамурье // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 12. С. 49–54.
14. Рипан Р., Четяну И. Неорганическая химия. М. : Мир, 1972. Т. 2. 872 с.
15. Кузнецова И.В. Геология, тонкодисперсное и наноразмерное золото в минералах россыпей Нижнеселенджинского золотоносного узла (Приамурье) : автореф. дис. ... канд. геол.-минерал. наук. Красноярск, 2011. 22 с.
16. Радомский С.М., Радомская В.И. Параметры процесса минералообразования золота на Покровском золоторудном месторождении Приамурья // Естественные и технические науки. 2011. № 1. С. 129–132.
17. Радомская В.И., Радомский С.М. Окисленная форма золота на Покровском золоторудном месторождении Приамурья // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Естественные науки. 2011. Т. 153, № 1. С. 225–229.
18. Радомский С.М., Радомская В.И. Соотношения ионных и металлических форм благородных металлов на золотосеребряном месторождении Покровское (Верхнее Приамурье) // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2013. № 1. С. 128–134.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 12 января 2015 г.

THE MECHANISM OF NATIVE GOLD MINERAL AGGREGATE FORMATION

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 209–214. DOI 10.17223/15617793/392/35

Radomskiy Sergey M., Radomskaya Valentina I. Institute of Geology and Nature Management, FEB RAS (Blagoveschensk, Russian Federation). E-mail: rsm@ascnet.ru; radomskaya@ascnet.ru

Keywords: thermodynamic; kinetics; mechanism; gold; silver; aggregate.

The coarsening of the particles in a wide temperature range with the attraction of the theoretical and practical methods of studies was analyzed for the minerals of natural gold and gold-silver alloys. The methods of thermodynamic and chemical analyses determined the parameters of this process: kinetic features and the valid concentrations of gold and silver. The deep difference between the energy states and the manifested properties of chemical behavior for the surface and inner layers of atoms in these particles was shown. The research used a large number of reference materials, parameters of thermodynamic states, data of the studies of other authors and of the present authors, who studied these states in the manifestations of the gold-ore mineralization of the Upper and Middle Amur Region. The presence of a dual electrical layer on the surface of these particles is confirmed; its geometric dimensions are estimated, including the thermodynamic and chemical parameters of the states of the atoms of gold and silver in them. The dual electrical layer consists of the negatively charged ions of oxygen O^{2-} and positively charged ions of the noble metals Ag^+ , Au^+ , Au^{3+} . It is shown that it is the surface atoms that were active elements in the process of coarsening of the gold silver particles; the stages of this process were described. The process is limited by the geometric parameters of the joined particles and, additionally, by kinetic restrictions. A mechanism of nucleophilic aggregation of native gold minerals based on the interaction of the dual charged surface layers was offered. The reactions of aggregation in standard conditions for conducting are thermodynamically possible for gold and forbidden for silver; in the interval (433–1336 K) they are possible for both metals. The reaction rate constant is limited by the probability of a collision of two native gold particles; it grows sharply with an increase in the temperature. Reactions are also influenced by the physical and chemical conditions (Eh, pH) of the natural geochemical environment, they control the morphology of the aggregates. The intergrowth lines are contrasting in roentgen graphic studies as a result of the adsorptive surface contamination by light and heavy chemical elements. This mechanism of native gold mineral aggregation (600–999 ‰) is thermodynamically possible in natural environment at the maximum temperature (433 K), and is possible in a temperature interval (433–1336 K) for crystals with the purity of gold (100–999 ‰).

REFERENCES

1. Petrovskaya N.V. *Samorodnoe zoloto* [Native gold]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 347 p.
2. Radomskiy S.M., Radomskaya V.I. Ravnovesnye parametry protsessa okisleniya blagorodnykh metallov [Equilibrium parameters of oxidation of precious metals]. *Estestvennye i tekhnicheskie nauki*, 2010, no. 4, pp. 166–170.
3. GOST R 53372–2009 "Zoloto. Metody analiza" [State Standard R 53372-2009. Gold. Methods of analysis].
4. GOST 27973.3–88 "Zoloto. Metod atomno-absorbtsionnogo analiza" [State Standard 27973.3-88. Gold. Atomic absorption analysis].
5. GOST 28353.3–89 "Serebro. Metod atomno-absorbtsionnogo analiza" [State Standard 28353.3-89. Silver. Atomic absorption analysis].
6. Gerasimov Ya.I. *Kurs fizicheskoy khimii* [A course of physical chemistry]. Moscow: Khimiya Publ., 1973. Vol. 2, 624 p.
7. Radomskaya V.I., Radomskiy S.M., Kulik E.N. Svoystva poverkhnosti mineralov zolota na Pionernom zolotorudnom mestorozhdenii Verkhnego Priamur'ya [The surface properties of gold minerals in the Pioneer Gold Deposit of the Upper Amur region]. *Estestvennye i tekhnicheskie nauki*, 2011, no. 2, pp. 245–248.
8. Karapet'yants M.Kh. *Vvedenie v teoriyu khimicheskikh protsessov* [Introduction to the theory of chemical processes]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1975. 320 p.
9. Paddefet R. *Khimiya zolota* [Chemistry of gold]. Moscow: Mir Publ., 1982. 264 p.
10. Garrels R., Christ Ch.L. *Rastvory, mineraly, ravnovesiya* [Solutions, minerals and equilibria]. Translated from English. Moscow: Mir Publ., 1968. 368 p.

11. Pichugina D.A., Kuz'menko N.E., Shestakov A.F. Adsorbtsiya atomarnogo i molekulyarnogo kisloroda na nanoklastere zolota [Adsorption of atomic and molecular oxygen on gold nanocluster]. *Tsvetnye metally – Non-ferrous metals*, 2008, no. 2, pp. 78–83.
12. Lur'e Yu.Yu. *Spravochnik po analiticheskoy khimii* [Handbook of analytical chemistry]. Moscow: Khimiya Publ., 1989. 448 p.
13. Radomskiy S.M., Radomskaya V.I. Ratio of oxidized and reduced forms of noble metals in the Amur River basin. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta – Tyumen State University Herald*, 2012, no. 12, pp. 49–54. (In Russian).
14. Ripan R., Chetyanu I. *Neorganicheskaya khimiya* [Inorganic Chemistry]. Moscow: Mir Publ., 1972. Vol. 2, 872 p.
15. Kuznetsova I.V. *Geologiya, tonkodispersnoe i nanorazmernoe zoloto v mineralakh rossypey Nizhneselemdzhinskogo zolotonosnogo uzla (Priamur'ye)*: avtoref. dis. kand. geol-mineral. nauk [Geology, and finely dispersed nanoscale gold in minerals of the Nizhneselemdzhinsky gold-node (the Amur region). Abstract of Geology and Mineralogy Cand. Diss.]. Krasnoyarsk, 2011. 22 p.
16. Radomskiy S.M., Radomskaya V.I. Parametry protsessa mineraloobrazovaniya zolota na Pokrovskom zolotorudnom mestorozhdenii Priamur'ya [Parameters of gold mineralization in the Pokrovsky gold mine, the Amur region]. *Estestvennye i tekhnicheskie nauki*, 2011, no. 1, pp. 129–132.
17. Radomskaya V.I., Radomskiy S.M. Okislennaya forma zolota na Pokrovskom zolotorudnom mestorozhdenii Priamur'ya [The oxidized form of gold in the Pokrovsky gold mine, the Amur region]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser.: Estestvennye nauki – Proceedings of Kazan University. Natural Sciences Series*, 2011, vol. 153, no. 1, pp. 225–229.
18. Radomskiy S.M., Radomskaya V.I. The ratio of ion and metal forms of noble metals at the gold-silver layer Pokrovskoe (Upper Amur Region). *Gornyy informatsionno-analiticheskiy byulleten' – Mining Informational and Analytical Bulletin*, 2013, no. 1, pp. 128–134. (In Russian).

Received: 12 January 2015

ЭФФЕКТ ОРИЕНТИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ЗАСТРОЙКИ В СООТВЕТСТВИИ С ЭКСПОЗИЦИЕЙ РЕЛЬЕФА И ЕГО ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ (НА ПРИМЕРЕ КРУПНЫХ ГОРОДОВ ЧЕРНОЗЕМЬЯ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 14-05-31010 мол_а.

Сделана попытка оценить эффект влияния топографии места на ориентировку городской застройки на примере пяти крупнейших городов Центрального Черноземья. Описана разработанная методика такой оценки. Полученные результаты отражают неоднозначность влияния рельефа на планировку. При некоторых условиях топографический фактор уступает по значимости прочим, в основном – косности градостроительного замысла. Показана экологическая роль ориентирования застройки согласно рельефу либо же, напротив, ее дезориентации.

Ключевые слова: рельеф; ориентировка застройки; экспозиция склонов; города Черноземья.

В начале 1960-х гг. В.Г. Давидович в своей книге «Планировка городов и районов» [1] обобщил опыт градостроительного планирования в Советском Союзе. Он приводит таблицу зависимости возможной ориентировки здания от крутизны участка застройки. В таблице выделяется четыре градации «качества» рельефа для застройщика. Нужно сразу отметить, что в основном используются три способа характеристики наклона любой поверхности, два из которых мы употребляем здесь. Часто наклон описывается величиной угла плоскости (линии) этого наклона к горизонтальной плоскости (линии) и измеряется в градусах. В технических науках чаще применяют понятия «уклон» и «крутизна». Уклон есть величина тангенса угла наклона и выражается безразмерными единицами. Крутизна – процентное выражение показателя уклона, т.е. склон с углом наклона 30° может описываться еще и уклоном – 0,5, и крутизной – 50% (рис. 1).

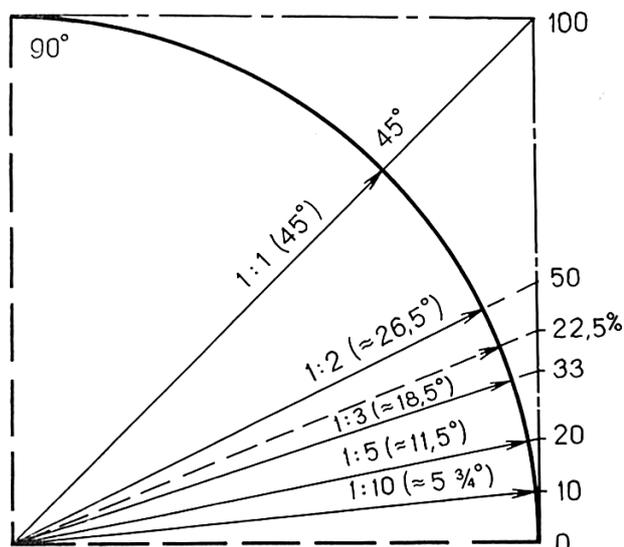

Рис. 1. Соотношение уклонов, углов наклона и показателя крутизны в процентах (по В.Р. Крогиусу [2. С. 88])

Итак, при крутизне поверхности менее 2% застройку можно располагать в любом направлении. При крутизне от 2 до 5% строение, которое хотят разместить вниз по склону, должно быть несколько меньшей длины или же состоять из ряда секций-уступов. На склонах крутизной до 8% расположение

застройки не вдоль склона, а под углом затруднительно. На более крутых поверхностях архитектор рекомендует воздержаться от возведения капитальной застройки. Учитывая, что автор отражал в таблице сложившуюся практику строительства, стоит ожидать, что примеры реальной застройки городов должны в известной степени соотноситься и подтверждать описанные выше ограничения. Степень несоответствия, которая здесь проявится, есть мера свободы принятия планировочных решений, воплощения архитектурных замыслов вне зависимости от рельефа территории. Степень соответствия, напротив, покажет бремя диктата топографического устройства места по отношению к градостроительным проектам.

Любое здание в плане можно представить как совокупность отрезков разной ориентировки, чаще всего взаимно перпендикулярных со смежными. Для каждого из этих отрезков возможно подсчитать ориентировку направления простираения и ориентировку нормали. В целом преобладающее направление ориентировки стен соответствует направлению длинной оси здания, перпендикулярное ему – короткой оси.

Учитывая, что в описанном случае любое направление можно обозначать двойкой (например, протяжение стены на северо-запад соответствует протяжению ее и на юго-восток), для обозначения ориентировки и нормали используем лишь сектор азимутального круга от 0° до 180° . Иными словами, стена, протянувшаяся на юго-запад, это и направление на северо-восток (или 45°), а нормаль ее – 315° и 135° одновременно. Получив направления вертикальных граней строений, рассчитали отклонение от экспозиции земной поверхности. Здесь процедура несколько похожа. Если здание вытянуто с севера на юг, а нормаль длинной стены – с запада на восток, то не важно, западной или восточной экспозиции склон, ведь здание так или иначе будет вытянуто вдоль склона.

Итак, сначала определили направление нормалей всех стен зданий в секторе от 0° до 180° . Следом определили экспозицию базисной поверхности для каждой стены, не забыв пересчитать экспозиции к сектору от 0° до 180° . Разность этих величин, взятая по модулю, показывает угол отклонения простираения стены от простираения земной поверхности. Кроме того, для каждой стены определили крутизну базисной

для нее поверхности в градациях до 2%, от 2 до 5%, от 5 до 8% и более 8%, что соответствует классификации В.Г. Давидовича, о которой говорилось выше.

Для каждой стены получили два ключевых параметра: отклонение ориентировки строения от экспозиции склона и крутизну склона. Нужно понимать, что стены с отклонением от 0 до 5° и отклонением от 175 до 180° – суть одно. Они вытянуты почти строго вдоль протяжения склонов (или слабонаклонных субгоризонтальных поверхностей). Так как в геоморфологии под «склонами» принято понимать лишь поверхности с наклоном более 2°, то нужно оговориться, что для упрощения повествования мы под склоном в работе далее понимаем всякую не горизонтальную поверхность (в том числе и близкие к горизонтальным, но все же имеющие некоторый наклон и ориентировку линии наклона). Возвратимся к описанию секторов ориентировки. Как уже отметили, в секторы 0–5° и 175–180° попадают стены без отклонения от направления протяженности склона. Перпендикулярные им секторы 90–95° и 85–90° соответственно характеризуют нормальные оси этих же зданий, ориентированных вдоль склона. Поэтому подсчет длин стен с такой ориентировкой проводился суммарно для этих четырех секторов. Несколько большей разницей направлений характеризуются секторы 5–10° и 170–175° для одних осей и 95–110° и 80–85° – для нормальных им и т.д. На рис. 2 ниже цветом показана степень отклонения направлений.

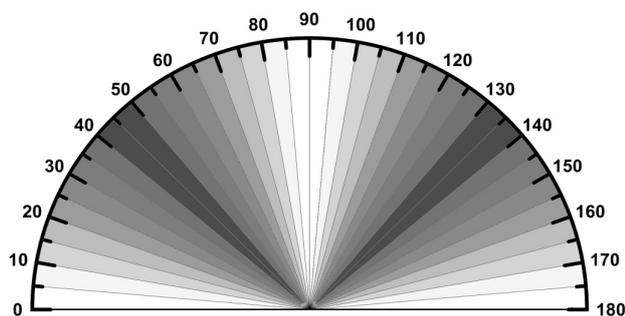

Рис. 2. Чем темнее цвет, тем больше направление простираения стены не соответствует направлению протяжения склона

В итоге стены распределялись сначала по четырем градациям крутизны, а внутри каждой из полученных четырех выборок распределялись еще по девяти группам (36 секторов по 5°, разбитых по 4 сектора в группу) в зависимости от степени отклонения. Таким способом достигалась цель выявить зависимости ориентированности застройки от крутизны поверхности ее местоположения.

Материалами, положенными в основу, стали открытые данные: по зданиям – OpenStreetMap, по рельефу – SRTM. Всего было обчислено почти 80 000 зданий на общей площади городов 1 380 км². Расчеты реализовывались в среде MapInfo, конечная статистическая обработка осуществлялась в Excel.

Сырые данные OSM проходили предварительную обработку. Полигоны зданий были сконвертированы в полилинии, которые следом разбивались на элементарные отрезки. Используя присущие каждому объек-

ту векторной таблицы MapInfo данные о геометрии этого объекта, в метрической системе координат рассчитали X- и Y-координаты начала и конца каждого отрезка. Затем с помощью элементарных тригонометрических преобразований нами были получены направления простираения стен в системе, где направлению оси X соответствует направление на 0° и отсчет углов ведется против часовой стрелки (эта система знакома всем из школьного курса алгебры). Осуществляя одновременно переход к ориентировкам нормалей стен, а не самих стен, и к привычной азимутальной шкале, где нулю соответствует направление на север, из 180° вычитали предыдущие показатели направлений. Полученные цифры легко сравниваются с показателем экспозиции наклона земной поверхности.

Кроме того, подсчитали и число стен, попадающих в каждую градацию ориентировки, чтобы можно было увидеть изменение средней длины зданий при отклонении их от направления вдоль склона.

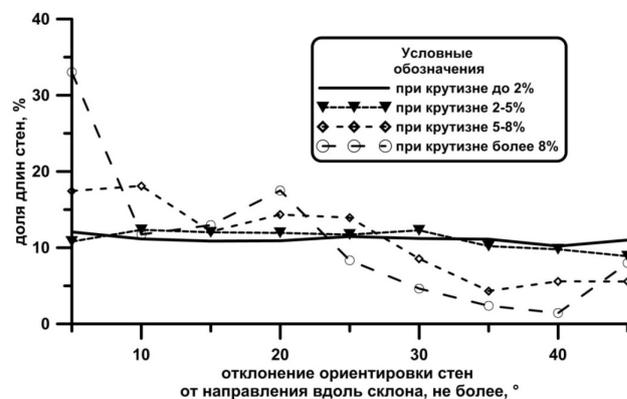

Рис. 3. Распределение суммарной длины стен по группам их ориентировки относительно направления уклона

На рис. 3 продемонстрировано распределение длин стен по поверхностям с разной ориентировкой и крутизной для застройки г. Тамбова. На субгоризонтальных поверхностях (сплошная жирная линия) почти не отмечается корреляция в ориентировке строений с экспозицией рельефа. На каждую из девяти групп ориентировки приходится 10–12% длины вертикальных граней строений. Примерно та же ситуация наблюдается и на пологих склонах. Резко меняется распределение для склонов умеренной крутизны. На первые три градации (менее 5°, 5–10°, 10–15°) приходится 47% длины стен, на последние три градации (менее 45°, 40–45°, 35–40°) – лишь 15%. На крутых склонах это же соотношение – 58 к 12%. В основном за счет того, что почти без отклонений от ориентировки склона находится треть длины вертикальных граней – 33%. Что интересно, именно на графике для крутых склонов выделяются пики неясной природы на значительных отклонениях от ориентировки склона, хотя тренд, конечно, устойчив к снижению.

Несколько более яркая картина получается, если учитывать только крупногабаритную застройку. После отсеивания всех стен, имеющих длину менее 60 м, получилось распределение, представленное на рис. 4. Первые два графика – для субгоризонтальных поверх-

ностей и пологих склонов – поменялись лишь в частностях, подтверждая общее правило: на них ориентация застройки никак не соотносится с ориентировкой рельефа. На склонах умеренной крутизны резко ограничивается распространение застройки при углах ее отклонения от направления вдоль склона более 25°. На крутых склонах без отклонения расположены 16% всей застройки крутых склонов, или почти 50% крупногабаритной застройки крутых склонов. При небольшом отклонении происходит резкое снижение доли застройки – до 9% от всей крупногабаритной застройки. Как и в случае со склонами умеренной крутизны, при угле отклонения более 25° происходит второй резкий спад сначала до 3%, а затем и вовсе до нуля.

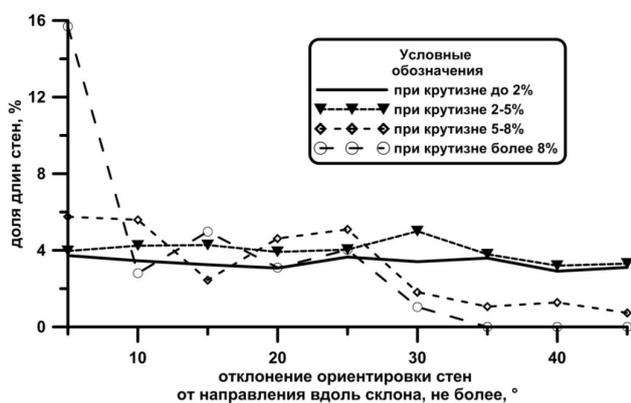

Рис. 4. Отклонение крупногабаритной застройки Тамбова на поверхностях разной крутизны от направления вдоль склона

Несколько более явные тренды ориентировки строений проявляет г. Белгород (рис. 5). В первых трех градациях крутизны застройка ориентирована аналогично – неявная тенденция к уменьшению доли строений при их дезориентации.

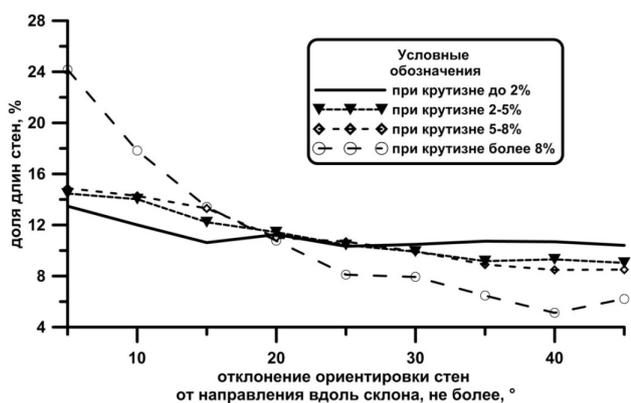

Рис. 5. Отклонение застройки г. Белгорода от направлений вдоль склона на поверхностях разной крутизны

Снижение происходит от значений 13–15 до 6–10%. В последней градации крутизны – при уклоне более 8% – резко выделяются здания, ориентированные вдоль склона. На их долю приходится почти 25% всей длины вертикальных граней в данной градации. При отклонении от направления вдоль склона доли уменьшаются в геометрической прогрессии – 17,8; 13,4; 10,8% и т.д.

Получив результаты расчетов для всех целевых городов, построена сводная таблица по ориенти-

ровке строений. В таблице представлены доли длины стен всех зданий на разной крутизне в зависимости от ориентировки стен относительно экспозиции поверхности, т.е. все стены, находящиеся на поверхностях каждой крутизны, составляют 100%.

Средняя доля для каждой из девяти категорий ориентировки, таким образом, составляет чуть более 11%. Нужно понимать, что суммарная длина стен зданий на субгоризонтальных поверхностях обычно максимальна, на крутых склонах – минимальна, но и в каждой градации крутизны все стены принимаются за 100%.

Доли длин стен показаны в зависимости от двух показателей. Первый – отклонение направления стен от ориентировки рельефа – по 9 группам и по 3 укрупненным группам (0–15°, 15–30°, 30–45°). Дробление на три группы добавлено, чтобы подчеркнуть иногда неочевидные тренды при взгляде на девять значений. Второй показатель – крутизна поверхности.

Поскольку застройка субгоризонтальных и пологих поверхностей во всех городах в целом обнаруживает одинаковый характер ориентировки – индифферентный рельефу, сконцентрируем внимание на застройке склонов крутизной не менее 8% (см. рис. 5).

Естественно наблюдать, в целом, сходное распределение вертикальных граней строений для всех пяти городов – снижение. При этом графики значительно отличаются в частных моментах.

Во-первых, неодинаков перепад между наиболее распространенным типом ориентировки и наименее распространенным типом.

Во-вторых, графики отличаются степенью монотонности. Поясним на примерах. Для застройки крутых склонов Тамбова характерно расположение более 33% застройки без отклонения от ориентировки рельефа. При этом с отклонением до 40° размещен всего 1% застройки. В Белгороде эти цифры 24 и 6% у стен без отклонения и с отклонением 35–45° соответственно. Противоположным примером служит Курск – максимум (16%) при ориентировке вдоль склона, минимум (10%) при отклонении от направления склона в секторе 15–40°. Разница составляет всего 6%. То же касается монотонности графиков: графики Тамбова, Липецка и Воронежа, например, очень неустойчивы. Графики Белгорода и Курска весьма монотонны.

Пожалуй, некоторая логика была бы в предположении, что чем более расчленен рельеф, тем больше здания должны быть ориентированы вдоль протяжения склонов. После проведенных расчетов получены результаты, указывающие на неоднозначность тенденций ориентировки зданий. Так, Тамбов, находящийся на наиболее выровненной территории, демонстрирует наибольшее согласие ориентировки застройки с ориентировкой земной поверхности. Курск же, территория которого весьма расчленена, показывает случаи некоторого игнорирования рельефа.

Долевое соотношение длин стен по поверхностям разной крутизны в зависимости от угла отклонения нормали стен от экспозиции рельефа, %

Город	Уклон	Угол отклонения нормали стен от экспозиции земной поверхности, °									
		0–5	5–10	10–15	15–20	20–25	25–30	30–35	35–40	40–45	
		0–15			15–30			30–45			
Курск	<2%	11,4	11,2	11,4	10,9	10,8	11	10,8	11,3	11,2	
		34,1			32,7			33,2			
	2–5%	13,4	12	11,4	11,5	11	10,6	10,1	10,1	10	
		36,7			33			30,3			
	5–8%	13,8	12,2	11,3	11	10,8	10,8	10,7	9,4	9,9	
		37,4			32,6			30			
	> 8%	15,7	11,9	11	10,1	9,6	9,7	10,3	10,1	11,7	
		38,6			29,3			32,1			
	Белгород	<2%	13,5	12,0	10,6	11,3	10,3	10,5	10,7	10,7	10,4
			36,1			32,1			31,8		
		2–5%	14,5	14	12,2	11,4	10,4	9,9	9,2	9,3	9
			40,7			31,8			27,5		
5–8%		14,9	14,3	13,3	11	10,7	9,9	8,9	8,5	8,5	
		42,5			31,6			25,9			
> 8%		24,2	17,8	13,4	10,8	8,1	7,9	6,5	5,1	6,2	
		55,4			26,8			11,8			
Воронеж		<2%	10,7	10,9	11,4	11,6	11,3	11	11	11,3	10,8
			33,1			33,9			33		
		2–5%	12,2	12,5	11,8	11,5	11,5	10,2	10,4	9,8	10,1
			36,5			33,2			30,3		
	5–8%	16,9	16,1	13,5	12,6	11,9	7,9	7,5	7,5	6,2	
		46,5			32,4			21,1			
	> 8%	14,7	16,4	16,6	12,2	10,6	6,6	7,5	9,3	6,1	
		47,7			29,4			22,9			
	Липецк	<2%	11,1	11	11,4	11,6	11	10,9	11,3	10,8	10,9
			33,5			33,5			33		
		2–5%	12,9	12,5	13,1	11,1	10,7	11,3	10,8	9,3	8,4
			38,5			33,1			28,4		
5–8%		18,4	16,9	15,5	9,6	9,8	7,6	7,7	7,5	7,1	
		50,7			27			22,3			
> 8%		20,9	17,5	16,6	10,9	7,2	8,8	7,2	5,4	5,5	
		55			27			18,1			
Тамбов		<2%	12,1	11,2	10,9	10,9	11,5	11,2	11,1	10,2	11
			34,1			33,6			32,3		
		2–5%	10,8	12,3	12	11,9	11,7	12,3	10,2	9,8	8,9
			35,2			35,9			28,9		
	5–8%	17,5	18,1	12,1	14,3	13,9	8,6	4,3	5,6	5,6	
		47,7			36,8			15,5			
	> 8%	33	11,7	13	17,5	8,3	4,6	2,4	1,4	8	
		57,7			30,5			11,8			

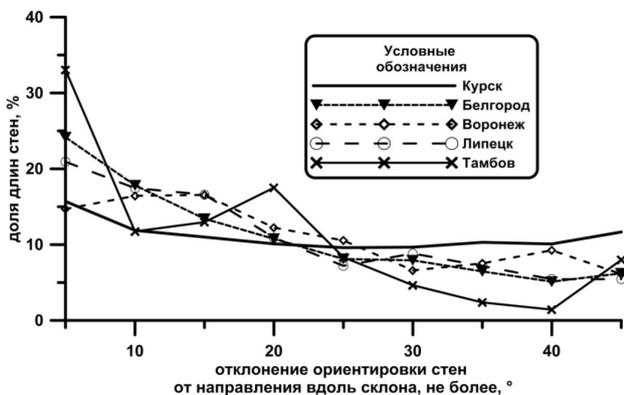

Рис. 6. Отклонение ориентировки застройки на крутых склонах (более 8%) пяти исследуемых городов от направления вдоль склона

Причин этому может быть две. Первая причина – погрешность статистического анализа. Тамбов –

наименьший город и по площади, и по количеству зданий. Естественно, что застройка Тамбова, располагаясь на меньшем количестве форм, отличающихся меньшим морфометрическим разнообразием, может демонстрировать и зубчатый график распределения, и одновременно не затушевывать большой выборкой редкие экстремальные значения. Большое количество строений на более различных в морфометрическом отношении формах будет рисоваться гораздо более плавным графиком. Допуская немалую роль этой первой причины, мы склоняемся к тому, что велика роль и другого фактора. Этот фактор – необходимость обеспечить в городе регулярную планировку, несмотря на любые неблагоприятные условия, выполняя требования государственной верхушки.

Описывая преобразование застройки Курска по Генеральному плану императрицы Екатерины Великой от 1782 г., Т.Г. Михайленко отмечает: «Реализация плана императрицы усложнялась из-за холмистой

местности, на которой предстояло проложить четко разграниченные прямые улицы и возвести прямоугольные кварталы. На склонах было невозможно провести регулярную планировку» [3. С. 49]. Тем не менее сегодня очевидно, что регулярная планировка, игнорирующая рельеф, была организована.

Выходит, ортография рельефа соотносится с ориентировкой зданий двояко. С одной стороны, подчиняя ориентировку зданий себе в масштабах целого города. С другой стороны, иногда вызывая необходимость игнорировать рельеф на уровне планировки отдельных улиц и кварталов. Суперпозиция этих разнонаправленных факторов и обеспечивает ту реальную степень соотношения застройки и рельефа, которую нам приходится наблюдать.

Если подсчитать коэффициент корреляции между степенью отклонения и долей длин стен, характеризующихся этим отклонением, во многих случаях проявит себя сильная обратная связь (показатели менее «-0,7»). Но проявит она себя начиная с разной крутизны в разных городах. Это говорит о том, что в разных топографических условиях рельеф предоставляет различный ресурс освоения – где-то можно позволить себе ориентировать застройку вдоль склонов почти на всей площади, не поступаясь гармоничностью планировки, т.е. находится некоторый компромисс. А где-то, чтобы исполнить архитектурный замысел, приходится дезориентировать застройку относительно рельефа уже на пологих склонах или, наоборот, – на крутых.

Для Курска коэффициент корреляции перешагивает значение сильной обратной связи «-0,7», достигая показателя «-0,94» уже на пологих склонах. Но на крутых склонах связь ослабевает, на что указывает коэффициент «-0,56». В Белгороде, так удачно вписанном в рельеф правого берега Северского Донца, коэффициент достигает планки «-0,96» на пологих склонах и уже не преодолевает порог выше «-0,9» (не приближается к нулю). Похожая, чуть менее яркая ситуация – в Воронеже и Липецке. В Тамбове же для субгоризонтальных поверхностей и склонов коэффициенты составляют соответственно «-0,6» и «-0,67», лишь на склонах умеренной крутизны переваливая через «-0,92».

Нельзя не сказать об экологической роли этого «организующего давления» рельефа. Такое давление на ориентировку застройки сказывается в том, что строения подчеркивают морфологию земной поверхности. Это ведет к более ярким проявлениям экологических функций рельефа в городском ландшафте – функций распределения вещества и энергии (адвекции воздуха, распределение стока, шума и др.). Например, представим случай, когда набегающий на склон ветровой поток экранируется этим склоном. После освоения его застройкой, вытянутой вдоль склона, «эффект экрана» резко усиливается. Этого не было бы в случае, если бы строения своими длинными осями располагались вдоль направления уклона, но такой вариант застройки на относительно крутых

склонах редко приемлем. Аналогичный пример можно привести и для распространения шума. Рассеивающий и поглощающий шуму склон создает на противоположном склоне благоприятную акустическую обстановку. Возведение застройки вдоль склона, естественно, резко усилит эффект шумозащиты. Другой пример – обеспечение необходимой продолжительности инсоляции помещений, регламентированной санитарными нормами. Нежелательно расположение многоквартирных зданий с запада на восток, потому как половина квартир оказывается обращена к северу и часть года солнце вообще не освещает оконные проемы. При размещении здания на пологой поверхности южной или северной экспозиции проектировщики могут позволить себе расположить здание совершенно вольно, вне зависимости от ориентировки рельефа. Однако если планируется размещение здания на крутых склонах южной или северной экспозиции, то возникает обоюдоострая проблема – как разместить здание, чтобы соблюсти и строительные, и санитарные нормы. Иногда это решается дорогостоящими земляными работами, чаще такие поверхности не застраиваются или застраиваются многоквартирными домами. В этом случае часть окон все равно освещается, и нормы, следовательно, выполняются.

В завершение работы можно сделать ряд выводов:

1. Разработана новая методика оценки степени ответственности между ориентировкой строений и рельефа (методика детально описана в настоящей работе).

2. Экспозиция земной поверхности начинает сказываться на ориентировке зданий при крутизне от 2–5 до 5–8% в разных случаях, что зависит от того, насколько морфологическое устройство территории города соответствует градостроительным замыслам.

3. На относительно пологих поверхностях застройка исследованных городов ориентируется свободно, в зависимости лишь от связи ее с застройкой всего остального города.

4. Нет однонаправленной связи между общей расчлененностью городской территории и зависимостью ориентировки застройки от ориентировки рельефа. Сопоставимую роль с фактором топографической организации на крутых склонах начинает играть фактор градостроительной необходимости, в случаях если рельеф не предоставляет архитекторам нужного ресурса. Возникает нужда обходить геоморфологические лимиты или планировать рельеф, что удорожает строительство.

5. Крупногабаритная застройка (под ней мы понимаем здания с длинной осью не менее 60 м) подчеркивает описанные закономерности, часто четко ориентируясь уже на пологих склонах. Подавляющая ее часть ориентирована с отклонением не более 25° во всех городах.

6. Зависимость ориентировки застройки от рельефа имеет выраженный экологический эффект в городе. Здания, ориентируясь сообразно рельефу, усиливают некоторые его функции, особенно в части распределения потоков вещества и физических полей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давидович В.Г. Планировка городов и районов (инженерно-экономические основы). М. : Стройиздат, 1964. 326 с.
2. Градостроительство на склонах / В.Р. Крогиус, Д. Эббот, К. Поллит и др. ; под ред. В.Р. Крогиус. М. : Стройиздат, 1988. 328 с.
3. Михайленко Т.Г. История планировки и застройки Курска (конец XVIII – начало XIX века) : дис. ... канд. ист. наук. Курск : КГТУ, 2010. 256 с.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 20 ноября 2014 г.

THE EFFECT OF TOPOGRAPHIC ORIENTATION IN CITY BUILDING AND ITS ENVIRONMENTAL IMPACT (A CASE STUDY OF CHERNOZEMYE CITIES)

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 215–220. DOI 10.17223/15617793/392/36

Kharchenko Sergey V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: xar4enkkoff@rambler.ru

Keywords: relief; city building orientation; aspect; cities of Chernozemye.

The article describes the current practice of building on the slopes. The steeper the slope, the harder it restricts the orientation of buildings. V.G. Davidovich classified four levels of slope steepness, depending on their effect on the planning. In the paper, we use a hypothesis that real planning examples will show the reverse dependence of construction disorientation and slope steepness. The paper researched the buildings of five main cities in the Chernozemye region: Kursk, Belgorod, Voronezh, Lipetsk and Tambov. A special procedure to verify this hypothesis was created. The data of the OpenStreetMap and SRTM were used for computations. We presumed that the result construction orientation is reflected by the aggregate orientations of all vertical edges. Nearly 80 thousand buildings in five cities on the total area of 1380 km² were analyzed. For each wall we computed its parameters: length, position of start-points and end-points, direction of the wall and also aspects and steepness of the slopes of the base surface. Then we calculated the delta-value of normal directions of walls and aspects. All walls were subdivided into nine groups by delta-values of directions and by values of steepness of the Earth surface. Samples were analyzed in WinExcel. Urban sites are indifferent to topography on flat and subflat surfaces. The buildings reflect the topographical order on slopes with mean steepness. The clarity of this reflection changes from city to city and depends on some reasons. Only the cumulative effect leads to observable results. The article gives major reasons to it. The first reason is the impossibility of erecting a long building on a steep slope. The second reason is the need to effectively correlate the location of new buildings in the streets and districts with the plan of the entire city. The third reason is the need to create a geometrically precise inside-plan of streets or district. Their combined effect leads to a fact that, for example, the flattened territory of Tambov severely limits the planning. To be more exact, a plan (if it corresponds to the relief) does not conflict with urban development ideas. The rugged terrain of Kursk is tolerant to construction. This city cannot have an effective plan, without neglecting the steep slopes bordering the historic center. The topography effect on city planning can influence the features of urban environment. Geomorphologically subordinate construction demarcates greater the flows of matters (runoff, winds) and physical fields (insolation, noise, etc.).

REFERENCES

1. Davidovich V.G. *Planirovka gorodov i rayonov (inzhenerno-ekonomicheskie osnovy)* [Planning of cities and regions (engineering and economic basis)]. Moscow: Stroyizdat Publ., 1964. 326 p.
2. Krogius V.R. (ed.) *Gradostroitel'stvo na sklonakh* [Building cities on slopes]. Moscow: Stroyizdat Publ., 1988. 328 p.
3. Михайленко Т.Г. *Istoriya planirovki i zastroyki Kurska (konets XVIII – nachalo XIX vekov)*: dis. kand. ist. nauk [The history of the planning and construction of Kursk (the end of the 18th – early 19th centuries). History Cand. Diss.]. Kursk: Kursk State Technical University Publ., 2010. 256 p.

Received: 20 November 2014

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБСЕМЕТОВ Марат Оралбаевич – генеральный директор Национального архива Республики Казахстан (г. Астана, Казахстан). E-mail: keden-kz@mail.ru

АНТОШИНА Елена Васильевна – канд. филол. наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Томского экономико-юридического института. E-mail: arancia@mail.ru

БЛИНОВ Владимир Николаевич – д-р биол. наук, профессор кафедры управления образованием Томского государственного университета. E-mail: blinovvn@bk.ru

БОЧАРОВ Алексей Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: bav346@gambler.ru

БРЕДИХИН Сергей Сергеевич – аспирант кафедры философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств. E-mail: sergei189@mail.ru

ВАСИЛЕНКО Анастасия Геннадьевна – аспирант кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: devyatkina.anastasiya@yandex.ru

ВЕДЕНЕЕВА Екатерина Владимировна – канд. психол. наук, и.о. зав. кафедрой психологии Челябинского государственного университета. E-mail: kotia2882@mail.ru

ГАСЬКОВА Марина Ивановна – канд. социол. наук, науч. сотр. отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: mia78988@gmail.com; mgaskova@yahoo.com

ГРИГОРЬЕВА Анна Александровна – аспирант кафедры всемирной истории Иркутского государственного педагогического университета. E-mail: fox-admin81@mail.ru

ДЕРЕВЯНКО Константин Иванович – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России (г. Новокузнецк). E-mail: derevyanko077@rambler.ru

ЗИНЧЕНКО Анна Владимировна – магистрант кафедры инженерного предпринимательства Томского политехнического университета. E-mail: ann26.90@mail.ru

ИВАСЕНКО Анатолий Григорьевич – д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории и антикризисного управления Сибирского государственного университета путей сообщения (г. Новосибирск). E-mail: ya_shka@ngs.ru

КАБАЧКОВА Анастасия Владимировна – канд. биол. наук, доцент кафедры спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета. E-mail: avkachkova@gmail.com

КАЗАКОВ Владимир Владимирович – д-р экон. наук, профессор кафедры финансового права Томского государственного университета. E-mail: prorektorsv@mail.ru

КОЛОТКОВ Михаил Борисович – канд. юрид. наук, преподаватель военной части № 44014 (г. Санкт-Петербург). E-mail: mkolotkov@yandex.ru

КОПЦЕВА Наталья Петровна – д-р филос. наук, зав. кафедрой культурологии Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: decanka@mail.ru

КОТЛЯР Надежда Васильевна – канд. ист. наук, доцент кафедры мировой экономики и международных отношений Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. E-mail: galactotes@gmail.com

КУДРЯШЕВ Вячеслав Николаевич – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: kvn18011962@yandex.ru

ЛАРИОНОВА Анастасия Вячеславовна – соискатель кафедры организационной психологии Томского государственного университета. E-mail: pavlova13@mail.ru

ЛЕОНТЬЕВА Елена Геннадьевна – канд. филос. наук, доцент кафедры инженерного предпринимательства Томского политехнического университета. E-mail: leoeg@mail.ru

МАЛЬЦЕВА Елена Сергеевна – преподаватель кафедры инструментального исполнительства Пермского государственного педагогического университета; соискатель кафедры теории и истории музыки Пермской государственной академии искусства и культуры. E-mail: maltsewa.elena2011@yandex.ru

МАХАЕВ Маир Русланович – аспирант кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета. E-mail: super-mahaev@yandex.ru

МЕЩЕРЯКОВА Эмма Ивановна – д-р психол. наук, профессор кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета. E-mail: mei22@mail.ru

МИХАЛЕВА Ксения Александровна – аспирант кафедры музейных технологий и охраны наследия Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств (г. Улан-Удэ). E-mail: ksenia.mihaleva@mail.ru

МОРДОВИНА Дарья Александровна – аспирант кафедры философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств. E-mail: 89320182552@yandex.ru

НЕВЕЛЕВА Вера Сергеевна – д-р филос. наук, зав. кафедрой философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств. E-mail: vsneveleva@mail.ru

НЕКРАСОВА Елена Дмитриевна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: NekrasovaED@yandex.ru

НИКОНОВА Яна Игоревна – канд. экон. наук, доцент кафедры мировой экономики и туризма Сибирского государственного университета путей сообщения (г. Новосибирск). E-mail: ya_shka@ngs.ru

ОБДАЛОВА Ольга Андреевна – канд. пед. наук, доцент кафедры английского языка естественнонаучных и физико-математических факультетов Томского государственного университета. E-mail: o.obdalova@mail.ru

ПЕТРОВА Валерия Николаевна – канд. психол. наук, доцент кафедры организационной психологии Томского государственного университета. E-mail: valerpsy@yahoo.com

ПОДОБИНА Вера Михайловна – д-р геол.-минерал. наук, зав. кафедрой палеонтологии и исторической геологии Томского государственного университета. E-mail: podobina@ggf.tsu.ru

ПОМЕЛОВ Владимир Александрович – аспирант кафедры философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств. E-mail: chelwolf@mail.ru

ПОНАМАРЕВА Надежда Валерьевна – аспирант кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: nadezda_ponamareva@mail.ru

ПЬЯНЗИНА Ирина Викторовна – ст. преподаватель кафедры иностранных языков Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: piv_irina2004@mail.ru

РАДОМСКАЯ Валентина Ивановна – канд. хим. наук, вед. науч. сотр. лаборатории биогеохимии Института геологии и природопользования Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Благовещенск). E-mail: radomskaya@ascnet.ru

РАДОМСКИЙ Сергей Михайлович – канд. геол.-минерал. наук, вед. науч. сотр. лаборатории рудогенеза Института геологии и природопользования Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Благовещенск). E-mail: rsm@ascnet.ru

РАЛО Анна Алексеевна – ассистент-стажер кафедры духовых и ударных инструментов Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова. E-mail: aaorega@mail.ru

РЫБУШКИНА Светлана Владимировна – ведущий эксперт отдела планирования и организации международного сотрудничества, преподаватель кафедры иностранных языков Томского политехнического университета. E-mail: ryboushkinasv@tpu.ru

САЛМИН Антон Кириллович – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. отдела этнографии восточных славян и народов европейской части России Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. E-mail: antsalmin@mail.ru

СОБОЛЕВА Александра Владимировна – ст. преподаватель кафедры иностранных языков Томского политехнического университета. E-mail: sobolevasandra@tpu.ru

СОСУНОВСКИЙ Вадим Сергеевич – студент факультета физической культуры Томского государственного университета. E-mail: vadim_sergeevich@sibmail.com

СТАХОВСКАЯ Юлия Михайловна – ст. преподаватель кафедры социальных коммуникаций Томского государственного университета. E-mail: juliastahovsky@sibmail.com

ТИТОВА Наталья Сергеевна – аспирант кафедры современного русского языка Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: class.room@mail.ru

ФОМЧЕНКО Виктория Витальевна – студентка факультета физической культуры Томского государственного университета. E-mail: fomchenko_viktoriya@sibmail.com

ФРОЛОВА Юлия Сергеевна – аспирант кафедры спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета. E-mail: julia.s.frolova@gmail.com

ХАРЧЕНКО Сергей Владимирович – аспирант кафедры геоморфологии и палеогеографии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: xar4enkkoff@rambler.ru

ЦИРИНГ Диана Александровна – д-р психол. наук, зав. кафедрой психологии Челябинского государственного университета. E-mail: L-di@yandex.ru

ЧЕСТЮНИНА Юлия Владимировна – канд. психол. наук, доцент кафедры психологии Челябинского государственного университета. E-mail: chestyunina@list.ru

ШАСТИНА Татьяна Петровна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Горно-Алтайского государственного университета. E-mail: tshliteratura@mail.ru

ЯРКЕЕВ Алексей Владимирович – канд. филос. наук, ст. науч. сотр. Удмуртского филиала Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук (г. Ижевск). E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

2015 № 392 Март

Главный редактор (председатель научно-редакционного совета)
Э.В. Галажинский
Ответственный редактор выпуска
Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ.
ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА. НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Печатная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).
Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу
[http:// www.journals.tsu.ru/vestnik](http://www.journals.tsu.ru/vestnik)

Адрес редакционного совета

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»
Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 20 марта 2015 г.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 27,2. Тираж 250 экз. Заказ № 935.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, Н.А. Афанасьева
Корректор – А.Н. Воробьева
Оригинал-макет К.В. Полькиной
Дизайн обложки – Л.Д. Кривцова
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2015 г. было выпущено 389 номеров. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/ vestnik>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет, редакция журнала «Вестник ТГУ».

Телефон 8(382-2)–52-96-67

Факс 8(382-2)–52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from the authors or authors' institution.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Editorial Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050

Tel: 8(382-2)–52-96-67

Fax: 8(382-2)–52-98-46

Executive Editor: Dmitry Katunin

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru